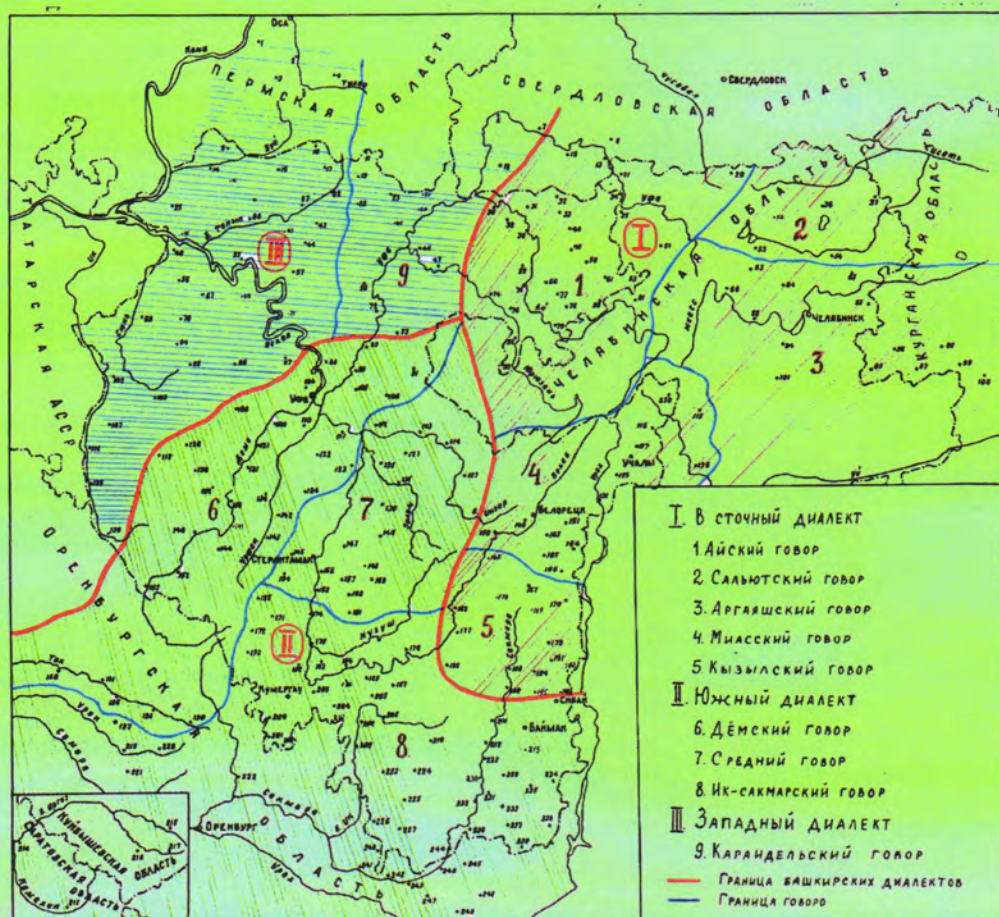


РӘСӘЙ ХАЛЫКТАРЫ ТЕЛДӘРЕ ДИАЛЕКТОЛОГИЯҢЫНЫҢ КӨНҮЗӘК МӘСЬӘЛӘЛӘРЕ

XVII БӨТӘ РӘСӘЙ
КОНФЕРЕНЦИЯҢЫ МАТЕРИАЛДАРЫ



АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ

МАТЕРИАЛЫ XVII ВСЕРОССИЙСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

**РӘСӘЙ ХАЛЫКТАРЫ ТЕЛДӘРЕ
ДИАЛЕКТОЛОГИЯҢЫНЫҢ КӨНҮЗӘК МӘСЬӘЛӘЛӘРЕ**



**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ЯЗЫКОВ
НАРОДОВ РОССИИ**

ФӘННИ ОЙОШМАЛАРЗЫҢ ФЕДЕРАЛЬ АГЕНТЛЫҒЫ
РФА ТЕЛ ҒИЛЕМЕ ИНСТИТУТЫ
РФА ӨФӨ ҒИЛМИ ҮЗӘГЕ
РФА ӨҒҮ ТАРИХ, ТЕЛ ҺӘМ ӘЗӘБИӘТ ИНСТИТУТЫ
БАШКОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҢЫ ФӘНДӘР АКАДЕМИЯҢЫ
БАШКОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҢЫ МӘҒАРИФ МИНИСТРЛЫҒЫ
БӨТӘ ДОНҖА БАШКОРТТАРЫ КОРОЛТАЙЫ

РӘСӘЙ ХАЛЫКТАРЫ ТЕЛДӘРЕ
ДИАЛЕКТОЛОГИЯҢЫНЫҢ КӨНҮЗӘК МӘСЬӘЛӘЛӘРЕ
XVII Бөтә Рәсәй фәнни конференция материалдары
(Өфө, 1–2 июнь, 2017 йыл)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
УФИМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ УНЦ РАН
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ВСЕМИРНЫЙ КУРУЛТАЙ БАШКИР

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ
ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ**

Материалы XVII Всероссийской научной конференции

(Уфа, 1 – 2 июня, 2017 г.)

УДК 8:389:7(063)
ББК 81:83 82:85

Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XVII Всероссийской научной конференции (Уфа, 1–2 июня 2017 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. – 332 с.

ISBN 978-5-91608-154-1

В настоящем сборнике публикуются тексты докладов и выступлений участников XVII Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». В них нашли отражение актуальные проблемы тюркской, славянской, финно-угорской диалектологии, современные тенденции в изучении новых диалектных материалов, а также вопросы сохранения диалектов в условиях глобализации и техногенного развития человеческой цивилизации. В сборник также включены обзорные статьи, посвященные юбилейным датам известных башкирских диалектологов Н. Х. Максютовой (1932–2004), Т. Х. Кусимовой (1927–1999), У. Ф. Надергулова (1937–1999).

Сборник предназначен для языковедов, этнографов, фольклористов, преподавателей лингвистических дисциплин, студентов-филологов и всех интересующихся вопросами диалектологии и языкознания в целом.

Ответственный редактор:

член-корреспондент АН РБ, доктор филологических наук, профессор
Ф. Г. Хисамитдинова

Редакционная коллегия:

Л. А. Бускунбаева, М. Р. Валиева, Р. Н. Каримова, Р. Т. Муратова,
Ш. В. Нафиков, З. А. Сиразитдинов, Р. А. Сулейманова, Г. Н. Ягафарова.

Рецензенты:

Л. Х. Самситова, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа),
Л. М. Хусаинова, кандидат филологических наук, доцент (Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Стерлитамак)

Составитель:

М. Р. Валиева

ISBN 978-5-91608-154-1

© ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник включает тексты докладов и выступлений участников XVII Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России», состоявшейся в г. Уфе 1–2 июня 2017 года.

В работе конференции приняли участие языковеды-диалектологи академических учреждений, филологи и преподаватели вузов, общеобразовательных школ из многих городов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Абакана, Арзамаса, Белгорода, Волгограда, Глазова, Екатеринбурга, Ижевска, Казани, Карачаевска, Кудымкара, Кызыла, Майкопа, Махачкалы, Новосибирска, Оренбурга, Перми, Петропавловска-Камчатского, Салехарда, Саранска, Саратова, Сыктывкара, Тобольска, Тулы, Тюмени, Элисты, Якутска и др., а также из стран зарубежья: Казахстана, Кореи, Туркменистана, Турции, Узбекистана, Эстонии. Опубликованные доклады направлены на решение различных задач в исследовании диалектов и говоров тюркских, финно-угорских, славянских языков и посвящены лексике, фонетике, этимологии, языковым контактам проживающих в Российской Федерации народов. Авторы докладов и выступлений представили экспедиционные и полевые материалы по живой народной речи, имеющие научную ценность для дальнейших лингвистических исследований. Кроме этого, в сборник включены обзорные статьи, посвященные юбилейным датам известных башкирских диалектологов Н. Х. Максютковой (1932–2004), Т. Х. Кусимовой (1927–1999), У. Ф. Надергулова (1937–1999).

ЧТО ТАКОЕ ДИАЛЕКТ?

В данной статье обсуждается проблема разграничения языка и диалекта. Традиционно считалось, что диалектные различия – различия в том, как говорят разные группы внутри единого этноса, а на различных языках говорят разные этносы. В настоящее время для разграничения языка и диалекта используются разные внешние и внутренние критерии, однако их вес бывает неодинаковым. Чаще всего границы языков проводятся по-разному в зависимости от того, кто это делает: сами носители языка или исследователи языков, принадлежащие к иной культуре. В последнем случае используются, прежде всего, лингвистические критерии: степень несходства между языковыми образованиями, уровень взаимопонимания. Но если границы проводят сами носители языков и/или диалектов, то лингвистические критерии становятся не главными. Важнее другое: считают ли данные носители носителей другого языкового образования «своими» или «чужими»; существенно также наличие или отсутствие единой языковой нормы. Поэтому диалектами могут считаться далекие друг от друга с лингвистической точки зрения языковые образования: китайские или арабские диалекты, а к разным языкам могут причислять языковые образования с минимальными различиями: некогда единый сербохорватский язык распался на сербский, хорватский, боснийский и черногорский.

Ключевые слова: язык, диалект, носитель, этнос.

WHAT IS A DIALECT? This article discusses the problem of distinguishing language and dialect. Traditionally it was believed that dialectal differences are differences in how different groups within a single ethnic group speak, but they also concern languages spoken by different ethnic groups. At the present time for distinguishing between a language and a dialect there are different external and internal criteria but their weight is different. Often the boundaries of languages are different depending on who makes them: native speakers or researchers of languages belonging to a different culture. In the latter case, the matter is settled primarily by linguistic criteria: the degree of dissimilarity between linguistic entities, the level of understanding. But if the distinction is drawn by native speakers of languages and/or dialects, the linguistic criteria are not important. More important is the issue: if these carriers consider other carriers of other language formation "friends" or "strangers"; presence or absence of a single linguistic norm is also significant. Therefore, dialects can be considered distant from each other from a linguistic point of view: Chinese or Arabic dialects, and as one different languages may classify language formation with minimal differences: once a single Serbo-Croatian language disintegrated into Serbian, Croatian, Bosnian and Montenegrin.

Keywords: language, dialect, media, ethnicity.

В статье мы рассматриваем лишь территориальные диалекты, поскольку именно они в отличие от социальных диалектов с трудом отграничиваются от языков.

Понятие диалекта появилось в рамках европейской лингвистической традиции еще в античности. Само слово – греческое по происхождению. Ещё в Древней Греции обращали внимание на то, что в разных частях греческого языкового ареала говорят несколько по-разному, и называли эти различия диалектными. На такие различия обращали внимание и в других культурах и традициях. Например, в Японии уже в древнейшем поэтическом памятнике «Манъёсю» (VIII в.) приводятся стихи, сочиненные в Восточной Японии, вдали от тогдашней столицы, и их языковые особенности осознаются.

В Древней Греции ещё отсутствовала идея множественности человеческих языков: предполагалось, что «настоящий» язык один (греческий), а «бормотание варваров» не есть человеческий язык. Во многом так считали и в Древнем Риме, но место греческого языка занял латинский. Это в обоих случаях не препятствовало практическому использованию тех или иных языков, но ставило преграду перед их изучением. Единственными различиями, которые уже тогда фиксировались, были диалектные различия. В Японии признавалось существование в мире трёх языков: японского, китайского и санскрита, но национальная лингвистическая традиция (сложилась в XVII-XIX вв.) старалась изучать лишь свой язык, где также фиксировались территориальные варианты.

То есть считалось, что диалектные различия – различия внутри «нашего» этноса. Когда же признали, что языков много, возникло представление о том, что различия языков – это различия между «нашим» и «чужим» языком (или разными «чужими»). На бытовом

уровне такое понимание дожило до нашего времени, но в науке стали считать иначе: диалектные различия менее значительны, чем языковые. Появились также дополнительные понятия: наречия, или диалектные группы, в промежутке между языком и диалектом и понятие говора как минимальной единицы. Говоры образуют диалект, диалекты образуют наречие, наречия образуют язык.

Однако строгих критериев для разграничения языка и диалекта не существует. Специально этому вопросу посвящена статья Ю. Б. Корякова [Коряков, в печати]. Ее автор справедливо выделяет внутренние и внешние критерии их разграничения. Мы можем отметить, что их действие сильно зависит от того, кто производит такое разграничение. При этом разграничение оказывается как бы перевернутым: если разграничение производится «изнутри», самими носителями соответствующего языка (как правило, не лингвистами), то преимущественно используются внешние критерии, если оно производится внешними наблюдателями, то могут появиться внутренние критерии.

Внешние критерии при некоторых их различиях и при некотором разбросе сводятся к тому же, что и раньше: на диалектах одного языка говорят те, кто могут назвать друг друга «мы», на других языках – «они».

К числу основных внешних критериев Ю.Б. Коряков относит наличие или отсутствие единой литературной нормы, этническую ориентацию, мнение носителей, политические факторы. В меньшей степени, по его мнению, значимы число носителей, величина территории и престиж, тогда как степень структурной близости и наличие или отсутствие взаимопонимания сюда не относится.

Безусловно, для представлений носителей языка очень важно наличие общей нормы. Именно в этом случае они могут считать структурно далекие языковые образования диалектами, а не языками. Два наиболее часто приводимых примера – китайский и арабский языки. Так называемые арабские диалекты имеют разную степень взаимопонятности вплоть до полного непонимания, но существует единый для всех арабский литературный язык. Не все арабы им владеют, но все знают о существовании языка, на котором создан Коран, а свой бытовой язык рассматривается как его «низкая» форма. Так же в России до XIX в. рассматривался церковнославянский язык: его считали «высоким» вариантом русского языка. В Китае в аналогичной ситуации не было сакральности, но если в предыдущих случаях каждая из разновидностей могла быть, по крайней мере, устной, то в Китае различия были связаны с каналом общения. До недавнего времени носители многих диалектов не могли разговаривать друг с другом, но если они умели писать, то могли, например, рисовать прутиком на песке иероглифы, которые всегда были едины для всего государства. Сейчас ситуация в КНР стала меняться в связи с всеобщим внедрением через школу и СМИ нового литературного языка (путунхуа), имеющего устную и письменную норму.

Безусловно, важна политическая ориентация, как и культурная. Среди множества арабских диалектов выделяется единственный, имеющий признанный статус языка: мальтийский. Он структурно не выделяется среди признанных диалектов (исключая большое число лексических заимствований из итальянского языка), но жители Мальты – христиане, и этническая ориентация иная, как и культура. Поэтому язык Корана не может там восприниматься как норма.

В то же время только наличие единой нормы еще не означает отнесения языковых образований к одному языку. Никто не считает баскские диалекты относящимися к испанскому языку или мордовские диалекты (или языки?) диалектами русского языка, хотя во многом единой нормой для испанцев и басков является испанская, а для русских и мордвы – русская. Но мешают и большое несходство самих языков (в обоих случаях даже неродственных), и разное этническое самосознание.

Бывают и спорные случаи. В кавказоведении принято выделять отдельный мегрельский язык: он родствен грузинскому, но отличается от него примерно так же, как английский от немецкого. Но в Грузии он признан диалектом грузинского языка: официально утвержденной мегрельской нормы не существует, а пишут мегрелы по-грузински.

Если наличие или отсутствие нормы – объективный фактор, то мнение носителей языка субъективно и исторически изменчиво. Украинский язык еще в XIX в. не считался отдельным языком (правда, говорили не об украинском диалекте, а об украинском, или малороссийском наречии, то есть группе диалектов русского языка). Теперь его рассмотрение в качестве языка общепринято. По другим причинам от русского языка отделился церковнославянский язык: после снижения роли церковной культуры он уже не рассматривается как «высокий» вариант русского языка; к тому же достаточно известно, что он болгарский по происхождению.

Очень яркий пример изменения политической ориентации представляют собой республики бывшей Югославии (правда, там принятое сейчас членение на языки не совпадает с традиционным диалектным членением). Недавно единый сербохорватский язык теперь распался на четыре: сербский, хорватский, боснийский и черногорский; различия связаны отчасти с новыми государственными границами, отчасти с религиозными факторами: боснийский – не язык жителей Боснии вообще, а только язык живущих там мусульман. Различия, в том числе с точки зрения нормы, могут и сейчас оставаться незначительными, но после недавней гражданской войны значительно возросло отношение к представителям другой стороны конфликта как к «чужим». Если там (по крайней мере, внутри этнокультурной общины) более или менее единое мнение имеется (исключая Черногорию), то совсем неясна ситуация с разграничением румынского и молдавского языков. В Румынии единодушно выделяют единый румынский язык, в Приднестровье – два языка, то в собственно Молдове (Молдавии) точка зрения определяется той или иной партийной принадлежностью.

Конечно, точки зрения вроде «он стрелял в меня, значит, он не может говорить на моем языке» или «это два языка, поскольку так считает партия, за которую я голосую», далеки от науки. Но ничего с этим лингвисту поделать нельзя, можно лишь пытаться менять мнение носителей на основе той или иной не связанной с лингвистикой пропаганды. Поэтому членение на языки и выделение диалектов по чисто структурным причинам для народов с развитыми этническими представлениями невозможно.

Иначе обстоит дело с зонами, где распространены лишь бесписьменные языки, используемые в бытовой сфере, а этническое самосознание неразвито (если там есть грамотные люди, то они читают и пишут не на одном из этих языков, а обычно на официальном языке данного государства). В таком случае границу языка и диалекта проводит лингвист или этнолог, который, за редкими исключениями, не является носителем соответствующего языка/диалекта и вырос в иной культуре. В таком случае не представляется возможным опираться на внешние критерии, которые чаще всего просто неприменимы. Тогда смотрят на внутренние критерии, самым распространенным из которых и наиболее связанным с внешними критериями является взаимопонятность. Но это не дискретный признак, имеется континуум ситуаций даже между носителями тех же самых языковых образований. Граница где-то должна быть проведена, но она может проводиться субъективно. Другой вариант – измерение структурных различий между языками. Однако какие могут быть здесь выработаны критерии?

В таких случаях чаще всего берут известный список М. Сводеша из ста слов или какую-либо из его уже многочисленных модификаций и просчитывают процент совпадений в двух языковых образованиях. По этому пути идет и Ю. Б. Коряков в своей статье. Однако, во-первых, при отсутствии явных порогов неясно, где провести грань между двумя языками и двумя диалектами одного языка. Во-вторых, список Сводеша и его модификации служат для определения степени родства между языками и/или диалектами, туда входит лексика, устойчивая к изменениям в языке, а насколько соответствующая лексика актуальна для носителей того или иного современного языка? Скажем, среди очень немногих названий живых существ в списке Сводеша фигурирует *вошь*, но всегда ли сейчас для носителей каждого из языков мира особо актуально именно это название?

В результате подсчетов Ю. Б. Корякова получилось, например, что шведский, датский и (в каждом из двух литературных вариантов) норвежский представляют собой диалекты одного языка, тогда как имеющие более заметные отличия от них исландский и фарерский – отдельные языки. С чисто лингвистической точки зрения это, вероятно, так, но кто примет эту точку зрения даже в нынешней интегрированной Европе? Ю. Б. Коряков специально не пишет о русских диалектах, но очень похоже, что отличий между поморскими или вологодско-вятскими диалектами и литературным русским языком может оказаться больше, чем между литературными русским и белорусским. Но внешние признаки однозначно признают эти диалекты русскими, тогда как белорусский язык воспринимается как отдельный.

И могут быть спорные случаи, как в отношении грузинского и мегрельского. Еще пример – андийские и цезские языки в Дагестане, которые лингвисты единодушно считают отдельными, но сами их носители считают себя аварцами, стало быть, и их языки – диалекты аварского (аварский язык вместе с русским сейчас их заметно вытесняет). На основании этого примера покойный С. А. Старостин считал, что надо по возможности избегать использования внешних критериев.

Но что делать, если уже на лингвистически недостаточно обоснованных или вовсе необоснованных критериях основаны языковая политика, школьное обучение, норма в СМИ и официальных документах? Приходится считаться с этим.

Литература

Коряков Ю. Б. Проблема «Язык и диалект» и попытка лексикостатистического подхода. *В печати.*

УДК 81.26

А. Ш. Абдуллина, М. М. Баграмова, г. Бирск

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ

В ПОВЕСТИ «ЖИВИ И ПОМНИ» В. РАСПУТИНА

Статья посвящена изучению фонетических диалектизмов в повести В. Распутина «Живи и помни». Анализ языкового своеобразия произведения позволяет утверждать, что диалектизмы в повести имеют ограниченное употребление, используются в литературном тексте для передачи колорита местной речи как социально-характерологическая деталь речи персонажа. Исследование языковой картины мира писателя способствует более точной передаче авторского замысла, проникновению во внутренний мир героев.

Ключевые слова: фонетика, диалектизм, языковая картина мира, В. Распутин, филологический анализ.

PHONETIC DIALECT WORDS IN V. RASPUTIN'S NOVEL LIVE AND REMEMBER. *This article is devoted to researching phonetic dialecticisms in the novel of V. Rasputin Live and remember. The analys of language singularity in this work permits to say that dialecticisms have limited usage in this literary composition for colouring local speech as social and personal part of character' language. The study of linguistic world of the writer contributes to a more accurate transmission of the author's intention, facilitating penetration into the inner world of the characters.*

Keywords: *phonetic, dialecticism, linguistic world of writer, V. Rasputin, philological analysis.*

Исследование языковой картины мира входит в число приоритетных задач современного языкознания. Художественный текст является отражением индивидуально-авторской картины мира, которая представляет собой сложный феномен, совмещающий национальные и индивидуальные черты. Каждый писатель по-своему воспринимает мир и выделяет наиболее важные с его точки зрения объекты, используя для их номинации определённые лексические единицы, которые можно рассматривать в качестве ключевых слов.

Язык произведений В. Распутина отражает народное видение мира: «Язык — кровь литературы, — утверждает писатель, — самая большая беда литературы — безъязыкость, худосочность, стертость. Патриотизм писателя, прежде всего во владении родным словом, в способности стать волшебником, когда берешься за перо» [Распутин 1997, 11].

Глубинный русский язык позволяет Распутину говорить со своим читателем об общечеловеческой морали, о вечных ценностях, нравственности, создавать образы героев – носителей этической проблематики. Язык в прозе писателя выступает как одна из форм жизни, в которой проявляется осмысляющее мир сознание.

Картина мира в художественном произведении рождается языковыми средствами. Она отражает индивидуальную картину мира в сознании писателя и воплощается в отборе элементов содержания художественного произведения, языковых средств, а также в индивидуальном использовании образных средств.

Язык художественной литературы всегда был предметом внимания лингвистов. В последние годы наблюдается значительное обострение интереса ученых к тексту, особенно к художественному, так как для всех стало очевидным, что невозможно познать язык без анализа его реального проявления в той или иной области человеческой деятельности, без изучения его функциональной стороны.

Традиции использования крестьянской лексики при изображении их жизни существуют в русской литературе с XVIII века. В русле этих традиций можно рассматривать и творчество В. Распутина. Он употребляет крестьянскую лексику при описании жизни сельчан. И в этом отношении восточно-сибирская русская деревня нашла в его лице своего самого лучшего выразителя. Народную речь он знал с детства, любил и понимал ее значение для литературы.

Писатель включает в произведения о жизни крестьян не только разговорную и просторечную лексику, но и диалектизмы, характерные для говоров Сибири, воссоздавая тем самым живую народную речь с присущей ей естественностью, образностью, экспрессией. Крестьянская лексика выполняет определенную стилистическую функцию, в зависимости от которой используются разные ее типы. Наиболее часто в повести «Живи и помни» встречаются собственно крестьянские лексические диалектизмы. Они называют явления природы, предметы быта, действия и т.п. Валентин Григорьевич Распутин в книге «Сибирь, Сибирь...» говорит: «Для нас, для тех, кто в Сибири родился и живет, это родина, дороже и ближе которой ничего в свете нет, нуждающаяся, как и всякая родина, в любви и защите – нуждающаяся, быть может, в защите больше, чем любая другая сторона, потому что тут пока есть, что защищать. И то, что пугает в Сибири других, для нас не только привычно, но и необходимо: нам легче дышится, если зимой мороз, а не капель; мы ощущаем покой, а не страх в нетронутой, дикой тайге; немереные просторы и могучие реки сформировали нашу вольную, норовистую душу» [Распутин 1991, 1]. Колоритная сибирская речь, полная диалектизмов и просторечных выражений, метафор, сравнений, передается В. Распутиным эквивалентными формами, которые никогда не нарушают стилистической тональности текста повести «Живи и помни».

Задумываясь над предназначением диалектизмов в русском языке, можно предположить, что, несмотря на различия с общелитературными словами, они наравне с ними пополняют запасы русского литературного языка. В. В. Виноградов [Виноградов 1967, 134] на основании произведений Н. В. Гоголя выделяет следующий ряд функций диалектизмов: характерологическая (отражательная) – она способствует окрашиванию речи персонажей; номинативная (назывная) – проявляется при использовании этнографизмов и лексических диалектизмов.

Самую полную классификацию функций разработала профессор Л. Г. Самотик [Самотик 2012]. Людмила Григорьевна выделила 7 функций, за которые отвечают диалектизмы в художественном произведении: моделирующая; номинативная; эмотивная; кульминативная; эстетическая; фатическая; характерологическая.

В. Распутин сам рассуждает о речевой характеристике своих героев. Так, о матери Андрея Гуськова из повести «Живи и помни» он говорит: «Мать была из низовских, из-под Братска, где цокают и шипят: «крыночка с молочком на полочке», «лешу у наш много, жимой мороз». На Ангаре всего несколько деревень с таким выговором и с красивым, как на подбор, рослым и работающим народом, особенно женщинами – откуда тут взялась эта порода,

никто не знает. Выше и ниже этих деревень говорят нормально, а тут почему-то иначе не могут, словно у них как-то по-своему, по-особому подцеплен язык» [Распутин 1989, 121].

Диалектные слова вводятся автором для характеристики речи персонажа. Они указывают на сибирское «происхождение» героев, частично – на их незнание норм грамотной литературной речи. Чаще всего в речи героев повести «Живи и помни» встречаются фонетические и морфологические диалектизмы. Фонетические диалектизмы: ударный вокализм: *н'онче*; предударный вокализм: *ослобон'илась*. Можно выделить некоторые другие особенности фонетических диалектизмов, в слове *враг* наблюдается полногласие *ворог*, о чем свидетельствует сочетание *оро*. Также одной из особенностей является постановка ударения несоответствующая литературной норме. В слове *нарастила* предполагается ударение над гласным «и», а в данном говоре ударение падает на гласный звук «о», который в тексте значком ударения выделил сам автор (*наростила*). Другой особенностью являются случаи пропуска гласных в некоторых словах, например, «мово» вместо «мѣѣзѣво»: «А ну прыгай, Лизавета, скорей на *мово* жеребца. Живо, кому говорят! Максим пришел» [Распутин 1989, 226]. В повести встречаются такие модификации фонем, как произношение [м] долгого на месте сочетания [бм]: «А я тужу: к кому идти кланяться? У всякого своя работа. Но раз поедем, давай поедем поране. Не доспи маленько. Придешь, не *омманешь*?» [Распутин 1989, 328].

Переднеязычные зубные согласные не произносятся, например, в слове *надежда* не произносится «д»: «Там встретимся, поговорим. Может, там войны нет. А здесь хоть у слабого, хоть у сильного одна *надежа* – сам ты, больше никто» [Распутин 1989, 217].

Встречаются лексико-фонетические диалектизмы с теми или иными отличиями в огласовке сравнительно с соответствующими однокоренными словами литературного языка: «Вроде как сама не в себе. Может, показалось... Но я ни в жисть не подумал бы, что ты без спросу ружье на какие-то часы станешь менять. В тебе раньше этого не было. Че-то с тобой, дева, дется – окромя ружья видать. Как вроде че-то ты все время боишься... торопишься все время... Может, ты уйти от нас собираешься?» [Распутин 1989, 296].

Фонетические диалектизмы передают такие особенности северной речи, как, например, неразличие звуков [ч], [щ], [шс] и [ш]: «Шуцка! – выкрикнула потом она, и Настена не сразу поняла, что это "сучка". Раньше свекровь никогда не ругалась. – Шуцка! Ой-е-е-ей! – заголосила она, хватаясь за голову. – Штыд, штыд, како-ой! Гошподи! Прешвятая богородица! Покарай ты ее, покарай на меддте. Побежала! Не дождалашь! И живет, притихла, шуцка такая! Андрюшка придет, а она, кобыла, уж готовая... Штыд-то твой где был? Где он у тебя был, куды ты его дела? Да штоб у тебя там цервяки завелишь! Штоб тебе вовек не оп-роштатыша! От бы хорошо было, от бы хорошо! – Семеновна и сама испугалась своих проклятий и, остановившись, поперхнувшись, с последней надеждой спросила: – Ты, может, врешь? Может, нету нице?» [Распутин 1989, 348].

Каждое произведение Распутина дает богатый материал для наблюдений за соотношением общерусского языка и местных говоров, за тем, как эти говоры, благодаря таланту писателя, прибавили новых красок литературному языку – такой можно сделать вывод после изучения повести «Живи и помни». Диалектизмы в произведении В. Распутина имеют ограниченное употребление, используются в литературном тексте для передачи колорита местной речи, как социально-характерологическая деталь речи персонажа.

Литература

1. Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. – М.: Наука, 1967. – 134 с.
2. Распутин В. Г. Живи и помни. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1989. – 464 с.
3. Распутин В. Г. Сибирь, Сибирь. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 215 с.
4. Распутин В. Г. Мой манифест (Наступает пора для русского писателя вновь стать эхом народным) // Наш современник. – 1997. – № 3. – С. 11-15.
5. Самотик Л. Г. Лексика современного русского языка: Учебное пособие. – М.: Флинта, 2012. – 510 с.

КЫЛЫМДАР ӨЛКӘНДӘГЕ

КАЙҢЫ БЕР ДИАЛЕКТИЗМДАРЗЫҢ ТАРИХИ ҮСЕШЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ДИАЛЕКТИЗМОВ. *Диалекты башкирского языка достаточно хорошо изучены, но при этом этимология диалектизмов долгое время оставалась без внимания. В этой статье раскрывается этимология глагольных диалектизмов башкирского языка в изъявительном наклонении: алаң – киләң ‘берешь – идешь’, бармар – килмәр ‘не пойдет – не придет’, алғам ‘я уже взял’, килгәм ‘я уже пришел’ и т. д.*

Ключевые слова: башкирский язык, диалектизм, тюркские языки, изъявительное наклонение, диалекты и говоры башкирского языка.

HISTORICAL DEVELOPMENT OF SOME DIALECTAL VERBS. *The dialects of the Bashkir language have been studied quite satisfactorily, but nobody has addressed their etymologies yet. The article reveals the etymology of some dialectal forms of the indicative mood verbs such as алаң – киләң ‘you take – you go’, бармар – килмәр ‘he/she will not go – he/she will not come’, алғам ‘I have taken already’, килгәм ‘I have come already’, etc.*

Keywords: Bashkir language, dialects of the Bashkir language, Turkic languages, dialectal forms in the indicative mood of the Verb, dialects and sub-dialects of the Bashkir language.

Был мәкәләлә хәбәр һөйкәләшендәгә кылымдар өлкәһендәгә кайһы бер диалектизмдарға тукталып китмәксебез.

Н. Х. Мәксүтова салиюғот һөйләшәндә хәзергә заман хәбәр кылымдың тулы һәм кыска формалары барлығын күрһәтә: *кунаһың – кунан, тораһың – тораң, бараһың – бараң* [Максютова, 1976, 54, 193]. Был формаларзың әй һөйләшәндә лә булыуын билдәләп үтә: *ала-ң ‘ты берешь’ – әзәби телдә ала-һың; ала-ғыз ‘вы берете’ – әзәби телдә ала-һығыз; көтә-ң ‘ты ждешь’ – әзәби телдә көтә-һең.*

Миржанова С. Ф. тулы, кыска форманың урта һөйләштә (*тора-ң – тора-ғыз*) [Миржанова 1979, 135], Шәкүров Р. З. асыузы һөйләшәндә (*йылыта-ң, сығара-ң, китә-ң, ала-ң, нимә һатаң? урманға бараңмы?*), егән һөйләшәндә (*ала-ң, ала-ғыз*) [Шәкүров 2011, 67, 129] барлығын асыклағандар.

Кылымдың был формаһы әзәби әсәрҙәрҙә лә йыш осрай. Мәсәлән: «Етәрегеҙ, малайзар, Әмир, һин юкка кызып *бараң...*» (Р. Ғарипов). «Нишләп *ултыраң, әйзә, моғайын, һин дә ашамағанһындыр әле иртәнгелекте*» (Н. Мусин). «Кем *булаң?*» – Карсык эстән укынды ла битен һыйпаны (Асылғужа).

Көнсығыш диалекттың һөйләштәрәндә, мәсәлән, Салауат районында, кылымдарзың ошо кыска формаһында метатеза күренеше лә бар: *бара-мы-ң, килә-ме-ң* [Кейекбаев 1958, 114] (*бараңмы – киләңме* урынына), әммә *барамыһың – киләмеһең* формаһы осрамай, сөнки был һөйләштәрҙә *бараһың – киләһең* формаһы һирәгерәк кулланыла.

Тимәк, хәзергә заман хәбәр кылымдың билдәле (*барамын, бараһың, барабыз, бараһығыз*) һәм билдәһез (*барам, бараң, барағыз*) төрҙәре бар. Хәзергә замандың кыска формаһы (*киләң, бараң*) бөтә диалекттарҙа ла, бигерәк тә халыктың йәнле һөйләш телендә, бар һәм ул булырға тейеш, сөнки, Ж. Ғ. Кейекбаевтың теорияһы буйынса, һөйләмдә (текста) билдәле эш тураһында һүз барһа, кылымдың тулы йәки билдәле төрө кулланыла һәм, киреһенсә, билдәһез эш-хәл тураһында һүз барһа, кылымдың кыска йәки билдәһез төрө кулланыла. Әйтәйек, һорау һөйләмдәрҙә бер ваҡытта ла тулы форма кулланылмай, бер кем дә «*базарға бараһығызмы?*» тип әйтмәй, «*базарға барағызмы?*» тип әйтә, сөнки, Ж. Ғ. Кейекбаев әйткәнсә, һорау формаһын да грамматик яктан билдәһез форма тип карарға кәрәк [Кейекбаев 1972, 88-89]. Һөйләмдә хәбәрәң икеләнеүҙә белдергән киҫәксәләр әйәргәндә лә ул билдәһез формала була: *Бөгөн кайтағыззыр, базарға бараңдыр*, сөнки киҫәксә эштең билдәһезлеген көсәйтә. Үкенәскә каршы, кылымдарзың кыска формаһы әзәби телгә норма итеп алынмаған, дәрәсләктәрҙә ул сағылыш тапмай, шуғалыр за онотолар баралыр. Әйткәндәй, бындай кылымдарзың 1-се заты – тулы формаһын танийбыҙ бит, йәғни *алам* һәм *аламын* формаларының булыуын кире

какмайбыз: «Хәзерге заман формаһының 1-се заты эзәби телдә *барамын, язамын, киләмен* рәүешендә лә кулланылып китә. Был күренеш бигерәк тә шигри эсәрзәрзә йыш осрай», – тип раслай М. В. Зәйнуллин [Зәйнуллин 2002, 134]. Тимәк, *алам – аламын* формаларын танығас, *алаң – алаһың* формаларын да танырға кәрәк, дәрәсләктәргә индәреү был форманы (*алаң – киләң*) телдә һакларға ярзам итер ине.

Көнсығыш диалекттың әй, салйогот һәм мейәс һөйләштәрендә хәбәр һөйкәләшенең билдәһез киләсәк заманы, эзәби телдән айырмалы рәүештә, үзенсәлекле юл менән яһала: *алырым, алырың* [Максютова 1976, 55, 194, 233]. Эзәби телдә *алырмын, алырһың* варианттары нығынған. Юклык формаһы һөйләштәрзә *алмашым, алмашың*, эзәби телдә *алмам, алмашһың* рәүешендә килә [Зәйнуллин 2002, 140].

Алырым (эзәби телдә *алырмын*) диалектизмы ябайырак калып менән яһалған: *алыр* нигезенә 1-се зат күрһәткесә -м кушылған, ә эзәби телдә һуңғы йылдарзә барлыкка килгән катмарлы комплекс -мын өстәлгән, әммә улар икеһе лә 1-се затты белдерә.

Алырым формаһы кайһы бер төрки телдәрзә эзәби норма итеп алынған: Н. А. Баскаковтың раслауынса, «алтай телендә *чыкканмын* (башкортса *сыкканмын*) тигән форма юк... Эзәби телдә *чыкканым* тигән форма зат формаһы ла, эйәлек формаһы ла булып хезмәт итә. Уларзың мәғәнәһе тик басым менән генә айырыла, йәғни *чыкканым* ‘я вышел’, *чыкканым* ‘мой выход’» [Баскаков 1966, 269]. Себер татарзәры телендә лә, Г. Ф. Тумашеваның күрһәтеүенсә, *парганмын, укыганмын* формалары урынына *мин парганым, укыганым* формалары кулланыла. Тимәк, көнсығыш диалекттың һөйләштәрендә кулланылған билдәһез киләсәк замандың кыска формалары (*барырым, укырым*) осраклы түгел, улар телдә законлы рәүештә башка төрки телдәрзәгә кеүек үк барлыкка килгән.

С. Ф. Миржанова ғәйнә һөйләшендә үзенсәлекле бер диалектизмды күрһәтә. Уның раслауынса, хәбәр һөйкәләшенең хәзерге заманы 3-сә затта йыш кына -т ялғауы менән тамамлана: *Бер әдәм кычкырат* ‘Один человек кричит’. *Беләкне кура* ‘Запастье печет, болит’ [Миржанова 2006, 248] (эзәби телдә һ. б. һөйләштәрзә *кысқыра, кура*). Был форма хәзерге кыргыз (*Жамгыры бир жааса, тереги әки жавайт* [Юнусалиев 1966, 501] ‘Ямгыры бер яуһа, ағастары ике яуа’), караим теленең диалекттарында (Мьним уланым *сорат* мьнден [Мусаев 1968, 97] ‘Минең улым минән һорай’ бар. Себер татарзәры телендә *ала // алат* формалары параллель кулланыла [Тумашева 1961, 66]. Тимәк, ғәйнә һөйләшендәгә *кысқырат* формаһы осраклы түгел. Беззәң дәрәсләктәрзә хәбәр һөйкәләшенең хәзерге заманы -а/-ә һәм -й аффикстары менән яһала тигән караш урынлашкан: *ала – килә* һәм *укый – йөрөй*. Әммә уны ысын мәғәнәһендәгә хәзерге заман формаһы тип әйтеп булмай, сөнки ул хәзерге заманды ғына түгел, үткән һәм киләсәк замандарзә эшләнгән эш-хәлдәрзә лә, һәр вакыт булып торған эш-хәлдәрзә лә белдерә ала. Миһалдар: *Башланғыс белемде М. Өмөтбаев үз ауылында ала*. 1852 йылда атаһы уны Ырымбурзәгы Неплюев кадет корпусына укырға *бирә*. Унда Мөһәмәтсәлим үзен бары якшы яктан *күрһәтә* (Ғ. Кунафин). Мөһәмәзи ағайың да эшләп йөрөй, яңы йылдан һуң ғына пенсияға *озатабыз*. Теләһәң, беззәң менән йөрө, бер скважина ғына карап *киләбез* зә *китәбез* (Р. Солтанғәрәев).

Тәүгә өс һөйләмдә хәзерге заман кылымдары (*ала, бирә, күрһәтә*) үткән заманды, һуңғы ике һөйләмдәгә кылымдар (*озатабыз, китәбез*) киләсәктә башкарыласак эш-хәлдә белдерә. *Эт өрә, бүрә йөрөй. Кем эшләй, шул ашай*. Был һөйләмдәрзәгә кылымдар (*өрә, йөрөй, эшләй, ашай*) билдәлә заманға карамаған, һәр вакыт булып торған эш-хәлдәрзә аңлата. Шулай итеп, хәзерге заман тип һаналған кылымдарзың мәғәнәһе бик киң булып сыға. Шуның өсөн был форманы хәзерге замандың билдәһез төрө тип атарға кәрәк. Уның үтә киң, билдәһез мәғәнәһе белдерәүе аффикстарына бәйләнгән: *ал-а – кил-ә, тор-а – көл-ә*. Күренеүенсә, был форма билдәһезлектә белдергән киң һузынқылар (*а, ә*) ярзамында яһала, сөнки телгә хәзерге замандың билдәһез төрө кәрәк, билдәлә төрө аналитик юл менән яһала: *укып ултыра, укып йөрөй, укып тора*. Ғәйнә һөйләшендәгә *кысқырат* (*кычкырат*) формаһына тағы бер боронго билдәһезлек-күплек аффиксы өстәлгән, сөнки

уның билдәһезлек мәғәнәһен көсәйтеү кәрәк булған: *кысқыра* формаһының, йәғни *-а* аффиксының мәғәнәһе юйыла, юғала башлаған. Уның элекке мәғәнәһен һаклау өсөн тағы бер билдәһезлек-күплек күрһәткесе килеп өстәлгән. Бында без плеоназм күренешенән йогонтоһон күзәтәбез. С. Ф. Миржанова ғәйнә һөйләшәндә билдәһез киләсәк заман хәбәр кылымдарзың юклык формаһының әзәби телдән һәм башка һөйләштәрҙән айырылған төрөн тапкан: әзәби телдә һәм башка һөйләштәрҙә *алмас* йәки *алмас* формалары булһа, ғәйнә һөйләшәндә *алмар* – *килмәр* формаһы кулланыла: *Ғүмергә бармарым аңка!* ‘В жизни не пойду за него!’ *Мин килмәрем аңка!* ‘Я не приду к нему’ [Миржанова 2006, 248-249]. Ғалимдарзың раслауынса, был форма уғыз телдәрәндә бар, мәсәлән, әзербайжан телендә: *алмарым* ‘я не беру’, *алмарығ* ‘мы не берем’, әммә 2-се һәм 3-сө зат формаларында *-р* күрһәткесе урынына *-з* күрһәткесе кулланыла: *алмазсан* – *алмазсаныз*, *алмаз* – *алмазлар* [Гаджиева 1966, 75]. Төрөкмән телендә 1-се һәм 2-се заттың берлегендә лә, күплегендә лә был кылымдарза *-р* күрһәткесе, 3-сө заттың берлегендә лә, күплегендә лә *-з* күрһәткесе кулланыла: *алмарым* ‘я не возьму’, *алмарсын* ‘ты не возмешь’, *алмарыс* ‘мы не возьмем’, но *алмаз* – *алмазлар* [Азимов 1966, 101]. Ғағауз телендә *-р* һәм *-з* күрһәткестәре менән килгән был кылым формаларының икеһе лә параллель кулланыла: *алмарсын* – *алмазсын*, *алмар* – *алмаз* [Покровская 1966, 123].

Өйтелгәндәрҙән сығып, ғәйнә һөйләшәндәге диалектизм (*алмар* – *килмәр*) тарихи күзлектән оһраклы күренеш түгел, сөнки боронғо төрки телдә *-з* һәм *-р* күрһәткестәре икеһе лә күплек-билдәһезлек мәғәнәләренә эйә булған, шуның өсөн улар киләсәк заман хәбәр кылымдың билдәһез төрөн барлыкка килтерәләр зә инде (*Ул, моғайын, алыр, ул, бәлки, кайтыр*). Тик кыпһак төрки телдәрҙә *-з* күрһәткесе, ә уғыз төрки телдәрҙә *-р* күрһәткесе файҙаланылған. Ғәйнә һөйләше кыпһак теле вәкиле булһа ла, *-р* күрһәткесән кулланған һәм куллана. Башкорт һәм татар телдәрәндәге *-с* (*алмас*) һәм *-с* (*алмас*), әлбиттә, боронғо *-з* күрһәткесәнән фонетик сиратлашыу һөзөмтәһендә барлыкка килгән: ғағауз телендә *алмаз*, татар телендә – *алмас*, башкорт телендә – *алмас*.

Н. Х. Мәксүтова эй һөйләшәндә үткән заман хәбәр кылымдың билдәһез (шаһитһыз) төрө үзенсәлекле кыска юл менән яһала, тип күрһәтә. Бына уның миһалдары: *аға-м* ‘я уже взял’ – әзәби телдә *алған-мын*, *аға-ң* ‘ты уже взял’ – әзәби телдә *алған-һың*, *аға-быз* ‘мы уже взяли’ – әзәби телдә *алған-быз*, *аға-ғыз*, *аға-һыз* ‘вы уже взяли’ – әзәби телдә *алған-һығыз* [Максютова 1976, 55]. Был һөйләштә *барғам*, *кигәм*, *йөрөгәм*, *ашағам* – *барған*, *килгән*, *йөрөгән*, *ашаған*; *барғабыз*, *кигәбез*, *ашағабыз*... һ. б. формалары нығынған һәм бөгөн дә кулланыла (әзәби телдә *барғанмын*, *килгәнмен*, *йөрөгәнмен*, *ашағанмын*, *йөрөгәнбез*, *барғанбаз*, *килгәнбез* һ. б.). Был диалектизмдың да законлы тарихи нигеҙе бар: *ал-а* – *кил-ә* формалары зат аффикстарын кабул иткәс (*ал-а-м* – *кил-ә-м*), *ал-ға* – *кил-гә* формалары ла зат аффикстарын кабул итә алырға тейеш: *ал-ға-м* – *кил-гә-м*, сөнки *-а/ -ә* һәм *-ға/ -гә* аффикстары синоним аффикстар булып һанала, уларзың икеһе лә төбәү килеш формаһын яһауза катнаша: *балам+а* – *бүлмәм+ә* – *бала-ға* – *бүлмә-гә*. Әзербайжан телендә шаһитһыз үткән заман формаһын яһауза *-а/ -ә* аффиксы катнашһа (*ал-а-н* – *гәл-ә-н*), кыпһак телдәрҙә *-ға/ -гә* аффиксы катнаша: *ал-ға-н* – *кил-гә-н*. Тимәк, *ал-а-м* һәм *ал-ға-м* формалары бер үк калып һәм бер үк аффикстар ярҙамында яһалған. Уларзың мәғәнәләре лә бер төрлө булырға тейеш, әммә хәҙерге телдәрҙә уларзың мәғәнәһе айырылған, тәүгеһе хәҙерге заманды, икенсәһе билдәһез үткән заманды белдерәүгә кулайлашқан. Ә боронғо заманда уларзың мәғәнәһе бик дөйөм булып, бер-берәһенән айырылмаған. Был турала төрки телдәрҙең тарихи үсешән өйрәнгән ғалимдар за әйтеп үткән. «Кайһы бер төрки телдәрҙең тарихи үсеш бәһкысында теләк кылым менән киләсәк заман кылымдың, хәҙерге һәм киләсәк заман кылымдарзың ... араһында кәтғи айырма булмаған. Уларзың мәғәнәләре буталыу кайһы сакта белдергән формаларының тоторокло булмауына һәм буталыуына килтергән» [Севортян 1961, 22]. «Иһке үзбәк телендә *-а* аффикслы кылымдың синтаксик функциялары бик киң булған» [Благова 1958, 94]. Әммә тора-бара киң мәғәнәле формаларзың мәғәнәләре тарая, асыклана барған. Хәҙерге әзәби телдә конкрет грамматик

мәгәнәне үзәндә нығыткан кылым формалары боронго заманда күп мәгәнәле булган, тип раслай М. Ш. Рагимов [Рагимов 1966, 8].

Шулай итеп, *алам* формаһы хәзерге заман, ә *алгам* формаһы билдәһез үткән заман мәгәнәһен үзәрендә нығыткан. Вакыт үтеү менән *алгам* формаһы төрки телдәрҙә һәм уларҙың диалекттарында кулланыуҙан төшөп калған, һуңғарак замандарҙа барлыкка килгән анығыраҡ мәгәнәле аффикстар (*алган-мын, алган-һың ...* һ. б.) уларҙы алмаштырған, сөнки бар телдәрҙә лә киң (билдәһез) мәгәнәле формаларҙың мәгәнәһен аныклау (конкретлау) ынтылышы (тенденцияһы) йәшәй.

Әҙәбиәт

1. Азимов П. А. и др. Туркменский язык // Языки народов СССР. Тюркские языки / Отв. ред. Н. А. Баскаков. – М.: Наука, 1966. Т. II. – 532 с.
2. Баскаков Н. А. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы // Языки народов СССР. Тюркские языки / Отв. ред. Н. А. Баскаков. – М.: Наука, 1966. – Т. II. – 532 с.
3. Благова Г. Ф. Соотносительные глагольные формы в узбекском литературном языке // Вопросы языкознания. – 1958. – № 4. – С. 86-95.
4. Гаджиева Н. З. Азербайджанский язык // Языки народов СССР. Тюркские языки / Отв. ред. Н. А. Баскаков. – М.: Наука, 1966. Т. II. – 532 с.
5. Зәйнуллин М. В. Хәзерге башкорт әҙби теле. Морфология. – Өфө: БДУ, 2002. – 368 б.
6. Киекбаев Дж. Г. Введение в урало-алтайское языкознание. – Уфа: Башкнигоиздат, 1972. – 151 с.
7. Киекбаев Дж. Г. Фонетика башкирского языка. – Уфа, 1958. – 209 с.
8. Максютובה Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. – М.: Наука, 1976. – 292 с.
9. Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. – Уфа: Китап, 2006. – 296 с.
10. Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. – М.: Наука, 1979. – 272 с.
11. Мусаев К. М. Отношение караимских диалектов к другим тюркским языкам // Вопросы диалектологии тюркских языков / Отв. ред. Юнусалиев Б. М. – Фрунзе, 1968. – 185 с.
12. Покровская Л. А. Гагаузский язык // Языки народов СССР. Тюркские языки / Отв. ред. Н. А. Баскаков. – М.: Наука, 1966. Т. II. – 532 с.
13. Рагимов М. Ш. История форм наклонений глагола в азербайджанском языке: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Баку, 1966. – 48 с.
14. Севортян Э. В. Современное состояние и некоторые вопросы исторического изучения тюркских языков в СССР // Вопросы методов изучения истории тюркских языков. – Ашхабад, 1961. – С. 19-27.
15. Тумашева Д. Г. Көнбатыш себер татарлары теле. Грамматик очерк һәм сузлек. – Казан, 1961. – 240 б.
16. Шакуров Р. З. Башкирская диалектология: Учебное издание. – Уфа: Китап, 2012. – 239 с.
17. Юнусалиев Б. М. Киргизский язык // Языки народов СССР. Тюркские языки / Отв. ред. Н. А. Баскаков. – М.: Наука, 1966. Т. II. – 532 с.

УДК 811.512.1

М. В. Бавуу-Сюрюн, г. Кызыл

ИДИОМ УЙГУР-УРЯНХАЙЦЕВ МОНГОЛИИ

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ
№ 34.3876.2017/ПЧ

На Восточных Саянах и его отрогах проживают островками небольшие тюркоязычные родоплеменные группы, их языки исследованы неравномерно. Среди них особого внимания заслуживает малоисследованный исчезающий туха язык.

Ключевые слова: *исчезающие языки, туха язык, сохранение и документирование идиомы, родоплеменные языки, классификация идиомов.*

THE IDIOM OF MONGOLIA'S UJGHUR-URANXAJ. *In the Eastern Sayan mountains and their spurs there are islands of small Turkic-speaking tribal groups, whose languages have not been thoroughly studied. Among these languages the Duha language deserves especial attention.*

Keywords: *endangered languages, Dukhan language, preservation and documentation of idioms, tribal languages, classification of idioms.*

По данным дореволюционных путешественников [Потанин 1883, Грумм-Гржимайло 1914], современных исторических источников [История Тувы т. II], этнографических [Санжеев 1930; Вайнштейн 1972; Маннай-оол 1995; 2004, 130] и лингвистических исследований [Рассадин 1971, 2013; Болд 1978; Рагагнин 2011; Бавуу-Сюрюн 2011], на Восточных Саянах и его отрогах проживают различные тюркоязычные группы: *урянхай*, *тофалары (тофа)*, *сойоты*, *дархаты*, *уйгуры-цаатаны*, *уйгуры-урянхайцы*, *духа*, *туха*, *тувинцы*.

Давно известны науке дархаты, среди которых выделяют тюркоязычных и монголоязычных [Санжеев 1930, 12-13; Маннай-оол 1995]. Во время экспедиций 2013 и 2014 годов в сумонах Хатгал и Улаан-Уул среди *дархатов* встречали отдельных информантов, которые утверждали, что их родители говорили на другом языке, а сами вспоминали и называли отдельные тюркские слова. О тюркских корнях отдельных представителей дархатов свидетельствовали также их родоплеменная принадлежность, это были представители родов чооду (*чоод*) и куулар (*хуулар*). Таким образом, можно смело утверждать, что еще в XX веке часть дархатов была тюркоязычной, и полная языковая ассимиляция нынешних монголоязычных дархатов произошла окончательно к 60-70 годам прошлого века. А обширная территория Прихубсугуля к концу XIX и началу XX века была тюркоязычной. В настоящее время языковая ситуация на данном регионе изменилась.

В целях более точного понимания объектов и территорий исследования Восточные Саяны мы делим на 2 части: Северо-Восточные и Юго-Восточные Саяны. В настоящее время на Северо-Восточных Саянах с российской стороны на юго-западе Иркутской области проживают *тофалары (тофа)*, *сойоты* живут на территории западной Бурятии, примыкающей к Монголии [Рассадин 2012, 4].

На отрогах Юго-Восточных Саян как с монгольской, так и российской стороны западнее озера Хубсугул на территории сумона Цагаан-Нур живут *тувинцы-оленьеводы*. Надо сказать, что язык тувинцев, живущих на монгольской стороне в лингвистической литературе имеет разные названия: В. И. Рассадина называет его *уйгур-цаатанским*, считая его отдельным языком [Рассадин 2012, 5]. В работах Э. Рагагнин он назван языком *духа*, статус определяется как таёжный диалект тувинского языка [Рагагнин 2010, 141]. Мы же считаем его цагаан-нурским диалектом тувинского языка [Бавуу-Сюрюн 2011].

На восточной стороне озера Хубсугул живут *урянхайцы* (по Л. Болду и Рассадину – *уйгуры-урянхайцы*), среди которых знают и владеют своим родным *туха* языком не более 20 человек (у Э. Рагагнин по результатам экспедиции 2009 года – около 50 человек [Рагагнин 2011, 141]. Надо особо отметить, что этнически эта группа себя относит к урянхайцам, а свой язык называет *туха*.

Все указанные языки исследованы в разной степени. Благодаря усилиям В. И. Рассадина больше всего исследован тофаларский язык [Рассадин 1971; 1978], вошла в оборот лексика природного окружения группы саянских тюркских языков [2013], вышла в свет монография «Язык сойотов Бурятии» [2012]. Монгольский ученый Л. Болд исследовал особенности уйгуро-урянхайского языка [Болд 1978]. Увидела свет монография Э. Рагагнин о языке *духа* северной Монголии [2011]. О саянских тюркских наречиях *туха*, *духа* в сопоставлении с материалами тофаларского языка была написана статья Э. Рагагнин [Рагагнин 2010, 141]. И. В. Кормушин, определяя тобаскую группу языков, к ним относит 5 групп идиом, в том числе: «1) язык *тыъва*, или тывинский, или тувинский (в прошлом – урянхайский), с его диалектами, включая сюда заметно отличающийся от основного диалектного массива *тоджинский* (Республика Тыва,

Россия); 2) язык *тофа*, или тофский (тофаларский, в прошлом – карагасский), с его говорами; тофы живут на северных склонах восточных Саян (Иркутская обл., Россия); 3) язык *туха*, или *уйгуро-уряньхайский*, или язык *цатанов* (наименование тувинцев монголами), живущих в северо-западной Монголии – сомон Цагаан-нур Хубсугульского аймака (на границе с юго-восточной частью Тувы; цатаны – олениводы, выходцы из тувинской Тоджи)...» [Кормушин 2002, 600]. Как видно, в третьей группе выделяется одна территория с одним языком, хотя это 2 разные изолированные территории, достаточно отдаленные друг от друга, с разными идиомами.

Таким образом, видно, что тюркские языки Восточных Саян исследованы неравномерно, имеются противоречия, неточности в их назывании и классификации. Особого внимания заслуживает малоисследованный исчезающий язык урянхайцев Прихубсугулья. Вслед за носителями данного идиома мы в своей работе его называем *туха*. Он не был предметом системного исследования, а на фоне его быстрого угасания необходимо незамедлительно организовать работу по документированию и сохранению образцов данного идиома для лингвистической науки.

Язык *туха* распространен на территории сумона Цагаан-Уур (на монгольском Цагаан-Үүр), отчасти сумона Чаньдман-Ондер Хубсугульского аймака Монголии, на юго-восточной части озера Хубсугул. Основным местом проживания носителей туха языка являются первый и второй баги сумона Цагаан-Уур. Информанты считают, что они говорят на языке *туха*, а по родоплеменной принадлежности являются *уряньхай*. Монголы их называют *уйгур-урианхай* или *уряньхай*. Соответственно, в научную литературу впервые этноним уйгур-уряньхай в качестве названия языка этой тюркоязычной родоплеменной группы ввёл монгольский ученый Л. Болд [Болд 1978], в дальнейшем этот термин использовал В. И. Рассадин. Как видно, в работах монголистов обязательно присутствуют этнонимы *уйгур* и *уряньхай*. До нас этот регион посетила немецкий ученый Э. Рагагнин [2010].

В настоящее время свой язык *туха* на пороговом уровне знают менее 20 человек в возрасте свыше 60 лет из 1500 представителей рода урянхай. Более молодые информанты от 40 до 60 лет знают язык либо пассивно, либо вовсе не владеют. В хозяйственном укладе урянхайцы отличаются тем, что выращивают в основном яков и коров, хотя в языке сохранилась некоторая часть олениводческой терминологии, развита лексика охоты и рыболовства, что говорит о том, что в недавнем они также были олениводами, занимались и по сей день занимаются охотой и рыболовством.

Основные тюркоязычные родоплеменные группы, зафиксированные в монгольской части юго-восточных Саян в сумонах Улаан-Уул, Цагаан-Нур, Ринчен-Лхумбе – *соян*, *балыкшы*, *чооду*, *урат*, *хөйүк*, *иргит*, *хуулар*. Эти же родоплеменные группы проживают в приграничных с Монголией районах Тувы: *балыкшы*, *урат*, *хөйүк* – в Тоджинском и *балыкшы*, *урат*, *иргит* – Тере-Хольском, *чооду* – в Эрзинском, *соян* – в Тес-Хемском районах. Родоплеменные группы *ак соян*, *кызыл соян* живут также в сумонах Буянт Кобдоского, Цэнгэл Баян-Улэгэйского аймаков Монголии, у тувинцев Китая. У *уйгур-уряньхайцев* сумона Цагаан-Уур нами зафиксировано 5 родоплеменных групп: *ямаатай*, *данчила*, *куртугаиш*, *чоохундай*, *диртиле*. Как видно из данного списка этнонимов, ни один не встречается у тувинцев Тувы и Цагаан-Нура, что позволяет утверждать о далеком родстве языка цатанов и туха.

В плане предварительных заметок хочется отметить, что в области фонетики система гласных составляют 8 кратких: *а, ы, о, у, э, и, ө, ү*; 8 долгих гласных: *аа, ыы, оо, уу, ээ, ии, өө, үү*. Хотя фарингализованные гласные как фонемы отсутствуют, фарингализация гласных как дополнительная артикуляция фиксируется почти во всех основах с фарингализованными гласными, которые есть в тувинском литературном языке. В этом отношении он отличается от тофаларского и сойотского языка, но сближается с языком тувинцев Цагаан-Нура.

Гласные в слове гармонируют по твердости *а, ы, о, у* и мягкости *э, и, ө, ү*; но огубленные гласные *о, ө* имеют ограничение в употреблении: они не фиксируются в

аффиксальных морфемах. В этом отношении язык туха не отличается от тувинского и тофаларского языков. Имеются отклонения от гармонии гласных в аффиксе общетюркского причастия на *-ар*, он не имеет твердых вариантов, фиксируется только с мягким узким гласным *и* *-ир*. Например, *балыкти-ир* 'рыбачить', *айти-ир* 'указать'. Эта черта фиксируется и в сойотском языке.

В области морфологии именных частей речи почти полностью совпадают все грамматические категории именных частей речи, имеющие некоторые особенности в фонетическом оформлении. Падежи оформляются как в тувинском языке, кроме направительного, который имеет сходство с сойотским языком и языком тувинцев Цагаан-Нура, и тоджинским диалектом тувинского языка. Направительный падеж имеет следующие варианты аффиксов *-кыды*, *-куду*.

Сложные числительные образуются прибавлением к основным числительным названия десятка *ихи он* 'два десять', *пэши он* 'пять десять'. Этим он отличается от всех других тюркских языков Восточных Саян.

Таким образом, даже очень краткое упоминание особенностей туха языка урянхайцев Восточных Саян и его современное состояние заслуживает особого внимания со стороны тюркологов.

Литература

1. Бавуу-Сюрюн М. В. Пути формирования зарубежных диалектов тувинского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XI Межрегиональной конференции. – Уфа, 2011. – С. 33-36.
2. Болд Л. Особенность уйгуро-урянхайского языка: Автореф. ... канд. филол. наук. – Улан-Батор, 1978. – 18 с.
3. Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев (проблемы кочевого хозяйства). – М., 1972.
4. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. I–III. – Л., 1914-1926.
5. История Тувы. Т. I. – Новосибирск: Наука, 2001. – С. 306-309.
6. Кормушин И. В. Тобаская группа // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. – М.: Наука, 2002. – С. 600-660.
7. Маңнай-оол М. Х. Тувинцы Монголии: традиции и современность // УЗ ТНИИЯЛИ. – № 18. – Кызыл, 1995. – С. 56-61.
8. Потанин Г. Н. Очерки Северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879-1880 гг. по поручению Императорского Величества Географического общества. – СПб., 1883.
9. Рагагнин Е. О некоторых особенностях саяно-тюркских наречий северной Монголии // Тувинская письменность и вопросы исследования письменностей и письменных памятников России и Центральноазиатского региона: Материалы международной конференции. – Кызыл, 2010. – С. 140-145.
10. Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. – Улан-Удэ: Бурятское книжн. изд-во, 1971. – 251 с.
11. Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М.: Наука, 1978. – 286 с.
12. Рассадин В. И. Комплекс охотничье-рыболовецкой лексики в саянских тюркских языках таежного ареала // Тюркологические исследования: избранное. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. – С. 102-124.
13. Рассадин В. И. Язык сойотов Бурятии. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2012. – 156 с.
14. Санжеев Г. Д. Дархаты. Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 году. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – 65 с.
15. Elisabetta Ragagnin. Dukhan, a Turkic variety of Northern Mongolia. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2011.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ ГОВОРОВ ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматриваются лексико-семантические отношения в системе диалектных фразеологизмов, бытующих на территории юга Тюменской области. Описываются условия формирования и закономерности функционирования синонимической, антонимической и омонимической парадигм в сфере диалектной фразеологии, устанавливается характер фразеологической полисемии и факторы, способствующие ее развитию.

Ключевые слова: диалектная фразеология, парадигматика, системные отношения, фразеологическая синонимия, фразеологическая вариантность, фразеологическая антонимия, фразеологическая омонимия, фразеологическая полисемия.

LEXICAL-SEMANTIC RELATIONS IN THE DIALECT PHRASEOLOGY OF THE SOUTH OF THE TYUMEN REGION. The article is dedicated to lexical-semantic relations in the system of dialect phraseological units, which are localized in the South of Tyumen region. The article describes the conditions of formation and regularities of functioning of the synonym paradigm, antonym paradigm and homonym paradigm in the dialectal phraseology, establishes the character of phraseological polysemy and factors contributing to its development.

Keywords: dialectal phraseology, paradigm, system relations, phraseological synonymy, phraseological variation, phraseological antonymy, phraseological homonymy, phraseological polysemy.

Фразеология, будучи одной из подсистем любого национального языка, способна обнаруживать системные отношения между своими единицами, в данном случае – фразеологизмами. В диалектной фразеологии имеются отношения, аналогичные тем, которые мы наблюдаем в любом литературном языке: явления синонимии, антонимии, полисемии, омонимии. Целью данной статьи является интерпретация указанных лексико-семантических связей, проявляющихся в системе диалектных фразеологизмов (придерживаемся широкого понимания объекта фразеологии), бытующих на территории юга Тюменской области. В нашем распоряжении имеется свыше 800 фразеологических единиц (далее – ФЕ), извлеченных методом сплошной выборки из двухтомного «Словаря русских старожильческих говоров юга Тюменской области» под редакцией С. М. Беляковой [СРСГ 2014, Т. 1, 2], «Словаря основных слов и сочетаний с темпоральной семантикой», опубликованного в монографии С. М. Беляковой «Образ времени в диалектной картине мира» [Белякова 2005, 215-263]. Кроме того, источниками послужили записи народной речи, произведенные авторами в 1998–2015 гг., материалы картотеки и текстотеки, имеющиеся на кафедре общего языкознания ТюмГУ.

Существование в диалектном языке явлений фразеологической синонимии объясняется тем, что в качестве значимой языковой единицы фразеологический оборот может быть семантически эквивалентен какому-либо другому территориальному фразеологизму (ср.: *запиваться по-чёрному* (Тюм.) – *захлебнуться вином* (Юрг.), т. е. употреблять алкоголь в больших количествах; *голосить в голос* (Исет.) – *слезами уливаться* (Тюм.), т. е. горько плакать, рыдать). Следовательно, о фразеологической синонимии можно говорить в том случае, когда разные по компонентному составу фразеологизмы, нередко построенные по одной и той же структурной модели, обладают близкими или тождественными значениями. Например, в диалектном дискурсе юга Тюменской области безделье метафорически может описываться с помощью следующих вербальных синонимических конструкций: *балду пинать* (Ялут.), *лежать ноги в потолок* (Ялут.), *просиживать штаны* (Тюм.), *сидеть как два скворечника* (Ялут.), *лежать ноги кверху* (Юрг.).

Судя по материалам, имеющимся в нашем распоряжении, в говорах юга Тюменской области существуют одноструктурные, разноструктурные и сходноструктурные региональные синонимические ФЕ. К одноструктурным синонимам относим устойчивые сочетания, созданные по одной и той же модели. Например:

✓ модель «сущ. в им. п. + прил.»: *годá больш́ие* (Гол.), *вóзрaст уклóнный* (Каз.) – «преклонный возраст»; *лóдырь несусмёртный* (Гол.), *лени́вая сохá* (Тюм.) – «лентяй»; *нераспóчатой крáй* (Тюм.), *несмётная с́ила* (Н.-Тавд.) – «очень много» и др.;

✓ модель «сущ. + глаг.»: *ду́ру валя́ть* (Тюм.), *лы́зки гоня́ть* (Тюм.) – «бездельничать»; *баля́сы вест́и* (Тоб.), *язычкóм чесáть* (Юрг.) *языкóм бря́кать* (Ялут.) – «вести пустые разговоры, болтать» и др.;

✓ модель «глаг. + сущ. с предлогом»: *уйт́и в дóски* (Вик.), *на увáльчик уйт́и* (Абат.) – «умереть»; *ходи́ть по лю́ди* (Ваг.), *ходи́ть по рабóтникам* (Ваг.), *ходи́ть по стра́дам* (Уват.) – «работать по найму» и др.

Разноструктурные фразеологизмы-синонимы построены по разным моделям: *блажн́ым гóлосом* (Тюм.), *во всю́ голо́вушку* (Н.-Тавд.), *на лихóй ма́т* (Н.-Тавд.) – «пронзительно, громко кричать»; *глаза́ не гля́дят* (Гол.), *до ду́ги* (Слад.), *ка́к лопáтой броса́ет* (Ярк.), *на возу́ не увезти́* (Юрг.), *хóть литóвкой кос́и* (Аром.) – «очень много».

У сходноструктурных синонимов грамматически господствующий компонент фразеологизма выражен одной и той же частью речи, а все остальные являются разнооформленными: *одна́ как голо́вушка* (Ялут.) – *одна́ как огорéлый пéнь* (Ваг.) – *одна́ как пт́ичка на рё́лке* (Тоб.) – «совсем, совершенно одна»; *тряхну́ться умóм* (Берд.) – *от ума́ отста́ть* (Н.-Тавд.) – «сойти с ума, обезуметь».

В языковом пространстве говоров фразеологические синонимы реализуют традиционные семантические функции замещения и детализации, создают возможность представить реалии в разных обозначениях: *«Оте́ц уиш́ёл в дóски* (умер) *до колхо́за, ма́ть сама́ се́яла и паха́ла»* (Вик.). *«Хóдь бы фспóмнили, е́сли на увáльчик уйду́* (умру)» (Абат.). Кроме того, ФЕ могут различаться экспрессивно-стилистическими свойствами и сферой употребления: *«Та́к на ходу́ и по́мер, и то́, ци́тай, не своéй сме́ртью. Венцы́ в ызбе́ ни́жние меня́ли, он згоряча́ ухвати́л оди́н бревно́, у́тром схва́тил, а к ве́черу з душо́й расста́лся* (умер)» (Ялут.). *«У на́з бы́л слúчай. Гро́м гряну́л. Челове́ка гро́мом уби́ло в ызбе́. Копы́та одда́л* (умер) *Годо́ф пя́ть, наве́рно, наза́т»* (Омут.).

В речи диалектоносителей возможно употребление лексических и фразеологических синонимов одновременно. При этом нанизывание синонимов часто выполняет уточняющую функцию: *«Сад́или до ду́ги, мно́го, фсе́ жа́дьничам»* (Слад.). *«А на́м фсе́ на уди́влéнье, ди́во берё́т»* (Ярк.). Схожие по значению ФЕ могут выражать различные смысловые оттенки, тем самым позволяют более точно и ясно передать мысль: *«Све́кор посмотре́л в я́щик (сундук): «Ничё, ко́лёном на́да́влено* (много)» (Вик.), *«Де́нек вот каку́ беду́* (много) *взяла́ портни́ха»* (Гол.). *«Ры́бы бы́ло – кофи́ом че́рпай* (много)» (Тюм.), *«Наговори́ла, на возу́ не увесы́ти́* (много)» (Юрг.), *«Воды́-то (в бане) – хóдь залéйся* (много)!» (Уват.), *«Грибо́ф-то – хóть литóвкой кос́и* (много)» (Уват.).

От фразеологических синонимов непременно следует отличать фразеологические варианты, которые активно используются диалектоносителями. Под вариантностью фразеологических единиц понимаем заменяемость компонентов фразем при сохранении единства внутренней мотивировки, фразеологической образности оборота и синтаксической конструкции. В говорах юга Тюменской области отмечены следующие виды варьирования:

✓ лексическое варьирование (замена отдельных компонентов ФЕ без нарушения её семантики и структуры): *прийт́и в гóлову – па́сть в гóлову* (Слад.), *за уша́ми тре́цят – за уша́ми пи́цят* (Омут), *глядéть Ми́тькой* (коситься, глядеть неласково) – *смотре́ть Ми́тькой* (Аром.) и др.;

✓ грамматическое варьирование (замена одних грамматических форм компонента ФЕ другими): *у́хо с гла́зами/гла́зом* (о бойком, проворном человеке; Слад.), *на моéй па́мяти/на мо́их па́мелях* (Берд.), *идти́/иш́ёл по стопáм/по стопé* (Тюм.); *и ста́р и мла́д/и ста́рой и младо́й* (Тюм.), *ходи́ть/ходи́л по лю́ди/лю́дям* (работать по найму; Ялут.) и др.;

✓ морфемное варьирование (видоизменение компонентов ФЕ в результате замены морфем): *хлебну́ть го́рюшка/го́ря* (Слад.), *во всю́ голо́вушку/гóлову* (громко кричать; Н.-

Тавд.) *хлебну́ть/похлебáть гóря* (Исет.), *сéрдце крóвью залива́ется/обливается* (Исет.), *облива́ться/улива́ться слезáми* (Тюм.) и др.;

✓ фонетическое варьирование (изменение звукового облика компонентов ФЕ): *жи́ть по срóкам/по сорока́м* (наниматься на работу на определенный срок; Тюм.), *крестóвый/крестовóй дóм* (Ялут.), *сла́дкий ко́лач/ко́лач* (морошка; Сорок.), *далёко/далеко́ не родня́* (о совершенно разных вещах; о чем-либо, уступающем по качеству; Гол.) и др.

Региональное своеобразие фразеологизмов-синонимов и многообразие их вариантных форм определяется спецификой морфологической и фонетической систем говоров, сохранением отголосков архаических языковых процессов, характером функционирования лексических единиц основного общерусского фонда и территориального, индивидуальными особенностями говорящего и его коммуникативными интенциями, появлением новых устойчивых словесных комплексов, основанных на актуальных для определенной эпохи образах, знаниях и представлениях диалектоносителей.

Изучение диалектного материала по данным картотек и словарей обнаруживает широкое употребление в речевой практике диалектоносителей фразеологизмов, состоящих в антонимических отношениях. Как правило, противоположность значения двух региональных фразем достигается за счет добавления отрицательных частиц «не» или «нет» к одной из них: *(бы́ть) в числé – (бы́ть) не в числé* (о церковных праздниках, имеющих или не имеющих закрепленность за определенной датой в календаре; Слад., Юрг.); *наказáть за пра́вду* (наказать по делу; Гол.) – *наказáть не за пра́вду* (наказать по ошибке, не по делу; Гол.); *была́ мо́да* (иметь определённый образ жизни, привычку; Исет.) – *не́т мо́ды* (нет привычки, правила; Гол.). В других случаях противопоставление выражается диалектно переосмысленной внутренней формой одного из входящих в идиому компонентов: *до́хлая/ду́шная вода* (стоячая, непроточная вода; Н.-Тавд, Уват., Упор.) – *све́тлая вода́* (чистая, проточная речная вода; Омут.); *бы́ть в мого́те* (иметь силы, быть в состоянии что-либо делать; Гол.) – *ни си́лы, ни утя́гу нет* (нет сил что-либо делать; Исет.); *венча́ние с добра́* (выйти замуж/жениться с согласия родителей; Гол.) – *убёгом убежа́ть/взя́ть* (выйти замуж без согласия родителей; Гол., Вик., Каз., Упор.) и др.

Надо сказать, что для диалектной речи характерны оценочные фразеологизмы-антонимы с коннотативной асимметрией. Это обусловлено существенными различиями в значимости положительного и отрицательного оценивания явлений, признаков и действий объектов коммуникации: *у́хо с гла́зами* (бойкий, проворный человек; Каз., Слад.) – *чухня́ чухнёй* (нерешительный человек; Исет.). Иногда отрицательная оценка предпочтительнее, поскольку направлена на осуждение не обусловленных традицией норм поведения: *«Ра́ньше да́жэ на па́шине рожа́ли, а на сле́дующишы су́тки опе́ть рабо́тали как во́лки»* (Гол.) – *«Сейча́с веть посмо́триш, оне́ слоня́юца из угла́ в у́гол (бездельничают) вжа́т – перёт»* (Тюм.); *«Вёзь де́нь коро́вам хвосты́ кру́тит (бездельничает)»* (Ялут.); *«В ле́тно вре́мя в огоро́де бы помокчи́, а оне́ – мы́шка на вы́шшелчку (бездельничают), то́лько наряжа́ца да собо́й любова́ца»* (Н.-Тавд.) и др.

Фразеологические обороты, как и слова, могут иметь несколько значений, между которыми устанавливаются определенные смысловые связи и отношения. Большая часть обнаруженных нами диалектных идиом обладает однозначной семантикой: *шо́ль да го́ль* (бедные неработающие люди; Вик.), *закли́ку не зна́ть* (не знать запрета, не подчиняться правилам; Ярк.), *ле́зть в щети́ну* (ругаться, ссориться; Юрг.), *за́рный на рабо́ту* (трудолюбивый; Уват.) и др. Однако в тюменской диалектной фразеологии выявляются спорадические случаи полисемии устойчивых единиц. Так, сочетание *ку́м королю́* используется в двух значениях, одно из которых выступает как основное, а другое как вторичное: 1. Жить богато, обеспеченно и финансово независимо. *«Я ку́м королю́ живу́»* (Тюм.). 2. Жить самостоятельно и независимо, будучи не замужем. *«И заче́м мне́ э́тод замуш? Я бы одна́ ку́м королю́»* (Юрг.). В данном случае многозначность развивается в результате переосмысления и сужения объема содержания первого фразеологического значения. Аналогичный пример изменения объема содержания ФЕ в результате

различных ассоциативных сближений и переосмысления первичного значения наблюдаем при использовании диалектоносителями сочетания *как попало*: 1. Небрежно, кое-как. «*Фсё ты́ как попало́ де́лаиш*» (Тюм.). 2. Плохо, бедно. «*Как попало́ одева́лись. Че́ бра́ть-то бы́ло? Но фсё же ма́ло-ма́ло одева́лись*» (Омут.).

К многозначным можно отнести фразему *дра́ть (три) шку́ры*: 1. Обкладывать налогом, заниматься непомерными поборами, вымогательством. «*Да ра́зве сейча́з жы́сь? Со сляпы́у де́ньги тя́нут, деру́т три́ шку́ры*» (Юрг.). «*Труді́лися, по́сле войны́ – пожа́луйста! Хо́ть и шку́ру здыра́л Ста́лин-то, три́ шку́ры*» (Слад.). 2. Притеснять кого-либо, грубо относиться, угнетать. «*Дак фсё́ шку́ру с на́с, стару́х, деру́т. Жы́зьни с ни́х не́т*» (Тюм). В приведенном примере одним из важных показателей многозначности ФЕ выступает разнотипность ее смысловой структуры. Речь в данном случае идет о том, что каждое частное значение в составе многозначной ФЕ отличается своими грамматическими признаками: в первом значении указанный фразеологизм не имеет видовых ограничений, в то время как второе значение реализуется лишь с грамматическим значением несовершенного вида.

Надо сказать, что разные значения полисемичных фразеологизмов могут быть в каком-то отношении семантически неоднородными, неравноправными. Так, в смысловой структуре диалектного устойчивого сочетания *простое́ вре́мя* выделяются антонимичные значения: 1. Буднее время. «*Сейча́с вот ф тако́м пла́тьтье хо́диш и ф простое́ вре́мя, а ра́ньше вот сошы́ют тебе́ тако́-то пла́тьтье, ра́з в го́т на́денеш*» (Гол.). 2. Праздничное время, не занятое работой. «*Любо́вь должна́ бы́ть ф просто́ вре́мя*» (Ярк). Исследователь С.М. Белякова предполагает, что развитию полярных смыслов фразеологизма способствовало существование в русских говорах двух значений у прилагательного *простой*: «Одно из них – «пустой, свободный» (ср. глагол опростать) – развивает значение «праздничный», другое – «обычный, рядовой» – значение «будний» [Белякова 2005, 65].

Содержание многозначной фразеологической единицы наглядно реализуется в контексте, который создает возможности различной интерпретации значений. Так, например, без убедительного лексического окружения трудно понять значение сочетания *дивно́ вре́мя*, имеющего в говорах расширенное употребление: 1. Давно. «*Э́то дивно́ вре́мя уже́, как перестро́йка зы́делалася, та́к ы перестро́илися*» (Слад.). 2. Продолжительное время, долго. «*Я иды́ дивно́ вре́мя ждала́ вас*» (Берд.).

Таким образом, разные значения устойчивых единиц служат ярким примером проявления системных связей внутри фразеологического яруса диалектного языка. Этот тип отношений позволяет диалектоносителям широко использовать семантическое многообразие фразем для придания речи образности, выразительности, яркой эмоциональности.

Как и в случае с литературным языком, в диалектной фразеологии многозначность соотносится с омонимией. К фразеологическим омонимам считаем возможным относить такие устойчивые образования, которые состоят из фонетически идентичных компонентов, но имеют различные значения, не осознаваемые как исходное и производное.

Фразеологические омонимы в говорах могут возникнуть в результате случайного совпадения компонентов, образующих фразеологизм. Однако чаще всего появление омонимичных форм объясняется результатом распада многозначного фразеологического оборота из-за дифференциации соотносительных значений: *из де́ла вы́йти* – состариться, утратить силы («*Они́ уи ыз де́ла вы́шли, ничё не мо́гуд де́лать*». Н.-Тавд.) – *из де́ла вы́йти* – отбиться от рук («*Из де́ла вы́шел ты́, па́рень*». Н.-Тавд.). Многозначная фразема *ма́ло де́ло* в некоторых контекстах также развивает омонимичное значение. Значения «часто, через короткий промежуток времени» («*На́ш мальчи́шка ма́ло де́ло и бежы́т: «Да́й, ба́ба, я́годоф!»* Ярк.») и «немного» («*Весно́й то́лько нача́л ма́ло де́ло, немно́го рабо́тать*» Ялут.) в речи диалектоносителей дополняются омонимичным значением «так себе» («*Уи е́сли па́рень – ма́ло де́ло, не на почёте, дак ему́ и пе́сьню таку́ пою́т*». Н.-Тавд.). В новом фразеологическом значении формируется новое понятийное ядро на основе сохранившихся специфических семантических признаков после утраты первоначальных компонентами ФЕ.

Нередко омонимия возникает при столкновении на одной территории известного в литературном языке составного термина и диалектной фраземы: *перелётная пти́ца*, общерус. Улетающий на зиму в южные страны [ТСРЯ, 1996, 150] – *перелётная пти́ца*, диал. Девушка, собравшаяся выйти замуж и поменять место жительства. «*Рáньше на ду́шу на па́рня дава́ли, на де́вок не дава́ли. Де́фку шиыта́ли, што она́ перелётна пти́ца, заму́жня дак*» (Ваг.). Как видим, составной термин и ФЕ имеют несовмещающиеся значения: фразеологизм называет реалии обыденной жизни диалектоносителя, а термин соотносится с системой понятий специальной области научного знания. Пример убеждает в том, что фразеологические омонимы имеют разную денотативную соотнесённость и, как следствие, разные значения, но совпадающую по компонентному составу и грамматической структуре форму. Вместе с тем ни одно из значений не осознаётся как производное или производящее (в противном случае речь шла бы о явлении полисемии).

Таким образом, наличие разнотипных лексико-семантических отношений между единицами в системе тюменской диалектной фразеологии указывает на ее высокую организацию, способность номинировать многие явления денотативного пространства, отражать народные представления о жизни и давать эмоционально выраженную оценку окружающим реалиям.

Сокращения

Абатский район – Абат., Армизонский район – Армиз., Аромашевский район – Аром., Бердюжский район – Берд., Вагайский район – Ваг., Викуловский район – Вик., Голышмановский район – Гол., Заводоуковский район – Завод., Исетский район – Исет., Казанский район – Каз., Нижнетавдинский район – Н.-Тавд., Омутинский район – Омут., Сладковский район – Слад., Сорокинский район – Сорок., Тобольский район – Тоб., Тюменский район – Тюм., Уватский район – Уват., Упоровский район – Упор., Юргинский район – Юрг., Ялуторовский район – Ялут., Ярковский район – Ярк.

Литература

1. Белякова С. М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области). – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2005. – 264 с.
2. СРСГ – Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области В 2 т. Т. 1 / Под ред. С. М. Беляковой. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2014. – 400 с., Т. 2. – 516 с.
3. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка в 4 т. Т. 3 / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Терра, 1996. – 712 с.

УДК 811.511.131

А. Т. Байдудлина, г. Тарту

ДИАЛЕКТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКУ ЧЕЛОВЕКА

В статье исследуются собранные автором фразеологические единицы, употребляющиеся в речи удмуртов Татышлинского района Башкортостана. Диалектные фразеологизмы распределяются по семантическим группам, выделяется общее для всех значение «человек, его внешние и внутренние качества, свойства характера, состояние, поведение, действия».

Ключевые слова: фразеологизм, удмуртский язык, семантическая группа, диалектный фразеологизм, человек.

DIALECTAL PHRASEOLOGICAL UNITS REFLECTING HUMAN CHARACTERISTICS. *The article investigates the phraseological units collected by the author, which are used in the speech of the Udmurts of the Tatyshly district of Bashkortostan. Dialectal phraseological units are distributed according to semantic groups, singling out the common meaning of «a person, his / her external and internal qualities, properties of character, state, behavior, actions».*

Keywords: phraseological units, Udmurt language, semantic group, dialectal phraseology, person.

В последнее время в лингвистике наметилась тенденция к исследованиям в русле антропологической парадигмы, рассматривающей язык как систему знаний человека о его мире, находящую отражение в системе знаков, играющих роль в репрезентации и трансформировании информации. Индивид становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, он привлекается в этот анализ, в конечном итоге определяя результат исследования. Эти изыскания тем или иным образом затрагивают понятие языковой картины мира – особого рода отражения мира в сознании человека-носителя того или иного языка, комплекса «языковых средств, в которых отражены особенности этнического восприятия мира» [Рылов 2006, 7-8]. Наиболее продуктивным материалом для исследования картины мира является фразеологический фонд языка, т.к. в образном основании фразеологизмов отображаются характерные черты мировидения. Во введении к словарю «Человек в русской диалектной фразеологии. Словарь» отмечено, что «80 % фразеологического материала русского языка так или иначе связаны с характеристикой концепта «Человек» [Алексеев, Белоусова, Литвинникова 2004]. Это относится и к фразеологической системе удмуртского языка. В данной работе объектом исследования послужили собранные автором фразеологические единицы (ФЕ), употребляющиеся в речи удмуртов Татышлинского района Башкортостана. Диалектные ФЕ выделяются с учетом национально-культурной специфики языков, они связаны с условиями исторического существования, быта, культуры в целом, национальной психологией и образом мышления народа.

В основе характеристики фразеологическими средствами лежат «наблюдения людей за поведением, трудовой и умственной деятельностью, а также психологическим состоянием человека» [Лесникова 1992, 79], т.е. мы имеем дело с результатом оценочной деятельности. Оценочные ФЕ обладают ярко выраженной антропоцентричностью: в центре оценки стоит человек – как субъект оценивающий и как субъект оцениваемый. Исследователь диалектной фразеологии Л. А. Ивашко отмечает, что среди оценочных ФЕ, связанных с характеристикой человека «более многочисленны фразеологизмы с пейоративным значением» [Ивашко 1981, 8].

В ходе рассмотрения собранных ФЕ выделяются следующие группы ФЕ с общим для всех значением «человек, его внешние и внутренние качества, свойства характера, состояние, поведение, действия».

ФЕ, характеризующие человека по внешним признакам. Общее типовое значение этих ФЕ определяется как «оценка человека по фигуре и лицу». Она может быть как положительной, так и отрицательной: *особенности фигуры* (*t'il'fon žubo kať* букв. как телефонный столб 'о высоком человеке', *urdem pü* букв. прислонённое дерево 'о худом человеке', *kój bód'ono* букв. упитанная перепёлка 'о толстом человеке', *lā no kü* букв. кости да кожа 'худой'); *лицо* (*mar ke šuit so jevāl* букв. что-то сказал, не это 'о некрасивом человеке', *šiš miño* букв. безобразная кукла «некрасивый», *žūs miño kať* букв. как русская кукла 'красивая'). ФЕ *šiš miño* используется также в ласкательных целях взрослых по отношению к малышам, сопровождающееся похлопыванием по ягодице (*šiš miñoje šol so mānam* '(она) моя некрасивая кукла'). Возможно, в семантике этой своеобразной ФЕ присутствует роль детского оберега, охраняющего от злого глаза. Подавляющее большинство ФЕ, характеризующих внешность, обозначают отрицательную или неприятную для субъекта оценку. Как правило, оценки особенностей фигуры строятся на шутке, иронии и представляют собой компаративные выражения, в которых сравнительный союз *kať* имеет факультативный характер (*t'il'fon žubo kať ~ t'il'fon žubo*).

ФЕ с типовым значением «умственные способности». Фразеологизмы дают оценку интеллектуальных свойств человека в двух направлениях: а) обозначают меру, степень умственных способностей человека; б) указывают на способность человека мыслить, рассуждать рационально, адекватно оценивать действительность. Понятие «глупый, тупой, бестолковый», «глупец, дурак» выражают ФЕ с компонентом «голова»: *žārtem kureg* букв. безголовая курица, *žāras töl šola* букв. в голове ветер свистит, *žārāz ug uža*

букв. голова не работает. Признак неполноты с лёгкой насмешкой раскрывается и в следующих ФЕ, характеризующих также глупого, недалёкого, психически неполноценного человека: *u'ges târmâ* букв. чуть-чуть не хватает, *šoro-duro* букв. с серединой-с краем, *käpč'i viž* букв. лёгкий ум, *vižâz vakč'i* букв. ум короткий. Общим семантическим свойством ФЕ, образующих полное отсутствие интеллекта, является наличие в их семантике коннотаций «презрение», «пренебрежение», «бранность»: *šongâ bārgān* 'дурак дураком', *käpč'i bezmen* 'тупица'. Данные фразеологизмы обычно реализуются в грубо-просторечном контексте, часто насыщенном стилистически сниженной, бранной лексикой.

Синонимическому фразеологическому ряду с общим значением «очень, крайне глупый, тупой человек» семантически противопоставлен фразеологический ряд «умный»: *žârâz uan* букв. (у него) голова есть, *ko'olokez pöz'e* букв. (его) котелок варит 'умный, острого ума, есть голова на плечах', *žârâz bāgl'es* букв. голова круглая 'умный'. Эти ФЕ содержат в своей семантической структуре коннотативные семы, передающие позитивное отношение к человеку, обладающему высоким уровнем интеллекта: «одобрение», «уважительность». При этом особую роль играет интонация восхищения лицом, о котором идет речь в разговоре.

ФЕ, характеризующие человека по внутренним качествам (свойства характера, наклонности). В зависимости от установки различных оценочных, субъективных начал говорящий выражает к некоторым качествам и свойствам (робость, медлительность, безропотность, хитрость, коварство и др.) свое различное отношение: осуждение, насмешку, иронию, удовлетворение. Отрицательные качества человеческого характера отразились в таких фразеологизмах, как *vamen tul* букв. поперечный клин, *asleštâs kare* букв. своё делает 'упрямец', *gân tul* букв. войлочный клин, *šû neñ* 'медлительный', *duntem kämit* 'простофиля, играющий на публике роль шута', *ki'l-de-kitte* букв. пришёл-ушёл 'о ветреном человеке, на которого нельзя положиться', *žâras töl šola* букв. ветер в голове 'несерьёзный', *aldarpujâ* 'врун', *bâtrâk kenak* букв. вечно спешащая тётя, *pôs pulâ* букв. горячая мозоль 'непоседа', *tabañez vöjteg uškâtoz* букв. блин без масла сможет опустить 'умеющий лстить' *gozijas küž* букв. верёвка длинная (обычно о женщинах) 'любительница поболтать, проводить зазря время', *gurt koldâ* букв. деревенский каравай 'любительница ходить по гостям', *žâr pâdes* букв. макушка головы 'вездесущий', *vâžijo ri* букв. дерево с корнями 'дотошный, любопытный человек'. В их семантической структуре содержится резко отрицательная оценочность.

«Отрицательные и положительные эмоции». Под отрицательными эмоциями понимаются гнев, раздражение, возмущение, отчаяние, грусть, стыд, тревога, страх. Прежде всего различаются ФЕ, выражающие страх, и ФЕ, выражающие ужас. Например, чувство ужаса выражают ФЕ *žârš'i pežârtiškiz* букв. волосы встали дыбом, *žârku löptiz* букв. кожа головы поднялась. Они более экспрессивны, что связано с их образной основой. Менее экспрессивны ФЕ, выражающие страх: *küt koškiz* букв. душа ушла «сильно испугаться», где *küt* < тат. *kom*, башк. *kom* 'дух, душа'; безразличие: *jesân no jevâl* букв. и в мыслях не было, где *jes* < тат., башк. *xis* 'чувство, эмоция' «и не думал», тревога: *kôt kurekte* букв. в животе жжёт 'переживаю', *šulem inñijaz jevâl* букв. сердце не на месте 'беспокоюсь'. Большинство ФЕ, выражающих отрицательные эмоции, являются соматическими, где в качестве одного из компонентов выступают названия частей тела.

Под положительными эмоциями понимается – радость, воодушевление, облегчение, любовь, восторг, восхищение и др. Единственной, по нашим данным, ФЕ с общим типовым значением «испытывать положительные эмоции» является выражение *immeti lobanâ* букв. летать по небу 'быть на верху блаженства, на седьмом небе от счастья'.

В качестве основных компонентов ФЕ, характеризующих поведение и действия человека, выступают глаголы: *ba'žân alma kurč'em* букв. взял в рот большую картошку 'высокомерничает', *ñetez lâktânâ* букв. пришёл его нет 'приспичило что-то сделать', *ñmaz vü žüžem* 'как будто в рот воды набрал', *läštâ' vuzanâ* букв. продавать то, чего на самом деле не

существует 'заниматься пустословием', *pòs peñe l'ogānā* букв. наступить на горячую золу 'спешить куда-то', *vāžā ležānā* букв. пустить корни 'засидеться в одном месте'.

Таким образом, при характеристике человека фразеологическими средствами акцентируется внимание на интеллекте и таких внутренних качествах лица, как болтливость, ворчливость, лживость, леность, высокомерие и т.д. Большую группу составляют ФЕ с компонентами-соматизмами, отражающие представления о человеке, его эмоциональном состоянии и внутреннем мире через определенные части тела. При этом *сердце* ассоциируется со страхом, *язык* – с речью, *глаза* – со стыдом, совестью, *рука* – с воровством. Распределение ФЕ по семантическим группам неравномерно, в них получают отражение не все области объективной действительности, одни группы охватывают большое число ФЕ, другие – меньше, некоторые представлены единичными оборотами. При характеристике человека отражаются не только субъектно-объектные отношения, но и раскрытие эмоционального состояния субъекта, чаще всего с эмотивно-оценочной стороны. ФЕ с пейоративным значением значительно превосходят по количеству ФЕ с положительной семантикой.

Литература

1. Алексеенко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. Человек в русской диалектной фразеологии. Словарь. – Издательство: ИТИ Технологии, 2004. – 238 с.
2. Ивашко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии. – Л., 1981. – 110 с.
3. Лесникова Г. Н. Удмуртские фразеологизмы с компонентами «ки», «йыр» // Пермистика-3: Диалекты и история пермских языков: Сб. ст. – Сыктывкар, 1992. – С. 79-83.
4. Рылов Ю. А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. – М.: Гнозис, 2006. – 304 с.

УДК 392

Г. Т. Бакиева, г. Тюмень

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ СИБИРСКИХ ТАТАР О СЕМЬЕ

В статье дается анализ паремияльного фонда сибирских татар, посвященного семейно-брачным отношениям. В пословицах и поговорках содержатся этические нормы, регулирующие взаимоотношения мужа и жены, родителей и детей, родителей мужа и жены. В ходе социально-исторического развития у сибирских татар сложилась своя система семейных ценностей, принципы, законы существования семьи.

Ключевые слова: сибирские татары, пословицы и поговорки, семья, семейные взаимоотношения, этические нормы.

THE PROVERBS AND SAYINGS OF THE SIBERIAN TATARS CONCERNING THE FAMILY. *The article contains the analysis of the paremial fund of the Siberian Tatars concerning family and marriage relations. Proverbs have ethical standards regulating the relationship of husband and wife, parents and children, parents of husband and wife. In the course of socio-historical development the Siberian Tatars have developed their own system of family values, the principles, and laws of existence of the family.*

Keywords. Siberian Tatars, proverbs, family, family relationships, ethical standards.

Пословицы и поговорки являются одним из наиболее популярных жанров фольклора любого этноса. В них обобщен социально-исторический опыт народа, его духовный облик, устремления и идеалы. Пословицы и поговорки, отражая жизненный опыт многих поколений, дают важные сведения о специфике национального мировосприятия и национального характера, менталитета народа.

В настоящей статье анализируются пословицы и поговорки сибирских татар, посвященных семейным, родственным отношениям. Источником исследования послужили около пятисот пословиц и поговорок сибирских татар, собранных и опубликованных автором в ходе многолетних экспедиционных выездов в местах компактного проживания самой большой группы сибирских татар – тоболо-иртышской, на юге Тюменской области. Пословицы и поговорки записывались в том виде, как они звучат в живой речи носителей, тем самым были сохранены фонетические, лексические,

грамматические особенности народно-разговорного языка [Словарь народно-разговорной лексики сибирских татар, 2016; Пословицы и поговорки сибирских татар, 2016].

Семья (*кәйлә*) для сибирских татар была и есть одной из главных жизненных ценностей. В анализируемом материале выделено самое большое количество паремий на эту тему – 92. Народная мудрость говорит о том, что женщина должна выйти замуж, создать семью: *Ирсес хатын – йөгәнсес ат* (Женщина без мужа – лошадь без узды). Народная мудрость рекомендует придерживаться следующих правил при выборе мужа: *Иртешкә таянма, пуйтак иргә ышәнмә* (На Иртыш не опирайся, разведённому мужчине – не верь); *Хатыны аерганка парма, хатыны улғаннан калма* (От вдовца не отставай, за разведённого не выходи); *Икегә ышанган – ирсес* (Верить двум мужчинам – быть без мужа). У сибирских татар в прошлом нередко были браки, когда муж был намного старше жены. Но как видно в следующей пословице муж преклонного возраста мог иметь преимущества перед молодым: *«Йәш куйнынта камчы пар, карт куйнынта калац пар»* (У молодого (мужа) за пазухой плетка, а у старого – калач).

Женитьба – важный этап и в жизни мужчины, обозначается термином *өйләнгү*, т. е. обзаведение домом. Вступая в брак, придерживались следующего правила при выборе невесты: *Ир өйләнсең хатынга, егет өйләнсен кыска* (Мужчина пусть женится на женщине, юноша на девушке). Выбирая будущую жену, мужчине не следовало обращать внимание на ее внешность. На этот счет у сибирских татар встречаются такие пословицы: *Матурлар матур куренмәй, сөйсәң матур куренә* (Не то прелестно, что красиво, а то, что любо); *Матурлык туйта, татулык көнтә кәрәк* (Красота – на свадьбе, взаимопонимание каждый день нужно); *Пулма матур – пул пәхәтле, пәхәт матур курсәтә* (Не будь красив, а будь счастлив – счастье красоту покажет). Хотя была и другая точка зрения: *Сөймә пайны – сөй матурны, матур – йөрәктә йатыр»* (Не люби богатого, люби красивого, красивый на сердце останется).

В создании крепкой семьи важна роль обоих супругов: *Ирен хөрмәтләгәнне – улы хөрмәтләр, хатынын хөрмәтләгәнне – кысы хөрмәтләр* (Женщина, уважающая мужа, получит уважение от сына, мужчина, уважающий жену, получит уважение от дочери). Бытовавшие в прошлом патриархальные отношения, где главная роль в семье отводилась мужчине, отразились в поговорке: *Ир паш – хатын пуен* (Муж голова – жена шея).

В сибирско-татарской культуре признается значимость роли женщины в семейных отношениях. Женщина у сибирских татар – хранительница устоев семьи, от нее зависит мир и радость в семье: *Ирен устергән тә хатын, пөтергән тә хатын* (Женщина и возвеличит мужа, и сгубит мужа); *Сөйтергән тә хатын, пөтергән тә хатын, көлтергән тә хатын* (Женщина и любовь дает, и разорение, и смех). *Атның алашасы, хатынның аламасы иргә оят килтерер* (Конь – мерин и женщина скверная – позор мужчине); *Ус хатының йән туйтырыр, уйнаш хатын кан костырыр* (Своя жена душу наполнит, от распутной женщины кровью харкать будешь).

Муж – главный добытчик в семье, а жена должна обладать хозяйственной сноровкой, уметь быть бережливой: *Ир тава – хатын пүлә* (Муж зарабатывает, жена распределяет); *Ир – кэләт, хатын – йосак* (Муж – клеть, жена – замок); *Ирең саран пулса – сапаслы пул* (Если муж скряга – запасливой будь).

У сибирских татар бытует множество пословиц и поговорок, регулирующих взаимоотношения мужа и жены, в них определены нормы поведения между ними. Одна из главных – жена должна быть сдержанной в речах, муж – сдержанным в поведении: *Хатынының теле осайса, ирең кулы осаер* (Жена язык придержит, муж – руки). Супруги должны понимать, что в семье всякое бывает: *Тавак-савыт шалтырамай пулмый* (Чашки-блюдец без звона не бывают). Все семейные неурядицы, конфликты должны оставаться в своем доме, не стоит выносить сор из избы: *Парасың йән – палта шикелле патып кит* (Выходишь замуж – как топор утони); *Пашың йарылса – яулык эцентә пулсын, кулың сынса – ең эцентә пулсын* (Голову разобьешь – пусть в платке останется, руку сломаешь – в рукаве останется).

В пословицах сибирских татар отразилось отрицательное отношение к измене супругов: *Ирен саткан – илгә сыймас* (Изменившая мужу – в мир не войдет); *Хатын алу – кимлек түгел, хатын сату – ирлек түгел* (Взять жену – не порок, предать жену – не мужество). Одна из пословиц советует жене перетерпеть измену мужа: «*Ат айланыр, айланыр, казыгына пәйләнер*» (Конь покрутится – покрутится и на привязь привяжется).

Общество осуждало ленивых жен: *Этнең йаманыннан, пиңнең йалкавыннан курык* (Собаки злой бойся, а жены – ленивой); *Кыйра пиңә – төпсес муңка* (Ленивая жена – бездонная бочка). Беда для семьи, если жена бездумно расходует имущество мужа: *Атың емер пулса – пирте Ходай, хатының емер пулса – орты Ходай* (Если конь много ест – Бог дал, если жена ест много – Бог наказал).

Дети (*палалар*) – главное богатство традиционной сибирско-татарской семьи: *Палалы өй базар, паласыс өй – мазар* (В доме, где есть дети, – весело как на базаре, без детей – кладбище). Дети даются от Бога. Не зря в прошлом у сибирских татар были распространены такие имена, как Тангрибирди, Аллабирди, Кодайбирди (Аллах, Тенгри, Кодай – разные наименования бога; сиб. тат. *бирди, пирти* – дал) [Словарь имен 2016, 8]. Дети – радость и счастье: *Пала – йөрәк йемеше* (Дети – плоды сердца); *Улым – көн күрмешем, кысым – сәйлем* (Сын – мой день, дочь – ясная погода); *Кыс пала йортка бисәк* (Девочка – украшение дома); *Паламның паласы палтан татлы* (сын сына слаще меда); *Аю паласын аппагым тиәр, кәрпә паласын йомшагым тиәр* (Медведь о своем дитя говорит «мой беленький», еж – «мой мягонький»). Но воспитать ребенка – нелегкое дело, это повседневные заботы и хлопоты: *Этәм паласы йөрүе үсәте, кайван паласы тис үсәте* (Человеческое дитя медленно растет, дитя животного быстро растет); *Пала – иртәнге кырау* (Дитя – ранний иней); *Пала үскәнцә – тоя койрыгы ергә етәр* (Пока ребенок вырастет – у верблюда хвост до земли опустится). Чем старше дитя, тем забот становится больше: *Пала цакта сөйтерә, үсә килсә көйтерә* (пока дитя малое – радуется, подрастая – печалит); *Паласы атка менәте, инәсе потын кысаты* (сын взрослеет, а матери приходится туго).

Родители должны так воспитать своих детей, чтобы они с годами стали им надежной опорой. И сыновья, и дочери могут быть предметом гордости для родителей: *Кыс пала – инәсенә тайау, ир пала – атасына тайау* (Дочь – опора матери, сын – опора отцу); *Йакишы атаның паласы – йакишы тунның якасы* (У хорошего отца сын, что воротник на хорошей шубе); *Колон асрасаң – ат менәрсен* (Вырастишь жеребенка, оседлаешь коня). Чтобы добиться хорошего результата, нужно начинать воспитание как можно раньше: *Талны кеңе вакытынта пәк* (Лозу сгибай с раннего возраста). Величайшая печаль для родителей, если ребенок вырастет бестолковым и не добьется успеха в жизни: *Уңса – пала, уңмаса – пашка пәлә* (Будет успешным – сын, будет бестолковым – беда); *Акылы йук – атасын сатар* (Глупый отца продаст).

У сибирских татар имеется немало пословиц и поговорок, которые определяют нормы поведения между родителями и детьми. С молоком матери впитывается уважительное отношение к отчому дому: *Ата йортым – ак Мәскәу* (Отчий дом – белокаменная Москва); к родителям: *Үсеңнән өстен – атаң, үсеңнән якын – анаң* (Выше тебя – отец, ближе тебе – мать). Дети должны слушать родительские советы с полным доверием и уважением: *Ата-ана хақы – Тәңре хақы* (Истина отца и матери – истина от Тенгри), *Агыл алмак ататан, көн курмак куришетән* (Уму-разуму учись от отца, жизнью – от соседей). Особое отношение у сибирских татар сложилось к матери. Она – самый надежный человек, единственная: *Хатын ун пулыр, ана пер пулыр* (Жен может быть десяток, мать – единственная). Мать всегда защитит, укроет лаской и любовью, с ней – как в раю: *Очмак аналарның аяк астынта* (Под ногами матерей – рай). В случае смерти матери, дети – сироты: *Инә- касна, ата – еснә* (Мать – казна, отец – зять). Она всегда поймет и поддержит ребенка, сколько бы ни было ему лет: *Ана өңен пала алтыта пала, алтмышта та пала* (для матери и шестилетний ребенок, и шестидесятилетний). Для матери, ребенок – самый главный человек: *Ир кайгысы – итәктә, пала кайгысы –*

йөрәктә (Горе по мужу – до подола, горе по ребенку – в сердце); *Ана куңеле палата, пала куңеле талада* (Радость матери в сыне, радость сына в степи).

В изученном материале почти нет пословиц и поговорок, посвященных взаимоотношениям детей в семье. Нам встретилась пока лишь одна поговорка, подчеркивающая крепкие, нерушимые отношения братьев: *Әкә-эне талашыр, атка менсә йарашыр* (Братья ссорятся, на коня сядут – помиряются).

Достаточно большой блок рассмотренных поговорок посвящен общению родителей мужа или жены с их приобретенными родственниками. Зачастую взаимоотношения с женой сына (невесткой, снохой) в традиционной семье складывались сложно, особенно в первое время: *Килен кеше ким кеше, йалчы пелән тин кеше* (Невестка подневольное существо наравне со служанкой); *Кыйтык коймак киленненке* (Некрасивый блин у невестки); *Ай тормый – атынны, ел тормай киленне мактама* (Не хвали коня, не прожившего месяц, сноху, не прожившую год). Не всегда благополучно складывались и отношения с зятем: *Көяү өе куртан тар, көяү өе көс көне пелән пер* (Дом зятя меньше могилы, дом зятя как осенний день).

В заключение подчеркнем, что семья была и есть одной из главных жизненных ценностей для сибирских татар, в ходе социально-исторического развития у которых сложилась своя система семейных ценностей, принципы, законы существования семьи. В образной и ёмкой форме пословицы и поговорки содержат этические нормы, регулирующие взаимоотношения мужа и жены, родителей и детей, родителей мужа и жены. Отрадно, что основополагающие постулаты семейных отношений в большинстве своем соблюдаются и в современной семье сибирских татар.

Литература

1. Словарь имен сибирских татар / Ред.-сост. Г. Т. Бакиева. – Tobolsk: Polygraphist, 2016. – 236 с.
2. Словарь народно-разговорной лексики сибирских татар / Ред.-сост. Г. Т. Бакиева. – Tobolsk: Polygraphist, 2016. – 280 с.
3. Пословицы и поговорки сибирских татар / Сост. Г. Т. Бакиева. – Tobolsk: Polygraphist, 2016. – 74 с.

УДК 372.8:811.512.141

М. И. Баһауетдинова, Әфәк.

ТУҒАН ТЕЛДЕ УКЫТЫУЗА ДИАЛЕКТ ҺҮЗҘӘРЗЕҢ ӘҢӘМИӘТЕ

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В УСЛОВИЯХ ДИАЛЕКТА. В данной статье говорится о проблемах изучения родного языка и литературы в условиях диалекта. Выясняется вопрос о месте и роли литературного языка и диалектизмов в преподавании, даются конкретные методические рекомендации по изучению диалектных слов.

Ключевые слова: родной язык, литературный язык, диалектизм, приемы и методы работы на уроках.

ON THE ISSUE OF STUDYING THE NATIVE LANGUAGE AND LITERATURE IN DIALECT CONDITIONS. This article deals with the problems of studying the native language and literature in dialect conditions. The question of the place and role of the literary language and dialectisms in teaching is being clarified. Specific methodological recommendations for the study of dialect words are given.

Keywords: native language, literary language, dialect words, ways and methods of work in the classroom.

Һәр кем үзенең ғүмеренең тәүге көнөнән үк яқын кешеләре – ата-әсәһенен, өләсәй-олатаһының тауышын ишетә һәм уларҙың яғымлы өндәшәүен аңлай. Әле бер һүз әйтә белмәһә лә, сабый кәзерле кешеләренең тауышын таный, ә инде бер йәшә тулыуға йәки унан күберәк ваҡыт үтеүгә тирә-яқтағылар нимә һөйләй, шуны һүзмә-һүз кабатлай ала. Шулай итеп, сабый һөйләшә башлай.

Тел – кешегә бирелгән баһалап бөткөһөз хазина. Телдә халык һәм уның бөтә тарихи үсеш юлы йәнләнделә. Кесе йәштән үк ата-әсәһен һөйгән, туған телен, тамырын, тарихын, тыуған еренен мәзәниәтен белгән бала рухи яктан сәләмәт булып үсә.

Бөгөнгө көндә туған телдә укытыу, уны һаклау, яклау белем биреү учреждениелары өсөн көнүзәк проблема булып тора. Сер түгел, бала тормошонда уның ата-әсәһе – иң беренсе остаз, шуға ла күп нәмә уларҙан тора. Ата-әсә балалары менән туған телдә һөйләшмә, әллә аралашыу рус телендәмә, әгәр һуңғыһы икән, иртәмә-һуңмы был ғәзәт туған телдә онотоуға алып килмәсмә? Артабан был һорауҙар теймәһенә: «Телебезгә юғалыу куркынысы янамаймы? Халык булып һаклана алырбызмы?» – тигән хәүефле борсолоуҙар ялғана. Башка бик күп телдәр менән бер рәттән башкорт теленен дә 2009 йылда ЮНЕСКО тарафынан сығарылған «Хәүеф янаған донъя телдәре атласы»на индереләүе лә безҙе ныҡ хафаландыра. Көнбайышҡа эйәрәү йәки табыныу тип әйтәйекме, әллә махсус рәүештә халыктарҙы телдән яҙырыумы был – аңлашылмай. Тағы аптыраткан бер нәмә бар: «кеше туған телен белмәһә лә ярай» тип иҫәпләүселәр «заман талап итә» тигән һылтау табып, сит ил телен укытыуҙы мәжбүриләштерәләр.

Белеүебезсә, 2015 йылдың 1 сентябренән балалар баксаларында инглиз телен өйрәтәү күнекмәләре башланды. Яңы Федераль дәүләт стандарттарына ярашлы, 2020 йылдан башлап инглиз теленән берҙәм дәүләт имтиханы (БДИ) каралған. Был яҡшымы-юкмы, ваҡыт күрһәтер. Дөрөс, был йәштәге балалар төрлө телдәрҙе тиз өйрәнә. Каршы түгелбә, тик сит ил телен өйрәтәбез тип, туған телдә онотторорға ярамай. Белемгә ынтылған һәр кеше кесе йәштән үк туған телен дә, сит ил телен дә белһен, телһөйәр, илһөйәр булып үсһен.

Туған телгә һөйөү һәм ихтирамды мәктәпкәсә йәштәрҙән үк тәрбиәләргә кәрәк. Артабан ғаилә – балалар баксаһы – башланғыс мәктәп – дөйөм урта белем биреү мәктәбе күсәгилешлеген булдырыу кәрәк. Башланғыс класс укыусыларының әүҙемлеге көслө, улар бик кызыкһыныусан һәм яңылыҡка ынтылыусан. Өйзә, әйләнә-тирә мөхиттә аралашканда бала һөйләү телмәрендә кулланған кайһы бер һүзәрҙең дәрәжәлә язылған һүзәргә тап килмәһенән күрә, ата-әсәһенә, укытыусыға «ниңә улай була?» тигән һорау бирә. Мәсәлән, *әсәй – инәй, әней, атай – әтей, ағай – абызый; сынаяк – шәшкә ашты, тәрликә – тәрликә; аш сүмесе – ижау, баҡрас; сәйнүк – сәйгүн, туштак – сөүтә; өйзәр – өйләр, кәззәр – кәзләр; алды – алты, безҙең – безнең* һәм башкалар. Күренеүенсә, был осорҙа туған телдә өйрәнгәндә балалар әҙәби телдә кулланылған һүзәр менән бер рәттән диалектта (үзәрәнен йәшәгән ерендә) йөрөгән һүзәр менән дә таныша башлай. Укытыусы, балаларҙың йәшен иҫәпкә алып, улар аңларлыҡ дәрәжәлә ерлә һөйләштәгә һүзәрҙең әҙәби телдә нимәнә аңлатыуы, ниңә шулай әйтәүе тураһында төшөндөрөргә тейеш. Шулай итеп, бала әҙәби тел һәм ерлә һөйләш теле барлығын аңлай, уларҙы кәһән, нисек кулланырға икәнлеген төшөнә.

V – IX кластарҙа укыусылар диалектизмдарҙың килеп сығыуының сәбәбе йәки нәмәгә бәйлә икәнлегенә тураһында мәғлүмәт ала, диалект һүзәрән ниндәй төркөмдәргә бүлөп йөрөтөлөүен асыҡлай. Үзәрәнен ауыл һөйләшенән лексик, семантик, фонетик, морфологик, фонетик-морфологик диалектизмдарға һүзәрәнә миҫалдар яҙыу, уларҙың әҙәби телдәгә варианттарын билдәләү зә укыусылар өсөн кызыклы эш буласаҡ. Мәсәлән, укыусыларҙы бер нисә төркөмгә бүлөп, һүзәктәрҙән туғанлыҡты белдерәүсә һүзәр, аш-һыу, кейем-һалым, емеш-еләк, үсәмлек иҫемдәрән яҙып килергә тигән эш кушырға була. Һуңынан бергәләп тикшергәндә, балалар беренән-беренә узырып үзәрә тапқан һүзәргә аңлатма бирәсәк. Шулай үк дәрәжәлә әҙәби телдәгә һәм диалекттағы һүзәрҙә сағыштырыу өсөн һөйләмдәр төзөтөү, ниндәйҙәр әсәрҙә өйрәнгәндә әҙәби телдә кулланылған һүзәрҙә билдәләп, өйзә уларҙы диалект һүзәрә менән алмаштырып карау һәм башка төрлө эштәр башкарыу отошло.

Интернет, гаджеттар заманында хәҙергә балалар үз-ара ныҡ аралаша [Баһауәтдинова 2003]. Әллә кайҙа урынлашқан калаларҙа, райондарҙа йәшәгән үсәрҙәр бер-беренә менән ысынлап та, шаярып та таныша, аралаша. Был осрақта (өйгә эш формаһында биреп) укыусыларҙан берәй һөйләш үзәнәлектәрән асыҡларлыҡ текст яҙып алып киләүзәрән

һорау отошло. Азак бергәләп тикшереү мауыктырғыс эшкә әйләнә. Юғары класс укыусылары менән «Диалект һүзәрә телде байытамы, әллә кире йоғонто яһаймы?» тигән темаға бәхәс тә ойоштороу кызыклы.

Ысынлап та, был һорауға бер генә төрлө яуап биреп булмай. 2012 йылда юғары укыу йорттарының филология факультеты студенттары өсөн сығарылған «Башкорт теле» [Башкорт теле 2012, 71] дәреслегендә былай тип әйтелә: «Диалектизмдар, телдең үсешендәге осорзарға карап, ыңғай һәм кире роль уйнай. Әзәби телдең формалашыу осоронда улар һүзлек составын байыктырыуың әһәмиәтле сығанағы булып тора. ...Ә үсешкән һәм формалашып бөткән әзәби тел өсөн диалектизмдар кире роль уйнай». Икенсе бер дәреслектә: «Диалект һүзәр бөгөн дә башкорт әзәби телен байыктырыу өсөн әһәмиәтле сығанак булып тора», – тип күрһәтелә [Кейекбаев 2010, 38].

Безҙеңсә, икенсе фекер дөрөсөрәктер. Сөнки айырым тәбәктәрзә, ауылдарза һакланып калған бик үзенсәлекле ерле һөйләштәрәбез безгә халкыбыздың үзенә генә хас булған бай тарихын, кабатланмас тормош ысынбарлығын, быуаттар тәрәнлегенән килгән боронғо һүзәрзә һәм көнкүреш үзенсәлектәрә менән бәйлә төрлө йолаларзы, мифологияны килтереп еткергәндәр. Бына шунан сығып, халык телендә, нигеҙзә диалекталь характерза булған мәзәниәт йәшәп килә, тип әйтә алабыз. Йола лексикаһына караған һүзәрзә генә алып караһак та, тикшереуе үзәгендә халык теле, халык хәтерә төп таяныс була. Йәки аш-һыу, кейем-һалым, ғаилә-көнкүреш лексикаһына караған һүзәрзә алып караһак та, шулай ук халык теленә, халык хәтеренә мөрәжәғәт итмәйенсә булмай. Бер яктан, был һүзәр тел хазинаһы булһа, икенсе яктан, уларзы халыктың рухи көзгөһә, тип әйтергә мөмкин. Ерле һөйләш һүзәрә телебезгә үзенсәлекле төс бирә, милли әзәби телебеззә байыта. Шуға күрә диалект һүзәрән йыйыуға, өйрәнәүгә, тикшереүгә мөмкин тиклем күберәк игтибар бүләргә кәрәк. Халык телендә, өлкән быуын кешеләрәнен телендә һакланып калған диалект һүзәрән без тик халыктың үзенән өйрәнәп, белгән кешеләрзән һорашып кына белә алабыз. Әлегә һуң түгел, әллә күпмә телебеззә байыта торған үзенсәлекле һүзәрзә, тикшереүзә көткән хазина-табыштарыбыззы бөртөкләп йыйып, килер быуындарға еткерәһебез бар әле.

Туған телде һәм әзәбиәттә укытканда диалект үзенсәлектәрән иҫәпкә алырға кәрәклегә көн кеүек асык. Бында укытыусының эште дөрөс итеп ойоштора белеүе мөһим. Диалект һүзәрә әзәби телде тулыландыра, байыта тинек, әммә әзәби телдең матурлығы, сафлығы тураһында ла оноторға ярамай. Диалектизмдар әзәби телгә һөйләү телмәрә аша, художестволы әзәбиәттә кулланылған диалект һүзәрә аша инә. Языусылар геройзарзың телен йәки әсәрзәге вакиғалар барған урынды һүрәтләнгәндә шул кешегә, шул урынға хас диалект һүзәрән куллана. Әммә һәр нәмәлә лә сама белергә кәрәк, кәрәк-кәрәкмәгән урында уларзы артык кулланыу әзәби телдең сафлығына зыян килтерә. Шулай итеп, тел һәм әзәбиәттә өйрәнәүзә ерле һөйләш менән бәйләп алып барырға кәрәк. Өйрәнгән һайын кызык та, мауыктырғыс та ул был эш.

Әзәбиәт

1. Баһауетдинова М. И., Йәғәфәрова Г. Н. Башкорт теле һәм әзәбиәтенән традицион булмаған дәрестәр: Методик кулланма. – Өфө: Информреклама, 2003. – 136 бит.

2. Башкорт теле: Юғары укыу йорттарының филология факультеты студенттары өсөн дәреслек / Г. Р. Абдуллина, Г. Д. Вәлиева, К. Ғ. Ишбаев (яуаплы мөхәррир) һ. б. – Өфө: Китап, 2012. – 616 бит.

3. Диалектологический атлас башкирского языка / Отв. ред. Ф. Г. Хисамитдинова. – Уфа: Китап, 2005. – 234 с., 169 карт.

4. Кейекбаев Ж. Ғ. һ. б. Башкорт теле: Педагогия колледждары һәм училищелары өсөн дәреслек. – Өфө: Китап, 2010. – 480 бит.

5. Хисамитдинова Ф. Г. Отражение диалектной лексики в «Академическом словаре башкирского языка» // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XIII Международной конференции. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. – С. 148-154.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ОРЕНБУРГСКИХ РУССКИХ ГОВОРАХ

В статье рассматриваются основные проблемы и перспективы изучения диалектных систем Оренбуржья, которые складывались в отрыве от материнских говоров и при контактировании с системами тюркских и финно-угорских языков. С учётом интерлингвистических и экстралингвистических факторов, а также в условиях сильнейших миграционных процессов сельского населения наблюдается разрушение систем оренбургских русских говоров. Однако зафиксированное в словарях В. И. Даля, Н. М. Малеча, Б. А. Моисеева и оренбургских писателей лексическое богатство требует систематизации и осмысления, в том числе в плане генетическом. Особого исследования требует наиболее значительный пласт заимствований – из тюркских языков, который позволит определить направления и пересечения взаимодействий языков, тематические «лакуны», заполняемые чужой лексикой, специфику интерференции.

Ключевые слова: диалектология, оренбургские русские диалекты, В. И. Даль, «Оренбургский областной словарь» Б. А. Моисеева, тюркские заимствования, лингвокраеведение.

ON SOME PECULIARITIES OF BORROWINGS IN THE ORENBURG RUSSIAN SUBDIALECTS. *The main problems and perspectives of studying the dialect systems of the Orenburg region are considered in the article, which were formed in isolation from the mother tongue subdialects and in contact with the systems of the Turkic and Finno-Ugric languages. Taking into account the interlinguistic and extra-linguistic factors, as well as in the conditions of the strongest migration processes of the rural population, the systems of the Orenburg Russian dialects are gradually destroyed. However, lexical wealth fixed in the dictionaries of V. I. Dahl, N. M. Malech, B. A. Moiseev and Orenburg writers, requires systematization and comprehension, in terms of genetic analysis including. The most significant stratum of borrowing is from the Turkic languages which will allow to determine the directions and intersections of the interactions of languages, thematic "lacunas" filled with foreign vocabulary, the specifics of interference.*

Keywords: *dialectology, Orenburg Russian dialects, V. I. Dahl, Orenburg Regional Dictionary by B. A. Moiseev, Turkic loans, linguistic local lore studies.*

Оренбургский край обладает особой лингвистической притягательностью, которая была отмечена уже членом-корреспондентом П. И. Рычковым, а в период его активного заселения – выдающимся лексикографом и собирателем живого русского слова В. И. Далем. Именно он, будучи чиновником особых поручений, имел возможности в течение восьми лет наблюдать «державный кошель слов», что позволило ему сделать ряд ценных замечаний о специфике оренбургских говоров с момента их складывания в отрыве от материнских говоров и при контактировании с системами тюркских и финно-угорских языков до начала их разрушения, когда казачий «народный говор постепенно сглаживается и поддерживается только бабами» [Даль 2000, т. 1, LV] или «когда старики уже вымерли, а молодое поколение исподволь привыкает к говору местному, особенно же если селение сбродное, из переселенцев разных мест, и молодёжь между собой освоилась и свыкла» [Даль 2000, т. 1, LP]. Отмеченные В. И. Далем экстралингвистические факторы и направления нивелировки специфических особенностей диалектных систем определяют судьбу оренбургских говоров и в настоящее время. В частности, активные миграционные процессы, в целом присущие данной территории с глубокой древности, привели почти к полному вымыванию диалектных систем, особенно в условиях, когда «образованность и просвещение сглаживают постепенно различие наречий, проходя повсюду с уровнем своим, языком письменным» [Даль 2000, т. 1, LVI].

Наблюдения В. И. Даля подтверждаются работами диалектологов и современной языковой ситуацией на территории Оренбургской области, которые показывают разрушение систем сформировавшихся оренбургских говоров в результате действия экстралингвистических факторов (утратой целого ряда населённых пунктов, уменьшением сельского населения, отсутствием его стабильного состава и приходом новых переселенцев, чаще всего из так называемого ближнего зарубежья [Бекасова 2014 а); Бекасова 2011]). К сожалению, оренбургские говоры недостаточно изучены: после

В. И. Даля наступил почти вековой период их забвения, о чём писал Н. И. Зорин, подводя итоги изучения оренбургских диалектов и определяя перспективы их изучения [Зорин 1956, 28]. Однако и после периода активного интереса к русским диалектам в 1950-1960 гг. оренбургских исследователей Н. И. Зорина, В. И. Лыткина, Н. А. Мещерского, В. Г. Руделёва [Абубакирова 2011] во второй половине XX в. продолжил работу практически в одиночку Б. А. Моисеев, труды которого были напечатаны только в начале этого века [Моисеев 2005, 2010]. Б. А. Моисеев впервые представил системное описание оренбургских говоров, определил основные закономерности и тенденции их развития в диалектных зонах Оренбуржья, дал характеристику отдельных говоров с учётом их исторической трансформации и отношений с материнскими говорами.

Несмотря на констатацию практически всеми исследователями серьёзного разрушения и утраты систем оренбургских русских говоров, следует отметить целый ряд актуальных направлений в их изучении. Прежде всего требуется системное описание сохранившихся на современном этапе диалектных систем; определение уровня диалектного разнообразия и направлений взаимодействия территориальных, социальных и функциональных разновидностей русского языка и языков на территории Оренбургской области; изучение особенностей переселенческих говоров и их функционирования на тех территориях, которые в настоящее время относятся к Челябинской, Самарской областям, Башкортостану и Казахстану, что требует объединения усилий диалектологов; осмысления исторических изменений говоров почти за три столетия; комплексное исследование «оренбургских материалов» в творчестве В. И. Даля (словарь, литературное и эпистолярное наследие) и оренбуржцев – С. Т. Аксакова, Г. Р. Державина и др. [Бекасова 2015; Бекасова 2016].

Особо следует выделить исследование накопленного, в том числе и благодаря этнокультурному многообразию, лексического богатства оренбургских русских говоров, которое требует его собирания и лексикографического фиксирования [Мызников 2010]. Частично оренбургская диалектная лексика отражена в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, «Словаре говоров уральских (яицких) казаков» Н. М. Малечи [Малеча 2002-2003], «Оренбургском областном словаре» Б. А. Моисеева [Моисеев 2010]. Каждый из указанных словарей содержит достаточно весомое количество лексики, заимствованной из других языковых систем. Естественно, с одной стороны, это результат контактирования народов, в результате чего «нет и быть не может ни одного чистого, не смешанного языкового целого» [Бодуэн де Куртенэ 1963, 363]. С другой стороны, возникает вопрос о специфике механизмов заимствования, направляющих взаимодействия языков, определяющих тематические «лакуны», заполняемые чужой лексикой, специфику интерференции.

Особого замечания в этом плане требует наиболее значительный пласт заимствований в оренбургских русских говорах – из тюркских языков. Об этом пишет Б. А. Моисеев, предваряя свой лексикографический труд описанием оренбургских говоров: «Словарный состав оренбургских говоров содержит большую группу тюркских слов, преимущественно казахских, а также татарских и башкирских. Русское население нашего края издавна живёт в соседстве с тюркскими народами. В результате длительного общения русских жителей с тюрками большое количество тюркизмов проникло в русские говоры. Сравнительно много тюркских заимствований в тематической группе слов, обозначающих предметы и понятия, связанные с природой: это названия растений, диких животных, особенностей поверхности и климата данной местности» [Моисеев 2010, 14].

В определённой степени закономерны заимствования, связанные, например, с разведением верблюдов, достаточно широко и разнообразно представленные в «Оренбургском областном словаре» Б. А. Моисеева, например: **БО́ТА** – верблюжонок. *Верблюдица (инген) желтой масти, и при ней верблюжонок (бота) белой масти; БУРА́, ы́, м.* Верблюд-производитель. *Бура злой бывает; буру путать надо.* (В каз. яз. *бура* – племенной верблюд); **БУТА́, ы́, м.** Верблюжонок. *Верблюжиха потеряла своего буту.* По

словам местных жителей, так называют верблюжат потому, что они обычно едят траву, известную под названием *алабута*. (В баш. яз. *бута* – верблюжонок); **БУТА́К**, а, м. То же, что бута. *Бутак маленький, а не догонишь. Соль. 5. Бутак любит есть алабуту; БУТАКА́Н, а, м. То же, что бута. *Если верблюжонок, то называют бутакан и др.**

Также объяснимы заимствования из сферы животноводства – наименования крупного рогатого скота, лошадей, овец по возрасту, масти, обозначения различных болезней, что также широко представлено в словаре Б. А. Моисеева, например: **БАШМА́К**, **БАСМА́К**, **БАШМА́Ч**, а́, м. Бычок в возрасте одного года. *Если один год быку, то называют башмаком. Басмака купил, год ему исполнился. В этом году мы два башмача держали. Уменьш.-ласк. башмачо́к.* (В каз. яз. *баспак* – теленок к первой осени. **Киргиз. С. 37**; в баш. яз. *башмак* – годовалая тёлка); **БАШМАЧ́ИНА**, ы, ж. Тёлка по второму году. *Свою башмачину в гулевой табун отдал; АД́АЕВСКИЙ, АД́АЙСКИЙ в сочетаниях «адаевская лошадь», «адайская лошадь» – казахская порода лошадей, отличающаяся мелким ростом и большой выносливостью (то же, что *адаец* в 3-м знач.). *Раньше киргизы продавали адаевских лошадей. Адайские лошади дикие, как звери, и бегают больно быстро; ЖИБУРЛА́К, а́, м. Болезнь овец вертячка (воспаление мозга от сильной жары). *От жибурлака каждый год много овец погибает; овца кружится, кружится и подыхает* (Заимствовано из каз. яз.).**

Большую группу заимствований представляют наименования кушаний [Бекасова 2014 а)] типа **БУРДАМА́ГА**, и, ж. Снятое молоко; молоко, пропущенное через сепаратор. *Бурдамагу телятам отдаём или свиньям выливаем; БУРСА́КИ, ов, мн. Казахское кушанье из кусочков теста, сваренных в сале. *Придёшь к киргизам, они наварят, нажарят бурсаков. Буурсак в котлах жарят. «Буурсак – сдобные поджаренные шарики или небольшие квадратики из теста».* (В баш., каз. яз. *баурсак* – сдобные жареные шарики из теста); **АЙРЕ́НЬ**, я, м. Кислое молоко, разведённое водой. *Летом, в самую жару, пьют айрень, он хорошо утоляет жажду и т.д.**

Необходимую группу заимствований представляет лексика, обозначающая, например, природные особенности (типа **БИШКУНА́К**, а, м. Период весной (в апреле), когда в данной местности стоит холодная погода с морозами; ср. баш. *бишкунак*), наименования народностей и их особенностей (типа **АП́АЙКА**, и, ж. Женщина-башкирка. «Слово *апай* подмечено русскими как-то особенно, и они всех без различия башкирских и тептярских жёниц называют *апайками*») и т.д. Отметим, что подобные заимствования очень активно входят в лексическую систему диалектов, что начинают обозначать явления русской жизни, ср., например, осложнение структуры заимствованного слова **БУЛЯ́К**, **БУЛЮ́К**, а, м. 1. Казах (киргизин), живущий в одиночку в степи вместе со своим семейством и скотом. *Раньше киргизы жили буляками: киргизин поставит кибитку где-нибудь в степи и живет один с семьёй, а вокруг пасёт скот.* 2. Уральский казак, который во время полевых работ жил с семьёй в степи. По рассказам местных жителей, казаки-уральцы в прошлом не делили между собой пахотную землю и сенокосные угодья. Каждый казак брал себе столько земли, сколько мог обработать. В степи, недалеко от своих посевов и сенокосов, казак устраивал гумно, где жил в шалаше или в какой-нибудь лёгкой постройке весь период полевых работ. *Наши казаки тоже были буляки. Летом все жили отдельно, буляками. У каждого своё гумно в степи, там работает и живёт.*

Однако при необходимых заимствованиях, закономерно обусловленных новыми для русских реалиями, рядом хозяйственных достижений тюркских народов и их языковой картиной мира, а также общением разноязычных народов, имеется целый ряд слов, для которых были соответствующие русские эквиваленты. Достаточно привести некоторые из подобных заимствований из словаря Б. А. Моисеева, например: **БИШАРА́** (маленькие дети. *Зашли к ним, а у них бишары полная изба: один в люльке, двое ползают, остальные бегают,* в каз. яз.: *бишара* – беспомощный); **АЛЛА́ЯРЫ** (шумная группа людей (обычно детей) *Тише вы, аллаяры. Шумите, как аллаяры. Никакого покоя нет от этих аллаяров,*

АРМАЙ (шалун, озорник. *Армай ты этакий, никогда не посидишь спокойно*), **АРМАЙКА** (шалуныя, озорница. *Такая армайка растёт, не слушает никого*) и т.д.

Наличие достаточно весомого пласта подобной лексики в оренбургских русских диалектах представляет материал, достойный для исследования не только проблем заимствования, но и определения особенностей ментальности народа и специфики языка. Думается, что в этих случаях заимствования обусловлены отмеченным ещё А. С. Пушкиным особым качеством русского языка – «переимчивостью и общежительностью» [Пушкин 1994, т. 5, 137], а с другой стороны, его «низкой парадигматической экономией» [Мартине 1968, 534], что требовало детализации действительности, востребованной в диалектах [Якимов 2012], и «встраивания» в лексическую систему присваемого слова для передачи определённых семантических нюансов.

Показательно в этом плане слово *куян*, зафиксированное в словаре В. И. Даля как *ушкан, заяц* с пометой (*орнб.*) [Даль 2000, т. 2, с. 230]. В словаре Б. А. Моисеева фиксируется то же значение – *заяц*, – но с уточнением (обычно в сочетаниях «куян слепой», «куян косой». *Эх ты, куян косой! Ты куян слепой, что ничего не видишь*), которое свидетельствует о связанности слова и его употреблении в качестве прозвища. Надо отметить, что современные прозвища жителей Оренбургской области (как правило, обозначающие одинокого мужчину – вдовца или холостяка, обычно проживающего на краю населенного пункта) дают основание считать, что процесс заимствования, видимо, определялся необходимостью семантического уточнения – *матёрый заяц, самец-одиночка*, которое в ряде мест сохранило своё значение в тюркских языках [Бекасова 2013, 9]. В связи с этим требуют соответствующего исследования сопоставления «своего» и «чужого» на уровне семантических сходств и расхождений.

Таким образом, заимствования в оренбургских русских говорах представляют интерес в плане выявления особенностей контактирующих языков на уровне диалектных страт, специфики заполнения языковых лакун и механизмов семантической дифференциации, что обуславливает необходимость серьёзного исследования проблемы генезиса и генетической организации диалектных систем.

Литература

1. Абубакирова Л. Ф. Диалектное изучение русского языка в Оренбургском крае // Вестник ОГПУ. – 2011. – № 4. – С. 17–24.
2. Бекасова Е. Н. «Напоющий источник» Оренбуржья // Пятые Большаковские Чтения. Культура Оренбургского края: история и современность: научно-образовательный и культурно-просветительный альманах. – Оренбург, 2011. – С. 398–401.
3. Бекасова Е. Н. Об особенностях представления тюркских заимствований в оренбургских говорах // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XIV Всероссийской научной конференции. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. – С. 34–44.
4. Бекасова Е. Н. Об особенностях формирования и бытования русских говоров Оренбуржья // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: Материалы VII Международной научной конференции. – Чита: ЗабГУ, 2014. – С. 190–193.
5. Бекасова Е. Н. Основные направления лингвистических исследований Оренбургского края // Вестник ОГПУ. – 2015. – № 3. – С. 98–107.
6. Бекасова Е. Н. Проблемы и перспективы изучения языкового пространства Оренбуржья // Языковая норма и речевая практика в Оренбургском регионе: Материалы Международной научной конференции. В 2-х ч. Ч. 1. – Оренбург: ООО «Издательство “Оренбургская книга”», 2016. – С. 28–33.
7. Бекасова Е. Н. Лингвокреативный потенциал Оренбуржья: от Куяна до Ваучера // Уральский филологический вестник. Вып. 3. – Екатеринбург, 2013. – С. 5–12.
8. Бодуэн де Куртенэ А. И. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. – М.: Изд-во Академии наук, 1963. – 384 с.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. (2-е изд., 1880–1882 гг.). – М.: Русский язык, 2000.

10. Зорин Н. И. К истории изучения оренбургско-чкаловских говоров // Ученые записки Чкаловского гос. пед. ин-та им. В. П. Чкалова. – Чкалов, 1956. Вып. 8. – С. 295–313.
11. Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: В 4-х т. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002–2003.
12. Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. – 192 с.
13. Моисеев Б. А. Хрестоматия оренбургских говоров: Учебное пособие. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2005. – 132 с.
14. Мызников С. А. Русские говоры Оренбуржья в полиэтническом окружении // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – М., 2010. – № 1 (58). – С. 187–195.
15. Пушкин А. С. О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» // Собрание сочинений в пяти томах. Т. V. – СПб.: Библиополис, 1994. – 707 с.
16. Якимов П. А. Особенности диалектной картины мира (на материале говоров Оренбургской области) // Мир науки, культуры и образования. – 2012. – № 5 (36). – С. 301–303.

УДК 81'282.3

С. М. Белякова, г. Тюмень

ФЕНОМЕН ДВИЖЕНИЯ

В ЭСТЕТИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЯ

В статье в русле антропологической семантики рассматривается феномен движения, эстетически отраженный в русских народных говорах в качестве характеристики человека, его ментальных и поведенческих признаков.

Ключевые слова: антропологическая лингвистика, русские диалекты, эстетика народной речи, движение.

THE PHENOMENON OF MOVEMENT IN THE AESTHETIC PERCEPTION OF A DIALECT SPEAKER. *The author deals with the phenomenon of movement aesthetically reflected in the Russian folk dialects as characteristics of the person, his/her mental and behavioral characteristics. During the study some principles of anthropological semantics are made use of.*

Keywords: anthropological linguistics, Russian dialects, aesthetics of folk speech, movement.

Диалектологические исследования последних десятилетий отражают некоторую эволюцию этой науки, ее постепенный переход из сугубо описательного направления в иную парадигму, соответствующую магистральной линии развития лингвистики. Такой парадигмой в отечественном языкознании стала в настоящее время парадигма антропологическая (антропоцентрическая), что позволяет некоторым исследователям говорить о формировании «гипернауки» – антропологической лингвистики. Ее центральная проблематика связана с изучением принципов анализа человеческого фактора в языке и влияния языка на человека, в диалектологической науке этот человек является носителем традиционной русской культуры. Поскольку язык систематизирует и структурирует мышление, детерминирует концептуализацию и классификацию предметов и понятий, его изучение позволяет моделировать восприятие мира диалектной личностью и сельским социумом в целом.

Таким образом, становится очевидным, что данные, полученные традиционной диалектологией, подвергаются новому осмыслению и интерпретации, позволяют выйти за рамки традиционного, узко специализированного подхода к изучению диалектной лексики.

В русле антропоцентристской семантики (с учетом обусловленности значения слова экстралингвистическим контекстом) нами рассматривается феномен эстетического начала народной речи, где явственно представлен модус «человек в языке». При этом комплекс разнообразных эстетических средств, функционирующих в русских говорах, изучается как целостный феномен. Среди полученных результатов существенным можно считать тот вывод, что различные денотативно-референтные сферы (доноры), порождающие

эстетические поля, а также организующие их признаки и мотивы, замыкаются на сфере «Человек», которая является мощным реципиентом.

Наиболее значимым мотивом в народном эстетическом отражении действительности является мотив движения объекта. Будучи весьма абстрактной сущностью, движение своеобразно воспринимается диалектоносителями. Оно может коррелировать с различными чертами характера и внешности человека, его ментальными и поведенческими качествами. В некоторых случаях релевантным является само наличие мотива движения, в других – определенные его виды.

Так, при общей характеристике человека (преимущественно его положительных качеств) важность движения очевидна, но его характер трудно определить, существенными чертами является его высокая скорость, интенсивность, а также преодоление препятствий в ходе движения (быстроумный, напорный, пробойный). Отрицательная характеристика человека эстетически коррелирует или с ограничением движения, или с движением не «в нужном направлении», а также ненаправленным и потому бесполезным. При помощи мотива ненаправленного движения характеризуется такое поведение человека, как склонность к праздному времяпрепровождению, бесцельному перемещению по селу (с использованием экспрессивных отглагольных существительных): *блудень, блудёна, гулеван, гулёна, лытун, наполза, погулёбный*. Неподвижность или ограниченность движения оценивается отрицательно, что передается при помощи многообразных сравнений с животными, воспринимаемыми как неповоротливые (как *сонная муха, как клуша, опестун*), и предметами, имеющими либо рыхлую консистенцию (как *квашина*), либо расширяющуюся форму (*кулёма, понява, шарага*). Так, прямое значение лексемы *шарага* – «суковатое дерево, часть дерева в форме рогатки», переносное – «медлительный человек». См.: *Ну и шарага ты, дева, скоро не повернёшься*.

Таким образом, наши материалы подтверждают мысль Е. О. Борисовой о том, что «скорость как категория, характеризующая действия человека относительно временного потока, обладает высокой значимостью для носителей традиционной языковой картины мира, поскольку включена в состав параметров оценки трудовой деятельности» [Борисова 2016, 7].

Важным является и характер движения. Для рассмотренного материала оказались релевантными следующие его виды: колебательное и круговое (включая движение, приводящее к изменению пространственных координат).

Мотив колебательного движения используется для разнообразных отрицательных характеристик личности (при этом физическое движение человека или частей его тела, а также предмета переосмысливается в направлении ментальных и поведенческих процессов). Эти значения реализуются при помощи следующих глаголов, зафиксированных в нашем материале: *болтаться, вилять, дрожать, качаться, мотать(ся), телепаться, трепать(ся), трясти(сь), шатать(ся)*, а также фразеологических оборотов. Такое движение ассоциировано с целым репертуаром человеческих качеств: *болтливость* (треплина, ботало), *расточительность* (мотунистой, мотоватый, мотыга), *несобранность* (разболтанный), *сумасбродство* (сболток), *нечестность* (вилавый, вилявилый), *легкомысленность* (трясогузка) и др.

Данный мотив проявляется и в собирательном наименовании целой группы людей асоциального поведения: *шатовня (Откулеца ета шатовня взялася, ко всемя пристають)*.

С помощью рассматриваемых глаголов описываются ситуации неопределенности (*Оттуда оторвался и сюда не пал, в воздухе телепаешься, как мизгирь*), морального воздействия, агрессии (*Председатель трёс и винных и невинных*). Особенно актуальным для диалектоносителей является реализация этого мотива в области восприятия деструктивных социальных процессов: *Нас растрясли всех, пока подымались. Кабы не растрясли да не раскулачили. // Их же раскулачили. Растрепали всё, они потом в бане жили. Так, период коллективизации был назван информантом перетрясхой*.

Таким образом, все довольно разнообразные значения и оттенки значений, связанные с мотивом колебательного движения, можно обобщить как отклонение от «точки отсчета» [Рахилина Прокофьева 2005] или, скорее, от нормы, некоего «равновесного центра»,

устойчивого положения. Вследствие этого соответствующие лексические и фразеологические средства, как правило, аксиологически отрицательны. При несомненной важности феномена движения, его в целом положительной оценки, определяющее значение имеет его характер.

Актуальным для эстетического отражения действительности является и мотив кругового движения. Е. А. Нефедова справедливо подчеркивает важность этого мотива, его взаимозависимость со многими мировоззренческими категориями, в том числе этимологическую связь с категорией времени [Нефедова 2008]. В нашем материале названный мотив выражен глаголами *вертеть*, *вить(ся)*, *водить*, *кружить*, *крутить*, *поворачиваться*, *разворачиваться* и их производными. Данные глаголы, характеризую человека, развивают как мелиоративную, так и пейоративную семантику. Так, быстрый, проворный человек характеризуется при помощи лексем *разворотливый*, *разворотник*, *разворотный*, *розвёртный*. Например: *Сам-от у их розворотливой, робит и успеват дров заготовить и вывезти.* // *Разворотный* – быстро везде успеет, живой человек. Аналогичные языковые средства используются и для обозначения целеустремленного человека, добивающегося своего: *Председатель розвёртной у нас, всего добьётся.* И напротив, отсутствие способности «поворачиваться» характеризует человека отрицательно: *невыворотный*, *неповоротный*, *неповоротливая корова*. См. в контекстах: *Какой он неыворотной, с крыши снег не может убрать.* // *Вот клуня какая, неповоротливая.* Однако тот же мотив может приобретать «отрицательное звучание», чаще всего это происходит, если «вращаются» определенные части тела человека: *вертоголовый*, *вертошарый*, *вертихвостка*, *вертеть шарами*. См.: *Сынок у ей вертоголовой, осердился и пошёл, а матере не помогают.* // *Девка-та чисто вертошара, не узнала мужика и взамуж ушла.* При помощи таких средств человек характеризуется как непоседливый или легкомысленный. Однако эти же характеристики могут передаваться и при помощи семантики вращения «в чистом виде», без акцентуации на определенных частях тела: *вертушка*, *коловратный*, *вертоватый*: *Степенная женщина, не вертушка.* // *Ну, коловратный, упеть убежал.* // *Я была не вертоватая, не вертелась по сторонам, учителя слушала.* Данный мотив также соотносится с семантикой своеволия, нежелания считаться с принятыми правилами (как хочу, так и ворочу; куда хочет, туда и ворочат) и обозначением ситуации пустого препровождения времени (коровам хвосты крутить; круг головы да в пазуху), что, разумеется, осуждается.

С данным типом движения соотносятся и глаголы *опрокинуть*, *перевернуть(ся)*, *обернуться*, создавая особый тип семантики – не просто движения по кругу, но переворота либо физического, т.е. поворота на 180 градусов, либо метафизического, т.е. изменения облика, оборотничества. Так, например, в словаре В. И. Даля: *Ведьма перевертывает девку в сороку.* См. также в уральских говорах: *обернуться* (из *обвернуться*) > *оввернуться* с ассимиляцией согласных: *Терёха-то свиньёй овернулса* [Словарь русских говоров... 1996, 360]. В уральских говорах зафиксировано и слово *опрокидка* в значении «колдунья, женщина-оборотень»: *Опрокидкам бабы бывают, у мужиков-ту нету столь злобы, штёб всё споганить, бабы-те вроде и не спомнят, в ково присунулися, оне пакостят вроде не сами, а так, в ково обминятца.* Данная лексема образована от глагола *опрокинуть* в значении «перевернуть вверх дном». Таким образом, в народном сознании переворот, ведущий к перевоплощению, может происходить не только в горизонтальной плоскости, но и в вертикальной.

Глагол *вить(ся)* также выражает значение кругового движения, с дополнительной семой «вокруг чего-л.». В говорах такое движение порождает семантику мучения, лишений (*Я сроду не просила, буду виться как червь, а не пойду*), а также хитрости, обмана (*Упеть он тебя обвинявил, сахару накла в мёд-от*). Ср. также: *водить вокруг пальца*. Конкретизируя ситуацию обмана, развивается и значение «сплетничать». См. в контекстах: *Ботало да вьюха – сплетничат, вьёт. Не может терпеть, чтоб болтовни не заводить.* // *Ково не залюбит, дак всё в понос говорит (наговаривает), наворачиват на*

ево. Для передачи семантики обмана используется также глагол юлить и его производные: Ну и юлиха, хитрой да лукавой.

Обобщая проявления рассмотренного мотива в имеющемся материале, можно согласиться с Е. А. Нефедовой, которая пишет: «Глаголы кругового движения обладают большим образным потенциалом и через свои производные значения способны обозначать очень многие действия, процессы, физические и психические состояния. (...) Заряженный многообразными интуитивными представлениями, вероятно, восходящими к глубокой древности, образ кругового движения охотно используется говорящими как средство нюансировки смыслов» [Нефедова, 2008, 305-306]. Следует также еще раз подчеркнуть не только его эстетический потенциал, но и связь данного типа движения с народно-мифологическими представлениями (оборотничество).

При сопоставлении колебательного и кругового движения укажем на некоторые общие черты. Так, их сближает связь с народными представлениями о заболеваниях: ср. лексемы трясучая «лихорадка», шатун «болезнь скота» и повертуха «инфекционная болезнь» (Упеть повертуха, от суседа ко мне-ка пришла, хворам с дедушкой другу неделю.). Кроме того, общей является семантика обмана, они также используются для эстетической передачи такой черты характера человека, как легкомыслие.

Итак, наиболее актуальными для народного эстетического отражения видами движения являются колебательное (разнонаправленное) и круговое движение. В более общем плане они могут быть охарактеризованы как «непрямое движение», соотносимое с нарушением нормы, общепринятого порядка вещей или моральных установок. Таким образом, в ряде случаев яркие характеристики, противопоставляющие эти два вида движения, нейтрализуются. Оба вида используются, главным образом, при характеристике человека: колебательное – для отрицательной оценки, круговое – как для отрицательной, так и для положительной. Так абстрактное понятие движения приобретает конкретные коннотации, характеризую человеческую личность.

Литература

1. Борисова Е. О. Русская лексика со значением быстроты и медлительности в семантико-мотивационном аспекте: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2016. – 25 с.
2. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). – Новосибирск: Наука, 1986. – 230 с.
3. Нефедова Е. А. Общерусские глаголы в диалекте: опыт описания морфосемантического поля // Материалы и исследования по русской диалектологии: Сборник статей. Кн. III (IX). – Москва: Наука, 2008. – С. 283-307.
4. Рахилина Е. В., Прокофьева И. А. Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология // Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – С. 304-314.
5. Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. – 580 с.

УДК 811.352.3'42

М. М. Биданок, г. Майкоп

ВЛИЯНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ АДЫГЕЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В данной статье исследуется вопрос выбора опорного диалекта адыгейского литературного языка. Автор анализирует существующую литературу по избранной проблеме, рассматриваются её спорные вопросы.

Ключевые слова: адыгейский, диалект, Ашхамаф, язык, бжедугский, абадзехский, черкесский, фонетика, литературный, однодиалектный.

INFLUENCE OF TERRITORIAL DIALECTS ON FORMATION OF THE ADYGH LITERARY LANGUAGE. *This article examines the choice of the reference dialect of the Adyghe literary language. The author analyzes the existing literature on the chosen issue, controversial points of the problem under study. In the process the author uses descriptive methods, however also the historical and comparative method of research are used. The results of the study may be useful when compiling academic and school grammars and textbooks on the Adyghe language. They can also be used in preparing courses of lectures, etc.*

Keywords: *Adygh, dialect, Ashxamaf, language, second, Bzhedzug, Abadzekh, Circassian, phonetics, literature, of single dialect.*

В адыгейском языке имеется четыре диалекта (бжедугский, абадзехский, темиргоевский, шапсугский). Они являются этническими, т. к. носители этих диалектов – представители одноименных адыгских племен (абадзехов, бжедугов, темиргоевцев, шапсугов). На пути создания литературного языка наиболее существенным препятствием явилась многодиалектность адыгейского языка. Стоял вопрос выбора опорного диалекта (или диалектов), в тех условиях, когда надо было учитывать реальную перспективу на стирание межплеменных и междиалектных различий, чтобы сформировать единый национальный язык. Более простым по своему фонетическому строю является темиргоевский диалект. Но на бжедугском диалекте говорила наибольшая часть адыгейского населения, что сближало его с абадзехским диалектом и с языком закубанских кабардинцев. Упрощение фонетической системы было тенденцией развития адыгских языков. Об этом свидетельствует то, что четверичная система согласных была изжита родственным кабардино-черкесским языком, абадзехским, чемгуйским (темиргоевским) диалектами адыгейского языка. Правильный выбор диалектной основы имел чрезвычайно важное значение для становления письменности.

Первый адыгейский ученый-языковед Д. А. Ашхамаф писал: «Прежде чем создавать алфавит для черкесского языка на арабской или латинской основе, нужно установить: 1) для какого наречия нужно построить алфавит и какое наречие принять за основу выработки литературного языка, 2) сколько звуков-фонем в этом наречии, которое нужно обозначить отдельными буквами, ибо есть в черкесском языке целый ряд звуковых оттенков, которые нужно обозначить в научной транскрипции, а не в практическом письме. Затем следует выяснить, какие из звуков черкесского языка более употребительны, т.е. для каких звуков знаки должны быть менее сложными и для каких более сложными» [Ашхамаф 1977, 33].

Понятно, что особенности диалектов не ограничиваются фонетикой, они проникают, хотя не в одинаковой мере, в области грамматики и лексики. В данном случае наиболее устойчивым является грамматический строй языка. Идентичность морфологической структуры и синтаксического строя адыгейских диалектов носила столь всеобъемлющий характер, что говорить о более или менее развитом грамматическом строе того или иного диалекта было бы беспочвенно.

Научное изучение адыгейского языка начиналось именно с изучения диалектов. З. И. Керашева считает, что: «Литературный язык, выросший на основе темиргоевского диалекта, стремительно приобретает новые черты, существенно отличающие его от прежней основы». [Керашева 1976, 20]. «Литературный язык, созданный на базе темиргоевского диалекта, естественно, не совпадает с ним, он шире и богаче диалекта. Литературный язык использует для своего обогащения лексические возможности и других диалектов» [Рогава, Керашева 1966, 15].

Новоабадзехский диалект стоит гораздо ближе к темиргоевскому, лежащему в основе литературного языка, как утверждает Л. И. Лавров, и потому изменение живой речи жителей аула Хакуринохабль нужно рассматривать как проявление процесса стирания диалектных различий и постепенного перехода к употреблению в быту единого адыгейского литературного языка. Можно отметить, что на сегодняшний день жители данного аула сохраняют свой диалект без существенных изменений, и постепенное

проявление процесса стирания диалектных различий в быту, как предполагал Л. И. Лавров, не оправдывает себя.

Как пишет Д. А. Ашхамаф: «Эти небольшие, на первый взгляд, различия между бжедугским и темиргоевским диалектами вызывают затруднения в школьном преподавании, вызывают споры между авторами-переводчиками, и редакторами и т. д. Поэтому надо помочь происходящему процессу развития адыгейского литературного языка на базе наиболее завершённого в своем развитии темиргоевского диалекта и положить его в основу адыгейского литературного языка» [Ашхамаф 1997, 102].

По мнению К. Х. Курашинова: «Выбор пал на чемгуйский (темиргоевский) диалект потому, что, во-первых, изучение грамматических норм невозможно в отрыве от произносительных норм, во-вторых, морфологические варианты чемгуйского диалекта наиболее соответствуют родственному кабардинскому языку, что было существенно для установления исконности или ущербности тех или иных элементов» [Курашинов 1974, 182].

Итак, из вышесказанного следует, что приведённые цитаты свидетельствуют о том, что абсолютное большинство адыгovedов и деятелей адыгейской культуры, в том числе и такие известные во всем мире кавказоведы, как Н. Ф. Яковлев, Г. В. Рогава, М. А. Кумахов, твердо стоят на том, что темиргоевский диалект выступает в качестве базы литературного языка.

Тем не менее, нужно отметить, что не все адыгovedы разделяют мнение вышеназванных других исследователей относительно однодиалектной основы адыгейского литературного языка, ссылаясь при этом на Д. А. Ашхамафа, который, по их мнению, считал, что адыгейский литературный язык строится на основе двух диалектов: темиргоевского и бжедугского. Такой «взгляд» ученого эти авторы объясняют ссылкой на термин «бжедугско-темиргоевский диалект», который он употреблял в своих работах.

Действительно, что, Д. А. Ашхамаф пользовался термином «бжедугско-темиргоевский диалект». Однако, на наш взгляд, Д. А. Ашхамаф в данном случае поступает лингвистически неграмотно. Безусловно, бжедугский диалект имел влияние на формирование адыгейского литературного языка, но так как исследователь выделяет в адыгейском языке четыре диалекта (абадзехский, бжедугский, темиргоевский и шапсугский), в то же время выдвигать в качестве основы литературного языка так называемый бжедугско-темиргоевский диалект было бы ошибочным. И, тем не менее, мы только можем предполагать, что Ашхамаф имел в виду, используя термин «бжедугско-темиргоевский диалект».

У. С. Зекох, как противник однодиалектной основы адыгейского литературного языка в качестве аргумента выдвигает количественный критерий, он пишет, что «выбор пал на близкие друг другу бжедугский и чемгуйский диалекты, на которых говорят максимум адыгейского населения нашей области» [Зекох 1971, 23].

Действительно, количественный критерий – это один из факторов, который учитывается при определении диалектной основы. Однако для многодиалектного адыгейского языка он, по нашему мнению, является малозначащим.

Более сложную фонетическую основу имели западноадыгские диалекты. В фонетике западноадыгских диалектов значительную часть представляют фонемы с так называемым большим придыханием. В данном случае очень важен закон, открытый В. Г. Рогава, в соответствии с которым фонемы с большим придыханием раньше существовали в восточных диалектах адыгейского и в кабардинском языках. В результате исторического развития эти фонемы были утеряны в названных диалектах и кабардинском языке.

Таким образом, темиргоевский диалект выгодно отличается от других адыгейских диалектов: 1) простотой фонетической системы; 2) центральным положением среди других диалектов (находится между бжедугским и шапсугским диалектами, с одной стороны, и абадзехским диалектом и кабардинским языком – с другой); 3) фонетико-морфологической близостью к кабардинскому языку.

Литература

1. Ашхамаф Д. А. Избранные работы. – Майкоп: Респ. изд.-полиграф. отделение «Адыгея», 1977. – 287 с.
2. Зекох У. С. Инструкция для составления «Толкового словаря адыгейского языка». – Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1971. – 23 с.
3. Рогава Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка. – Краснодар-Майкоп: Краснодар. кн. изд-во, 1966. – 462 с.
4. Керашева З. И. Некоторые вопросы становления адыгейского литературного языка // Адыгейская филология. – Вып. VII. – Р-н/Д: Рост. гос. пед. ин-т, 1976. – С. 13-20.
5. Кумахов М. А. Адыгейский язык // Языки народов СССР. – Т. IV. Иберийско-кавказские языки. – М.: Наука, 1967. – 145 с.
6. Курашинов К. Х. Нормализаторское творчество и литературный адыгейский язык // Ученые записки Адыгейского НИИ. – Т. XIX. – Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1974. – С. 176-190.

УДК 811.512.145'282.2'342.4:81'373.45=82

М. В. Боброва, Э. А. Шаймухаметова, г. Пермь

ФОНЕТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ ТАТАРСКИМ ГОВОРом

(на материале диалекта с. Кояново Пермского края^{*})

Выявлены общетатарские и специфические местные способы фонетической адаптации русизмов в татарском говоре с. Кояново Пермского района Пермского края, определяемые лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

Ключевые слова: татарская диалектология, кояновский говор, русизм, фонетическая адаптация.

PHONETIC ADAPTATION OF RUSSIAN VOCABULARY IN A TATAR DIALECT (BASED ON THE DIALECT OF THE VILLAGE KOYANOVNO OF THE PERM KRAI). *The authors identified general Tatar and specific local methods of phonetic adaptation of Russisms in the Tatar dialect of the village Koyanovo (Perm Krai, Perm district) which are defined by linguistic and extralinguistic factors.*

Keywords: Tatar dialectology, dialect of Koyanovo, Russism, phonetic adaptation.

Настоящая статья посвящена вопросам взаимодействия русского и татарского языков в билингвальной среде. Работа нацелена на выявление фонетических способов адаптации русизмов в татарской речи в сопоставлении литературных и диалектных форм их реализации.

Материалом для работы послужили наблюдения над речью (кояновским диалектом, далее – КД) жителей с. Кояново Пермского района Пермского края, в котором проживает около тысячи жителей, большинство из них – татары. Данные собирались в процессе (преимущественно) непосредственного скрытого наблюдения либо (реже) направленной беседы. Количество информантов – 23, их возраст – 40-80 лет (среднее и старшее поколение), пол – женский, образование – среднее либо средне-специальное. Наблюдения над речью молодежи не велись, т. к. владение ею родным языком оценивается как недостаточное. Осуществлялась письменная фиксация отдельных лексем, заимствованных татарским диалектом из русского языка. Всего зафиксирован и исследован 101 русизм, 30 из которых словарями татарского языка предлагаются в неадаптированной форме.

В соответствии с принятой теорией говор татар Пермской области входит в группу говоров среднего диалекта татарского языка [Рамазанова 1996], «говор в своей основе един, но имеет ряд особенностей, имеющих локальное распространение» [Мухаева 2006, 18]. В селе Кояново функционирует муллинский подговор (выделяют также карьевский, шаквинский, сылвинский, верхнеиренский и бардымский подговоры [Рамазанова 1996, 195]). По данным исследователей (см. [Исхаков 2007]), жители села считались башкирами

^{*} Башкирские диалектологи говор с. Кояново Пермского края относят к гайнинскому говору башкирского языка.

(примерно до середины XIX в.), впоследствии «отатарившимися»; этим могут объясняться отдельные черты диалекта.

Поскольку с. Кояново находится в получасе езды от краевого центра, в последние годы здесь увеличилась численность русскоязычного населения, устремившегося сюда в поисках недорогого жилья. Кроме того, коренные жители в большинстве своем работают в Перми. Как следствие, хотя коренное население общается преимущественно на родном языке, причем как дома, так и в общественных местах, татарская речь начала испытывать значительное влияние русской. В частности, в КД велико число русских заимствований, в той или иной степени адаптированных диалектом-реципиентом. Характерно, что такое влияние (и в первую очередь в лексике) прослеживается теперь в речи людей не только молодого или зрелого, но даже старшего возраста. Показательно параллельное употребление русских заимствований и их собственно татарских эквивалентов (см. об этом [Боброва 2012]).

В отдельных случаях фиксируется архаизация старотатарской лексики и ее замена русизмами (например, *мастерский* ‘мастерская’ и *аптика* ‘аптека’, которые в словарях татарского литературного языка (далее – ЛЯ) зафиксированы как *һөнәрханә* и *даруханә*, соответственно). Но в основном это примеры прямого пополнения словарного состава татарской разговорной речи словами, заполняющими лакуны в обозначении реалий и представлений о них.

Сосредоточимся на фонетических способах адаптации русской лексики кояновским диалектом татарского языка, опираясь на работы предшественников (см. [Сарманаева 1948; Богородицкий 1953; Закиев 1965; Фасеев 1966; Ахунзянов 1968; Исхакова 2000] и др., а также словари, в том числе [Русско-татарский словарь 1971; Русско-татарский словарь 1984; Татарско-русский словарь 1966]). Ограниченные объемом статьи, мы вынуждены лишь перечислить выявленные фонетические особенности и отказаться от комментариев. Лексика будет передаваться нами средствами так называемой упрощенной орфографии.

1. Вокализм.

1.1. Ударный вокализм.

1.1.1. Мена *o > y*: *лум* < лом, *калуш* < калоши. В КД: *ахутник* < охотник, *вагун* < вагон, *гармунь* < гармонь, *гаришук* < горшок, *вуздух* < воздух, *калунк* < колонка, *кампут* < компот, *картун* < картон, *кумната* < комната, *куйка* < койка, *мулатук* < молоток, *пакус* < покос, *пугреп* < погреб, *пучта* < почта, *скут* < скот.

1.1.2. Мена *e > и*: *купис* < купец, *карита* < карета; в КД: *аптика* / *эптик* < аптека, *батарий* < батарея, *варинья* < варенье, *бириг* < берег, *вишир* < вечер, *кассит* < кассета, *канвирт* < конверт, *клищ* < клещ, *мәнит* < монета, *мибиль* < мебель, *мил* < мел, *мисец* < месяц, *пин* < пена, *пич* < печь, *сино* < сено, *тинь* < тень, *хлипь* < хлеб.

1.1.3. Мена *a > ә* (неогубленный гласный переднего ряда, нижнего подъема) в КД (в ЛЯ не отмечается): *әбзәц* < абзац, *бәлзәм* < бальзам, *бәнкә* < банка, *бәрхет* < бархат.

1.1.4. Мена *o > ү* (огубленный гласный переднего ряда, верхнего подъема, *ü*) в КД (в ЛЯ не отмечается): *әкрүшкә* < крошка, *картүфь* < картофель.

1.2. Безударный вокализм.

1.2.1. Мена *o > y*, *o > a* в предударной позиции. В КД: *гаришук* < горшок, *канвирт* < конверт, *буразна* < борозда, *мулатук* < молоток.

1.2.2. Редукция до нуля звука безударного гласного в первом из двух предударных слогов: *ристан* < арестант, *кпитан* < капитан и др. В КД соответствия данному явлению не обнаружены.

1.2.3. Мена *a > ә* (неогубленный гласный переднего ряда, нижнего подъема), в КД (в ЛЯ не отмечается): *аптика* / *эптик* < аптека, *әщки* < очки, *бәлзәм* < бальзам, *бәнкә* < банка, *мәшинә* < машина, *песнә* < песня.

1.2.4. Редукция конечного гласного до нуля звука, что позволяет трансформировать открытые конечные слоги в закрытые, в КД: *алой* < алоэ, *бальниц* < больница, *батарий* <

батарея, *бирез* < береза, *вафиль* < вафля, *газит* < газета, *калунк* < колонка, *кассит* < кассета, *кукуруз* < кукуруза, *лент* < лента, *мәнит* < монета, *мастерский* < мастерская, *минут* < минута, *мыл* < мыло, *одеял* < одеяло, *пин* < пена, *пирил* < перила, *ярмарк* < ярмарка и др., но ср. в ударных слогах: *кәжә* < коза, *плитә* < плита, *эстәнә* < стена. Процесс реализуется непоследовательно, ср. в КД: *әкрүшкә* < крошка, *бәнкә* < банка, *кумната* < комната, *мәшинә* < машина, *мискә* < миска, а также в татарском ЛЯ: *батарея*, *больница*, *газета*, *кассета*, *лента*.

2. Консонантизм.

2.1. Состав согласных фонем.

В татарском языке отсутствуют эквиваленты некоторых согласных современного русского языка. Словарями татарского ЛЯ такие согласные обычно передаются в неизменном виде, т. е. соответствующими кириллическими знаками. В диалектах же, т. е. в живой речи, происходит мена звуков.

2.1.1. Мена *ф* > *п*: *кампет* < конфета; характерна для разговорной речи. В КД случаи перехода *ф* > *п* не зафиксированы, ср.: *шарыф* < шарф, *вафиль* < вафля.

2.1.2. Мена *в* > *б* (иногда > *w*), *в* > *у*. В КД отмечается переход *в* > *б* или *в* > *у*: *бидрә* < ведро, *куас* < квас.

2.1.3. Мена *х* > *к* (нерегулярное явление): *мих* < мех, *прахут* < пароход, но *камыт* < хомут. В КД случаи перехода *х* > *к* не зафиксированы.

2.1.4. Мена *ц* > *с* либо *ц* > *ч*: *крился* < крыльцо, *чигән* < цыган. В КД зафиксированы нерегулярные случаи мены *ц* > *ш* (с утратой смычки, вероятно, опосредующей, аффрикатой *ч*): *птиш* < птица, но *бальниц* < больница.

2.1.5. В КД фиксируется также мена *ч* > *ш* (утрата аффрикатой затвора): *әшк* < очки, *вишир* < вечер, *пошта* (в литературном написании – *почта*) < почта.

2.1.6. В КД фиксируется также мена губных: *мич* < *нич* < печь, *бидрә* < *видрә* < ведро.

2.1.7. Мена мягких согласных на твердые, в КД: *фана* < фонарь, *карават* < кровать, *пилмән* < пельмени, *шал* < шаль.

3. Внутри- и межслоговые явления.

3.1. Смещение гласных вперед и вверх, чаще в конце слова при наличии мягких согласных в начале слова: *крился* < крыльцо, *төрмә* < тюрьма. В КД: *бархет* < бархат, *бидрә* / *видрә* < ведро, *бирез* < береза, *бүрәнә* < бревно, *газит* < газета, *кассит* < кассета, *мәнит* < монета, *мискә* < миска, *письмә* < письмо и др.

3.2. Смещение гласных в средний и задний ряд при наличии твердых согласных: *кухна* < кухня, *куашна* < квашня, *кампутыр* < компьютер, *озба* < изба, *эстәнә* < стена. В КД: *ызба* < изба.

3.3. Нарушение закона слогового сингармонизма в КД: *варинья* < варенье, *вафиль* < вафля.

4. Комбинаторные изменения (представлены в соответствии с [Ахунзянов 1968, 251]).

4.1. Протеза: *өстәл* < стол, *ысклад* < склад, *эскерт* < скирд, *эскәмия* ‘лавка’ < скамья, *эспирт* < спирт. В КД – появление неисконного гласного звука перед группой согласных не только с *с*, но и *ш*: *эсвит* < свет, *эскәмиә* < скамья, *эскәтер* < скатерть, *эстәнә* < стена; *эшләпә* < шляпа, *ышкаф* < шкаф, *ыштан* < штаны.

4.2. Эпентеза (вставка неисконного звука в середине слова, обычно гласного внутри группы согласных): *белен* < блин, *бүрәнә* < бревно, *сумала* < смола, *нефет* < нефть. В КД: *шарыф* < шарф, *вафиль* < вафля, *карават* < кровать.

4.3. Эпитеза (вставка неисконного звука в конце слова, обычно гласного после группы согласных): *банкы* < банк, *курмы* < корм. В КД соответствия не зафиксированы.

4.4. Синкопа (выпадение звука, находящегося в середине слова): *патрит* < портрет. В КД: *бүрәнә* < бревно, *кампутыр* < компьютер.

4.5. Апокопа (выпадение звука в конце слова (обычно конечного *т*) при стечении согласных): *артис* < артист. В КД: *извис* < известь, *эскәтер* < скатерть.

4.6. Метатеза (перестановка звуков): *ләчәнник* < начальник, *филтә* < фитиль. В КД соответствия не зафиксированы.

4.7. Ассимиляция по способу образования, в КД: *буразна* < борозда.

Зафиксировано два русизма, которые, несмотря на несоответствие их фонетического облика закономерностям татарского языка, не подверглись в кояновском диалекте фонетической адаптации: *радио*, *рюмка*.

К основным – общетатарским способам фонетической адаптации русских слов (в сопоставлении с данными словарей татарского языка) в КД можно отнести следующие: мена гласных $o > y$, $o > a$, $e > u$ в различных позициях; мена согласных $в > б$, $в > y$, $х > к$ (последняя – нерегулярно); мена мягких согласных, отсутствующих в татарской фонологической системе, на парные твердые; разрушение нехарактерных для татарского языка сочетаний согласных такими средствами, как протеза, эпентеза, синкопа, апокопа; подчинение русизмов закону слогового сингармонизма (с единичными исключениями).

Большинство фонетических способов адаптации русских слов, обнаруженных в речи жителей села Кояново, выявлено исследователями татарского языка ранее. Некоторые примеры из собранного нами материала идентичны примерам в материалах В. А. Богородицкого, что свидетельствует о давнем усвоении кояновским говором данных слов и сохранении общетатарских тенденций в адаптации русизмов. Но частично описанные В. А. Богородицким, Э. М. Ахунзяновым, Д. Б. Рамазановой способы адаптации не были обнаружены в нашем материале: отсутствуют примеры редукции безударного гласного до нуля звука в первом из двух предударных слогов, редукции безударного гласного в позиции конца слова; мены $\phi > n$, $\psi > c$, $\psi > ч$; метатезы и эпитезы. Наши наблюдения над живой речью носителей КД противоречат выводам исследователей о том, что в говоре пермских татар ограничено употребление ϕ .

Вместе с тем обнаружены явления, которые до сих пор в исследованиях не отмечались: мена $a > э$ (словарями татарского языка написание и произношение с данным гласным предлагается только для исконно татарских слов), мена $o > y$, которая происходит при реализации закона слогового сингармонизма; редукция до нуля звука конечного гласного с трансформацией открытого конечного слога в закрытый; возможность использования ψ наряду с меной $\psi > и$, $ч > и$ (КД свойственно отсутствие затвора в аффрикатах), мена губных, мена мягких согласных на твердые (в случае отсутствия таковых фонем в говоре), ассимиляция согласных.

Итак, КД принадлежит к средним татарским говорам, на основе которых сложился ЛЯ, однако демонстрирует значительные отличия от ЛЯ в фонетической адаптации русизмов. Выявленные нами факты живой речи отражают поиск носителями татарского языка приемлемых способов адаптации неисконной лексики; поэтому, например, в говоре способны сосуществовать противоречащие друг другу факты (в частности, мена русского a на более близкий татарский эквивалент и отсутствие мены в аналогичных позициях; сохранение в заимствовании ψ и мена $\psi > и$).

Изученные материалы убеждают в справедливости деления заимствований по степени фонетической адаптированности лексем, однако представляется некорректным применение в этом случае терминов «разговорные» и «книжные заимствования» (в терминологии Э. М. Ахунзянова). Точнее были бы понятия «фонетически адаптированные» и «фонетически неадаптированные заимствования».

По нашему мнению, конечную причину проникновения большого количества русских слов в татарскую речь жителей села Кояново и особенностей адаптации к ней русизмов следует искать прежде всего в факторах экстралингвистических, как-то: тесное контактирование носителей разных языков; относительно большая социальная нагрузка второго языка, так как село находится в непосредственной близости от краевого центра (Перми); недостаточное владение жителями села татарским языком как родным.

Литература

1. Ахунзянов Э. М. Русские заимствования в татарском языке. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1968. – 367 с.

2. Боброва М. В. Оппозиция «свой – чужой» в речи билингва-татарина (на материале диалекта с. Кояново Пермского края) // Проблемы социо- и психолингвистики: Сборник статей / Отв. ред. Е. В. Ерофеева. – Пермь, 2012. – Вып. 16. – С. 79–88.
3. Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. – Казань, 1953. – 220 с.
4. Закиев М. З. Некоторые вопросы развития татарского литературного языка // Вопросы татарского языкознания: Сборник научных статей. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1965. – С. 5–37.
5. Исхаков Д. М. Из истории изучения формирования тюркоязычного населения Пермского края // URL. <http://xn--80aa2bkafhg.xn--p1ai/article.php?nid=11084> (Дата обращения: 18.03.2017 г.).
6. Исхакова Х. Ф. Сопоставительная грамматика татарских и русских собственных имен. – М.: Наука, 2000. – 112 с.
7. Мухаева З. А. Топонимия территории пермского говора татарского языка. – Пермь: Прикам. социальн. ин-т, 2006. – 132 с.
8. Рамазанова Д. Б. К истории формирования говора пермских татар. – Казань: ИЯЛИ РАН, 1996. – 240 с.
9. Русско-татарский словарь: ок. 47000 слов. – М.: Русский язык, 1984.
10. Русско-татарский словарь. – Казань: Татарстан. кн. изд-во, 1971.
11. Сарманаева Д. М. Диалектальные особенности говора среднеуральских татар: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Казань, 1948.
12. Татарско-русский словарь: ок. 38000 слов. – М.: Сов. энциклопедия, 1966.
13. Фасеев Ф. С. Краткий грамматический справочник татарского языка // Татарско-русский словарь: ок. 38000 слов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – С. 807–863.

УДК 930.2: 411.21 (470.57) «18/19»

Р. М. Булгаков, г. Уфа

О НЕКОТОРЫХ СЛЕДАХ ИСТОРИЧЕСКИХ ОСТАТКОВ АРАБОАЛФАВИТНОЙ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ БАШКОРТОСТАНА РУБЕЖА XIX–XX ВВ. В АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ НАХОДКАХ 2014 г.

В статье приводятся описания 24 титульных листов с указателями заглавий и имен авторов. Титульные листы, оставшиеся без книжных блоков, сохраняют на себе следы всех трех сфер книжной культуры: производства, сбыта и потребления.

Ключевые слова: книжная культура, титульный лист, библиографическое описание, указатели.

ON SOME TRACES OF HISTORICAL VESTIGES OF ARAB GRAPHICAL BOOKS-RELATED CULTURE OF BASHKORTOSTAN OF LATE XIX EARLY XX CENTURIES IN MANUSCRIPT FINDS OF 2014. *The article provides a description of 24 MS front pages with titles and the authors' names indicated. The title pages with no books behind preserve traces of all 3 spheres of book printing cultures viz. production, sales and readership.*

Keywords: bookish culture, the title page, bibliographic description, index.

Несколько лет назад автор данной статьи писал, в частности, об отличии памятников письменности от их исторических остатков: «Неописанные в соответствии со специальными требованиями рукописи — это еще не памятники письменности, а всего лишь ее исторические остатки, ибо нам, в таком случае, неизвестны ни история и место их создания, ни автор или переписчик, ни содержание, ни особенности языка... Для того, чтобы рукопись в действительности могла называться памятником письменности, она должна быть тщательно изучена, описана и подготовлена к введению в научный оборот, а значит и к дальнейшему специальному исследованию» [Булгаков, 163].

Сегодня, опираясь на опыт прошедших с тех пор лет, он может добавить, что

указанное отличие характерно не только для рукописей, но также и для произведений печати, и является одним из всеобщих свойств книжной культуры в целом и — соответственно — одним из этапов познающего эту культуру книговедения. Вершиной этого познающего книговедения является исследование рукописных списков или печатных изданий, которое одно только и способно представить содержание письменных или печатных остатков именно как памятник книжной культуры.

Книжная культура — явление общественное, а потому и историческое. Совместный труд людей — членов книжного социума — неизменно вынуждал их вступать в определенные взаимоотношения в ходе производства, сбыта и потребления книги (сначала — рукописной, позже — печатной). И совокупность этих взаимоотношений в свое время (в XVIII – начале XX века) создавала живой, действующий *книжный рынок* арабоязычной книги. В свое время этот книжный рынок оказывал активное воздействие на все (а не только читающее и пишущее) общество и испытывал на себе не менее активное ответное воздействие последнего. И материальный, и духовный результат этого взаимного воздействия мы и называем *арабоязычной книжной культурой*.

Книжный рынок производил, сбывал и потреблял книги, но это были не памятники или остатки книжной культуры, это были *его произведения*. Разделение этих произведений на памятники и остатки принадлежит не книжному рынку, оно принадлежит изучающей его дисциплине, возникшей гораздо позже, — книговедению.

В распоряжении книговедения сегодня остался лишь один участок книжного рынка — его сфера потребления, которая трудами археографов в поле принимает форму сферы вторичного обращения. Лишь некоторым находкам вторичного обращения — остаткам бывшего книжного рынка — трудами археографов в кабинете посчастливится стать памятниками книжной культуры, остальные навсегда обречены быть ее остатками.

Однако книговедческое разделение книг вторичного обращения на *памятники* и *остатки* не учитывает всего попавшего в руки материала. Археографы, разбирающие полевые находки, прекрасно знают о том, что среди них есть еще одна часть — фрагменты и отдельные титульные листы. И этой-то части, ввиду ее неполноты, никогда не стать памятниками книжной культуры, но постоянная надежда на случайную удачу соединения с родными книжными блоками этих фрагментов и титульных листов позволяет называть их следами, ведущими к остаткам книжной культуры, или проще — *следами ее остатков*.

Для данной статьи в процессе паспортизации находок археографической экспедиции ИИЯЛ УНЦ РАН летом 2014 года в Дуванском и Салаватском районах Республики Башкортостан из них были извлечены один шмуцтитул и двадцать три титульных листа, привезенных ее участниками (Аккубековым Р.Ю. — руководителем, Давлетшиным Р.А., Надергуловым М.Х., Сибгатовым Ф.Ш. и Хусаиновым С.М.).

Ниже публикуются описания этих титульных листов на алфавите и языках оригиналов в азбучном порядке имен их авторов или заглавий. После заглавия приводятся имеющиеся краткие сведения, относящиеся к заглавию (подробные сведения об авторе и произведении опускаются), порядковый номер издания, имя издателя, дата цензурного разрешения, место издания, типография, год издания (последние три элемента повторяются по-русски, если они есть на титульном листе) и название серии.

Бумага титульных листов находится в плохом состоянии, особенно пострадали от времени и рук человека их поля: они осыпались, перегнуты или оторваны. Поэтому форматы титульных листов приводятся по размерам внешних краев украшающих их рамок, отсутствие которых указывается особо, и тогда формат титульного листа отсутствует.

После сведений о рамке приводится номер титульного листа в папке хранения «Фрагменты и титульные листы» находок экспедиции (акт 190), присвоенный ему при паспортизации и не совпадающий с порядковым номером в данной статье.

Перед сведениями о рамке во всех случаях сообщается, на каких языках напечатаны произведения, в редких случаях даются аннотация произведения и ссылки на каталоги

рукописей и книг, перечисленных в библиографии.

Общепринятые в библиографических описаниях сокращения дополнены арабскими сокращениями. «без места издания» и «без года издания». Все сведения, заключенные в прямоугольные скобки, принадлежат автору данной статьи.

سرلوحه
حرف الالف

1

اسماعيل بن عثمان بن بكر بن يوسف الشهير بعثمان پازارى.

[تفهيم المتفهم] شرح على تعليم المتعلم / محمد على ابن منهاج الدين قدیرف ننگ خراجاتی ایلان طبع اولنه.

Цензурное разрешение: СПб., 19 ноября 1900 г.

قزان: دومراواسكى مطبعهسى، 1901.

Казань: Типография Б. Л. Домбровского [б. г.].

— Арабский язык. Толкование трактата Бурханаддина аз-Зарнуджи о наставлении стремящимся к знаниям [GAL SBd I, 837, No 17, Cmt. 6]. Размеры рамки: 21,8×14,2 см. (№ 9).

2

الاميرخانى، ظريف.

احاديث قدسيه ترجمهسى ایلان / ناشر و مرتبى امام ظريف الاميرخانى.

قزان: «اورنهك» مطبعهسى [د. ت.].

Казань: Электро-типография „УРНЭК“, 1909.

— Арабский и тюркский языки. Без рамки (№ 22).

3

[اوشبو] نسخه‌داكى دعالار / [ناشرى] مطبعه كريميه.

Цензурное разрешение: СПб., 31 октября 1901 г.

قزان: مطبعه كريميه، 1901.

Казань: Типография т-го Д-ма Бр-ев Каримовых [б. г.].

— Тюркский и арабский языки. Размеры рамки: 14,5×9,2 см. (№ 17).

4

الاولشى، [سراج الدين على بن] عثمان الفرغانى.

بدء الامالى ترجمهسى. 2 نچى مرتبه باصلوى / مصنفى عثمان بن... الاولشى؛ مترجمى شيخ الاسلام حميدى (مينزمله اويازى ياخشيباى قريه‌سنده امام خطيب و مدرس)؛ ناشرلى بردران كريميلر.

قزان: مطبعه كريميه، 1908.

Казань: Типография Т-го Д-ма „Братья Каримовы“, 1908.

— Стихотворное произведение. Арабский язык с подстрочным тюркским переводом [КК ИКУ, 337; GAL I, 429, No 15, I: здесь приведены другие названия произведения: «Ал-касида ал-ламинья фи-т-тавхид», а по первым словам — «Касидат йакул-л-‘абд»]. Без рамки (№ 16).

5

الاولشى، [سراج الدين على بن] عثمان الفرغانى.

[بدء] الامالى ترجمهسى. 3 نچى مرتبه باصلوى / مصنفى عثمان بن... الاولشى؛ مترجمى شيخ الاسلام حميدى؛ ناشرلى بردران كريميلر.

قزان: مطبعه كريميه، 1912.

Казань: Лито-Типография Т. Д. „Бр. Каримовы“, 1912.

— То же. Без рамки (№ 23).

6

ايمان معناسى و هم فضيلتلى و ثوابلارى بياندهدر / محمد على منهاج الدين اوغلى ننگ خراجاتی ایلان.

Цензурное разрешение: СПб., 5 сентября 1896 г.

قزان: چيركوف خاتونى ننگ ورثلى ننگ طبع خانهسى، 1896

— Тюркский и арабский языки [КК ИКУ, 341, 1849 г.]. Размеры рамки: 13,9×8,7 см. (№ 19).

حرف الباء

7

بيکبولات ص.

دين درسلىرى. دورتچى جزء: تاريخ مقدس، سير النبى، عبادات. اوچنچى مرتبه باصلوى / ناشرى «صباح»

شرکتى، قزانده.

[د. م.، د. ت.]

На обороте листа подпись автора:

ایبول 5، یل 1918، اورنبورغ. ص. بیکبولات.

— Тюркский и арабский языки. Без рамки (№ 20).

حرف التاء

8

ترجمه‌لی احادیث منتخبه. صبیان صنفلرینک 3—؛ نچی‌لری اوچون ترتیب اولندی. اوچنچی قات باصلووی / ناشرلری برادران کریمفلر.
قزان: مطبعهء کریمیه، 1917.

— Арабский и тюркский языки. Без рамки (№ 14).

9

التکوی، شاکر جان الحمیدی.
هفتیک تفسیری آچق قزان تلنده. تفسیر خازندن استفاده ایله ممکن قدرلی آیروب هر بر سوزگه بر معنا بیروب تفسیر ایدلدی اوشانداق آیتلرینک نی خصوصوده اینگاننی بیان و هر بر سورمنک نچه آیت – قابده اینگان – نچه سوره – و نچه حرف ایکاننی بیان ایتوب تفسیر ایدلدی. ایکنچی مرتبه باصلنوی / مفسری شاکر جان الحمیدی التکوی / ناشری مطبعهء کریمیه.
قزان: مطبعهء کریمیه، 1907

Казань: Типография Т-го Д-ма „Бр. Каримовы“, 1907.

— Арабский и тюркский языки. Размеры рамки: 20,3×13,2 см. (№ 1).

حرف الحاء

10

الحاجطرخانی، عبد الرحمن بن اسماعیل بن عمر.
معلم صرف لسان العرب. مبتدیلره آز وقتده یکلک اوزره عرب تلینک صرفی بلدر. قزانده معلملر طرفندن فیول ایدلوب کوب اورنلرده فائده‌سی تجربه ایدلمشدر. بیسنچی مرتبه باصلوی.
[حاجطرخان:] „عمرف و شرکاسینک تجارتخانه‌سی“، 1911.

Астрахань: Типография „Т-го Д-ма А. Умерова“, 1911.

— Тюркский и арабский языки. Надписи владельцев чернилами и простым карандашом. Без рамки (№ 5).

11

حسن علی.

دین درس‌لری. ایکنچی کتاب: ابتدائی مکتبلرینک اوچونچی صنفینا مخصوص عقیده حکملری. برنچی بولم / ناشری «بلک» کتبخانه‌سی، اورنبورغه. — (اسلام دینی‌نک عقیده‌لری).
اورنبورغ: «یاکی وقت» مطبعه‌سی، [د. ت].

Оренбург: Тип. газ. „Янги Вакт“, 1918.

— Тюркский и арабский языки. Без рамки (№ 4).

حرف الدال

12

دعاء قدح النور و تفسیر ابجد / قزان اویازیننک توبان قورصا اولی حاجی شمس الدین حسین اوغلی‌ننک خراجاتی ایلان.

Цензурное разрешение: СПб., 3 июля 1897 г.

قزان: چیرکوف خاتونی‌ننک ورثهلریننک طبع خانه‌سی، 1897.

Казань: Типо-Литография наслед. М. Чирковой [б. г.].

— Тюркский и арабский языки [КК ИКУ, 340, 1848 г.]. Размеры рамки: 14,5×8,6 см. (№ 15).

حرف الراء

13

رضاء الدین بن فخر الدین.
شاگردلک آدابی. علم تحصیل ایتکان زمانده شاگردلر ایچون کرک اولغان نرسه‌لر (ادبلر) بیان ایدلمشدر. علم اخلاقدن بیسنچی جزء. بیسنچی طبع.
[قزان: ملت تطبعه‌سی، 1909].

— Тюркский язык [Ризаэтдин Фахретдинов, 200]. Без рамки (№ 3).

کتاب مستطاب رونق الاسلام.

Цензурное разрешение: СПб., 18 ноября 1896 г.

قزان: اونیویرسیتیتی ننگ طبع خانہ سی، 1896.

Казань: Типо-Литография Императорского университета, 1896.

— Тюркское стихотворное произведение [КК ИКУ. С. 343, 1850 г.; КТР, № 1055–1062]. Размеры рамки: 18,9×11,2 см (№ 7).

حرف الزاء

معلم العبادات. ایکنچی قسم. بشنچی مرتبه باصلدی / ناشری صباح کتب خانہ سی.

[د. م، د. ت].

Казань [б. г.].

— Тюркский и арабский языки. Без рамки (№ 21).

حرف الصاد

مختصر الوقایة ترجمہ سی / مترجمی محمدی الصالحی (المتوفی 1307 هـ، 1889 م). اول مرتبه طبع سی / بمصارف

صاحب المطبعة محمد جان و اخویه.

Цензурное разрешение: СПб., 7 февраля 1902 г.

قزان: المطبعة الکریمیہ، 1902.

Казань: Типо-литография Т. Д. Бр. Каримовых [б. г.].

— Тюркский перевод арабского произведения [Об оригинале см.: КК ИКУ, 334]. Размеры рамки: 22,5×14,8 см. (№ 8).

حرف الفاء

فرض عین (حروف التهجی کتابی یعنی الفباده بولغوجی مناجات لار) (و هم در غاری کتابی فرض عین لار بیانی) /

حاجی مالک ملا محمد او غلی خراجاتی ایلان.

Цензурное разрешение: СПб., 9 марта 1896 г.

قزان: ویچیسلاف ننگ طبع خانہ سی، 1896.

— Тюркские стихотворные произведения и молитвы на арабском языке [КТР, № 433; иное название издания см.: КК ИКУ, 336]. Размеры рамки: 18,8×12,2 см. (№ 18).

حرف القاف

قصهء سیف الملک / ابراهیم اشمراد او غلی ننگ خراجاتی ایلان.

Цензурное разрешение: СПб., 18 августа 1883 г.

قزان: کوکوبین ننگ طبع خانہ سی، 1300 [1883].

— Тюркское стихотворное произведение [КК ИКУ. С. 327–328 без указания автора; КТР, № 1363]. Размеры рамки: 18,7×11,7 см. (№ 6).

حرف الکاف

مختصر تاریخ اسلام. ایکنچی قسم.

اورنبرغ: «کریموف، حسینوف و شرکاسی» ننگ مطبعہ سی، 1912.

— Тюркский язык. Без рамки (№ 12).

کلام شریف تفسیری. تفسیر فوائد.

Цензурное разрешение: СПб., 18 января 1889 г.

[د. م، د. ت].

[Казань: Типография Вечеслава].

— Арабский текст Корана с тюркским разъяснением его смысла. Источником этого разъяснения был не арабский оригинал, а его персидский перевод «Фатх ар-Рахман би-тарджамат ал-Кур'ан» [Стори, 155; Ansari, 255], или «Фатх ар-Рахман фи тарджамат ал-Кур'ан» [Hermansen], который выполнил в 1151/1738 г. Кутб ад-Дин Ахмад, известный как Вали Аллах бин 'Абд ар-Рахим ад-Дихлави (1114/1703 – 1176/1762) [Стори, 155; о других вариантах его имени см. Ansari, 254; Hermansen]. На обороте описываемого титульного листа имя персидского переводчика читается как Шах Вали Аллах бин Шах 'Абдаррахим ад-Дихлави. Есть османский перевод «Фатх ар-Рахман битарджамат ал-Кур'ан» Мухаммада Хайрадин-хана Хайдарабади, изданный в Булаке в 1294/1877 г. под заглавием «Ат-тафсир ал-джамали 'ала-т-танзил ал-джалали» [Стори, 157]. Данный «Тафсир-и фава'ид» назван изделием казанской типографии Вечеслава [Сафиуллина, 71]. Размеры рамки: 24×12,4 см. (№ 20).

حرف الميم

21

محمد صادق.

جماعت نماز لرینه یورو خاتونلر غه رخصت! / ناشری محمد یوسف محمد امین اوغلی دی بیردی یف.

[د. م. د. ت.]

Петроград: Типография М.-А. Максutowa, 1916.

— Тюркский язык. Без рамки (№ 13).

حرف النون

22

[النووی، محی الدین ابی زکریا یحیی بن شرف الدین].

[کتاب] الاربعین [فی الحدیث] النووی / ناشرلری برادران کریموفلر.

قران: کریموفلر مطبعهسی [د. ت.]

Казань: Типография т-го Д-ма «Бр. Каримовы», 1909.

— Арабский язык. Сорок два хадиса [GAL I, 394, No 30, IX; AP KK, № 807–814]. Без рамки (№ 10).

حرف الیاء

23

ینابیع.

تعبیر نامه ینابیع ترجمهسی. مطبعه کریمیه 3 نجی طبعسی / [ناشری] مطبعه کریمیه.

Цензурное разрешение: СПб., 5 ноября 1905 г.

قران: مطبعه کریمیه، 1906

Казань: Типография Торг. Д-ма „Бр. Каримовы“, 1906.

— Тюркский перевод арабского произведения [KK ИКУ, 337, 398]. Размеры рамки: 18×12,2 см. (№ 11).

لاحقه

حرف النون

24

نماز خوجهسی [! — صواب: خواجهسی] دیوب آد قویدم. شول نرسه لار تحقیق قیلمشدر که حلبی کتابی اوقماغان آدمлар نماز قیلغان وقت لارنده کیمچیلک لاری بولاچی معلومدر بو حالده بو کتابمزنی تماما اوقور ایسه بیک کوب کشی لار کیمچیلک لارن آنکلاب درستلوچیلک لاری معلومدر چونکه بو کتابده حلبی دن آلوب یازدوم. مذهبمز امام اعظم دور.

— Упомянутый в приведенном пояснении Халаби написал два арабских толкования трактата о молитве «Мунйат ал-мусалли ва гунйат ал-мубтади» Садидаддина ал-Кашгари [GAL I, 432, Cmt. 2 a, 2 b; GAL SBd I, 660, 2 a, 2 b; AP KK, № 3114–3119 и 3120–3134]. Малое из них — «Гунйат ал-мутамалли» — переведено на тюркский язык Ибрахимом бин Мухаммадом бин Ибрахимом ал-Бабатаги и издано в Стамбуле в 1239/1824 г. под заглавием «Терджюме-и гунйат ал-мутамалли» [Zenker. 97 № 1223], а в 1860 г. — в Казани под заглавием «Халаби терджюмеси Бабатаги» [GAL SBd I, 660, 2 a] — «перепечатка константинопольского издания» [KK ИКУ, 352]. Размеры рамки: 16,8×11,4 см (№ 2. Это не титульный лист — это шмуцтитул, третья страница издания).

Заключая описание титульных листов, следует указать на их родовую связь со всеми тремя упомянутыми выше сферами книжного рынка. По сведениям на большинстве листов мы устанавливаем места их издания (сфера производства), сам факт обнаружения их в Дуванском и Салаватском районах современного Башкортостана — это результат существования сферы сбыта на территории бывшего Златоустовского уезда Уфимской губернии и свидетельство того, что издания, следами которых являются эти титульные

листы, пользовались спросом у местных мусульман (сфера потребления). Что же касается репертуара читавшихся в этих краях рукописей и изданий, то он отчасти может быть восстановлен только после изучения всех находок археографических экспедиций ИИЯЛ УНЦ РАН последних лет на северо-востоке нашей республики.

Указатель заглавий

- احاديث قدسيه ترجمه سی ایلان 2
[اوشبو] نسخه داکي دعالار 3
ایمان معناسی و هم فضیلت لری و ثواب لاری بیاننده در 6
بدء الامالی ترجمه سی 4, 5
ترجمه لی احادیث منتخبة. صبیان صنفارینک 3-4 نچی لری اوچون ترتیب اولندی. اوچنچی قات باصلووی 8
تعبر نامه ینابیع ترجمه سی. مطبعه کریمیه 3 نچی طبعی 23
[تفهیم المتفهم] شرح علی تعلیم المتعلم 1
جماعت نمازلرینه یورو خاتونلرغه رخصت! 21
دعاء قدح النور و تفسیر ابجد 12
دین درس لری. ایکنچی کتاب: ابتدائی مکتبلرنک اوچونچی صنفینا مخصوص عقیده حکم لری. برنچی بولم 11
دین درس لری. دورتنچی جزء: تاریخ مقدس، سیر النبی، عبادات. اوچنچی مرتبه باصلووی 7
شاگردلک آدابی. علم تحصیل ایتکان زمانده شاگردلر ایچون کرک اولغان نرسلر (ادبلر) بیان ایدلمشدر. علم اخلاقدن بیشنچی جزء. بیجنچی طبع 13
فرض عین (حروف التهجی کتابی یعنی الفباده بولغوچی مناجات لار) (و هم در غاری کتابی فرض عین لار بیانی) 17
قصه سیف الملک 18
کتاب مستطاب رونق الاسلام 14
[کتاب] الاربعین [فی الحديث] النووی 22
کلام شریف تفسیری. تفسیر فوائد 20
مختصر الوقایه ترجمه سی 16
مختصر تاریخ اسلام. ایکنچی قسم 19
معلم العبادات. ایکنچی قسم. بیشنچی مرتبه باصلدی 15
معلم صرف لسان العرب. مبتدیلره آز وقتده یکلک اوزره عرب تلیک صرفی بلدر. قزانده معلملر طرفندن قبول ایدلوب کوب اورنلرده فائده سی تجربه ایدلمشدر. بیشنچی مرتبه باصلوی 10
نماز خوجه سی 24
هفتیک تفسیری آچق قران تلنده. تفسیر خازندن استفاده ایله ممکن قدرلی آیروب هر بر سوزگه بر معنا بیروب تفسیر ایدلدی اوشانداق آیتلرنک نی خصوصوده اینگاننی بیان و هر بر سورمنک نه آیت - قایده اینگان - نه سوره - و نه حرف ایکاننی بیان ایتوب تفسیر ایدلدی. ایکنچی مرتبه باصلووی 9

Указатель авторов

- اسماعیل بن عثمان بن بکر بن یوسف الشهیر بعثمان پازاری 1
الامیرخانی، ظریف 2
الاوشی، [سراج الدین علی بن] عثمان الفرغانی 4, 5
بیکولات ص. [صنعة الله] 7
التکوی، شاکر جان الحمیدی 9
الحاجطرخانی، عبد الرحمن بن اسماعیل بن عمر 10
حسن علی 11
رضاء الدین بن فخر الدین 13
زبیری ح. [حبيب الرحمن] 15
الصالحی محمدی 16
کریموف، فاتح 19
محمد صادق 21
[معروفی، قربان علی] 18
[النووی، محی الدین ابی زکریا یحیی بن شرف الدین] 22
[وفائی] 14
ینابیع 23

Литература

1. Ansari, A. S. Bazmee. Al-Dehlawi, Shah Wali Allah // Encyclopaedia of Islam. New Edition. 4th Impression. — Leiden, 1991. Vol. II.
2. GAL — Brockelmann C. Geschichte der arabischen Literatur. — Weimar, 1898. 1. Bd.; — Berlin, 1902. 2. Bd.
3. GAL SBd — Brockelmann C. Geschichte der arabischen Literatur. — Leiden, 1937–1938. 1. – 2. Supplementbände.
4. Hermansen, Marcia K. Dehlavi, Šah Wali-Allah Qotb-al-Din Ahmad Abu' l-Fayyaz // URL: www.iranicaonline.org/articles/dehlavi# (accessed on 20 March 2015).
5. Zenker J. Th. Bibliotheka orientalis. Manuel de Bibliographie Orientale. — Leipzig, 1861. II^e Vol.
6. АР КК — Арабские рукописи Института востоковедения Академии наук СССР: Краткий каталог / Сост. С. М. Бациева, А. С. Боголюбов, К. А. Бойко и др. — М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1986. Ч. I.
7. Булгаков Р. М. Об опыте изучения памятников старотюркской письменности Башкортостана с точки зрения книжной культуры // Культура и образование: Сборник статей. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2002. Вып. 4. — С. 162–185.
8. КК ИКУ — Каталог книг, отпечатанных в типографии Императорского Казанского университета с 1800 по 1896 год / Сост. А. Т. Соловьев, Н. Ф. Катанов. — Б. м., б. г.
9. КТР — Дмитриева Л. В. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук. — М.: Вост. лит., 2002.
10. Риззатдин Фахретдинов: Научно-биографический сборник / Сост. Р. Марданов, Р. Миннуллин, С. Рахимов. — Казань: Рухият, 1999 (на тат. и рус. яз.).
11. Сафиуллина Р. Р. Арабская книга в духовной жизни татарского народа. — Казань: Алма-Лит, 2003.
12. Стори Ч. А. Персидская литература: Био-библиографический обзор. В 3-х ч. / Пер. с англ., перераб. и доп. Ю. Э. Брегель. — М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1972. Ч. I.

УДК 811.512.2'28

А.А. Бурыкин, г. Санкт-Петербург

ДРЕВНИЕ ТЮРКСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ДИАЛЕКТОЛОГИИ, АРЕАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В статье обсуждается вопрос об идентификации древних тюркских заимствований в тунгусо-маньчжурских языках и использовании древних тюркских заимствований в тунгусо-маньчжурских языках для дальнейшего изучения истории тюркских языков.

Ключевые слова: лексика, заимствования, тюркские языки, тунгусо-маньчжурские языки, исчезнувшие языки.

ANCIENT TURKIC LOANS IN THE TUNGUS-MANCHU LANGUAGES AS A SOURCE FOR DIALECTOLOGY, AREAL LINGUISTICS AND HISTORY OF THE TURKIC LANGUAGES. *The article discusses the question on identification of ancient Turkic loans in the Tungus-Manchu languages and use of ancient Turkic loans in the Tungus-Manchur languages for the further study of history of the Turkic languages.*

Keywords: lexicon, loans, Turkic languages, Tungus-Manchu languages, extinct languages.

Алтайская теория ныне известна большинству лингвистов как теория контактных ареальных связей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, и в меньшей степени – как теория генетического родства этих языков, хотя и выглядит парадоксом, но имеет свои причины. Главная из них – отсутствие традиций сравнительно-исторического языкознания и опытов реконструкции древних состояний, что создавало иллюзии связи представлений о сходстве языков с идеями об их родстве и как следствие – представлений о несходстве с идеями об отсутствии родства. Другая причина – доступность и наглядность обнаружений явных сходств в лексике и преподнесение их как

однонаправленных – с приоритетом тюркских источников влияния на монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, монгольского влияния на тувинский и якутский языки, и взаимных – например, следствия контактов якутского и тунгусо-маньчжурских языков, отчасти контактов бурятского и эвенкийского языков, которые известны со времен М. А. Кастрена и которые стали источником ряда идей-фантомов в алтаистике – от избытка монголизмов в тунгусо-маньчжурских языках до локализации прародины тунгусов в Прибайкалье, опровергнутой археологами в 1960-1970-е годы.

Теория генетического родства алтайских языков, куда включались тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки, сложилась в 1910-е годы благодаря трудам Б. Я. Владимирцова, продолженным Н. Н. Поппе: в 1920-е годы Г. Рамstedт и Е. Д. Поливанов добавили к алтайской семье корейский и японский языки, после чего алтайская теория обрела главный признак теории родства конкретной языковой семьи – закрытость, т.е. невозможность причислить к данной семье какой-либо язык или группу языков с той же степенью доказательности.

Понимание алтайской общности как общности языков, имеющей контактную природу, с 1960-х годов приписывается В. Котвичу, что необоснованно – и сам В. Котвич не отрицал возможности древнего родства алтайских языков, и его возраст алтайской семьи в 3000 лет считается минимальным из предполагаемых, и применяемые им сопоставительные методы (в которых исключена сравнительно-историческая фонетика, а морфология и лексика сопоставляются по внешнему сходству в синхронных состояниях) по существу не могли дать другого результата (см. [Бурыкин 2015]). Исследования контактных связей отдельных тюркских языков (чувацкий и языки Урало-Поволжья) и языков разных групп, так же как и выявление заимствованной лексики в старейших письменных памятниках на тюркских и монгольских языках представляют собой самостоятельные задачи, но не могут претендовать на обеспечение источниковедения алтайской теории, поскольку в подобных случаях речь идет об общеизвестных фактах и об узнаваемых примерах, которые никто никогда не признавал за образцы общеалтайского наследия.

Системы фонетических соответствий в алтайских языках на уровне линейной структуры слова ни в одном из вариантов не давали возможности отграничивать исконную (пусть предполагаемую) общеалтайскую лексику и какие-либо заимствования. Предложенные автором данной работы дополнения к реконструкции, позволили выявить специфику общетюркской реконструкции в отношении к общемонгольской и общетунгусо-маньчжурской реконструкциям. Для тюркских языков на уровне общетюркского состояния в отношении к другим группам алтайских языков (прежде всего монгольской, наиболее архаичной) характерны следующие изменения фонологической структуры слова:

1) Отпадение ауслатного комплекса ГС: п.-мо. *mösün* ‘лед’ ~ др.-тюрк. *bu:z* ‘лед’; п.-мо. *xonin* ‘овца’ ~ др.-тюрк. *qoj* ‘овца’.

2) Фронтальное выпадение первого согласного в консонантных сочетаниях: п.-мо. *dürsün* ‘изображение, вид, форма’ ~ др.-тюрк. *jü:z* ‘лицо’; п.-мо. *agta morin* ‘лошадь’ ~ др.-тюрк. *at* ‘лошадь’, п.-мо. *elzigen* ‘осел’ ~ др.-тюрк. *ešäk* ‘осел’, п.-мо. *aldar* ‘слава, имя’ ~ др.-тюрк. *a:t* ‘имя’, монг. *хэлбэр* ‘форма, вид’ ~ тюрк. *ker* ‘форма’, тогда монг. *хэв* ‘порядок, печать, форма’ – доказуемый тюркизм.

3) Синкопа гласного второго слога и выпадение первого согласного во вторичном сочетании согласных: письм.-монг. *deresün* ‘камыш’ ~ др.-тюрк. *jiz* ‘тростник’. Иногда системные закономерные преобразования меняют облик слова в тюркских языках до неузнаваемости при сохранении семантики: ср. монг. *хорхинцог* ‘стручок’ ~ татар. *кузак* ‘стручок’, п.-мо. *büselegür* ‘поясница’ ~ др.-тюрк. *bel* ‘поясница’, эвенк. и якут. *амсир* ‘горноста́й’ (< чукот. *эмчакокалгын* ‘горноста́й’ ~ др.-тюрк. *a:s* ‘горноста́й’ и др. Эволюция фонетической структуры слова в тюркских языках поддерживается аналогичными тенденциями в некоторых тунгусо-маньчжурских и монгольских языках, в

то время как трактовка монгольских и тунгусо-маньчжурских форм как модификаций тюркских слов на синхронном срезе ранних тюркских памятников полностью лишена доказательств. Материал тунгусо-маньчжурских языков мало отличается в интересующем нас аспекте от монгольского и на нем можно не останавливаться. Три формулы – *mösiin ~ buz*, *dürsün ~ jüz*, *deresün ~ jiz* – показывают нам соотношение монгольских и тюркских слов в рамках общеалтайской реконструкции и одновременно обозначают направление эволюции структуры слова в алтайских языках от монгольского состояния (самого раннего) до тюркского состояния (наиболее позднего, несмотря на древность письменных памятников). Все лексические корреспонденции, которые не укладываются в приведенные монголо-тюркские корреспонденции, однозначно признаются заимствованиями, и это, во-первых, позволяет с надежностью выделять общеалтайские лексемы, во-вторых, реально обосновывать заимствованный характер слов, не являющихся исконными в монгольских или тюркских языках.

Изучение монгольской и тунгусо-маньчжурской лексики на предмет выявления более ранних или более специфичных тюркских заимствований, которые могли бы подтвердить или опровергнуть общеалтайскую реконструкцию или внести что-либо новое в понимание общетюркской реконструкции является важным моментом. Методика подобных исследований в определенной мере представлена в книге А. В. Дыбо [Дыбо 2007]; в теоретических работах по компаративистике [Сравнительно-историческое изучение 1991] это направление исследований освещение не получило.

Как известно, в тюркских языках лишь небольшое число фонем демонстрирует нетривиальные фонетические соответствия по отдельным языкам и с трудом используется как классификационные признаки для групп тюркских языков. Это согласные **δ* – интердентальный (рефлексы: -j- ~ -δ- ~ -з- ~ -д'- ~ -т-, в старых тюркских заимствованиях в маньчжурском – ч, ср. ма. *хучин* ‘колодец’, в ряде случаев -с-, как в монг. *хусам* ‘береза’ ~ др.-тюрк. *qadīn*, **z* (рефлексы: з ~ с ~ h), **š* (рефлексы: ш ~ с ~ h), в ненадлежащей позиции и начальный **j*- (в общепринятой реконструкции Б. А. Серебrenникова, рефлексы по языкам j ~ # ~ 3 ~ ж ~ д' ~ ч ~ с ~ г), и согласные *č* и *s* во всех позициях (рефлексы **č*: ч ~ ш ~ с ~ h, рефлексы **s*: с ~ h ~ #).

Рассмотрим показательный пример – названия меди и ее сплавов в тунгусо-маньчжурских языках. Они представлены следующими формами: 1) Удэг. *тэуси* 1) ‘медь, латунь’; 2) ‘бронза’; и др. (ССТМЯ 2, 242). 2) Эвенк. диал. и др. *гэгин* ‘медь’ (ССТМЯ, 1, 177); 3) эвенк. *чучин*, *чучун* ‘медь’, эвен. *чучурми* ‘медь желтая’ (ССТМЯ 2, 418). 4) эвенк. *чи:риктэ* ‘медь (красная)’; ма. *сирин* ‘медь’ (ССТМЯ 2, 399), не имеющее отсылок к другим статьям этого словаря и не имеющее указаний на параллели в других языках. Все приведенные формы определенно гомогенны – они весьма «похожи», но они не могут признаваться рефлексами общетунгусо-маньчжурского названия меди в отдельных языках – они не укладываются в известные тунгусо-маньчжурские межъязыковые соответствия и образуют как бы собственную систему соответствий, которая корреспондирует с рефлексами тюркского начального **č*- и интердентального **δ*. Появление этих дублетов объясняется только тем, что они явно восходят к разным пратюркским диалектам, единственным свидетельством существования которых в тюркских языках осталось др.-тюрк. *čodīn* ‘медь’, но в тунгусо-маньчжурских языках следы таких диалектов сохранились в гораздо большем количестве и в большем разнообразии, чем это можно было бы предполагать. Таким образом, пратюркским архетипом названия меди оказывается **Ze3in* ~ **3i3in*, ~ **3o3in* – тогда источником всех приведенных выше пратюркских диалектных названий меди может быть китайское *qing¹tong²* (цзинтун) «бронза». У нас есть и другие примеры эволюции китайских слов-биномов до тюркских слов со структурой CVC, характерной для известного нам общетюркского состояния: др.-тюрк. *boš* ‘свободный’ ~ ма. *байсин* ‘свободный (от повинностей, службы, занятий)’ < кит. *бай²жэнь²* ‘человек без должности’ (ССТМЯ 1, 66), др.-тюрк. *bez* ‘материя’ ~ 1) ма. *вэнчэо*

‘ткань из шелковой и льняной нитей’ (ССТМЯ 1, 132), 2) орох. и др. *генчу* ‘название ткани’ (ССТМЯ 1, 146) – явные китаизмы.

Выявленные примеры старых тюркских заимствований в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках очень разнородны. Наиболее очевидными оказываются единичные тюркизмы, не утратившие сходств с известными нам тюркскими формами: ср. нан. *кэку:кэ*: ‘цветок’ (ССТМЯ 1, 445) < др.-тюрк. *čečäk* ‘цветок’; монг. *цэцэг*, бур. *сэсэг* ‘цветок’ – явный тюркизм из языка, похожего на якутский (в якутском лексема не сохранилась), ср. исконные проявления того же корня в монг. *цоморлог* ‘почка, бутон’, нег. *чимчуктэ*, орох, уд., ульч., нан. *чимчиктэ* ‘шишка, почка’ (ССТМЯ 2, 395) (**чимчиктэ*), свидетельствующие об утрате преконсонантного -м- уже в общетюркском или пратюркском, нег. *ма:ки* ‘голова медведя’, ср. др.-тюрк. *baši*, якут. *баһа* ‘его голова’.

Иногда в тунгусо-маньчжурских языках встречаются формы, близкие к прототюркским, которые легко отличить от явных тюркизмов, но трудно отличить от форм, дающих основания для реконструкции общеалтайского архетипа: ср. др.-тюрк. *qiz* ‘название птицы (голубой зимородок?)’ (ДТС 450) и эвенк. диал. *зиктэлгун* ‘зимородок’ (ССТМЯ 1, 256, ошибочно в статье *зиктэ* ‘ягода’: зимородок – хищник), и ульч. *синди* ‘зимородок’ (ССТМЯ 2, 88: **к’инди*) – как минимум одна, а возможно и обе формы являются прототюркскими заимствованиями: они обе сохраняют преконсонантные согласные, которые должны были быть утрачены в общетюркском состоянии.

Гораздо чаще проявления тюркских заимствований в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках встречаются в большом массиве параллелей, среди которых обнаруживается общеалтайский архетип и его групповые рефлексy, а основная масса примеров представляет разновременные заимствования, групповая принадлежность которых (тюркизмы) надежно устанавливается по структуре слов и рефлексам согласных с нетривиальными отражениями.

Древнетюркский корень *ed*, *eđ* ‘вещь, имущество, богатство’ (ДТС 162, 164), в реконструкции Э. В. Севортяна – ИЙ- (Севортян 1, 329-330), в словаре Э. В. Севортяна подается как гомогенный с тюркской лексемой *idi* ‘хозяин, владеец, обладатель’, *iđi* ‘господин (о боге)’, *ige* ‘хозяин, дух, божество’, *ije* ‘хозяин, господин (о боге) тур. диал. *ez* ‘хозяин, владеец’ (ДТС 203, 204, 205, Севортян 1, 237-241. Оба слова сопоставляются соответственно с монг. *ed* ‘вещь, имущество’ и с монг. *ezen* ‘господин, хозяин’ (Севортян 1, 330, 240). Предположение о том, что обе монгольские формы имеют тюркское происхождение (гомогенность их сомнительна), было бы вполне корректным, но оно не покрывает всего множества фактов, связываемых с рассматриваемыми тюркскими лексемами.

В монгольских языках выявляется целый ряд слов со значением «имущество»: ср. *агуурс* ‘вещи, имущество, пожитки, скарб, достояние’; *эд агуурс* ‘вещи, имущество, пожитки, скарб’; *адал*: *адал мал* ‘скот, стадо; имущество (как собственность); *зэслэг* ‘имущество, ресурсы, все, что необходимо для удовлетворения потребностей’; *уурс* ‘имущество; утварь; вещи, пожитки, скарб, достояние’; *эд уурс* диал. ‘имущество; утварь, пожитки’. Данные формы восходят к каким-то ныне не существующим тюркским языкам с изменением гласного *э>а* и к обозримым рефлексам интердентального **δ*.

Примеры, аналогичные наблюдаемым нами монгольским проявлениям тюркского *eđ* ‘вещь, имущество’, имеются и в тунгусо-маньчжурских языках:

1) эвенк. *эт* товар, сол. *эдэ* ‘вещь, имущество’ (ССТМЯ 2, 469); 2) Эвенк. ати товар (ССТМЯ 1, 58) < якут. *атыы*; 3) эвенк. *идэгэ*: ‘вещь, предмет, скарб, деньги’ (ССТМЯ 1, 298); 4) эвенк. *аннга*: ‘предмет, вещь, утварь, одежда’ (ССТМЯ 1, 43). 5) эвенк. *учарук* ‘коробка берестяная женская’ (ССТМЯ 2, 296): образование с суффиксом вместилищ -рук того же корня; 6) Эвенк. ирги- ‘вскормить’ (<*идги-) ~ ульч. *узи(н)* ‘хозяйство, скот’, орок. *узи(н)*, нан. *узи(н)* ‘скот’, ма. *узин* ‘домашний (о рабе, животном)’ (ССТМЯ 1, 325-326); 7) ма. *хэтхэ* ‘имущество’ (ССТМЯ 1, 483); 8) орок. *ойоско* (<*эйэ-кэсэ) ‘вещь, имущество, инвентарь’ (ССТМЯ 2, 9).

Др.-тюрк. *idi* 'хозяин, владелец, обладатель' сравнивается с монг. *ezen* 'господин, хозяин', 'дух-хозяин, божество'. Демонические значения, похоже, сохраняются в таких проявлениях тюркской лексемы, как монг. *эдэн* 'вампир', *ариун* 'священный, святой, неприкосновенный'; монг. *яндаг* 'святой-пресвятой'.

Тунгусо-маньчжурские проявления тюркского *iDi* довольно разнородны, но диапазон их значений в общем соответствует разным значениям тюркской лексемы:

1) эвенк. зап. эксэри 'бог', ороч. эксукэн 'дух леса, душа умершего человека' (ССТМЯ 2, 444); 2) сол. эндури 'всевышний', нег. , ороч. эндури 'бог-хозяин неба', ульч., нан. эндури 'бог', ма. эндури 'дух, высшее существо' (ССТМЯ 2, 453); 3) нан. 'амзия название божка – одного из шаманских духов' (ССТМЯ 1,37); 4) ульч. ундалау 'название идола' (ССТМЯ 2,273); 5) эвен. эркэн 'талисман' (ССТМЯ 2, 465): к семантике ср. эвен. хэвкичэн 'талисман', букв. 'божок'; 6) нан. ага 'название божка- покровителя охоты' (ССТМЯ 1,11). 7) Эвенк., нег. оге:нга: ульч. оги:нга: 'злой дух' (ССТМЯ 2, 5); 8) Уд. огзо 'злой дух' (ССТМЯ 2,5); 9) эвенк., эвен арингка 'злой дух', нег. айи 'дух гор', нан. ари 'идол', ма. ари 'злой дух'; 10) ма. илзэхэдэо 'дух губитель' (ССТМЯ 1, 308).

Примеры с измененными значениями: 11) эвенк. и др. эди 'муж' (ССТМЯ 2, 437 и сл.); 12) ма. эйгэн. 'муж' (ССТМЯ 2, 440); 13) нег. хэнтэ 'хозяин медведя', ороч. хэнтэ 'человек, убивший медведя', уд. хэнтэ 'хозяин'; 14) Эвенк. подкам.-тунг. *этэг* 'вождь военный' (ССТМЯ 2, 470) Вероятно, дериватом от потестарной семантики этого же слова является следующее: 15) Ма. адунг'а- 'притеснять, прижимать, угнетать, мучить, изнурять' (ССТМЯ 1, 16). Еще одна группа проявлений-рефлексов того же тюркского корня приходится на названия хищных животных, вероятно, вследствие табуирования их именований: 16) Эвенк. утингэ 'волк' (ССТМЯ 2, 294); 17) Ороч. окс'а 'волк' (ССТМЯ 2,10); 18) Эвенк. е:дар 'косатка', нег. эдэн 'косатка', ульч., орок. эдэ(н) 'косатка' (ССТМЯ 1, 289); 19) нег. о:дан 'косатка' (ССТМЯ 2, 6); 20) эвен. очэтэлкэн 'косатка' (ССТМЯ 2, 30).

Предварительный итог исследования составляют более 200 лексем, идентифицируемых как тюркизмы по нетривиальным отражениями согласных *δ, z, š, č, *j-, каждая из которых насчитывает от 1 до 30 и более ранее не замечаемых проявлений в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках. Идентификация слов как заимствований основана на следующем: 1) изолированность или редкость слов в тунгусских языках; 2) культурный характер семантики; 3) отсутствие морфологической вариантности; 4) почти полное отсутствие семантических различий. Их появление объясняется тем, что тунгусы, мигрировавшие в левобережье Амура и другие смежные районы несколькими волнами в период после распада тунгусо-маньчжурской общности (с начала 1 тыс. до н.э. до середины 1 тыс. н.э. – времени разделения эвенков и эвенов) целиком ассимилировали провинцию, население которой говорило на пратюркских диалектах. Количество таких диалектов, если оценивать его по комбинациям рефлексов вышеперечисленных фонем в отдельных словах, составляет не менее 25-30 диалектов и языков, большая часть которых близка современному якутскому языку – что ожидаемо по ареальным соображениям.

Сделанные наблюдения означают, во-первых, то, что история тюркских языков может быть по данным таких заимствований удревнена на 1700 лет по сравнению с письменными памятниками и может уходить к 1 тыс. до.н.э. Во-вторых, данная перспектива достижима и достигнута только в рамках общеалтайской реконструкции и доказанного общеалтайского единства. В-третьих, единственной из реконструкций пратюркского состояния, способной выжить под давлением новых фактов, оказывается общепринятая ныне реконструкция, представленная в работах Б. А. Серебренникова и Э. Р. Тенишева. В-четвертых, «контралтаистические» соображения на тюркском материале не только оказываются лишенными перспективы, но и терпят очевидный крах.

Литература

1. Бурыкин А. А. Заметки на полях книги В. Котвича «Исследование по алтайским языкам»: к истории алтаистики и методике сравнительно-исторических исследований в

алтаистике // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XI. Ч. 2. – СПб.: Наука, 2015. – С. 128-149.

2. Древнетюркский словарь. – Л., 1969 (в тексте – ДТС).

3. Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. – М.: Наука, 2007. – 222 с.

4. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков. – М.: Наука, 1991. – 120 с.

5. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I-II. – Л., 1975-1977 (в тексте – ССТМЯ).

УДК 811.512.2'28

А. А. Бурыкин, г. Санкт-Петербург

Д. М. Насилов, г. Москва

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДИАЛЕКТОГЕНЕЗА: К ТИПОЛОГИИ ЯЗЫКОВЫХ СИТУАЦИЙ (ТЮРКСКИЕ, ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИЕ, МОНГОЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ)

Статья содержит анализ природных условий обитания этносов, оказывавший влияние на формирование диалектного членения тюркских монгольских и тунгусо-маньчжурских языков; географические особенности среды обитания монгольских народов предполагают смешение диалектов и появление вариантов слов, не имеющих территориальной локализации.

Ключевые слова: тюркские языки, монгольские языки, тунгусо-маньчжурские языки, диалекты, географическая среда, смешение диалектов.

GEOGRAPHICAL AND ETHNOGRAPHIC FACTORS OF ORIGIN OF DIALECTS: TO THE TYPOLOGY OF LINGUISTIC SITUATIONS (THE TURKIC, TUNGUS-MANCHU, MONGOLIAN LANGUAGES). *The article contains the analysis of an environment of habitation of ethnoses, influencing the process of dialectal division of the Turkic, Mongolian and Tungus-Manchu languages; geographical features of habitation of the Mongolian peoples assume mixture of dialects and occurrence of variants of words which do not have territorial localisation.*

Keywords: Turkic languages, Mongol languages, Tungus-Manchur languages, dialects, geographical environment, mixture of dialects.

То, что географические факторы играют важную роль в процессах глоттогенеза и происхождения территориальных различий внутри одного конкретного языка, само по себе хорошо известно и учитывается в сравнительно-исторических, ареальных и диалектологических исследованиях [Общее языкознание 1970, 451 и сл.]. Пространственные, диатопические (термин А.И. Домашнева [Домашнев 2001, 127]) различия внутри языкового коллектива и языковой общности представляют собой концептуальную лингвистическую универсалию: орокский язык (южнотунгусская группа тунгусо-маньчжурских языков), на котором ныне говорят менее 200 человек и время сложения которого отстоит от нас всего на 400-500 лет, сохраняет черты двух диалектов – северного и южного, в исчезающих палеоазиатских языках, где количество говорящих исчисляется десятками и единицами (юкагирский, кетский), имеющиеся диалекты начинают считаться отдельными языками. Данные случаи показывают примеры глоттогенеза и диалектогенеза в условиях территориальной обособленности, географическими условиями для которой являются наличие горных массивов, водных преград (реки, проливы между островами, островной характер территорий, определяющий пространственную дифференциацию японского языка).

Фактор взаимодействия территориальных языковых формаций с соседствующими языкам и диалектами и его роль в процессе глоттогенеза и диалектогенеза также хорошо известен. Однако далеко не все особенности географического ландшафта и историко-

этнографической специфики живущих в нем этносов, определяющие специфику языковых ситуаций в синхронии и особенно в диахронии, привлекают к себе должное внимание.

Тюркские языки – особенно такие, как татарский, башкирский, казахский, турецкий, якутский – занимают огромные территории, и этот фактор сам по себе способствует накоплению диатопических различий в процессе территориальной дифференциации вследствие неравномерности контактов между отдельными языковыми коллективами в пространстве и во времени. Для многих языков (азербайджанский, тюркские языки Южной Сибири) свою роль в процессе территориальной дифференциации и диалектогенеза играет роль фактор ландшафта: горный рельеф местности явно способствует территориальному варьированию языков. Тем не менее для большинства тюркских языков, носители которых распространились на значительных территориях, в сфере диалектогенеза характерны экстенсивные по характеру процессы территориальной экспансии, освоения территорий, которые в прошлом в какие-то периоды были незаселенными или слабозаселенными. Степи и лесостепи, тундра и лесотундра, таежные массивы, прорезанные крупными реками, составляют весьма благоприятный фактор для расширения территории расселения языкового коллектива и соответственно для территориальной дифференциации языка и образования диалектов. В таких ситуациях процесс диалектогенеза реализуется в основном как аккумулярование собственных различий, внешнее влияние языков соседей играет второстепенную роль в формировании территориальных вариантов языков, и; что существенно, в этих ситуациях мы наблюдаем взаимодействие между неродственными или очень отдаленно родственными языками, следы которого легко определяются и классифицируются в сравнительно-историческом изучении языков и языковых групп.

Для тунгусо-маньчжурских языков мы прослеживаем те же особенности формирования ареалов расселения коллективов говорящих на языках и те же черты процессов диалектогенеза. Область распространения тунгусо-маньчжурских языков на левобережье Амура была в известных пределах закрыта горными массивами, рекой Амур и ее притоками (Уссури) с востока и запада, но открыта с северо-востока, севера и северо-запада. Открытость этих пространств, заселенных северными тунгусами, предками эвенков и эвенов, мигрировавшими с юга, способствовала сильной диалектной дифференциации эвенкийского языка (около 50 диалектов и говоров [Мыреева 2006, 15-17] и эвенского языка (более 20 диалектов и говоров, не все территории изучены), следы влияния контактирующих языков (юкагирского, корякского, чукотского) в отдельных говорах заметны на уровне лексики и синтаксиса, но не эти влияния являются определяющими в генезисе отдельных диалектов. Контакты эвенкийских и эвенских диалектов на востоке Якутии и севере Хабаровского края не затрагивают языковой идентичности диалектов. Обособленный арманский диалект эвенского языка (исчезнувший в 1960-е годы), в котором встречаются заимствования из корякского и, возможно, других палеоазиатских языков, сохраняет основные классификационные признаки эвенского языка и попытки признать этот диалект отдельным языком на основе критерия взаимонепонятности или билингвизма арманских эвенов необоснованны.

В отличие от эвенкийского и эвенского языков другие северотунгусские языки – солонский и негидальский, не имеющие открытых пространств по соседству с территорией расселения носителей, не имеют явной диалектной расчлененности, два негидальских диалекта (территориальных варианта) очень близки друг другу.

Южнотунгусские языки (орочский, удэгейский, ульчский, орокский, нанайский) в своем генезисе и в происхождении территориальных вариантов связаны с территориальным разграничением групп пользователей языков природными факторами, прежде всего с условиями тайги и гор. Ороchский и ульчский языки не имеют выраженных диалектов, дивергенция территориальных вариантов удэгейского не слишком значительна, ареалы носителей нанайских диалектов отграничены друг от друга крупными реками – Амуром и его притоками. Кур-урмийский диалект нанайского языка

[Суник 1958] не только обособлен от других диалектов территориально, но и является смешанным в плане генезиса: в нем заметны южнотунгусские (собственно нанайские) и севернотунгусские (эвенкийские) компоненты в лексике, причем эти компоненты четко идентифицируемы и легко отграничиваются друг от друга. Ситуация с кур-урмийским диалектом нанайского языка является эталонной для разграничения исконных и неисконных элементов внутри языковой формации, будь то диалект, язык или группа родственных языков: до тех пор, пока точно не идентифицированы в системном плане все компоненты предполагаемой смешанной формации, такой ее характер не является доказанным. Яркий пример в этом плане – чувашский язык, где четко определяется собственная основа, заимствования из однозначно идентифицируемых тюркских языков Урало-Поволжья и столь же однозначно определяемых финно-волжских языков. Повидимому, не случайно Б.А.Серебренников, тюрколог и финно-угровед, прекрасно знакомый с ситуацией в контактной зоне Среднего Поволжья, никогда не высказывался в пользу трактовки алтайских языков как ареальной общности, возникшей в результате контактов, хотя и высказывал опасения в надежности обоснования родства алтайских языков в эпоху Рамстедта-Поппе, т.е. более 50 лет назад.

Если для формирования диалектного разнообразия и диалектного множества в большинстве тюркских языков и в тунгусо-маньчжурских языках с наибольшей численностью говорящих важную роль играет открытость географического пространства в каком-то из направлений и относительно постоянные направления миграций, зависящие от географических и климатических факторов и не связанные с языковой идентичностью, то для монгольских языков мы можем наблюдать и иные географические условия обитания коллективов говорящих на этих языках, и одновременно с этим – совершенно иной характер процессов диалектообразования и состава дифференцирующих или диатопических идентифицирующих элементов в территориальных вариантах языков. Классифицирующими признаками бурятского языка стали признаки тех диалектов, которые волевым решением были заложены в основу бурятского письменного языка с кириллической графикой, который заведомо должен был отличаться от монгольского литературного языка. Обособлению ойратского, позже – калмыцкого языка способствовали фонетические особенности, поддерживаемые с середины XVII века наличием собственного «Ясного письма» – Тодо бичиг, и спецификой морфологии (наличием спряжения глаголов). Диалекты бурятского, монгольского и особенно калмыцкого языков в целом гораздо ближе друг к другу, чем диалекты тюркских или тунгусо-маньчжурских языков, кроме того, территориальные варианты монгольских языков имеют ряд особенностей, которые на первый взгляд кажутся необъяснимыми.

По данным новых диалектных словарей [Амаржаргал 1988, Цолоо 1988, Гантогтох 2010], и в халха-монгольских, и в ойратских, и в бурятских диалектах при достаточно невыразительной лингвистической противопоставленности локальных вариантов языков обнаруживается очень большое количество исключений из известных фонетических соответствий, не объясняемых взаимным влиянием известных нам монгольских языков. Подавляющее большинство таких соответствий не являются регулярными и их появление не связано с территориальной дивергенцией. Большая часть таких нерегулярных соответствий – мена и отпадение начальных согласных, и в особенности выпадение первых компонентов сочетаний согласных внутри слова – сходны или полностью совпадают с теми процессами, которые характерны для тюркских языков в отношении их самостоятельной эволюции после обособления тюркских языков от других алтайских языков.

Согласно уточнениям в общеалтайской реконструкции, соотношение лексических единиц тюркских и монгольских языков в зависимости от структуры корня в монгольских языках в итоге сводится к трем типам: 1) Отпадение ауслаутного комплекса ГС: п.-мо. *mösun* ‘лед’ ~ др.-тюрк. *büz* ‘лед’; п.-мо. *xonin* ‘овца’ ~ др.-тюрк. *qoj* ‘овца’; 2) Фронтальное выпадение первого согласного в консонантных сочетаниях: п.-мо. *dürsün* ‘изображение, вид, форма’ ~ др.-тюрк. *jüz* ‘лицо’; п.-мо. *agta morin* ‘лошадь’ ~ др.-тюрк. *at* ‘лошадь’; 3)

Синкопа гласного второго слога и выпадение первого согласного во вторичном сочетании согласных: письм.-монг. *deresün* ‘камыш’ ~ др.-тюрк. *jiz* ‘тростник’.

Сходные явления встречаются в монгольских диалектах: 1) Выпадение преконсонантных плавных -г-, -л-: халх. диал. *bosog*, монг. *бэлтрэг* ‘волчонок’ [Амаржаргал 1988, 84] – ср. маньчж. *айсин* ‘золото’ при монг. *алтан*;; халх. диал. *butan*, монг. *бортого* ‘маленькое деревянное ведро, бадейка’ [Амаржаргал 1988, 89], халх. диал. *toxi*, монг. *төрх* ‘форма, вид’ [Амаржаргал 1988, 333]; ойр. диал. *tšagtšaxa*, *tšartša*;; ‘саранча’ ~ монг. *царцаахай* [Цолоо 1988, 849]; ойр. диал. *bid* ‘физическое развитие’ ~ п.-монг. *bildir* монг. *бялдар* ‘физическое развитие, рост’ [Цолоо 1988, 94]; ойр. диал. *utu* ‘длинный’ ~ п.-монг. *urtu*, монг. *урт*, ойр. письм. *urtu*, *utu* [Цолоо 1988, 880]; ойр. диал. *täwü:r* ‘буфет, полка’ ~ п.-монг. *talbigur* [Цолоо 1988, 811]. 2) Выпадение преконсонантного -j-: халх. диал. *a:rag*, монг. *айраг* ‘кумыс’ [Амаржаргал 1988, 57], халх. диал. *dong¹o*, монг. *дүйнгэ* глупый [Амаржаргал 1988, 107] и др.; 3) Выпадение преконсонантного -п-: халх. диал. *godžogor*, монг. *гонзгор* ‘длинный и узкий’ [Амаржаргал 1988, 157], халх. диал. *lato*;; ~ *lento*;;, монг. *лантуу*, п.-монг. *lantuu* ‘кувалда’ [Амаржаргал 1988, 230]; ойр. диал. *ärkintsi* ‘пьяница, алкоголик’ ~ п.-монг. *arikici*, монг. *архичин*, ойр. письм. *arikinci* [Цолоо 1988, 63]; ойр. диал. *dä:tsäxxä* уравниваться ~ монг. *тэнцэх* [Цолоо 1988, 163]; 4) Выпадение преконсонантного -s-; ойр. диал. *owa:xa*;; ‘лачуга, кибитка, шалаш’ ~ монг. *овосхой* [Цолоо 1988, 698]; ойр. диал. *xäkräxxä* ‘кричать’ ~ монг. *хаишгарах* [Цолоо 1988, 413]; 5) Выпадение преконсонантного -g-: халх. диал. *adzigar*, монг. *агзгар*, п.-монг. *agdžagar* ‘коротенький, низкорослый’ [Амаржаргал 1988, 38]. То же наблюдается в бурятских диалектах: *натарха* ‘быть рваным’, *отолхо* ‘огтлох, резать, рубить, ogtulqu’, *тажагар* ‘тагжгар, приземистый’, *ута*, урта, ‘урт, длинный’, *шашаха* ‘чалчих, болтать’ [Гантогтох 2010, 356–663].

В диалектах монгольских языков, даже находящихся в зоне контактов с другими языками (у бурятского – с эвенкийским, у монгольского – с тувинским и казахским, у калмыцкого – в прошлом с ногайским) лексических заимствований из контактирующих языков не так и много, если не завышать оценку количественных данных, ср. «...в нижнеудинском говоре зафиксировано около 30 тюркских по происхождению слов, не имеющих параллелей в других монгольских языках. Это говорит о сильном и глубоком влиянии тюркских языков на бурятский язык и его говоры, главным образом западные. А из них более всего на нижнеудинский говор» [Рассадин 1999, 147, курсив наш. – А. Б.]. Ясно, что «около 30 слов» в говоре, иаиболее тюркизированном по мысли автора, никак не вяжутся с «сильным и глубоким влиянием» тюркских слов на бурятский язык».

Непонятные явления с изменением фонетической структуры слов в отдельных монгольских языках, отмеченные диалектными словарями, находят объяснение в том, что для монгольских языков характерна не пространственная диалектная экспансия, а смешение локальных вариантов языков, благодаря чему локальные особенности не закреплялись, а нарождавшиеся диалекты почти бесследно растворялись в консолидированных языковых формациях. Причины такой судьбы локальных вариантов языков также имеют географическое объяснение: жители долин внутри горных массивов в области, получившей название Халха по особенностям рельефа, не имели шансов на дальние и длительные миграции и не имели по соседству свободных слабозаселенных территорий.

Литература

1. Амаржаргал Б. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. I. Халх аялгуу – Улаанбаатар: ШУА хэвлэх үйлдвэрт, 1988. – 718 х.
2. Гантогтох Г. Буриад аялгууны толь. – Уланбаатар, 2010 (2011). – 720 х.
3. Домашнев А. И. Проблемы классификации немецких социолектов // Вопросы языкознания. – М., 2001. – № 2. – С. 127-139.
4. Мыреева А. Н. Диалектология эвенкийского языка. – Якутск: б.и., 2006. – 40 с.
5. Общее языкознание. Форма, функции, история языка. – М.: Наука, 1970. – 597 с.

6. Рассадин В. И. Становление говора нижеудинских бурят. – Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО РАН, 1999. – 160 с.
7. Суник О. П. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. – Л.: Учпедгиз, 1958. – 207 с.
8. Цолоо Ж. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. П. Ойрд аялгуу. – Улаанбаатар, 1988. – 946 х.

УДК 512.141:004.655

Л. А. Бускунбаева, З. А. Сиразитдинов, Г. Р. Хусаинова,
А. Ш. Ишмухаметова, Г. Г. Шамсутдинова, г. Уфа

К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ КОРПУСА ТЕКСТОВ АФОРИСТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ БАШКИРСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 17-14-02010 а/р.

В статье рассматриваются принципы разработки корпуса текстов афористических жанров башкирского фольклора, которые станут источником для исследования языка фольклора. Авторы подробно останавливаются на проблеме аннотирования данных текстов и возможностях использования разрабатываемого корпуса в научных трудах, учебном процессе.

Ключевые слова: башкирский язык, корпусная лингвистика, база данных, фольклор, афористические жанры, система разметок.

TO THE PROBLEM OF CREATION OF THE TEXT HOUSE THE APOPHISTIC GENERATIONS OF THE BASHKIR FOLKLORE. *The article discusses principles of the design of corpora of texts aphoristic genres in the Bashkir folklore. Small genres of folklore included in the database of will allow the reader to explore the language of folklore. The authors dwell in detail on the problem of annotating data texts. Also the article discusses the possibility of using the corpus being developed in the scientific works and educational process.*

Keywords: Bashkir language, corpus linguistics, database, folklore, aphoristic genres, system of markings.

Афористические жанры башкирского народного творчества – небольшие по объему фольклорные произведения, которые включают в свой состав пословицы (мәкәлдәр), поговорки (әйтеһдәр), загадки (йоһаҡтар), приметы (һыһамыштар), запреты (тыйыуҙар), предсказания (юрауҙар) и т. д. В лаконичных и емких суждениях находят отражение жизненные наблюдения и правила житейской мудрости башкирского народа.

Сотрудниками отдела фольклористики ИИЯЛ УНЦ РАН во время многочисленных экспедиций по районам Республики Башкортостан, соседним областям и республикам, где компактно проживает башкирское население был собран богатый материал по афористическим жанрам башкирского фольклора. Данный материал представлен в виде отдельных томов [Башҡорт халыҡ ижады, 1995; Башҡорт халыҡ ижады, 2007; Башҡорт халыҡ ижады, 2006], словарей [Башҡортса-руһса фразеологик һүҙлек, 1973; Духовное наследие., 2008; Башкирско-англо-русский словарь адекватных пословиц и поговорок, 2002], монографий [Надршина Ф. А., 2008; Нәҙершина, 1983], экспедиционных материалов [Фольклор челябинских башкир 2012; Фольклор оренбургских башкир, 2013; Фольклор курганских башкир, 2013; Экспедиционные материалы, 2006, 2009–2012].

Объемы собираемого материала по фольклору растут, и в основном они представлены на бумажных носителях. Создание электронной базы данных текстов афористических жанров, интегрированной в корпус фольклора башкирского языка, позволит зафиксировать их в единой базе и пополнять по мере фиксации. Данный проект предоставляет возможность решать задачи сохранения культурного наследия башкирского народа с помощью новых технологий и способствовать широкому распространению материалов башкирского фольклора в ознакомительных и научных целях. Наличие тегирования корпуса позволит проводить статистический и автоматизированный анализы текста, что, в свою очередь, даст возможность исследовать

конкретное слово в синхронном и диахронном аспектах, получать данные о частоте лексем и грамматических категорий, о сочетаемости лексических единиц.

Для создания аннотированной электронной базы данных текстов афористических жанров башкирского фольклора будет использован опыт создания проектов башкирских корпусов по прозаическим, публицистическим и фольклорным текстам [Бускунбаева 2011, 45-51; Бускунбаева 2012, 139–141; Бускунбаева 2013, 135-140; Сиразитдинов 2014, 86–89; Сиразитдинов, 2015, 658-664; Сиразитдинов 2013]. Для него будут адаптированы программные средства корпуса фольклора. Предполагается также расширить словарь корпуса эпических текстов, дополнив новыми словами из афористических жанров; адаптировать программные средства для реализации: статистического анализа употребления лексем/словоформ; анализа контекста словоупотребления в заданном тексте и во всем корпусе; сравнения списков словоформ из всех представленных в корпусе текстов с заданным ограничением поиска — по текстам, по жанрам и т.д.

Поисковая система корпуса позволит производить поиск по следующим параметрам: поиск по лемме, по словоформе, по сочетанию лемм, по сочетанию словоформ (от двух и выше по желанию пользователя), по грамматическим категориям, по сочетанию грамматических категорий (до пяти), по семантике, по сочетанию семантик. Данный корпус позволит строить частотные словари основ и словоформ по любому тексту, по совокупности текстов, относящихся к определенному типу.

Необходимым аппаратом корпуса является блок автоматического статистического анализа, создающего по выбранным текстам статистические распределения: частота – ранг, по морфологическим классам, распределения самих грамматических категорий по текстам (части речи, аффиксы словоизменений).

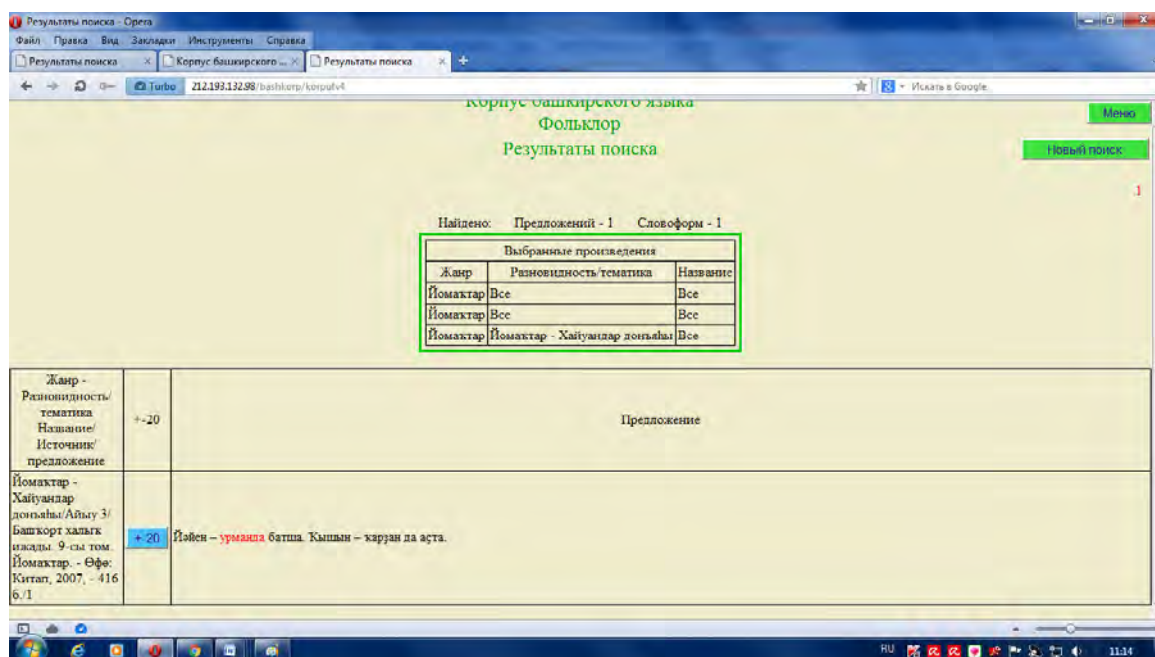


Рис. 1. Интерфейс корпуса фольклорных текстов с привлечением текстов афористических жанров башкирского фольклора.

На сегодняшний день разработаны метатекстовая и лингвистическая (морфологическая) разметки текстов афористических жанров башкирского фольклора.

Метатекстовая разметка текстов афористических жанров (информация о тексте):

– **жанр** (пословица ‘мәкәл’, поговорка ‘әйтеһе’, загадка ‘йомак’, примета ‘һынамыш’, запрет ‘тыйыу’, предсказание ‘юрау’);

– **тематика** (например, для загадок представлены следующие виды: земля и небо, явления природы ‘ер һәм күк, тәбиғәт күренештәре’, мир растений ‘үсемлектәр донъяһы’, мир животных ‘хайуандар донъяһы’, человек и его жизнедеятельность ‘кеше һәм уның тормошо’);

- **название** (если имеется, например, в загадках в качестве названия дается его ответ);
- **источник** (название источника, год издания);
- **объем текста** (количество предложений, словоформ).

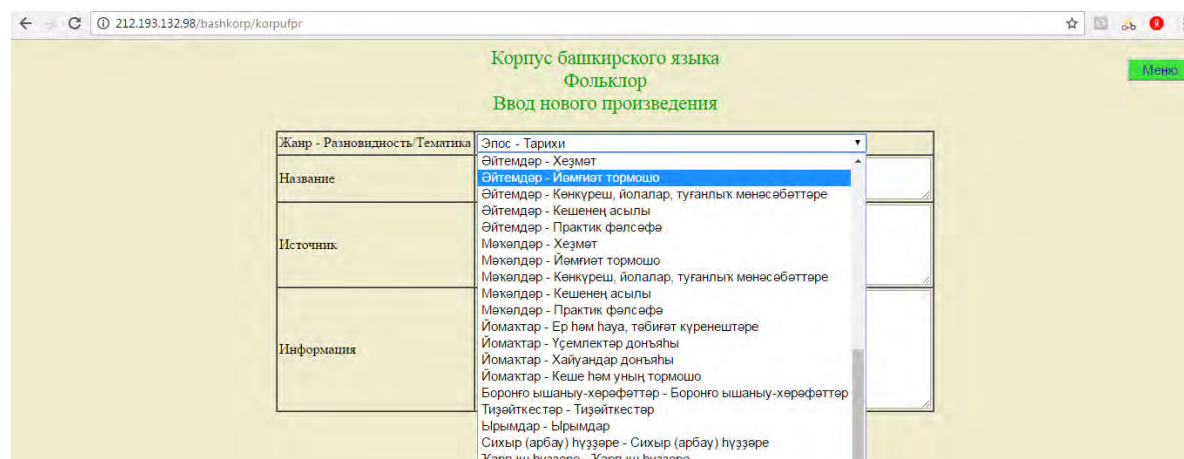


Рис. 2. Блок администратора, включающий программные средства для ввода текстов.

Система морфологической разметки в данном корпусе ориентирована на представление всех регулярных словоизменительных грамматических форм.

Морфологическая информация башкирской словоформы в корпусе включает:

- исходную форму слова (лемму);
- частеречную характеристику;
- совокупность морфологических признаков по типу агглютинативных аффиксов словоизменения, которые подразделяются на именные и глагольные формы.

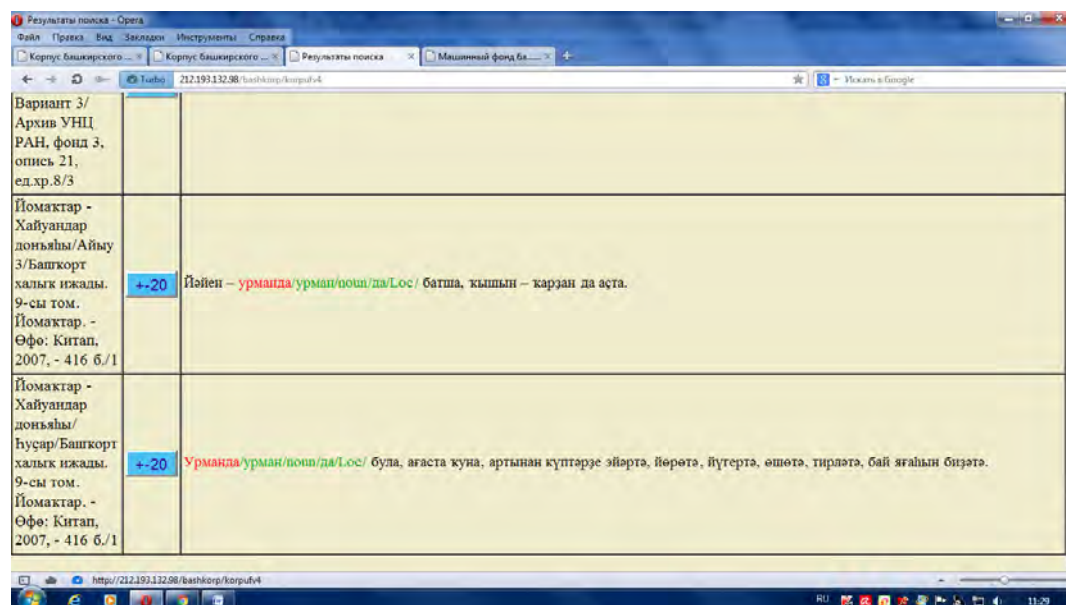


Рис. 3. Морфологическая разметка текстов афористических жанров башкирского фольклора.

Таким образом, создание электронной базы текстов афористических жанров башкирского фольклора, интегрированная в корпус фольклора даст возможность пользователю исследовать язык текстов афористических жанров башкирского фольклора, получить лингвистические данные относительно морфологической информации представленных текстов. Преимуществом корпуса является и доступ к полному тексту произведений, т.к. именно текст в большинстве случаев является главной единицей анализа. Создаваемый корпус ориентирован для исследователей с разными интересами и задачами – лингвистам, фольклористам, журналистам, преподавателям, учащимся.

Литература

1. Башкортса-русса фразеологик һүзлек / Нәзершина Ф. А., Ураксин З. Г., Йосопов Х. Г. – Өфө: БКН, 1973. – 168 б.
2. Башкорт халык ижады. I т. Йола фольклоры. – Өфө, 1995.
3. Башкорт халык ижады. IX т. Йомактар. – Өфө, 2007.
4. Башкорт халык ижады. X т. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр. – Өфө, 2006.
5. Башкирско-англо-русский словарь адекватных пословиц и поговорок / Авт.-сост. Ф. А. Надршина, Э. М. Зубаирова. – Уфа: Китап, 2002. – 160 с.
6. Бускунбаева Л. А., Сиразитдинов З. А., Ишмухаметова А. Ш., Ибрагимова А. Д., Мигранова Л. Г. Корпус текстов периодической печати на башкирском языке // Актуальные проблемы языков народов России: Материалы XII Региональной конференции. – Уфа, 2012. – С. 139-141.
7. Бускунбаева Л. А., Сиразитдинов З. А., Ибрагимова А. Д., Мигранова Л. Г., Полянин А. И. Башкирские языковые корпуса в Лаборатории лингвистики и информационных технологий // Урал и просторы Евразии сквозь века и тысячелетия. – Уфа, 2013. – С. 135-140.
8. Бускунбаева Л. А., Сиразитдинов З. А. Система разметок в национальном корпусе башкирского языка // Языки меньшинств в компьютерных технологиях: опыт, задачи и перспективы. – Йошкар-Ола, 2011. – С. 45-51.
9. Духовное наследие: фольклор свердловских башкир. – Уфа: ООО «Деловая династия», 2008. (на башк. яз.).
10. Надршина Ф. А. Русско-башкирский словарь пословиц эквивалентов. – Уфа: Китап, 2008. – 196 с.
11. Нәзершина Ф. А. Халык һүзе. – Өфө, 1983. – 160 б.
12. Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А., Ишмухаметова А. Ш., Ибрагимова А. Д. Информационные системы и базы данных башкирского языка. – Уфа: Кн. пал. РБ, 2013. – 116 с.
13. Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А., Ишмухаметова А. Ш., Ибрагимова А. Д. О создании корпуса башкирского фольклора // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы VI Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием). – Уфа, 2014. – С. 86-89.
14. Сиразитдинов З. А., Бускунбаева Л. А., Ишмухаметова А. Ш. Лингвистические корпуса Лаборатории лингвистики и информационных технологий ИИЯЛ УНЦ РАН // Проблемы изучения национальных литератур: Материалы международной научной конференции. – Махачкала, 2015. – С. 658-664.
15. Фольклор челябинских башкир: материалы и исследования. – Уфа, 2012.
16. Фольклор оренбургских башкир: материалы и исследования. – Уфа, 2013.
17. Фольклор курганских башкир: материалы и исследования. – Уфа, 2013.
18. Экспедиционные материалы – 2003: Зилаирский район. – Уфа: Гилем, 2006.
19. Экспедиционные материалы – 2004: Альшеевский район. – Уфа: Гилем, 2006.
20. Экспедиционные материалы – 2005: Янаульский район. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2009.
21. Экспедиционные материалы – 2008: Балтачевский район. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010.
22. Экспедиционные материалы – 2009: Бурзянский район. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011.
23. Экспедиционные материалы – 2011: Учалинский район. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012.

УДК 811.512.

Г. Х. Бухарова, Ш. В. Нафиков, г. Уфа

БАШКИРСКОЕ ДИАЛЕКТНОЕ НУРЫУ 'РАЗМЫТЬ ВОДОЙ' — ЕСТЬ ЛИ ОДНОКОРЕННЫЕ СЛОВА В ИНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ?

В представленной статье авторы рассматривают возможные сближения между башкирским диалектным нурыу 'размыть водой' со сходными лексемами, с одной стороны (в рамках урало-алтайских и прочих ностратических языков), и с такими иносистемными языками, как австрические, америндские, с

другой стороны. Делается вывод об общности корневой основы в перечисленных языках, что можно объяснить с различных точек зрения: в рамках случайного сходства, контактной либо генетической общности.

Ключевые слова: башкирский язык, диалектизмы, алтайские языки, ностратика, параллели в иносистемных языках /языковых (сверх)семьях.

BASHKIR DIALECTAL NUR- 'WASH AWAY: CAN THERE BE POSSIBLE COGNATES IN LANGUAGES OF OTHER SYSTEMS ?' The article discusses certain possible correspondences between Bashkir dialectal nur- 'wash away' and different putative cognates found in as diverse stocks or languages as Nostratic, Austric or Amerind. Much factual data may bear out the authors' claim to many a correspondence being probable both in semantics and morphophonological shape of the comparanda provided.

Keywords: Bashkir, dialectal glosses, Altaic languages, Nostratic theory, parallels in other linguistic phylae.

Диалектное *нурыу*, как и однокоренное *нурыштау* «стать пасмурным, собираться (о дожде)», зафиксировано в восточном, более консервативном диалекте башкирского языка [ДСБЯ]. Нельзя исключить вероятность того, что гидронимы на востоке Башкортостана (Белорецкий, Учалинский районы) *Норюш*, *Нура*, *Нэрале* [Словарь топонимов Башкирской АССР 1980, 114] также содержат сходный корневой элемент. Этимологически указанные географические названия принято относить к финно-угризмам, см. [Указ. раб.]. Следует оговориться, что топонимия, подобная *Нура* (vide supra), отмечена и в других частях Башкортостана, скажем, *Нөрлө* 'Нурлино' – поселок в Уфимском районе и т. п.

I. В ареале тюркских языков слова, подобные *нурыу*, встречаются, но вопрос о тюркском происхождении таковых не ставится. На алтайском уровне, наоборот, отмечен ряд лексем, где содержится искомый, обсуждаемый в статье корень. Так, в [EDAL, 2003] описаны такие глоссы, как **najV(rV)* 'река', **niúre* 'делаться влажным' [с. 961]. В архаичной тунгусо-маньчжурской ветви алтайских языков отмечают праТМ **niāru* 'озеро; болото' (рефлексы: маньч. *nari*, удэйск. *nai* и т.п.), см. [ТМС, т. 1 с. 636]. Известный на рубеже XIX-XX вв. алтаист из Австрии Й. Грунцель [Grunzel 1895, 89] в бурят. *nū-г* 'озеро' и тунг. *nō-г* тоже выделял корень *nī*, *nō* односложного типа.

В литературе известны сопоставления наподобие др.-яп. *nure* 'намокать' и коми *n'ur* 'болото'; халха монг. *noro-h* [Syromiatnikov 1981, 68]. Среднекор. *nāi* (*nāih-*) 'река', тунг. **niāru* 'река, озеро' трактуются как рефлексы алт. **najV(rV)* 'озеро, река' [EDAL 961]. Пракор. **nara* 'брод' [EDAL 215], вероятно, также можно отнести к рассматриваемому нами корню.

Велика распространенность однокоренных слов и в родственном алтайским финно-угорских языках: фин. *nörö*, *nöru*, мар. *nörö*, *nōra*, перм. **nur*, манс. **ñēr*, хант. **ñor* 'влага' (по В. Лыткину).

По литературным данным отмечено также сопоставление кор. *na*, *namul* 'ручей' и айн. *na* 'idem' [Бурыкин, Спесивовский 1985, 36] наряду с сем.-хам. **nhr* 'течь, река', и.-е. **nā-* (< **neH2*) 'течь, влага' [Сыромятников 1972, 118].

Ностратический характер обсуждаемого слова отмечен в классических работах по ностратике. Так, в [Иллич-Свитыч 1976, № 326] праформа *ñohr^* 'влажный, течь' отражена в рефлексах: афроазиат. *nhr* 'река, поток' ~ уралск. *ñor^* / *ñōr^* 'влажный, болото, течь' ~ ? драв. *ñmr* 'жидкость, вода' ~ алт. *ñōru* 'влажный, болото, мокнуть'. По А. Долгопольскому, в значении 'болото' имеется реконструкт **naRU* [Dolgopolsky 2008, № 1615].

Примечательно наблюдение ностратиста из России В. Терентьева: «В Евразии имеется большое количество гидронимов, начинающихся на *nVr-* : приписываемые древним пруссам названия рек *Narus*, *Neria*, гаэлам ...*Nairn*, иллирийцам ...*Narenta*, литовцам ...*Nereta*, русским ...*Неретва*).

Можно считать эти названия принадлежащими древнейшему ностратическому населению этих территорий, по крайней мере те из них, которые находятся на местах нынешнего обитания индоевропейцев» [Терентьев 1977, 162-163]. Справедливость этих слов подтверждает хотя бы пример из гидронимике Западной Сибири: *Ню'рим*, *Ню'рым*, *Ню'рум* — название притока р. Иртыш, *Ню'рым* 'название озера' (там же), ср. хант. *ñūrem*,

nūrum 'болото, низменность, где растут ивы и другие лиственные деревья'; ср.р. *Narwa*; *Narwa* в Польше, приток Вистулы; эст. *narva* 'озеро' и тому подобное.

II. Материал весьма древних и разбросанных по обширному ареалу (гипотетических) **австрических** языков также предоставляет возможность для таких сопоставлений, как протоайнск. **nau* 'поток, река', ср. *na* 'вода' (по Дж.Бэтчелору). *Примечание:* идея о принадлежности айнского языка к австрической макросемье принадлежит Дж. Бенгтсону и В. Блажеку [Bengtson, Blažek 2009, 18]. Сравни: **nya* 'река' (тай-кадайская ветвь) и айнск. *nam* 'пресная вода' vs лахья (тай-кадакий язык) *nam* 'вода'; кхмерск. *nom*, монск. *nam* 'поливать' и другие примеры из [Bengtson, Blažek 2009, loc. cit.]. Из работ российских авторов укажем на тайск. *nam* 'вода' [Яхонтов 1977, 51]. праавстрическая реконструкция **nVm* 'вода' (по Дж. Бенгтсону).

Упомянутые выше реконструкты, лексемы вида СГС можно сопоставить с такими индоевропейскими формами, как нем. *Nebel* 'туман'; санскр. *nabhas* 'испарение' и т.д.

III. Сопоставимая с австрической, также гипотетическая макросемья **америндских** языков предоставляет довольно обширный материал в плане сопоставления исследуемых сходных корней и форм слов. Действительно, в языке меномини (Сев.Америка) отмечено название воды *nirēw* [Блумфилд 1968, 206], сравни **nVm* 'вода' и тайск. *nam* 'idem' выше, а также протомайя **ɲab* 'дождь' [Никитина 1995, 19]. Известный немецкий макрокомпаративист К. Боуда [Bouda 1964, 129] приводил сближение айнск. *na* : какшинава (Юж.Америка) *nə* 'вода', ср.соке (Центр.Америка) **nak* 'то же'. Согласно Дж. Гринбергу и М. Рулену [Greenberg, Ruhlen 2007, 256] одним из обозначений воды в америндских языках является корневая глосса **na*. Многочисленные рефлексy последней включают в себя (выборочно): праалгонк. **nepyi:*, в языке катио (семья чибча) *nira* (sic-авт); варао (семья паэс, Южная Америка) *naba* 'речка, река'; пракечуа **niui* 'мочить'; тарунде (семья макротукано, Южн. Америка) *nari*, пранамбиквара **na:* 'пить' и т.п.

В масштабе многих, различных языковых семей сопоставления, сближения слов для обозначения воды в начале XX века приводил известный итальянский макрокомпаративист А. Тромбетти [Trombetti 1907, 61; Trombetti 1905, 170 сл.], где ученый отмечал: «тип для обозначения 'воды' *n* (*in*, *ni*) и подобное частотен..., [этот] тип обнаруживаем в комбинированном виде в тайск. *n-am* 'вода', яп. *n-ami* 'волна', маньчур. *n-ami* 'море'...

Со времен Тромбетти минуло почти столетие, в компаративистике произошли большие изменения. Преимущество современного этапа сравнительно-исторических исследований, *inter alia* в том, что ныне наука располагает большим набором реконструированных форм. Примером этого могут служить прафинно-угор. **nurme* 'луг' [UEW, 328], прадравид. **nir* 'вода' [DEDR, № 3690], праалт. **niure* 'стать влажным', **najV(rV)* 'река' [EDAL]... Несмотря на эти обстоятельства, большая часть сближений, выявленных Тромбетти, сохраняет свою значимость по сей день.

Важной задачей в работе компаративиста является выявление когнатов и нахождение этимонов внешне непохожих слов, лексем. Ключевая роль здесь принадлежит вопросам исторической фонетики. Так, известно, что «большинство тюркских языков утратило древнее **n-*, или заменило его на *j-*» [Сыромятников, 1972, 118]. В рамках алтайских языков подобный фонетический процесс имел место лишь в семье тюркских языков, которые претерпели наибольшее число видоизменений по сравнению с остальными ветвями: тунгусской, монгольской и японской. Наглядный пример видим в башк. *йөз-* из пратюрк. **jür-* и ДТ *jüz-* 'плавать' при алт. этимоне **njúre* 'мокнуть', с рефлексами, которые сохранили исторический анлаутный носовой, а именно: тунг. **ń[ü]r*; монг. **nor-*; яп. **núrá-* [idem], см. [EDAL, 994].

Сказанное наводит на мысль о том, что башк. диал. *нурьштау* «стать пасмурным» есть глосса не башкирская, тюркская, но представляет из себя наследие древнего алтайского пласта лексики. Сопоставление вроде др.яп. *nure* 'намочиться' — коми *n'ur* 'болото' [Syromiatnikov 1981, 68] побуждает говорить об урало-алтайской лексике. Общей

корень **no[ɕ]rV* 'влажный, грязь' [Dolgopolsky 2008, № 1560] говорит о ностратическом происхождении и «далее по списку» (*q.v.s.*)...

Сокращения

айн. – айнский, башк. – башкирский, диал. – диалектный, евразийск.-евразийский, енис. – енисейский, и.-е. – индоевропейский, кор.-корейский, лезг. – лезгинский, маньч. – маньчжурский, монг. – монгольский, Н — ностратический, нивх. – нивхский, ПЕ — праенисейский, ПН — праностратический, саам. – саамский, санскр. – санскритский, сельск. – селькупский, СК — сино-кавказский, СТ — сино-тибетский, тамил. – тамильский, фин.- финский, хант. – хантыйский, чук. – чукотский, *v.s.* – *vide supra*

Литература

1. Блумфилд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968.
2. Бурякин А. А., Спеваковский А. Б. К ареальной интерпретации лексических сходжений айнского языка с алтайскими // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тезисы конференции. – Уфа, 1985. – С. 54.
3. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. Том 2. Указатели. – М.: Наука, 1976.
4. Никитина Э. Г. О родстве маяских и тюркских языков: фонетические и лексические аспекты. — М., 1995.
5. Словарь топонимов Башкирской АССР. – Уфа: Башгиз, 1980. – 256 с.
6. Сыромятников Н. Определение родственности корней // ВЯ. – 1972. – № 2. – С. 109-123.
7. Терентьев В. А. Ностратические этимологии // Этимология-1977. – М.: Наука, 1979. – С. 159-163.
8. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. I, II / Гл.ред. В. И. Цинциус. – 1975, 1977.
9. ДСБЯ – Диалектологический словарь башкирского языка / Отв. ред. Дильмухаметов М. И. – Уфа, 2002.
10. Яхонтов С. В защиту аустро-тайской гипотезы // Ностратические языки и ностратическое языкознание. Тезисы докладов. – М., 1977. – С. 50-51.
11. Bengston Jonn D., Blažek Vaclav. Ainu and Austric: Evidence of Genetic Relationship // Вопросы языкового родства. – 2009. – № 2. – Р. 1-24.
12. Bouda, Karl. Giljakisch, Tschuktschisch und Uralisch / Orbis 25, 240-248.
13. Burrow Th., Emeneau M. A Dravidian Etymological Dictionary, 2nd ed. Oxford, 1984.
14. Dolgopolsky A. B. A Nostratic dictionary. Cambridge, 2008.
15. Greenberg J., Ruhlen M. Amerind Etymological dictionary. Stanford. SUP. 2007.
16. Grunzel J. Entwurf einer vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen nebst einem vergleichenden Wörterbuch. Lpz., 1985.
17. EDAL – Starostin S., Dybo A., Mudrak O. Etymological dictionary of the Altaic languages. 3 Vol. – Leiden, Boston. 2003.
18. Syromyatnikov N. The ancient Japanese language. Moscow: Nauka publishers. 1981.
19. Trombetti A. L'unita d'origine del linguaggio. Bologna: Treves / Beltrami. 1905. (Reissued 1962, Bologna: Civitas Dei.)
20. Trombetti A. Come si fa la critica d'un libro. Bologna. 1907.
21. UEW-Redei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986-1989. Lfg. 1-7. XLVIII, 906 S.

УДК 811.512.141'28

М. Р. Валиева, г. Уфа

ДИАЛЕКТНЫЕ СЛОЖНЫЕ СЛОВА, ОБРАЗОВАННЫЕ ПО СХЕМЕ ЭТНОНИМ+АПЕЛЛЯТИВ

В данной статье рассматриваются сложные диалектные слова башкирского языка, образованные путем сложения этнонима и апеллятива. В составе двухкомпонентных слов этноним и апеллятив теряют

свои прямые значения и выступают в номинативной функции определенного объекта, отражая когнитивный процесс и образное мышление башкир.

Ключевые слова: диалектные слова, башкирский язык, этноним, аппеллятив.

COMPOUND DIALECTIVE WORDS ON THE MODEL OF ETHNONYM + APPELLATIVE. *This article deals with compound dialect words of the Bashkir language formed by the addition of an ethnonym and an appellative. In the composition of two-component words, the ethnonym and appellative lose their direct values and appear in the nominative function of a certain reality, reflecting the cognitive process and creative thinking of the Bashkirs.*

Keywords: dialect words, Bashkir language, ethnonym, appellative.

Известный языковед А. А. Юлдашев, сравнивая лексику башкирского языка с татарской, обратил внимание на то, что «в татарской лексике трудно найти слово, которого не было бы в башкирской, а в башкирском языке масса слов, которых нет в татарском» [Юлдашев 1966, 191]. Исходя из приведенной цитаты, мы решили систематизировать сложные диалектизмы исконно башкирского языка, включающие в свой состав этнонимы. Исследование сложных диалектных слов, образованных по схеме *этноним + аппеллятив*, позволяет обнаружить этнокультурные контакты носителей башкирского языка с другими этносами и показывает номинативный потенциал этнонимов в башкирском словообразовании.

Словообразование в языке происходит непрерывно в связи с его историческим развитием; самым продуктивным способом в образовании новых слов можно считать словосложение. Путем словосложения, т. е. объединением двух или более полных слов (или основ) в единый комплекс, появилось большое количество сложных слов, в том числе и многие диалектные слова. В данной статье мы анализируем материал, образованный по схеме *этноним + аппеллятив*, собранный из «Диалектологического словаря башкирского языка» (2002). Например: аргаяш. *мәрийә сасы* ‘ковыль (*фитоним*)’ по схеме русские (*марийские*) + волосы; *марйа кәбестәһе* ‘кувшинка’ *досл.* русская (*марийская*) + капуста; *маржа кәйәнтәһе* ‘стрекоза’ *досл.* русское + коромысло; *сыуаш китабы* ‘книжка (*часть желудка у животных*)’ *досл.* чувашская + книга; *урыҫ сиңерткәһе* ‘сверчок’ *досл.* русский + кузнечик; *урыҫ кандалаһы* ‘клоп полевой’ *досл.* русский + клоп; *урыҫ тараканы* ‘солдатик’ *досл.* русский + таракан; *казак һөттөкәйе* ‘медуница’ *досл.* казахский + молочай; *нимес борсағы* ‘фасоль’ *досл.* немецкий + горох; *татар какыһы* ‘порезник’ *досл.* татарская + сверби́га; *татар дегәнәге* ‘липучий вьюнок’ *досл.* татарский + репейник; *казак урыҫы* ‘казак’ *досл.* казахский + русский; *сиган арбаһы* ‘телега с двумя большими колесами’ *досл.* цыганская + телега и т. п.

В «Диалектологическом словаре башкирского языка» (2002) содержится более 50 подобных диалектных сложных слов, которые можно принять за вторичную номинацию литературных вариантов. По мнению Г. Н. Ягафаровой, вторичные номинации башкирского языка возникают в языке незаметно для его носителей и основаны на ассоциативном мышлении, отражающем реальную взаимосвязь явлений, предметов окружающей действительности [Ягафарова 2010, 174]. Например, литературное слово *төньяк* ‘север’ (диал. варианты *деңгәсәй*, *сеңгәсәй*) зафиксировано в диалектологическом словаре как *урыҫ як* ‘север’ (*досл.* русская + сторона) и т. п. примеры. Все вышеперечисленные примеры, состоящие из сочетания *этноним + аппеллятив*, можно охарактеризовать как переосмысление уже существующих в языке слов и описательное обозначение реалий. Многие подобные наименования являются фитонимами, зоонимами, бытовыми словами, отражающими образное и ассоциативное мышление башкир в номинации. Приведенные диалектные сложные слова, образованные по схеме *этноним + аппеллятив* башкирского языка, аутентичны, т. е. не наблюдаются в других тюркских, а также в монгольских и финно-угорских языковых семьях. Поэтому их можно отнести к исконно башкирской лексике, не имеющей лексических параллелей в родственных и неродственных языках.

Следует отметить, что большое количество подобных сложносоставных слов стали литературной нормой башкирского языка: *калмык йыуаһы* ‘лук поникающий; лук

степной' (досл. калмыцкий + дикорастущий лук); *болгар кун* или *болгар куне* 'мягкая красная кожа' (досл. болгарская + выделанная кожа); *француз яулык* 'платок с крупными белыми узорами на красном фоне' (досл. французский + платок), *грек сәтләүеге* 'грецкий орех' (досл. грецкий + орех); *кытай сәтләүеге* 'арахис' (досл. китайский + орех) и т. п.

Примеры образования сложных слов путем сложения этнонима и апеллятива можно обнаружить также в древнетюркском языке. Возможно, данный способ образования новых слов применялся уже в период существования Тюркских каганатов.

В других тюркских языках имеются наименования реалий в сочетании с этнонимом *башкорт* / *пушкырт* + апеллятив. Например, в 17-томном «Словаре чувашского языка», составленном Н. И. Ашмариным, зафиксированы составные сложные слова *пушкәрт майри* 'грецкий орех' (досл. башкирский+орех), *пушкәрт лаша* 'особая порода лошади' (досл. башкирская+лошадь) [Ашмарин 1936, вып. 10, 67, 68] и т. п.

В заключение отметим, что ментальные свойства этноса, т. е. образное мышление, способствовали образованию диалектных сложных наименований, концентрирующих познавательные процессы мышления, связанные с ассоциацией об определенном этносе. Кроме того, в ходе исследования сугубо специфичных языковых особенностей башкирского языка, в частности, словообразовательной модели этноним + апеллятив, обнаруживаются древние исторические связи, этнокультурные контакты башкир.

Литература

1. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. 10. – Казань-Чебоксары, 1936. – 296 с.
2. Башкирско-русский словарь / Отв. ред. З. Г. Ураксин. – М.: Русский язык, 1996. – 884 с.
3. Валиева М. Р. К вопросу этимологии названий съедобных луковичных растений башкирского языка // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 10 (365). – С. 25-31.
4. Диалектологический словарь башкирского языка. – Уфа, 2002. – 432 с.
5. Древнетюркский словарь. – Ленинград, 1969. – 676 с.
6. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. – Уфа, 2009. – 250 с.
7. Юлдашев А. А. Диалекты башкирского языка // Диалекты тюркских языков. – М.: Восточная литература, 2010. – С. 121-156.
8. Юлдашев А. А. Башкирский язык // Языки народов СССР: Тюркские языки. – М.: Наука, 1966. – С. 191.
9. Ягафарова Г. Н. Основные ономаσιологические понятия // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 13 (194). Филология. Искусствоведение. Вып. 43. – С. 172–177.

УДК 811.161.1.28

Д. В. Виноградов, г. Сеул

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВА «БУРЛАК» В СВЕТЕ ИЗУЧЕНИЯ ДАННЫХ РУССКИХ ДИАЛЕКТОВ

Исследование проведено при поддержке Университета иностранных языков Ханкук (Hankuk University of Foreign Studies).

В статье рассматривается несколько гипотез происхождения слова «бурлак», высказанных исследователями ранее. Привлечение данных русских народных говоров позволило выбрать гипотезу возникновения данной лексемы на русской почве в качестве наиболее достоверной.

Ключевые слова: этимология, история слова, русская диалектология.

ON THE QUESTION OF THE ORIGIN OF THE WORD *BURLAK* IN THE LIGHT OF STUDYING THE DATA OF RUSSIAN DIALECTS. The article considers several hypotheses of the origin of the word "burlak" expressed by researchers earlier. Involvement of the data of Russian folk dialects made it possible to choose the hypothesis of the emergence of this lexeme on Russian soil as the most reliable.

Keywords: etymology, word history, Russian dialectology.

Этимология слова *бурлак*, известного всем носителям русского языка, однозначно не установлена до сих пор. А. Преображенский признавал, что это слово «неизвестного происхождения» [Преображенский 1910–1914, I, 54]. М. Фасмер приводит несколько этимологических гипотез его происхождения: 1) «Толкование слова представляется затруднительным», 2) «Р. Экблом предполагает родство с буряг и мену суффиксов на волжско-булгарской почве, что нельзя подтвердить параллелями», 3) «Вероятно, следует считать исходным собирательное значение "рабочая артель с твердым уставом", и тогда встает вопрос о заимствовании из ср.-нж.-н. *bûrlach*, также *bûrschap* "(крестьянская) община, гражданское право" (Ш.–Л. 1, 455 и сл.). Ср. ср.-нж.-н. *matlach* "деньги, уплачиваемые в некоторых церковных приходах каждым главой семьи проповеднику", от стар. *matling* "церковный приход", шв. *matlag* "хозяйство. семья" ... Дальнейшее изменение знач. аналогично первонач. собир. именам: нов.-в.-н. *Frauenzimmer* "женщина", *Kamerad* "товарищ", *Rekrut* "рекрут"; см. Фальк – Торп 888. 4) «Любопытно диал. бурлан "бурлак". Ср. бурло» [Фасмер 1986, I, 245–246].

Н. М. Шанский предполагает, что *бурлак* – это собственно русское суффиксальное производное от несохранившегося слова *бурло* 'крикун, шумный человек' < 'орудие для произведения шума или речи' [Шанский 1965, I, 233]. П. Я. Черных, также сторонник «не вполне ясного происхождения» слова, считает, «что более раннее, старшее значение было иное: «человек грубый, буйного нрава, непокорный», «буян» и т.п. Ср. тамб. Бурлан – «неуживчивый, беспокойный человек», «задира»; Даль (I, 127) не без основания относит это слово (наряду с бурлака, бурлила и др.) к группе *бурливый* (в ст. *буря*)» [Черных 1999, I, 125].

Б. А. Бушаков, рассматривая предшествующие концепции и не соглашаясь с ними, отмечает: «Все эти этимологии игнорируют первичное значение "бродяга", которое является единственным у крымскотатарского слова *быралкы*» [Бушаков 1997, 97–98]. В подтверждение своей точки зрения исследователь приводит значительное количество одноименных тюркских этнонимов [Там же, 98–99]. Среди других не вполне подтвержденных гипотез исследователь также приводит татарское *бурлак* 'вьющий бечеву или веревку' (из тюрк. *vir-* 'вертеть, крутить') [Там же, 98].

Для установления истинной этимологии слова представляется необходимым обратиться к историческим данным, а также к данным русских народных говоров.

Исторически первое для русского языка, зафиксированное в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», значение данного слова определяется как 'бездомный, бессемейный человек, нанимающийся на сезонные работы; бродяга' [СРЯ XI–XVII, I, 356], а первые цитаты для него датируются XVII в.: «А съ нимъ де воровскихъ донскихъ казаковъ человекъ съ сорокъ боевого люду да бурлаковъ человекъ со ста» (Ворон<ежские>. А<кты>., 255), 1670 г.; «И собралось съ нимъ всехъ с 3000 человек и болши, и въ томъ же де числе многие были казацкие бурлаки и запорожские хохлачи и иные многие гулящие люди» (Д<ополнение к> А <ктам> И<сторическим> X, 436), 1683 г.». Однако первые имеющиеся исторические контексты не позволяют согласиться с авторами Словаря в части предложенной дефиниции: они не подтверждают часть значения – «нанимающийся на сезонные работы». Из предложенных контекстов очевидна только принадлежность *бурлаков* к разряду 'гулящих людей' и 'воровских людей', к казакам, т.е. к «бунтующему люду». Ср. аналогичную возможную интерпретацию употребления прилагательного *бурлацкий* в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.»: «Вдоль по бережку лежат головы, все солдатские лежат, бурлацкие» (Истор. песни) [СОРЯ I, 307].

Схожее значение наблюдается и в русских говорах: «*Бурлило*. Простон. Шумливый, беспокойный человек» [Сл1847, I, 90], «*Бурлаченье*. Грубое обращение, невежественные поступки», «*Бурлачить*. Поступать по-бурлацки, грубо, невежественно» [там же]. Ср. также *бурлак* (*бурлака*) – 'холостяк разгульной жизни', тот, 'кто много бурлит' [ДопОп 1858, 14]; *бурлаковатый* 'грубый и пошлый в обращении'; *бурлачить* 'грубить, буянить, ругаться, драться, своевольничать'; *бурлачиться* 'дичать, грубеть в бурлачестве'; *бурлаченье*, *бурлачество* – «занятие бурлацким промыслом; *бурлаковать* (кур. вор.) 'вести

холостую, разгульную жизнь'. Также *набурлачить* 'нашуметь, наругаться по-бурлачьи'; *забурлачить* 'стать бурлачить, грубо и буйно обходиться', *забурлачится* 'привыкнуть к мужицкому, грубому обращению и перенять его' [Даль 1989, I, 143].

В донских казачьих говорах слово *бурлак* (*бурлака*) фиксируется в двух значениях: *бурлак* – 'неженатый, бессемейный казак, не имеющий хозяйства', *бурлака* (неодобр.) – 'молодой человек, гуляка' [БТСДК].

Эти значения подтверждают как этимологическую гипотезу происхождения слова *бурлак* от рус. *бурлить*, так и тюркскую гипотезу. Причем первая версия предпочтительнее, так как появление и функционирование слова (и его дальнейшая история) наиболее полно исторически, регионально соответствует данной этимологии. Также важным аргументом в ее пользу можно считать дальнейшее направление его заимствования в другие языки из русского в указанном значении: ср. у Фасмера: «Во всяком случае, лит. *burlōkas*, лтш. *burlāks*, фин. *purlakka*, *purlakko* и рум. *burlác* "холостяк" заимствование из рус.» [Фасмер 1986 I, 246]. Ср. также у Д. К. Зеленина: «самое слово *бурлак* не славянского корня, но в литовский язык оно перешло от русских. В некоторых литовских говорах прежде словом *burlokas* называли русского человека вообще» [Зеленин 1947, 391]. Ср. также в укр., белорус. языках *бурла́к* 'бурлак', укр. *бурла́ка* 'бобыль' [Черных 1999, I, 124].

Сформулированное, но не подтвержденное цитатным материалом в СРЯ XI–XVII вв. уточнение в формулировке значения 'бездомный, бессемейный человек, *нанимающийся на сезонные работы*; бродяга' [СРЯ XI–XVII, I: 356], имеет широкое подтверждение только по материалам диалектных словарей XIX–XX в. Это значение фиксируется еще в XIX веке на севере и северо-западе, а также на юге России: *бурлак* – это крестьянин, покинувший дом для заработка денег [Куликовский 1898, 7; Подвысоцкий 1885, 12; ОпОбл 1852, 17; ПОС, II, 218–219; Григорович 1851, 72]. Причем в Словаре архангельского наречия А. Подвысоцкого указывается также значение: 'холостой, не женатый человек' [Подвысоцкий 1885, 12].

В ряде регионов слово *бурлак* (и, соответственно, производные: *бурлачить*, *бурлачество* и т.д.) употреблялось в столь различных значениях, что у авторов возникала необходимость в специальных пояснениях значения слов *бурлак*, *бурлачество*, *бурлачить* и других однокоренных слов. См., например: «Промысел этот (отхожий промысел деревенских татар. – Д. В.), – так называемое здесь – "бурлачество" – состоит в хождении на заработки "в степь", т. е. в Самарскую и Оренбургскую губернии и к Уральским казакам: косить, жать, убирать хлеб и молотить (sic!)» [Лаврский 1884, 12].

По сообщению А. Жаравова, в середине XIX века на территории Архангельской губернии *бурлаками* называли рабочих, которые трудились в Санкт-Петербурге (других рабочих называли *артельщиками*): «Артельщики и бурлаки вообще имеют одинаковое значение, т. е. рабочие; собственно же бурлаками называют одних петербургских артельщиков; они имеют преимущество» [Жаравов 1853, 2]. См. также: «Получив дуван, молодые артельщики весело возвращаются домой из Архангельска, а щеголеватые бурлаки из С.-Петербурга» [Там же].

См. у Даля: *бурлачить* 'идти в бурлаки, в судовую работу, на заработки'; *бурлаченье*, *бурлачество* 'занятие бурлацким промыслом'. '*Бурлачеством* зовут и общество, толпу, артель бурлаков'; *выбурлачить* 'добыть, заработать бурлачеством, бурлацким промыслом. *На подати да на вино выбурлачили*'; *набурлачить* 'нажить бурлачеством';

Став историзмом в современном русском языке, слово *бурлак*, тем не менее, продолжает жить во многих, преимущественно северных, русских территориальных диалектах в указанном значении. Так, «Словарь русских говоров Карелии», отражающий современное словоупотребление, указывает следующее значение слова *бурлак*: 'Тот, кто занимается отхожим промыслом' [СРГК: 142]. Примечательно, что слово в этом значении употребляется, судя по географическим пометам, данным к словарным иллюстрациям, по всему огромному региону (фактически по всему Европейскому Северу России): в 14

районах Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Новгородской области и Карелии. См. также: *бурлакать* – ‘уходить в отхожий промысел’; *бурлачить* – ‘заниматься отхожим промыслом’ [СРГК 1994, 142–143].

Так, одно из значений слова *бурлак*, фиксируемых «Псковским областным словарем с историческими данными» – ‘В настоящее время – бывший крестьянин, работающий и живущий в городе’. К этому значению даны иллюстрации, свидетельствующие о частотности употребления слова, по крайней мере в определенных ситуациях: «В нас хто в Линингради уехамшы, фсё бурлакам завут. Уехал, бросил дом – вот и бурлак»; «Хадила г Зинки, к ей бурлак приехать сабирался, брат с Лининграда» [ПОС, II, 218–219].

Еще одно значение, фиксируемое ПОС – ‘Приезжий из города, дачник’: «Мне гастинца привязли бурлаки, приежжые с Лянинграду, аддахнуть приехали»; «Здесь ужо бурлакоф многа; ето каторые даци бярут» [Там же]. Слово *бурлак* в последнем из значений дало производное *бурлачонок* – ‘сын дачника’.

Эти материалы, в свою очередь, позволяют согласиться с тем, что первым в истории русского языка было синкретичное значение, сформулированное авторами СРЯ XI–XVII: это и бродяга, и разгульный, удалой, бессемейный, свободный человек, как правило, нанимающийся на любые виды сезонных работ. (Ср.: ‘бродяга, нанимающийся на сезонные работы’ [СРЯ XVIII, II: 169]). Последний компонент важен в истории данного слова, так как именно на его основе формируется значение, уже известное нам.

Таким образом, исторически первым, зафиксированным в русском языке с XVII в., можно считать значение ‘*бездомный, бессемейный человек, нанимающийся на сезонные работы; бродяга*’. Утверждение М. Фасмера о происхождении номинации из немецкого языка не подтверждается данными диалектов. Широкое распространение слова *бурлак* и родственных ему слов во многих русских говорах свидетельствует, скорее, о собственно-русском происхождении слова.

Сокращения

волжско-болг. – волжско-болгарский, вор. – воронежское, диал. – диалектный, кур. – курское, лит. – литовский, лтш. – латышский, нов.-в.-н. – нововерхненемецкий, рум. – румынский, ср.-нж.-н. – средненижненемецкий, тамб. – тамбовский, тат. – татарский, тюрк. – тюркский, укр. – украинский, фин. – финский, шв. – шведский.

Литература

1. БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18 000 слов и устойчивых сочетаний: [Лексика и фразеология совр. говоров Дона: Произнос. форма слова и его толкование: Граммат. и стилист. характеристика: Записи живой речи жителей станиц и хуторов] / Ред.: В. И. Дегтярев и др. – М.: Рус. словари: Астрель, 2003. – 604 с.
2. Бушаков В. А. Бурлак, чумак // Русская речь. — 1997. — № 6. — С. 97–100.
3. Григорович И. М. Словарь западно-русского наречия. – СПб., 1851.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – 2-е изд. – Т. I–IV. – М., 1989–1991.
5. ДопОп 1858 – Дополнение к Опыту областного великорусского словаря [Текст]. – СПб.: Типограф. Импер. акад наук, 1858. – 326 с.
6. Зеленин Д. К. Терминология старого русского бурлачества // А. А. Шахматов. 1864–1920: Сб. статей и материалов / Под ред. С. П. Обнорского. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 391–397.
7. Жаравов А. Сельские свадьбы Архангельской губернии. – Архангельск, 1853. – 98 с.
8. Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / Изд. отд-ния рус.яз. и словесности Императ. Акад. Наук; собрал на месте и сост. Г. И. Куликовский. – СПб.: Тип. Импер. Акад. Наук, 1898. – 151 с.
9. Лаврский К. Татарская беднота (Статистико-экономический очерк двух татарских деревень Казанской губернии). – Казань: Тип. Губернского Правления, 1884. – 43 с.
10. ОпОбл 1852 – Опыт областного великорусского словаря / Под ред. А. Х. Востокова. – СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1852. – 275 с.

11. ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–12 / Ред. кол. Б. А. Ларин и др. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1967–1996.
12. Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Собр. на месте и сост. А. Подвысоцкий. – СПб.: Изд. 2-го отделения Акад. наук, 1885. – 197 с.
13. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка Т. I–II. Т. I (А–О). – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1910–1914. – 674 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1986–1987.
15. Сл1847 – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук. Т. 1–4. – СПб.: Тип. Императорской АН, 1847.
16. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 5 вып. – Вып. 1 / Гл. ред. А. С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. – 512 с.
17. СОРЯ XVI–XVII – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1–4. – СПб.: Наука, 2004–2012.
18. СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII веков. Вып. 1–29. – М.: Наука, 1975–2011, изд. продолж.
19. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т.: 13 560 слов. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999. – 621 с.
20. Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. Вып. 2. Б. – М.: Изд-во МГУ, 1965. – 270 с.

УДК 811.512.141'28

М. Е. Галкина, М. В. Кетова, г. Кудымкар Пермского края

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛЕКТНОГО ТЕКСТА НА УРОКАХ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА В ОСНОВНОЙ ШКОЛЕ

Данная статья, актуализируя тему конференции, раскрывает возможности диалектных текстов коми-пермяцкого языка в условиях перехода на ФГОС. Авторы иллюстрируют преимущества текстов на диалектной основе в рамках современного урока с использованием информационных технологий и их нацеленности на развитие УУД, на разные способы учебного взаимодействия (в паре, группе, индивидуально).

Ключевые слова: *урок коми-пермяцкого языка, текст на диалектной основе, разработка заданий к текстам, организация учебной деятельности.*

DIDACTIC POSSIBILITIES OF THE DIALECTAL TEXT ON THE LESSONS OF THE KOMI-PERMIAN LANGUAGE IN THE BASIC SCHOOL. *This article actualizing the theme of the conference reveals the capabilities of the dialect Komi-permyak texts in conditions of the transition to Federal State Educational Standards. The authors draw our attention to advantages of the texts on a dialect base at the modern lesson with information technology and their focus on the development of Universal Learning Activities, on different ways of educative interaction (in pairs, groups, individually).*

Keywords: *Komi-permyak lesson, text on the dialect base, preparation of tasks for texts, organization of educational activity.*

Для понимания целого необходимо понимать смысл частей, его составляющих, а чтобы понимать их как части некоего целого, нужно иметь представление о его смысле. Смыслом и ведущей идеей в методике преподавания коми-пермяцкого языка в диалектных условиях в период перехода на новые образовательные стандарты является признание памятников письменности языка как дидактический ресурс современного урока, построенного на принципах системно-деятельностного подхода к обучению.

Содержание современного языкового образования, заложенного во ФГОС, так или иначе проектирует деятельность обучающихся в направлениях – говорение, чтение, слушание, письмо, овладение сведениями о языке. Данные направления формируют так

называемые компетенции: языковую (предметную), коммуникативную (речевую), культурологическую (этнокультурную).

Программа и учебные пособия по коми-пермяцкому языку, разрабатываемые в рамках ФГОС, предусматривают освоение тем, связанных с историей развития языка и его структурой как системой. Например, в 5 классе как продолжение линии «Сведения из истории коми-пермяцкого языка» из начального языкового образования предлагается следующая формулировка проблематики: «Сведения о родном языке. Место коми-пермяцкого языка среди финно-угорских языков»; в 6 классе в объёме 1 часа планируется тема «Нормы коми-пермяцкого литературного языка и особенности диалектов», а в разделе «Лексика» (5 часов) в том же классе учитель имеет возможность знакомить обучающихся с понятием «Диалектные слова»; в 7 классе представлен более сложный вопрос – «Первые грамматики и буквари на коми-пермяцком языке» (2 часа). Предлагаемые авторами-разработчиками темы позволяют рассматривать теоретический материал на конкретных текстах памятников коми-пермяцкой письменности, составленных в конце XIX – начале XX веков на диалектах коми-пермяцкого языка.

Так, в презентационном формате для достижения дидактических целей учитель родного языка МАОУ «Гуринская СОШ» Кудымкарского района Кетова М. В. предлагает провести исследовательскую работу по тексту, составленному для букваря на коми-пермяцком языке в 1908 году в Казани, автором которого является К. М. Мошегов. Текст называется «Лев и лиса», написан на северном наречии («л»-овом диалекте) и позволяет обнаруживать диалектные особенности на лексическом уровне. Мини-исследование проводится по плану:

1. Прочитать текст про себя (можно в группах или в парах)
2. Прочитать громко.
3. Найти и выписать диалектные слова.
4. Определить, на каком наречии написан текст.

В той же школе в тех же классах (5-х и 7-х классах) тот же самый учитель Кетова М. В. уже с применением другого текста выявляет диалектные особенности коми-пермяцкого языка. Автор поэтического текста «Кудымкар» – основоположник коми-пермяцкой литературы М. П. Лихачёв, носитель ниже-иньвенского наречия («в»-овый диалект). Данный текст был размещён в учебнике для чтения и письма на коми-пермяцком языке, составлен в 1925 году и допущен к изданию Научно-педагогической секцией Учпедгиз (г. Москва).

М. В. Кетовой разработано несколько вариантов разноуровневых заданий для группового взаимодействия:

- найти и выписать диалектные слова на примере 1-3 строфы;
- определить наречие на основе примеров из 1-3 строфы;
- сформулировать правила написания послелогов с существительными;
- сформулировать правила написания **в / л** ;
- написать текст по современным нормам орфографии.

Целенаправленная работа языковеда на основе текстов-памятников коми-пермяцкой письменности, созданных как обучающие в своё историческое время, были дидактическим ресурсом при освоении грамоты на языке, а говоря словами Э. Н. Гусинского: «Понимание текста возможно только при понимании личности автора, но достигнуть понимания личности автора нельзя иначе, кроме как посредством восприятия текстов...» Аналитическая работа по выявлению диалектных особенностей текстов-памятников – это новый взгляд на родной язык через призму времени почти в 100 лет.

В современных условиях – это решение более сложных задач дидактики родного языка и мощный ресурс формирования исторической памяти народа, развития языковой личности, способной ценить язык как сложный и интересный мир фактов культуры, психологии народа и его способности саморазвития.

Литература

1. Рабочая программа по коми-пермяцкому языку для 5-9 классов. Авторы Т. А. Васькина и др. – Пермь, 2016.
2. Мошегов К. М. Букварь для пермяцких детей на чердынском наречии. – Казань, 1908.
3. Зубов Ф. Е., Лихачёв М. П. Подснежник. Книга для чтения и письма на иньвенском коми. – Москва, 1925.

УДК 81-114.2

Ф. А. Ганиева, г. Махачкала

СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ НАЗВАНИЙ ПИЩИ В АХТЫНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ЛЕЗГИНСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются способы словообразования названий пищи в ахтынском диалекте лезгинского языка. Основными способами образования названий пищи в ахтынском диалекте лезгинского языка являются суффиксация, словосложение, обособление и описательный способ.

Ключевые слова: *способы словообразования, простые, производные, сложные и составные термины.*

THE WAYS OF WORD-FORMATION OF NAMES OF FOOD IN THE AKHTY DIALECT OF LEZGIAN.
The article deals with the ways of word-formation of food names in the Akhty dialect of the Lezgian language. The main ways of forming food names in the Akhtyn dialect of the Lezghian language are suffixation, compositional, isolation and descriptive method.

Keywords: *word-formation methods, simple, derivative, complex and compound terms.*

Лексика, связанная с названиями пищи, представляет интерес как для лингвистов, так и для историков и этнографов для получения бесценных сведений об истории и культуре народа и определения вклада народа в развитие материальной и духовной культуры.

Пища употребляется человеком не только для насыщения, но и «играет роль формы, опосредствующей социальное общение людей. Совместный труд, прием гостей, заключение тех или иных семейных и общественных связей, каждый праздник и значительная часть религиозных обрядов сопровождалась (и до сих пор сопровождаются) совместным приемом пищи» [Студенецкая 1974, 160].

Первые сведения вообще о словообразовании в лезгинском языке находим у П. К. Услара [1896] и Л. И. Жиркова [1941]. Некоторые вопросы словообразования затрагиваются и в диалектологических исследованиях, начиная с 60-х годов XX в. [Мейланова 1964; Абдулжамалов 1965; Гюльмагомедов 1966; Ганиева 1980]. Значительное место для разработки деривационной системы лезгинского языка отводит Р. И. Гайдаров в своей монографии «Лексика лезгинского языка» (1966). Большое место отведено словообразованию пралезгинского состояния в монографии М. Е. Алексеева «Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков» [1985, 108-123].

Основными способами образования названий пищи в ахтынском диалекте лезгинского языка являются суффиксация, словосложение, обособление и описательный способ.

Многие названия пищи ахтынского диалекта в структурном отношении представляют собой непроединительные основы, к которым относятся как исконные (синхронно нечленимые на морфемы), так и заимствованные, не имеющие в своем составе словообразовательных аффиксов лезгинского языка. Ими являются основные наименования, связанные с пищей: *нек* «молоко», *гъвел* «крошка», *ноьх* «полба», *чем* «масло», *тугъ* «айран», *гъуьр* «мука», *гитI* «ритуальное блюдо», *жур* «сухофрукт», *цIуькI* «просо», *хешил* «мучная каша», *чIоьгъ* «рассол (для брынзы)», *йад* «вода», *мегъ* «пресная простокваша», *чIамI* «просяной хлеб», *лаваиш* «лаваш», *гъвел* «крошка», *сав* «толокно».

К производным относятся названия, образованные с помощью различных словообразовательных аффиксов. Их в ахтынском диалекте, да и в литературном языке, также сравнительно мало: *хинкIал* «хинкал», *дадлы* «вкусный» < *дад* «вкус», *цыры* «кислый» < *цыр* «кислая патока», *кешин* «голодный» < *каш* «голод», *регъуьхбан*

«мельник» < *роьх* «мельница, *ширинлух* «сладость» < *ширин* «сладкий», *ичин* «яблочный» < *ич* «яблоко», *фуан* «хлебный» < *фу* «хлеб», *сил* «рожь» < *силин* «ржаной», *хвад* «слива» < *хутун* «сливовый».

Вопрос о сложных словах и как они отличаются от словосочетаний и фразеологизированных структур в целом в лезгинском языкознании разработан. Способ сложения основ в лезгинском языке является древним и продуктивным способом образования слов. Как отмечает Р. И. Гайдаров, «о давности функционирования основослагательного типа словообразования в лезгинском языке говорит, прежде всего, то, что сложные слова составляют значительную долю словарного богатства лезгинского языка, при этом они в большом количестве представлены не только в периферийной, но и в фондовой части словаря. Так, например, сложные слова пронизывают всю систему лезгинского глагола, в которой они, с одной стороны, в несколько раз количественно превосходят простые основы, а с другой, – образуют ряд форм спряжения от всех без исключения глаголов» [Гайдаров 1966, 96].

Словосложение является продуктивным способом образования новых слов и в других дагестанских языках, свидетельством этому являются исследования последних лет, касающиеся этой проблемы [Ганиева 1986, Алексеев 1988, Загиров 1987, Магомедов и Алиханов 2008 и др.]. Способы образования сложных слов от названий травянистых съедобных растений подробно рассмотрены в статьях Ф. А. Ганиевой [1989, 46-47] и Э. М. Шейхова [1989, 104].

В зависимости от того, из чего составлены компоненты сложных слов, различаются: 1) собственносложные слова, образованные из основ разных слов, 2) повторы (редуплицированные основы), т.е. слова, в которых повторяется одна и та же основа.

Среди собственносложных названий выделяются композиты, один из компонентов которых лишен самостоятельного значения, или же композиты, в которых оба компонента сохранили свое лексическое значение: *йаралма* «топи-намбур» < *йар* «весна» + тюрк. *алма* «яблоко»; *кылаьр-кIвачар* «голье» < *кыи-лаьр* «головы» + *кIвачар* «ноги»; *тIуьн-хун* «еда» < *тIуьн* «кушать» + *хун* «пить»; *векьер-кьалар* < *векьер* «травы, растительность» + *кьалар* «стебельки».

Как отмечает Р. И. Гайдаров, повторы (удвоение основы) в лезгинском языке используются в двух целях: 1) для образования новых лексических единиц (лексические повторы) и б) для образования морфологических форм слова (грамматические повторы) [Гайдаров 1966, 125]. В ахтынском диалекте обнаружены следующие виды повторов:

а) повторы, образованные простым удвоением основы: *чIык-чIык* «по кусочку», *твар-твар* «по зернышке, помалу», *машмаш* «абрикос», *гергер* «овес»;

б) повторы, сопровождающиеся заменой начального согласного основы сонорным *м*: *ич-мич* «яблоко и тому подобное» < *ич* «яблоко», *кьел-мел* «соль и другие специи» < *кьел* «соль», *чай-май* «чай и другие сладости к нему» < *чай*;

в) редупликация основы, сопровождающаяся заменой одного из согласных основы: *хъиркъиш* «худое, рыхлое мясо», *галгам* «гроздь каких-либо плодов (кроме винограда)».

Большое место в названиях пищи ахтынского диалекта занимают составные (описательные) названия. Подавляющее большинство терминов представляют собой именные словосочетания, в качестве определения которых выступают имена существительные в форме родительного падежа и причастия: *хпен ниси* «овечий сыр», *келин нек* «коровье молоко», *вечрен йак* «курятина», *малзин йак* «говядина», *къуьлуьн гъуьр* «пшеничная мука», *къукъвай фы* «черствый хлеб», *хвазей затар* «напитки», *регъвей йак* «молотое мясо, фарш»;

б) сочетание имени прилагательного с существительным в именительном падеже: *михьи чем* «топленое масло», *шуру нек* «пресное молоко», *чиг нек* «парное молоко», *ицIи йак* «сырое мясо» *таза ниси* «свежий сыр», *шит ниси* «малосольный сыр», *михьи йак* «мякоть»;

в) сочетание имени существительного в именительном падеже + имя существительное в именительном падеже: *лю́ле каба́б* «люля кебаб», *чыба́н аш* «чабанский плов», *кьыл чичла́г* «репчатый лук», *чихе́р аш* «плов из крупы», *дарма́н ве́кьер* «лекарственные травы»;

г) сочетание имени существительного в именительном падеже с глаголом: *тагъ́ аву́н* «пассировать», *кьас гу́н* «откусить», *да́д аку́н* «пробовать», *йа́д кихи́н* «добавлять воды».

Литература

1. Абдулжамалов Н. А. Фийский диалект лезгинского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 1965.
2. Алексеев М. Е. Сравнительно-историческая грамматика лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. – Махачкала: Наука, 1985.
3. Алексеев М. Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. – М.: Наука, 1988.
4. Гайдаров Р. И. Лексика лезгинского языка. – Махачкала, 1966.
5. Ганиева Ф. А. Джабинский диалект лезгинского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1980.
6. Ганиева Ф. А. Словообразование как один из способов словообразования в хиналугском языке // Вопросы словообразования в хиналугском языке. – Махачкала, 1986.
7. Ганиева Ф. А. Морфологическая и семантическая характеристика травянистых растений в лезгинском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков. – Махачкала, 1989. – С. 46-47.
8. Гюльмагомедов А. Г. Куткашенские говоры лезгинского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 1966.
9. Жирков Л. И. Грамматика лезгинского языка. – Махачкала, 1941.
10. Загиров В. М. Историческая лексикология языков лезгинской группы. – Махачкала, 1987.
11. Магомедов М. И., Алиханов С. З. Словообразование в аварском языке. – Махачкала, 2008.
12. Мейланова У. А. Очерки лезгинской диалектологии. – М: Наука, 1964.
13. Студенецкая Е. Н. Пища и связанные с ней обряды и обычаи как показатель национального своеобразия и межнациональных связей // Археолого-этнографический сборник. Вып. I. – Нальчик, 1979.
14. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Т. III. Кюринский язык. – Тифлис, 1896.
15. Шейхов Э. М. Словообразовательные модели названий съедобных трав в лезгинском языке // Проблемы отраслевой лексики дагестанских языков. – Махачкала, 1989. – С. 104.

УДК 811.512.141'28:391

А. С. Гарипов, г. Учалы

ДИАЛЕКТЫ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОГО КОСТЮМА

Данная статья посвящена вопросам изучения диалектов башкирского языка в тесной связи с этнографией. В качестве примера рассмотрены слова, связанные с одеждой башкир, характерные для миасского говора восточного диалекта башкирского языка.

Ключевые слова: диалектология, этнография, народный костюм, сравнительный.

THE DIALECTAL DATA AS A SOURCE OF INFORMATION FOR THE STUDY OF FOLK COSTUME.
This article is devoted to the study of the dialects of the Bashkir language in close connection with Ethnography. The author here considers the words associated with Bashkir clothes characteristic of the Miass subdialect from the Eastern dialect of the Bashkir language.

Keywords: dialectology, ethnography, folk costume, comparative.

Язык, как известно, – социальное явление, и, как всякое социальное явление, он связан с историей народа. Это в полной мере относится и к диалектам. Поэтому естественна связь диалектологии с историей народа и такими историческими дисциплинами, как археология и этнография. Диалектный источник имеет определенное преимущество перед литературным, поскольку хранит многое из того, что утрачено в литературном языке. Диалектный материал, как известно, представляет собой сосредоточение большого количества архаических элементов, наилучшим образом отражающих особенности традиционной культуры народа. Профессор Р. И. Аванесов отмечает, что диалектологические и этнографические сведения, вместе взятые, подкрепляя друг друга, могут привести исследователя к важным заключениям об истории соответствующего говора и его носителей-населения этой местности [Аванесов 1949, 18]. В связи с этим, исследования диалектного языка как источника сведений о сосредоточении в языке культурного опыта народа, приобретают на сегодняшний день особую значимость. Костюм как один из компонентов национальной культуры выявляет отразившиеся в нем исторически и социально обусловленные традиции. Особенно важно подчеркнуть, что границы этнографических различий могут совпадать с границами диалектов и поэтому языковые данные могут дополнить этнографические материалы. В качестве примера можно рассмотреть лексическую базу миасского говора восточного диалекта башкирского языка, охватывающего Учалинский, частично Белорецкий и Абзелиловский районы и территорию Челябинской области с целью выявления слов, связанных с одеждой башкир. В статье использованы данные «Диалектологического словаря башкирского языка».

1. Головные уборы: *алка йаузык* – большой двойной платок, украшенный монетами; *баузы йаузык* – спаренный платок, которым покрывались молодые и средних лет замужние женщины; *зур йаузык* – цветастый шерстяной полушалок; *йаузык сук* – монетные украшения кашмау; *карманай* – небольшой белый платок для повседневной носки; *колакһа* – кисти старинного головного убора замужних женщин; *теүәтәй* – тюбетейка; *тупый* – шапка; *эйәксен* – завязка у спаренного платка (*кушъяулыка*).

2. Верхняя одежда: *биш бил казакый* – род полукафтана, длиною ниже колен; *бишмәт* – 1. стеганка. 2. камзол; *буйзай гүлмәк* – платье простого прямого покроя; *гүрпә* – овчинная шуба; *иңһәлек* – женский шарф предназначенный для ношения на заплечье; *игырмау* – завязка, тесемка (у воротника рубахи); *итәк* – оборка; *йаурынса* – заплечье зияна вышитое позументом; *йелберзәк* – оборка; *йеңһәу* – нарукавник; *йыкма йага* – отложной воротник; *йәтмә* – лента, тесьма; *күлмәк капкасы* – клапан на грудной выемке рубашки, платья; *каптырма билгау* – ковровый, бархатный или шелковый пояс шириной 6-7 см, украшенный жемчугом, драгоценными камнями, серебряными бляхами и т. д.; *кат* – оборка; *йары салбар* – брюки из шкуры; *кәпә* – стеганое пальто; *куфайка салбар* – стеганые брюки; *саксак* – женская лисья шуба; *убырка*, *үберкә* – оборка; *шыпыртмак* – платье простого покроя; *эскегүндәк* – сорочка, нижняя рубашка; *ыгырмау*, *игырмау*, *йыгырмау* – завязка у воротника рубахи; *әтелкә*, *әтилкә* – 1. тесемка, пришитая на оборке; 2. оборка;

3. Обувь: *айак сылгауы* – подарок невесты жениху (вышитая гладью материя); *башай* – шерстяные носки ручной вязки; *башмак ката* – неглубокие галоши для повседневной носки; *ката* – 1. женская кожаная обувь без голенища ручной выделки. 2. неглубокие калоши; *кызыл үксә* – чарык (старинная обувь с кожаным носком и суконным голенищем); *сарык бороу* – вышивание голенища чарыка; *токор ойок* – шерстяные носки (ручной вязки); *шаңкай* – глубокие кожаные калоши на толстой кожаной подошве.

4. Украшения: *сыңгалы балдак* – звенящее кольцо с мелкими монетами; *безәлек* – браслеты со звенящими монетами; *гәрәбә* – бусы; *каралык* – косоплетка из шерсти; *кулбау* – браслеты из бусинок; *кыйа изеу* – амайдек (женское нагрудное украшение продолговатой формы, надеваемое через левое плечо под правую руку во всю грудь, разукрашенное серебряными монетами, драгоценными камнями и кораллами; *кылмау* –

женское нагрудное украшение с бусинками (надеваемое на шею); *муйсак*, муйынсук – ожерелье; *сәсүргес* – косоплетка; сылтырак – наконник;

При сравнительном анализе этнографических и диалектологических данных возникают некоторые вопросы. К примеру, в этнографии общепринято, что слово *иңһәлек* у северо-восточных башкир обозначает наспинное украшение [Руденко 2006, 160]. В миасском же говоре – это женский шарф предназначенный для ношения на заплечье. Очень интересно и то, что в говоре оборку называют множеством вариантов: *итәк*, *йелберзәк*, *кат*, *убырка*, *әтелкә*.

Таким образом, диалектные данные могут дополнить информацию об особенностях восточного (зауральского) костюмного комплекса.

Литература

1. Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Часть 1. – М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1949. – 340 с.
2. Вәлиева М. Р. Башкорт милли кейемдәрәндә тарих сағылышы // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы Всероссийской научной конференции. – Уфа, 2005. – С. 384–387.
3. Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. Изд. 2-ое. – Уфа: Китап, 2006. – 376 с.

УДК 811.352.3'1

Н. Т. Гишев, г. Майкоп

ДИАЛЕКТЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

(на материале адыгских языков)

Рассматриваются вопросы создания адыгских литературных языков. Адыгейский (кяхский) литературный язык создан на основе темиргойского диалекта. У кабардино-черкесов (верхних адыгов) литературный язык сложился на основе баксанского диалекта Большой Кабарды. Литературные языки верхних и нижних адыгов не являются искусственными, так как они образовались от существующих народных языков-диалектов. В результате общенародного согласования эти местные диалекты были утверждены законодательным путем в качестве общенародных официальных языков. Известно, что литературный язык является всеобщим, нормативным, обязательным для носителей данного языка. При этом сохраняются и другие диалекты как источники лексического обогащения общенародного языка.

Ключевые слова: диалекты, общенародный литературный язык, нормы литературного языка, официальный общепринятый язык.

DIALECTS AND LITERARY LANGUAGE (EXEMPLIFIED BY ADYG LANGUAGES). *The issues of creation of Adyghe literary languages are considered. The Adyghe (Kyakh) literary language was created on the basis of the Temirgoi dialect. Among upper Adygs the literary language was formed on the basis of the Baksan dialect of Bolshaya Kabarda. Literary national language is as natural as any language or dialect. The only difference is that the literary language is universal, normative, and compulsory for speakers of the given language. At the same time, other dialects are preserved as sources of lexical enrichment of the national language.*

Keywords: dialects, national literary language, norms of the literary language, official generally accepted language.

Когда корни не подают влагу стволу дерева, то дерево завянет, а потом засохнет. Язык подобен дереву – он имеет и корни, и ствол, и листья. Если все части языка слаженно работают, то он развивается, растет и живет. Например, если взять адыгейский язык, то «общий адыгский язык» имеет множество корней – это: абдзахский, бжедугский, бесленейский, кабардинский, темиргойский, шапсугский говоры. Кроме них к общеадыгскому языку относились говоры таких групп адыгов, как жанеевцы, натухаевцы, хатикуаевцы, мамхеговцы, адамиевцы, егерухаевцы, махоши. В наши дни эти корни называются местными языками (диалектами, говорами). При появлении письменности у «общенародного адыгского языка», у наиболее отдаленных адыгов (*верхних адыгов* – кабардинцев, бесленеевцев (черкесов) и *нижних адыгов* – абадзехов, бжедугов, темиргоевцев, шапсугов образовалось два литературных языка со своими нормативными

правилами. Верхний адыгский кабардино-черкесский язык образовался на основе баксанского диалекта Большой Кабарды; в основу литературного языка нижних адыгов лег темиргоевский (чемгуевский) диалект. Однако, следует отметить, что литературный язык и язык основы полностью не совпадают и не могут совпадать; не говоря о фонетических расхождениях, они не совпадают и по некоторым морфологическим, синтаксическим и лексическим особенностям. Но нормы, выбранные обществом в основу литературного языка, превалируют в действующем общенародном литературном языке. И эти нормы должны быть соблюдены в письме и официальной речи грамотной части публики. Литературный язык оберегают потому, что он доступен всем членам данного языкового сообщества. Литературный язык изучается во всех учебных заведениях данного языкового сообщества, данного государства, и его нормы и правила являются обязательными для этого общества. Если в основу литературного языка кладется один диалект или говор, то остальные диалекты не исчезают и не умирают. Они остаются в народе и, если будет необходимо, они помогают диалекту-основе литературного языка. Особо ощущается их помощь в лексике. Если в лексическом составе литературного не хватает или отсутствует нужное слово, то тут обращаются к диалектам, если же и в них нет нужного слова, то прибегают к другим языкам. Заимствованные лексические единицы оформляются по нормам заимствующего литературного языка, и они адаптируются как родные, как части литературного языка.

Сомневаться в вышеизложенном нельзя, однако встречаются языковеды, которые не соглашались с правилами установленного литературного языка и сеют сомнения в душах людей и создают неурядицы в обществе. Тем «борцам» за справедливость кажется, что они помогают языковедам прийти к справедливой истине, к развитию литературного языка, но, по правде говоря, они большей частью мешают утверждению и развитию адыгейского литературного языка и обучению языкам в целом. Такие люди способствуют переориентации взглядов на общий литературный язык. Более того, они создают неприязнь между представителями разных этнических групп одного и того же народа и недоверие к лингвистам, правильно объясняющим законы языка. Поэтому ориентировать людей на кажущийся «правильный» (субъективный) подход вредно для народа и для развития литературного языка. При изменении общественного строя, при установлении «демократии» и «плюрализма мнений» началась пропаганда того, что если кабардинцы и адыгейцы – один народ, то пусть они имеют один язык и один алфавит. Такую пропаганду муссируют на страницах газет, по радио, на собраниях, на улицах.

Создание общего алфавита практически невозможно, ибо между адыгейским и кабардино-черкесским алфавитами имеется существенная разница.

УДК 81-22. 811.512.144

Г.-Р. А.-К. Гусейнов, г. Махачкала

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КИЗЛЯРСКОГО ГОВОРА ТЕРСКОГО ДИАЛЕКТА КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА В АРЕАЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Статья посвящена анализу лексики изолированного (РСО–Алания) кизлярского говора терского диалекта кумыкского языка. Рассмотрены его связи с другими тюркскими языками и кумыкскими говорами как в синхронном, так и в диахронном отношении.

Ключевые слова: кизлярский говор, терский диалект кумыкского языка, лексика.

LEXICAL FEATURES OF THE KIZLYAR SUBDIALECT WITHIN KUMYK TEREK DIALECT IN AREAL PERSPECTIVE. *The article is devoted to the analysis of lexicon of isolated (in Alania) Kizlyar subdialect of Kumyk Terek dialect. Its relations with other Turkic languages and the Kumyk dialects both in the synchronous and in diachronous relation are considered.*

Keywords: Kizlyar subdialect, Kumyk Terek dialect, lexicon.

Носители изолированного кизлярского говора терского диалекта кумыкского языка исторически проживают в собственно кумыкских населенных пунктах Моздокского района Республики Северная Осетия – Алания, главным образом, в селении Кизляр, а также в сс. Предгорное и Малый Малгобек. Его изучение до недавнего времени ограничивалось небольшим, порядка 10 страниц, очерком в учебном пособии Дж. М. Хангишиева [1989, 71-80]. Следующим опытом стала статья, посвященная выявлению специфической, неизвестной кумыкскому литературному языку лексики данного говора [Магометова и др. 2015], которая была собрана в с. Кизляр учителями кумыкского языка и литературы местных школ на основе словника международного научного проекта «Серия межконтинентальных словарей» Департамента лингвистики Института эволюционной антропологии имени М. Планка (г. Лейпциг, ФРГ). Специфическая лексика кизлярского говора, рассмотренная в этой статье, стала предметом анализа в настоящей публикации с привлечением данных других кумыкских говоров, обследованных на основе вышеупомянутого словника [Комри, Халидов 2010].

Внешние лексические связи говора

Праалтайский уровень

гъакгоьв «безумный», кум.-дорг. *къагъ*, кум.-мадж. *къах* (метатеза) – кум. лит. *гъанкъав* «глупый, тупой, бестолковый», которое вместе с ареально близким ног. *анъкъав* 1) «наивный, 2) глупый, 3) разиня» < обще-, межтюрк. *ангкъав* «бестолковый, непонятливый» [Севортян 1974, 154], содержит анлаутный *гъ-(h-)*, указывающий на сохранение древнего (пра)алтайского облика данного слова в кумыкских диалектах, включая рассматриваемый.

Булгарский (караимско-хазарский) уровень

лапур болуп акъмакъ «течь, литься потоком» – кум. лит. *тёгюлмек*, *къуюлмакъ*, *лапур* «кучка, охапка (сена, соломы)», кум. лит. *лопа-лопа* караим. крым. *лапа-лапа* «хлопья» в выражении *лапа-лапа* (караим. крым.) / кум. *лопа-лопа къар йава* «(большими) хлопьями снег падает» (Кар.- рус.-польск.-рус. сл. 1974:390; Кум.-рус.сл. 1969, 220), которое встречается в фольклоре караимов наряду с упоминанием этнонима хазар: «*Лапа-лапа къар йава Эрби-баба кой сойа, Байларымыз той чала, Хазар огълу ат чаба* – Хлопьями падает снег, Батюшка Эрби режет барана, Наши богачи свадьбу играют, Сын хазарский скачет на коне» [ok.ru/group/57092664000544/topic...], что указывает на достаточную древность (с хазарских времен) известности этого слова;

къотан «конюшня, стойло», кар. трак., галиц. *къотан* «конюшня, хлев» – кум. лит. (ат)*аран*, *гёзен* кум. лит. *къотан* «1) кутан; 2) кошара», кум.- караб. *къотан* «пастбище, выгон», имея в виду, что кумыкский и караимский языки являются наследниками хазаро-булгарского.

Возможно, сравнительно давней является лексическая форма *гемени ел кетени* «парус» – кум. лит. *елкен* обще-, межтюрк. характера – производное от *йел* «ветер» и неясного генезиса второй части [см. Этим. сл. ТЯ 1989, 181] при том, что терская форма, возможно, как первичная, указывает на то, что обще-, межтюрк. *елкен* может представлять собой результат стяжения с известным во многих тюркских и иных языках словом *кетен* «холст, холстина, полотно» < араб. *kattan* «лен, полотно» [Шагиров 1977, №1427].

Западнотюркский ареал

къахыт (кехыт при известности в терском диалекте чередования *гъ//х*, например, *гъалкъ // халкъ* «народ» [см. Хангишиев 1989, 76, 78] – кум. лит. *кагъыз* «бумага», известное в других тюркских языках, но при ног. *кагъыт*, к.-балк., кар., кр.-тат. *къагъыт*, тур. *kâğıt* «бумага» (< др.-тюрк. *qaγat, qaγaz* [Др.-тюрк. сл. 1969, 405]), в то время как данная форма отразилась в одной из областей прежнего распространения данного говора – в вайнахских языках и диалектах: чеч. *кехат*, инг., акк. *каъхат*, в то время как в горных диалектах (кист., итум. *кегъат*, чеб. *Кагъат*) [см. Алироев 1985, 290];

озек «остров» – кум. лит. *атав*, *оьзек* 1. «овраг (неглубокий)», 2. «ручей (протекающий в овраге)», ср. тур. диал. *оьзен* «участок суши в середине реки» [Севортян 1974, 511];

гевек (азерб. *кәпәк*, азерб.-терк. *кепек*) – кум. лит. *къаснакъ* «перхоть»;

судан янмакъ, азерб.-терк. *янмаг* – кум. лит. *сусав* «жажда».

Восточнотюркский ареал

Располагаясь в крайней западной части нынешнего распространения кумыкского языка, данный диалект обнаруживает ощутимые лексические связи с восточнотюркским ареалом, в т. ч. древние, о чем могут свидетельствовать:

киш (къара) – кум. лит. *къарангъылыкъ* «темнота, мрак», ср.: ср.-век.-кыпч. *кеш* «поздний», ккалп., тат., узб., уйг., каз., ног. *кеш* «вечер», тат. *кич*, чаг. *кичь*, др.-тюрк. *kić* «поздний» [Севортян 1980, 50-51];

къачырмакъ (гъайван) «совокупляться», кирг. *къач*- «желать самца (о животных)», тат. *къач*- «оплодотворяться», узб. *къач*- «случаться, быть покрытым» [ЭСТЯ 1997, 340-341] – кум. лит. *сигишмек* «совокупляться (вообще)»;

сунгумек «нырять» – уйг. *суьнгуь* «нырять», кирг. *суьнгуь* «нырять, купаться», ккалп., ног.(?) *суьнги* «нырять, погружаться (в воду), окунаются, купаться», которые из монг., при кум. лит. *суьнгуь* «копье, пика» и *чомулмакъ* «нырять» общетюрк. характера [ЭСТЯ 2003, 356].

Отношение к ногайскому языку

На более поздние местные связи с ногайским языком могут указывать:

балдирез – кум. лит. *бузлавукъ*, ср.: каз. *балдыр*, кирг. *балыр/балур*, хак. *палар* «водоросль(и)», тув. *балар* «тина» неясного происхождения [Севортян 1978, 61];

чархы авур, ног. *авыр аякълы* – кум. лит. *айлы* «беременная»;

каьртоп чыракъ, ног. *картопиыракъ* – кум. лит. *май чыракъ* «свеча»;

къарагъай – кум. лит. *телинарат* «ель, пихта», *къарагъай* «сосна», но *къарагъай* «ель, пихта» – ног., тат. («ель»), кирг. («еловый лес»), к.-балк. («хвойный») [СИГТЯ 2001, 133];

къазгъыр, ног. *къазгъыр* – кум. лит. *бел* «лопата»;

тумур – кум. лит. *тюпгюч*, ног. *туьбир* «пень»;

акъ къалай – кум. лит. *акътемир*, *чийтемир* «жесть (белая)», но *къалай* «олово» при туркм., к.-балк., ног., тат., башк., уйг. *къалай* «жесть», кирг. *къалай* «жестяная банка» [ЭСТЯ 1997, 230]; *орамакъ* «обертывать» (при кум. лит. *чырмамакъ*) оказывается известным в данном значении лишь восточнотюркским, главным образом, кыпчакским, включая ногайский, языкам, в которых оно является монголизмом [Севортян 1974, 469].

Неясным остается происхождение таких лексических форм, как *хара* – кум. лит. *таш яр*, *бурун* «мыс», известные в говоре; *саби* – кум. лит., браг. *нарыста* «младенец»; *дарбах уй* – кум. лит. *мажлис уй* «дом для собраний»; *некет(?)* – кум. лит. *иштагъ* «желание».

Лексические связи с другими кумыкскими говорами

Как и следовало ожидать, говор обнаруживает несколько большую близость к брагунскому говору терского диалекта, ср.: *уллу уй мал*, кум.-браг. *мал* кум. лит. (*къара*) *тувар* «крупный рогатый скот»; *акъган*, *агъын оьлген*, кум. браг. *акъган сувгъа батып оьлген* «утонувший, утопленник» – кум. лит. *батылгъан*, *батып оьлген*; *йимчакълар*, кум.-браг. *йимчакълар* – кум. лит. *минчакълар* «ожерелье, бусы»; *арив этив*, кум.-браг. *арив этив* – кум. лит. *безендирив* «украшение, орнамент»; *чунгъур* кум.-браг. *чунгъур* – кум. лит. *татавул*, *ор* «канава, ров», *чунгъур* «яма, впадина, ров, воронка»; *иш гъакъ*, кум.-браг. *иш гъакъ* – кум. лит. *алапа* «заработная плата». Вместе с тем примерно тот же совокупный уровень близости обнаруживается в отношении говоров подгорного и кайтагского диалектов, ареально не смежных с данным говором, ср.: *пельтон*, кум.-тюмл. *палтун* – кум. лит. *пал(ь)то* «пальто»; *отаха*, кум.-дорг., карх., мадж., тюмл. *тавхана*, кум. лит. *отбаиш* «камин»; *кетен къумач*, кум.-тюмл. *кетен къумач* – кум. лит. *кендир къумач* «ткань (льняная)»; *отаха*, кум.-дорг., караб., мадж., тюмл. *тавхана* – кум. лит. *отбаиш* «камин»; *ешмек* кум. лит., кум.-браг. *сокъмакъ*, южн.-кум. (дорг., мадж., тюмл.)

тухумахъ/тухумах (< азерб. тохумаг) «ткать»; *бийик къурукъ*, кум.-тюрм. *къурукъ* – кум. лит. *мачта* «мачта».

Русизмы

Того же возраста, что и ногайские элементы, надо полагать, и специфические, неизвестные кумыкскому русизмы данного говора, к которым относятся:

сирник < русск. диал. [СРНГ 2003, 216], в т. ч. наурск. *сирники* (1907г.), ставр., кубан. *серники*, донск. *серники/сирники* «серные спички» [Гусейнов 1979, 135-136] – кум. лит. *истирче* «спичка»; *тапчан* (< русск. *топчан* «дощатая кровать на козлах», «род деревянной кровати или дивана без спинки» [ru.wiktionary.org/wiki/топчан]);

савок – кум. лит. *гъакеннез* «совок»;

кузне – кум. лит. *меч* «кузница», неизвестное другим тюркским языкам;

беслеу – кум. лит. *къалакъ* «весло».

Литература

1. Алироев И. Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов. – Махачкала, 1975. – 383 с.
2. Гусейнов Г.-Р. А.-К. К истории чеченской лексики (на материале русско-чеченских языковых контактов): Дисс. ... канд. филол. наук. – Грозный, 1979. – 178 с.
3. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
4. Караимско-русско-польский словарь / Ред. Н.А. Баскаков. – М.: Русский язык, 1974. – 687 с.
5. Комри Б., Халидов М. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. – Лейпциг-Махачкала, 2010. – 898 с.
6. Кумыкско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 408 с.
7. Магометова А. Ш., Хажалиева И. З., Шамурзаева Р. Г., Гусейнов Г.-Р. А.-К. Лексика кизлярского говора терского диалекта, неизвестная кумыкскому литературному языку // Записки молодого лингвиста. – Махачкала, 2015. – С. 134-139.
8. Словарь русских народных говоров. – Л.-СПб.: Наука, 2003. – Вып.37. – 416 с.
9. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. I. – М.: Наука, 1974. – 767 с.
10. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. II. – М.: Наука, 1978. – 350 с.
11. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. III. – М.: Наука, 1980. – 396 с.
12. СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 2001. – 822 с.
13. Хангишиев Дж. М. Къумукъ диалектологиясы. – Магъачкъала, 1989. – 81 с.
14. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. – М.: Наука, 1977. Т. 1-2.
15. ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1989. – 292 с.
16. ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1997. – 363 с.
17. ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 2003. – 446 с.
18. <http://ok.ru/group/57092664000544/topic...>
19. <http://ru.wiktionary.org/wiki/топчан>

УДК 811.512.141'28

Р. М. Ғаббасова, Маләүез районы, Нөгөш ауылы

ДИАЛЕКТ ШАРТТАРЫНДА БАШКОРТ ТЕЛЕН

ҺӘМ ӨЗӨБИӘТЕН УКЫТЫУ

В данной статье обсуждается проблема изучения башкирского языка и литературы в условиях диалекта. Приведены сравнительные примеры местного говора с литературным языком. Перечислены основные методы работы учителя в процессе обучения литературному языку.

Ключевые слова: родной язык, говор, диалектизм, башкирский литературный язык.

THE PROBLEM OF TEACHING THE BASHKIR LANGUAGE AND LITERATURE IN DIALECT CONDITIONS. *This article discusses the problem of teaching the Bashkir language in dialect. Comparative examples from the local dialect versus the literary language are given. The main methods of the teacher's work in the process of learning the literary language are listed.*

Keywords: native language, dialect, dialects, Bashkir literary language.

Сабый, эсә карынында яралғандан алып был донъяға ауаз Һалғанға кәзәр үк, әсәһенәң туған телендә һөйләшкәнен, фекерләүен һизеп үсә. Бала донъяға килгәс, беренсе һүзәрзе эсә телендә ишетә. Ул үз телендә һөйләшә, фекер йөрөтә, уның аша кешеләр араһындағы мөнәсәбәттең иң катмарлы донъяһына үтеп инә, тәбиғәт, йәмғиәт һәм сәйәси күренештәрзе танып белә, улар хақында тәүге төшөнсәләрзе үзләштерә. Ошо һүз байлығын күңеленә һәм аңына һендереп, телмәрендә нығытып, мәктәпкә килә. Улар «Туған тел» дәрестәрендә әзәби телдәге һүзәрзе ишетә һәм укый башлай. Ошонда беренсе тапкыр диалект һәм әзәби тел айырмалыктары менән осраша. Был айырмалыктар тел һәм әзәбиәт укытыуза байтак кына кыйынлыктар тыузыра. Талап ителгәнсә, укыусы әзәби телдә дөрөс һөйләргә өйрәнергә тейеш. Бала теле асылғандан алып ғаилә ағзалары, күрше тирәһендәге балалар менән аралашып үсә. Бынан уның һөйләү теле нисек калыплашканын аңлауы кыйын түгел. Әйтергә кәрәк, укыусыларзың һөйләү һәм языу телмәрендәге күпселек орфоэпик һәм орфографик хаталар ерле һөйләштең көслә йогонтоһонда барлыкка килә.

Нөгөш урта дөйөм белем биреү мәктәбенә күрше Һәргәй, Ерек, Әбет, Түбәнғеташ, Эткөсөк ауылдарынан укыусылар йөрөп укый. Ауылдарзың аралары бик алыс булмаһа ла, һәр ауылдың үзенә хас һөйләшә бар. Шуға күрә укыусыларзың һөйләү һәм языу телмәрендәге һөйләш хаталарын күрһәтеп, уларзы әзәби телдә һөйләргә өйрәтеүҙән башларға кәрәк.

Ерле һөйләш шарттарында әзәби телгә өйрәтеү – башкорт теле методикаһының иң мөһим мәсьәләләренең береһе. Диалект шарттарында әзәби тел нормаларына өйрәтеү алымдарына түбәндәгеләр карай:

- орфографияға өйрәтеү алымы (ирекле, ижади, күреү, һүзлек, аңлатмалы, һайланма диктанттар);
- орфографик күнегеүҙәр, текст күсереп языу;
- аңлатыу алымы (әзәби телмәр менән диалект араһындағы айырманы аңлатыу);
- текст өстөндә эш (диалект һәм әзәби һүзәр ингән текстар укыу, һиндәй классификацияға инеүен билдәләү);
- карточкалар кулланыу, унда бер үк һүзә диалект һәм әзәби вариантта кулланыу;
- әзәби әсәргә, унда кулланылған ерле һөйләш һүзәренә кызыкһыныу уятыу максатында автор кулланған һөйләмдәрҙе диалект һүзәрҙең синонимдарын табыу;
- дәреслектәге диалектка бәйлә биремдәрҙе үзәренә һөйләшә буйынса башкарыу.

Башкорт теле һәм әзәбиәте укытыуһы буларак, мин эшемдә тирә-як ауылдарзың ерле һөйләшен өйрәнеүгә айырым игтибар бирәм. Укыусыларзы башкорт әзәби теленә өйрәтеүҙә кулланған алымдарымдың береһе – үз ауылдарына хас һөйләште язып алыу һәм, әзәби тел менән сағыштырып, тема буйынса таблица төзөү. Кайһы бер һүзәрҙең лексик-семантик үзенсәлектәрен билдәләү:

Әзәби тел һүзә	Тирә-як ауылдарҙа кулланылған диалектизмдар
Аба, атак-атак!	Аһ-аһ! Атак-атак!
Каңғырыу	Айғазыу, алырыу, каңғырыу,
Курсалау	Аймактау, курсау
Сат, юл саты	Айыры, айырса
Бушка	Алағайымға, тиккә
Мыкты, һомғол	Амырык
Сүпрә	Сөпрә
Катык әсеткәһе	Ойотко
Бесәй табаны	Бесәй күмәсә, төймәсәк

Йылғаның бөгөлгән урыны	Бөгөл
Уңмаған икмәк	Бысый
Кыркылған ағас төбө	Төпһә, түңгәк
Яғымлы	Илбер-ласковый
Имән сәтләүеге	Әкәләк
Үз һүзле	Карышкыр
Көсһөзләнеү, кәрһезләнеү	Каужыу (<i>карт кешенең көсө кайтыуы</i>)
Бәхәсләшеү	Азарыныу
Өймәләм	Өйәмәләм
Бәпембә	Тузғанак
Тултырыу	Тыксыу
Һикәлтә	Үрғылъян

Ерле һөйләштәргә хас булған бөтә диалект күренештәрен бер юлы ғына йыйып бөтөрөү мөмкин түгел, сөнки халыҡ теле ифрат бай, уны өйрәнгән һайын яңынан-яңы һүзҙәр һәм башка үзенсәлектәр табыла тора. Башҡорт теле һәм әҙәбиәте уҡытыусылары ерле һөйләште һаҡлап калырға һәм киләһе быуынға тапшырырға, дәрестәрҙә уны әҙәби тел менән сағыштырып өйрәнергә бурыслы.

Әҙәбиәт

1. Баһауетдинова М. И., Йәғәфәрова Г. Н. Башҡорт телен һәм әҙәбиәтен заманса уҡытыу: Уҡытыусылар өсөн кулланма. – Өфө: Китап, 2009.
2. Башҡорт теленең диалекттары һүзлегә. – Өфө, 2002.
3. Ишбулатов Н. Х. Башҡорт теле һәм уның диалекттары. – Өфө: Китап, 2000.
4. Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. – Уфа: Китап, 2006.
5. Шәкүр Рәшит. Башҡорт диалектологияһы: Уҡыу кулланмаһы. – Өфө: Китап, 2012.

УДК 391:39 (= 943.43)

З. М. Давлетишина, г. Уфа

ДИАЛЕКТНЫЕ ВАРИАНТЫ НАЗВАНИЙ ПОЛОТЕНЦА В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

В башкирской духовной и материальной культуре, пожалуй, нет другого такого многофункционального и красочного изделия, как полотенце. И этот момент очень хорошо отражен в фольклорном материале и в разговорно-бытовой речи башкирского народа.

Ключевые слова: башкиры, полотенце, культура, обряды, диалекты, семантика.

DIALECTIVE VARIANTS OF TOWEL NAMES IN THE BASHKIR LANGUAGE. *In the Bashkir spiritual and material culture as it seems there are no other such multipurpose and colorful items like a towel. And this point is very well reflected in folklore and colloquial everyday speech of the Bashkir people.*

Keywords: Bashkirs, towel, culture, rituals, dialects, semantics.

В музеях Республики Башкортостан собраны и хранятся уникальные коллекции декоративно-прикладного искусства. Большинство среди этих предметов составляют полотенца. Экспонаты изготовлены в период с начала и до середины XX века. Лишь единичные экземпляры датируются концом XIX века. Созданные в разных районах Башкортостана, полотенца знакомят с культурным наследием разных этнографических групп башкир и соседних народов. Универсальные изделия вновь и вновь привлекают к себе внимание исследователей.

Полотенца, как известно, представляют собой небольшие по размеру изделия, легко переносимые и недеформируемые, что играло важную роль в прошлой кочевой жизни башкирского народа. Особенность этих популярных предметов женского рукоделия ярко и своеобразно отразилась в народном творчестве, опоэтизирована в фольклорных жанрах: «Двуглавый кречет, все к нему тянутся»; «Тряпица у окна, вытирает руки она» [БНТ 1993, 399].

Издавна различались полотенца, предназначенные в качестве чисто утилитарных предметов для повседневного пользования, например, для вытирания лица, рук, тела, столовой посуды. Как любимые предметы, они использовались для украшения гостевой половины жилища в дни народных и семейных праздников. Размещение полотенец в семантически напряженных местах: в межоконных проемах, на стенах и над окнами, на жердях под потолком – подчеркивало значимость этих изделий и их обережную функцию. Орнаментированные полотенца, как сакральные предметы, символ благополучия, плодородия и ценный подарок, традиционно использовались в обрядах жизненного цикла.

Проведенный нами анализ показывает, что полотенца у башкир не имели каких-либо принципиальных отличий от изделий соседних народов. Башкирские полотенца представляют собой прямоугольные куски тканой или вышитой материи разной ширины и длины. Стандартная длина этих изделий – 2,0-2,5 м. Однако они могли иметь длину до четырех метров, а настольные полотенца достигали семи метров. Обычная ширина полотенецных изделий от 0,3 до 0,65 м. Размеры полотенец зависели от конкретных функций, спектр которых в быту башкир очень широк.

Старинные, чисто белые обрядовые полотенца у разных народов служили оберегом от злых духов и от сглаза [Гаген-Торн 2000, 115; Зеленин 1991, 99]. С утратой магической силы самого материала стали прибегать к дополнительному украшению полотенец орнаментированными концевками, которые у башкир достигали в длину от 0,4 до 1,17 м. Народная мудрость отразила этот важный момент: «*Үзе озон ғына, баштары кызыл ғына*» (Само длинное, а концы красные) [БХИ 2007, 296]; «*Растянешь – длинное, оба конца – красные*»; «*У белой курочки два хвоста в крови*» [БНТ 1993, 399].

В северо-западных районах Башкортостана декоративные полотенца, развешанные на жердях и вдоль стен, отличались декоративным оформлением. На это обращали свое внимание и другие исследователи: «Оба конца полотенца ткуются в различных расцветках, что диктуется декоративным назначением полотенец. Над нарами они вешаются так, чтобы один конец не закрывал другой [Свионтовская-Воронова 2001, 121].

В связи с практической функцией, которую выполняют полотенца, концы изделий изнашиваются меньше, чем середина. Концовки полотенец, приобретая в процессе узоротворчества особую прочность, сохранялись дольше, а по мере изнашивания основы отпарывались и пришивались к другому холсту, создавая новое полотенце.

Местные мастерицы, умудренные опытом, бережно хранящие народные традиции, охотно делились с нами своими знаниями. У башкир, как и у других народов, декоративное оформление полотенца связано с древней языческой религией. Как пояснили пожилые люди, середина его остается белой, никак не орнаментированной, что указывает на чистоту, святость души и помыслов мастерицы. А на полотенецных концевках располагается оберег в виде вышитого или тканого узора. Красные концевки изделия или использование красного цвета в орнаментации полотенца демонстрируют энергию, огонь, цвет самой жизни. Цветовая гамма узора дополнялась также зелеными и синими нитями. Зеленый цвет символизирует молодость, свежесть, возрождение природы, а синий связан с цветом небесной сферы. Таким образом, традиция украшения полотенца способствует сохранению жизненной энергии, чистоты помыслов и души человека [ПМА 2010 г., д. Султанай, информатор Масагутова Г.В.].

На старинных домотканых полотенцах были вытканы родовые тамги (*султанай тамгасы*), об этом мы узнали от Кариевой Танзили, потомственной ткачихи. Такие полотенца ткали по традиционному, семейному образцу (*өлге, бизэк*). В качестве приданого мать подарила ей в 1920 г. 8 тканых полотенец (*күбаләкле тастымал*). В приданое вошли и вышитые полотенца (*сөлге*), выполненные в технике набора (*күтәрен*) цветными нитями мулине [ПМА 2010, д. Султанай]. Копирование узоров с полотенец ближайших родственников или соседей, видимо, является наследованием орнамента-символа, принадлежавшего данному роду-племени. В связи с этим узорные полотенца становились гордостью семьи, их передавали по наследству, тщательно берегли. На

изысканных образцах обучали мастерству и воспитывали чувство прекрасного, вкус к красоте народного искусства у подрастающего поколения.

Когда-то эти узоры на полотенцах служили визитной карточкой родового подразделения башкир, что находит подтверждение и у других народов. «Повязывание полотенцами» дружек на свадьбе, вручение им полотенца невесты «имело определенное символическое значение, означая как бы признание невестой их полномочий. Полотенца вручались дружкам обычно в день свадьбы во время их первого приезда в дом невесты и затем служили своеобразными пропусками» [Зорин, Токсубаева 1987, 99]. В последующие приезды подруги невесты проверяли, соответствуют ли полотенца дружек подлинным узорам невесты.

В башкирском языке существуют 2 общепринятых термина, передающих значение слова «полотенце»: *һөлгө* – декоративные, интерьерные полотенца и *тастамал* – столовые, гостевые, трапезные салфетки, ручки для посуды [Башкорт теленең һүзлеге 1993, 601, 325]. Как показывают наши материалы, утилитарные изделия орнаментировались скромно, чаще всего это была пестрядь в виде мелкой клетки и очень скромной расцветки, с применением нитей двух цветов. Декоративные полотенца отличались большим разнообразием узоров и изысканностью.

У разных этнографических групп башкирского народа существуют диалектные названия полотенечных изделий. Например, у караидельских башкир тканые полотенца называются *тастымал*; у гайнинских башкир – *кубәләкле тастымал* [ПМА 2010, д. Елпачиха, информатор Аширова М.], вафельные полотенца – *шадра сөртеү*, вышитые полотенца – *чигелгән сөлге* (ПМА 2010, д. Султанай, Кариева С.), полотенца с вязаными кружевами на концах – *чуклы тастамал*, *челтәрле тастамал* [ПМА 2010, д. Танып, Туйгильдина Э.], ручки повседневного пользования – *сөртеү*, *сөртенке*, *салфитка*, *тез жәймәләре* [ПМА 2010, д. Елпачиха, информатор Аширова М.]; у ток-чуранских башкир – *майлык*, миасских башкир – *һөлөнгө*, зиянчуриных башкир – *кызыл осло тастамал*, иргизских башкир – *тастар* [Диалектологический словарь 2002, 227, 308, 379]. У соседних народов башкир – татар и мишарей – бытуют аналогичные термины, названия полотенца: *тастымал*, *сөлге*, *казан сөлгесе*, *бит яулык*, *дәстемал*.

Изучая музейные коллекции у северных башкир, мы обнаружили большое количество богато декорированных полотенечных концовок *тастамал-баи* [Диалектологический словарь 2002, 308]. Это подтверждает мнение о существовании традиции приготовления их невестой заранее. Когда-то в прошлом *тастамал-баи* вручали на свадьбе в качестве ценного подарка, демонстрирующего рукоделие невесты [ПМА 2010, д. Елпачиха, информатор Искандарова З.Г.]. Предполагаем, что и вышитые налобные повязки гайнинских башкир, входившие в комплект традиционного головного убора вместе с тканым полотенцем (тастар), являются разновидностью более известных у башкир других налобных повязок – *хараусов*. Декоративное оформление налобных повязок гайнинцев *тастамал-баи* и *хараусов* южных башкир обнаруживает ряд сходных черт и в их орнаментации.

В диалектах и говорах башкирского языка слово «полотенце» имеет различные обозначения и несет разную смысловую нагрузку. Башкирские полотенечные изделия, как видим, не имеют сильноразнящихся отличий от изделий соседних народов. В то же время сам процесс применения, использования ритуальных полотенца у башкир, а также их орнаментация – явление оригинальное, самобытное и творческое [Давлетшина 2012, 103-131; Давлетшина 2012, 95-110].

Таким образом, своеобразие многочисленных названий полотенечных изделий, их смысловая нагрузка и декоративность вызывают неослабевающий интерес.

Литература

1. Башкирское народное творчество. – Уфа, 1993. Т. 7.
2. Башкорт халык ижады. – Өфө, 2007.

3. Гаген-Торн Н. И. Обрядовые полотенца у народностей Поволжья // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 6. – С. 103-117.
4. Давлетшина З. М. Орнаментированные полотенца в традиционном быту и обрядах // Башкиры-гайнинцы: история и современность. – Уфа, 2012. – С. 103-131.
5. Давлетшина З. М. Декоративные изделия в обрядах жизненного цикла башкир. – Уфа, 2012.
6. Диалектологический словарь башкирского языка. – Уфа, 2002.
7. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. – М., 1991.
8. Зорин Н. В., Токсубаева Л. С. Обрядовые функции орнаментальных полотенец у русского населения Среднего Поволжья // Археология и этнография Марийского края. Вып. 11. – Йошкар-Ола, 1987. – С. 95-105.
9. ПМА 2010 г. – Полевой материал автора, 2010 г. Бардымский район Пермского края.
10. Свионтковская-Воронова Л. И. Орнамент башкирского народа в ткачестве и вышивке // Из научного наследия Л. И. Свионтковской-Вороновой. Сб. ст. из архива Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства. Приложение к сб. статей «Научные чтения памяти В. М. Василенко». Вып. III. – М., 2001.

УДК 811.512.145'28

М. З. Закиев, г. Казань

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИЗУЧЕНИЕ ТАТАРСКИХ ДИАЛЕКТОВ И ЭТНОГЕНЕЗА

В татарском языке – три диалекта: средний (казанский), западный (мишарский) и восточный (язык сибирских татар). Литературные нормы языка образовались на основе первых двух, но казанские особенности преобладают. В Казанском ханстве народ сохранил свой первоначальный этноним косан/казан – белые сюны/хунны. В XIX и XX веках народу был навязан этноним татар. Современная молодежь, услышав от других народов сугубо отрицательное отношение к этнониму татар, отказываются называть себя татарами, поэтому численность татар стремительно падает. Для того чтобы сохранить свой народ, необходимо восстановить свой первоначальный этноним казан(косан)-белые сюны/хунны.

Ключевые слова: косан/казан, мишар, сибирские татары, сюны/хунны.

A NEW LOOK AT THE STUDY OF TATAR DIALECTS AND ETHNOGENESIS. In the Tatar language there are three dialects: Middle (Kazan), Western (Mishar) and Eastern (the language of Siberian Tatars). Literary norms of the language were formed based on the first two, but the Kazan features prevail. In the Kazan Khanate the people retained their original ethnonym Kosan/Kazan meaning 'white Suns/Huns'. In the XIX and XX centuries, the ethnonym Tatars was imposed upon the people. Modern youth, having heard from other nations a completely negative attitude to this ethnonym refuse to call themselves Tatars, so the number of Tatars is rapidly declining. In order to preserve the Tatar people it is necessary to restore its original ethnonym Kazan/Kosan – white Suns/Huns.

Keywords: Kazan/Kosan, Mishar, Siberian Tatars, Suns/Huns.

В татарском языке насчитывается три диалекта: средний, западный и восточный. Первые два диалекта – активные, принимали активное участие в образовании литературных норм татарского языка. Восточный диалект (язык сибирских татар) в литературные нормы не вносил своего вклада. Западный диалект имеет еще название – мишарский. Носители среднего диалекта в древности сами себя называли этнонимом *кусән* “белые сюны”, русские произносили его как *кусян*. [Закиев 2012, 10]. Данная форма произношения вошла и в русские летописи. У самих носителей среднего диалекта этноним *кусән* начал произноситься как *косан*. Его начали применять и как название населенного пункта, позже – города. И в настоящее время народ произносит этот этноним и топоним как *косан/козан*, но пишут как *казан*.

В историческом плане языки носителей среднего и западного диалектов диалектологи относили к болгарскому языку, носителями которого было население Волжско-Булгарского государства. Даже древний башкирский язык некоторые ученые относили к болгарскому языку. По мнению башкирского ученого Р. Г. Кузеева,

значительная часть башкир пришла из Северного Кавказа вместе с булгарами лишь в X в. [Кузеев 1974, 156-158]. Татарский археолог Ф. Ш. Хузин в своей книге «Болгар иле һәм аның шәһәрләре» носителей среднего диалекта вообще не отличает от носителей других диалектов. И Казань, по его мнению, болгарский город [Хузин 2005, 14-17; 152-165 и др.].

Название народа – *косан* постепенно стало наименованием населенного пункта, в котором жили *косаны* – носители среднего диалекта. С течением времени в народе закрепилось слово *косан* лишь как название населенного пункта, позже – города. Семантика слова *косан* как наименование народа постепенно забылось, поэтому средний диалект как бы не имел своего названия. Описанные особенности применения этнонима *кусян/косан* относятся к Средневолжскому региону.

В официальной исторической науке этноним *кусан/косан* применяется в виде *кушан*. Кушаны в I веке до нашей эры создали в Средней Азии сильное государство, центром которого сначала было Аральское Поморье, где раньше был расположен центр Хорезма-Кангхи – также стан тюрков. В процессе развития Кушанское царство занимает территорию Греко-Бактрийского царства. Кушаны постепенно разрушают это царство и закладывают основание новому Бактрийскому царству кушанов, в I – II вв. н. э. превращавшемуся в могучую среднеазиатско-индийскую империю [Толстов 1948, 342]. В состав этой империи кушанов наверняка вошли и средневолжские косаны. По сообщению турецких исследователей, в Северной Индии остатки кушанов до сих пор называют себя белыми хуннами.

Интересно отметить и то, что кушаны и в Средней Азии, и в Поволжье свои города называли не кушан, а косан/казан. Кушаны в Ферганской долине в самом начале нашей эры возвели прекрасный город – место отдыха знаменитых личностей, и назвали этот город Косан, возле которого течет река Касансай, точно также как возле Косани/Казани Средней Волги течет река Казансу. Следовательно, самоназвание жителей городов и Ферганской Косани, и Поволжской Косани – косан/козан.

Сейчас вкратце ознакомим читателя с языковой особенностью косанов и мишарей. В тюркологии и в татарской лингвистике установлено, что язык косанов/кушанов относится к **кыпчакской** группе, а язык мишарей – к **огузской** группе. Эти языковые группы отличаются друг от друга по многим фонетическим, морфологическим и синтаксическим особенностям, но для широкого круга интересующихся этим вопросом достаточно знать одну фонетическую особенность, по которой эти два диалекта отличаются друг от друга. Кыпчаки свободно применяют в речи так называемые твердые кь-гь, огузы их не применяют, вместе них произносят так называемые мягкие кь-гь.

В **кыпчакскую группу**, кроме косанского/кушанского, входят языки: башкирский, казахский, киргизский, узбекский, карачаево-балкарский, каракалпакский, уйгурский и др.

К **огузской группе**, кроме мишарского диалекта татарского языка, а также исторического болгарского языка, относятся языки: турецкий, азербайджанский, туркменский и гагаузский.

Возникает вопрос, по какой причине язык волжских и дунайских болгар относится к огузской группе? Во-первых, древние болгары были очень тесно связаны с огузоязычными балканскими тюрками, а также с (османскими) турками. Во-вторых, в Поволжье на территории бывшего Булгарского государства расположены мишарские населенные пункты. Все это говорит о том, что отличительные особенности мишарского диалекта являются продолжением особенностей болгарского языка.

В составе Казанского ханства доминирующими были косаны (белые хунны). И в самой Казане, и в ханстве мишарей было немало, но они Казанское ханство не считали своим государством, поэтому, по-видимому, вместе с мишарями Мищерской низменности считали себя сторонниками Русского государства и организовали захват Казанского ханства в пользу Русского государства. В состав дипломатических организаций казанов в Москве включили и мишарей [Можаровский 1884, 19–20]. По-видимому, с этого времени начинается консолидация косанов и мишарей в единый этнос, который со стороны

европейских историков назывался этнонимом *тартар* в смысле «люди из ада, неисторические народы, отсталые кочевники, неспособные жить на земле без помощи оседлых европейцев». Русские же слово *тартар* применяли в форме *татар* по отношению ко всем нерусским народам. Все татары считались потомками монголо-татарских завоевателей, следовательно, все они подлежали в будущем постепенному уничтожению.

При первой же возможности, скажем при создании своих республик после победы Октябрьской революции, все народы отказались от чужеродного этнонима татар, освободились от отрицательного влияния этнонима татар на возрождение, развитие и сохранение своего народа. Лишь касаны/казане и мишари не смогли уговорить своих высокопоставленных интеллигентов, чтобы они отказались от ложной идеи о том, что казане и мишары являются потомками монголо-татарских завоевателей. По просьбе и с согласия писателя и общественного деятеля Галимджана Ибрагимова, а также Мирсаита Султангалеева В. И. Ленин подписал документ об образовании Татарской Республики. Таким образом, за казанами и мишарами закрепляется чужеродный этноним татары. Но люди, думающие о перспективе существования своего народа, никогда не соглашались с названием своего народа этнонимом татар.

Несмотря на то, что сменились поколения мишарей и казанов, в конце 80-ых и в начале 90-ых годов XX века при появлении первых возможностей возрождения, развития и сохранения наций, казаны и мишары начали смело выступать против применения этнонима татар, вместо него рекомендовали этноним *булгар*. При этом они предполагали, что в Волжско-Булгарском государстве все говорили только на болгарском языке, якобы не было диалектов ни мишарей, ни казанов. Народное движение за возвращение этнонима болгар приветствовалось только из-за того, что оно освободило народ от применения этнонима татар. Но это движение продолжалось недолго.

После того, как мне – директору ИЯЛИ к 1995 году при поддержке АН СССР удалось почти удвоить количество научных сотрудников ИЯЛИ, из него в 1997 году исторические отделения были выделены в самостоятельный Институт истории. В руководстве этого института оказались в основном сторонники единства волжских татар с монголо-татарами. И они уже на уровне госучреждения проводили научную конференцию в порядке подготовки к переписи населения 2002 года, по их виду, сильным желанием добиться увеличения количества поволжских татар по результатам переписи. Научная конференция приняла решение – всем считать поволжских татар непосредственными потомками монголо-татар. Многие историки и ученые других отраслей выразили отрицательное отношение к результатам конференции. Некоторые высказывались о том, что если пропагандировать идеи конференции среди народа, то общее количество населения пойдет на спад. Так и случилось. По результатам переписи 2002 года численность татар сократилась. При этом в 10 раз упал темп прироста татарского населения. До сих пор темп прироста численности татар составлял один процент в год, по итогам переписи 2002 года данный показатель упал до 0,1 процента. Причиной такого уменьшения явилось не только общее сокращение рождаемости по стране, но и отказ многих татар, не желавших еще со школьных лет быть монголо-татарами, поэтому не хотевших записываться при переписи татарами.

Во всех школах на территориях западных, восточных иностранных государств, Российской Федерации, а также на территориях СНГ на уроках истории, начиная с 6 класса, татары изображаются как кровавые выродки, даже как людоеды, повинные в смерти несметного количества мирных жителей. Современные татары по умолчанию отождествляются с татарами Чингизхана. Нетрудно представить настроения и ощущения татарских детей, слушающих эти уроки. Самые ранимые из них по-детски открыто заявляют после этого, что они «не хотят быть татарами».

В апреле 2015 года XI Курултай ВТОЦ выступил с обращением к народу, где говорилось, что татарский народ как нация сползает в небытие... Основная причина не в

физическом исчезновении народа, а в потере потомков, прогрессирующем отречении детей и внуков от принадлежности к татарской нации... Отречение есть результат «работы», сложившейся веками, постоянно обновляемой системы угнетения национального духа и достоинства татарина...»

Таким образом, этноним татар является большим тормозом в реализации Закона республики о языках, в реализации государственной программы возрождения, сохранения и развития нашего языка. Чего стоит только то, что первый раз любого татарина встречают за рубежом как существо из Ада, воспринимают самым страшным человеком на свете.

С целью освобождения от такого серьезного тормоза – препятствия сохранению нашего народа – нам необходимо вернуть один из двух своих этнонимов: казан или мишар, тем более неопровержимо доказано, что наш народ окончательно сформировался в результате консолидации казанов (белых сюнов/хуннов) с мишарями.

Самый древний наш этноним – *казан*, этноним *мишар* – это название первоначальных врагов, захвативших казанов для присоединения их к Русскому государству. Поэтому само собой разумеется, что надо восстановить свой, наш первоначальный этноним КАЗАН. Разумеется, его совпадение с названием столицы лишь облегчает применение название народа КАЗАН.

Итак, если будет принят этноним *казан*, то в названиях народа произойдут следующие системные изменения:

- татар – казан – Казань;
- татарча – казанча – по-казански;
- татар халкы – казан халкы – казанский народ;
- Татарстан – Казанстан – Татария – Казания(?);
- Татарстан Республикасы – Казанстан Республикасы – Казан Республикасы;
- татарин – казан кешесе;
- татар дөнъясы – казанский мир и т. д.

Литература

1. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. – М., 1974. – 571 с.
2. Закиев М. З. Казань основана косанами – белыми хуннами (Гостям Всемирной Летней Универсиады в Казани). – Казань, 2012. – 56 с.
3. Можаровский А. Ф. Где искать в наше время потомков тех можар, которые в 1551 году среди поля Арского бились с казанцами, верные присяге русскому царю?// Труды четвертого археологического съезда в России. – Казань, 1884. Т. I. – С. 17–21.
4. Обращение XI курултая ВТОЦ // Звезда Поволжья. 24 – 30 апреля 2014 г.
5. Толстов С. П. Древний Хорезм (опыт историко-археологического исследования). – М., 1948. – 352 с.
6. Хужин Ф. Ш. Болгар иле һәм аның шәһәрләре. – Казан, 2005.

УДК 811.51

В. А. Иванов, г. Москва

ЗВУКОПОДРАЖАНИЯ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ ПОВОЛЖЬЯ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ТЮРКСКИМИ

Исследования финно-угорских языков поддержаны грантом РФФИ № 16-24-17003.

В статье рассматриваются сходства в области звукоподражаний финно-угорских языков (мордовских, марийских, удмуртского) между собой, а также анализируются возможные причины сходств с тюркскими языками.

Ключевые слова: звукоподражания, финно-угорские языки, тюркские языки, языковые контакты.

ONOMATOPOEIA IN THE FINNO-UGRIC LANGUAGES OF THE VOLGA REGION IN COMPARISON WITH THE TURKIC LANGUAGES. *The paper deals with similarity between onomatopoeic*

words in the Finno-Ugric languages (Mordvin, Mari and Udmurt) and in the Turkic languages. Possible reasons for this similarity are analyzed.

Keywords: *onomatopoeia, Finno-Ugric languages, Turkic languages, language contact.*

Объектом исследования являются звукоподражания, а именно слова, передающие звуки живой или неживой природы и артефактов. Такие слова составляют подкласс изобразительной (подражательной, имитативной) лексики языка. Следует уточнить, что мы рассматриваем лишь те подражания, которые опознаются носителями языка как слова и «освоены» языком: фонетически членораздельны и вовлечены в словообразовательные, синтаксические и семантические связи с другими словами языка.

Важнейшая особенность изобразительной лексики – мотивированная, произвольная связь между звучанием (фонетическим обликом) и значением (передаваемым звуком), причем наиболее сильна и заметна эта связь именно у звукоподражаний. Вследствие этого звукоподражания разных языков могут иметь сходства при общности значения, что совершенно нехарактерно для обычных слов. Действительно, звукоподражания в разных языках (в том числе далеких как генетически, так и ареально) часто оказываются сходными, но при этом не полностью одинаковыми в силу ряда причин. Основных причин две: во-первых, влияние фонологической системы и фонотактических ограничений, во-вторых, сложный, многоплановый характер самих передаваемых звучаний. В связи с этим сходство между звукоподражаниями разных языков может быть не буквальным, а структурным: между элементами структуры звукоподражаний можно установить связь в соответствии с выполняемой ими функцией.

В данной работе мы рассмотрим материал финно-угорских языков Поволжья: эрзянского, мокшанского, марийского (финно-волжская группа) и удмуртского (пермская группа). Предметом работы является сходство в области звукоподражаний этих языков между собой, а также с тюркскими языками.

Приведем сначала примеры, показывающие сходство финно-угорских языков между собой. Мы будем пользоваться универсальной классификацией изобразительной лексики, предложенной С. В. Ворониным [Воронин 1982].

Ср. звукоизображения ударов: удм. бес. *топ, тап, доб, даб* подр. резкому удару, *тып-тап* подр. звукам передвижения и деятельности людей; мокш. *топ-топ* подр. звуку шагов; мар.л. *топ-топ, тып-топ*; удм. бес. *тык-тык* подр. стуку; удм. *тук-тук* подр. отрывистому, короткому стуку; мокш. *тук* подр. короткому удару; мар.л. *тук-тук, тык-тык* подр. стуку.

В данном случае можно наблюдать почти буквальное сходство финно-угорских языков между собой, однако сходные и даже почти идентичные слова можно найти и в других языках: башк. *тап* подр. удару при падении твердого тела; тат. *туп* подр. глухому стуку, *тап-топ* подр. неровному топоту, *дөп-дөп* подр. стуку или топоту; рус. *топ*; англ. *tap* ‘стучать’; тат. *тык-тык* подр. глуховатому постукиванию; чув. *тăк-тăк* подр. равномерным ударам; рус. *тук-тук*. Как отмечает С. В. Воронин, межъязыковые сходства особенно сильны и очевидны именно в классе звукоизображений ударов [Воронин 1982].

Сочетание подражаний ударам с т.н. R-формантом (-Vp с разными огласовками) переводит их в класс звукоизображений диссонансов (это вибрирующие, дрожащие звуки – серии ударов, каждый из которых почти не воспринимается отдельно): удм. *тыпыр* (*тып-* + *-ыр*) подр. дробному топоту, *дыбыр-дыбыр* подр. продолжительному стуку, грохоту; мокш. *дубор-дубор* подр. топоту, грохоту; мар.л. *тыпыр-топыр* подр. притопыванию ногами, *дувыр-довыр* подр. грохоту (звуки *в* и *б* в марийском не различаются или служат вариантами одной фонемы).

R-формант в звукоподражательных словах встречается во многих языках и связан со значением множественности, длительности или интенсивности звучания [Воронин 1982]. Однако финно-угорские языки более всего сходны в этом отношении именно с тюркскими, ср.: башк. *тыпыр-тыпыр* ‘легкий дробный стук ногами’; тат. *тупыр-тупыр* подр. частому перестуку ног, копыт, звуку падения множества твердых предметов,

тыпыр-тыпыр, *тапыр-топыр* подр. перестуку множества ног, *дөбер-дөбер* подр. дробному грохоту; чув. *тйкър-тйкър* подр. дробному постукиванию; тат. *тыкыр-тыкыр* подр. продолжительному стучанию, перестуку, *такыр-токыр* подр. грохоту телеги.

Рассмотрим теперь примеры, сходство в которых чуть менее очевидно, менее буквально: мокш. *чатор*, эрз. и мокш. *цятор*, эрз. (шокш.) *сятур*, мар.л. *чадыр*, удм. *тачыр* (все – подр. треску, хрусту); мокш. и эрз. *чикор*, удм. бес. *žыкыр*, мар.л. и мар.г. *кочыр*, удм. *кыҗыр* (все – подр. скрипу, стрекоту).

Чтобы обосновать корректность сопоставления этих слов, необходимо обратиться к их структуре. Часть изобразительного слова за вычетом R-форманта будем называть изобразительным корнем. Изобразительный корень вкуче с R-формантом (если он имеется) составляет изобразительную основу. К изобразительной основе могут присоединяться словообразовательные аффиксы. При этом некоторые изобразительные корни являются «связанными», то есть без R-формантов не употребляются: таковы, например, удм. бес. *žыкыр*, мар.г. *кочыр* (слова **žык*, **коч* в соответствующих идиомах не встречаются).

Изобразительные корни имеют в основном фонологическую структуру CVC (с вариантами CCVC и CVCC, где на сочетания согласных накладываются некоторые ограничения). Однако в финно-угорских языках структуру CVC имеет множество корней. Особенность изобразительных корней состоит в том, что они обнаруживают свою внутреннюю структуру, в которой можно четко выделить согласный анлаут, гласный инлаут и согласный ауслаут. Слова с изменением звуков одного из компонентов изобразительного корня часто образуют квазисинонимический ряд, ср. удм. бес. *тачыр* > *лачыр* > *йачыр* > *кйачыр* (все – подр. треску, хрусту).

Особенно регулярно наблюдается чередование гласных в инлауте, что мы могли уже видеть выше на примерах как из финно-угорских, так и из тюркских языков. Часто чередование гласных сопровождается редупликацией: ср. удм. бес. *тычыр-тачыр* (подр. треску), *клып-клап* (подр. звукам при ходьбе), а также примеры выше. При этом в некоторых языках чередование гласных в корне почти никак не соотносится со значением (ср. мокш. *чивордомс*, *човордомс*, *чэвордомс* ‘скрипеть’); в других языках изменение гласного в корне влечет изменение в значении. Особенно последовательны в этом смысле тюркские языки, где подъем гласного коррелирует с высотой передаваемого звука (высокие гласные передают высокие звуки), а ряд – с его силой или громкостью (более задние гласные передают приглушенные звуки). Так, в киргизском языке возможны восемь вариантов одного и того же корня со всеми основными гласными в инлауте: *даң*, *дең*, *доң*, *дөң*, *дуң* (чаще в паре *даң-дуң*), *дүң*, *дың*, *диң* (редкое) – передают звуки барабанного боя и сходные с ними [Хусаинов 1988].

Еще одна особенность связана с метатезой согласных анлаута и ауслаута изобразительного корня. Если финно-угорские языки отличаются этим скорее в межъязыковом плане, то в тюркских языках метатеза встречается в рамках одного языка: каз. *сатыр* и *тасыр* (передают треск, хруст); чув. *кйчър* и *чйчър*, узб. *гачар* и *чақир* (передают скрип, стрекот). Таким образом, данные тюркских языков поддерживают корректность сопоставления приводимых выше мокш. *чатор*, эрз. и мокш. *цятор*, эрз. (шокш.) *сятур*, мар.л. *чадыр* vs. удм. *тачыр* (все – подр. треску, хрусту); мокш. и эрз. *чикор*, удм. бес. *žыкыр* vs. мар.л. и мар.г. *кочыр*, удм. *кыҗыр* (все – подр. скрипу, стрекоту).

Как уже говорилось выше, близкие по значению звукоподражания часто близки и по звучанию, но при этом не идентичны в силу ряда причин, в том числе из-за различий в фонологических системах разных языков. Этот вопрос решен в теории звукоизобразительности следующим образом: сопоставление происходит на уровне не фонем, а классов фонем, близких по акустическим свойствам и, главное, по звукоизобразительной функции. Такие классы фонем получили название фонемотипов [Воронин 1982]. Таким образом, в частности, корректным оказывается сопоставление

слов, фонемный состав которых одинаков с точностью до признаков, не существенных для выражения данного значения (ср. выше мокш. *чатор* – эрз. и мокш. *цятор*; мокш. *чатор* – мар.л. *чадыр*; мокш. и эрз. *чикор* – удм. бес. *жыкыр*).

С учетом всех высказанных соображений, корректными кажутся финно-угорско – тюркские сопоставления, сведенные в таблице.

Финно-угорские	Тюркские
Звукоизображения грохота	
мокш. и эрз. <i>дубор</i> , мар.л. <i>дувыр</i> , удм. <i>дыбыр</i> , <i>дымбыр</i> удм. бес. <i>дымбыр-шалтыр</i>	тат. <i>дөбер</i> , башк. <i>дөбөр</i> , <i>дөмбөр</i> , каз. <i>дабыр-дұбыр</i> башк. <i>дөбөр-шатыр</i>
Звукоизображения громкого стука	
мокш. и эрз. <i>галдор</i> , <i>калдор</i> , мар.л. <i>колдыр</i>	тат. и башк. <i>калтыр</i> , <i>колтор</i> , <i>гөлдөр</i> , <i>келтер</i> , чув. <i>кӓлтӓр</i> , узб. <i>қалдар</i> , кирг. <i>калдыр</i>
Звукоизображения треска, хруста	
мокш. <i>чатор</i> , мокш. и эрз. <i>цятор</i> , эрз. (шокш.) <i>сятур</i> , мар.л. <i>чадор</i> , удм. <i>тачыр</i>	чув. <i>сӓтӓр</i> , тат. <i>чатыр</i> , каз. <i>сатыр</i> , <i>тасыр</i> , кирг. <i>чатыр</i>
Звукоизображения скрипа, стрекота	
мокш. и эрз. <i>чикор</i> , удм. <i>кычыр</i> , мар.л. <i>кочыр</i>	чув. <i>кӓчӓр</i> , <i>чӓкӓр</i> , узб. <i>гачар</i> , <i>чақир</i> , кирг. <i>качыр</i>
Звукоизображения шороха	
мокш. и эрз. <i>каштор</i> , мар.л. <i>коштыр</i> , удм. <i>чыштыр</i>	чув. <i>кӓштӓр</i> , тат. <i>чыштыр</i> , башк. <i>кыштыр</i>

Одна из главных целей этой работы – инициировать научное обсуждение вопроса о причинах близкого сходства рассматриваемых здесь финно-угорских языков с тюркскими в области звукоподражаний. Мы лишь наметим те пути, по которым могут пойти дальнейшие исследования.

Прежде всего, следует отбросить предположение о случайном характере сходств: против этого говорит как большое количество совпадений, так и их последовательный, системный характер. Не приходится, видимо, говорить и о генетическом родстве. Финно-угорские и тюркские языки родственны лишь на гипотетическом ностратическом уровне, а столь дальнее родство не предполагает таких явных, подчас буквальных сходств между потенциальными когнатами.

Предположение о том, что соответствующие формы развились независимо ввиду их звукоизобразительной, а значит мотивированной природы, также не кажется правдоподобным. Хотя звукоподражания разных языков бывают удивительно схожи, у нас нет примеров заведомо независимых звукоподражательных систем, между которыми имеются столь явные и столь многочисленные сходства.

Наиболее вероятным кажется предположение о возникновении сходств в результате контактов между финно-угорскими языками Поволжья с тюркскими языками. Уточним, что речь в данном случае идет не о заимствовании слов или корней, а о заимствовании целой системы звукоподражательной лексики с ее синтагматическими и парадигматическими отношениями.

Такое предположение, безусловно, требует тщательной проверки и обоснования в ходе дальнейших исследований. Однако если считать, что это предположение верно, то о направлении заимствования можно сказать, что именно тюркские языки повлияли на финно-угорские языки Поволжья, а не наоборот. В пользу этого говорит тот факт, что тюркские языки Поволжья сходны не только между собой, но также, как минимум, с тюркскими языками Средней Азии. В то же время финно-угорские языки Поволжья сходны в рассматриваемом отношении между собой, но при этом отличны от других финно-угорских языков. В частности, весьма заметные различия наблюдаются даже между удмуртским и коми языками, входящими в одну и ту же пермскую группу и в общем

весьма близкими друг другу.

В заключение отметим, что сделанное предположение открывает весьма интересное (хотя и несколько спекулятивное на данном этапе) направление для исследований, связанное с особенностями той социолингвистической ситуации, в которой оказалось возможным такого рода нетривиальное заимствование.

Сокращения

англ. – английский; башк. – башкирский [Воронин 1982; Ишмухаметов 1970]; каз. – казахский [Хусаинов 1988]; кирг. – киргизский [Кудайбергенов 1957]; мар.г. – марийский горный [ПМА]; мар.л. – марийский луговой [СМЯ]; мокш. – мокшанский [МРС; ПМА]; рус. – русский; тат. – татарский [ТРС]; чув. – чувашский [ЧРС]; удм. – удмуртский [УРС]; удм. бес. – бесермянское наречие удмуртского языка [ПМА]; узб. – узбекский [Кунгуров 1962]; эрз. – эрзянский [ЭРС]; эрз. (шокш.) – шокшинский диалект эрзянского языка [ПМА].

Литература

1. Воронин С. В. Основы фоносемантики. – Л., 1982. – 242 с.
2. Ишмухаметов З. К. Подражательные слова башкирского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1970. – 20 с.
3. Кудайбергенов С. Подражательные слова в киргизском языке. – Фрунзе, 1957. – 108 с.
4. Кунгуров Р. Изобразительные слова в современном узбекском литературном языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1962. – 25 с.
5. МРС – Мокшанско-русский словарь / Под ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феоктистова, О. Е. Полякова. – М., 1998. – 920 с.
6. ПМА – Полевые материалы автора из экспедиций 2011–2017 гг.
7. СМЯ – Словарь марийского языка: в 10 т. – Йошкар-Ола, 1990–2005.
8. ТРС – Татарско-русский словарь: в 2 т. / Ред. кол.: Ш. Н. Асылгараев и др. – Казань, 2007.
9. УРС – Удмуртско-русский словарь / Л. Е. Кириллова (отв. ред.). – Ижевск, 2008. – 925 с.
10. Хусаинов К. Ш. Звукоизобразительность в казахском языке. – Алма-Ата, 1988. – 228 с.
11. ЧРС – Чувашско-русский словарь / Под. ред. М. И. Скворцова. – М., 1982. – 712 с.
12. ЭРС – Эрзянско-русский словарь / Под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузанаковой, М. В. Мосина. – М., 1993. – 804 с.

УДК 811.511.131

Л. М. Ившин, г. Ижевск

О НЕКОТОРЫХ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ

РУКОПИСНЫХ РУССКО-ВОТСКИХ СЛОВАРЕЙ Г.Е. ВЕРЕЩАГИНА

В русско-вотских словарях Г. Е. Верещагина представлены фонетические, морфологические и лексические особенности разных диалектов удмуртского языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, словарь, диалект, перевод, рукопись

ON SOME DIALECT FEATURES IN HANDWRITTEN RUSSIAN-VOTJAK DICTIONARIES BY G.Y. VERESHCHAGIN. *In the Russian-Votjak dictionaries by G.Y. Vereshchagin phonetic, morphological and lexical features of different dialects of the Udmurt language are presented.*

Keywords: Udmurt language, dictionary, dialect, translation, manuscript.

В исследованиях по удмуртскому языку Г. Е. Верещагин известен прежде всего как автор сочинений «О книгах на вотскомъ языкѣ» и «Руководство къ изученію вотскаго языка», изданных в Казани в 1895 и 1924 гг. Помимо этого в его наследии значительную долю составляют рукописные архивные материалы по лексикографии. К настоящему времени опубликовано несколько рукописных языковедческих работ ученого – грамматики [Верещагин 2002] и вотско-русские (удмуртско-русские) словари [Верещагин

2006; Верещагин 2011]. Кроме этого в научно-отраслевом архиве Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН хранятся материалы двух рукописных русско-вотских (русско-удмуртских) словарей, составленных в разные годы (том № 1 – ед. хранения РФ, оп. 2-Н, дело № 406, 265 листов, том № 2 – ед. хранения РФ, оп. 2-Н, дело № 405, 193 листов).

Записи произведены коричневыми чернилами (имеются также карандашные отметки) четкой скорописью. Каждая рукопись представляет собой законченный вариант словаря. Обе лексикографические работы составлены на желтовато-белой бумаге разного типа: газетной, в клетку, в линию, неиспользованных и частично использованных метрических книг и других специальных бланков, имевшихся под рукой Г. Е. Верещагина. Некоторые листы исписаны полностью в несколько столбцов. Можно предположить, что причиной такого размещения материала явился недостаток бумаги автора. На обороте листа № 193 меньшей по объему рукописи имеется несколько стихотворений Г. Е. Верещагина, что еще раз доказывает верность этого предположения. На рукописи, составленные в 20-х годах прошлого столетия, мог повлиять бумажный кризис, когда специальными приказами по всем учреждениям запрещалось писать размашисто, оставлять поля и незаполненные изнанки (оборотные стороны). Предлагалось использовать в качестве бумаги всё сколько-нибудь на нее похожее [Брунштейн 1956, 108]. По предварительным подсчетам, в каждой рукописи содержится около 13 тысяч словарных статей, но состав лексем в словарях не совсем одинаков.

Общая характеристика. В меньшей по объему рукописи имеется предисловие, в котором Г. Е. Верещагин указывает на причины, побудившие его к составлению русско-вотского словаря: *«Отсутствие в нашей литературе пособий к изучению вотского языка побудило меня составить «Русско-вотский словарь», являющийся результатом многолетних трудов»*, и дает некоторые грамматические сведения об удмуртском языке: *«В языке этом никаких разделений предметов на роды – мужской, женский и средний – нет; здесь только один общий род; для обозначения пола существуют особые слова...»*

Хотя в словарях нет точных сведений о времени их составления, датировку написания этих работ, исходя из особенностей их орфографии, мы можем обозначить приблизительно. С другой стороны, наличие записей, сделанных карандашом и чернилами, наталкивает на мысль о том, что автор неоднократно возвращался к своим рукописям, поэтому точную дату написания словарей, назвать затруднительно. Большая по объему рукопись предположительно создана (или, по крайней мере, работа над ее составлением начата) в конце XIX – начале XX века до принятия реформы русской орфографии 1918 года, поскольку в самом начале словаря (в словарных статьях на буквы А, Б, В), в конце лексем, имеющих твердый конечный согласный, встречается буква **ѣ**. Временем работы над второй рукописью является период после принятия реформы русской орфографии в 1918 году, когда из русского алфавита были исключены буквы **ѣ**, **ѣ** и **ѣ** (последняя – в конце слов после твердых согласных). В частности, в русских словах этого словаря отмеченные буквы практически не использованы. Датировка второй рукописи возможна также по письму Г. Е. Верещагина, написанному младшему сыну: *«...в настоящее время я пишу русско-вотский словарь, написал уже 10 тетрадей...»*, которое подписано 1925 годом [Письма].

В обеих рукописях сначала приводится русское слово, затем дается его удмуртский эквивалент одной лексемой или целым выражением. В первом томе рукописи некоторые слова, относящиеся к флоре, фауне, части человеческого организма и т. п. (до 74 листа), снабжаются латинским названием, например: *безкртвіе* Анаеміа *‘вирыз окмонтэм’*¹, *бекась* Scolorax *‘нюртака’*, *василикъ* Centaurea Cyanus *‘кинай чача, лызь сяська’* и т. д. Здесь же до листа № 40 после русских слов через запятую приводятся окончания,

¹ Здесь и далее языковой материал Г. Е. Верещагина – независимо от того, как был представлен им самим – подается следующим образом: русское слово – обычным курсивом, переводы на удмуртский язык даются жирным курсивом и заключаются в марровские кавычки, орфография оригинала полностью сохранена.

принимаемые данным словом, а также отмечается часть речи. Например, после прилагательных, приведенных в словаре в единственном числе мужского рода, даются окончания женского и среднего родов, а также в большинстве случаев показатель краткой формы прилагательного: *безгтрдостный, -ая, -ое, -стенъ, -стна, -о* пр. *‘вылтъяськонтэм’*. После существительных, приведенных также в форме единственного числа, дается окончание родительного падежа и родовая принадлежность: *аналавъ, -а* с. м. *‘нбыль сэрго кышет, мае монахъёс гадъ вылазы нулло’*. Глаголы приводятся в неопределенной форме. После них даются показатели 1 и 2 лица: *беззакунновать, -ную, -нуешь* гл. *‘Инмарлэн законэзлы пумитъ лэсьтыны, ськылканы’*.

Во многих случаях русское слово имеет два или более однозначных (синонимичных) перевода, относящихся к разным диалектным стихиям удмуртского языка, например: *грязь ‘нкд, дэри’*, иначе *‘мукет сяэн, музон сяэн’*, красиво *‘чебер, мотор’*; *безсълный ‘айтэм, кдытэмъ, катытэмъ’*, теперь *‘табре, табере, али, каль, тавыын’* и др. Следовательно, Г. Е. Верещагин считал возможным употребление форм самых различных удмуртских диалектов и в своей практической деятельности показал пути и способы обогащения удмуртского книжного (литературного) языка с использованием разнодиалектного материала.

Диалектные особенности

В своих лингвистических трудах Г. Е. Верещагин один из первых среди удмуртских исследователей еще в конце XIX столетия теоретически осмыслил важность и наметил определенные пути создания единого общепонятного для всего удмуртского народа письменного языка, хотя термин «литературный язык» в его работах еще не фигурирует. Он, по его мнению, должен вобрать в себя богатство всех основных диалектов, но базироваться на северном наречии («глазовском диалекте»), как одном из наиболее чистых и менее подверженных иноязычным влияниям [Верещагинъ 1895, 7]. Такого же мнения позднее придерживался и Д. В. Бубрих: «Для строительства литературного удмуртского языка <...> надо выбрать северные диалекты, но не крайнюю северную их часть, а ту, которая приходится на среднюю часть Удмуртской области» [Бубрих 1929, 8].

В обеих анализируемых рукописях встречается довольно большое количество грамматических форм, характерных именно для северных говоров удмуртского языка. Вот, например, самые заметные из них:

1) причастие «настоящего времени» от глаголов I спряжения образовано при помощи форманта *-ысь*: *антропофагъ ‘адями сиысь [ad'ami s'ijs']*, *безпамятный ‘вунэтысь [vunet'is']*, *благодетель ‘дзеч лэсьтысь [hek les'i']*, *дзеч карысь [hek kar'is']* греховодник *‘сыцлыке пыртысь [s'ɯlike p'irtis']*, *плакса ‘чем бирдысь [uem b'irdis']* и др.;

2) форма возвратного залога глаголов I спряжения образована при помощи суффикса *-ск-*: *видтние ‘адсконъ [adskon']*, *гореть пламенем ‘сутскыны [sutsk'ini']*, *прятаться ‘ватскыны [vatsk'ini']*, *рукоприкладство ‘гожтскем [gohtskem']*.

В словарях Г. Е. Верещагина наличествуют общеудмуртские слова в фонетическом оформлении северных говоров: *двор ‘азбар [azbar']*, *ворота ‘дзезъы [hez'i']*, *все ‘вичакъ [v'ikak]*, *вочак [vokak']*, *всевеселящий ‘вичаклы шум потонъ сётысь [vikakli ŝumpton s'ot'is']*, *жила ‘вонял [von'al']*, *жук ‘бокро [bokro']*, *кромт ‘лэсяна [les'ana']*, *лмс ‘сик [s'ik]*, *нюлэс [n'ules]*, *чатча [uaɯɯa]*, *лягушка ‘эбек [ebek']*, *напрасно ‘токма [tokma]*, *напрямик ‘кужен [kiŋen]*, *осуждать ‘лекатыны [l'ekatiŋi]*, *поле ‘бусы [busi]* наряду с южноудмуртскими *поле ‘луд [lud]* и *тарлау [tarlau]*, *постоянно ‘ялам [jalam]*, *лапак [lapak]*, *служить ‘тертскыны [t'ertsk'ini]*, *сосед ‘бече [beke]*, *сосед изъ родни ‘иськавын [is'kav'ɯn]*, *тёзка ‘панытэм [pan'tem]*, *ябедничать ‘урттыл'иськыны [urttilis'k'ini]* и др.

Хотя Г. Е. Верещагин принял в качестве основы словаря северное наречие (об этом красноречиво свидетельствует приведенный выше материал), тем не менее, он не отказывался от употребления фонетических форм и явлений, присущих и для других диалектов удмуртского языка.

Так, например, для срединных говоров характерно:

а) употребление аффрикаты *ç* в середине слова: *вкупт* ‘*чоч* [uoi]’, *внутри* ‘*пучкын* [puiçkin]’, *воровать* ‘*лучканы* [luuçani]’, *срывать* ‘*ичкыны* [iuçkini]’, *тайно* ‘*лучкем* [luuçket]’, *лучкемен* [luuçketen]’;

б) отсутствие йотации между гласным конца основы и инициальным гласным служебной морфемы (чаще всего перед *a*, *o* и *ə*), например: *будущее* ‘*азьпалаэз* [az'palaɛz]’, *величина* ‘*бадзъмалаэз* [bahhɨmalaɛz]’, *всеядец* ‘*котъмаэ сиысь, котъмаэ сиысь* [kot'mae s'ijs]’, *вызолачивать* ‘*зарнианы, зарніаны* [zarn'iani]’, *грязниться* ‘*дэриаськыны* [derias'kini]’, *дорожать* ‘*дуноаськыны* [dunoas'kini]’, *измельчать* ‘*векчиомытыны, векчиомытыны* [vekkioṃitiɨni]’ и др.

Однако в случаях, когда основа слова оканчивается на *ы*-, а служебная морфема начинается с гласной *-a-*, йотация прослеживается: *бабничать* ‘*пинал гогыяны* [pinal gogijani]’, *выслюнивать* ‘*дыльдыяны* [dɨl'dijani]’, *колосники настилать* ‘*ворыяны* [vorijani]’, *оперяться* ‘*тылыяськыны* [tɨlijas'kini]’, *плодиться* ‘*выжыяськыны* [vɨhɨjas'kini]’.

В обоих словарях довольно последовательно встречается другое фонетическое явление – очень редкое в удмуртских диалектах – стяжение сочетания середины основы слова типа *-рчч-* в *-рч-*: *отвязать* ‘*перчыты* [perçini]’, *откусить* ‘*курчыны* [kurçini]’, *плыть через край во время кипения* ‘*урчыны* [urçini]’, *потрошить* ‘*парчаны* [parçani]’, *провести время* ‘*нунал орчытыны* [nunal orçitiɨni]’, *рпна* ‘*сярчы* [s'arçɨ]’. В настоящее время это явление обнаружено в кукморском и шошминском говорах и в бесермянском наречии, менее последовательно – в бавлинском, красноуфимском говорах и речи носителей отдельных населенных пунктов Ярского района Удмуртской Республики. Для абсолютного большинства удмуртских диалектов (северного наречия, срединных говоров, южного диалекта и некоторых периферийно-южных говоров) оно не характерно [Kel'makov, Saarinen 1994, 88–90; Кельмаков 1998, 109–110]. Источником для вышеуказанных форм для Г. Е. Верещагина послужили, скорее всего, письменные памятники на казанском диалекте, для которых упрощение *-рчч-* в *-рч-* является обычным явлением [Кельмаков 2011, 129–130].

Для рукописей словарей Г. Е. Верещагина характерно также наличие довольно большого количества южноудмуртской лексики или общеудмуртских слов в фонетическом оформлении южных говоров, например: *бедный* ‘*начар* [naçar]’, *бояться* ‘*курданы* [kurðani]’, *ворота* ‘*капка* [kaɾka]’, *жук* ‘*бочы* [boçɨ]’, *искать* ‘*кушкышы* [kuɕçini]’, *кошка* ‘*мумы писэй* [mumɨ pisej]’, *лягушка* ‘*бака* [baka]’, *тэчкась* [tekças], *много* ‘*байтак, уно* [bajtak, uno]’, *огурец* ‘*киар* [kijar]’, *следующий раз* ‘*кайта* [kajta]’, *служить* ‘*кызмет карыны* [kizmet kaɾini]’, *старшая сестра* ‘*апай* [apaɨ]’, *тезка* ‘*адаш* [adaɕ]’, *хвалиться* ‘*мактаськыны* [maktas'kini]’, *ябедничать* ‘*чагиськыны* [çagis'kini]’.

Таким образом, язык анализируемых рукописных словарей Г. Е. Верещагина, базируясь, по мнению автора, на промежуточном, наиболее распространенном диалекте – северноудмуртском – подобрал в себя в общем фонетические, морфологические и лексические особенности, характерные и для других диалектных ареалов удмуртского языка.

Литература

1. Бруштейн А. Я. Страницы прошлого. – М., 1956. – 396 с.
2. Бубрих Д. В. Из результатов работ удмуртской лингвистической экспедиции 1929 г. // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка: Сб. науч. ст. / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1992. – С. 3–28.
3. Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 1: Труды по языкознанию / УИИЯЛ УрО РАН; отв. за вып. Л. Е. Кириллова; авт. предисл. и коммент. Л. Л. Карпова и Л. Е. Кириллова. – Ижевск, 2002. – 291 с.

4. Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / УИИЯЛ УрО РАН; отв. за вып. и авт. предисл., коммент. Л. М. Ившин. – Ижевск, 2006. – 288 с.
5. Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 3: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / УИИЯЛ УрО РАН; отв. за вып. и авт. предисл., коммент. Л. М. Ившин. – Ижевск, 2011. – 152 с.
6. Верещагин Г. Е. О книгах на вотском языке. – Вятка, 1895. – 21 с.
7. Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.
8. Кельмаков В. К. Нырысетг удмурт тодосчи // Вехи истории удмуртского языковедения / Удмурт. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкознания, РАН, УрО, Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. – Ижевск: Удм. ун-т, 2011. – С. 113–138.
9. Письма Верещагина. Семейный фонд Верещагиных-Беренгартен. ЦГА УР. Р-1710. Оп. 1. Д. 1.
10. Kel'makov V., Saarinen S. Udmurtin murteet (= Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen julkaisuja 47). – Turku – Ihevsk, 1994. – 368 s.

УДК 811.51

А. А. Ильева, г. Бирск

ИЗУЧЕНИЕ ТЮРКСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ВОСТОЧНОМ ДИАЛЕКТЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Восточный диалект марийского языка заимствовал много слов из тюркских языков. Много ученых занимались изучением заимствований в марийском языке. Среди них можно отметить труды М. Рясянена, М. Р. Федотова, Г. В. Лукоянова и многих других. Неоценимый вклад в дело изучения марийско-тюркских контактов внес видный финно-угровед Н. И. Исанбаев.

Ключевые слова: заимствования, диалект, языковые контакты, башкирский язык, татарский язык, чувашский язык, тюркизмы.

STUDY OF TURKIC LOANS IN THE EAST DIALECT OF THE MARI LANGUAGE. *The east dialect of the Mari language borrowed many words from Turkic languages. Many scholars were engaged in studying loans in the Mari language. Among them it is possible to mention M. Ryasänen, M. R. Fedotov, G. V. Lukoyanov's works and many others. The invaluable contribution to the cause of studying Mari-Turkic contacts was made by noted Finno-ugrian expert N. I. Isanbayev.*

Keywords: loans, dialect, language contacts, Bashkir, Tatar, Chuvash language, Turkic loan.

Процессы контактирования языков имеют место на всех территориях позднего заселения восточных марийцев, где, как правило, наблюдается соседство диалектов татарского и башкирского языков. Для восточного диалекта источником тюркских заимствований послужили средний диалект языка казанских татар и северо-западный диалект башкирского языка, с которыми исследуемый диалект находится в тесном взаимодействии. В силу определенных исторических условий на указанной территории Башкортостана образовался своеобразный регион, содержащий особенности как башкирского, так и татарского языков, где (по реке Танып) преобладают фонетические признаки татарского языка [Максютова 1985].

Языковые контакты между марийцами и соседствующими с ними языками приводят к появлению разнообразных заимствований. На это указывают специальные исследования, посвященные взаимодействию марийского языка с тюркскими языками. Среди них необходимо отметить специальные труды М. Рясянена «Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen» [Räsänen 1920], «Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen» [Räsänen 1923]. В этих работах основное внимание уделяется чувашским и татарским заимствованиям в марийском языке, где содержится значительный материал, позволяющий увидеть глубину, структуру и особенности

тюркских заимствований в марийском языке, их фонетическое оформление. Автором учтены изоглоссы диалектных явлений, проявляющиеся в разных говорах неодинаково.

По мнению Н. И. Исанбаева, в двух книгах М. Рясненна даны 635 чувашских и 729 татарских лексических заимствований в марийском языке [Исанбаев 1979, 22]. М. Ряснен выявил около 130 слов, общих для марийского и чувашского, марийского и татарского языков, этимологии которых не выяснены. Исследователь рассмотрел также вопрос о марийских заимствованиях в тюркских языках и выяснил, что около 60 марийских слов заимствованы чувашским языком, а 20 – татарским. М. Ряснену в результате исследования удалось выяснить новые этимологии марийских слов, происхождение которых установлено с помощью чувашских и татарских архетипов, восходящих к отдаленным тюркским языкам. Несомненной заслугой М. Рясненна является глубина его исследований, тщательно проверенных и взвешенных. Его труды, вобравшие весь предыдущий опыт русских и зарубежных ученых тех лет, послужили опорой при создании последующих трудов по вопросам контактирования марийского и тюркских языков.

Видное место при решении вопросов взаимодействия языков занимает монография М. Р. Федотова «Чувашско-марийские языковые взаимосвязи» [Федотов 1990]. По мнению автора, марийский язык дольше всех находился во взаимодействии с чувашским языком. Он указывает 1200 чувашских заимствований в марийском языке, куда вошли и слова, общие для чувашского и татарского языков. Некоторые слова типа чув. *ѣмѣт* [< перс] = тат. *ѣмет* > мар. вост. *ѣмѣт* 'надежда'; чув. *инке*, сунд. *енки* > мар. *ѣенга* – тат. *ѣиңгѣ* 'сноха, невестка; жена старшего брата'; чув. *ѣйла* > мар. *ѣѣлѣ* – тат. *ѣола* 'обычай'; чув. *пума* (*посма*) 'хлопчато-бумажная ткань' > мар. *пасма* – тат. *басма*, *пасма* 'набойка для ткани; узор на ткани' и др. могли быть переняты только из татарского языка. Следовательно, количественный состав чувашизмов несколько преувеличен. Положительной стороной работы является то, что автор, кроме фонетических критериев, привлекает морфологические признаки слова.

Г. В. Лукоянов в своей работе «Марийские заимствования в чувашском языке» [Лукоянов 1973] рассмотрел исторические пути проникновения финно-угорских слов в чувашский язык. В первой главе основное внимание уделяется лексико-семантической классификации марийских заимствований в чувашском языке по следующим категориям: человек, жилище, одежда, питание, болезни, игрушки и т. д. Во второй главе дается фонетическая адаптация марийских заимствований в чувашском языке. Г. В. Лукояновым выделены 286 марийских заимствований в чувашском языке. Для многих из них приведены соответствия из финно-угорских языков, например, чув. *чѣпѣт* (*ч / ѣ / т*) < мар. *чывышташ* 'щипнуть кого-либо', удм. *чыпыльт*, коми *чепельт* 'ущипнуть', венг. *csipni* 'щипать, жечь, кусать'. Данная работа имеет большое значение для изучения языковых контактов, так как влияние марийского языка на другие языки остается малоизученным и представлено лишь в отдельных статьях Б. А. Серебренникова [1956], Н. И. Исанбаева [1989], Л. Ш. Арсланова [1965, 1969, 1993].

Д. Е. Казанцев [1985] обобщил и систематизировал лингвистические, археологические, этнографические и другие данные и на этой основе выдвинул убедительную теорию возникновения и формирования марийских диалектов. Автор при определении закономерностей развития диалектов обращается к таким источникам, как заимствования, которые способствуют разрешению ряда задач, связанных с качественным влиянием тюркских языков на отдельно взятые диалекты.

Остальные работы, касающиеся марийско-тюркских взаимодействий, носят частный характер и опубликованы в многочисленных статьях финно-угроведов [Пенгитов 1964, Гордеев 1973, 1976, 1977, Исанбаев 1964, 1978, 1979, 1980, 1985 и др.].

Особенно большая работа проделана Ф. И. Гордеевым по сбору лексического материала, которая позволила автору уточнить этимологию многих заимствований не только в литературном языке, но и, что очень важно, в диалектах марийского языка.

Автору удалось дополнить до 1000 татарских заимствований, ранее не зарегистрированных в трудах ученых, занимающихся этим вопросом. Лексической базой его трудов явились собственные записи, которые собраны при поездке в разные районы проживания двуязычной части марийцев, материалы диалектологических экспедиций, словарей, произведения художественной литературы. Но некоторые иноязычные лексические параллели истолкованы неверно, поэтому при рассмотрении этимологий слов нужно подходить критически.

Неоценимый вклад в дело изучения марийско-тюркских контактов внес видный финно-угровед Н. И. Исанбаев. Его непосредственные наблюдения привели к созданию монографии «Марийско-тюркские языковые контакты» [1989, 1994] в 2-х частях, цель которой – восполнение существующих пробелов в изучении марийско-татарских и марийско-башкирских языковых связей, критический пересмотр некоторых теоретических положений и выводов, связанных с трактовкой результатов контактирования и с определением источников заимствования. В ней в популярной форме с привлечением богатого фактического материала, собранного автором в течение 20 лет, излагаются результаты марийско-тюркских языковых контактов. В книге даются относительно точные данные о характере распространения татарских заимствований в диалектах марийского языка: 96 % татаризмов употребляется в восточномарийских говорах, 27,5 % – в говорах лугового наречия, 8,75 % – в горном и около 6 % – в северо-западном. Чрезвычайно ценно то, что автором составлен словарь, состоящий из 3 тысяч слов-заимствований, который по охвату материала является первым наиболее полным лексикографическим трудом о татарских и башкирских заимствованиях в марийском языке.

Данная работа вышла на марийском языке [Исанбаев 2001], которая предназначена для факультативных занятий со студентами. О тюркских заимствованиях мы можем многое узнать также из монографии Исанбаева «Историческая фонетика марийского языка» [Исанбаев 2007].

Сегодня исследованием тюркских заимствований в восточном диалекте марийского языка занимается Ильева А. А. Результаты ее работ отражены в монографии и различных статьях [Ильева 2009, Ильева, Вахитова 2013]. Некоторые аспекты тюркских заимствований отражены в работе С. И. Апсатаровой [Апсатарова 2007].

Тесные контакты восточных марийцев с тюркскими народами (башкирами и татарами) начались приблизительно 300 лет назад в связи с переселением марийцев на нынешние места их обитания. Из многих причин заимствований прежде всего выделяют неязыковые и языковые. Неязыковые – это результат торгово-экономического, общественно-политического и культурного контактов. При этом новое слово чаще всего приходит вместе с новой вещью или понятием. К языковым причинам лексического заимствования относится необходимость замены описательного наименования простым, однословным [Отаров 1997, 36, Тараканов 1981, 5].

Марийский народ вступал в различные социально-экономические, культурные, торговые, политические контакты со своими соседями. Вовлеченные в эти отношения восточные марийцы заимствовали значительный пласт тюркизмов.

Тюркские заимствования, функционирующие в марийском языке, неоднородны по семантике. Находясь почти во всех тематических группах лексики, они отражают различные стороны жизни и деятельности человека, явления окружающей природы.

Литература

1. Апсатарова С. И. Мишкинский говор в системе диалектов марийского языка [фонетико-морфологическая характеристика] – Бирск: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2007. – 135 с.
2. Арсланов Л. Ш. Некоторые особенности татарской речи марийцев Актанышского района Татарской АССР // Происхождение марийского народа. – Йошкар-Ола, 1965. – С. 258–261.

3. Арсланов Л. Ш. О влиянии марийского языка на речь татар деревни Торешкювар Сернурского района Марийской АССР // Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Тезисы. – Йошкар-Ола, 1969. – С. 3–5.
4. Арсланов Л. Ш. Финно-угорский пласт в топонимии Агрызского района Татарстана // Вопросы марийской ономастики. – Вып. 8. – Йошкар-Ола, 1993. – С. 31–43.
4. Гордеев Ф. И. О татарских лексических заимствованиях марийского языка // Вопросы марийского языкознания. – Вып. 3. – Йошкар-Ола, 1973. – С. 3–12.
5. Гордеев Ф. И. О татарских проникновениях в лексику марийского языка // Диалекты и топонимия Поволжья. – Вып. 4. – Чебоксары, 1976. – С. 3–25.
6. Гордеев Ф. И. Татаризмы в лексике марийского языка // Советское финно-угроведение. – 1976 а. – № 2. – С. 94–103.
7. Гордеев Ф. И. Татаризмы в лексике марийского языка // Советское финно-угроведение. – 1977. – № 1. – С. 94–103.
8. Илиева А. А. Лексическая и фонетическая характеристики балтачевского говора марийского языка. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2009. – 144 с.
9. Илиева А. А., Вахитова А. Г. Поздние тюркские заимствования в марийских говорах Башкортостана // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 754–760.
10. Исанбаев Н. И. Говор елабужских мари // Вопросы диалектологии и истории марийского языка. – Йошкар-Ола, 1964. – С. 61–107.
11. Исанбаев Н. И. Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке // Вопросы марийского языка. – Йошкар-Ола, 1978. – С. 3–50.
12. Исанбаев Н. И. Фонетическая адаптация татарских заимствований в диалектах марийского языка // Вопросы марийского языка: Вопросы истории и диалектологии. – С. 41–102.
13. Исанбаев Н. И. Проблема разграничения татаризмов от заимствований из других языков // Вопросы марийского языка: Грамматика и лексикология. – Йошкар-Ола, 1980. – С. 148–177.
14. Исанбаев Н. И. Башкирские заимствования в марийском языке // Советское финно-угроведение. – 1988. – № 3. – С. 168–173.
15. Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. I. – Йошкар-Ола, 1989 – 176 с.
16. Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. II. – Йошкар-Ола, 1994. – 209 с.
17. Исанбаев Н. И. Тюркские лексические кальки в марийском языке // Финно-угроведение. – Йошкар-Ола, 1995. – № 1. – С. 139–147.
178. Исанбаев Н. И. Марий да тюрк йылме-влак контакт. – Йошкар-Ола, 2001. – 76 с.
19. Исанбаев Н. И. Марий исторический фонетика: Тунемме книга / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2007. – 188 с.
20. Казанцев Д. Е. Формирование диалектов марийского языка. – Йошкар-Ола, 1985. – 160 с.
21. Лукоянов Г. В. Марийские заимствования в чувашском языке. – Чебоксары, 1973. – 120 с.
22. Максютובה Н. Х. Башкирская диалектология [итоги и перспективы] // Вопросы диалектологии тюркских языков. – Уфа, 1985. – С. 12–19.
23. Отаров И. М. Основные проблемы лексикологии карачаево-балкарского языка: Дисс. ... д-ра филол. наук. – Нальчик, 1997. – 406 с.
24. Пенгитов Н. Т. Тюркизмы в марийском языке // Проблемы тюркологии и истории востоковедения. – Казань, 1964. – С. 126–134.
25. Серебренников Б. А. О некоторых следах влияния финно-угорского субстрата в языке казанских татар // Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию. – М., 1956. – С. 141–150.

26. Тараканов И. В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке. – Ижевск, 1981. – 106 с.
27. Федотов Р. М. Чувашско-марийские взаимосвязи. – Саранск, 1990. – 336 с.
28. Räsänen M. Tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen // MSFOu. – Helsinki, 1920. – 276 s.
29. Räsänen M. Tatarische Lehnwörter im Tscheremissischen // MSFOu. – Helsinki, 1923. – 100 S.

УДК 801.7

С. А. Искандарова, г. Уфа

О ПЕРСОЯЗЫЧНЫХ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИЗ ФОНДА РУКОПИСЕЙ ИИЯЛ УНЦ РАН

В статье дается краткое описание некоторых персоязычных произведений, хранящихся в Фонде рукописей ИИЯЛ УНЦ РАН. Изученные автором рукописи являются стихотворными текстами и представляют собой списки классической персидской поэзии, сочинения по суфизму и труды по различным наукам.

Ключевые слова: Фонд рукописей ИИЯЛ УНЦ РАН, персоязычные рукописи, археографическая экспедиция.

The article gives a brief description of some Persian-language works stored in the Fund of Manuscripts of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. The manuscripts studied by the author are poetic texts and represent lists of classical Persian poetry, works on Sufism and works on various sciences.

Keywords: Manuscripts Fund, Institute of History, Language and Literature, Ufa Science Center of the Russian Academy of Sciences, Persian-language manuscripts, archaeographic expedition.

В Фонде рукописей им. Г. Б. Хусаинова Института истории, языка и литературы УНЦ РАН хранятся рукописи и старопечатные книги на арабском, персидском и тюркских языках, количество которых превышает 6 тысяч единиц хранения. Коллекция рукописей ИИЯЛ УНЦ РАН является самой большой в Республике Башкортостан и насчитывает более 3,5 тысяч единиц хранения. Формирование Фонда восточных рукописей было начато после создания Южно-Уральского отделения Археографической комиссии Академии наук СССР в г. Уфе в 1972 году. Пополнение фонда происходило во время археографических экспедиций, командировочных выездов и поступлений от частных лиц.

Персоязычные рукописи фонда до сегодняшнего дня остаются наименее изученной областью. Эта коллекция является немногочисленной и представлена, в основном, художественной литературой, трактатами по шариату, словарями и сочинениями по грамматике. В данной работе будут рассмотрены некоторые поэтические персоязычные сочинения указанного фонда.

Обратимся к рукописным сборникам, приобретенным во время VII археографической экспедиции 1976 года, участниками которой были Вахитов А. Х. (руководитель), Шункаров Н. Д., Кудашев А. Г., Буляков И. К.

В сборнике, приобретенном в д. Ялчикаево Кумертауского района (ныне Куюргазинского района РБ) (шифр А 12 № 35 Р), записаны шесть стихотворных произведений на персидском языке. Списки датированы 1793–1794 годами. Переписчик не указан. Два сочинения, входящие в сборник, носят название «Панднаме» («Книга наставлений»). Первый из них принадлежит известному персидскому поэту Абу Абдуллаху Муирифу ад-дин ибн Муслиху ад-дину, известному под именем Саади Ширази (1203–1291 г.). Его «Панднаме» представляет собой небольшое этико-дидактическое произведение. В Фонде рукописей ИИЯЛ УНЦ РАН представлены и другие сочинения поэта – «Бустан» («Плодовый сад») (шифры: А 8 № 44 Р; А 35 № 85 Р) и «Гулистан» («Цветочный сад») (шифры: А 35 № 67 Р; А 92 № 4 Р). Как известно, оба этих произведения Саади получили

мировую славу. «Бустан» является сборником стихотворений этико-дидактического характера. «Гулистан» представляет собой прозаическое сочинение со стихотворными вставками. Отметим, что оба этих произведения Саади использовались в башкирских и татарских медресе в качестве учебников по изучению персидского языка.

Второе произведение, представленное в сборнике – «*Панднаме*» *Махмуда*, также является поэмой этико-дидактического содержания. Об авторе Махмуде сведений не осталось [Гилязутдинов 2002, 75]. В Фонде рукописей ИИЯЛ хранится также рукописный список «*Панднаме*» другого известного персидского суфийского поэта – *Фарид ад-дин Мухаммад бен Ибрагим Аттара* (1119–1230 или 1145–1221). Данная книга была широко распространена среди населения Урало-Поволжья. В неоднократно издававшейся поэме нередко располагался текст перевода на тюрки [Искандарова 2015, 128].

В исследованном нами сборнике содержится еще одно произведение *Аттара* – «*Исламийа*», представляющее собой небольшую поэму, в которой излагаются основы ислама. Отдельные части произведения посвящены вере, молитве, посту, закату и хаджу.

Четвертое произведение, содержащееся в сборнике, представляет собой отрывок из третьей тетради «*Маснави-йе Маанави*» («Поэма о скрытом смысле») *Мавляви (Джлал ад-Дин Мухаммад Руми)* (1207–1273). «*Маснави-йе Маанави*» является суфийской эпико-дидактической поэмой, состоящей из шести дафтаров (тетрадей). Она входит в число шедевров мировой литературы.

Пятое произведение сборника принадлежит *Шарафеддину Бухари (XIV в.)* – «*Нам-е хак*» («Имя Праведного»), известное также под названием «*Мукаддима-и ас-салат*» («Введение в молитвы»). Сочинение посвящено ритуалам ислама – правилам намаза и поста [Гилязутдинов 2002, 60].

Шестое произведение рукописи представляет собой поэтический перевод с арабского языка сочинения, приписываемого *Али ибн Абу Талибу* – «*Мийат калима*» («Сто изречений»), автор перевода – *Адил Ширази* [Гилязутдинов 2002, 92].

Во время этой же экспедиции было обнаружено также персоязычное сочинение известного тюркского поэта-мистика *Суфия Аллаяра* (1644–1721 или 1616–1713) – «*Маслак ал-Муттакин*» («Путь благочестивых»), представляющее собой толкование исламских законов и основ суфизма. Данная рукопись была приобретена в д. Зяк-Ишметово Куюргазинского района Республики Башкортостан. (Шифр А 12 № 101, 103). Список сочинения датирован 1862 г. Переписчик – Гатаулла бин Сафиулла из д. Эзяк. Рукопись довольно большого объема – 325 листов. Известно, что данное сочинение было переведено Суфием Аллаярмом тюркский язык в стихотворном виде под названием «*Сабат ал-аджизин*» («Твердость слабых»).

Во время данной экспедиции в д. Среднее Бабаларово Куюргазинского района был приобретен сборник, содержащий семь персоязычных произведений. Переписчиками сочинений указаны Сафиулла и Туйгун бин Кулшариф. Списки датированы двумя датами – 1182 г.х.= 1768 и 1196 г.х.= 1781.

Этот сборник содержит четыре произведения, указанные выше: «*Панднаме*», «*Исламийа*» *Аттара*, «*Панднаме*» *Махмуда* и «*Мийат калима*» *Адила Ширази*. В сборнике также содержится поэтическое произведение анонимного автора «*Йек хикайат*» («Один хикаят»), повествующий об одном эпизоде из жизни пророка Мухаммада.

Следующим произведением, включенным в рукописную книгу, является «*Китаб-е Фиришта*» («Книга Фиришта»), представляющую собой сборник газелей индийского автора – *Мухаммада Касим Хиндушаха Астарабади*, известного как *Фиришта* (1572 – после 1623 г.) [Гилязутдинов 2002, 67].

В рукописном сборнике содержится также поэтический трактат по физиогномике «*Рисала-и Кийафет наме*» («Книга о внешности») неизвестного автора. В данном трактате содержатся главы, посвященные отдельным частям тела человека, таким как голова, волосы, лоб, губы и др., по свойствам которых распознается характер человека.

Таким образом, в данной статье были рассмотрены лишь некоторые списки поэтических произведений на персидском языке, хранящиеся в Фонде рукописей ИИЯЛ УНЦ РАН. Предстоящими задачами перед сотрудниками фонда являются дальнейшее выявление и исследование других персоязычных сочинений.

Литература

1. Гилязутдинов С. М. Описание рукописей на персидском языке из хранилища Института языка, литературы и искусства. – Казань: Фикер, 2002. – 254 с.

2. Искандарова С. А. Каталог арабографичных старопечатных изданий Института истории, языка и литературы УНЦ РАН. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. – 276 с.

УДК 811.512

Г. Н. Йәгәфәрова, Өфө к.

ДИАЛЕКТ ШАРТТАРЫНДА

ӘЗӘБИ ТЕЛ НОРМАЛАРЫНА ӨЙРӘТЕҮ МӘСЪӘЛӘҮНӘ КАРАТА

К ПРОБЛЕМЕ ОБУЧЕНИЯ НОРМАМ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ДИАЛЕКТА. В статье анализируются некоторые проблемы, связанные с особенностями преподавания литературного башкирского языка в условиях диалекта, а также поднимаются вопросы изучения диалектных различий в современных условиях.

Ключевые слова: башкирский язык, диалект, методика преподавания, литературный язык.

ON THE PROBLEM OF TEACHING STANDARDS OF THE LITERARY LANGUAGE IN DIALECT CONDITIONS. This article analyzes some of the problems associated with the peculiarities of teaching literary Bashkir language in dialect conditions. The author here also raises the issues of studying dialectal differences in modern conditions.

Keywords: Bashkir language, dialect, teaching methods, literary language.

Ерле һөйләш шарттарында балаларзы башкорт теленә өйрәтеү мәсьәләһе һәр ваҡыт актуаль булып тора. Был проблема әзәби тел нормаларын булдырыу мәленән үк башкорт теле уҡытыусыларын, йәмғәтселекте борсой. 1991 йылда Р. Ғ. Азнағоловтың «Диалект шарттарында башкорт телен уҡытыу методикаһы» (Өфө, 1991) тип исемләнгән методик кулланмаһы шул осорға кәҙәре был өлкәлә алып барылған эзләнеүҙәрҙе дөйөмләштерһә, ул ваҡыттан алып бөгөнгәсә төрлө мәкәләләр кимәлендә бихисап тикшеренеүҙәр, тәҗрибә уртаклашыуҙар, методик кәңәштәр нәшер ителде. Әлбиттә, балаларзың йәшәү районы кайза булыуына карап, мәсьәләһен хәл ителешә лә төрлөсә булыуы мөмкин. Мәсәләһ, республикабыҙың төньяк-көнбайыш төбәктәрендә йәшәгән балалар менән көньякта йәшәүселәр араһындағы тел айырмалыҡтары әзәби телде уҡытыу методикаһында ла төрлө алымдарзы кулланыуға килтерә. Быны уҡытыусылар бик яҡшы аңлай, мәсәләһ, был турала М. С. Мөфтиеваның мәкәләһен карағыҙ [Мөфтиева 2015, 181-182].

Уҡытыусылар тарафынан эшләнелгән байкауҙарға карағанда, башкорт теле дәрестәрендә диалект хаталары өстөндә эш күбәһенсә уларзың төрҙөрөн асыҡлауҙан башланып китә. Фонетик, морфологик, лексик хаталарзы методик күҙлектән барлағас, уҡытыусылар артабан шуларға ярашлы күнегеүҙәр һайлап, эш ысулын билдәләйҙәр. Өйтәйек, фонетик хаталар өстөндә эшләгәндә күбәһенсә әйттерәү, кабатлатыу кеүек ысулдар кулланылыусан. Лексик диалектизмдарзы күргәзмәлек нигеҙендә (таблицаһар, схемалар) башкаралар, диктанттарзың һәр төрлөләрен кулланалар, стилистикаға бәйлә күнегеүҙәр һайлайҙар. Морфологик хаталарзы иҫкәртеү максатында башлыса «дөрөс – дөрөс түгел» методы кулланыла, ялғауҙар кушыу, яңы һүҙҙәр һәм һүз формаларын барлыкка килтерәү буйынса күнегеү-биремдәр тәкдим ителә.

Ерле һөйләш шарттарында әзәби тел нормаларына өйрәтеү тигәндә, безҙеңсә, эштең бер нисә йүнәлешә йәки аспекты алғы планға сыға.

1. Диалект хаталарын барлау. Был эш төбәктең кайза урынлашыуына, һөйләштең барлыкка килеү тарихына, төбәктә йәшәгән халықтың милли составы һәм кабул ителгән

аралашыу теленә / һөйләшенә бәйле. Әйтәйек, көньяк диалекты менән көнсығыш йәки төньяк-көнбайыш диалекттары араһында һизелерлек айырма булғанлыктан, диалект хаталары тип исемләнгән тел үзенсәлектәрен билдәләү за төрлөсә була: көньяк диалекты вәкилдәре менән эшләгәндә төп игтибар лексик йәки семантик диалектизмдарға йүнәлтелә; көнсығыш диалект шарттарында – башлыса морфологик хаталар һәм уларҙы иҫкәртеү; төньяк-көнбайыш диалект кысанында – фонетик үзенсәлектәргә баһым яһала. Методика күзлегенән карағанда, теге йәки был һөйләш үзенсәлегә мөһим йәки мөһим булмаһка ла мөмкин. Мәсәлән, дим һөйләшенең дөйөм кабул ителгән *с* өнөнөң кулланылышы йәш быуын телмәрендә бик үк һаҡланмаһка ла мөмкин (хәҙерге тел мөхитендә йыш кына нәк ошоно күрәбез зә инде, дим һөйләшен дим һөйләше иткән был фонетик үзенсәлек хәҙерге ваҡытта оло быуын вәкилдәре телмәрендә калыплашып калған). Был осракта, безҙеңсә, уны дөйөм карап китеп, айырым игтибар бүлмәһкә лә мөмкин.

2.Диалект хаталары өстөндә эшләү өсөн күнегеүҙәр системаһын уйлау. Тәбиғи, һәр бер төр хаталар өсөн үзенсәлектә ысулдар булдырыла, шулай за методикала кабул ителгән алымдар һәм күнегеүҙәр системаһы был осракта ла универсаль булып кала килә: әйттереү, кабатлатыу, диктанттар яҙырыу, һүзҙең мәғәнәһе өстөндә эшләү һ.б.

3.Ерле һөйләш материалын яҡшыраҡ аңлау өсөн яҡташ яҙыусылар ижадын үткәндә махсус ентеклә игтибар бүлгәргә кәрәк, уларҙың ижадынан, гәүһәр сүпләгәндәй, үз һөйләшенә хас һүзҙәрҙе эзләп табыу – бик кызыклы эш (был турала, мәсәлән, карағыз [Баһауәтдинова 2003; Яғафарова 2016, 98-101]. Укыусыларҙы быға дәрәс барышында, артабан был күҙәтеүҙәрҙе ғилми эш кимәленә күтәреп, айырым сығыштар әзерләтеү бик уңышлы ысул һанала. Әлбиттә, бының өсөн әҙәби тел материалын бик яҡшы беләү, диалект һүзҙәрен айыра алыу талап ителә. Был хәл ерле һөйләш вәкиле өсөн ауырыраҡ та тойолорға мөмкин, сөнки, әйтәйек, укытыусы үзе шул төбәктә тыуып үсһә, текста осраған диалектизмдар уның үзе өсөн дә тәбиғи яңғырай. Ләкин был осракта ярҙамға диалектологик һүзлектәр килә ала. Башҡорт диалекттары буйынса бөгөнгәсә айырым-айырым өс томлыҡ һәм дөйөм бер томлыҡ һүзлек нәшер ителгән икән, уларҙы, һис шикһез, укытыусылар файҙалана ала. Шулай ук хәҙерге көндә башҡорт теленең лексикаһын, шул иҫәптән диалекталь лексикаһын үз эсенә алған ун томлыҡ «Башҡорт теленең академик һүзлегә» (әлегә көндә һигез томы донъя күрҙе, Өфө, 2011-2016) бар. Был хеҙмәт инде һиндәй зә булһа һүзҙең стилистик катламын табырға, билдәләргә ярҙам итә. Шуға күрә хөдөжестволы әсәр буйынса эш төрҙәрен, ошо махсус хеҙмәттәргә таянып, еңел хәл итеп була.

4.Хәҙерге көндә халықтың тарихы буйынса байтаҡ махсус хеҙмәттәр нәшер ителгән. Уларға таянып, төбәктең тарихын аныҡ күз алдына килтереп, тел дәрәсә сиктәрендә лә был проблемаларға игтибар итеү мөһим. Шуның һигезендә укыусылар тыуған ер тарихын ғына түгел, ә тел үзенсәлектәренең һилектән, һинә, кайҙан барлыҡка килеүен аңлап үзләштерәсәк.

5.Билдәле бер территорияла таралған һәр бер тел күренеше тел тарихы, халыҡ тарихы күзлегенән бик мөһим. Шуға бәйле ерле һөйләш шарттарында әҙәби тел нормаларына өйрәтеү мәсьәләһенең кире яғы ла бар, ул да булһа – ерле һөйләш үзенсәлектәрен, йәғни төбәктә йәшәгән халықтың үзенсәлеген (идентичность) һаҡлап алып калыу. Был да үзенә күрә актуаль мәсьәләләргәң береһе булып тора, сөнки глобализация осоронда дөйөм телгә килтереүҙән бигерәк башка телгә күсеп китеү хәүефе яһауы асыҡ. Был шарттарҙа иһә халықты халыҡ итеп һаҡлап алып калырлыҡ һигезҙәр табыу мөһим. Билдәле булыуынса, бындай һигезҙәрҙең иң ыһаныслыһы һәм һыклыһы – тел буйынса дөйөмлөлөк. Тимәк, төбәктә кабул ителгән тел үзенсәлектәре халықты берләштереп кенә калмай, бүтән кәүемдәрҙән айырып, көһитмеште, көһкүреште, донъяға карашты билдәләй. Нәк шуның өсөн был тел үзенсәлектәре лә берләштереүсә, йүнәлеште билдәләүсә, халықтың үзаңын һәм үзбилдәләнешен күрһәтеүсә буларак мөһим һәм әһәмиәтле, улар за яҡлауға, курсалауға, һаҡлауға лайыклы.

Ерле һөйләш шарттарында әзәби тел нормалары өйрәтеү проблеманы фәнни-популяр әзәбиәттә, айырыуса «Башкортостан укытыусыһы» журналы биттәрендә, быйыл 17-се тапкыр үткәрелеп килгән «Рәсәй халыктары телдәре диалектологияһының көнүзәк мәсьәләләре» ғилми-ғәмәли конференция сиктәрендә ярайһы күп яктыртылды, байтак өлөштәре телгә алынды, бик күп һорауларына ентәкле тукталып анализланды. Был бик хуп, бик мәслихәт. Шулай за, безҙең карамакка, инде типик диалект хаталарҙы айырып күрһәтеүҙән укытыусылар, ерле һөйләш вәкилдәре буларак, артабан да башкорт диалектологияһы фәнненең үсәшенә үз көстәрен индәрһәлә, баһтырылған мәкәләләрең, күҙәтеүҙәрең әһәмиәте бермә-бер артыр ине. Икенсе төрлө әйткәндә, тарих бер урында тормаған кеүек, телдең торошо ла даими үзгәрә бара. Бына ошо үзгәрештәрҙе ерле һөйләш вәкилдәре ғилми күзлектән дә, крайҙы өйрәнәүсә буларак та тағы ла тизерәк ойоштороп ебәрә алыр ине. Безҙеңсә, бындай теркәүҙәргә айырыуса лексика катламы мохтаж, сөнки фонетика менән грамматика, хронологик яктан карағанда, тиз генә үзгәрәп бармай; күз алдыбыҙға телдең һүзлек составы үзгәрә. Ошо үзгәрештәрҙе барлап, һизеп, йә ғилми эш итеп, йә тикшеренәү эше итеп туплап күрһәтеү – нәк укытыусыларҙың кулынан килерлек эш. Һәүәскәр тикшеренәүселәр, ғәзәттә, төрлө кыһандарҙан азат була, шуға күрә ерле һөйләш материалдарын анализлағанда башлыса «әзәби тел – минең һөйләшем» капма-каршылығынан сығып эш итә; был иһә көтөлмәгән уңышлы һөзөмтәләргә килтерергә мөмкин. Бындай эште төрлөсә аткарып була, мәсәлән, төбәктә оһаған бөтә үзәнсәлектә һүзәрҙе теркәп барырга мөмкин. Ләкин бындай эш системалылыҡты талап итә; кире тәкдирҙә, эш, оһакка һузылып, һөзөмтәһеҙ, тамамланмай калыуы бар. Шуға күрә билдәлә бер тематиканы (мәсәлән, үсәмлек атамалары, яңы әйберҙәрҙең атамалары (әйтәйек, пластик шешәләр бөгөн төрлөсә аталып йөрөтөлә: *хериш-һола шешәһе, һауһук шешә* һ. б.), малсылыҡка бәйлә исемдәр; бала бағыуға бәйлә һүзәр; йолаларға бәйлә һүзәр һ. б.) һайлап алып, уға караған һүзәрҙе төрлө сыһанактарҙан (район ғәзитә биттәренән, якташ языусылар ижадынан, оло йәштәге кешеләрҙең телмәренән) йыйыу максатка ярашлы һәм отошһорак буласаҡ. Артабан был эште хатта тағы ла йәйелдереп ебәрәп, төбәктә донъяға танытыуҙың бер юлы итеп кулланып була. Миһалға Төркиәннең төрлө райондарының сайттарын күрһәтеп булыр ине: өлкә һәм райондарҙың сайттарында ошо төбәккә һаһ булған һүзәр тезмәһе аңлатмалары менән бирелә, шулай ук ошо төбәктә таралған йолалар, ғөрөф-ғәзәттәр урын ала. Шуһ мәғлүмәттәр аһа Интернет селтәрен кулланыусылар ошо төбәктен мәҙәниәте, руһи киммәттәре менән таныша ала. Безҙеңсә, был бик уңышлы тәжрибә.

6. Асылында, һанай китһәң, башкорт теленең айырым төбәк һөйләштәрен анализлаған һәм фәнни күзлектән баһалаған маһһус ғилми һезмәттәр бик аз. Башкорт диалектологияһы үсәшә башлаған дәүергә күберәк һаһ булған бындай тикшеренәүҙәр: Н. Х. Иһбулатов, Х. Ғ. Йосоһов, Н. Х. Мәһһүтова, С. Ф. Миржанова, Р. Ғ. Аһһаһолоһтарҙың тәүге ғилми һезмәттәрендә, кандидатлыҡ диссертацияларында бер ауыл йәки бер ырыу теле төп иғтибар үзөгәндә булған. (Иһбулатов Н. Х. Говор деревни Казмашево Абзелиловского района Башкортостана: Автореф. дисс. ... канд. филоһ. һауһ. – М., 1955. – 15 с.; Юһупов Х. Ғ. Аһһинский говор башкирского языка: Автореф. дисс. ... канд. филоһ. һауһ. – М., 1956. – 15 с.; Маһһһүтова Н. Х. Говор айских башкир: Автореф. дисс. ... канд. филоһ. һауһ. – М., 1963. – 24 с.; Миржанова С. Ф. Кубалякский говор башкирского языка: Автореф. дисс. ... канд. филоһ. һауһ. – М., 1967. – 29 с.; Аһһаһулов Р. Ғ. Языковые особенности оренбургских башкир: Автореф. дисс. ... канд. филоһ. һауһ. – М., 1972. – 17 с.). Артабанғы һезмәттәре дөйөмләштәрәүсә буларак, төрлө һөйләш һәм һөйләшсәләрең дөйөм һызаттарын сыһарып, анык классификация яһауға һигеҙ буһдырған. Безҙеңсә, инде һәҙер кайтанан ыһын мәғәнәһендә ерле һөйләш материалдарына иғтибарҙы йүнәһтеү ваҡыты килеп етте: ауыл һөйләше, ырыу һөйләше, телдең лекһик байлығы, диалектаһ синоһимдар мәһһәләһе, төбәктәрҙә эмоһионаһ-экһпрессивлыҡ төшөнсәһе, шуһың аһа хатта төбәк вәкилдәренең психолоһик йөзө,

психологик һызаттары кеүек һораузарға ла яуап табып булыр ине. Был осракта айырыуса лексик диалектизмдарға бик зур игтибар бүлүргә кәрәк.

Шулай итеп, диалект шарттарында әзәби тел нормаларына өйрәтеү эше ғилми проблема буларак электән үк, әзәби телдең нормалары булдырылғандан алып эшкәртелеп килһә лә, диалектология һәм методика мөнәсәбәттәшлеге өлкәһендәге дөйөмләштереүзәр, синхрон планда башкарылған яңы эзләнеүзәр үз тикшеренеүселәрән көтә әле.

Әзәбиәт

1. Азнағолов Р. Ғ. Диалект шарттарында башкорт телен укытыу методикаһы. – Өфө: БКН, 1991. – 144 бит.

2. Башкорт теленең академик һүзлеге: 10 томда / Ф. Ғ. Хисамитдинова редакцияһында. Т. I–X. – Өфө: Китап, 2011-2016.

3. Баһауетдинова М. И., Йәғәфәрова Г. Н. Башкорт теле һәм әзәбиәтенән традицион булмаған дәрестәр: Методик кулланма. – Өфө: Информреклама, 2003. – 136 бит.

4. Мөфтиева М. С. Ерле һөйләш шарттарында башкорт телен өйрәтеү // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XV Всероссийской научной конференции. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. – 181-182-се биттәр.

5. Ягафарова Г. Н. О функциях диалектизмов в художественной литературе (на примере произведений Мустая Карима) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XVI Всероссийской конференции. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. – С. 98-101.

УДК 811.511.1

А. Д. Каксин, г. Абакан

К ОБЩЕЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГЛАГОЛОВ ЗВУЧАНИЯ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ (на материале казымского диалекта)

Статья посвящена общей характеристике глаголов звучания в одном из наименее изученных диалектов хантыйского языка – казымском. Подробно рассматривается смысловое выражение субъекта-производителя звука при употреблении глаголов звучания. Указывается на важную роль имплицитного участника ситуации – наблюдателя, воспринимающего звуки. Предлагается различать первичное и вторичное использование глаголов звучания. Под первичным использованием понимается фиксация естественных, природных звуков, а под вторичным – обозначение звуков, возникающих вследствие человеческой деятельности (в том числе – звуков речи). Указываются наиболее типичные варианты репрезентации основных (ядерных) глаголов звучания в казымском диалекте хантыйского языка.

Ключевые слова: глаголы звучания, производитель звука, наблюдатель (воспринимающий звук), хантыйский язык, казымский диалект.

TO THE COMMON CHARACTERISTICS OF SOUNDING VERBS IN THE KHANTY LANGUAGE (ON MATERIAL OF KAZYM DIALECT). *The article is devoted to a general characteristic of verbs of sounding in one of the least studied dialects of the Khanty language – the Kazymsky dialect. The author specified an important role of the implicit participant of a situation – the observer perceiving sounds. It is offered to distinguish primary and secondary use of verbs of sounding. Primary use is understood as fixing natural sounds, and secondary function is for designation of the sounds arising owing to human activity (including – speech sounds). The most typical representation of the main (nuclear) verbs of sounding are specified in the Kazymsky dialect of the Khanty language.*

Keywords: sounding verbs, producer of sound, observer (perceiving a sound), the Khanty language, Kazymsky dialect.

Как известно, глаголы звучания классифицируются, прежде всего, по наличию в своей семантике определенных признаков естественного звучания, существующего в природе и воспринимаемого человеческим слухом. С одной стороны, глаголы звучания характеризуются яркой денотативно ориентированной семантикой, поскольку тесно привязаны к миру существ, явлений и вещей, производящих звуки, и к их объективным

характеристикам – высоте тона, громкости, тембру и т.п. С другой стороны, не менее важную роль в оформлении семантической структуры этих глаголов играет концептуальность. Здесь согласимся с тем, что «способы членения мира звуков зависят не только от объективных характеристик звуковых единиц (акустических параметров, причин возникновения звука и т.п.), но, в той или иной степени, определяются этноспецифичной картиной мира, воплощенной в данном языке» [Беликова 2005, 23].

При анализе семантической структуры глаголов звучания необходимо учитывать многочисленные возможные характеристики, как высота звука (громко / тихо); субъект (предмет), производящий звук (живой / неживой); эмоциональное восприятие звука (приятный / неприятный на слух), т.е. глаголы со значением звучания обозначают сложные, многосторонние фрагменты действительности. Семантическая структура этих глаголов включает наименование “производителя звука” (иногда – неопределенно), средства / инструмента производства звука, а также имплицитно воспринимającego субъекта и характеристику звука. Однако, большая часть рассматриваемых нами глаголов отражает процессы, происходящие в сфере живой и неживой природы без использования орудий (производства звука). Эти глаголы функционируют в предложениях – репрезентациях бинарной модели: имя субъекта (предмета), издающего звук + предикат-маркер звука (или: в виде реализации схемы «кто или что ~ издает или производит звук»).

В хантыйском языке глаголы со значением звучания еще не подвергались специальному исследованию, и потому наша цель – отметить некоторые особенности глаголов, входящих в данную лексико-семантическую подгруппу в хантыйском языке. Полагаем, что лексемы, приведенные в словаре для учащихся [Кононова 2002], составляют ядро искомой лексико-семантической группы (далее – ЛСГ) в казымском диалекте хантыйского языка (в данном словаре их насчитывается около 50-ти).

В хантыйском языке ЛСГ глаголов звучания достаточно обширна; ее ядро формируется базовыми глаголами: *кўриты* «греметь», *мурнгалты* «хрустеть», *кўвлематы* «звенеть; позвякивать», *мўриты* «греметь; гудеть», *сыяцты* «шуметь; гудеть», *сенгкты* «стучать», *кўрңалтыйылты* «грохотать», *шихрематы* «скрипеть», *ўвты* II «гудеть».

Глаголы со значением звучания объединяются на основе семы «производить какой-либо звук». Семантика этих глаголов нейтральна в выражении субъекта действия: производить «звучающие действия» могут почти все представители классов одушевленных и неодушевленных предметов. Звуки могут производиться разными способами: можно греметь, скрипеть, стучать и т.д.

ЛСГ хантыйских глаголов звучания представляет иерархический тип построения, наиболее общие семы в семантике звучания уточняются посредством частных сем, внешне это выглядит как дробление подгрупп на более мелкие группировки.

В качестве представителя неживой природы субъект звучания может обозначаться такими именами, как листья, лес, ветер, гром, дождь и др.: *шўхты* «выть»: *вот шўхл* «ветер воет», *мўриты* II «гудеть»: *вот мўрийл* «ветер гудит», *мўрңалтыйылты* «грохотать»: *пўлаң мўрңалтыйыл* «гром грохочет», *кўмрумтты* «загреметь»: *пўлаң кўмрумтас* «гром загремел» *мўриты* I – греметь (о громе): *пўлаң мўрийл* ‘гром гремит’, *посыты* «капать (падать каплями)»: *йерт посыл* «дождь капает», *лутнгалтыйылты* «потрескивать»: *ратхўрн лутнгалтыйыл* ‘в костре потрескивает’, *лўриты* «журчать»: *тови йиңкат лўрилат* «весенние воды журчат», *сыяцты* «шуметь»: *мулты щўта сыяцал* «что-то там шумит» и т.д. Другими словами, неживая природа активно “проявляет себя”, почти все ее составляющие могут выступать в роли предметов и явлений, производящих звуки. И вышеприведенный ряд глаголов хантыйского языка можно продолжить: *шихрематы* «скрипеть», *кўвлематы* «звенеть», *савлематы* «звенеть», *кўриты* «греметь», *кўрңалтыйылты* «грохотать», *лутыты* «шелестеть»: *нэпек лутыйл* «бумага шелестит», *каварты* «кипеть (о жидкости); бурлить, klokотать», *йингк каварл* «вода кипит», *кўвлематы* «звенеть; позвякивать»: *лўңханыцуп кўвлемал* «колокольчик звенит» и др.

Живая природа, в качестве источника звука, обычно конкретизируется именами,

обозначающими человека (людей) и животных. В конструкциях, передающих такие ситуации, употребительны глаголы, выражающие сознательное (контролируемое) воспроизведение звуков: *ариты* «петь, спеть», *арийлты* «распевать», *вон няхн няхты* «хохотать», *яхатты* «гоготать (громко, без удержу хохотать)», *няхты* «смеяться», *холла* «плакать», *пуньхематы* «хныкать» и др. Эти глаголы обозначают проявления эмоциональных переживаний субъекта: смеяться ~ выражение радости; плакать ~ выражение горя, страдания. Однако можно заметить, что во многих “случаях” воспроизведения этих звуков субъект характеризуется наличием воли лишь частично.

Имеется ряд лексем, которые находятся на стыке двух ЛСГ глаголов звучания и говорения. При включении в рассматриваемую группу глаголов типа *ўвты* «кричать» (и их производных: *ўватты* «закричать», *ўв вўша питты* «раскричаться») необходимо учитывать особенности их сочетания. Подобные единицы выступают в статусе глагола звучания при условии, если обозначаемый ими звук – нечленораздельный. Однако, если в конструкции присутствует позиция содержания, они функционируют как глаголы речи (говорения). Для глаголов звучания не характерны такие семантически значимые компоненты, как «передача мыслей», «разговор», «произнесение слов» и т.д.

Имеется ряд глаголов, обозначающих непроизвольное воспроизведение звуков: *енгалты* «стонать», *някишатты* «икать», *пўсыты* «пыхтеть», *тўртатляты* «храпеть», *тышитаты* «вздыхать (перен.: «грустить, тосковать о ком-л., сожалеть о чем-л.»), *лалты* «вздыхать (делать вздохи)», *хўллыты* «кашлять», *тышитаты* «охать» и т.д. Воспроизведение выражаемых этими глаголами звуков часто не зависит от воли субъекта; такими глаголами обычно отражаются эмоционально-психические и физиологические состояния человека.

Глаголы, обозначающие звуки неживой природы представлены шире. Их можно классифицировать по таким логико-семантическим признакам, как место обитания (домашние / дикие; земля / воздух / вода; лес / степь / горы и т.д.), размер (большие / маленькие) и т.п.

1) Звуки, издаваемые животными и насекомыми

а) Звуки, издаваемые дикими животными, насекомыми: *уртатляты* «выть»: *пурвой уртатлял* «волк воет», *шўхты* «свистеть»: *кўцар шўхал* «бурундук свистит»; *сориты* «стрекотать»: *турн соралтты вой сорийл* «кузнечик стрекочет» и т.д.

б) Звуки, издаваемые домашними животными: *моньцты* «мурлыкать»: *кўти моньцал* «кошка мурлычет», *еңрематы* «хрюкать»: *пўрац еңремал* «свинья хрюкает», *уриты* «рычать»: *ампат урилат* «собаки рычат», *хуратты* «лаять»: *сыиңа амп хуратл* «громко лает собака», *еңхематы* «ржать»: *ловат еңхемалат* «кони ржут» и т.д.

2) Звуки, издаваемые птицами:

а) Звуки, издаваемые дикими птицами: *циплематы* «чирикать, щебетать»: *тухлаң воят циплемалат* «птицы щебечут», *лўйты* «щебетать, курлыкать, кричать, петь (о птицах)»: *торат лорн лўйлат* «журавли на озере кричат», *лўйты* «чирикать», *циплематы* «чирикать»: *ай войлэңкет циплемалат* «птички чирикают», *кейты* «токовать»: *кўтари товийн кейл* «тетерев весной токует», *шўхты* «свистеть», *ўвты* III «гоготать (о гусях: издавать характерные звуки, похожие на «го-го-го»): *лўнтат ўвлат* «гуси гогочут» и др. Последний глагол может также обозначать звуки, издаваемые домашними гусями.

б) Звуки, издаваемые домашними птицами: *ариты* «петь (о домашних птицах)», *паңиты* «пищать»: *ай цицкўрек паңийл* «цыпленок пищит».

Человек тоже может издавать звуки, не образующие осмысленные цепочки, т.е. речь. Звуки животных нечленораздельны. «Некоторые исследователи предлагают различать их с точки зрения восприятия человеком, т.е. по таким параметрам: акустические характеристики звука и эмоциональные ассоциации, сопровождающие этот звук» [Рудницкая, Хван 2013, 128].

Обычно звуки, создаваемые животными – рев, блеяние, кукареканье и т.д. – специализированы и легко узнаваемы. Соответственно, глаголы, выражающие эти звуки, обладают семантикой, специфичной для каждого отдельно взятого языка. Тем самым

признается, что животные, птицы и насекомые, как субъекты звукового процесса, являются носителями строго определенных звуков.

В семантику глаголов звучания закладываются также особенности восприятия звуков человеком. Например, звуки, воспроизводимые птицами, приятны для человеческого слуха, слушая их, человек сравнивает чириканье и щебетание птиц с говорением или пением. С этим связано расширение семантики глагола со значением «петь» в сторону многозначности не только в хантыйском, но и в других языках.

Среди глаголов звучания много глаголов со звукоподражательной основой, и чаще всего они передают произвольное звучание типа «журчать», «булькать», «шуршать», «жужжать», «грохотать». Речь идет о метафорическом переносе значения, причем перенос может осуществляться не только по принципу «как у человека > так же у животных», но и наоборот: *кейты* (о птице; перен. – о человеке) «токовать; напыщенно бормотать», *лййты* (о птице; перен. – о человеке) «щебетать, чирикать, лепетать (о ребенке)»: *ай пухлэңкем мулты ци лййл* «мой маленький сынишка что-то лепечет» и т.д. Такого рода переносы основываются, конечно, на похожести издаваемых звуков.

В самостоятельную группу входят глаголы, выражающие звучание в результате какого-либо действия:

1) *звуки, создаваемые при действиях живых существ*: *ёш пйт сенгкты сый* «хлопать; аплодировать», *сенгкты* «колотить; стучать», *ёш пйтыйн сенгкты* «шлепать», *шйхты* «свистеть», *лухцематы* «плескаться; купаться; мыться (производя плеск)», *нйхты* «долбить»: *хоңхра юх нйхл* «дятел дерево долбит» и т.п.

2) *звуки, возникающие при трении (перемещении, соединении, разъединении) предметов, вещей*: *мурыты* «хрустеть», *похнематы* «взорваться», *савлематы* «звенеть; звякать», *сенгкашты* «колотиться»: *ова сенгкашты* «колотиться в двери», *шихрематы* «скрипеть» и т.п.

В данной статье мы рассмотрели основные характеристики смыслового выражения субъекта-производителя звуков при глаголах звучания в хантыйском языке. В качестве субъекта звукового процесса могут выступать человек, животные и птицы, которые могут производить звуки при помощи голоса, различных частей тела; артефакты, явления природы, создающие звуки какими-либо действиями, трением. Иногда субъект звукового процесса может отождествляться с источником воспроизведения звука. Другими словами, в данном процессе важную роль играет скрытый участник ситуации – наблюдатель, воспринимающий звуки: ему и принадлежат знания о качестве, характере и предназначении звуков.

Важно и то, что в хантыйском языке различаются первичное и вторичное использование глаголов звучания. В первом случае используются слова, полностью соответствующие окружающей действительности. Во втором случае преобладают переносные значения: передаются звуки человеческой деятельности, но по аналогии со звуками неживой природы или звуками, издаваемыми животными: звуки насекомых > гул моторов; рев зверей > ругань, ссора (среди людей) и т.д. На синтагматическом уровне репрезентация данной схемы варьируется в зависимости от сочетательных возможностей конкретного глагола.

Литература

1. Беликова А. Е. Два подхода к изучению лексики на примере глаголов звучания в финском языке // Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars II. Summaria acroasium in sectionibus: Linguistica. – Joshkar-Ola, 2005. – С. 23-24.

2. Рудницкая Е. Л., Хван С.-Г. Глаголы звуков животных в корейском: прямые и метафорические значения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2013. – № 1. – С. 127-133.

3. Русско-хантыйский тематический словарь (казымский диалект): Пособие для учащихся старших классов и колледжей / С. П. Кононова. – СПб.: Просвещение, 2002. – 216 с.

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТНОМ ЧЛЕНЕНИИ НОГАЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена одной из актуальных проблем малочисленного ногайского языка – его диалектному членению. Согласно утвердившемуся в тюркологической науке мнению, в ногайском языке выделяются два диалекта акногайский и караногайский. Однако, по нашему мнению, фактический материал современного ногайского языка позволяет выделить ещё два диалекта: собственно-ногайский и астраханский. Проведенный нами анализ дает основание полагать, что все четыре диалекта легли в основу языка, что подтверждается диалектными особенностями всех территориальных групп.

Ключевые слова: диалект, диалектное членение, исчезающий язык, сохранение и развитие языка, глобализация.

ON THE QUESTION OF THE DIALECTAL DIVISION OF THE NOGHAI LANGUAGE. The article is devoted to one of topical problems of the endangered Nogai language viz. dialect division. According to scientific opinions in Turkology there are two dialects – Akmolinsky and Karagayskiy in the Nogai language. However, in our opinion, the actual data of the modern Nogai language allow to distinguish two dialects – Nogai proper and the Astrakhan one. Our analysis suggests that all four dialects became the basis of our language, which is confirmed by dialectal features of all regional groups.

Keywords: dialect, dialectal division, endangered language, preservation and development of language, globalization.

В настоящее время ногайцы дисперсно расселены в нескольких административно-территориальных регионах России, а именно: в Карачаево-Черкесии, Дагестане, Чечне, Ставропольском крае, Астраханской области, ногайцы живут в Турции, Румынии и в других странах. По последней переписи 2002 г., в России проживает 103 тыс. ногайцев.

Созданный в XX веке собственно ногайский литературный язык базируется на двух диалектах: акногайском и караногайском, хотя в создании его участвовали представители ногайцев Астраханской области и Ставропольского края.

Диалекты ногайского языка в основном стали изучаться в послеоктябрьскую эпоху, хотя еще автор XVIII столетия Георги отмечал, что «ногайцы говорят татарским, или туркоманским языком, но различными между собой наречиями, в кои примешиваются многие слова арабские, мунгальские и прочие, многие сего народа орды друг друга не понимают» [2].

Интересные сведения о диалектных особенностях ногайцев Северного Кавказа приводит в своей рукописи «Этимологический очерк кавказского диалекта тюркского языка» И. Р. Адамов [1].

Однако подлинно научное, систематическое и целенаправленное изучение диалектов ногайского языка начинается с 30-х годов XX века. Для ногайского языкознания непреходящее значение имеет монография крупнейшего советского тюрколога, профессора Н. А. Баскакова «Ногайский язык и его диалекты», где выделяются три территориальных диалекта: акногайский, караногайский и собственно ногайский [4; 5].

В последующие годы диалектами ногайского языка плодотворно занималась С. А. Калмыкова. Ею были организованы диалектологические экспедиции в ногайские аулы Карачаево-Черкесии и Дагестана [4; 7; 8; 9]. В отношении количественного состава диалектов ногайского языка среди исследователей нет единого мнения. Если Н. А. Баскаков рассматривает три диалекта, то С. А. Калмыкова и М. К. Милых [14] выделяют наличие двух диалектов. Есть разногласия и в терминологии названий диалектов.

В последнее время ногайскими диалектами занимались Е. С. Айбазова, а также Л. Ш. Арсланов, который обстоятельно исследовал формирование и развитие островных языков и диалектов тюркской языковой семьи. До последнего времени особняком к современному ногайскому языку стоял язык карагашей, т. е. астраханских ногайцев. Профессор Л. Ш. Арсланов, показав близость языка карагашей в фонетическом,

грамматическом, лексическом, даже в этнических отношениях, ногайскому языку, тем не менее посчитал язык астраханских ногайцев языком особой этнической группы. В данное время он склонен считать язык карагашей одним из диалектов ногайского языка [3]. Таким образом, на наш взгляд, в современном ногайском языке можно выделить четыре диалекта: акногайский, караногайский, собственно ногайский и диалект астраханских ногайцев – карагашей.

В историческом плане, основываясь на материалах академика В. В. Радлова, мы бы выделили в ногайском языке ещё крымско-ногайский диалект [11].

Особенности диалекта кубанских ногайцев

Основными особенностями диалекта кубанских ногайцев являются:

1. Употребление звука *ж* в начальной позиции слова вместо *й* в караногайском диалекте, например: *жип* "нити", *жел* "ветер", *жуър* "пойдем" [2].

2. Замена глухого *т* звонким *д* в начальной позиции ряда слов: *денъиз* "море", *долкун* "волна", *давус* "голос", *дымалак* "круглый" и т.д.

3. Деллабиализация полуузкого губного гласного переднего ряда *уь* в позиции перед *й*: *ийгоъ* "домой", *бийтип* "вот так", *ийкоьн* "большой" и т. д.

4. Употребление губно-зубного *в* в интервокальной позиции вместо *б* в *в* других диалектах: *живек* "шелк", *авай* "мама", *савын* "мыло", *шиверек* "тряпка" и т.д.

5. Ассимиляция в сочетании *нл*, где *нл* > *нн* вместо *нл* > *лл* в караногайском диалекте: *саннар* "число", *куьннер* "дни", *шывыннар* "мухи" и т.д.

6. Отсутствие носового варианта падежных аффиксов: *кызымыздан* "от нашей дочери", *тондунъ женъи* "рукав шубы" и т.д.

7. Преимущественное употребление аффиксов понудительного залога глагола -*гыст*//-*гист*, -*кыст*//-*кист* вместо -*гыз*//-*гиз*, -*кыз*//-*киз* в других диалектах: *баргыст* "заставить пойти", *коьргист* "заставить показать" и т.д.

8. Употребление аффикса -*аяк*//-*еек* в первом лице множественного числа повелительного наклонения вместо -*айык*//-*ейик*, *биз бараяк* "мы пойдем", *келеек* "мы придем" вместо *барайык*, *келейик* в других диалектах и т.д.

9. Употребление аффиксов -*аягыяныз*//-*еегинъиз* побудительного наклонения вместо аффиксов повелительного наклонения глагола -*ынъыз* //-*инъиз*: *бараягыныз*, "пойдемте-ка мы", *келеегинъиз*, "придемте-ка мы" и т.д.

10. Употребление аффикса -*айын* //-*ейин* в первом лице единственного числа желательного наклонения глагола вместо -*айым*//-*ейим*: *барайын* "пойду-ка я", *кетейин* "уйду-ка я".

11. Преимущественное употребление вопросительной частицы -*ым* //-*им* вместо -*ма* //-*ме*: в других диалектах: *барым?* "есть ли?" вместо *барма?* и т.д.

12. Преимущественное употребление частицы -*аиш*//-*еш* – вместо -*шы*//-*ши* "же" в других диалектах: *бараиш* "иди же", *келеш* "приди же".

Лексические заимствования наблюдаются из русского, кабардино-черкесского, абазинского и карачаево-балкарского языков [7; 9; 10; 12].

Особенности караногайского диалекта

1. Преимущественное употребление звука *й* в начальной позиции слова: *йол* "дорога", *йыйын* "собрание", *йыма* "неделя" и т.д.

2. Преимущественное наличие звонкого *б* вместо *п* в начальной позиции слова: *бышак* "нож", *быслак* "сыр" и т.д.

3. Регрессивная ассимиляция в сочетании *нл* (*нл*>*лл*): *саллар* "числа", *бораллар* "бураны", *шыбыллар* "мухи" и т.д.

4. Явление диссимилиации в сочетаниях типа *тп*, *пп*, *кп* (*тм*, *пм*, *км*) *айтмады* "он не сказал", *тапмады* "не нашел", *сокма* "не бей" и т.д.

5. Употребление местоимений: *бул* "этот", *шу* "тот, этот самый", *шушы* "этот".

6. Преимущественное употребление аффиксов *-гыз// -гиз, -кыз// -киз* в понудительных залогах глагола: *баргыз "заставь пойти", тургыз "заставь встать"* и т.п., как в собственно-ногайском и астраханском диалектах.

7. Преимущественное употребление аффикса *-дыр// -дир*: *бардыр "есть, наверно", келгендир "пришел, наверно", Карагастандыр "вероятно, он из аула Карагас"* и т.п., как в собственно-ногайском и астраханском диалектах.

8. Употребление аффиксов желательного наклонения *-гай // -гей, -кай// -кей*: *баргайман "я желал бы пойти", келгейсинь "ты желал бы прийти"*.

9. Употребление частиц *-сана // -сене, -шы // -ши*: *айтсана "скажи же", баршы "иди же", келиши "приди же"*, вместо *-санъа// -сенъе* в собственно-ногайском диалекте.

В лексике караногайского диалекта наблюдается преимущественное употребление арабизмов и фарсизмов: *анъсатлык "возможность", аян "открыто", тананыс "перемена"* и т.п.

К собственно диалектизмам караногайского диалекта относятся;

а) названия некоторых животных и растений: *аманбике "крот", каткат "варан", елмаян "быстроходный верблюд", андыз "девясил"*;

б) названия домашней утвари, предметов хозяйства: *ашпак "навес", кюбе "место, где держат скот", машиа "щипцы для печки", ялгармар "часть луки, находящейся возле гривы", каптоок "курятник"* и др.;

в) глаголы: *авьмелев "валять тесто", арпаласув "схватиться в драке", тусмаллав "действовать по догадке"* и др.;

г) слова, характеризующие качества человека и животных: *агыржан "вор, разбойник", авьмедик "нерешительный", анъгуьдик "глупый, ничего не знающий", кагылез "шустрый, быстрый"* и др. [8; 9; 10; 12].

Особенности собственно ногайского диалекта

Собственно ногайский диалект характеризуется следующими особенностями:

1. Преимущественное употребление начального *б* вместо *п*: *бышак "нож", баъпий// паъпий "утка"* и т.д.

2. Употребление вместо звонкого *з* глухого *с* на конце слов: *барамыс "мы идем", келинъис "приходите", атамыс "наш отец"* и др.

3. Параллельное употребление в начале слова *д-т*: *давыс "голос", дирек/тирек "опора", тоьгерек/ доьгерек "круг"* и др.

4. Употребляется форма притяжательного местоимения первого лица множественного числа: *бизим "наш"* [4; 5].

5. Регрессивная ассимиляция в сочетании *нл (нл>лл)* у едишкульцев, прогрессивная ассимиляция *нл>нн* у едисанцев и ембойлуков.

В области лексики наличествуют слова, отсутствующие в других диалектах:

а) термины родства: *бийим "свекровь", якай "отец, дядя", наъшие "бабушка по материнской линии"*;

б) названия животных, растений: *суараб "жираф", бызбыжак "ящерица", амансокыр "крот", сулыбас "овсюг", ажырык "мох, свиной", оьгиземис "слива"* и др.;

в) названия предметов домашнего хозяйства: *зурып "ящик на дне колодца", негиз "забор", куны "лейка", аткы "насед"* и др.;

г) заимствования из языка камыш-бурунских татар: *паъраьмаьш "пирог", матор "красивый", малай "мальчик", сандугаиш "соловей"* и др. [13].

Особенности диалекта астраханских ногайцев

Язык карагашей (астраханских ногайцев) отличается следующими особенностями:

1. Широкое употребление гласного *аь*: *аьк "кадык", аьн етсин "пропади ты пропадом"* и т.п.

2. Преимущественное употребление в начальной позиции согласного *ж*: *жаз "лето", жылан "змея"* и др.

3. Параллельное употребление аффрикат *дж* и *тч* вместо шумного, щелевого, среднеязычного *й* в начальной позиции: *джыр* "песня", *джетин* "пакля", *тчел* "ветер", *тчас* "молодой" и т.п.

4. Для языка карагашей характерно явление чоканья: *чомортка* "яйцо", *чыйналув* "собираться" и т.п.

5. Употребление аффиксов *-уш* // *-уыш*, *-ук* // *-уьк* в собственных именах: *Абдуш* – *Абдулла*, *Бэридуш* – *Фарида*, *Саьнуьк* – *Сания*, *Баймуш* – *Баймурат* и др.

6. В именах прилагательных сравнительной степени отсутствуют аффиксы *-рак* // *-рек*.

7. В понудительном залоге глагола преимущественно употребляются аффиксы *-гыз* // *-гиз*, *-кыз* // *-киз*, чем *-кыр* // *-кир*, *-гыр* // *-гыр*: *киргиз* "заставь войти", *жуьргиз* "заставь ходить" и т.п.

8. Наличие послелогов: *дейим* "до", *деким* "до", *шекен* "до", *катарында* "рядом, возле, около", союза *лякин* "но".

Карагашская лексика имеет признаки, характерные для языков кыпчакско-ногайской подгруппы кыпчакских языков. В ней также представлены слова, общие с акногайским диалектом, но отсутствующие в караногайском диалекте, и наоборот. Самой яркой особенностью лексики карагашей, отмечает Л. Ш. Арсланов, является употребление слов, отсутствующих в ногайском языке и его диалектах: *акбалык* "белорыбица", *койбалык* "жерех", *кырышын* "чешуя", *тартым* "тонь", *ашар* "ключ", *айыр* "вилы", *ботакай* "судак", *баьлин* "несколько", *мыйгыл* "бестолковый" и т.д.

Кроме того, в языке астраханских ногайцев встречаются немало заимствований из казахского, калмыцкого, татарского и русского языков [3].

Таким образом, вопрос диалектного членения современного ногайского языка остается ещё не решенным и открытым. Его решение тем более актуально, что ногайский язык попал в Красную книгу ЮНЕСКО как один из исчезающих языков.

Отсутствие единого центра исследования ногайского языка, издания литературы и учебников для ногайских школ, острая нехватка научных кадров, сужение функциональных возможностей, мощное влияние русского языка – языка межнационального общения, нигилистическое отношение самих носителей к родному языку, миграция ногайского населения с мест компактного проживания – все это создает определенные трудности для развития и сохранения этого уникального создания общечеловеческой культуры в эпоху глобализации.

Литература

1. Адамов И. Р. Этимологический очерк кавказского диалекта тюркского языка. Казань, 1851 (рукоп.-59 л) // Науч. б-ка Казан. ун-та им. В.И. Ульянова-Ленина № 6023.

2. Алексеева Е. П. Очерки по экономике и культуре народов Черкесии в 16-17 вв. – Черкесск, 1957. – С. 110.

3. Арсланов Л. Ш. Формирование и развитие островных языков и диалектов (на материале тюркских языков и диалектов Волгоградской, Астраханской областей, Ставропольского края и Калмыцкой АССР): Дисс. ... д-ра филол. наук. – Казань, 1981. – 335 с.

4. Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. – М.- Л., 1940.

5. Баскаков Н. А. Ногайский язык // Языки народов СССР. Тюркские языки. – Т. 2. – М.: Наука, 1966. – С. 280-300.

6. Грамматика ногайского языка. Фонетика и морфология. – Черкесск, 1973.

7. Калмыкова С. А. Фонетические особенности акногайского диалекта ногайского языка // Труды КЧНИИ. – Черкесск, 1959. – С. 44-104.

8. Калмыкова С. А. Особенности караногайского диалекта ногайского языка // Труды КЧНИИ. – Черкесск, 1968. – Вып. 5. – С. 158-193.

9. Калмыкова С. А., Булгарова М. А. Диалекты ногайского языка // Диалекты тюркских языков: Очерки / Ин-т языкознания РАН. – М.: Вост. лит., 2010. – С. 262-282.

10. Калмыкова С. А. О развитии ногайского литературного языка в советскую эпоху. – Черкесск, 1968. – Вып.5. – С. 287-345.

11. Каракаев Ю. И. Особенности крымско-ногайского диалекта (на материале В. В. Радлова) // Проблемы исторической лексики карачаево-балкарского и ногайского языков. – Черкесск, 1993. – С. 150-165.
12. Каракаев Ю. И. Современный ногайский язык. (Краткий очерк истории и грамматики): Учебное пособие – Карачаевск: Изд-во КЧГПУ, 2001. – 63 с.
13. Каракаев Ю. И. К вопросу о собственно-ногайском диалекте ногайского языка // Актуальные проблемы современного образования в условиях двуязычия: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. / Под ред. Р. П. Бибиловой. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2013 – С. 54-56.
14. Милых М. К. Очерки по ногайскому синтаксису // Ученые записки Ростовского пединститута. – Таганрог, 1947. – Т. 5. Вып. 5.

УДК 811.511.151, 81'37

Е. В. Кашкин, г. Москва

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ЗАКРЫВАНИЯ В ВОСТОЧНЫХ ГОВОРАХ ГОРНОМАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Исследование поддержано грантом РФФИ № 17-04-18036е.

В работе рассматривается семантика глаголов закрывания в восточных говорах горномарийского языка. Обсуждаются основные семантические оппозиции.

Ключевые слова: уральские языки, горномарийский язык, лексическая типология, глаголы закрывания.

THE SEMANTICS OF CLOSURE VERBS IN THE EASTERN LOCAL SUBDIALECTS OF HILL MARI. *This article deals with the semantics of Hill Mari verbs which describe the events of closing. The author discusses the basic semantic oppositions in this domain. The research lies within a broader typological project.*

Keywords: Uralic languages, Hill Mari, lexical typology, closure verbs.

Работа посвящена семантике глаголов закрывания в восточных говорах горномарийского языка (с. Кузнецово, д. Апшак-Пеляк, д. Кукшилиды, д. Паулкино, д. Тюманово). Материал собран в ходе полевой работы в 2016-2017 гг. Исследование вписано в типологический проект, рассматривающий также данные русского, польского, английского, шведского, коми и хантыйского языков (о первых результатах см. [Кашкин и др. (в печати)], языковую выборку в дальнейшем планируется расширить). Тем самым, горномарийские диалектные данные рассматриваются не изолированно, а в сопоставлении с имеющимися сведениями о межъязыковом варьировании исследуемого поля.

Под глаголами закрывания понимаются глаголы, описывающие прекращение доступа к статичному объекту путем создания преграды (ср. рус. *заккрыть, запереть, заслонить, накрыть*). В типологическом проекте также рассматривается антонимичная зона глаголов открывания (ср. рус. *открыть, отпереть*), в настоящей статье не обсуждаемая. Теоретической базой служит фреймовый подход к лексической типологии, в рамках которого семантика лексем сопоставляется на основе их сочетаемостного анализа, выделяющего основные классы ситуаций (фреймов), см. [Рахилина, Резникова 2013].

1. Глаголы *čüčäš* и *pitäräš*: «плотность» закрывания

Ключевое противопоставление в зоне закрывания связано с глаголами *čüčäš* и *pitäräš*, которые мы и рассмотрим на примере нескольких фреймов. Центральным фреймом является закрывание **створок, ограничивающих пространство в строении** (например, двери, ворот, окна). В таких контекстах возможны глаголы *čüčäš* и *pitäräš*, а также глагол *sâralaš*. Последний словообразователно связан с существительным *sâravač* ‘замок’ и означает ‘заккрыть на замок’: *amasam sâralâ* ‘закрой дверь на замок’. Между глаголами *čüčäš* и *pitäräš* носители языка часто не проводят различий, допуская в упомянутом классе контекстов употребление их обоих. Оба глагола совместимы как с инструментальным участником, так и с его отсутствием, и, тем самым, не противопоставлены однозначно в

терминах аргументной структуры, ср.: *ädär sâravač dono amasam čüčä / pitäräš* ‘девочка на замок закрыла дверь’; *püergä piš s’ilan amasam pitären šänden / čüčän šänden* ‘мужик с силой захлопнул дверь’. В то же время, за этими лексемами стоят разные прототипические сценарии. Глагол *pitäräš* предполагает более плотное закрытие, часто связанное с устранением возможности доступа в закрываемое пространство: *män’ kapkam pitäräšäm, äräkä jüšävlä pâren änžäštä kerdep* ‘я ворота закрыла (подперев палкой), чтобы пьяные не могли зайти’. Глагол *čüčäš* является доминантной лексемой поля, но без эксплицитного указания Инструмента приобретает дефолтную семантику менее плотного закрытия с возможностью свободной отмены результата. Так, в следующем примере речь идет о закрытии ворот на щеколду, которую легко открыть снаружи, или вовсе без запирающего устройства: *kapkam čüčäm gän’, äräkä jüšä pâren kerdeš* ‘если ворота просто прикрыла, пьяный может зайти’. Заметим также, что по отношению к шторам и занавескам, которые типично закрываются менее плотно, предпочтителен именно глагол *čüčäš*: *uže päckemäš, čüč / ?pitärä štoräm* ‘уже темно, закрой шторы’.

Рассматриваемые глаголы развивают метонимические сдвиги, объектом при этом становится название закрываемого пространства (*män’ lapkaškä kešäm, tomaem sâraläšäm / pitäräšäm / čüčäm* ‘я пошла в магазин, дом закрыла’) либо находящегося в нем участника. В последнем случае объектом может быть одушевленное существительное, тогда как при неодушевленных объектах используются не глаголы закрывания, а глагол *kodaš* ‘оставить’, ср.: *män’ tan’am pörteš pitäräšäm / čüčäm* ‘я закрыл Таню в доме’ vs. *män’ mešäkäm komnateš kodenäm / *pitärenäm / *čüčänäm* ‘я оставил мешок в комнате’.

К объектам с **закрываемой функциональной средней частью** (например, к книге или газете) применяется глагол *čüčäš* и, как правило, не применяется глагол *pitäräš*: *ärvezä kn’igäm čüčä / ??pitäräš, amalaš vazâ* ‘мальчик закрыл книгу, лег спать’. Это коррелирует с обозначенными выше прототипами употребления данных лексем: в контексте книги результат закрывания может быть легко отменен, что, по-видимому, плохо совместимо с семантикой глагола *pitäräš*. Заметим, что здесь употребление горномарийских лексем, по-видимому, расходится с их лугово-марийскими когнатами, ср. пример *книгам петыраиш* ‘закрыть книгу’ в [Словарь марийского языка].

К закрыванию **механизмов** применяются оба базовых глагола: *kranäm pitärä / čüč, a to väd takeš joga* ‘закрой кран, а то вода просто так течет’. В то же время, семантика прекращения функционирования (тоже связанного с большей степенью устранения доступа) выражается в первую очередь глаголом *pitäräš*: *sant’exn’ikvlä rovojataš tolânät dä kranäm pitärenät / ?čüčänät* ‘сантехники пришли работать и кран перекрыли’.

Закрывание **контейнеров** (например, кастрюли, сумки) описывается дефолтно глаголом *čüčäš*: *čüč / ?pitärä sumkaedäm, a to iktäma läktän vazeš* ‘закрой сумку, а то что-нибудь выпадет’; *män’ kostr’ul’äm leväš dono čüčänäm / ?pitärenäm* ‘я накрыл кастрюлю крышкой’. В то же время, при более плотном закрытии, предполагающем бо́льшую сложность отмены результата, может использоваться (а иногда и оказывается предпочтительным) глагол *pitäräš*: *papam čüčän / pitären sündükäm* ‘бабушка закрыла сундук’; *mä teleš oxârecvläm bankeš pitärenä / ?čüčänä* ‘Мы на зиму огурцы в банки закрываем’.

Особым образом в горномарийском языке категоризуется **закрывание глаз** (без дополнительного инструментального участника). Помимо глаголов с широкой семантикой, для него используется специальный глагол *kâmaš*: *ädäräš vazâ dä sänzävläžäm kâmäš* ‘девочка легла и закрыла глаза’. Насколько можно судить по данным [Moisio, Saarinen 2008, 291], такая специализация сочетаемости устойчива и для соответствий глагола *kâmaš* в других марийских идиомах. При добавлении в ситуацию Инструмента глагол *kâmaš* невозможен: **kitsä dono sänzävläžäm kâmen* ‘закрыл глаза рукой’.

Помимо глагола *kâmaš*, закрывание глаз может быть описано более общим глаголом *čüčäš*, при этом глагол *pitäräš* дефолтно менее предпочтителен в этом контексте: *ädäräš čüčän / ?pitären sänzäm dä amalen ken* ‘девочка закрыла глаза и уснула’. Однако при маркированной плотности закрытия либо при невозможности отмены результата

используется, как и можно было ожидать, уже глагол *pitäräš: jargata tâl gâc măn' sänzâm cat pitärenâm / ??čüčnâm* 'от яркого света я сильно зажмурил глаза'; *kolâšš edemlân sänzâm pitäräš / *čüčäš keleš* 'умершему человеку нужно закрыть глаза'.

Наконец, затыкание отверстий (тоже связанное с большой плотностью контакта между преградой и объектом) описывается глаголом *pitäräš: âražâm vatka dono pitäräšâm / *čüčâm* 'дырку ваткой закрыла'; *püergä stenäštäš šeläkâm pitären / *čüčân* 'мужчина заделал щель в стене'. В «обратном» контексте, когда отверстие является частью преграды, тоже используется глагол *pitäräš: ručkaedâm kolpačok dono pitärä / *čüč* 'закрой ручку колпачком'.

2. Глаголы *äräš, müdäš* и *levedäš*: внешняя преграда и заслонение от внешнего воздействия

Достаточно сложными типологически оказываются контексты **заслонения от внешнего воздействия** ('Туча заслонила солнце'; 'Закрыть лицо руками от летящего мячика' и др.). В горномарийском языке здесь используются глаголы *müdäš* и *äräš*. Часто эти лексемы взаимозаменяемы, ср. *pušängä pörtäm kečä gâc ärä / müdä* 'дерево заслоняет дом от солнца'; *širma don ärät / müdät nälšävlâm magaz'inäštä vârgemâm visämä godâm* 'ширмой заслоняют покупателей во время примерки одежды в магазине'. Вместе с тем они фокусируются на разных типах и параметрах ситуаций. Так, ограждение в ситуации перемещения, как правило, описывается глаголом *äräš: oficer saltakâm pul'a gâc ären / ??müden* 'офицер заслонил солдата от пули'; *gaišn'ikvlä kornâm ären šagalânât / *müden šagalânât* 'гаишники перекрыли дорогу'. Интересно в этой связи и первое значение глагола *äräš*, выделенное в [Саваткова 2008, 23] – 'задерживать, задержать, ловить, поймать, остановить кого-л.' – и связанное именно с идеей ограничения перемещения.

Кроме того, у глагола *äräš* часто развивается семантика защиты объекта от неблагоприятного воздействия (такой сдвиг отмечен в [Кашкин и др. (в печати)] и для некоторых других языков, например, для польского), ср. приведенные выше примеры, а также неадекватность этого глагола в таких контекстах, которые не предполагают потенциального неблагоприятного воздействия на закрываемый объект: *ambrazurâm äške kâpšä dono čüčân / *ären* 'амбразуру закрыл своим телом'. В то же время *äräš*, как и его типологические аналоги, не развивает семантику защиты в абстрактных контекстах – в них используется только глагол *peregäš* 'защищать': *püergä rod'inâm peregäšäšlâk / *äräšäšlâk* 'мужчина должен Родину защищать'.

Глагол *müdäš* выражает семантику полного закрытия объекта: *rokolmam pištäš dä rok dono müden šändäš / *ären šändäš* 'картошку положить (для посадки) и прикрыть землей'; *päl müden / ??ären kečäm* 'туча закрыла солнце'. В следующем примере – *kükšä zabor pörtäm ärä* 'высокий забор огораживает дом' – замена глагола *äräš* на глагол *müdäš* возможна не для всех случаев. Те информанты, которые допускают подобную замену, комментируют субъект как «такой высокий забор, что даже дома не видно». Если же контекст не предполагает полного прекращения визуального доступа к объекту, то глагол *müdäš* не используется, ср.: *rokolma nâräm pičä ärä / *müdä* 'ограда огораживает картофельное поле'.

В зоне **контактного покрытия поверхности внешней преградой** ('накрыть ребенка одеялом', 'накрыть пироги полотенцем') конкурируют глаголы *levedäš* и *müdäš*. Выбор между ними определяется параметром полноты покрытия. Глагол *müdäš* предполагает полное покрытие поверхности преградой, тогда как глагол *levedäš* дефолтно интерпретируется как относящийся к неполному покрытию. Так, в следующем примере глагол *müdäš* оценивается носителями как семантически неадекватный, поскольку предполагает такую степень закрытия, при которой ребенок бы задохнулся: *ävä t'et'äžäm od'ejal don levedän / *müdän* 'мама накрыла ребенка одеялом'. С другой стороны, при акценте на полное покрытие менее приемлемым оказывается уже глагол *levedäš: ädärämäšän üpšä savâc lävec kajšašlâk agâl, savâcšä üpäm müdäšäšlâk / ?levedäšäšlâk* 'волосы женщины из-под платка не должны быть видны, платок должен закрывать волосы'. Кроме

того, именно глагол *müdəš* в первую очередь описывает полное покрытие отверстия сверху: *sedärüştäšä äražâm alamner dono müdəšäm / 'levedäm* 'дырку в полу покрыла ковровой дорожкой'.

Заметим также, что в горномарийском языке нет засвидетельствованного в некоторых других языках противопоставления по гибкости преграды, ср. употребление далее того же глагола *levedäš*, что и по отношению к одеялу: *män' cävä pajâm ätâ dono levedäm* 'я курицу (куриное мясо) накрыла блюдцем'.

3. Некоторые смежные контексты

Важными при рассмотрении поля закрывания оказываются контексты **изменения формы** складных объектов, поскольку типологически между лексемами двух этих семантических зон может возникать конкуренция, ср. синонимию словосочетаний *закрыть зонтик* и *сложить зонтик* в русском языке или использование одного и того же глагола *lär ponti* (преверб с семантикой закрытия + 'класть') в шурышкарском диалекте хантыйского языка, с одной стороны, по отношению к складным объектам (например, к перочинному ножу), с другой стороны, по отношению к закрыванию книги (последнее регулярно описывается, по имеющимся типологическим данным, так же, как, например, закрывание двери).

В горномарийском языке зоны закрывания и изменения формы оказываются разведены. Глаголы закрывания в большинстве идиолектов не применяются к складным объектам, которые, в свою очередь, требуют синонимичных глаголов *pogaš* и *postaraš*, означающих 'собирать' (например, ягоды, картошку): *jur juraš cärnen, i ädäräš zont'ikäm pogen* 'дождь закончился, и девочка закрыла зонтик'; *pökenäm postaren šänden, pišten mašinäškä* 'стул сложил, положил в машину'. В каких-либо из рассматриваемых в статье контекстов закрывания глаголы *pogaš* и *postaraš* невозможны, ср. в т. ч. пример о книге: *ädäräš kn'igäžäm čüčän / *pogen / *postaren* 'девочка закрыла книгу'.

В работе были проанализированы горномарийские (на материале восточных говоров) глаголы с семантикой закрывания: *čüčäš, pitäräš, šäralaš, kâmaš, müdəš, äräš, levedäš*.

Глагол *čüčäš* обладает наиболее широкой сочетаемостью и описывает закрытие преграды в строении (например, двери), объектов типа книги с функциональной средней частью, контейнеров, механизмов, глаз. Глагол *pitäräš* применяется к плотному закрытию, часто ограничивающему свободный доступ к объекту. Он используется в контекстах преграды в строении, создаваемой с помощью запирающего устройства, а также в контекстах закрывания механизмов и затыкания отверстий. Глагол *šäralaš* описывает закрывание преграды в строении с использованием запирающего устройства. Глагол *kâmaš* обозначает закрывание глаз. Глагол *müdəš* описывает полное заслонение объекта от зрительного восприятия, а также полное контактное покрытие поверхности преградой. Глагол *äräš* описывает заслонение объекта от зрительного восприятия и перемещения. Глагол *levedäš* используется в ситуациях контактного покрытия поверхности гибкой либо негибкой преградой (необязательно полного).

Типологически горномарийская система интересна в первую очередь противопоставлением по «плотности» закрывания между глаголами *čüčäš* и *pitäräš*, проявляемым в их сочетаниях с разными типами объектов. Любопытен и параметр полноты закрытия от внешнего доступа, релевантный для глаголов *müdəš* и *äräš*, а также сопутствующие предпочтения глаголов по типу доступа. Примечательна (но, по-видимому, не уникальна типологически) и особая категоризация закрывания глаз.

Литература

1. Кашкин Е. В., Жорник Д. О., Сидорова М. А. Типологические открытия в поле закрывания (опыт исследования семантики глаголов со значениями 'открыть' и 'закрыть') // Acta Linguistica Petropolitana, в печати.
2. Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. – № 2. – 2013. – С. 3–31.

3. Саваткова А. А. Словарь горномарийского языка. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2008. – 404 с.
4. Словарь марийского языка в 10 т. Гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ – 1990-2005. Электронная версия: www.marlamuter.org/muter/
5. Moisio A., Saarinen S. Tscheremissisches Wörterbuch / aufgezichnet von V. Porkka, A. Genetz, Y. Wichmann, M. Räsänen, T. Uotila, E. Itkonen. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2008. – xx + 924 S.

УДК 81'282

Е. В. Колосько, г. Санкт-Петербург

УСТАРЕВШАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Сводная диалектная и региональная лексикография; теория и практика», проект № 13-04-00148.

В статье рассматривается пример метафорической модели, получившей широкое распространение в русском языке. Это повлияло на развитие словообразовательной базы и семантической деривации данного метафорического переноса в русских народных говорах. Автор анализирует причины возникновения метафорического переноса наименования незаконнорожденного ребенка на слово, отрицательно оценивающее человека, и причины устаревания, а затем и полного исчезновения из повседневного обихода метафорической лексики, образованной по данной модели.

Ключевые слова: метафорическая модель, социальная оценка, диалектная лексика, семантическая мотивация, словообразовательная деривация.

OUTDATED METAPHORICAL MODEL IN THE RUSSIAN NATIONAL SUBDIALECTS. *The article describes an example of a metaphorical model that became widespread in the Russian language. It has influenced the development of the derivational bases and the semantic derivation of this metaphorical transfer in the Russian national subdialects. The author analyzes the reasons of occurrence of metaphoric transfer of the name of an illegitimate child on the word that negatively evaluates a person, and discusses the causes of obsolescence and then the complete disappearance of the everyday use of the metaphorical vocabulary formed after this model.*

Keywords: metaphorical model, social evaluation, dialect vocabulary, semantic motivation, word-formation derivation.

Изучение метафорических моделей ЧЕЛОВЕК → ЧЕЛОВЕК и ПРЕДМЕТ → ЧЕЛОВЕК в отличие от моделей ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК необходимо рассматривать в диахронии с одновременным изучением культуры народа, изменений в его общественном устройстве. Х. Касарес в середине прошлого века писал: «Очень любопытно могло бы быть исследование того, какие духовные тенденции и социальные условия влияют на создание системы образов» [Касарес 1958, 124]. Художественная метафора основана на общенародной языковой метафоре, корни которой уходят в среду народной устной речи. Языковая метафора, характеризующая человека, как правило, отражает коллективные представления данного общества о стандартах физического и психического развития, о нравственных нормах поведения. Эмоционально-оценочное слово выражает, с одной стороны, индивидуальную оценку поведения говорящего, внешнего вида, интеллектуальных способностей окружающих его людей. С другой стороны, метафора отражает общепринятое мнение, что подтверждается выбором наиболее частотных характеристик тех или иных качеств людей (болезненный, ленивый, глупый, злой). «Социальная оценка, особенностью формирования которой является характер общепринятых договоренностей, влияет не только на маркировку определенных качеств человека, но и на выбор лексических средств» [Колосько 2008, 40].

В русском языке существуют лексико-семантические группы метафор, развитие которых тесно зависит от культурных особенностей и приоритетов общества. Наиболее ярко отражается влияние общепринятых норм общения на образование переносных

значений у наименований лиц, отвергаемых обществом (арестант, пришлый, чужой, бродяга, внебрачный ребенок, нищий).

Лексическая основа метафоры основана на многолетнем употреблении в речи наименований, часть которых получает статус общенародных, а часть остается на периферии языкового поля, сигнализируя о потенциале той или иной метафорической модели. Об этом свидетельствуют многочисленные варианты метафорических выражений и окказиональные словоупотребления, зафиксированные сводным Словарем русских народных говоров [СРНГ]. Диалектная метафора характеризуется устойчивостью лексического состава: в говорах фиксируются многочисленные архаичные словоформы, сохраняются многие мотивирующие метафору значения. В то же время, диалектная лексика в силу разговорного характера отличается широкой образной, лексической, словообразовательной и фонематической вариативностью. Результатом постоянной деривации диалектной лексики является утрата части образных метафор, переход их в разряд эмотивно-оценочной лексики с размытой мотивированностью. Существуют две причины выхода метафорической лексики из разряда живых метафор: утрата прозрачности внутренней формы слова и утрата актуальности метафорического выражения для носителей языка. Именно утрата актуальности обуславливает выход иногда целой лексико-семантической микрогруппы из речевого обихода, появление эмоционально-оценочной лексики, значения которой понятны только благодаря фонетическим ассоциациям и использованию ее в составе устойчивых сочетаний.

Примером развития и устаревания метафорической модели может служить перенос наименования внебрачного ребенка на характеристику и оценку человека. Основой метафорического переосмысления наименований незаконнорожденных детей является отношение людей к этому слою общества. В дореволюционной России отрицательно относились к детям, рожденным вне законного брака. С. К. Жилиева пишет: «Жребий их был хуже сиротского. По тогдашним законам, незаконнорожденным – «засорным» детям, даже если потом их родители были венчаны и других детей у них не было, ничего оставить было нельзя: ни земли, ни дома, ни сословной принадлежности. Потому такие дети не рождались даже – их «вытравливали», или подкидывали, или ... просто выбрасывали. Мать без мужа с «засорным дитем» сама становилась засорной, а дитя – человеком без будущего» [Жилиева 2009, 52]. Интересное рассуждение о природе такого отношения общества к незаконнорожденным детям приводится в статье Селютиной Е. Н.: «В языческий период правовой разницы между детьми, прижитыми в браке или вне его, не существовало, да и сам институт брака был несколько иным, допуская, к примеру, многоженство. Принятие христианства оказало влияние на разграничение прав законных и незаконнорожденных детей, так как последние происходили, по уверению Церкви, от союза преступного и допускаемого только языческой религией. Церковные правила о внебрачных детях проникали в жизнь постепенно, исподволь, вместе с христианской моралью. Соборное уложение – первое узаконение, заложившее строгое различие между законными и незаконными детьми, лишившее их отца, ликвидировавшее народный обычай «привенчивания» таких детей» [Селютина 2015, 61]. Русские диалекты, лексику которых отражают диалектные словари, сложились в XVIII – XIX веках, как раз тогда, когда церковные догмы были сильны. Закономерно, что в одну лексико-семантическую группу диалектных бранных слов входят наименования внебрачных детей, подкидышей и наименования чертей, леших и их детей. По отношению к внебрачным детям дворян также было отрицательное отношение. К середине XIX века сложилось и юридически закрепилось бесправное положение незаконнорожденных детей дворян, к которым причислялись все родившиеся вне законного церковного брака. Им не давался дворянский статус, хотя иногда встречались исключения, но только по особой императорской милости. Народная пословица гласит: «Зайцу да воробышу, а третьему приемышу, нет житья на свете хуже» Черепов. Новг., 1906 [СРНГ, вып. 5, 2002, 104].

В диалектной речи для слов, обозначающих незаконнорожденных детей имеются различные словообразовательные возможности, например, слова *скве́рна, подкрапи́вник, вы́пороток, обмёныш, прива́ла* и др. [Здесь и далее примеры из СРНГ]. Слово *вы́пороток* употреблялось как для обозначения внебрачного ребенка, так и для обозначения недоношенного детеныша животного. Это свидетельствует о том, что слово в этом значении не происходит от глагола *вы́пороть* – ‘наказать’. Широкое распространение в народной речи таких слов, как *богода́нный, мирско́й* позволило использовать личные имена *Мирон, Богдан* для внебрачных и приемных детей. В качестве бранных выражений используются сочетания *зazóрный сын, ма́терин сын, ма́терин выпороток. Ах ты, материн сын!* (Сиб., 1854. Нижегород., Влад.). Метафорическая лексика также представлена в этой группе слов: *падалица* (прямое значение – ‘лес, выросший самосевом’), *семибатечник, сорокбатьевич, чурка*. Слово *чурка* в значении ‘незаконнорожденный ребенок’ было зафиксировано впервые в 1847 году. Последние же фиксации относятся к 50-ым и 60-тым годам XX века. *Чурку принесет в подоле дай, вот тебе и будет. Он чурка быв, в армии теперь* (Сыктывд., Коми АССР). *Шестнадцати годов чурку принесла* (Печор.).

Диалектные лексемы, обозначающие незаконнорожденных детей, обладают негативной коннотацией, поэтому метафорический перенос этих наименований используется для образования новых отрицательно характеризующих человека значений. Наиболее распространенное метафорическое значение ‘шалун, озорник’ (о ребенке). Менее распространенные ‘непослушный’, ‘неуклюжий’, ‘неряха’. Очень плохих, непослушных, беспокойных детей называли *обмен*. Обмен – по народному поверью – ребенок лешего, черта, обмененный на человеческое дитя. Это слово было отмечено диалектологами в Архангельской губернии в 1852 году, а также в Олонецкой, Тверской, Ярославской, Пермской губерниях. В середине XX века на Урале. Первичным метафорическим значением является ‘подкидыш, незаконнорожденный ребенок’ (Арх., 1852). Следом развивается бранное значение, характеризующее мальчика, который плохо себя ведет. *Ах ты, обмен! Как ты смел это сделать?! Устюж. Волог., 1847. Север., Перм., Тобол., Том.* Обращает на себя внимание тот факт, что бранное значение отмечено на пять лет раньше. Вероятно, первичное, связанное с народными мифами, значение появилось значительно раньше, чем первая фиксация лингвистов. Благодаря регулярному использованию в различных русских говорах, это слово предельно широко развивает свой семантический потенциал. Параллельно с метафорой, обозначающей внебрачного ребенка, в следующие десятилетия появляются значения ‘человек, сильно изменившийся после болезни’, ‘бранно об уродливом человеке’, ‘бранно о неловком, неуклюжем человеке’, ‘о неопрятном человеке’, ‘об угрюмом, молчаливом человеке’ и обобщенное бранное значение ‘дурак, идиот, негодяй’. Словообразовательные варианты метафоры *обменённый, обменёныш, обмёныш, обмёнок* имеют первичное значение ‘ребенок лешего, черта, обмененный на человеческое дитя’ *Подвернул ему обменка черт.* (Вят.), метафорическое значение ‘незаконнорожденный ребенок’ и вторичное метафорическое характеризующее значение ‘непослушный ребенок’ *Что расшалился обменок проклятый* (Волог.). Материалы русских народных говоров показывают, как постепенно исчезает из употребления слово *обмен* и первая метафора, остается видоизмененная словоформа и вторичная метафора. Слова *обменя́та* – ‘о детях, которые себя плохо ведут’ и *оме́нок* – ‘бранное слово’ имеют только одно значение.

Широко распространенным словом в южных регионах России было наименование внебрачного ребенка *байстрюк, байстрюк*, заимствованное из польского *bastard* [Фасмер 1987, 132]. На российской языковой почве это слово видоизменилось, «проросли» многочисленные варианты. Диалектная лексика позволяет увидеть процессы фонетической, словообразовательной и семантической деривации этого слова в народной речи. Слова *байстрю́к, байстрю́чка* (Смол.) и его варианты *байстру́к* (Костром.), *бастро́к* (Ворон. Тамб.), отмеченные в начале XX века, в русских диалектах имеют

значение 'внебрачный ребенок'. Слово *байстрю'к* получило семантическое расширение за счет развития переносных значений 'бойкий, шустрый мальчик' (Смол.) и 'Бранно леший, чертенок' (Костром.). Слово *бастру'к*, зафиксированное во второй половине XX века, используется только в переносном значении 'сорванец, шалун' (Брян., 1957). Словообразовательный и одновременно фонематический вариант *бастры'га* также употребляется только в переносном значении 'бойкий человек, шалун'. *Экой ты бастрыга!* (Твер., 1852). Значение слова *бастра'ль* – 'лгун', отмеченное на Урале в 1885 году, возможно, является контаминацией слов *бастрюк* и *враль*. В конце XIX века это вполне могло быть понятным и ярким образным словом.

Вероятно, и слово *стрю'цкий* не вызывало в начале XIX века трудностей в восприятии носителей городского просторечия. Но у современного русского человека оно не ассоциируется со словами *байстрю'к*, *байстрю'цкий*. А.И. Соболевский, заставший это слово еще в живом употреблении, указывал на родство этих слов [Соболевский 1911, 345]. С середины XIX века слово *стрю'цкий* имело развитую семантику, ядром которой являются семы 'незначительный', 'презренный'. Как правило, так называли мелких чиновников, подьячих. *Эй, стрюцкий, не видал посадского?* (поговорка) [Здесь и далее материалы из картотеки «Словаря русских народных говоров»]. Основное метафорическое значение 'человек, чье поведение и внешний вид не соответствует его реальному положению в обществе'. «Стрюцкий» говорится на босняка высшего пошиба с барскими замашками. В деревне – на человека, подделывающегося под городского, носящего слишком узкие брюки» (Петерб., Лихтенштадт, 1911). Вторичный перенос породил значение 'обедневший, опустившийся, всеми презираемый человек' (Твер., 1910). Появились противоречащие друг другу значения 'щеголь, франт', 'нелепо одетый' и 'человек в старой, рваной одежде'. *Эво сосед-то наш вырядился, ходит, как стрюцкий, вечно заплаты да дыры на виду* (Новг., 1895). Вторым центром семантической структуры являются взаимосвязанные семы 'дрянной', 'безнравственный'. «Стрюцкий – босяк, рвань в немецком платье, человек без определенных занятий, задира, вдобавок пьянчужка» (Орл., Тиханов, 1904). «Стрюцкий – есть человек пустой, дрянной и ничтожный. В большинстве случаев, а может быть и всегда – пьяница-пропойца, потерянный человек. Но главные свойства этого пустого и дрянного пьянчужки – это, во-первых, пустоголовость, особого рода вздорность, безмозглость, неосновательность» (Достоевский, Дневник писателя, 1877). Очевидна мотивационная связь со значением 'о непорядочном человеке, аферисте, пройдохе' (Дон., 1929). И завершает этот большой список уже знакомое нам значение 'о шаловливом мальчишке-сорванце' (Ряз., 1876).

Не быстро, но неотвратно безвозвратно слово *стрюцкий* и многие другие эмоционально-оценочные характеристики человека, основанные на образе незаконнорожденного ребенка, ушли из речевого обихода. Изменилось отношение общества к внебрачным детям, и эти наименования не вызывают ныне соответствующих эмоций. Лишь в отдельных диалектах остаются архаичные словоформы, утратившие мотивационные связи, но сохранившие значение 'бойкий непослушный ребенок'.

Литература

1. Жилиева С. К. Становление и развитие органов борьбы с детской беспризорностью и преступностью в дореволюционной России. – Орел: ОрЮИ, 2009.
2. Касарес Х. Введение в современную лексикографию. – М., 1958.
3. Колосько Е. В. Социальная оценка в основе метафорических значений // Лексикология. Лексикография (русско-славянский цикл): Материалы XXXVII международной филологической конференции. – СПбГУ, 2008.
4. Селютина Е. Н. Правовое положение незаконнорожденных в Российской империи во второй половине XIX, начале XX века // Вестник государственного и муниципального управления. – № 1 (16). – 2015.
5. Соболевский А. И. Мелочи // РФВ. – 1911, № 3–4, т. 66.

6. СРНГ – Словарь русских народных говоров. 2-е изд. Вып. 1-49. – М.-СПб.: Наука, 2002-2016.

7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. – М., 1987.

УДК 811.161. 1' 28

Н. А. Красовская, г. Тула

ПРОЯВЛЕНИЕ ЧЕРТ ФОЛЬКЛОРИЗАЦИИ В ТЕКСТАХ-ВОСПОМИНАНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ ТУЛЬСКОГО КРАЯ

В статье рассматриваются тексты-воспоминания жителей Тульской области, записанные в ходе полевых исследований в 70-е годы XX в. – 10-е годы XXI в. Автор пытается найти некоторые подходы к определению фольклорных черт подобных воспоминаний, обращает внимание на особенности репрезентации истории, быта, культуры в указанных речевых материалах.

Ключевые слова: тексты-воспоминания, история, культура, регион, диалектная речь, фольклор.

THE PHENOMENON OF FOLKLORIZATION IN TEXTS OF MEMOIRS OF THE TULA REGION RESIDENTS. *The article considers the texts and memoirs of the residents of the Tula region recorded during field studies in the 70th of the XX century and early XXI century. The author tries to identify some approaches to the definition of folklore traits of such memoirs, paying attention to the peculiarities of representation of the history, life and culture in the speech materials.*

Keywords: text-memoirs, history, culture, region, dialect speech, folklore.

Язык, с одной стороны, является отражением истории, культуры определенного этноса и социума в целом, с другой стороны, сохраняет и концентрирует воспоминания, переживания, эмоции отдельной личности. В рамках данной статьи мы обратимся к рассмотрению самой крупной языковой единицы – тексту. Нас интересуют те тексты, которые порождаются в ходе полевых исследований, в виде ответов на вопросы собирателей. Подобные тексты-воспоминания (оговоримся, что существует множество терминов для обозначения данных единиц: рассказы-воспоминания, мемораты и др.) регулярно становятся предметом рассмотрения лингвистов, литературоведов, социологов, историков. Так, детальную жанровую характеристику текстов-воспоминаний можно найти в работе О. П. Кормазиной, осмысление нарративных текстов в исследованиях И. А. Букринской, О. Е. Кармаковой и др. Я. В. Мызникова останавливается на репрезентации в «рассказах-воспоминаниях» особенностей отражения времени и действительности. В целом ряде теоретико-практических работ В. Е. Гольдина говорится об особенностях «диалектного жанроведения». Т. А. Демешкина разрабатывает основополагающие, базовые принципы классификации диалектных высказываний и т.д. Рассказы-воспоминания о событиях Великой Отечественной войны неоднократно становились предметом исследования В. В. Барановой, О. В. Беловой, В. Н. Бекетовой, М. П. Чередниковой, И. А. Голованова и др. Мы остановимся на проявлении некоторых элементов фольклоризации в текстах-воспоминаниях, записанных в ходе полевых диалектологических исследований в разное время от жителей Тульской области. Отметим также, что в одной из расшифрованных нами записей 70-х годов XX века отсутствует точная паспортизация (невозможно установить полное имя информанта и дату его рождения, предположительно – начало XX века), иные записи собраны в течение последних двух десятилетий. Думается, что отсутствие точных данных об информантах при проведении нашего исследования несколько не мешает, а наоборот, помогает выявлять общие тенденции в превращении текстов из индивидуальных высказываний в некие фольклорные образования.

Исследователи-фольклористы неоднократно подчеркивали, что в устных рассказах о событиях современной истории проявляются тенденции фольклоризации. Так, И. А. Голованов замечает: «Важной особенностью бытия современного человека является процесс фольклоризации событий текущей истории. В круг переживаемого и

осмысляемого им постоянно включаются факты собственной жизни, жизни его родных и знакомых» [Голованов 2013, 89].

В начале повествования обычно лишь в общих чертах обозначен хронотоп событий. Часто время воспоминаний как бы «расплывается», хронотоп может соответствовать реальному. За этой некоторой неопределенностью угадываются черты поэтизации, возвышенности, героизации, хотя в то же время в рассказе о конкретном событии автор может детально вспоминать место, героев, даты. Обычно рассказ начинается так: «Ну у нас была помещица, с семи лет пошли мы работать, вот тут и отправили, свёклу обрезали, обрезали свёклу у помещицы, ну вязали ходили. Маленькая я пошла вязать, мать вязала, а я таскала». [Запис. в 1979 г. от жительницы д. Губарёвка Плавского р-на]. «Ну, война началась в сорок втором. Я уж была невеста. А не знаю, сколько мне годов было... Ну, а тут начали войну» [Запис. в 2002 г. от Гречишкиной В. С., 1929 г.р., в с. Кузовка Богородицкого р-на]. «Ткали... Ткала я знаешь када, када мне одиннадцать лет было, када у меня мама лежала в больнице» [Запис. в 1979 г. от жительницы д. Губарёвка Плавского р-на].

Однако чаще всего в текстах-воспоминаниях выделяется какое-то событие, какой-то факт, который запомнился рассказчику своей исключительностью. Таким необычным фактом или событием мог стать случай, важный как для отдельного человека, так и для нескольких лиц, группы людей: «Я-то не гадала, я с тринадцати лет в Москве жила, а патом, када приехала сюды, меня брат оттуда взял, я вступила в комсомол. Так что мне гадать-то не пришлось, у нас совсем другая линия была» [Запис. в 1979 г. от жительницы д. Губарёвка Плавского р-на]. «Мёд воровали. Вот Доня несёт, сестра моя, прям в юбке одних пчел принесла: «Все тощут ульи, а я хоть чуточку да захватила»» [Запис. в 2002 г. от Гречишкиной В. С., 1929 г.р., в с. Кузовка Богородицкого р-на]. «А у нас гора была, высокая. А тут какая-то склизь. Вот они бочку-то большую стеклянную спирта раскололи. Мы этот спирт подбирать! Из снега!» [Запис. в 2002 г. от Гречишкиной В. С., 1929 г.р., в с. Кузовка Богородицкого р-на]. «С голоду пухли, а они на вилы их, людей-то, – и в канавы, как мы только ноги-то унесли» [Запис. в 1990 г. от Красовской А. Н., 1915 г.р., в п. Варваринский Т-Огарёвского р-на].

В текстах-воспоминаниях неоднократно встречаются указания на те или иные случаи, связанные с каким-то чудесным проявлением неведомой силы, со «странным» поведением людей, которое должно быть им несвойственно, но присутствует у некоторых из них. Указание в рассказах на такие случаи является также способом поэтизации, фольклоризации того или иного события. Например, жители села Кузовка Богородицкого района вспоминают о том, что зимой 1941 – 1942 года во время немецкой оккупации, по небу, в сторону Москвы, будто шел старец. Как решили жители села Кузовка, это был Сергей Радонежский. Жители говорили: «Немец должен назад уйти от Москвы, Сергей ее вот спасал» [Запис. в 2010 г. от Калининой Е. С., 1931 г.р., в с. Кузовка Богородицкого р-на]. «А в лагере он сидел, ему наказание дали, палками били, попался полицей, так он был из одной деревни с нашим дедом-то, говорит ему: «Юзик, ты кричи сильней, а я по лавке бить буду!» Дед кричал-то, а он долбил! А-то забил бы деда насмерть!» [Запис. в 1990 г. от Красовской А. Н., 1915 г.р., в п. Варваринский Т-Огарёвского р-на].

Регулярно в воспоминаниях встречаются эпизоды о «добром враге». Видимо, в этом проявляется какая-то глубинная вера народа в добро, справедливость, высшие гуманные ценности. На наш взгляд, в этих эпизодах также находят отражение черты фольклоризации, которые связаны с определенным образом опозитизированного врага, см. об этом: [Красовская 2015, 38]. Врагом мог быть «классовый враг», фашист, которому не чужды человеческие черты, не чуждо проявление доброты: «Нина маленькая была, прятались мы в погребе, она плакала, немец зашел, посмотрел и шоколадку дал, чтоб не плакала» [Запис. в 1990 г. от Красовской А. Н., 1915 г.р., в п. Варваринский Т-Огарёвского р-на]. «Мать закричала: «Убили!» А врач был немец, говорил хорошо по-русски, и у них были байки с кашей, наложил он мне» [Запис. в 2014 г. от Трофимовой Т.В., 1939 г.р., в

п. Красный Яр Киреевского р-на]. «Узел за шиворотом несёт, она-то, волокёт. Это немцы ей печенья, шоколаду, всё насыпали, да за то, что матка-то сама согласилась проводить нас» [Запис. в 2003 г. от Демушкиной М.П., 1933 г.р., в д. Медвенка Ленинского р-на]. «Ну, правда, помещица было не злая наша, вот в одно время обрезала палец, и она мне деньги дала, пятнадцать копеек» [Запис. в 1979 г. от жительницы д. Губарёвка Плавского р-на].

Надо отметить, что в воспоминаниях довольно много места уделяется не только характеристике различных видов крестьянской работы, труду, тяжелым будням, но и характеристике рекреационных традиций. В этом, на наш взгляд, также наблюдаются определенные черты фольклоризации воспоминаний: герой не только трудится, но и влюбляется, веселится: «А той жизни? Ну как, эти самые засидки были, это всегда сидели, вот, бывало, соберутся девчата, ребята у одной хате, у одной хате сидят, и вот начинается игра» [Запис. в 1979 г. от жительницы д. Губарёвка Плавского р-на]. «А вечером как отец достанет из подвала арбуз соленый, семечки, нажарим их, и занимается кто чем. Девки играют, кто семечки грызет» [Запис. в 1990 г. от Красовской А. Н., 1915 г.р., в п. Варваринский Т-Огарёвского р-на].

Часто в ходе рассказа о том или ином событии говорящий дает комментарии, кажушиеся ему уместными, они могут выражать эмоциональную оценку события или жизни того времени вообще, указывать на определенные чувства, переживаемые говорящим, могут отражать его наблюдения: «Это, а тут, когда немцы-то к нам приехали, люди радовались» [Запис. в 2002 г. от Гречишкиной В. С., 1929 г.р., в с. Кузовка Богородицкого р-на]. Оценка может в большей или меньшей степени касаться наличия (или отсутствия) материальных составляющих, собственности: «И в некоторых так бывало, в избу вот детей, так вот соломы в избах, и скотины, и испарение! Бог знает что!» [Запис. в 1979 г. от жительницы д. Губарёвка Плавского р-на]. «У кого маленькие, то полатей не было, а я росла, у нас двадцать четыре человека семья была! Ой-ой» [Запис. в 1979 г. от жительницы д. Губарёвка Плавского р-на]. «А есть-то нечего было, картошки собирали гнилые! «Кушай, Яша, тюрю, молочка-то нет...» [Запис. в 1990 г. от Красовской А. Н., 1915 г.р., в п. Варваринский Т-Огарёвского р-на].

Воспоминания, как и фольклорные произведения в целом, обычно подытоживаются какой-либо устойчивой формулой, она содержит указание на завершение повествования: «Так мы и жизнь прожили» [Запис. в 2003 г. от Демушкиной М. П., 1933 г.р., в д. Медвенка Ленинского р-на]. «Вот так и жили, трудились» [Запис. в 2008 г. от Трегубовой Н. П., 1924 г.р., в с. Лямзино Венёвского р-на].

Нельзя не заметить, что рассказчик обычно говорит о себе или своей семье в форме первого лица, но зачастую такое использование местоимений имеет расширенное употребление, под которым понимается народ вообще, все жители данной территории. В этом, по нашему мнению, также чувствуется стремление уподобить себя всем людям, пережившим определенные исторические события, стремление опозитизировать свои воспоминания. Много примеров такого употребления можно видеть выше, однако приведем еще один, подтверждающий наши размышления: «Потом пришли наши, русские, в белых халатах были одеты все, на лыжах, постучали в деревню наши и сказали, что мы освобождены, нас в плен не погонят, мы остались в этой деревне, а немцев разогнали» [Запис. в 2014 г. от Костиковой А. И., 1937 г.р., в д. Бизюкино Алексинского р-на]. Для исследователей подобного рода тексты-воспоминания являются интереснейшим материалом, так как могут считаться как достоверными фактами эпохи, так и точными языковыми свидетельствами времени и региона. Чем дальше от современных исследователей по дате первичной фиксации отстоят подобные записи речи информантов, тем ценнее они, тем больше открытий и обобщений самого различного уровня можно сделать. Помимо анализа собственно языковых явлений, стоит останавливаться в дальнейших исследованиях на отражении исторической канвы (история страны, история региона, история семьи), традиционной культуры (культура быта, культура народных

промыслов, духовная культура), народных (социальных) оценок тех или иных фактов истории. Безусловный интерес представляет собой рассмотрение структуры подобного рода воспоминаний, их жанровой специфики, выявление элементов фольклоризации в подобных текстах-воспоминаниях.

Проявление фольклорных черт в текстах-воспоминаниях, записанных в разное время от разных информантов, тематически значительно отличающихся, было нами соотнесено со следующим: зачин, содержащий указание на хронопот, эпизод, отражающий конкретное событие, элементы чудесного, создание образа «доброего» врага, создание образа героя, которому не чужды естественные человеческие проявления (отдых, игры и др.), оценки и комментарии, отождествление себя (рассказчика) с группой людей, народом в целом, завершение-обобщение.

Литература

1. Баранова В. В. Устные воспоминания крестьян о войне. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ruthenia.ru/> (дата обращения: 03.03.2017).
2. Белова О. В. "Чужие" в Полесье // Живая старина. – 2000. – № 3. – С. 9-10.
3. Букринская И. А., Кармакова О. Е. Структура диалектных нарративных текстов [Электронный ресурс] // URL: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2007/pdf/3.pdf> (дата обращения: 20.03.2017).
4. Голованов И. А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 2 (293). Вып. 74. – С. 89-92.
5. Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 1997. – 52 с.
6. Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2000. – 190 с.
7. Кормазина О. П. Воспоминание как жанр разговорной речи (на материале речи дальневосточников): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2016. – 26 с.
8. Красовская Н. А. Лирика военных лет: воспоминания жителей Тульского края // Поэтика военной лирики: коллективная монография. – Тула: Изд-во гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2015. – С. 31-40.
9. Мызникова Я. В. Коммуникативные особенности диалектного речевого жанра «рассказ-воспоминание» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – № 4 (28). – 2014. – С. 66-72.
10. Чередникова М. П. Типология повествовательной структуры в меморатах о Великой Отечественной войне // Сказка и несказочная проза: межвузовский сб. научн. трудов. – М., 1992. – С. 90-109.

УДК 81'27

Р. А. Кузбекова, г. Уфа

СУДЬБА РОДНЫХ ЯЗЫКОВ В ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В данной статье автор поднимает конкретные вопросы, связанные с обучением родных языков в Российской Федерации, приведены примеры функционирования и сохранения родных языков в зарубежных странах, анализируются федеральные законы «Об образовании в Российской Федерации».

Ключевые слова: родной язык, национальное образование, духовные ценности, народная педагогика.

THE FATE OF NATIVE LANGUAGE IN THE AGE OF GLOBALIZATION. *In this article the author raises specific questions related to the teaching of native languages in the Russian Federation, gives examples of the functioning and preservation of native languages in foreign countries, analyzes federal laws On Education in the Russian Federation.*

Keywords: native language, national education, spiritual values, popular pedagogy.

Республика Башкортостан всегда отличалась бережным отношением к родным языкам и национальному образованию. До недавнего времени в школах республики обучение было организовано на 6 языках, изучались 14 родных языков как предмет. Однако в последние годы наметилась опасная тенденция: отказ родителей, законных представителей обучающихся от изучения родного языка их ребенком, повсеместный перевод обучения на русский язык, несмотря на то, что аксиома «народы как этноса с их этнокультурным наследием можно сохранить только при условии сохранения национальных школ», как и раньше, не требует доказательства. Президент страны В. В. Путин в своих выступлениях постоянно подчеркивает важность сохранения и развития культуры и языков народов России. К сожалению, в системе образования страны проблемы развития национальных языков, культур не решаются.

Большинство связывает это явление с глобализацией, в том числе языковой. Действительно, сегодня более 70% международных конференций, симпозиумов, совещаний проходят на английском языке, львиная доля научных публикаций в Интернете и в научных журналах также выполняется на английском языке. То есть во всем доминирует английский язык. Некогда цветущие языки, такие, как французский и немецкий, в настоящее время оказались в затруднительном положении: снижается уровень востребованности этих языков.

Тем не менее, в мире очень много положительных примеров, направленных на сохранение и развитие языков. Например, в Италии госслужащие сдают экзамены по двум официальным языкам (немецкий и итальянский), в Киргизии, если госслужащий не знает государственный киргизский язык, то он уступает место другому человеку, владеющему этим языком. В Латвии, чтобы получить гражданство этой страны, сдают экзамен по латышскому языку, в Белоруссии налагается штраф за игнорирование языка клиента, в Эстонии производится доплата за знание эстонского языка и др.

Что касается Российской Федерации, то в ней центральное положение занимает русский язык как государственный язык. К сожалению, другие языки России теряют свои позиции, в том числе государственные языки национальных республик. Часто приходится слышать, что языки умирают, потому что сами носители не хотят общаться на своем языке, а силой их принудить невозможно. Кстати, принцип «невозможно принудить» действует во всех основополагающих документах: в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» ребенок может обучаться на родном языке или изучать родной язык как предмет, если этого хотят родители или сам ученик; газеты могут выпускаться на языках народов России, если будет обеспечена подписка; по телевизору и радио можно вещать на родных языках, если будут слушатели. Государство не запрещает пользоваться родными языками, но и не обязывает. А проблему сохранения, изучения и развития своего родного языка каждая национальная республика решает сама. Если исполнительные органы заинтересованы в развитии языков, то они развиваются, как, например, в Республике Татарстан. Если нет, то они постепенно вытесняются русским языком.

Обвинить народ в том, что они не хотят говорить на своем родном языке, трудно. Помимо моральных соображений миром движут прагматические законы, люди склонны использовать те языки, которые им помогают решать их жизненно важные задачи, в том числе карьерные. Поэтому люди выбирают тот язык, который государство сделало «выгодным» для изучения на основе некоторых решений. Причем национальные республики никоим образом не могут повлиять на эти решения. Например, Единые государственные экзамены, которые можно сдавать только на русском языке, при этом единственными обязательными предметами являются русский язык и математика. Языковые приоритеты ЕГЭ расставил вполне четко: для успешной сдачи ЕГЭ нужно хорошо знать русский язык. Так как успешная сдача ЕГЭ является пропуском в высшие учебные заведения и для дальнейшего роста ученика, выглядит вполне естественным переход многих национальных школ на русский язык обучения. Сейчас ведется активная

работа по введению второго иностранного языка и обязательного единого государственного экзамена по иностранному языку. В этом случае родные языки с точки зрения «карьерного роста» отойдут со второго на третье место.

Отдельные национальные республики попытались ввести обязательный экзамен по родному языку, но безуспешно, так как за этим зорко следят надзорные органы Российской Федерации.

Справедливости ради следует отметить, что знание родного языка дает некоторые преимущества. На родных языках существуют средства массовой информации, они преподаются в школах – это создает дополнительные возможности для трудоустройства. Однако видимые материальные выгоды и перспективы благодаря знанию русского языка куда весомее.

Таким образом, языковая политика Российской Федерации направлена на дальнейшее расширение сферы использования русского языка.

Это прекрасно понимают чиновники на местах, многие из них придерживаются мнения: язык умирает, да пусть умирает, давайте не будем ему мешать. А к чему может привести исчезновение языков, а за ними исчезновение исконно народной культуры, традиций и обычаев? Этот вопрос сегодняшних чиновников России по образованию практически не волнует.

А между тем игнорирование родного языка, народных традиций, основ народной педагогики в воспитании подрастающего поколения уже вовсю дает свои крайне отрицательные результаты. Возьмем только проблему детей-сирот, у которых живы родители, или брошенных престарелых людей. Сейчас количество детей-сирот, имеющих живых родителей, гораздо больше, чем настоящих сирот. Такого не происходило даже тогда, когда люди голодали и жили впроголодь.

По данным неврологических отделений крупных городов, туда каждый день попадают пожилые люди с разбитой головой. Их избили собственные дети за то, что они не хотели отдавать свои пенсии им на водку или наркотики. Встречаются пожилые люди – бомжи, которых собственные дети выгнали из их же квартиры. А сколько людей вынуждены жить в домах для престарелых? Это происходит так часто, что мы, казалось бы, нормальные люди свыклись с этим, воспринимаем эти события как обычное явление. Но на самом деле это не нормально! Даже животные не бросают своих детей. Неужели все это можно объяснить только веянием времени?! Тогда почему в той же Чеченской республике нет детских домов и нет домов для престарелых людей?

На наш взгляд, тут объяснение простое: в Чечне просто строго придерживаются родного языка, традиций и обычаев, в том числе в воспитании детей. Чтят, берегут и передают из поколения в поколение духовные ценности, накопленные человечеством и своим народом. Каждая семья вносит свою лепту в сохранение и развитие родного языка, прекрасно понимая, что именно родной язык является основным средством трансляции духовной культуры в подрастающее поколение.

Вернемся к началу разговора и посмотрим, чем же грозит перевод обучения с родного на русский язык обучения? Первое, отлучение детей от родного языка. Уже доказано на опыте, что дети, обучающиеся с 1-го класса на русском языке, постепенно привыкают мыслить на русском языке, раз они мыслят на этом языке, им намного удобнее говорить на русском языке. Если дома говорят на родном языке, то ребенок может освоить родной язык, но только на бытовом уровне, в речи будут преобладать русские слова. Если дома не говорят на родном языке, то родной язык забудется совсем.

Неслучайно, по данным ЮНЕСКО, одним из главных показателей степени сохранности языка является наличие обучения в школах на этом языке.

Второе, еще 30 лет назад исследованиями ЮНЕСКО доказано, что если ребенок в начальных классах получает образование не на родном языке, у него затормаживается развитие мышления. В результате ребенок усваивает все предметы не на должном уровне. Фактически перевод обучения детей в начальных классах на русский язык обучения – это

способ оставлять сельских детей безграмотными. Трудно поверить, что чиновники от образования не знают таких фактов. Выходит, трудно остановить бюрократический механизм, пущенный необдуманными решениями. Но когда-то все равно придется заниматься устранением ошибок, к сожалению, драгоценное время будет упущено.

Что касается ЕГЭ и организации обучения на родном языке, учащиеся в соответствии с Законом РФ «Об образовании в РФ» имеют право получить образование на родном языке, а также имеют право сдавать на родном языке экзамены после 9 класса. Кстати, на наш взгляд, обстановка вокруг ЕГЭ специально нагнетается, чтобы отвлечь внимание населения от социальных проблем. На эту удочку попадают и родители, и учителя. У родителей главной задачей становится, чтобы его ребенок лишь бы сдал ЕГЭ, воспитание отходит на второй план. Для учителей, особенно для учителей математики и русского языка, ЕГЭ стал мощным инструментом воздействия на детей, родителей, даже на руководителей школ. Если учесть, что заработная плата учителей полностью зависит от количества часов их уроков, то этот мощный рычаг им только на руку.

Школа опять постепенно отходит от воспитания, эта ноша снова перекладывается только на плечи родителей. Надо признать:

- руководители органов управления образованием, директора школ, общественность не сумели сполна использовать имеющиеся возможности, которые предоставлены законодательно, для сохранения и развития родных языков;

- в периодической печати и на телевидении (на русском языке) практически не освещаются положительные стороны организации изучения родных и башкирского государственного языков. Поэтому сегодня в обществе утвердилось мнение, согласно которому все беды школьного образования в республике связаны с введением в учебный процесс башкирского языка.

Башкирский язык в полной мере может развиваться только в Башкортостане. Должны быть созданы все условия для развития языка. Думаем, это не только в интересах башкирского народа, ибо сохранение статуса национальной республики важно для всех народов Башкортостана.

УДК 811.512.141

Г. Г. Кульсарина, г. Уфа

ДИАЛЕКТИЗМЫ В ТЕКСТАХ БАШКИРСКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Тексты башкирского народного творчества свидетельствуют о богатстве и разнообразии его лексического фонда, включающего в себя всю совокупность средств башкирского языка. Дialeктные единицы, вычлененные из корпуса башкирского фольклора, позволяют сделать вывод о самобытности фольклорной стилистики и поэтики, и способствуют раскрытию этноязыковой картины мира башкир.

Ключевые слова: фольклорная диалектология, башкирское народное творчество, этноязыковая картина мира.

DIALECTAL FEATURES IN THE TEXTS OF BASHKIR FOLK ART. *Texts of the Bashkir folk art testify to the richness and diversity of its lexical Fund, which includes the totality of the funds of the Bashkir language. Dialectal units, isolate from the corpus of the Bashkir folklore allow to reach a conclusion on the identity of folk stylistics and poetics and promotes the ethno-linguistic picture of the Bashkirs' world view.*

Keywords: *linguostylistics, folk dialectology, Bashkir folk art, ethno-linguistic picture of the world.*

Наибольшую актуальность в современной науке приобретает изучение лексических особенностей текстов фольклора. Территориальная неоднородность языковых средств текстов народного творчества заинтересовала специалистов еще на заре фольклористики. Любое фольклорное произведение исполняется на том или ином диалекте, который используется певцами и сказителями в повседневной жизни, а диалекты отличаются друг от друга по целому ряду фонетических, лексических и грамматических показателей. Идея

пространственной разнородности фольклорных произведений на различных уровнях впоследствии получила широкое освещение в специальной литературе. О взаимоотношениях фольклора и народной культуры Б. Н. Путилов пишет: «Фольклорная традиционная культура в своем конкретном наполнении всегда региональна и локальна. Ее естественная, нормальная жизнь повязана с жизнью определенного, ограниченного теми или иными рамками коллектива, включена в его деятельность, необходима ему и реализуется характерными для него социально-бытовыми нормами. Обусловленность фольклорной культуры, ее содержания, структуры, функций региональными и локальными факторами социоэтнического порядка несомненна» [Путилов 2003, 156-157].

Анализ употребления территориально ограниченной лексики в текстах народного творчества является одной из важных задач лингвофольклористики, заключающейся в изучении специфики языка фольклора в его отношении к литературному языку и народным говорам. О взаимосвязи устно-поэтической речи с речью литературной А. Т. Хроленко отмечает, «язык народной словесности – и лоно литературной речи, особенно языка художественной литературы, и постоянный подпитывающий ее источник» [Хроленко 2008, 109]. Одним из наиболее весомых доказательств того, что фольклорная диалектология существует, является постулируемое с древних времен положение о том, что вся народная культура по своей природе диалектна. «Народная культура столь же диалектна и является не менее ярким показателем этноса и этнических образований, чем язык» [Толстой 1995, 29].

Словарный фонд текстов башкирского народного творчества включает всю совокупность средств башкирского языка. Большой пласт лексики фольклора составляют, безусловно, общеупотребительные слова в своем прямом значении, которые активно используются как в устной, так и в письменной речи. Нейтральные слова и выражения способствуют тому, чтобы фольклорные тексты стали общепонятными и подлинно народными. Изучая семантику фольклорных произведений А. Т. Хроленко, утверждает, что «на характер языка фольклора влияют многие факторы, в том числе и факторы многоязычности населения той или иной территории» [Хроленко 2004, 87]. При изучении текста как литературного, так и фольклорного, диалектной лексике исследователи уделяют большое внимание. Как справедливо отмечает В. А. Маслова, «изучение диалектов дает бесценный и неисчерпаемый материал для того, чтобы понять законы развития языка, ибо языковые особенности любого местного диалекта обусловлены не небрежностью речи его носителей, а строгими историческими закономерностями» [Маслова 2001, 77].

Как известно, диалекты в своей основе – это говоры сельского населения, до сих пор являющиеся средством устного общения. Записанные учеными и исследователями от рассказчиков, единицы этой лексической группы придают языку фольклора живость и подчеркивают его народность. Фольклорный текст в процессе «эксплуатации» подвергается различного рода изменениям, сокращениям, дополнениям, которые допустимы в определенных рамках, установленных устно-поэтической традицией. Исполнитель, не отступая от канона, привносит в текст произведения что-то новое, какие-то дополнительные вербальные средства, черпая их из резерва традиции. Все это укладывается в определение «вибрация текста», под которым понимается «варьирование как чередование обратимых замен элементов с одинаковыми функциями» [Чистов 2005, 109]. При подготовке к печати редакторы и корректоры в некоторых случаях убирают диалектные слова из текстов, иначе многие читатели просто не поняли бы их содержания. Однако в башкирских фольклорных сборниках эти лексемы все же встречаются. Среди них есть как фонетические (*ерзе, быныга, ашамага* и др.), так и лексические (*кызыраган*) диалектизмы: *Баралар былар, баралар, яуын оторо шэбэйен китэ, күк күкрэп, йэшен йэшинэй. Шунан теge кыз быныга тагы һыйына башлай* (букв. Идут они, идут, дождь льет сильнее, гром гремит, молния сверкает. И тогда та девушка начала прижиматься к нему) [БХИ 2008, 78]; *Батша мул итеп тороп ит һалдыра, ит бешен сыккас, ашамага*

ултыралар (букв. Царь приказал сварить много мяса, и они сели ужинать) [БХИ 1978, 147]; *Бер вакыт Торахандың айғыры кызыраған* (букв. Однажды конь Торахана заржал) [БХЭ 1990, 98]; *Борон-борон борондан кеше-мазар бумаған, килеп аяк басмаған, барлығын һис кем белмәгән, дүрт яғын диңгез ураткан буган, ти, бер урын. Анда буган, ти борон Йәнбирзе тигән карт мән Йәнбикә тигән карсык* (букв. В древнюю пору, давным-давно было, говорят, место одно, куда никто не ступал ногой, и на целом свете никто не знал, не ведал о суше той. С четырех сторон обступала это место морская вода. С незапамятных пор проживала там семейная чета: старик по имени Янбирде с Янбикой, старухой своей) [Урал батыр 2005, 7].

Среди диалектизмов в текстах башкирского народного творчества преобладают глаголы и наречия: *Быны белгәс, хан оялышынан шартларзай булган, асыуланган, яматайланган, акырған-бакырған. Яматайланган – яманга әйләнгән (стал дурным, скверным, нехорошим)* (букв. Узнав это, хан от стыда чуть не лопнул, орал-визжал, дурным стал) [БХИ 2008, 159]; *Әй алышалар, әй алышалар, алыша торғас, Кыран батыр дейеү пәрейзе тасылдаткансы ергә һуга. Таскылдатып – шапылдатып (ударив)* (букв. Борятся-бoryтся, наконец Кыран-батыр демона ударил об землю) [БХИ 1978, 261]; *Сейле-беиле ашты әпен-төпөн генә ашағандар за быллар йокларға яткандар. Әпен-төпөн – арлы-бирле (кое-как)* (букв. Они легли спать, кое-как поев недоваренный суп) [БХЭ 1990, 315]; *Был бик базанып кайткан икән, ти. Базанып – кизәнеп (в ярости)* (букв. Говорят, пришел домой, сильно разъяренный) [БХИ 2008, 476]; *Шулай бер көндө бабай балык бағырға барған. Бағырға – карарға (смотреть)* (букв. Старик однажды пошел рыбу смотреть) [БХЭ 1990, 208]; *Ғафи малайы инәһенә: – Киленегеззе ситкә сыгарып йөрөтмәгез, – тип әйтеп, тишкәп китә. Тишкәп–кишәтеп (предупредив)* (букв. Сын Гафи, перед уходом, предупредил свою мать: «Невестку не выпускайте из дома») [БХИ 1978, 283].

Диалектизмы понятны не всем, поэтому при публикации к таким словам в самом тексте даются комментарии, например: *Эсә торғас, сызаманы, ти, хан. – Һуң, был ни нәхтә (ни нәмә)? – тип һораны, ти* (букв. Хан, говорят, выпив, не стерпел. Спросил, говорят: – Ну, что это?) [БХИ 2008, 194]; *Баксаларзың эсендә бер коток (козок)* (букв. Внутри сада есть один колодец) [БХИ 1978, 107].

Иногда в фольклорных текстах встречаются диалектные фразеологизмы: *Асып караһалар, ни күззәре менән күрһендәр, – козалар ай за көн, най за куй уйнап яталар* (букв. Когда они открыли и посмотрели, увидели, что сваты, забывшись, не обращая ни на кого внимания, лежат и играют) [БХЭ 1990, 459].

Фольклорные тексты, собранные нами в районах Республики Башкортостан, подтверждают тот факт, что наибольшее количество диалектных черт проявляется на фонетическом и морфологическом уровнях. Так, среди фонетических особенностей говора информантов Зианчуринского района можно отметить замену звука «б» на «в», «к» на «х»: *Борон-борон да түгел заманда, алыс та, якын да түгел бер ауылдың ситендәге өйҙөң артындағы дегәнәлектә ялвыр башлы бер кызыкай курсак уйнаған* (букв. Не в такие древние времена, не в далекой и не в близкой деревне одна девочка с лохматой головой играла с куклой) [Султанова Р. А.]. Традиционно при записывании полевых материалов задача заключается в фиксации слов и минимальных контекстов, обеспечивающих семантизацию диалектных слов. Факт наличия в этом случае является единственным и самодостаточным условием идентификации говора или диалекта. Выбор слова или фразеологизма носителем диалекта в процессе коммуникации определяется темой и ситуацией общения, а также языковой компетенцией говорящего.

Безусловно, роль сказителя фольклорного текста исключительно велика. Сказитель воспроизводит словесную ткань произведения, опираясь на нормы современного ему диалекта. Например, уникальными в фонетическом плане оказались тексты сказок, записанные в Федоровском районе: *Борон-борон заманда әвей белән бавай йәшәгән тей. Аларзың бик сивәр бер ғызлары буган тей. Алар бик ярлы буганнар, йәшәгән урыннары бик матур ғара урманлык буган тей. Шу урманның уртаһында ғаскыннар йәшәгән тей.*

Берзән-бер гөндө заскыннар теге ғыззы урлап әкиткәннәр. ...Бы ғыз гуманға каған тей. Мының малайы туған, бала бугас әуерәп торған тей бы ғыз. Малай үсеп өс йәшлек буган, әнейе белән яланға сығып йөрөй башлаган уйнарга (букв. В давние-давние времена, говорят, жили старуха и старик. У них была одна очень красивая дочь. Они, говорят, жили очень бедно, рядом с очень красивым темным лесом. Говорят, в центре этого леса жили беглецы. Однажды беглецы украли эту девушку. ...Эта девушка забеременела, говорят. Родила сына и жила, утешаясь ребенком. Когда мальчик достиг трехлетнего возраста, с матерью начал выходить на поляну играть) [Багаева Г. Ш.]. Здесь в местном говоре вместо литературных согласных «к, к» в начале слова употребляются «г, ғ», в середине слова происходит соноризация, в результате произносится «в», отмечаются также фонетические особенности в окончаниях глаголов множественного числа.

Таким образом, тексты башкирского народного творчества свидетельствуют о богатстве и разнообразии его лексического фонда, включающего в себя всю совокупность средств башкирского языка. Диалектные единицы, вычлененные из корпуса башкирского фольклора, позволяют сделать вывод о самобытности фольклорной стилистики и поэтики и способствуют раскрытию этноязыковой картины мира башкир.

Литература

1. Багаева Х. Ш., 1951 г.р., дер. Батырово Федоровского района РБ // Кульсарина Г. Г. Полевые материалы автора. 2015.
2. Башкорт халык ижады. Батырзар тураһындағы әкиәттәр. – Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1978. – 352 б.
3. Башкорт халык ижады. Новеллистик әкиәттәр. – Өфө: Китап, 2008. – 568 б.
4. Башкорт халык әкиәттәре. Йәшәгән, ти, батырзар. – Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1990. – 536 б.
5. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – 464 с.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
7. Султанова Р. А., 1966 г.р., дер. Бикберда Зианчуринского района РБ // Кульсарина Г. Г. Полевые материалы автора. 2015.
8. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
9. Урал батыр. – Өфө: Информреклама, 2005. – 120 б.
10. Хроленко А. Т. Лингвофольклористика. Листая годы и страницы. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2008. – 229 с.
11. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 184 с.
12. Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция. – М.: ОГИ, 2005. – 272 с.

УДК 811.161.11367.322

Г. М. Курбангалеева, г. Уфа

РУССКИЕ ГОВОРЫ БАШКОРТОСТАНА КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ГЕНЕЗИС, ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ проект 15-04-00412

Статья посвящена описанию и обоснованию проекта лаборатории по изучению лингвокультурного пространства Республики Башкортостан при кафедре общего языкознания БГПУ им. М. Акмуллы. Этот проект направлен на выявление тенденций формирования, функционирования и развития лексики русских говоров Башкирии как сложившейся в определенных исторических условиях системы.

Ключевые слова: диалект, русские говоры Башкирии, частная диалектная система, лексическая система, диалектное различие, диалектоноситель.

RUSSIAN SUBDIALECTS OF BASHKORTOSTAN AS AN ETHNO-CULTURAL PHENOMENON: GENESIS, FUNCTIONING AND DEVELOPMENT. *The article is devoted to the description and justification of the project of the laboratory for the study of the linguistic and cultural space of the Republic of Bashkortostan at the Department of General Linguistics in the M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University. This project is aimed at identifying the main directions in the formation, functioning and development of the vocabulary of Russian dialects of Bashkortostan as having been formed in certain historical conditions of a system.*

Keywords: *dialect, dialect language, Russian subdialects of Bashkiria, particular dialect system, lexical system, dialectal difference, dialect speaker.*

Идея подобного научного исследования возникла на кафедре общего языкознания БГПУ им. М. Акмуллы в ходе сбора и обработки диалектного материала для Лексического атласа русских народных говоров (ЛЯРНГ) – масштабного всероссийского проекта, в выполнении которого принимают участие более 50 вузов России. Работа начата и проводится на базе Лаборатории по изучению лингвокультурного пространства РБ при кафедре общего языкознания.

Как известно, русские говоры на территории Башкортостана – это исторический и этнокультурный феномен, возникший на евразийском пространстве в результате взаимодействия разноструктурных языков и диалектов. Русская диалектная лексика – это один из способов отражения русской языковой картины мира, воссоздающий как общее, так и специфическое в народном восприятии окружающего. Специфика отражения реалий мира объясняется особенностями национального мировосприятия, корни которого находятся в глубокой древности. И хотя древнерусские и славянские племена в своем общественном и культурном развитии прошли те же ступени, что и племена других европейских народов, их мировоззрение во многом отличается. Русские говоры на территории Башкирии, принадлежащие к разным группам и постоянно взаимодействующие, кроме того, испытали и испытывают влияние тюркских и финно-угорских языков.

Вплоть до последних десятилетий региональная лексика исследовалась преимущественно по тематическим группам, что создавало фрагментарность ее изучения. В современном языкознании является общепризнанным, что изучение специфики функционирования отдельных фрагментов диалектной системы как частных фрагментов языковой картины мира является перспективным и плодотворным. Рассмотрение структурно-семантической организации и функционирования любой диалектной подсистемы позволяет определить место этой подсистемы в языке, установить семантические отношения единиц внутри той или иной лексической подсистемы, выявить характер системной организации лексических единиц в пределах частной диалектной системы.

Задача системного описания словарного состава русских говоров Республики Башкортостан выдвигается, таким образом, на первый план. Системное описание предполагает комплексное исследование, так как соединяет в себе традиционное лексикологическое представление материала (анализ семантических групп, мотивационных отношений, систематизацию лексических значений и т.д.) с приемами выявления их диалектной сущности (лингвогеографическое изучение).

Традиционно важным направлением остается диалектолексикологическое направление, которое включает в себя анализ типа современной диалектной речи, характеризующейся сложными процессами взаимодействия с русским литературным языком, языками других народов. В ходе изучения этих процессов открываются и получают свое обоснование новые аспекты в исследованиях (социолингвистический, психолингвистический и некоторые др.).

Актуализация в последние десятилетия идей В. фон Гумбольдта «о языке как деятельности народного духа», о различиях языков с точки зрения их «мировидения» способствовала переходу от лингвистики «имманентной» (ориентированной на изучение языка «в самом себе и для себя») к лингвистике антропологической, имеющей своей

целью изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью.

Изучение фактов языка позволяет проникнуть в глубинную основу системы ценностей того или иного народа и выявить как на синхронном, так и на диахронном уровне его отношение к окружающей природе и общественно-социальным явлениям.

Поскольку представления того или иного народа об окружающем его мире реализуются и проявляются в «поведении» языковых единиц, то изучение производных имен позволяет выявить, что привлекает внимание носителей языка, т.е. исследовать принципы номинации основных понятий русской языковой картины мира.

В лингвистической литературе уже неоднократно указывалось на то, что мир осваивается человеком «от себя» (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов и др.). Процесс познания мира человеком можно представить как процесс моделирования окружающей действительности, при этом окружающий мир не просто дублируется с помощью знаковых средств, а оказывается вовлеченным в личностную сферу человека: явления и предметы внешнего мира оцениваются, принимаются или отвергаются человеком. Однако языковая модель мира включает в себя не только когнитивный, но и аксиологический компонент. Познавательное и ценностное как бы сливается в акте номинации. В связи с этим представляется чрезвычайно интересным и перспективным изучение психологии восприятия среды. Оно позволяет проникнуть «в тайны народного духа» и воссоздать на лексико-словообразовательном уровне инвариантную модель языковой картины мира.

Целью данного проекта является выявление основных направлений в формировании, функционировании и развитии лексики русских говоров на территории Башкортостана как сформировавшейся в определенных исторических условиях и действующей целостной системы – структуры, организуемой определенными синтагматическими и парадигматическими отношениями входящих в нее лексических единиц.

В задачи исследования входит комплексное многоаспектное изучение этнокультурной истории и лингвокультурных контактов носителей русских говоров на территории региона, а именно:

- выявление особенностей языковой ситуации в условиях взаимодействия разноструктурных языков и диалектов на территории Республики Башкортостан;
- сравнение лексического материала русских говоров Башкирии с лексикой материнских говоров;
- обоснование причин выявленных исторических изменений в области словарного состава русских говоров Башкирии;
- анализ основных закономерностей в формировании, становлении и развитии лексики исследуемых говоров;
- характеристика основных тенденций в функционировании лексики исследуемых говоров;
- выявление особенностей территориального варьирования изучаемой лексики;
- определение этнокультурной специфики в развитии анализируемой лексики;
- обозначение перспектив изучения лексики русских говоров Башкирии.

Основным результатом выполнения данного проекта станет серия публикаций (статьи, монографии) с описанием основных достижений и методики научного исследования в изданиях, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (Web of Science), в области гуманитарных наук. Для достижения данного результата предполагается:

- создание электронного и печатного вариантов и публикация Лексического атласа русских говоров Башкирии;
- издание серии словарей (тематического, лингвокультурологического, этимологического) лексики русских говоров Башкирии.

Таким образом, итогом работы над проектом станет комплексное многоаспектное монографическое исследование этнокультурной истории и лингвокультурных контактов

носителей русских говоров на территории региона, выявление особенностей языковой ситуации в условиях взаимодействия разноструктурных языков и диалектов на территории Республики Башкортостан; сравнение лексического материала русских говоров Башкирии с лексикой материнских говоров; обоснование причин выявленных исторических изменений в области словарного состава русских говоров Башкирии; анализ основных закономерностей в формировании, становлении и развитии лексики исследуемых говоров; характеристика основных тенденций в функционировании лексики исследуемых говоров; выявление особенностей территориального варьирования изучаемой лексики; определение этнокультурной специфики в развитии анализируемой лексики; обозначение перспектив изучения лексики русских говоров Башкирии.

Предметом изучения являются русские диалекты на означенной территории, особенности их формирования, функционирования и развития, региональные памятники деловой письменности, а также произведения устного народного творчества.

Научное исследование предполагает несколько этапов:

1) аналитический (выбор и обоснование принятого направления и методов решения поставленных задач;

2) диагностический (разработка научно-методических рекомендаций по реализации проекта в области языкознания; разработка программы сбора базы данных по теме НИР, планирование комплексных этнографических, фольклорных и диалектологических экспедиций; создание и внедрение программного обеспечения по обработке собранного материала);

3) созидательный (организация комплексных этнографических, фольклорных и диалектологических экспедиций по сбору полевого материала; организация и проведение научно-практических и Интернет-конференций и круглых столов в рамках проекта; написание и издание статей и монографий);

4) этап внедрения результатов (издание серии статей и монографий с описанием основных достижений и методики научного исследования в изданиях, индексируемых в базе данных индексируемых «Сеть науки» (Web of Science), в области гуманитарных наук);

5) этап обобщения результатов НИР (проведение итоговых международных, всероссийских и региональных научно-практических и Интернет-конференций по теме проекта).

В научно-исследовательской работе используется значительный методологический инструментарий, интегрирующий исследовательские возможности методов лингвокультурологии, социо- и психолингвистики, фольклористики, этнологии, археологии, социологии, объединенных принципами и подходами сравнительно-исторического, типологического, структурно-функционального и культурно-исторического методов. Именно междисциплинарный и комплексный подход в рамках данного проекта может обеспечить всестороннее раскрытие этнокультурных особенностей формирования, становления и развития русских говоров на территории Башкортостана. В качестве принципа методологии научно-исследовательской работы выбран также системный подход, который позволяет исследовать русские говоры Башкирии как сложную систему, описываемую с помощью некоторой совокупности определенных характеристик. При изучении языкового наследия диалектоносителей предполагается использовать такие понятия, как дифференциация, устойчивость, равновесие, конвергенция, дивергенция, интерференция, трансференция и др.

Системный подход включает в себя системный анализ и синтез. Анализ позволит нам выделить основные структурные элементы исследуемого процесса, а синтез – общие закономерности данного процесса в их взаимосвязи и взаимовлиянии. Методика системного синтеза будет способствовать выявлению ведущих процессов, определяющих динамику развития лингвокультурной специфики русских говоров Башкирии на основе движения от частных примеров к общим закономерностям. Применение данного метода позволит проанализировать и сравнить специфику, закономерности, фундаментальные тенденции языковых процессов региона с идентичными процессами в России и в мировом сообществе.

На каждом из этапов предполагается реализация проектов по внедрению результатов исследования в образовательный процесс, создание различных образовательных программ и новых спецкурсов для студентов бакалавриата и магистратуры, мастер-классы преподавателей-участников проекта и семинары для аспирантов и докторантов, также предполагается использование материалов НИР на лекционных, практических и лабораторных занятиях, то есть для подготовки полифункционального специалиста высокого уровня нового типа (формирование толерантной личности в условиях мировой глобализации). В процессе внедрения результатов научно-исследовательской работы предполагается провести всесторонний анализ ожидаемых итогов и существующей системы (выявить тенденции и закономерности) формирования специалиста гуманитарного направления.

Литература

1. Здобнова З. П. Атлас русских говоров Башкирии: в 2-х ч. – Уфа: Гилем, 2008. – 230 с.
2. Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск / Отв. ред. И. А. Попов, Т. И. Вендина. – СПб.: Наука, 2004. – 304 с.

УДК 81`28

Г. Н. Каскинова, Бөрө

КӨНЬЯК ДИАЛЕКТТЫҢ ҺАКМАР ҺӨЙЛӘШСӘНӘ ҮЗЕНСӘЛЕКТӘРӨ (Ташлы һәм Катралы буйы башкорттарының йәнле һөйләү теле һәм фольклоры миҗалында)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Республики Башкортостан в рамках научно-исследовательского проекта "Фольклор башкир Саракташского и Кувандыкского районов Оренбургской области (экспедиция)", проект 17-14-02607 е(р).

В статье анализируется сакмарский подговор ик-сакмарского говора южного диалекта башкирского языка на основе материалов, записанных автором в селе Абубакирово Хайбуллинского района РБ. Также подвержены анализу фольклорные материалы, записанные от уроженцев деревни Верхненазаргулово Кувандыкского района Оренбургской области. Приводятся интересные примеры, как употребление в начале слов согласного [d] вместо [m].

Ключевые слова: сакмарский подговор, морфологические особенности, звук ç, разговорная речь.

FEATURES OF THE SAKMAR SUBDIALECT OF THE SOUTHERN DIALECT. *The article analyzes the Sakmar variety of the Ik-Sakmar subdialect of the southern dialect of the Bashkir language on the basis of materials collected by the author in the village Abubakirovo of the Khaybullin district of the Republic of Bashkortostan. Also, folklore materials recorded from natives of the village of Verhnenazargulovo in the Kuvandyk district of the Orenburg region are subject to analysis. Interesting examples are given, like the use of consonant [q] instead of [t] in the Anlaut of words.*

Keywords: Sakmar subdialect, morphological features, sound t, colloquial speech.

Башкорт дәүләт университетының Бөрө филиалы филология кафедрасы укытыусылары тарафынан фольклор һәм диалектология экспедициялары даими рәүештә үткәрелә торган. Башкортостан Республикасының Тәтешле, Каризел, Аскын, Сакмағош, Бөрө, Борай, Мишкә райондарында экспедициялар ойошторолдо. 2014 йылдан алып география киңәйде: укытыусылар һәм студентлар һамар, Пермь, Свердловск, Кураган өлкәләре башкорттарының һүз байлыгын өйрәндә [Каскинова 2015; 2016; Фәткуллин, Каскинова 2016; Хужиева, Каскинова 2006].

2017 йылдың йәйендә үтәсәк экспедиция алдынан автор тарафынан Ташлы һәм Катралы буйы башкорттарының йәнле һөйләү телен өйрәнәү максатында ошо тарафка ижади сәфәр ойошторолдо. Ташлы һыуын һыулаган Хәйбулла районы Әбүбәкер (Башкорт Атингәне) ауылы халкының йәнле һөйләү теле башкорт теленәк көньяк диалекты әйек-һакмар һөйләше һакмар һөйләшсәненә карай. Катралы йылғаһы буйындагы Үрге

Назарғол (Бүре) ауылы (Ырымбур өлкәһе Ҡыуандыҡ районы) халкы ла тап ошо һөйләш үрнәген һаклай. Был күренеш ике ауылдың быуаттар буйы катнашып, кыз бирешеп, кыз алышып, туғанлашып йәшәүҙәре менән дә бәйлә. Ғөмүмән, һакмар һөйләшсәһе вәкилдәренән телмәре диалект үзенсәлектәрен шактай яҡшы ғына һаклап кала алыуы менән иғтибарға лайыҡ.

Фонетик үзенсәлектәре.

Һөйләшсәнән фонетик үзенсәлектәренә килгәндә, кайһы бер осрактарҙа һүз башындағы *т* өнөнән *д* өнөнә күсәү күренешә һакланып калған: *дауар* – әзәби телдә тауар, *дүң* – әзәби телдә түң, *дүңгәк* – әзәби телдә түңгәк. Кайһы беросрактарҙа һүз башындағы *б* өнө *м* өнөнә күсә: *бынау* – *мынау*, *боз* – *моз*; йәки киреһенсә *м* өнөнән *б*-ға күсә: шуның *белән* – шуның менән һ.б.

Боронғорак исемдәрҙә *з*, *к* өндәре урынына *г*, *к* өндәренә күсештә күзәтергә мөмкин: Ғәбизә – *Кәвизә*, Гөлкәй – *Көлөкәй*, Гөлзифа – *Көзифа*, Ғәфиә – *Кәфиә*, Ғилмисара – *Кылмисара*, Әбделкадир – *Әптелгәҙер*.

с өнөнән һүз башында кулланылыуы кызыклы күренеш тыуыра. Дим буйы башкорттарынан айырмалы рәүештә, был өн бик йыш кулланылмаһа ла, тойғоно, эмоцияны белдерәүсә күрһәткес булып тора: *Сукыр! Саңрау! Саңырғолак! Саран! Сиңмай!* Шулай ук ололар телмәрендә «Кана, сәй яһап бирәйем» тибындағы фонетик вариантты ла ишетергә мөмкин.

Лексик үзенсәлектәре.

Ырымбур өлкәһенән Ҡыуандыҡ районы Үрге Назарғол ауылынан Әбүбәкәргә килен булып төшкән инәйҙәрҙән тыуған ауылдарынан отоп алып килгән мөнәжәттәрҙә лә һакмар һөйләшсәһе үзенсәлектәре ярылып ята. Ғөмүмән, мөнәжәттәр күбәһенсә дин юлында булған информаторҙарҙан язып алына, улар безҙән халыҡ араһында киң таралған. 2016 йылдың йәйендә үткәрелгән фольклор экспедицияһы мәлендә Ҡурған өлкәһендә йәшәгән ялан-катай башкорттарынан да мөнәжәт-бәйеттәрҙә байтаҡ язып алғайныҡ [Ҡаскынова 2016, 147]. Әбүбәкер ауылында язып алынған мөнәжәттә *әүмәт* һүҙе тыуған-тыумаса, *тәгәт* намаз мәғәнәһендә кулланыла:

Күп йүгерзем донъя кыуып,

Тәгәтемде кылманым.

Әллә инде белмәнемме

Ата-инә һакларын?!

Йә илаһым, мөһтәләким,

Әүмәтемә бир иман. [7].

Ауыл халкы телендә *кыр кәзәһе* (илек), *кыр һыйыры* (мышы), *керпе* (терпе), *маймул* (маймыл) кеүек йәнлектәрҙән атамалары үзенсәлектә яңғырауы иғтибарға лайыҡ. Колбаса, ботинка һүҙҙәренән 70-се йылдарҙа кулланылған *калпаса*, *патинка* варианттары төшөп калған, әзәби тел нормаларына яраклаштырылған. *Кирәк* һүҙе сит яҡ төшөнсәһен бирә: «Класташтарым араһынан бер-нисә кыз кейәүгә кирәккә сықты» [4].

«Талдан үрә торғайнылар сытты. Кыйыҡ башында, келәттә була уның урыны. Сытта балас һуға торған ептәрҙә һ.б. әйберҙәрҙә һаклай торғайнылар. Шулар һүҙҙә күптән ишеткәнем юҡ хәҙер. Бары һәзиә Дәүләтшинаның «Ырғыз» романында ғына осраттым: [Ғәзимә:] «Ул йәш килең сыттан корот урлап, тәпәндән май тумырып әпсәһенә ташығанда ғына сапсан ул, ә эшкә тигәндә ығыр», – тип, күзгә карап алдап тора [Дәүләтшина 1961, 40]» [1].

Лауыр (золотуха), һумныҡ, ыйыҡ (йылкы малының тире ауырыуы) кеүек сир атамалары ла һакланып калған халыҡ хәтерендә. «*Ғәрифә апайың яғына (яңағына – Г. К.) лауыр сыккан ине. Тән яңғандан һуң калған эз кеүек ялтырап тора ул. Ике һуыр сыскан тотоп алып кайтып бирзем. Шуларҙың тиреһен ябып, Ғәрифә апайың лауырын бөтөрҙөләр*» [6]. **Һумныҡ** – шеш. *Боронго аксаны ошо шешкә кысып бәйләп, сирҙә дауалағандар* [3]. Әбүбәкер халкының халыҡ медицинаһы буйынса ла мәғлүмәткә эйә икәнлегенә ишара был.

Үткән быуаттың 90-сы йылдарында башкорт эстрадаһында популяр ғына булған «Темәс» төркөмөнән «Тукыратығыз поезды, зинһар...» тигән йыры күптәрҙән

хәтерендәлер, могайын. Йырзың атамаһына ук сығарып куйылған *тукыратығыз* һүзенең Һакмар йылғаһының үрге ағымында урынлашкан ауылдарза әлегәсә кулланылыуы, хатта йәшерәк быуын телмәренә килеп инеүен фактын билдәләй был миһал. Ошо һүззең Әбүбәкер ауылында өлкәндәр телмәрендә генә һакланыуы («*Тукырап тор әле, китмә әле*» [5]), ә инде үткән быуаттың 50-се йылдарынан һуң тығандарзың лексиконынан бөтөнләй төшөп калыуы күренеше менән осраштык.

Һөйләшсәненә морфологик үзенсәлектәре

Айырым осрактарза -ла ялғауы урынына -та вариантын осратырға мөмкин. Мәсәлән, ташла – *ташта*. Әммә ләкин *эшлә, башла* һүззәрәндә ялғаулар үзгәрешһез кала. -ле ялғауы айырым осрактарза (м, ң өндәрәнән һуң килгәндә) үзгәреш ала: *йәмне* (йәмле), *тәмне* (тәмле), *аңнаманым* (аңламаным), *иңне* (иңле) һ.б.

Аш эсеү (аш ашау), *хәл эсеү* (ял итеү), *һыу төшөү, мунса төшөү* һүзбәйләнештәре актив кулланыла. *Ирекләү* (тире иләү), *илерәү* (йоконан уяна алмай тороп ултырыу, хатта кузгалып китеү), *аңрап илау* (баланың сәбәпһезгә, үтә кысқырып, туктамайынса илауы), *алтмыш аяклап һикерәү* (уйнаклап һикерәү), *сукайып ултырыу* (һерәйеп ултырыу), *өйәзәп ятыу* (себештең салкан қолап, тора алмай ятыуы), *көргөп йыуыу* (сокоп, ышкып йыуыу), *аша һөйләшеү* (хәбәрзе үлсәп һөйләмәү, алдан мактаныу мәғәнәһендә), *тәңкләп, кәлепләп һалыу* (кейем-һалымды бөхтә итеп һалыу), *гәйеп булыу* (эһез юғалыу), *әүеш-тәүеш итеү* (алыштырыу), *кырым сиреүе кеүек* (бигерәк күп мәғәнәһендә), *кырымғытайзан* (үтә алыстан) *бисә алмаһаң* кеүек һүзбәйләнештәр Ташлы һәм Катралы буйы башкорттары лексиконында күптән нығынған.

Ололар телмәрендә тәрбиәләү, иһкәртеү максатында әйтелгән окшатыу-сағыштырыу һүззәре йыш кулланыла: *тораһың һөнәйғош қошап* (аптырап, һерәйеп тороу); *атлығазак қошап, майлы көйә кушап* (әрһез кешегә әйтелә торған һүз). Һөйһөнөп бөтмәгән кешене кылыкһырлаусы кылымдар: йөрөй *исреге талып, ыйыкка тейеп китте* (әрһез кешегә карата әйтелә). Кайһы бер кешеләр ауызынан *кейәңке, ер кинәнгер* кеүек әрләшеү һүззәре лә йыш ишетелә ине үткән быуаттың 80-се йылдарында. «*Кай иһәһәрзән килдең?*» – тип, аптырап, эш рәтен белмәй торған кешегә карата әйтәләр. *Согол кеше* тип үтә кызыу кешене кылыкһырлайзар. *Ауыр түләк* тигән аныкlausыны ипле, тыныс кешегә карата кулланалар.

Тирһтән (төнъяктан) иһкән ел, *кәлтифаслы* (фасонлы) пальто, *ырапат* кына (назлы) килең, *сумарт* (йомарт) кеүек аныкlausылар кулланыла. Кыззанына кунакка барып яткан әбейзәр «*урыным һыуынмаһын*» тип, гәзәттә килене-улы менән бергә торған төп йортка тизерәк кайтырға ашыға. Был һүзбәйләнеш өйзәгеләр һинһез зә йәшәй алыуларына күнегеп китмәһен тигән мәғәнәһе бирә.

Нескәреп һүзенәң әзәби телдә бығаса ишетелмәгән *сөскәреп* тигән вариантына тап булдык: «...*Беззең Ташлы бик йәмле ул. Уның буйы һәр төрлө агас. Үзәкләре урманлык. Шул агаска умарта күтәреп, һәр көн барып карап йөрөй торған булдым. Мин барып йөрөгән саклар – бик йәмле май сислаһы. Агаслар япрак ярган, йәм-йәшел. Һәр төрлө қошлар һайрашалар. Шул сакларза күңелләрем сөскәреп, Ташлы йылғаһына бағышлап, ошо иһтәлек дәфтәрен язырға булдым*» [8].

«*Ырымбур сигендә хезмәт иткән еренән йырлап кайтып килгән буган Аплатиф кайным. Тауышы гәслә буган. «Аплатиф йырлап килә» тип, лак тора* ла (иһе китеп тора – Г.К.) *гуялар ине, тип һөйләй инеләр*» [2]. *Лак тора* һүзбәйләнеше 2002 йылда донъя күргән «Башкорт теленең диалекттары һүзлеге»ндә лә осраманы.

Үөмүән, күрше, туғандаш ике ауылдың тел хазиһалары халыктың йәнле һөйләү телмәрендә йәшәүән дауам итә. Мәктәптәрзә бик күп тиһтә йылдар әзәби телдә укытыуға карамаһтан, ғилми хезмәттәрзә: «Ә Хәйбулла районы укыусылары һүззең беренсе ижегендә а өнө булһа, уға баһым куйып укыуларың дауам итәләр. Был хәл менән һис тә килешеп булмай. Бала һәр вакыт өн һәм һүззәрзе тик әзәби телдәгесә әйтергә тейеш» [Аслаев 1975, 11] тип, мәктәптәрзә һүззәрзең әйтәлеш үзенсәлектәре лә әзәби телдәгесә өйрәтелеүгә карамаһтан, Һакмар һөйләшсәһенәң фонетик, морфологик һәм лексик үзенсәлектәренәң асылда һакланып калыуы – кыуаныслы күренеш.

Әзәбиәт

1. Аслаев Т. Х., Һунаршин С. Ғ. Башланғыс мәктәптә тасуири укырға һәм һөйләргә өйрәтәү: Методик күрһәтмә. – Өфө, 1975. – 138 б.
2. Дәүләтшина Һ. Л. Ырғыз. Роман. – Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1961. – 538 б.
3. Каскынова Г. Н. Ғәйнә башкорттары фольклоры // Тюркская филология в свете современных достижений: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2015. – С. 191-194.
4. Каскынова Г. Н. Курған башкорттарының рухи-мәзәни мирасы // Актуальные проблемы современной татарской филологии: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 147-150.
5. Каскынова Г. Н. Һамар башкорттарының фольклоры тураһында // Мы – башкиры. Журнал башкир Самарской области. – 2015. – № 6. – 35-41-се биттәр.
6. Каскынова Г. Н. Ялан-катай башкорттарының йыр-мондары // Роль родных языков в укреплении межнационального согласия в Республике Башкортостан. Материалы республиканской научно-практической конференции. – Бирск: Бирск. фил. БГУ, 2016. – 217-221-се биттәр.
7. Курған башкорттары фольклоры (фольклор экспедицияһы материалдары нигеҙендә) / Төзөүселәре А. А. Фәткуллин, Г. Н. Каскынова. – Бөрө: Диапазон, 2016. – 40 б.
8. Хужиева Г., Каскынова Г. Н. Төнъяк-көнбайыш диалекты кәриҙел һөйләшенең фонетик үзенсәлектәре // Актуальные проблемы башкирской филологии: Материалы региональной научно-практической конференции. – Бирск: БирГСПА, 2006. – С. 73-75.

Информаторҙар исемлеге

1. Билалова (кыҙ фамилияһы Байрамғолова) Гүзәл Ғүмерзак кызы. 1955 йылғы, 3 бала әсәһе. Юғары белемле. Хәйбулла районы Әзел ауылы. Әбүбәкер ауылында йәшәй.
2. Билалова Ғәбизә Сәлихйән кызы (1915-2010). 6 бала әсәһе. Хәйбулла районы Йәнтеш ауылы. 1928 йылдан Әбүбәкер ауылында йәшәһе.
3. Билалов Нуриман Фәтхуллы улы. 1951 йылғы. Урта белемле. Хәйбулла районы Әбүбәкер ауылы.
4. Бохарбаева Мәстүрә Килдейәр кызы. 1965 йылғы, 2 бала әсәһе. Урта белемле. Хәйбулла районы Әбүбәкер ауылы.
5. Көнсыуакова Сәғизә Фәйзулла кызы. 1936 йылғы, 5 бала әсәһе. 7 класс белемле. Хәйбулла районы Әбүбәкер ауылы. Йәнтеш ауылында йәшәй.
6. Назарова Зәкиә Ғибәт кызы. 1942 йылғы, 6 бала әсәһе. Хәйбулла районы Әбүбәкер ауылы.
7. Сынбулатова (кыҙ фамилияһы Исхакова) Зөлфиә Зыя кызы, 1937 йылғы, 3 бала әсәһе. Ырымбур өлкәһе Кыуандыҡ районы Үрге Назарғол ауылы. Хәйбулла районы Әбүбәкер ауылында йәшәһе.
8. Сынбулатов Уйылдан Айса улының (1886 йылда Хәйбулла районы Әбүбәкер ауылында тыуған) һөйләгәнән ейәнә Хәлит Муса улы Козабаев 1969 йылда магнитофон тасмаһына яҙырып алған.

УДК 81'37; 003; 81'22

Б.Ғ. Ғасым, Алматы ғ., Ғазақстан

БАҒАЛАУ МАҒЫНАСЫНЫҢ БЕРЛҮ ТӘСЛДЕРІМЕН МАҒЫНАЛЫҚ ТАБИҒАТЫ

Лексическая единица включает в себя элемент оценки. В связи с этим многие проблемы оценочной семантики остаются нерешенными: недостаточно изучена природа оценочного значения, процессы метафоризации и паремии. Слова с эмоциональной окраской могут включать разнообразные оттенки: иронический, неодобрительный, презрительный, ласкательный, торжественно-приподнятый и др. Эмоционально-оценочная лексика делится на два больших разряда: слова с положительной характеристикой; слова с отрицательной (негативной) характеристикой. Эмоционально-оценочные слова, отражают эмоционально выраженную прагматику языка, отношение говорящего к действительности, содержанию или адресату сообщения.

Ключевые слова: номинация, фразеологическая единица, паремия, метафоризация, эмоционально-оценочные слова.

A lexical unit includes an evaluation element. In this regard, many problems of evaluation semantics remain unresolved: the nature of the estimated value has not been sufficiently studied, it remains undiscovered in the word-forming processes, as well as in those of metaphORIZATION and paremia. Words with emotional coloring can include

a variety of shades: ironic, disapproving, contemptuous, affectionate, solemnly elevated, etc. Emotional-valued vocabulary is divided into two large categories: words with a positive characteristic; words with negative characteristics. Emotional-evaluative words reflect the emotionally expressed pragmatics of language, speaker's attitude to reality, content or the addressee of a message.

Keywords: nomination, phraseological unit, paremia, metaphorization, emotional-evaluative words.

Өмірдің барлық саласын қамтитын ішкі мазмұн байлығымен көзге түсетін, тілге бейнелі де мәнерлі реңк үстейтін, күрделі құрылым-құрылысы бар баға, бағалау мәндік бірліктер – ана тілінің өзіндік ерекшеліктерін көрсететін тілдік аталымдар. Баға, бағалау, бағалауыштық сөздер тобына жататын тілдік бірліктер: түбір сөздер, жұрнақтар, фразеологиялық бірліктер, мақал-мәтелдер т.б. Бағалауыш мәнді сөздер бір шеті сын аталымдарында жатса, сол сияқты зат есім, етістік т.б. сөздер бойынан бағалау мәндер көрініс табады. Бағалауыштық коннотация мәселелеріне арналған ғылыми еңбектерді қарастыру барысында коннотацияның тіл бірлігіне эмоциялық, стилистикалық реңк үстейтіні, кең мағынада коннотация тіл бірлігінің грамматикалық және заттық-ұғымдық мағынасы – денотатты толықтырып, оған экспрессивті реңк беретін түрі, ал тар мағынада коннотация – тіл бірлігі мағынасының бір бөлігі, сол мағынаның ассоциативті-бейнелік ішкі тұлғасын түсінуден туындайтын қосымша мағына екендігі. Бұл мәселені қарастырудың көпқырлылығы бағалау мағынасының тілдің теориялық және қолданбалы сипаттағы салалармен тығыз байланыста екендігін дәлелдейді. Бағалауыштық коннотацияның прагматиканың бір мүшесі болып, мағынаға үстеме түрде әсер ете алады, тілдегі экспрессиялық нұсқаны жүзеге асырушы құрал болып табылады және эмоционалдылық, экспрессивтілік, бағалауыштық және образдылық категориялары коннотаттық мағынаның компоненттері болып табылады. Мәселен, О. В. Нагель: «Когнитивно-коммуникативная функция представляет язык не просто в качестве средства передачи информации, но и средства ее когнитивного структурирования. Человек в языковом знаке представлен как отражающий и оценивающий мир» [Нагель 2005, 12] деп көрсетеді. Ғ. Хасанов коннотаттық мағынаның компоненттерін сөздің түсіндірмесінен байқауға болады деп, ҚТТС-нен «ұшқалақ» сөзінің түсіндірмесін орынды көрсетеді: тым жеңілтек, шошақай, тұштақай. Коннотаттық компоненті – жақтырмау, ұнатпау, қостамау [Хасанов 2005, 77]. Коннотацияның бойында денотаттық мағынаға қосымша белгіні білдіретін қасиет бар. Бағалаудың берілу тәсілдері. Бағалауыштық категорияның берілу тәсілдері мен жасалу жолдары екі үлкен топқа бөлінеді: тілдік (вербалды) және тілдік емес (бейвербалды) [Түсіпбекова 2007]. Жағымды бағалауды адамның іс-әрекетіне риза болғанда, құптағанда бас изеу, алақанын шапалақтау, бетінен сүю, бас ию, арқасынан қағу, бас бармақты жоғары көтеру (тамаша, керемет) мағынасында, жақсы көріп еркелеткенде мандайынан сипау сияқты паралингвистикалық белгілер білдірсе, жағымсыз бағалауды бас шайқау (ренжу, көңілі толмау), бетін теріс бұру, (жақтырмау, жек көру), ала көзімен қарау (көңілі толмау) арқылы беріледі. Бұнысын Мағаш мақұлдап, бас изеді (М. Әуезов) «Қазаққа қандай қызмет қылғаныңды білеміз» дегендей Балташ тыржыйып, теріс қарады (Ж. Аймауытов).

1-сызба

Бағалауыш сөздердің көп кездесетін тобы – етістіктер. Бағалауыштық мәнге ие болатын қимыл атауын, көсемше және есімшемен келеген дара және күрделі қимыл бірліктерін көрсетуге болады. Мәселен, Өзімнен қорқам, Кете жаздаймын жынданып. Өмір бар жерде Өлім деген бір жүрер қауіп. Ажалды қойшы, Байқатпай соғар ұрланып (М. Мақатаев).

Бағалау өлшемі

Жағымсыз

Жағымды

Күрсініп көкірегім, жылайды ішім, Өсем бе, өшемін бе құдай білісін... Байқап бір қарасын да іздегендер, Жаудырсын мақтауларын, даттауларын... Кей-кейде сүріндім де, түңілдім де, Алайда, жоғалтпадым есімді мен (М. Мақатаев). Сөйлемдегі қорқам,

жынданып, күрсініп, өсем, өшемін, мақтауларын, даттауларын, сүріндім, түңілдім деген етістіктер бағалауыштық мағынаға ие. Етістіктердің бағалауыштық мәнге ие болуының себебі олардың заттың атауымен қатар қолданылуы. Көсемші мен есімшенің негізгі қызметі сөйлемдегі сын есімнің орнына қолданыла алу қабілетінің болуы осы бағалауыштық мағынаны берудің негізгі тірегі болып табылады.

Зат аталымдарына жататын бағалауыш сөздер. Сын есімді бағалауыш сөздер, етістікті бағалауыш сөздер сөздің денотат мағынасында да, коннотат мағынасында да, көрініс тапса, зат есімдер негізінен ауыс мағынада, нақтырақ айтқанда эмоционалды-бағалауыштық мағынада көрініс табады. Бұл топтағы сөздерге Бес ұлының бесеуі де қасқыр. Шетінен атқа мініп, елге ақыл айтатын азамат болып шықты (Т. Әбдікұлы). – Ағаны түсіну қиын, бір қарасаң бейшара секілді, енді бір қарасаң арыстан секілді, – деді Қазтайдың келіншегі (О. Бөкеев). Сөйлемдердегі қасқыр, бейшара, арыстан сөздері ауыс мағынада қолданылып, яғни метафораланып адресатқа эмоционалды баға беріп тұр. Бағалауыштық мағына реңк мәнін үстеуші жұрнақтармен жасалған эмоционалды зат есімдермен беріледі. Қазақ тілінің сөзжасауы еңбегінде зат есімнің лексикалық мағынасын түрлендіретін, реңк мәнін үстейтін 24 жұрнақ бар екендігі көрсетілген. Олар: -еке, -қа//ке; -й; -тай; -жан; -қан; -ақан; -қай//кей; – шак//шек; -шық//шік; -ша//ше; -ш, -сымақ; -шығаш//шігеш; -жын//жін; -ес; – қа; -ат; -қан; -қал; -пат; -пан; -анак; -қалақ; -ақай; -ек; -бай [Оралбай 2002, 81]. Бұл жұрнақтар адамдардың бір-біріне түрлі қарым-қатынас кезінде сан алуан мәндегі көңіл-күйін, риза болғандығын, құрмет, сый, ілтипат білдіруін, кішіге ізет, еркелету сезімін білдіруін және жақсы көру, жек көруді білдіруде қолданылады. Мысалы: -Жоғарырақ, жоғарырақ отыр Ұлпанжан... (Ғ. Мүсірепов). Балбала Базаралыны шын сыйлаған, сүйген көңілімен өз қасынан жібергісі келмей: – Не болса да көкіректі жарып шыққан пәле емес пе – осы жаман өлеңсымақ ол сәтте өзіме жап-жақсы сияқты боп көрінді (Ә. Нұршайықов).

Бағалауыштық мағына сонымен бірге сөз тудырушы -лық, -лік, – дық, -дік, – тық, -тік, қосымшалары арқылы да жасалады. Мысалы, Халық санасын оятып, жауыздық, зорлық ордасымен алысу дәрежесіне жеткізу керек (М. Әуезов). Қазақ тіл білімінде сын есімдердің мағынасы, қолданысы турасында: «Сын есім – семантикалық жағынан заттың, құбылыстың түрлі сапа, белгісін, түсін, көлемін, затқа құбылысқа, іс-әрекетке қатысын білдіретін сөздер» [Оразбаева 1966, 37] делінген. Сапа, қатыстық сын аталымдарында семантикасында абсолюттік бағаға ие сөздер қатары баршылық. Мысалы, жағымсыз мағынадағы олақ, озбыр, надан, сотқар, бұзақы, қырсық, меңіреу, мыстан, арам, қорқақ, т.б. сөздермен қатар, жағымды мағынадағы әдемі, көркем, сұлу, адал, көреген, жүйрік, кемеңгер, шешен, абзал, батыр, т.б. Сындық атаулар семантикалық жағынан сапалық сын және қатыстық сын есімдер деп екі топқа бөлінетіндігі белгілі. Сапалық сын аталымдарынан тұратын бағалауыш сөздер: Біз – бай аулымыз, сен – күңге лайық кедейсін (М. Әуезов). Сөйлемдегі бай, кедей сөздердің осы сапалық сын есімді бағалауыштық сөздер. Қатыстық сын есімді бағалауыш сөздер: Бұл – аталы, ордалы ауыл (М. Әуезов). Сөйлемдердегі аталы, ордалы сөздерін қатыстық сын есімді бағалауыш сөздерге жатады. Бағалау мағынасы кейбір сөздердің әдемі, әсем, керемет, көрікті, реңді, сәнді, сұлу, сүйкімді, сымбатты, тамаша, шырайлы т.б. және қарама-қарсы көріксіз, жаман, нашар, сүйкімсіз, әлжуаз т.б. сияқты сөздердің негізгі лексикалық мазмұнын құраса, енді бір сөздер семантикалық құрлымның құрастырушы болып табылады. Оған адамға айтылған ит, хайуан (адамдық қасиеті жоқ), қыран (алғыр адам), арыстан (мықты, асыл адам), дүлдүл (текті адам) т.б. тектес сөздерді жатады.

Атауыш сөздер: бағаны білдіретін коннотатты мағыналы бағалауыштық сөздер жатаы. Мысалы, баскесер, сұржылан, суми, сужұқпас, сужүрек, сұм, жын, т.б. Қабыл – жаны қара, ниеті бұзық, еңбексіз еңбекті, жұмыссыз ішіп жемекті ғана ойлайды (М. Мағауин). Әбіл – жаны таза, ниеті ақ, еңбегі өнімді, ісі берекелі, жан еді (М. Мағауин). Қажікең азамат боп қапты. Бірақ өгей шешенің қолында өтірікші, тұңжыр, ұрысқақ, кекшіл боп өсіпті (Ж. Аймауытов). Бұл сөйлемдердегі, таза, қара, ақ, бұзық, өтірікші,

тұнжыр, кекшіл бағалауыштық мағынадағы сөздер коннотаттық мағынасымен қоса, басқа біреуге өзіндік бағасын бере қолданылғандығы. Тілде бағалау мағынасының тілдік және тілдік емес құралдардың қатысуы арқылы берілетіндігін Ә. Қайдар, Т. Әбдіғалиева, Б. Момынова, Б. Қасым, З. Ерназарова, Б. Тамаева, Ж. Нұрсұлтанқызы т.б. еңбектерінде қарастырылған.

Бағалауыштық мағынаның берілу тәсілі – фразеологиялық бірліктер. Фразеологизмдер коннотациясы және оның прагматикасы бір-бірімен өте тығыз байланысты. Прагматиканың басты мақсаттарының бірі – сөздің қолданылу ерекшеліктерін түсіндіру. Бұған қатысты мәселелер Г. В. Колшанский, Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова еңбектерінде қарастырылады. Фразеологизмдердің қазіргі зерттелу бағытына байланысты олардың дүниенің тілдік бейнесі ұғымы арқылы, яғни танымдық тәсілдерді қолдана отырып, олардың тереңде жатқан құрылымдарын зерттеу, сондай-ақ, тілдің барлық деңгейлеріне енген коммуникативтік-прагматикалық қатынас фразеологизмдердің де қызметі, уәжі және қолданылу мақсатын ашуға негізделеді. Қазақ фразеологизмдерінің бағалауыштық мағынасы прагматикалық мақсатта айқын көрінеді. Оларға эмоционалды- бағалауыштық қызмет тән [Смағұлова 2010]. Олардың семантикалық тобына жақтау, мақұлдау, жақтырмау, ұнатпау, менсінбеу сияқты адамға қатысты қасиеттерді бейнелейтін фразеологиялық бірліктерді көрсетуге болады. Мысалы, жүрек жұтқан, сумаң қақты, ала көзімен атты, алаңғасар адам, тасбауыр, қой аузына шөп алмас, азуы алты қарыс, ала ауыз, су мұрын (сылбыр), сорпаға шығары т.б. фразалық тұрақты тіркестерді атауға болады. Мысалы, Мен арғын деген арыспын, Азуы кере қарыспын (Бұқар Қалқаманұлы). Ұрысуға бодырмайды үш күн салсаң, Сөйлесе, ілестірмес сумаң қағып (Ақан сері). Ол келген қонақтардың ішіндегі сорпаға шығары: Иманбай би, Әлдеке, Мүсірәлі екен (Ж. Аймауытов).

Бағалауыштық мағынаны берудің бір жолы – мақал-мәтелдер. Қазақ тіл білімінде мақал-мәтелдердің фразеологизмдермен, нақыл, қанатты сөздермен байланысты, арақатысы, мақал-мәтелдерді қолдану ерекшелігі т.б. бағыттағы ғылыми зерттеулер (І. Кеңесбаев, Ө. Айтбаев, Р. Сәрсенбаев, Н. Уәли, Г. Смағұлова, С. Сәтенова, Р. Авакова т.б.) баршылық. Халықтың ой елегінен, ойлау жүйесінен өтіп, екшелген ұлттық болмыс, танымның «оң-теріс, жаман-жақсы, жағымды-жағымсыз,» сияқты бағалау өлшемдеріне сай келетін мақал-мәтелдердің кез келген жағдайға соның ішінде адамға қатысты, оның мінез құлқына, іс әрекетіне т.б. қасиеттеріне баға бере алуға мүмкіндігі мол. Сөйлеу тіліне тән мақал мәтелдердің бағалауыштық сипаты жоғары, олардың ұнату, ұнатпау, жақтырмау, т.б. жақсы немесе жаман мәндері айқын көрінеді. Мысалы, Сұмдүние әуре қылған жұрттың көбін; Аударып ақпейілін бұзықтыққа (М.-Жүсіп Көпеев). Қырық кісі – бір жақ, Қыңыр кісі – бір жақ. Ынтымақсыз елді – Ұрысы билейді. Ынтымақты елді – Дұрысы билейді. Ұрыстың арты – реніш, Татулықтың арты – кеніш. Бірлігі бар елдің, Белін ешкім сындырмас. Айталы батыр алдырмас. Үйде шешен, дауға жоқ, Үйде батыр, жауға жоқ. Батыр мақтанса, Жауға шапқанын айтар, Қу мақтанса, Алдап қаққанын айтар.т.б. ұнату/ұнатпау, жағымды/жағымсыз бағасын берсе, тәрбиелік мәні зор.

Бағалауыштық мағынаны берудегі өнімді тәсіл – сөздердің метафоралануы. Метафораның қызметі арқылы тілдің лексикалық және фразеологиялық қабаты, жалпы сөздік құрамы, бір ұғым аясы кеңі түседі. Сөздің метафоралануы арқылы сөз саны өспегенімен, мағына аясы көбейеді. Метафора – көптеген тіл қабаттарының шығу көзі. Фразеологизмдер, мақал-мәтелдер, қанатты сөздер метафораға негізделіп жасалады. Тілдік қарым-қатынаста сөйлесімнің көлемді, шағын екеніне қарамастан, сөзді бейнелі қолданудың, мәнерлеудің құралдары Б.Қасым «Метафоралы аталымдар...» атты еңбегінде ғылыми талданады. Метафора жасайтын сөздердің ішкі ұғым мазмұнындағы баға заттың сапасына, белгісіне, қасиетіне т.б. сипаттарына сәйкес келуі немесе оның тек сыртқы белгісінің ұқсас келуі метафоралық қолданыстардың адамға, затқа бағалауыштық, коннотациялық сипаттама беруімен ерекшелінеді [Қасым 2010, 2015]. Идеялық-эстетикалықты, бейнелілік және стильдік ерекшелікті, ой айқындығы мен мазмұн

тереңдігін сияқты прагматикалық ерекшеліктерді аңғарту үшін қолданылатын метафоралы аталымдар функционалды-прагматикалық мақсатта төмендегідей болып келеді. Мысалы, жалғанның өмір бойы уын іштім, имандының шырағы әр кез өшпес, басылған Құдірет мөрі таңдайына, ашылып жүрек көзі, көрген адам, махаббаттың нұрынан мөрді басты, таусылмас қияметтің мәселесі, ішіндегі пейіштің көркіне енді, неше түрлі құлпырып нұрдың назы, қысы кетіп замана шықты жазы, бұ заманның құрылып бау-бақшасы (М.-Ж Көпеев) бағалауыштық мәнде қолданылған.

Әдебиет

1. Нагель О. В. Русские именные словообразовательные типы синкретичной семантики: когнитивно-функциональный аспект: Дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005. – 224 с.
2. Хасанов Ғ. Лексикалық мағына. – Орал: Ағартушы баспа-лингвистикалық орталығы, 2005. – 148 б.
3. Түсіпбекова Ғ. А. Қазіргі қазақ тіліндегі бағалау мағынасы мен оның құрылымдық жүйесі. – Астана, 2007. – 24 б.
4. Оралбай Н. Қазақ тілінің сөзжасамы. – Алматы, 2002. – 230 б.
5. Оразбаева Ф. Ш. Қазіргі қазақ тіліндегі сын есім синонимдері. – Алматы: Мектеп, 1966. – 128 б.
6. Смағұлова Г. Қазақ фразеологиясы лингвистикалық парадигмаларда: монография. – Алматы: Арыс, 2010. – 280 б.
7. Қасым Б. Қ. Күрделі аталым жасалымы: когнитивті-дискурстық ұстаным. – Алматы: Волкова А. В., 2010. – 383 б.; Қасым Б. Қ. Метафоралы аталымдар: когнитивті-семантикалық сөзжасам. – Алматы: ЖК Волкова Е. В., 2015. – 300 б.

УДК 372.8:811

Б. Б. Лхасаранова, г. Улан-Удэ

ОРФОЭПИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ УЧАЩИХСЯ ЛИТЕРАТУРНЫМ НОРМАМ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

В статье проанализированы лингвистические основы обучения орфоэпии бурятского литературного языка. В современных условиях исследование проблем устной литературной речи, орфоэпии относится к числу важнейших задач методики обучения бурятскому языку. Оно имеет большое теоретическое и практическое значение. Орфоэпические нормы бурятского литературного языка определены лишь в общих чертах, они не установлены и не зафиксированы в специальных словарях и справочниках, хотя в сценической речи, в передачах по радио и телевидению, в школьной практике вырисовывается литературное произношение на базе хоринского диалекта, легшего в основу литературного языка.

Ключевые слова: орфоэпия, бурятский литературный язык, стили произношения, диалект, анализ, устная речь, орфоэпические нормы, гласный звук, согласный звук, фонетическая система.

ORTHOEPY AS LINGUISTIC BASIS OF PUPILS' TRAINING IN LITERARY NORMS OF THE BURYAT LANGUAGE. *The article analyzes linguistic bases of the Buryat literary language orthoepy training. In modern conditions the study of the problems of oral literary speech, orthoepy is among the most important tasks of the Buryat language teaching methodology. It has a major importance, both theoretical and practical. Pronouncing norms of Buryat literary language are defined only in general terms, they are not established and not registered in special dictionaries and reference books, although in elocution, in radio broadcasts and on television the literary pronunciation mainly based on the Khorinsky dialect which served as the basis of the literary language is in use. The same is the case in school practice.*

Keywords: orthoepy, the Buryat literary language, styles of pronunciation, dialect, analysis, oral speech, orthographical norms, vowel sound, consonant sound, phonetic system.

В современных условиях исследование проблем устной литературной речи, орфоэпии относится к числу важнейших задач методики обучения бурятскому языку. Оно имеет большое теоретическое и практическое значение.

Некоторые вопросы орфоэпии остаются еще не до конца разработанными и в языкознании. Это подтверждается тем, что сам предмет орфоэпии учеными определяется по-разному. Например, имеются разные точки зрения на то, что относится к области орфоэпии. Некоторые ученые, в частности профессор Р. И. Аванесов, в понятие орфоэпии включает фонетическую систему языка, т.е. состав различных в каждом положении звуков, их качеств. «Произношение охватывает, – пишет он, – прежде всего фонетическую систему языка. Фонетическая система – главное и основное в произношении, однако, она не покрывает полностью понятия произношения». По его мнению, в понятие произношения входит звуковое оформление слов или групп слов, отдельных грамматических форм слов в той мере, в какой оно не определяется фонетической системой языка (например: *мангир* – *ман'д'ар*). Другие исследователи, например, академик Л. В. Щерба, профессор М. И. Матусевич, не отрицая вышеизложенной концепции профессора Р. И. Аванесова, с понятием орфоэпии связывают, кроме фонетики, такие явления, как интонация, дикция, ударение.

По мнению автора, в основе определения предмета орфоэпии целесообразно придерживаться концепции профессора Р. И. Аванесова.

Профессор М. В. Панов отмечает, что «орфоэпия – наука, которая изучает варьирование произносительных норм литературного языка и вырабатывает произносительные рекомендации (орфоэпические правила); особая часть фонетики, которая отличается от других (неорфоэпических) ее частей такими чертами: 1) она императивна, требует выполнения отдельных норм; 2) формирует не законы, а правила; 3) имеет практическую направленность».

Таким образом, орфоэпия – это совокупность правил устной речи, устанавливающих единое произношение в соответствии с нормами национального языка. Она включает в себя произношение гласных, согласных звуков в определенных фонетических позициях, грамматических форм слов заимствованных из русского языка.

В результате критического анализа и обобщения материалов литературы по проблемам бурятской орфоэпии отмечаем следующее:

1. В языкознании остаются спорными вопросы о сущности и разновидностях стилей произношения, понятия о которых в отечественном языковедении были введены впервые академиком Л. В. Щербой. Стили произношения в бурятской орфоэпии остаются также не установленными. Например, профессор Л. Д. Шагдаров различает два стиля: полный и неполный (разговорный). Полный стиль характеризуется тщательностью артикуляции, что достигается при медленном темпе речи. Для разговорного стиля характерен более быстрый темп и меньшая тщательность артикуляции. Свойства так называемого полного стиля составляют характерные особенности письменной речи, неполного, разговорного стиля – устной речи (редукция гласных, выпадение звуков, слогов).

2. В бурятской лингвистике существует мнение (Д. Д. Амоголонов, Л. Д. Шагдаров), что бурятская орфоэпия должна строиться только на базе хоринского диалекта, составившего основу литературного языка. Безусловно, хоринский диалект как опорный был и остается живой основой бурятского литературного произношения. Но на данном этапе развития бурятского литературного языка встает вопрос о расширении основы его орфоэпических норм как за счет общепурятских элементов, так и вариантов из диалектов и говоров.

3. Согласно взглядам Д. Д. Амоголонова и Л. Д. Шагдарова, произношение бурятского языка должно основываться на орфографии, не расходиться с ней, что, по нашему мнению, нельзя считать абсолютно правильным, так как ни один живой язык в истории не имел такого положения, чтобы орфоэпия и орфография были идентичны. А между тем в результате школьного обучения у школьников наблюдается некоторое влияние орфографии на произношение.

4. Отдельные исследователи в целях унификации произносительной системы литературного языка требуют искоренения вариантности произношения. На наш взгляд, в

условиях отсутствия прочно установившейся произносительной традиции и наличия множества диалектов и говоров такая попытка решения вопроса пока невозможна.

В контексте вышерассмотренных вопросов проанализированы лингвистические основы обучения орфоэпии бурятского литературного языка. Это теория о звуковом строе бурятского языка (И. Д. Бураев, В. И. Золхоев), физиолого-артикуляционная характеристика звуков бурятского языка, гласные и согласные звуки бурятского языка, фонетические явления бурятского языка (сингармонизм гласных, чередование звуков, ассимиляция и др.) (Э. Р. Раднаев, Б. Б. Батоев).

В заключение обзора работ ученых, посвященных проблемам бурятской орфоэпии, нужно отметить следующее:

1. Бурятское языкознание в области орфоэпии располагает небольшой литературой, но содержащей ряд ценных, интересных мыслей, выводов (Т. А. Бертагаев, Э. Р. Раднаев).

2. Теоретические проблемы бурятской орфоэпии остаются все еще недостаточно исследованными.

Для разрешения выше названных проблем бурятской орфоэпии необходимо:

1. Провести исследование теоретических проблем орфоэпии, для чего нужно вести широкое наблюдение за живой речью дикторов и артистов, учащихся и студентов.

2. Более подробно разработать научно обоснованные правила, нормы орфоэпии.

3. Составить орфоэпический словарь.

Литература

1. Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. – М.: Просвещение, 1972.
2. Раднаев Э. Р. Бурятский язык в школе. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982. – 103 с.
3. Раднаев Э. Р. Бурятское литературное произношение. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1987.
4. Ладыженская Т. А. Устная речь как средство и предмет обучения. – М.: Наука, 1998. – 133 с.
5. Лхасаранова Б. Б. Методика обучения орфоэпии бурятского языка в начальной школе в условиях диалекта. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – 260 с.

УДК 81-2

Н. М. Люкина, г. Глазов

ИЗУЧЕНИЕ БЕСЕРМЯНСКИХ ГОВОРОВ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В данной статье рассматривается вопрос о выделении и изучении бесермянских говоров удмуртского языка. На сегодняшний день диалектные особенности остаются недостаточно исследованными. Задача осложняется тем, что происходит постепенное стирание специфических черт бесермянского наречия. В этой связи описание диалектов должно стать одной из приоритетных задач, особенно в свете глобализации и культурной интеграции.

Ключевые слова: бесермянские разговоры (ворцинский, лекминский, юдинский), диалектные особенности, исследование, удмуртский язык.

STUDY OF BESERMYAN SUBDIALECTS OF THE UDMURT LANGUAGE AT THE PRESENT STAGE. *The article examines the question of identifying and analyzing subdialects of the Besermyan dialect of the Udmurt language. At present, their peculiarities remain superficially studied. The task is becoming all the more complicated, as the distinguishing features of Besermyan subdialects are fading away. In this context documentation of these subdialects should become a priority, especially in the face of globalization and cultural integration.*

Keywords: Besermyan subdialects (Vortsa, Lekma, Yunda), dialect peculiarities, analysis, Udmurt language.

Диалектология, являясь одним из разделов языкознания, традиционно занимает видное место и играет большую роль в развитии литературного языка. Удмуртская диалектология достигла, благодаря трудам отечественных и зарубежных ученых, определенных успехов. Описаны фонетические, морфологические и некоторые лексические особенности отдельных диалектов. Однако до сих пор большинство удмуртских говоров изучено недостаточно или их

описание неполно. В связи с отсутствием работ сравнительного характера, изучение и фиксация языкового диалектного материала отдельных говоров становятся в ряд наиболее актуальных вопросов удмуртской диалектологии.

В современном удмуртском языке выделяют следующие группы диалектов: южное наречие (центрально-южный и периферийно-южный диалекты), срединные говоры, северное наречие (верхнечепецкий, среднечепецкий, нижнечепецкий диалекты) и бесермянское наречие [Кельмаков 1998]. В данной статье рассмотрим современное состояние исследования бесермянских говоров. Носители данного диалекта компактно проживают на севере Удмуртии (см. карту) в бассейне реки Чепцы (Балезинский, Юкаменский и Ярский районы). По своему составу бесермянское наречие неоднородно, однако в настоящее время отсутствует единый подход к выделению отдельных говоров, а значит и их общепринятая классификация.

Впервые на язык бесермян обратил внимание финский ученый Ю. Вихман, отметив его в качестве самостоятельной структурно-территориальной единицы удмуртского языка. Две недели он прожил в бесермянском селе Ежево (ныне Юкаменский район УР), где записал 23 фольклорных текста [WSpb. I. 1893, 116–120, 167–168; WSpb. II. 1901, 51, 161–186]. В монографии Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян» выделены юдинский, лекминский и кильмезский говоры [1970, 56–58], но диалектные особенности этих говоров отдельно не описаны. Несмотря на то, что в работе встречаются некоторые частные специфические черты, присущие лишь определенным диалектам, они рассматриваются Т. И. Тепляшиной как общие для всех бесермян [см. подробно Люкина 2016]. Тем не менее следует отметить, что фундаментальный труд Т. И. Тепляшиной отражает состояние бесермянского наречия в 60–70-е годы прошлого века. В настоящее время некоторые диалектные особенности, которые описаны в ее работе, либо утрачены, либо употребляются параллельно с формами северного наречия удмуртского языка [Люкина 2016]. В силу отсутствия новых лингвистических материалов вопрос о наличии/отсутствии кильмезского (западного) говора остается открытым. М. Г. Атаманов отмечает, что данного говора не существует, и бесермяне в бассейне р. Кильмезь никогда не проживали [Атаманов 2010, 298]. Существенный вклад в изучение бесермянского наречия вносит В. К. Кельмаков. Автор детально рассматривает важнейшие фонетические и морфологические особенности языка бесермян с целью определения его статуса в системе удмуртских диалектов [Кельмаков 2003, 99–135].

Карта Удмуртской Республики



На основе собранных нами лингвистических материалов на современном этапе в бесермянском наречии можно выделить следующие говоры: ворцинский, лекминский и юндинский. Исследование последних двух говоров содержится в монографии «Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян» [Люкина 2016]. Впервые детально проанализированы фонетические и морфологические особенности лекминского и юндинского говоров бесермян, а также выделены языковые явления, в которых наблюдается влияние соседних северных удмуртских диалектов. Диалектные особенности исследуемых говоров рассмотрены в сравнении с описываемыми в монографии Т. И. Тепляшиной характеристиками языка, другими удмуртскими диалектами, и при необходимости – родственными и неродственными языками. Лекминский говор распространен на территории Юкаменского района и охватывает населенные пункты, которые расположены близ р. Лекмы и в которых достаточно плотно расселены бесермяне. Юндинский говор включает в себя говор бесермян, компактно проживающих в с. Юнда Балезинского района. Носителями юндинского говора являются бесермяне, проживающие по р. Юнде. Отсюда и названия исследуемых говоров. На сегодняшний день недостаточно изученным остается ворцинский говор. Требуются дальнейшие полевые исследования и анализ имеющихся языковых материалов. Деревня Ворца – один из крупных населенных пунктов – является административным центром МО «Сельское поселение Ворцинское». По национальному составу население относится к разряду смешанных: совместно проживают бесермяне, удмурты, татары и русские.

Безусловно, бесермянским говорам характерны многие общие черты, в частности единый словарный фонд и общие фонетические и грамматические особенности. Вместе с тем все единичные различия, даже на первый взгляд кажущиеся незначительными, следует фиксировать не только в интересах языка и его носителей, но и в целях сохранения соответствующих лингвистических знаний. Данная проблема особенно актуальна именно сейчас, в условиях глобализации, когда в результате интеграции, в том числе культурной, утрачивается своеобразие территориальных разновидностей национального языка. Без учета своеобразия местных говоров наши общие представления об удмуртском языке и, следовательно, удмуртском народе, оказываются неполными. Более того, утрата диалектных особенностей может привести к вымиранию диалектов как таковых.

Определенное влияние на язык бесермян оказывают севернoudмуртские диалекты и русский язык. В юндинском говоре уже прослеживается постепенное стирание бесермянских особенностей. Следует отметить, что молодое поколение всё реже общается на своем диалекте, сфера функционирования которого заметно сужается. В школах обследованных населенных пунктов дети изучают удмуртский литературный язык по основной программе или только разговорный курс (для обрусевших детей). Так, дети дошкольного возраста чаще разговаривают на русском языке. Многие молодые родители не считают нужным изучать и знать свой родной язык и свой говор. В этой связи автор статьи проводит сбор полевого лингвистического материала в ходе общения с бесермянами преимущественно пожилого возраста.

Радует тот факт, что в последнее время все большее внимание уделяется изучению бесермянского наречия: происхождению, истории, современному состоянию. Исследованием бесермянского наречия стали заниматься ученые филологического факультета МГУ (отделение теоретической и прикладной лингвистики). Определенный интерес с точки зрения фиксации бесермянской лексики представляет работа «Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка» [2013]. Материал был собран в ходе лингвистических экспедиций (2003–2013гг.) в деревню Шамардан Юкаменского района Удмуртской Республики (лекминский говор). Словарь включает в себя более трех тысяч статей; по каждой бесермянской лексеме дана грамматическая, словообразовательная и стилистическая информация. Как отмечают авторы, «<...> в примерах к статьям слова записаны ближе к их реальному произнесению, а заглавия статей, скорее, отражают

фонемный состав слова, чтобы сделать более прозрачным механизм бесермянского словообразования» [2013, 524].

Актуальность исследований вышеуказанных говоров обусловлена и тем, что диалекты отражают многовековой опыт материальной и духовной культуры удмуртского народа. Необходимо систематизировать и обобщить все лингвистические материалы, собранные учеными за всю историю изучения бесермянского наречия. Это может способствовать не только сохранению говоров, но и расширению знаний о сложности удмуртского языка, о наличии в нем территориальных различий и о тех богатствах и выразительных возможностях, которыми он располагает. К тому же более подробное изучение этой темы может содействовать решению вопроса о происхождении бесермян, которое до настоящего времени точно не выяснено.

Литература

1. Атаманов М. Г. Происхождение удмуртского народа. – Ижевск: Удмуртия, 2010. – 576 с.
2. Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 1. – Ижевск: Изд. дом “Удмуртский университет”, 2003. – С. 99–135.
3. Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.
4. Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. – 200 с.
5. Словарь бесермянского диалекта удмуртского языка / Ред.-сост. А. И. Кузнецова, Н. В. Сердобольская, М. Н. Усачева, О. Л. Бирюк, Р. И. Идрисов. – Москва: ТЕЗАУРУС, 2013. – 540 с.
6. Тепляшина Т. И. Язык бесермян // АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1970. – 288 с.
7. Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. – Helsingfors, 1893. – XX + 200 S.
8. Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben II: Sprichwörter, Rätsel, Märshen, Sagen und Erzählungen. – Helsingfors, 1901. – IV + 200 S.

УДК 391.4(=35)

А. Дж. Магомедов, г. Махачкала

ОБ ОДНОМ ТЮРКИЗМЕ В НАЗВАНИЯХ ЖЕНСКИХ ГОЛОВНЫХ ПОКРЫВАЛ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

На основе ряда лингвистических материалов из дагестанских языков (название головного покрывала «ашмаз» и др.) сделана попытка выявить инокультурное влияние в формировании женских покрывал Дагестана. Несмотря на это, дагестанские традиционные покрывала отличаются своей самобытностью.

Ключевые слова: традиционный женский головной убор Дагестана, головное покрывало женщин, тюркизмы в дагестанских языках, исламская одежда, инокультурное влияние, чадра.

ABOUT ONE TURKIC GLOSS IN THE NAMES OF FEMALE HEAD BEDSPREADS OF THE PEOPLES OF DAGHESTAN. *On the basis of a number of linguistic materials of the Dagestan languages (the name of a cover ašmaz, etc.) an attempt to reveal foreign culture influences in shaping of female covers of Dagestan is made. At the same time despite such influences the Dagestan traditional covers differ from the Islamic forms of head covers.*

Keywords: traditional female headdress of Daghestan; female cover, Turkic gloss in the Daghestan languages, Islamic clothes, chadra, foreign culture influences.

В названиях одежды Дагестана немало тюркизмов, «попавших» в языки Дагестана в разные эпохи и отражающих происходившие в прошлом контакты между культурой региона с культурами других народов. В основательной во многих смыслах монографии

Н.С. Джидалаева дано немало таких тюркизмов [Джидалаев 1990, 113-121]. Наша статья – попытка продолжить выявление таких языковых единиц.

Начнем с того, что, пытаясь понять историю формирования дагестанских женских покрывал, мы обратили внимание на встречающуюся практику прикрывания платком нижней части лица (нос, рот, подбородок). Женщины с. Ахты такое ношение платка называют *ашмах ану* (лезг. диал.), т.е. «закрылась платком», выражение, которое, видимо, появилось после распространения в Дагестане платков, заменивших во многих местах женские покрывала. Азербайджанки Дагестана же в этих случаях говорят *яшмаг вурду*. Интересно, что *яшмагом* называли практику покрытия платком «по-особому» нижней части лица и талыши Азербайджана [Аджиев 1991].

Эти выражения буквально и по смыслу означают «закуталась», «закрылась», «особо одела (платок)». При этом правый конец сложенного треугольником платка прикрывает нижнюю часть лица и закидывается за левое плечо. Такое одевание платка было обязательным для замужних женщин. Эта форма «закрывания» платком лица напоминает особенность головного убора, распространенного в странах Ближнего и среднего Востока – никаба, паранджи, особенно чадры.

Такая практика была более распространена среди населения, исповедующего шиизм и носящего чадру как головной убор. Поэтому можно предполагать, что мы сталкиваемся с влиянием шиитских традиций на суннитское население Дагестана в формах ношения головных уборов. Интересно и то, что хотя женщины в чадре ходят с открытым лицом, но при случае женщина может мгновенно задрапироваться. Дело в том, что та же азербайджанка, как пишут этнографы, при выходе из дома поверх всего наряда обязана была надевать чадру *чаршаб*, закутываясь в нее с головы до пят. Но при этом обязательной принадлежностью чадры был еще и *рубенд* – покрывало на лицо, с ажурной сеткой для глаз [Азербайджанская национальная одежда 1972]. Видимо, со временем вместо *рубенда* для прикрывания лица стали использовать драпировку покрывала или «особую» форму ношения платка.

Название *чаршаб* (чадра) в виде фонетически видоизмененного *шаршаб* (*чарчав*) встречается и в ряде дагестанских языков (лезг., авар, дарг.) как название чадры, паранджи, завеси для лица или как название ткани, простыни, шелкового платка, «которым закрывают лицо невесты» [Джидалаев 1990, 119].

В связи с поисками наше внимание привлекло и название женского покрывала *ашмаг*, встречающееся у кайтагцев, у одной из этногрупп Дагестана [Алимова 1998, 125-126]. Кроме кайтагцев такое название женских покрывал бытует и у их соседей, граничащих с ними – даргинцев-сирхинцев и агульцев. Известный этнограф Е.М. Шиллинг в свое время отмечал немало и других контактных явлений в этнокультурах населения этой зоны, граничащей с территорией Кайтага [Шиллинг 1998, 53, 54].

Слово *ашмаг* в фонетически измененном виде есть и в языке кубачинцев, а также жителей села Сулевкент, говорящего на говоре кубачинского языка. Кубачинское слово *бачмаг* означает переднюю часть покрывала (в надетом положении она прикрывает грудь), а у сулевкентцев *вачмаг* – название каймы, пришиваемой к нижнему краю женских штанин. Семантическая трансформация слова *ашмаг* в сулевкентском могла быть связана с представлениями ислама о необходимости прикрывать не только нижнюю часть лица, но и щиколотки ног с помощью такого *вачмага*. Не случайно, персидская чадра (*чадир*, *чодар*), состоящая из большого платка или двух платков и не обеспечивающая полного сокрытия фигуры женщины, дополнялась специальными уличными шароварами, которые не носили дома. Основной смысл таких шаровар – прикрывать щиколотки ног.

О том, что традиционные женские покрывала Дагестана так или иначе связаны с исламскими культурными влияниями свидетельствует и тот факт, что в Дагестане бытовали и различные «приспособления» (они имеют разные названия), удерживающие покрывало на голове, аналогичные во многом арабскому шерстяному жгуту *агалю* [Ирак –

Википедия]. «Эта принадлежность головного убора вообще широко бытовала на Востоке, в частности в арабских странах», – обратила внимание в свое время и известный исследователь народной одежды Дагестана С.Ш. Гаджиева. Она же писала, что «во многих обществах горного и Южного Дагестана поверх покрывала носили повязки в виде чалмы» [Гаджиева 1981, 105].

Остановимся на этимологии этого слова. *Йашмак* (*йашмах*) во многих тюркских языках означает «тонкое покрывало (вуаль), которым женщина закрывает лицо, нижнюю часть лица, рот, голову и грудь». При этом слово объясняется из пратюркского *йаш-*, означающим «прятаться», «скрывать/ся» и имеющим монгольские и тунгусо-манчжурские параллели [Этимологический словарь 1989, 160]. При этом любопытно и то, что в том же источнике («Этимологический словарь тюркских языков»), на который мы ссылаемся, отмечено, что это слово из тюркских языков было заимствовано арабским (в значении «покрывало, вуаль»), а также лезгинским и балканскими языками. [Этимологический словарь 1989, 160]. На тюркское происхождение слова указывают и другие лингвисты. Так, исследователь гагаузского языка В. Каранфил, «принимая во внимание звуковое чередование, характерное для тюркских языков», сравнивает тюркское слово *башмак* с названием одежды из азербайджанского языка – *йашмаг*, образованным по аналогичной модели» [Каранфил 2013, 46].

О том, что это слово попало в арабский язык указывает и современное название мужского головного убора у арабов. Это убор *йешмаг* (*шемаг*, *яшмаг*) в виде платка, придерживаемый закрученным вокруг головы шерстяным жгутом (*агалем*). Такой головной убор у арабов имел древние корни, но под другим названием [Немес – Википедия].

Трудно предполагать, что в дагестанские языки это слово попало из арабского. Скорее всего, слово заимствовано из азербайджанского языка (в кумыкском языке такого слова нет). Слово, как, возможно, и покрывало, трансформировавшееся позже в локальные разновидности, связано с исламскими верованиями, требующими закрытия женщинами части лица.

Резюмируя вышеизложенное и сопоставляя этнографические реалии с семантикой названия покрывал (*ашмаг*, *яшмаг* и др.), бытующих у ряда этносов Дагестана, можно сказать, что в условиях трудовых будней идейные установки ислама не всегда исполнялись. Народный ислам Дагестана исходил из принципа здравого смысла в выборе одежде и ее ношении. Да и трудная жизнь в условиях гор не оставляла выбора. Потому основные формы покрывал дагестанских женщин существенно отличаются от традиционных исламских форм головных покрывал [*].

Литература

1. Аджиев М. Талыш, Чаруж и другие // Вокруг света. Ноябрь. 1991 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7026/> (дата обращения: 05.11.2016).
2. Азербайджанская национальная одежда. – М.: «Искусство», 1972 [Электронный ресурс]. URL: <http://vneshnii-oblik.ru/azerbaidjanskaya-odegda.html> (дата обращения: 05.11.2016).
3. Алимова Б. М. Кайтаги. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. – Махачкала, 1998. – 232 с.+илл.
4. Гаджиева С. Ш. Одежда народов Дагестана XIX – начала XX в. – М., 1981. – 150 с., илл.
5. Джидалаев Н. С. Тюркизмы в дагестанских языках. Опыт историко-этимологического анализа. – М.: Наука, 1990.
6. Ирак – Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%80%D0%B0%D0%BA> (дата обращения: 05.11.2016).
7. Каранфил В. (Гюллю). Бытовая лексика гагаузского языка (На основе названий одежды и обуви). URL: <http://soiuzgagauzov.ru/wp->

content/uploads/2013/03/Bitovaia_leksika_gagauzkogo_yazika.pdf (дата обращения: 07.12.2016).

8. Немес – Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D1%81> (дата обращения: 24.12.2016).

9. Шиллинг Е. М. Агулы // Панек Л. Б., Шиллинг Е. М. Сборник очерков по этнографии Дагестана. – Махачкала, 1996. – С. 52-54.

10. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Отв. ред. Л.С. Левитская, авт. сл. статей Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. – М., 1989. – 291 с.

*Автор выражает признательность своим информантам и консультанту – канд. филол. наук, уроженке с. Ахты РД, Гашаровой Аиде, учителям Ахмедовой Хадиже из с. Хучни (Табасаранский район РД), Алиевой Аминат из с. Шияги (Кайтагский район РД), специалисту по тюркским языкам, д-ру филол. наук Гусейнову Гарун-Рашиду.

УДК 811.351.12

М. А. Магомедов, М. М. Магомедова, г. Махачкала

ПАДЕЖНОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ В АРАДЕРИХСКИХ ГОВОРАХ ХУНЗАХСКОГО ДИАЛЕКТА АВАРСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются вопросы падежного словоизменения имени в арадерихских говорах аварского языка, устанавливаются способы образования и изменения косвенной основы единственного и множественного чисел.

Ключевые слова: аварский язык, именное словоизменение, косвенная основа.

ARADERIX SUBDIALECTS OF THE HUNZAKH DIALECT OF THE ABAR LANGUAGE. *The article deals with the issues of the case name change in the Araderich dialects of the Avar language, the ways of forming and changing of the indirect basis in the singular and in the plural.*

Keywords: Avar language, nominal word change, indirect basis.

Способы образования косвенной основы в литературном аварском языке весьма разнообразны. Г. И. Мадиева [Мадиева 1981, 36-38] выделяет восемь способов или типов образования косвенной основы. Арадерихские говоры, в основном, укладываются в эти восемь типов или способов, хотя имеются и отличия, о которых будет сказано ниже.

1. Косвенная основа остается без изменения или совпадает с прямой. Это, в основном, одно-двухсложные имена существительные: чу «лошадь» – чу-цца (лит. чо-цца), дада «отец» – дада-цца, клуду (лит. клудо) «бабушка» – клуду-цца.

2. К косвенной основе наращиваются гласные а, у, и: цлцлад «дождь» – цлцлад-а-цца, члар «сорняк» – члар-а-цца, ракъ «земля» – ракъ-у-цца, бакъ «солнце» – бакъ-у-цца, хлан «сыр» – хлан-и-цца, ссахI «мерка» – ссахI-и-цца.

3. В косвенной основе меняется последний гласный исходной основы: газа «кирка» – гази-цца (лит. гозо-цца), хлама «осел» – хлами-цца, нухъа «ворон» – нухъи-цца.

4. Наращение гласного сочетается с выпадением гласного в исходной основе: хлхъел «пар» – хлхъл-а-цца, клиликI «серьга» – клилкI-и-цца, гъамасс «сундук» – гъансс-и-цца, ххветер «опилки» – ххветр-а-цца.

5. Наращение гласного сочетается с изменением корневого гласного: чед «хлеб» – чад-и-цца, ххер «травя» – ххар-и-цца, цлцлер «лед, стекло» – цлцлур-у-цца (лит. цлцлор-о-цца), бел «лопата» – бал-и-цца (лит. боло-цца).

6. В косвенной основе меняются обе гласные исходной основы: гьуркъу (лит. гьоркъ-о) «расческа» – гьаркъи-цца, глурту (лит. глорто) «мерка» – гларти-цца, къали «мерка» – къулу-цца (лит. къоло-цца), сири «дрожь» – суру-цца (лит. соро-цца).

7. К косвенной основе наращивается слог -да-, сочетающийся с нерегулярными преобразованиями: рахъ «молоко» – рахъ-да-цца, члагIа «буза» – члагI-да-цца, лълъин «вода» – лълъа-да-цца.

8. К косвенной основе наращиваются слоги *-за-, -зу-, -ру-, -лу-, -ву-*: *мугъ* «спина» – *мугъ-за-цца*, *кIал* «рот» – *кIал-зу-цца*, *муцIул* (лит. *моцIул*) «луна», «месяц» – *муцIул-ру-цца* (лит. *моцIул-ро-цца*), *нух* «дорога» – *нух-лу-цца*, *си* «башня» – *си-ву-цца*.

На наш взгляд, все изменения, происходящие при образовании косвенной основы не укладываются в перечисленные. Более правильной была бы классификация по одно- и двухсложным словам, так как подобным изменениям подвергаются имена только этого типа. У трех и более сложных слов корневой гласный при образовании косвенной основы ед. числа не изменяется: *гъадара* «тарелка» – *гъадри-цца*, *хIелеку* (лит. *хIелеко*) «петух» – *хIелки-цца*, *гъатахъвара* «уж (зоол.)» – *гъатахъвара-й-альль*.

Падежное словоизменение строится по принципу «двух основ». Основа именительного падежа принимается за прямую, а любая другая – за косвенную. Из выделяемых А. С. Чикобава [1948, 7] в аварском аффиксов *-з, -льль, -с* (позднее: *-(а)сс, -(а)льль, -цца, -(а)з* в лит. яз. – 1962: 99), *-з, -льль, -с* М. Е. Алексеев [1988, 13] рассматривает не как показатели эргатива, а косвенной основы. Он пишет: «Следует заметить, что факт совпадения формы эргатива с косвенной основой у одной группы имен порождает порой неоправданное смешение функционально разноплановых аффиксов» [Алексеев 1988, 13].

Аблаут или чередование корневых гласных во многом влияют на образование косвенной основы [Шифнер 1862; §§ 54-57; Услар 1889: §§ 47, 53; Жирков 1924, 102-103]. На отсутствие у вокалических чередований такого типа смысловоразличительной роли впервые указывают А. С. Чикобава и И. И. Церцвадзе [1962, 124-130]. М. Е. Алексеев [1988, 15] пишет: «...фонетические процессы могли играть определенную роль в формировании нынешней системы чередования гласных в аварском языке».

Некоторые признаки смысловоразличительной роли вокалических чередований демонстрируют, тем не менее, исследуемые нами говоры, которые образуют косвенную основу иначе, чем в литературном языке, например: *бел* «лопата» – *бал-и-цца* (лит. *бел-бол-о-цца*), *чIетI* «блота» – *чIатI-и-цца* (лит. *чIетI – чIотI-о-цца*), *гъуд* «ложка» – *гъуд-и-цца* (лит. *гъуд – гъуд-о-цца*), *газа* «кирка» – *гази-цца* (лит. *газа – гозо-цца*), *тIехъ* «книга» – *тIахъ-и-цца* (лит. *тIехъ – тIохъ-о-цца*) и т.д. В арадерихских говорах невозможны формы *чIутI-у-цца, гузу-цца, гъуд-у-цца*, хотя они были бы результатом укания (ср. лит. *чIотI-о-цца, гозо-цца, гъуд-о-цца*). В арадерихских говорах имеются формы такого типа, но первые два – это формы косвенные основы множественного числа, а третья – косвенная основа множественного числа от слова другой семантики: *гъе-ду* «ворона» (косвенная основа единственного числа – *гъа-ди-*, косвенная основа множественного числа *гъуду-*). Возможна форма *гъутI-у-цца* – как форма эргатива единственного и множественного числа.

Литература

1. Алексеев М. Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. – М., 1988. – 223 с.
2. Жирков Л. И. Грамматика аварского языка. – М., 1924. – 173 с.
3. Магомедов М. А., Гаджибекова Н. С. Морфологические категории имени существительного в аварском и андийском языках. – Махачкала, 2011. – 146 с.
4. Магомедов М. А. О некоторых особенностях системы склонения арадерихских говоров аварского языка // Молодежь и научно-технический прогресс: Тезисы докладов XII Респ. науч.-практич. конф. молодых ученых и специалистов Дагестана. – Махачкала, 1988. – С. 85.
5. Мадиева Г. И. Морфология аварского литературного языка. – Махачкала, 1981. – 160 с.
6. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание III. – Аварский язык. – Тифлис, 1889. – 295 с.
7. Чикобава А. С., Церцвадзе И. И. Аварский язык. – Тбилиси, 1962. – 422 с. (на груз. яз.)

8. Чикобава А. С. Из истории образования эргативного (активного) падежа в аварском языке // Языки Дагестана. – Вып. I. – Махачкала, 1948.

9. Schiefner A. Versuch über das Awarische // Mem. Acad. Imp. Sci. – Ser. 7. 1862. – Т. 5. – № 8.

УДК 80.74.261.3

Д. В. Макарова, В. Ф. Рогожина, г. Саранск

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ УЧЕБНОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена изучению формирования навыков использования образных средств в поликультурном образовательном пространстве на основе сопоставления русских и мордовских (моксианских) диалектных идиоматических выражений. Актуализация новых форм диалога в учебном дискурсе способствует формированию толерантного сознания обучающегося. Главное достоинство подобной образовательной модели – открытость для коммуникации и возможность развития межнациональных отношений в российском обществе.

Ключевые слова: учебный дискурс, фразеологические выражения, толерантное сознание, новые формы диалога.

FORMATION OF SKILLS OF USING DIALECTICAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE MULTICULTURAL LEARNING DISCOURSE. *The article deals with the formation of the skills of using expressive means in the multicultural educational space on the basis of contrasting Russian and Moksha dialectal idiomatic expressions. Mainstreaming of new dialogue forms in learning discourse contributes to fostering students' tolerant attitude of mind. The main advantage of the given educational model lies in open opportunities for communication and development of tolerant inter-ethnic relations in Russian society.*

Keywords: learning discourse, phraseological units, tolerant attitude of mind, new dialogue forms.

В поликультурном образовательном пространстве основным фактором формирования и самореализации языковой личности учащегося является школа.

Язык в поликультурном учебном дискурсе – это и объект изучения, и средство обучения, позволяющее воспитывать в подрастающем поколении национально-культурную самоидентичность, использование богатого опыта взаимовлияния и культурно-исторического взаимообогащения разных культур для формирования поликультурной толерантной личности.

В отечественной методике одной из главных целей речевого развития считалось развитие дара слова, т.е. умения выразить точное, богатое содержание в устной и письменной речи. Решение задачи научить детей чисто и правильно говорить на родном языке в общении друг с другом и взрослыми в различной деятельности находит свое воплощение в таких требованиях к речи обучающегося, как ее правильность и выразительность.

Одним из путей удовлетворения вышеобозначенным требованиям является, на наш взгляд, работа с фразеологической микросистемой, входящей в общую систему языка, которая по праву считается ценнейшим лингвистическим наследием, в котором отражаются видение мира и национальная культура социума.

Фразеологизм – душа каждой культуры. Составной частью народно-разговорной речи являются фразеологические единицы, которые передаются из уст в уста, от поколения к поколению. Знакомство с фразеологией позволяет глубже понять историю народа, его отношение к человеческим достоинствам и недостаткам, специфику мировоззрения. Изучение фразеологии составляет необходимое звено в усвоении языка, в повышении культуры речи. Правильное и уместное использование фразеологизмов придаёт речи неповторимое своеобразие, особую выразительность, меткость, образность.

Фразеология представляет собой выражение национальной самобытности носителей языка. Образы, закреплённые во фразеологическом составе, так или иначе связаны с материальной, социальной или духовной культурой народа. Ребенок усваивает их вместе с

языком. Через фразеологию он познает историю народной жизни, приобщается к общенациональным, социально значимым ценностям, устоям общества. В результате обогащается не только его речь, но и национальное самосознание.

Таким образом, одной из актуальных проблем методики развития речи обучающихся была и остается проблема формирования образных средств языка, которые способствуют точной, яркой, выразительной передаче смысловой информации путем употребления фразеологических оборотов.

Общеизвестно, что фразеология представляет собой универсальное явление, свойственное всем языкам мира. Поэтому даже очень разные по всем параметрам языки имеют много общего. Фразеологические обороты в этом смысле можно сравнить со сказочными «бродячими сюжетами» или мифами о создании мира. Так, например, фразеологический фонд мордовских языков «сопровождает» фразеологические новообразования различных периодов экономических, социальных и политических преобразований в обществе. В настоящее время новые фразеологические обороты постоянно возникают в речи и, активно употребляясь, входят во фразеологический состав языка, обогащают его новыми выразительными средствами. Изучение разговорной фразеологии позволяет проникнуть во внутренний мир человека, выявить основные культурные, нравственные ценности, главные особенности национального характера и речевого поведения представителей территориально замкнутого социума.

В последнее время финно-угорские и русские исследователи большое внимание стали уделять проблемам диалектной и разговорной фразеологии [Бузакова 2000, Грачева 2005, Захаров 2006, Кузнецова 2000, Кулакова 2013, Рогожина 2013, Семенова 2007, Ширманкина 2000].

Диалектная фразеология – это та часть фразеологии национального языка, которая создаётся и живет в речи отдельных локальных групп этноса. По мнению Р.С. Ширманкиной, изучение диалектной фразеологии важно и для истории языка. В структуре многих фразеологических единиц сохранились архаичные лексические, морфологические и фонетические явления, отсутствующие в литературном языке [Ширманкина 1970, 318].

В.Ф. Рогожина считает, что мокшанская разговорная речь чрезвычайно богата запасами специфической фразеологии [Рогожина 2013, 70]. С помощью исследования фразеологизмов, характеризующих человека, можно создать представление о миропонимании человека, окружающей его действительности, богатстве выразительных языковых средств, эмоциональной жизни народа; определить направления, в которых необходимо прилагать усилия для развития культуры и языка. Фразеологизмы характеризуют все стороны жизни человека. Например, фразеологизмы со словом «голова» могут выражать и отношение, оценку человеком окружающих его предметов, других людей, отражать взаимоотношения людей: *садиться на голову* ‘навязывать своё мнение, диктовать свои условия, предъявлять свои требования’. Нередко описываемая группа фразеологизмов с присущей ей яркостью и точностью передаёт тонкие эмоциональные и физические состояния человека или даёт его общую характеристику: *прязе, пряце, пряц* и т.д. «моя (твоя, его, её) голова идёт кругом» ‘утратить способность мыслить здраво’, *вяри прянь кандозь* «высоко держать/нести голову» ‘слыть гордецом, быть независимым’. К этой же категории можно отнести и устойчивые выражения, значения которых связаны с эмоционально-психической жизнью человека: *прязе, пряце, пряц лопади (сязеви)* и т. д. «голова пухнет (букв. рвется)». Весьма часто фразеологизм со словом «голова» имеет значение жизни, ибо эта часть тела является поистине жизненно важным органом: *аделамс пря* «поплатиться головой» ‘расплатиться жизнью’; *пильгонь-прянь синдезь* «очертя голову» ‘отчаянно, безрассудно’.

В «Толковом словаре русского языка» авторов С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой компоненту *голова* дается несколько значений [Ожегов 1999, 135].

Как отмечает А. И. Кузнецова, в пределах фразеосемантической группы слов с компонентом «части тела» первое место делят между собой в финно-угорских и самодийских языках существительные со значением «голова», «руки» и «ноги» [Кузнецова 2000, 179].

Изучение и сопоставление русских и мордовских фразеологизмов на занятиях по русскому и мордовским (мокшанскому, эрзянскому) языкам содержит в себе огромный образовательный, развивающий и воспитательный потенциал. Успешное усвоение фразеологических единиц учащимися поликультурного учебного дискурса требует целенаправленной, специально организованной работы. Например, в русском языке употребляется диалектный фразеологизм *«расплакаться, как мордовская невеста»* – в значении ‘начать плакать часто и без причины’. – *«В мордвах обычй раньшы был: невестъ во время свадьбы въ прощаницъ пѣтхходилъ к кажнѣму сталбу, к кажнѣй вешчы в доми и фсѣ вопилъ, и у нас пѣговоркѣ така была: хто плачѣт пѣ любому повѣду, частъ, ему гѣворили: «Што расплакѣлсь, как мордофскѣя невеста»* (Красные Поляны. Ардатов) [Семенкова 2007, 206].

Особую роль в достижении данной цели имеют задания, формирующие соответствующие коммуникативные умения и навыки. Эффективность этих заданий основана на том, чтобы коммуниканты были поставлены в условия, при которых они общались бы на предложенную учителем тему с использованием заданных фразеологизмов. Заинтересованность в тематике и максимальная вовлечённость учащихся в её активное обсуждение – залог успеха в поликультурном диалоге. Для этого в процессе обучения необходимо использовать приёмы, обеспечивающие реальное общение в учебной обстановке: решение проблемных заданий, дискуссии, составление диалогов и рассказов, ролевые игры.

В рамках коммуникативных заданий на основе фразеологических единиц данные методические приёмы наполняются новым содержанием. При проведении коммуникативных мероприятий фразы, устойчивые сочетания слов и фразеологические единицы, необходимые в данной ситуации общения, рекомендуется выписать на доске и обратить на них внимание учащихся до проведения мероприятия.

Проблемные задания – удачная форма проведения урока-диалога. Их цель – научить высказывать своё мнение, вносить предложения, запрашивать информацию, сравнивать, соглашаться или опровергать утверждения, при этом использовать ранее изученную лексику, в том числе наиболее распространённые фразеологические единицы. В качестве проблемных заданий учащимся можно предложить следующее:

1. Создайте диалог на тему «С какими правилами речевого этикета вы знакомы?», используя фразеологизмы данной тематической группы (*морочить голову, пускать пыль в глаза, бабушкины сказки, ясное дело, от всей души, из уст в уста, с глаза на глаз, один на один, заговаривать зубы* и т.д.).

2. Создайте рассказ о том, что вы видите, когда идёте в школу. При этом используйте фразеологизмы данной тематической группы (*в двух шагах, сбивать с толку, легок на ногу, иметь в виду, на каждом шагу, в два счета, потерять из виду* и т.д.).

3. Используя «Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия» (авт. Р. В. Семенкова) и «Фразеологический словарь мокшанского языка» (авт. Н. А. Кулакова, В. Ф. Рогожина), выпишите и сопоставьте фразеологизмы со значением «речь» (внутренняя и внешняя). Что вы можете сказать о частотности употребления этих идиом?

Дискуссия относится к наиболее продуктивным видам коммуникативных мероприятий. Учащимся можно предложить следующие темы для проведения дискуссий: 1. «Сказка – ложь, да в ней намек...»... Какой?

Используйте фразеологизмы данной тематической группы (*замазывать глаза, морочить голову, пускать пыль в глаза, бабушкины сказки, ясное дело, от всей души* и т.д.). Какие диалектные фразеологизмы, аналогичные тематической группе, есть в мордовских языках?

2. Используя фразеологизмы данной тематической группы (*дрожать над каждой копеечкой, душа нараспашку, сводить концы с концами, класть зубы на полку, и так и сяк, лезть из кожи вон, хлеб насущный, окунуться с головой, пустой как лахудра, брать под карандаш, как овца в репьях, ходить по займам, подшибиться деньгами* и т.п.), напишите сказку в одном из жанров (бытовую, волшебную или о животных). Какова мораль ваших сказок? Чему они учат? Переведите (по возможности) свою сказку на мордовские (мокшанский, эрзянский) языки.

3. Напишите сочинение на тему: «Умеем ли мы любить?», используя фразеологизмы данной тематической группы (*и так и сяк, окунуться с головой, от всей души, не сводить глаз, бок о бок, трепать нервы, потерять рассудок, лить слезы, тропку тропить, в обычай, в совесть, как корнями обвести* и т.п.). Выделите в написанном сочинении диалектные фразеологизмы, объясните их значение.

4. Составьте короткие диалоги, используя фразеологизмы тематической группы: *труд – безделье (палец о палец не ударить, изо всех сил, лезть из кожи вон, хлопать глазами, поднять на бодалки, никакого прозора нет, продыху не знать, просветья не видать, валтузиться в грязи, тянуть жилы, ни вздохнуть ни спину разогнуть, никак не разогнуться, дело к стороне, не бей лежачего, наряжать по дворам, руки разверить, свои руки, толкать за дела, рубить пазы, хвост парить, идти передом, быть в мосуах, всю спину сломать* и т.п.). Выделите диалектные фразеологизмы и укажите их значения. Переведите составленные диалоги на мордовские языки.

5. Составьте устный рассказ на тему «Все в мире – братья», используя фразеологизмы данной группы (*душа нараспашку, от всей души, из всех сил, змея подколотная* т. п.). Переведите (по возможности) свой рассказ на мордовский язык.

Продумывая работу над анализом фразеологических единиц, учитель должен спланировать работу по определению значений фразеологизмов, так как большая часть учащихся, возможно, и не знает значений устойчивых сочетаний. Также в системную работу должны войти задания, необходимые для развития коммуникативной компетентности учащихся: введение фразеологизма в контекст, составление диалога и теста с устойчивыми сочетаниями.

Таким образом, одним из эффективных средств формирования устно-речевых и письменных навыков у учащихся являются фразеологические единицы. Целью обучения уместному использованию фразеологических единиц является развитие у учащихся способности в соответствии с их реальными потребностями и интересами осуществлять устно-речевое и письменное общение в разнообразных ситуациях, применяя фразеологизмы для оживления процесса научно-учебного взаимодействия в поликультурном образовательном пространстве.

Литература

1. Бузакова Р. Н. Стилистическая функция экспрессивных слов в мордовских языках // Финно-угристика на пороге III тысячелетия: Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов. – Саранск, 2000. – С. 65-68.

2. Грачева Ф. Г., Мустаев Е. Н. Фразеологизмы со значением качественной оценки человека в марийском языке // Проблемы марийской и финно-угорской филологии : Межвузовский сборник научных трудов / ГОУ ВПО «МГПИ им. Н. К. Крупской». – Йошкар-Ола, 2005. – С. 19-27.

3. Захаров Б. Ф. О финно-угорских вкраплениях в структуре диалектных фразеологизмов (на материале говоров Починковского района Нижегородской области) // Взаимодействие и взаимовлияние языков и литератур народов Поволжья и Приуралья: Материалы межрегион. науч. конф. – Саранск, 2006. – С. 110-114.

4. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.

5. Кузнецова А. И. Типология фразеологических единиц с соматическим компонентом в уральских языках // Финно-угристика на пороге III тысячелетия:

Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов. – Саранск, 2000. – С. 179-183.

6. Кулакова Н. А., Рогожина В. Ф. Мокшень кялень кевонзаф валсюлмонь валкс. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 200 с.

7. Кулакова Н. А., Рогожина В. Ф. Семантическая характеристика фразеологических единиц, выражающих понятие времени в мокшанской разговорной речи // Финно-угорский мир. – 2015. – № 3. – С. 53-57.

8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

9. Рогожина В. Ф. Функционирование фразеологизмов в мокшанской разговорной речи и их семантическая группировка // Финно-угорский мир, 2013. – № 2. – С. 70-77.

10. Семенкова Р. В. Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – 332 с.

11. Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Школьный фразеологический словарь русского языка. 2-е изд. – М.: Дрофа; Русский язык, 1997. – 368 с.

12. Ширманкина Р. С. Эрзянские говоры и фразеологизмы // Финно-угристика на пороге III тысячелетия: Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов. – Саранск, 2000. – С. 318-322.

УДК 811.512.14

А. Р. Махмудов, с. Барда Пермского края

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГАЙНИНСКИХ БАШКИР

Статья посвящена разговорному языку гайнинских башкир, который исследователи ныне относят к среднему диалекту татарского языка и северо-западному диалекту башкирского языка. Дается краткий историографический обзор деятельности казанских и уфимских диалектологических экспедиций в Бардымском районе Пермского края.

Ключевые слова: башкирский язык, татарский язык, диалект, говор, экспедиции.

LANGUAGE FEATURES OF GAYNINSK BASHKIR. The article is devoted to the colloquial language of Gayna Bashkirs, which researchers now refer to the middle dialect of the Tatar language and the north-western dialect of the Bashkir language. A brief historiographical review of the activities of the Kazan and Ufa dialectological expeditions in the Bardym district of the Perm region is given.

Keywords: Bashkir language, Tatar language, dialect, talk, expeditions.

Гайнинский говор, в другой классификации Бардымский подговор, – бытовой говор, классифицируемый по-разному: во-первых как говор северо-западного диалекта башкирского языка, на котором разговаривают пермские башкиры. В другой классификации рассматривается как бардымский подговор пермского говора среднего диалекта татарского языка и относится к гайнинцам и пермским татарам.

Первые научные исследование языка пермских татар и башкир сопоставил ученый-энтузиаст А.Г. Бессонов, который рассматривал татарское казанское наречие и наречия близких к нему народов. Бессонов определил, что в Осинском уезде «башкиры значительно преобладают и таким образом отделяют татарское население Пермской губернии от сильного непосредственного влияния татарского населения Казанского губернии; по этой причине в Пермской губернии из смешения татарского и башкирского наречий образовалось особое наречие, заключающее в себе черты их обоих». В своей статье автор резюмирует, что «недалеко конечно уже то время, когда и другие башкиры, путем, главным образом, перехода от полукочевого быта к чисто оседлому, с усилением влияния татар в бытовом и религиозном отношениях, отатарятся». Пример этого процесса автор видит у «оренбургских полевых башкир, которое началось в недавнее время и на наших глазах уже сделалось уже совершенным» [Бессонов 1881, 232].

Особый интерес для нас представляют результаты переписи 1920 г. по национальному составу башкирского населения Осинского и Пермского уезда. Наши данные взяты из первоисточника – личного листка и являются ответом самого крестьянина на вопрос относительно его этнической идентичности и родного языка. К сожалению в архиве сохранились не все учетные листы, а имеются лишь 271 карточка. Подавляющее большинство из Бардымской, Елпачихинской, Сарашевской волостей указали национальность башкир, родной язык татарский. Часть жителей уже Башкиро-Култаевской волости Пермского уезда, в т.ч. 16 башкир указали что их родной язык башкирский. Эта языковая особенность будет прослежена и в последующих переписях населения [ИБР Гайна 2015, 607-617]. Таким образом, сохраняя свое башкирскую этничность бардымцы своим родным языком признавали татарский язык, противопоставляя свой говор литературному башкирскому языку.

Тем не менее национальное самосознание башкирского народа сохранило этот чистый, истинный язык башкир, юго-восточный диалект, который был принят за норму литературного, который и отличает башкирский язык, в частности избытком звука «h» от татарского языка. В свое время башкирская национальная элита не сочла правильным включение в норму литературного башкирского языка особенностей диалекта северо-западных башкир. Так видный башкирский публицист-революционер Шагит Худайбердин смотрел на проблему создания литературного языка гораздо шире, с государственной точки зрения, а именно с охватом всех башкирских говоров. По его утверждению «...было бы неверным без всяких доказательств брать в качестве «истинно башкирского языка» говор горных башкир и насильно внедрять его в практику. Возможно, со временем коренной говор будет определен. Но сейчас, при реализации языка, мы должны взять за основу ту речь, которая ближе всего к жизни. А близок к жизни, язык, на котором говорят кипчакские, юрматынские, яланские, усерганские, сакмарские, пермские башкиры. Этот язык и надо реализовать. В этом случае и товарищам татарам, с которыми мы очень тесно связаны, будет намного удобней, и осуществится желание нашего народа быстрее сделать государственным родной язык» [Языковая политика 2007, 395].

По мнению Сарии Миржановой, в северо-западном диалектном ареале звука h не было. Вместо него в тюркских корнях слов функционировал звук ɟ, как в соседнем демском говоре (ɟарык — лит. харык «овца», ɟыйыр — лит. һыйыр «корова»), в заимствованных арабоперсидских словах спирант h вытеснялся (аман — башк., тат. һаман «всегда, все еще», эр — башк., тат. һәр «каждый») [Миржанова 2006, 14]. Эти данные подтверждает лингвистическая экспедиция Свердловского обкома в 1936 г. в Бардымский район. Экспедиции 1936 г. отмечает:

- 1) отсутствие звуков "d̡" и "t̡",
- 2) отсутствие замены звуков "s" – "h" и "c" – "s",
- 3) отсутствие грамматических форм "дар-дэр; тар-тэр", "ды", "де",
- 4) преобладание "ɟ" по сравнению с "j".

Язык современных башкир Бардымского района представляет собой гайнинский говор башкирского языка. Однако в нем представлены особенности характерные татарскому языку. Спецификой местного языка являются:

- 1) преобладание звука "ɟ", как это наблюдается в восточном диалекте;
- 2) переход сложных "ɟj – ej" в однозвучные "ɟj – i";
- 3) сохранение "u – y" как "v – ev",
- 4) употребление частицы "qi" (кы);
- 5) наличие древней формы инфинитива "maga – mægə";
- 6) наличие вспомогательного глагола "'ci", отсутствующего в литературном языке;
- 7) употребление в местоимениях суффикса "nъqъ – neke" вместо окончания притяжательного падежа "nъ – ne";
- 8) употребление притяжательных местоимений III лица вместо "n" употребляется "g", например: "agъsbъ" вместо "anъsbъ";

9) двоякое употребление в глаголах настоящего времени формы "aj-aj" и "ьj – i".

Таким образом, татарский язык, внедрившийся на практике, более доступен массе коренного башкирского населения района, чем современный башкирский литературный язык.

К началу 1940-х годов все же были высказаны тезисы о наличии в башкирском языке трех территориальных диалектов восточного, южного и западного. Это нашло отражение в учебнике «Стилистика» за 1939 г. Однако, вплоть до середины 1950-х гг., уфимские лингвисты не признавали язык северо-западных башкир, как отдельный диалект, считая его татарским говором. Несмотря на это, в послевоенные годы постепенно шел процесс включения языка башкир северо-запада республики в «Диалектологическую карту башкирского языка», которая была подготовлена Т. Г. Баишевым. Эта карта была опубликована С. И. Руденко в монографии «Башкиры» в 1955 г. С. И. Руденко отмечал, что гайнинцы «читают и пишут на татарском литературном языке» [Руденко 2006, 302].

В это же время активно работают казанские диалектологи, которые включили «гайнинский говор» – говор пермских татар и башкир, в средний диалект татарского языка. Одним из первых исследователей «гайнинского говора» стала Дания Мирхазовна Сарманаева, уроженка села Сараши (Бардымский район) с диссертацией на тему «Диалектальные особенности говора среднеуральских татар». В 1946 г. она будучи аспирантом Казанского государственного педагогического института совершила экспедицию в Пермскую (Молотовскую) область в Бардымский, Уинский, Щучье-Озерский, Чернушинский, Верх-Муллинские районы. В 1947 г. с экспедицией побывала в Свердловской области Красноуфимский, Манчажский, Сажинский районы. Всего объездила 33 деревни и села. В среднем диалекте татарского языка Д. Сарманаева выделяла отдельные говоры: бардымский, уинский, красноуфимско-манчажский. В диссертации имеется приложение, содержащее сказки, песни, фразеологизмы, словарь из 405 слов и многое др.

В последующие годы 1956, 1965-1967, 1984, 1993 гг. Институтом языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова проводятся диалектологические экспедиции в Пермскую область. На основе материалов экспедиций, а также «Атласа татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья», данных истории и архивных источников в 1996 г. была опубликована монография Дарии Байрамовны Рамазановой «К истории формирования говора пермских татар». Рамазанова Д.Б. в своей монографии приходит к выводу, что «материалы свидетельствуют об отсутствии в говоре пермских татар специфических черт башкирского языка. Говор пермских татар: состав гласных и согласных звуков, грамматическое оформление категорий частей речи, словарный состав и др. совпадают с таковыми татарского языка, отличаясь в то же время от башкирского».

Д. Б. Рамазанова также выводит из употребления термин «гайнинский говор» («гәйнә сөйләше») применительно к языку пермских татар и башкир, (применявшийся до этого в тюркской диалектологии как казанской школы – средний диалект татарского языка, так и в уфимской – северо-западный диалект башкирского языка), выделяя подговоры по административно-территориальному принципу: бардымский подговор и кунгурская группа подговоров. Автор резюмирует это тем, что сами бардымцы «не приемлют название гайнинцы». По классификации Д.Б. Рамазановой, разговорный язык пермских татар и гайнинских башкир вошли в пермский говор среднего диалекта татарского языка. По мнению ученого, татары некогда были разделены на «ясашных татар», которое закрепилось исторически за кунгурскими крестьянами Кунгурского уезда, и осинских, которые вошли в состав административной единицы Башкирии и за которыми закрепилось название «башкиры». В конце своей монографии автор еще раз подчеркивает, что предки пермских татар связывают свое происхождение с казанскими татарами и, что в говоре пермских татар отсутствуют специфические черты башкирского языка; случаи употребления в бардымском подговоре и в окраинных населенных пунктах всего говора интердентального d являются результатом влияния татарских и башкирских говоров

Северного Башкортостана; общность с башкирским языком более ощутимо проявляется лишь в области лексики». [Рамазанова 1996, 194]

Тем не менее, после долгих лет раздумий в башкирской диалектологии «гайнинский говор» окончательно был закреплен за северо-западным диалектом башкирского языка. В 1963 г. в 14 населённых пунктах Пермской области работала фольклорная экспедиция Института истории, языка и литературы БФ АН СССР, которая собрала сведения и по языку пермских башкир. В 1973 г. в 8 населённых пунктах (Бичурино, Елпачиха, Ишимово, Краснояр, Нижняя Искильда, Ольховка, Султанай, Танып) работала диалектологическая экспедиция ИИЯЛ БФ АН СССР. В 1975 г. экспедиция уфимских ученых работала в 9 населённых пунктах Пермской области и г. Пермь. Лексика гайнинского говора была отражена во 2-м томе «Словаря башкирских говоров», которая была издана в 1970 году. В 1987 году вышел 3-й том издания «Словарь башкирских говоров. Западный диалект», а в 2002 году — «Диалектологический словарь башкирского языка», в которые были включены отдельные слова из лексики гайнинского говора.

Огромную роль в изучении народно-разговорного языка северо-западных башкир сыграла Сария Фазулловна Миржанова. Комплексно исследовав этот диалект, она пришла к выводу, что основу словарного состава северо-западного диалекта составляет общешкирская лексика, и что диалектные особенности северо-западного диалекта, общие с башкирским литературным языком, бытуют в области фонетики, грамматики, лексики. В гайнинском говоре по её мнению сохранены и бытуют старинные собственно башкирские хозяйственно-бытовые термины, названия пищи, одежды, которые в литературном языке видоизменились.

Отстаивая свою языковую оригинальность, иногда бардымцы свой язык выделяют в отдельный диалект. Так, учителем Насхатом Зимасовым была опубликована небольшая брошюра «Бардымский словник» («Барда сүзлеге») в которой нашли отражение более 4 тысяч слов, словосочетаний и фразеологических единиц, присущих «гайнинскому говору», который автором отнесен к пермскому говору среднего диалекта татарского языка. Как бы то ни было отношение к родному языку у бардымцев своё. По данным Всероссийской переписи 1989 г. 98,2% башкир Бардымского района владеет татарским языком. Эта статистика также подтверждается переписями и последующих лет. Следует отметить, что татарский язык у бардымцев принимается как родной, материнский язык. Исторически сложилось, что язык гайнинцев давно попал под образовательную протекцию казанской школы – литературной нормы татарского языка. Татарский язык мы изучаем в школе, воспринимаем его через СМИ и телевидение, а также в общении в повседневной жизни. В то же время есть понимание того, что наш «гайнинский говор» далек от литературных норм как татарского, так и башкирского языков. Однако практически полное отождествление своего родного языка как татарского с начала XX в. подталкивает уже современников в начале XXI в. к смене этнической идентичности от башкирского к татарскому.

Литература

1. Бессонов А. Г. О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССХVI. –СПб., 1881. – С. 232-233.
2. Докладная записка главного редактора газеты «Уральский большевик» Тимирова, от 28 марта 1934 г. (Электронный ресурс: <http://rbvekpors.livejournal.com/3585.html>. Дата обращения 28.02.2017 г.)
3. Зимасов Н. Барда сүзлеге. Барда татарлары сөйләшенең диалектологик сүзлеге. – Барда, 2005
4. История башкирских родов. Гайна. Т. 11 / С. И. Хамидуллин и др. – Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2015
5. Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. –Уфа: Китап, 2006

6. Отчёт лингвистической группы, командированной Обкомом Нового Алфавита при Свердловском Облисполкоме за 1936 г. (Электронный ресурс: <http://rbvekpros.livejournal.com/56861.html>. Дата обращения 28.02.2017 г.)

7. Рамазанова Д. Б. К истории формирования говора пермских татар. – Казань: ИЯЛИ, 1996.

8. Руденко С. И. Башкиры: историко-этнографические очерки. – М.–Л.: ИИЯЛ БФАН СССР, 1955.

9. Сарманаева Д. М. Диалектные особенности языка среднеуральских татар: Дисс. ... канд. филол. наук. — Казань, 1948.

10. Северо-западный диалект башкирского языка. Отчет диалектологической экспедиции 1954 года. – Уфа: Гилем, 2008.

11. Языковая политика в Башкортостане в XX веке: Сборник документов и материалов. Т. 1. – Уфа: Гилем, 2007.

УДК 80.74.261.3

З. Р. Миндибаева, Мәсетле районы

ТУҒАН ТЕЛ НЕСКӘЛЕКТӘРЕН ӘЙ ҺӨЙЛӘШЕ ШАРТТАРЫНДА ӨЙРӘТЕҮ

ОБУЧЕНИЕ РОДНОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ АЙСКОГО ГОВОРА. Основной задачей школы является обучение, воспитание личности. В данном процессе родной язык должен занимать главное место, так как познание мира, личностное, интеллектуальное и духовно-нравственное развитие ребенка идет через родной язык. Учитель должен знать не только родной говор учеников, но и уметь сопоставить его систему с системой литературного языка.

Ключевые слова: язык, диалект, обучение, воспитание, краеведение

TRAINING THE NATIONAL LANGUAGE IN THE CONDITIONS OF AYSK SUBDIALECT. The main objective of school is education, education of the individual. In this process, the native language should take principal place as knowledge of the world, personal, intellectual and moral development of the child goes via the mother tongue. The teacher must know not only the native dialect of the students, but also be able to compare its system with that of the literary language.

Keywords: language, dialect, training, education, regional study

Мәктәптең төп бурысы – белем биреү, шәхес тәрбиәләү. Был йүнәлештә туған тел төп урынды алып торорға тейеш, сөнки баланың шәхес булып формалашыуы, интеллектуаль, рухи-әхлаки үсеше, донъяны танып белеүе әсә теле аша бара. Шуға күрә лә укытыусы үзе тел сараларын бөтә осракта ла дөрөс, урынлы кулланырға, урындағы һөйләштәрҙең үзенсәлектәрен төплө белергә тейеш.

Туған тел нескәлектәрен диалект шарттарында өйрәнеү темаһы Мәсетле районы Оло Ыктамак Башкорт гимназияһында һәр ваҡыт актуаль мәсьәләләрҙең береһе булып тора. Сөнки безҙең мәктәп укыусылары көнсығыш диалекттың әй һөйләше шарттарында һөйләшәләр, аралашалар. Ә мәктәп дәрәжәләрендә бирелгән материалдар урындағы һөйләштәрҙең бөтә лексик, фонетик үзенсәлектәрен дә асып бөтмәй. Шуға күрә лә, башкорт телен диалект шарттарында укытыуҙың методикаһын яраклаштырыуҙы, бер аз төҙәтмәләр индереүҙе талап итә.

Әзәби телгә өйрәтеү баланың тыуғандан алып һөйләшкән урындағы һөйләшен бөтөнләй кысырыклап сығарырға тейеш түгел. Укытыусының роле – укыусыға башкорт теле һөйләштәренең байлығы әзәби телде тулыландырып тороусы сығанаҡ булыуын айырым миҫалдар нигеҙендә аңлатыу. Шуға күрә лә һөйләш үзенсәлектәрен аңлатканда укытыусы теге йәки был һөйләштең төп параметрҙарын ғына аңлатып калмай, әзәби норма менән сағыштырып, һөйләштәрҙәге тел байлығының мөмкинсәлектәрен, халықтың мәҙәниәтенең, булмышының һөйләштәрҙә һаҡланыуын күрһәтергә тейеш. Башкорт теле һөйләштәре үзенең үзенсәлектәре грамматик, морфологик, лексик, эстетик системалары менән туған телебезҙең иң киммәтле катламдарының береһе.

Мәсетле районы Оло Ыктамак Башкорт гимназияһында башкорт теле дәрестәрендә без был принципты һаклайбыз. Укыусылар менән урындағы әй һөйләшенә караған лексик берәмектәрзе туплайбыз, фонетик үзенсәлектәрен асыклайбыз. Укыусылар менән бергәләп туплаган материалдарға, Н. Х. Мәксүтованың [Максютова 1976, 22-78] хезмәтенә таянып үткәргән тикшеренүебезгә күсәйек.

Фонетик үзенсәлектәр

Көнсығыш диалекттың һөйләштәрен һәм сиген билдәләгән төп һызат – –л өнөнән башланған ялғаузарзың, һүззең ниндәй өнгә бөтөүенә карап, дүрт фонетик вариантта килеүе – –л, –д, –т, –з өндәренән башланыуы.

–лык, –лы, –ла, –лаган, –лата, –лан һ.б. ялғаузар:

1) *п, т, с, җ, ш, ф, к, х* өндәренә бөткән һүззәрзән һуң –т өнөнән башланалар: *аштык* – әзәби т.: ашылык, *сүптек* – сүплек, *астык* – асылык, *таштык* – ташлык, *актау* – аклау, *эштекте* – эшлекле, *кактыгыу* – каклыгыу, *етмештәгән* – етмешләгән;

2) *л, м, н, ң, з ж* өндәренә бөткән һүззәрзән һуң –д өнөнә башланалар: *йәндек* – әзәби телдә: йәнлек, *йәмде* – йәмле, *меңдәгән* – меңләгән, *төндөк* – төнлөк;

3) *р, й, з, у (уы)* өндәренә бөткән һүззәрзән һуң –з өнөнә башланалар: *йәйзәу* – йәйләү, *әрзәу* – әрләү, *тоззау* – тозлау, *йөззәгән* – йөзләгән;

4) һузынкыларға бөткән һүззәрзән һуң ялғау башындағы –л өнө һаклана: *балалык*, *баксалы*, *егермеләгән*, *королай*.

Көнсығыш диалектта –л өнөнән башланған ялғаузарзың дүрт төрлө килеүе катмарлы ялғаузарзың һәм һүззәрзең әсенә лә тарала: *орзок* – орлок, *бөрзөгән* – бөрлөгән, *аксарзак* – аксарлак, *селдә* – селлә.

Әй һөйләшсәһендә ирен һузынкыларының көсчөзләнеүе күзәтелә. Кайһы бер һүззәрзә *у>о>ы* күсеше бар: *ыктау<октау<уктау* – уклау (скалка), *шынан<шунан*, *ботка<бутка*.

е(ә)<ө – кайһы бер һүззәрзә әзәби телдәге *ө* өнө урынына һөйләштә *е(ә)* өнө кулланыла: *кетегү* – көтөү, *әндәшеү* – өндәшеү;

ү<өй – әзәби телдәге *өй* дифтонгыһы урынына *ү* өнө кулланыла: *үрзәк-өйрәк*, *үрәт* – *өйрәт*, *үрәтеү* – *өйрәтеү*, *һүрәтеү* – *һөйрәтеү*.

у<ы – әзәби телдәге кайһы бер һүззәрзең тәүге ижегендәге *ы* урынына *у* өнө кулланыла: *буйма* – *бийма*, *купандау* – *кыпаңлау*.

и<ә – һүззең тәүге ижегендә әзәби телдәге *ә* урынына *и* өнө әйтелә: *киңәш* – *кәңәш*, *фәрештә* – *фирештә*.

һ<җ – кайһы бер һүззәрзә әзәби телдәге *һ* өнө урынына *җ* өнө кулланыла: *җиксән-һикһән*, *туксан- тукһан*, *акҗак-акһак*.

д<т – күп һүззәрзең башында әзәби телдәге *т* өнө урынына *д* өнө кулланыла: *дегәнәк-тегәнәк*, *дәрән-тәрән*, *дары- тары*, *дән-тән*, *дуғарыу- туғарыу*.

ж<й, йә – әзәби телдәге *й* өнө урынына *ж* өнө әйтәлеүе лә мөмкин: *жарыу* – *ярыу*, *жәй* – *йәй*, *житмеш* – *етмеш*, *жиңмеш* – *еңмеш*, *жәйәү* – *йәйәү*.

Шулай ук, әй һөйләшендә *һүз* азағында *ә* өнө эргәһендә *а*, *ә* өндәренә тарайыуы күзәтелә: *андый* – әзәби телдә: *ундай*, *мындый* – *бындай*, *шундый* – *шундай*.

Н. Х. Ишбулатов билдәләп киткән метатеза күренеше беззең ауыл һөйләшендә һакланған: –*ган* ялғауына бөткән кылымдан һуң *бул-* кылымы килһә, ике *һүз* араһындағы –*нб-* өндәре үзгәреп, *м* өнөнә әүерелә: *әйтмәгәмула<әйтмәгән була*, *кимәгәмула<килмәгән була*.

Ғ, м тартынкыларынан башланған ялғаузар кушылғанда, кылымдың *л* тартынкыһы төшөп кала: *каган* – *калған*, *камаган* – *калмаған*, *кигән* – *килгән*, *кимәгән* – *килмәгән*.

Әй һөйләшсәһендә *р* талғын тартынкыһына бөткән кылымдарға –*ыр* (*-ер, -өр*) ялғауы кушылғанда бер *р* төшөп кала: *барым<барырым* – *барырым*, *килерем* – *килермен*, *тором* – *торором* – *торормон*.

Алып хәл кылымы ярзаамсы кылымдар менән бергә китеүе бар: *әпир<алып бир*, *апсык<алып сык*.

Лексик үзенсәлектәр

Әй һөйләше үзенә һүзлек составы менән башка һөйләштәрҙән, бигерәк тә, көнъяк-көнсығыш һөйләштәрҙән айырылһа, әй менән мейәс һөйләшсәләре лә бер-береһенән һизелерлек айырыла. Әй һөйләшсәһенә хас кайһы бер һүзҙәр (туғанлык терминдары): *инәй* – әзәби телдә: *әсәй*, *әтей* – атай, *кәртнәй* – өләсәй, *карттай* – олатай, *әбей* – әсәйҙән өлкән катын туған, шулай уҡ, башка өлкән катын-кыҙҙар, *быуай* – бабай (атайҙан, йә әсәйҙән өлкәнәрәк ир туған), *тәнәй/балдыз* – кәйнеш, *бажсай* – бажа (апалы- һеңлеләрҙән ирҙәре бер-береһенә карата), *иркәм* – кусты, *һеңле* (үҙәндән кесерәк туғандар), *хәрендәш* – карындаш (кесерәк кыҙ туған). Шулай уҡ, башка тормош-көнкүреш әйберҙәренә, күренештәренә кағылышлы һүзҙәр: *тәгәс/жәйпәк/жәйкә* – сынаяк асты, *сөңкә* – сынаяк өстө, *тәрлиңкә* – тәрлиңкә, *сәскес* – сәнске, *коштабак* – табак, *сеүәтә* (миска), *сапсак* – мискә (бочка), *кашыяк* – аш бүлмәһе, кухня, *әпәй* – икмәк, *өнөрө* – көрпә, *текмә* – кәртә (забор), *бәрәңге* – картуф, *йәбешкәк* / *әнәте* / *әнәтел* / *һәһһәр* / *гәһһәр* / *камырьемеш* – әнәлек (боярышник), *һайла* – талпан, *кәрзинкә* – бәләкәй солан (кладовка) һ.б. Кешенәң холок һызаттарын билдәләгән һүзҙәр: *кызмаса* – кызыу, *шыйкандак* – кылансыҡ, *жәндекәй* – кызыу, *шакай* / *мүтей* – ахмак, йүләр, *застуйын* – зур. Кылымдар: *сикәнеү* – ерәнеү, *башырыу* – ошаклау, *ысым итеү* – хур итеү, *өһрәү* – илау, *моңшаймау* – бошмау, *әңкәңдәү* – үҙең көс һалып эшләү, *саташыу* – тилерәү һ.б.

Шулай итеп, укытыусы етәкселегендә урындағы диалект үзенсәлектәрен өйрәнәү – лингвистик өйрәнеүҙең бер өлөшө булып торзо. Бынан тыш ономастиканы, урындағы фольклорҙы ла бергә өйрәнәү уңышлы алып барыла. Диалект шарттарынды укытыу тел байлығы нигеҙендә халықтың үткәнен, бөгөнгөһөн асыҡларға яҙам итә. Сөнки диалектизмдар ошо региондағы тормош, көнкүреш тураһында мөһим этнолингвистик мәғлүмәт туплаған.

Әзәбиәт

1. Ишбулатов Н. Х. Башкорт теле һәм уның диалекттары. – Өфө: Китап, 2000.
2. Максютлова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении). – М.: Наука, 1976.

УДК 811.512.141:81'282

Х. Х. Минһажетдинова, Өфө к.

УПҚЫНДАРЗАН ТАРТЫП АЛЫУСЫМ МИНӘҢ ТАҢҠЫЛЫУ АПАЙ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПОМОГ В ТРУДНУЮ МИНУТУ. Статья посвящена светлой памяти Кусимовой Тансылу Хажимовны, где раскрыта добрая натура ученого-языковеда.

Ключевые слова: первая встреча, судьба людей.

THE PERSON WHO GAVE A SHOULDER IN PREDICAMENT. The article is devoted to the bright memory of Kusimova Tansylyu Khazhimovna, where the kind nature of the linguist is revealed.

Keywords: first encounter, destinies of people.

Таңһылыу Хажим кызы Кусимова менән беренсе тапкыр күрешәүем 1971 йылдың баштарында булды. Кунакка саҡырҙылар. Марат Хәләф улы менән өйләнешкәнгә әле йыл тулмаған ине. Тарих, тел, әзәбиәт институтынан бергә эшләгән дустары, Таңһылыу апайың һеңлекәштәре саҡырылғайны. Марат Хәләф улы Таңһылыу апайың йәмәғәте Әһәм Динислам улы Искужин ағайың диплом етәксеһе, фекерҙәше буларак саҡырылғайны, шикелле. Без бик оҙаҡ ултырманыҡ, кунактарҙан алдарак кайттыҡ. Шулай йылдың аҙында Институттың «Ғилем» (Наука) тигән бакса еренән Маратка ла ер алып биреште шикелле Әһәм ағай. Иглин районы Көзәй ауылына яҡын ер алып, бик дәртелле пландар короп йөрөнөләр, мәрхүмкәйҙәрәм, урындары йәннәттә булһын. 1971 йылдың йәйендә ер үзләштерәү, ағасын кырҡып, буралар бурап йөрөү минһеҙ генә барҙы. Безҙең ғаиләлә кыҙ бала тыуҙы – Таңсулпаным. Мараткайым әй кыуанып кайтыр ине.

Бура бураузы беззең халык борон борондан өмә итеп эшлэткән. Марат өмәселәрзе исе китеп мактай: этнограф, ғалим Наил Валеевич Бикбулатов бик шәп балта оҫтаһы икән, Өзехәм Динисламович – трактор кеүек көслө, Марс тигән иптәштәре (ул Ғәшүрә тигән курсташтарының ире) шундай йылғыр һ.б. Ә Таңһылыу апай – иҫ китәрлек ашнаксы. «Бешеренергә бер эш кулы кәрәк бит, әл дә ул бар, шул тиклем шәп булды», тиеп кыуана ине. Тырыша торғас, бура мүкләп күтәрелде, стропилалар куйылды, кыйык ябырға өлгөрә алманылар.

1972 йылдың язында ерен казытты. Өфөлә вуздарза укып йөрөгән туғандары менән өмә итте. Хатта мин дә барзым. Ашнаксы булып. Таңһылыу апайҙан һауыттар алып, ер казыусыларҙы ашаттым.

Минең университетты тамамлау ваҡыты етте. Диплом яклау, имтихандар. 19 июнь 1972 йыл һуңғы имтиханды тапшырҙым. 23 июндә Таңсулпан кызымдың бер йәше тула. Маратым мине 21 июндә Сибайға самолётка үзе индереп ултыртып, иллюминаторға килеп, тәҙрәһенә биш бармағын куйып, бите менән терәлеп, быяла аша мине үбеп, озатып калды. Беззең тормош ошолар гөрләп кенә барырға тейеш ине. Мин, кызыкайымдың бер йәшен тулыу көнөнә кайтып, шунда Маратымдың ғүмере өзөлөрөн белмәгәнмен инде.

1972 йылдың июнь-июль айҙары минең өсөн ысын мәғәнәһендә кот оскос һәләкәткә килтергән кайғы-хәсрәтле мәл булып хәтерҙә уйылып калды. Донъяла иң нык ышанған кешем, балаларымдың атаһы, һөйөклө ирем, оло ғалим 38 йәшендә ғажигәле рәүештә үлеп куйы.

Минең үземдең хәлем бер нисек тә тип әйтә алмайым.

«Ауыр» тип әйтеү бер нимә лә аңлатмай. Бер ни зә тоймайым. (Ошондай хәлемде икенсе тапкыр Айтуған улым үлгәс кисерзем; ер зә юк, һыу за юк, кешеләр зә юк, тик бер уй – ни өсөн улар йәнһез, ә мин йәшәйем – ни өсөн?)

Ап-аяз 2 июль көнө – кар һөрөмлө, кәһәрле көнгә әйләнде. Шул сакта бөтә ауылымдың халкы аякка баҫты. Байым ауылының балаһы ла, олоһо ла ошондай ауыр хәлгә калған кешегә ителер тейеш ярҙамды күрһәтте. Телеграммалар ебәрергә, милиция, фельдшер саҡырырға ярҙам иттеләр. Әсәйем мәрхүмәгә ул сакта 60 йәш, хәле ауырайып китте, уны каранылар. Кызымды, күмәкләшеп, бер азна буйы өйҙән өйгә йөрөтөп каранылар.

Ишетәһе ауыр һүҙҙәр, күтәрә алмаслыҡ кайғылы көндәр, юғалтыуҙар алда булған. Рус мәкәләһендәгесә: «Бәлә килдеме – тапҡанды киңерәк ас», тизәр бит. 1972 йылдың 7 июлендә Маратты тыуған ауылы Кобағошта ерләнеләр. 10 июлдә мин Өфөгә килдем. Күпмелер ваҡыт тора алмай яттым. Бер көнмө, икеме – белмәйем. Күрше бүлмәлә торған Роза кемгәлер ишек асып индереп, минең бүлмәгә шаҡынылар. Был – Таңһылыу апай менән уның менән бергә эшләгән Сайма ине.

Һәр кемдең дә тормошонда ауыр ваҡыттар була. Ни эшләргә белмәйһең. Шундай сакта катын-кыз төрлө әхлаҡ канундарына һыймай торған әллә ниндәй эштәр кылып куйыуы ла мөмкин. Шул мәлдә Таңһылыу апай мәрхүмә, урыны оҫмахта булһын) туғандарса ярҙам кулы һузмаһа, мин үзем кеше йөзөн юғалтырлыҡ хәлгә етеп кенә бара инем. Упкынға тәгәрәү еңел, унан сығыу юлы юк. Кеше сифаттарыңды һаҡлап кала алыу юлдарын күрһәтте миңә бөйөк Катын! Улар менән нимә һаҡында һөйләшкәнбездер – оңотканмын. Әммә ләкин «Халыҡ биргән акса», тип акса калдырҙылар. Шунан һуң калаға сыҡтым, врачка барып, роддомға барып яттым. Улар үзҙәренең өй һәм эш телефондарының номерын калдырҙылар. Оялмаска, хәлдә һөйләп торорға куштылар. Ошонан һуң мин йәшәргә кәрәк, тип уйлар хәлгә барып еттем, дипломымды барып алдым, әсәйемә хат яҙдым, Мараттың расһаһын алдым. 450-ме, әллә 540-мы. Ул сак өсөн зур ғына акса. Марат менән икебез бер урынға һалған ергә аксаны һалып, кире роддомға киттем. Врачтар ирекле режим биргәйнеләр. Шул аксаны йәшереп китергә баш етмәгән.

4 августа улым Айтуған тыуы. Выписка 16-17 август тирәһендә булды. Кәйнәм мәрхүмә ейәнсәре Әлфирә менән өйгә килгәндәр ине. Улар, роддомға килеп аҫкыс калдырып, Учалыға кайтып киттеләр. Миңә килгәндә бала төрөргә әйбер килтермәгәндәр

ине, сығам тифәм, шул көндө үк сығаралар ине. Аскыс миндә, мин роддомда. Килеп алыр кеше юк. Таңһылыу апайға эш урынына роддомдан шылтыраттылар. Апайға ике рейс йөрөргә тура килде. Килеп аскыс алып, өйзән кейем килтереп, беззе алырға. Өйгә кайтып инһәм, шифоньерзың асты-өскә килгән, китаптар тузып ята, ә бүлмә бикле булған. Хәл аңлашылды: Мараттың арыу кейемдөрөн, аксаны алғандар, икебеззең алтын йөзөктәр бергә ята ине, минеке калған, Мараттыкы юк. Мин илайым, Таңһылыу апай, бәпәйзе Саймаға йыуындырырға, ашарға бешерергә кушты ла, үзе кәңәшкә тип, Мәрийәм Филмитдиновна Ғималова апайға тип, сығып китте. Мараттың дәрәслек өсөн ала торған гонорары тип, Ғайса Батыргәрәйевич менән Мәрийәм апайзан 350 һум акса килтерзе. Шулай итеп, Мараттың дуствары, Таңһылыу апай ярзамы менән, атай хәстәрлеге күрһәтергә тейешле өләсәһенәң хатаһын төзәттеләр. Шул вакытта Таңһылыу Хажимовна әйткән һүззәре хәтергә нык һенде: «Был әле һынаузарзың башы, азағы ни булыр? Һиңә һәр төрлө яуыздарзың бысрак һүззәрен ишәтергә әзер булырға һәм бирешмәскә кәрәк, ошо ғына сабийзар хақына, уларға әсәй кәрәк бит, әсәле кеше етем булмай ул».

Минең өсөн хәзер эш урыны эзләү башланды. Таңһылыу апай кемдәргә барғандыр инде, белмәйем. 1-се һанлы интернат-мәктәптә ял көндәре эшләй торған тәрбиәсе итеп урынлаштырзылар. Әһәм Динисламович Искужин минең остазым итеп тәғәйенләнде. Минә тәрбиәсе һөнәрәнә өйрәттә. Моғайын ғына, ағайзың остазы Таңһылыу апай булғандыр. Сөнки улар икеһе лә бер төрлө һүззәр һөйләй торғайнылар. Балаларға ипле булырға, бер вакытта ла уларға тауыш күтәрмәскә, бәрелеп-һуғылып сәбәләnmәскә өйрәтә ине улар икеһе лә. Күп вакыттар үтһә лә, барыһы ла бөгөнгөләй хәтерзе.

Һуңғы эш урынымды ла Таңһылыу апай табып бирзе. Рәшит Зәкир улы Шәкүр менән улар дуҫ кешеләр ине. Бер максатлы, бер уйлы, аркадаштар. Шәкүрзең «Башкортостан энциклопедияһы» нәшриәте директоры булыуынан миңә иң зур файза шунда – ул минә эшкә өйрәтеп, үзе барза эштә тотто. Рәхмәт яуһын уға. Юғиһә, тағы ла шул этаждар буйлап сабыу эше булыр ине. Халыкка файзам, мөхәррир буларак, нығырак тейзе буғай.

Йыл артынан йыл, улар менән ғүмер үтә торзо.

Мин дә, илаклык дәүерен үтеп, нығынып алдым. Үземдән йәшерәктәр кәңәш һораһа, тиз генә «Таңһылыу апай ошонда ни әйтер ине икән?» – тигән һүзһез уй башка килә ине. Ысынлап та, оло йөрәкле Таңһылыу апай, минең язмышымды ғына түгел күптәрзең тормошона ыңғай йөгөнтә яһаған кеше. Юкка ғынамы ни тамъян ырыуының Ил инәһе дәрәжәһен уға бирзеләр. Унан тыш Башкортостан катын-кыздар йәмғитәтенәң рәис урынбаҫары булып, Республиканың хәл иткес сараларында катнашты, ойоштороу, аңлатыу эштәрен тарихи Башкортостан ерзәрендә алып барзы.

Таңһылыу апай иҫ киткес назлы өләсәй ине. Тәүге ике ейәнән шул тиклем яратып «Рәшитем шундай һөйкөмлө, шундай яғымлы, бигерәк яратам да инде», тип үзенә үзе аптырай ине. Икенсе ейәнә бигерәк көслө, бигерәк шәп – уныһы Тимур (Тимербай). Ипле генә итеп, «Әй, хәзер «байын» кушып торалармы инде», тип асыуланмай ғына заманаға үпкәһен беледереп ебәргән була торғайны. Азаматтың кызы тыуғас, шул тиклем һөйөндө: «Аллаға шөкөр, Азаматымды килең балаларға күмдә, ишлә ғаилә – көслө ғаилә», – тине.

Таңһылыу апайзың Таңсулпан кызының балалары Камила менән Арслан Башкортостан телевидениеһының кескәй актёрзары булды. Башкорт телендә тәтелдәп тора ине Арслан менән Камила. Баязит Бикбайзың тел тураһындағы шиғыры сабий ғына Камиланың башкарыуында бигерәк тә матур яңғырай торғайны. Шәйехзада Бабицтың патриотик шиғырзарын, лирикаһын ятлатты ул. Гөр килеп, матур итеп йәшәп ятканда, Таңһылыу апай ауырып китте. Бына-бына йүнәлеп китә инде, йүнәлгәндәр инде тип уйлап йөрөйөм. Өмөткәйзәрем акланмай за куя. Бер вакыт апайым ятып китте, әй шундағы әрнеүзәрем һүз менән аңлатып булмай. «Шул тиклем тормошто яратқан, һәр нәмәгә оло ышаныс, өмөт менән баға торған кешене лә йәлләмәй икән был ауырыу».

Бер нәмәгә ысын күңелдән иҫем китә. Әллә ниңәләр үзенәң балалары Азамат менән Таңсулпанды артык борсолоп һөйләмәй. Уны борсоған балалары Диана, Камила һәм Арслан. «Диананы күргем килә лә тора», ти. Ята торғас, бер миңә үзенәң һуңғы үтенесе

кеүек итеп эйтте: «Камилам бэлэкэс кенэ булһа ла, хатта ололар кеүек һөйлэй зэ куя. Ул бирешмэс. Бына Арслан өсөн кайғырам. Үзен–үзе яклай алмай ғына йөрөр инде», – тине. «Ни эшлэп егет кеше үзен якламаһын», – тигәйнем

– Эй, Хәмизә, ирзәр яклауға бигерәк мохтаж заттар бит ул. Нин дә малайыңды караңкыра, – тимәһенме апайым. Был һүззәрзе әйтергә Аллаһы тәғәлә эшкәртте микән, тип уйлайым хәзер. Арсландың язмышы насар түгел дә, барыбер бик күп төрлө юлдарзы һайлап қаңғырзы. Әле тапкан юлы уңыш килтерһен инде үзенә. Ә минең улымдың язмышы, ысынлап та, каралмаған язмыш булды. Катына ул кәрәкмәне, ә мине ул үзе тыңламаны, бәпкәм.

Оло һүзен тыңламаған, оролған да бәрелгәндәрзән булып, ғүмер генәһе өзөлөп куйзы.

Ни өсөн ул Камила менән Арсландың язмышын, тормошон ата-әсәһенә бәйләмәй ине икән? Туғандары хакындағы һүззәре лә раска сыкты. Нисектер ябай ғына итеп әйтеп ятты ул.

Теләгән теләктәре тормошка ашты уның. Иңдәһе Альбина апай, кейәүе Фәнис, Гөлнара менән Вәсил үз канаттары астына алып, бәпкәләй итеп карап үстерзеләр уларзы. Алған һөнәрзәре – бына тигән. Альбина апайзың ғаиләһенә, балаларына, күп һанлы ейәндәрәһә һаулыҡ һәм уңыштар юлдаш булһын. Алла ярзамынан калдырмаһын. Амин.

УДК 81-22. 811.161.1

А. Л. Мугумова, г. Махачкала

МЕСТНЫЕ ИНОЗЫЧНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ РУССКИХ ТЕРСКИХ ГОВОРОВ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ РЕГИОНА

Установлено более интенсивное, чем чеченское, лексическое влияние местных тюркских языков на терские говоры. Причина – более раннее проживание их носителей в регионе до расселения здесь терских казаков, чеченского – после их появления.

Ключевые слова: тюркские, чеченский языки, лексические элементы, терские говоры.

LOCAL FOREIGN-LANGUAGE LEXICAL ELEMENTS OF THE TEREK RIVER RUSSIAN SUBDIALECTS IN THE HISTORICAL CONTEXT OF THE ETHNOLINGUISTIC SITUATION OF THE REGION. *The author has established lexical influence of local Turkic languages on the Terek river Russian subdialects. The latter was more intensive as compared to the Chechen linguistic influence. The reason is the earlier habitation of their carriers in the region before the Terek river Cossacks' resettlement here while the Chechens settled after their appearance.*

Keywords: Turkic, Chechen language, lexical elements, Terek river subdialects.

Как обычно полагают, возникновение (в XVI в.) первых русских казачьих (гребенских) поселений происходило «на границах расселения коренных народов Чечено-Ингушетии» [Козлов 1989, 5], под которыми традиционно понимаются нынешние чеченцы и ингуши. Данное положение носит с давних времен хрестоматийный характер.

Однако даже лексическое воздействие языков вышеназванных народов на местные русские терские говоры оказалось чрезвычайно ограниченным. Так, П.А. Востриковым [см. 1904, 78, 91] лишь в начале XX века были отмечены единичные (бытового характера) лексические факты влияния чеченского языка на терские говоры: *дэкин-ду* «нету» (точнее, «хорошо»), *дац* «нет», *цыцкаль* «чурек из кукурузной муки». В дальнейшем и советские исследователи указывали на столь же немногочисленные явления аналогичного порядка, ср. «Терские казаки переняли у чеченцев ингушей ряд национальных блюд: *датыкадор* – смесь творога с топленным маслом, пресный хлеб-пасту – лепешки с начинкой из сыра или овощей и другое» [Гриценко 1969, 37]. В последнем случае, точнее, гребенское *паста* – «густо сваренная пшеничная каша, которую режут кусками и подают вместо хлеба к вареной рыбе» [Караулов 1902, 86], которое на самом деле является адыгским по происхождению. Показательно и то, что единственное терское диалектное слово, к которому восходит

чеченское *ванда* ‘перемет, закидушка’, оказывается усвоенным через посредство носителей терского кумыкского диалекта, носители которого уже несколько столетий проживают в территориальной смежности с гребенскими (терскими) казаками [Гусейнов 2010, 165-166].

Вместе с тем на сегодняшний день установлено, что только лексическое влияние местных тюркских языков на говоры терских (гребенских) казаков оказалось неизмеримо большим, чем вайнахских – чеченского и ингушского. Так, в нижнетерских русских говорах ДАССР [Селимов 1966, 10] представлено 42 лексических заимствования из местных тюркских языков. Примерно столько же – 44 – было обнаружено в нижнетерских (в основном гребенских) русских говорах ЧИАССР [Апрышко, Гусейнов 1978].

Данная ситуация объясняется тем, что на самом деле имела место миграция казаков в пределы Кумыкского государства, которое обрело свою независимость еще до их переселения – в 1443 г., что происходило практически одновременно с захватом Перекопа в Крыму будущим его ханом Хаджи-Гиреем. С XVI века оно именовалось «Вилайет Дагестан» и было известно после падения Астраханского ханства в 1556 г. но турецким источникам XVI века, которые знали на Северном Кавказе наряду с ним только татарские страны Дешт-и-Кипчак, отождествлявшийся с Крымским ханством, включавшим также степную зону Северо-Западного Кавказа. В них упоминается и «Чечен беги», находившийся, по всей видимости, в историческом центре соответствующей области – городище (городе) Чечень в районе нижнего течения р. Аргун в нынешней Чечне, еще известном в 1665 г. и имевшем название, восходящее к местной терско-кумыкской (брагунской) диалектной форме. При этом в составленном не ранее конца XVI или начала XVII века перечне податей, собиравшихся кумыкским верховным правителем-шамхалом натурой практически со всего нынешнего Дагестана, Чечня (по-кумыкски – Мичикич) являлась его мюльком – собственным уделом, выплачивавшим по одному барану с семейства. Некоторые исследователи полагают, что тогда же под властью кумыкских владетелей находилась и плоскостная часть современной Ингушетии [Гусейнов 2011, 225; Гусейнов 2012, 52].

Все эти сведения согласуются с данными некоторых исследователей конца 90-х гг. XX – первого десятилетия XXI в. относительно того, что появление в регионе первых русских поселенцев – гребенских (терских) казаков, глубиной исторической памяти которых считается на основе анализа фольклорного материала XV век, относится к первой половине XVI в., а первое документальное сообщение о казаках на Северном Кавказе – к 1563г. Полагают, что государственная служба вольных казаков с «Терека» началась с 1552 г.– взятия Казани либо позже, после 1578-1579 гг. Чеченцы же, ставшие известными под данным, присущим русской традиции экзоэтнонимом, восходящим к местному тюркскому [кумыкско-брагунскому] по происхождению названию Чечен-аула [городища, расположенного у выхода р. Аргун – правого притока р. Сунжи на равнину], расселяются лишь в конце XVI – первой половине XVII вв. в предгорьях. Они впервые отмечаются в 1719 г. западнее данного населенного пункта на карте Северного Кавказа и упоминаются до этого как подданные кумыкских эндириевских князей в 1692 г. «на реке Сунче» («Сунже»). Только в начале XVIII века мало известные тогда чеченцы начинают продвигаться на равнину, где на той же карте у впадения р. Сунжи в Терек указываются (гребенские) казаки, а на пространстве южнее Терека между Каспием и Суншей – кумыки [Гусейнов 2010, 124].

Причем тогда же, в XVII веке, начинается переселение казаков-гребенцов на левый берег Терека, окончательно завершившееся в начале XVIII века [Голованова 2001; Виноградов, Магомадова 1972]. При этом еще Б. А. Калоевым [1961, 44] было отмечено, что, как говорится во многих преданиях, «...русские... оберегали своих соседей от притеснения кабардинских и кумыкских феодалов, контролировавших в то время большую часть нынешней чеченской равнины...». Вместе с тем он указывал, что «ко времени появления здесь русских чеченцы жили в основном в горах». Б. А. Калоев также

отмечал, что, по мнению многих авторов, «основывавших свои суждения на народных преданиях, формирование близкородственных чеченского и ингушского народов происходило в верховьях Аргуна, откуда они постепенно расселились по другим районам занимаемой ими ныне территории» [Калоев 1961, 41, 43-44].

Все это подтверждается тем, что, как уже было установлено к настоящему времени, вайнахские (чечено-ингушские) племена мигрировали в нынешнюю Юго-Западную Нагорную Чечню (в верховья Аргуна) из Закавказья в конце раннего – начале позднего средневековья. Затем, в позднем средневековье, отсюда к востоку двигаются будущие чеченцы и к западу – будущие ингуши [Кобычев 1977, 183, 184].

Причем в основе вышеупомянутого утверждения Б. А. Калоева лежат известные сведения первого чеченского этнографа У. Лаудаева (1872 г.), согласно которому, «чеченское племя», как он его называет, «образовалось под снеговыми горами близ истоков р. Аргуна, откуда уже, нуждаясь в земле, стало расходиться по другим местам». Показательно и то, что о вышеупомянутом Чечен-ауле, от имени которого «чеченцы получают для себя от русских и кабардинцев название шашан и чеченцев», У. Лаудаев отмечал: «Он преимуществовал перед прочими, был обширен, лучше обстроен, имел лавки (тукень), на порогах коих виднелись армяне, евреи и кумыки» [Лаудаев 1872, 4].

О проживании в регионе кумыков и после расселения казаков, помимо носителей их терского диалекта, свидетельствует великий современник У. Лаудаева – Л. Н. Толстой, в середине XIX в. несколько раз приезжавший на Кавказ к своему брату Николаю Николаевичу, служившему в станице Старогладковской, а затем в укрепленном лагере возле соседнего с ней притеречного (кумыкско-чеченского [Гусейнов, Мугумова 2015, 405]) селения Старый Юрт. Он записал здесь не только старинную чеченскую песню «Высохнет земля на могиле моей», но и кумыкские свадебные песни [Калоев 1961, 46].

Неслучайно в своей повести «Казаки» Л. Н. Толстой, с одной стороны, указывал, что, «живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи, образ жизни и нравы горцев», с другой – «молодец-казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татарски». В последнем случае речь идет о кумыкском языке, ибо, как указывал примерно в то же время один из историков терского казачества, здесь «на свадьбе можно услышать русские фразы с примесью кумыкских слов» [Ржевуский 1888, 214].

Литература

1. Апрышко А. С., Гусейнов Г.-Р. А.-К. К вопросу о тюркских заимствованиях в нижнетерских и прикаспийских русских говорах // Вопросы отраслевой лексики. – Грозный, 1978. – С. 49-56.
2. Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. О месте первоначального расселения гребенских казаков // Советская этнография. – 1972. – № 3. – С. 31-42.
3. Востриков П. А. Станица Наурская Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1904. Вып. 33. – С. 67-99.
4. Голованова С. А. Географический фактор в самоидентификации гребенского казачества // Вопросы северокавказской истории. – Армавир, 2001. Вып. 6. Ч. 1. – С. 26-36.
5. Гриценко Н. П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков. Их взаимное влияние друг на друга // Археолого-этнографический сборник. – Грозный, 1969. Т. III.
6. Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. – Махачкала, 2010. – 214 с.
7. Гусейнов Г.-Р. А.-К. О северных территориальных пределах Кумыкского государства эпохи Султан-Мута (середина XVI–XVII вв.) // Султан-Махмуд и его наследники в дагестанском историческом процессе (середина XVI–XVII вв.). – М., 2011. – С. 224-228.
8. Гусейнов Г.-Р. А.-К. О территориальных пределах средневекового Кумыкского государства и его этносоциальном и общественном развитии в позднем средневековье (до

XVIII в.) // Средневековые тюрко-татарские государства: Материалы Всероссийской конференции. – Казань, 2012. – С. 52-58.

9. Гусейнов Г.-Р. А.-К., Мугумова А. Л. Русская классическая литература XIX века и кумыки: образы и прототипы. К постановке вопроса // Проблемы изучения национальных литератур: Материалы международной научной конференции. – Махачкала, 2015. – С. 397-408.

10. Калоев Б. А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. – 1961. – № 1. – С. 41-53.

11. Караулов М. А. Материалы для этнографии Терской области. Говор гребенских казаков // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – СПб., 1902. Т. 71. – № 7. – С. 45–80.

12. Кобычев В. П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история и фольклор. – М.: Наука, 1977. – С. 178-191.

13. Козлов С. А. Русское казачество на Северном Кавказе (вторая половина XVI–XVII вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Л., 1989. – 24 с.

14. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1872. Вып. VI. – С. 1-62.

15. Ржевуский А. Терцы // Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске. – Владикавказ, 1888. – С. 56-70.

16. Селимов А. А. Иноязычные (тюркские) элементы в лексике русских говоров Дагестана (на материале говора станицы Александрийской Кизлярского района ДАССР): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л., 1966. – 21 с.

УДК 811.512.141'373

Р. Т. Муратова, г. Уфа

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЕ 'ЖЕЛТЫЙ' В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках проекта "Формирование и развитие системы цветообозначений в тюркских языках Урало-Поволжья", №16-34-01049

*Статья посвящена изучению цветообозначения 'желтый' в тюркских языках Урало-Поволжья. Рассматриваются лексемы һары / сары / сарă в башкирском, татарском и чувашском языках, которые восходят к древнетюркскому *saryu. Приводятся основные значения этих лексем в исследуемых языках.*

Ключевые слова: цветообозначение, желтый, тюркские языки Урало-Поволжья.

THE COLOUR TERMS FOR YELLOW IN THE TURKIC LANGUAGES OF THE URAL-VOLGA REGION. *The article discusses the colour terms for yellow in the Turkic languages of the Ural-Volga region. The author analyses the lexemes һары / сары / сарă in the Bashkir, Tatar and Chuvash languages which date back to the Old Turkic word *saryu. The basic meanings of these words are studied.*

Keywords: colour terms for yellow, Turkic languages of the Ural-Volga region.

Древнетюркская форма цветообозначения 'желтый' – *saryu. Пратюркская форма восстановлена как *siārīg. Во многих тюркских языках прослеживается эта форма с фонетическими вариациями: турк. са:ры, алт., тур., гаг., аз., кбалк., тат., ног., ккалп., каз., кирг. сары, кум. сари, башк. һары (диал. ҫары, сары), кар. сары // саров, сарув, узб. сариқ, уйг. сериқ, хак., тув. сарыг, чув. шура 'белый' // сарă 'желтый', як. араҕас 'бледный, желтоватый' [СИГТЯ 2001, 601].

Праалтайская форма цветообозначения желтый восстанавливается таким образом: *siājri 'белый; желтый': Тю. *siārīg 'желтый; белый', Мо. *sira 'желтый'; ТМ *siarū-; Кор. *hăi, Яп. *sirua- [ИБН 2009, 325].

Исходным лексическим значением слова можно определить 'светло-(бледно)-желтый'. В том или ином тюркском языке лексема имеет следующие значения: желтый;

светло-желтый; соловый (о масти лошади); белый, бледный (о цвете кожи); светлый, русый (о волосах); белокурый, блондин, рассвет, рыжий, золотистый, красноватый, золотуха; желток (яйца); топленое масло; желтая краска, охра, желтизна; желтуха; белый, светлый, седой; бельмо [ЭСТЯ 2003, 221-222].

В тюркских языках Урало-Поволжья прилагательное имеет следующие фонетические формы: башк. *һары* (диал. *сары, сары*), тат. *сары*, чув. *сарӑ*. Эти фонетические различия произошли в соответствии с закономерными изменениями, происходящими в данных языках: 1) переход анлаутного **c* > *h* / *ç* (*сарыг* > башк. *һары* / *сары*), 2) выпадение **ɣ* в конце слова (*сарыг* > башк. *һары*, тат. *сары*, чув. *шурӑ*).

Интерес представляют чувашские *шурӑ* 'белый' и *сарӑ* 'желтый'. Значение чувашского *šură* – белый. Слово *šură* является исконным словом, что объясняется закономерным переходом: **saryu* > *šură*. Отмечается, в чувашском языке для обозначения и белого, и желтого использовалось слово *шурӑ*. Далее слово *шурӑ* сначала подвинулось в сторону обозначения бледных оттенков. А заимствование из кыпчакских языков – *сарӑ* стало употребляться для обозначения более насыщенного желтого цвета, а затем и вообще всего желтого спектра [СИГТЯ 2001, 602].

Сведения по этимологии слова находим в этимологических словарях [Ахметьянов 2001, Егоров 1964, Федотов 1996, ЭСТЯ 2003, 2013, EDAL 2003]. Тю. **siārīg* сопоставляли с Мо. *sira* 'желтый' [ЭСТЯ, 222], с Яп. *širo* 'белый'; ТМ *šara-* / *šare-* 'побелеть, сделаться белым', венг. диал. *sarog* 'желтый' [Федотов 1996, 15-16; ЭСТЯ 2013, 532].

В современных словарях тюркских языков Урало-Поволжья [БТһ 1995, БРС 1996, ЧРС 1985, ТСТЯ 2005] зафиксированы следующие значения цветообозначения *желтый* (*һары, сары, сарӑ*):

1. Желтый: башк. *һары буяу* 'желтая краска', *һары япрак* 'желтый лист (растения)', *һары күлдәк* 'желтое платье', тат. *сары чәчәк* 'желтый цветок', *сары буяу* 'желтая краска', чув. *сарӑ чечексем* 'желтые цветы', *сарӑ кӑранташ* 'желтый карандаш'.

2. В составе аналитических цветообозначений выражает оттенки желтого цвета, а также другие цвета с желтым оттенком: башк. *кызғылт һары* 'оранжевый', *көрән һары* 'желто-коричневый', *акһыл һары* 'светло-желтый', *һары көрән* 'рыжевато-бурый, ржавый'; тат. *кара сары* 'темно-желтый', *көрән сары* 'бежевый', *куе сары* 'густо-желтый', *сары көрән* 'желтовато-коричневый', *сары кызыл* 'желто-красный', *сары яшел* 'желто-зеленый, оливковый'; чув. *хёрлёрех сарӑ* 'оранжевый', *сарарах шупка* 'кремовый (досл. желтовато-белесый)', *сар-симӑс* 'желто-зеленый'.

3. Масть лошади (*саврасый, соловый, буланный*): башк. *һары ат* 'саврасый конь', тат. *сары ат* 1) буланая лошадь, 2) саврасая лошадь, чув. *сарӑ-хӑла* 'буланный'.

4. Светлый, русый: башк. *һары сәс* 'светлые волосы', тат. *сары тәнле* 'желтокожий', чув. *сарӑ йтлӑ сьнсӑм* 'люди с желтой кожей', *сарӑ каччӑ* 'русый парень'.

5. В составе орнитонимов и зоонимов: башк. *һарығош* 'иволга', *һарыбауыр* 'желтогузка', диал. *һарығош* 'трясогузка', *һарытүш* 'синица', тат. *сары чыпчык* 'чиж', *сары корсак* 'желтопузик (змеевидная ящерица)', чув. *сарӑ-кайӑк* 'иволга (досл. желтая птица)'.

6. В составе фитонимов: башк. *һарыгат* 'облепиха', *һары мәтрүшкә* 'зверобой', диал. *һарыбаш* 'одуванчик', *һарыгүз* 'золототысячник обыкновенный', тат. *сары үрмәләвек* 'пахучий красотел', диал. *сары баллыкай* 'льнянка', *сары билчән* 'бодяк полевой', *сары мәтрүшкә* 'зверобой'; чув. *сарӑ пуç* 'первоцвет', *сарӑ пӑрӑç* 'горчица' (букв. желтый перец), *сари сип ути* 'зверобой'.

7. Желток (яйца): башк. *йомортка һарыһы*, тат. *йомырка сарысы*, чув. *самарта сари*.

8. Желтуха, гепатит: башк. *кара һары* 'тяжелая форма гепатита', *һары менән ауырыу* 'болеть желтухой', тат. *сары авруы* 'желтуха', *сары төшен авыру* 'заболеть желтухой', чув. *сарӑ-чир* 'желтуха', *сарӑ кан* 'заболеть желтухой'.

9. Грусть, тоска, глубокие переживания: башк. *һары алыу* ‘иссохнуть от горя’, *һарыға һабышыу* ‘предаваться грусти, тоске’, тат. *сары сагышка бату* ‘тосковать’ (букв. погрузиться в желтую тоску), *сарыға сабышу* ‘предаваться грусти, тоске’.

10. Рассвет, заря: башк. *таң һарыһы* ‘раннее утро’, диал. *көн һарыһы* ‘дневной свет’, тат. *таң сарысы белән* ‘ранним утром’.

11. Ядреный, наливной, налитой, спелый: чув. *сары тулă хумханать* ‘колышется золотая пшеница’, *сары улма* ‘наливное яблоко’.

12. Светлый, красивый: тат. диал. *сары* ‘красивый’, чув. *сарă хёр* ‘красивая (букв. русая) девушка’, *сан-сар ача* ‘русый красивый парень, красавец’.

13. Яркий, красный (эпитет солнца): *сарă хёвел* ‘светлое солнышко’.

Итак, мы назвали основные значения лексемы, которые зафиксированы в словарях. Но в диалектах, разговорной речи, а также в художественных произведениях, сочинениях публицистического жанра могут встречаться и иные оттенки значения этого слова, которые не нашли отражения в лексикографических трудах тюркских языков Урало-Поволжья. Например, в сочетании башк. *һары дала* (досл. желтая степь) слово *һары* обозначает понятия ‘широкий’, ‘обширный’, ‘просторный’. Сочетание башк. *һары алтын* (досл. желтое золото) подразумевает ‘настоящее золото, чистое золото, золото высшей пробы’ и т.д.

В развитии цветообозначения желтый в тюркских языках Урало-Поволжья, а именно, в чувашском, который относится к болгарской группе, и башкирском и татарском, которые принадлежат к болгаро-кыпчакской подгруппе, можно выделить следующие общие черты и особенности:

1) семантика ПТю **siārīg* в кыпчакских языках Урало-Поволжья развилась в сторону ‘желтый’ (*һары / сары*), а в чувашском – в сторону ‘белый’ (*шурă*). Эти расхождения связаны с ранним отделением проточуваш от других тюрков;

2) в чувашском языке для более насыщенного желтого цвета было заимствовано *сарă* (скорее всего, из татарского), которое впоследствии стало обозначать цвет вообще всего желтого участка спектра;

3) основные значения лексем *һары (сары) / сары / сарă* в тюркских языках Урало-Поволжья совпадают. Но есть и некоторые особенности употребления слова, характерные только конкретного языка. Например, в чувашских словарях отражены такие значения, как ‘красивый’, ‘ядреный’, ‘наливной’, ‘спелый’, ‘яркий’; а в башкирских и татарских – ‘рассвет, заря’, ‘ранний’.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что в своем развитии ПТю **siārīg* претерпевало фонетические изменения и некоторые семантические сдвиги в тюркских языках Урало-Поволжья: башк. *һары / сары*, тат. *сары*, чув. *шурă / сарă*. Эти изменения объясняются закономерностью развития языков данного региона.

Сокращения

аз. – азербайджанский, алт. – алтайский, башк. – башкирский, гаг. – гагаузский, каз. – казахский, кар. – караимский, кбалк. – карачаево-балкарский, ккалп. – каракалпакский, кирг. – киргизский, Кор – корейский, кум. – кумыкский, Мо – монгольские, ног. – ногайский, ПТю – пратюркский, тат. – татарский, ТМ – тунгусо-маньчжурские, тув. – тувинский, тур. – турецкий, турк. – турменский, Тю – тюркские, узб. – узбекский, уйг. – уйгурский, хак. – хакасский, чув. – чувашский, шор. – шорский, як. – якутский, Яп. – японский; диал. – диалект.

Литература

1. Ахметьянов Р. Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. – Казан, 2001.
2. Башкирско-русский словарь. – М., 1996.
3. Башкорт теленең һүзлеге. Т. 2. Ике томда. – М., 1995.
4. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1964.
5. История башкирского народа. Т. 1. – М., 2009.
6. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М., 2001.
7. Толковый словарь татарского языка. – Казань, 2005.

8. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 2. – Чебоксары, 1996.
9. Чувашско-русский словарь / Под ред. М. И. Скворцова. – М., 1985.
10. Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и междурекские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». – М., 2003.
11. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 9 (дополненный) / Сост. А. В. Дыбо. – Астана, 2013.
12. EDAL – Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An etymological dictionary of the Altaic languages. – Leiden, 2003.

УДК 81'282

Т. И. Мурзаева, г. Саратов

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ГОВОРА ЮЖНОРУССКОГО ТИПА НА ТЕРРИТОРИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Данная статья посвящена современной системе южнорусского говора Саратовской области. Автор выявляет тенденции развития говора, определяет соотношение устойчивых особенностей с языковыми комплексами единиц диалектного членения русского языка.

Ключевые слова: южнорусский говор, диалектные особенности, современные диалекты, тенденции, устойчивость.

THE CURRENT STATE OF THE SUBDIALECT OF THE SOUTHERN RUSSIAN TYPE ON THE TERRITORY OF SARATOV REGION. *This article is devoted to the modern system of southern Russian dialect of the Saratov region. The author reveals the development tendencies of the subdialect, determines the correlation of stable features with the dialectal division of the Russian language.*

Keywords: South-Russian subdialect, dialectical peculiarities, modern dialects, trends, sustainability.

Говоры южнорусского типа в Саратовской области компактно расположены в ее южной части (Федоровский, Ершовский, Питерский, Новоузенский, Александрово-Гайский районы), на остальной территории встречаются лишь их островки [Мурзаева 2016-в, 183]. Территория Саратовской области представлена в «Атласе говоров Среднего и Нижнего Поволжья» (далее «Атлас») [Баранникова 2000], который составлен по данным, собранным в 40-е – 60-е годы XX в. Диалектологические экспедиции, проведенные в первые десятилетия XXI в., позволяют определить степень устойчивости говоров и их динамику [Мурзаева 2016-а, 37].

В 2016 г. переобследован говор с. Алексашкино Питерского района (№ 497 по «Атласу»). Материалы хранятся в диалектологической фонотеке научно-образовательного центра «Культура и речь Саратовского края» Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г.Чернышевского. В «Атласе» представлено 7 населенных пунктов Питерского района, причем в 6 из них зафиксированы говоры с исходным южнорусским диалектным комплексом. Однотипность диалектного окружения, как правило, способствует длительному сохранению специфики характерных речевых особенностей [Мурзаева 2013, 48].

Говор села Алексашкино обнаруживает южнорусскую диалектную основу. Ему свойственны недиссимилятивное аканье, а также фрикативное образование звуков [γ] и [γ']: *пѣуѣварі́ли, ууля́ли, пау́п, пирау́и*; в конце слов *γ>х*: *утюх, врах, вдрух, прых*; в окончаниях глаголов 3 лица фонема /т'/ мягкая: *жывѣть, уѣварі́ть, расказжыть, зъсы́паіть* *идуть, вазьмутъ*; гораздо реже /т/ в этих окончаниях твердая. Малочастотны формы без /т/ в окончаниях: *ана иѣ ни ві́дя, детей ни абі́дя, сваху ни ві́дя* (характерны для межзональных говоров типа Б южного наречия).

Для позиции 1-го предударного слога после мягких согласных в речи диалектоносителей старшего поколения отмечено следующее. Перед ударным гласным нижнего подъема произносят [а]: *сы́стра, сы́пая, дя́ла, фся́уда, бряхатъ* и т. п.; перед

гласными верхнего подъема – [а]: *убяру́ть, сяс́тры́, сяс́тру, привязу́ть, пята́х, нъ бялю́, пъявильсь, ляпи́ли, пярй́на, из рязй́ны*; перед **о** (из **о, ъ, ѿ**) также [а]: *свакро́фь, тьяло́к, сяло́, вядро́, тьяло́, нямовъ, чиряно́чик*; перед **’о** – [и]: *бирёш, фпирёт, пилёнкый, дирё́цца*; перед **е** (из **е, ѣ и ю**) также [и]: *типёръ, дитей, йичмень, тиле́уъ, ниде́лю, нивесту*. Очевидна система ассимилятивно-диссимилятивного яканья. Зафиксированы отклонения от этой системы: произношение [а] перед ударными **е** (из **ю**), **’о**: *пъялядел, пъяднее, к сяс́тре, сямье́, тьярпётъ, нъ щакé, дяфчёнки, с сямье́й, вядёть, пъяврянёсся*. Можно предположить, что яканье находится на пути преобразования ореховского подтипа в кидусовский. В речи информантов, испытавших заметное влияние литературного языка, обнаруживается иканье с незначительными следами яканья. Так, при подавляющем большинстве примеров типа *вирну́льсь, зирно́, систра́, литаютъ, пъяли́лись, лидянки, симья́* отмечены случаи *либяду, тьяплá, нъямра́*. В ряде случаев может произноситься широкий а-образный звук [е].

Устойчивой особенностью в реализации согласных в потоке речи является диссимилиация в сочетании **кт**, свойственная речи всех информантов: *кто, никто, трахтьр*. Отдельные случаи свидетельствуют о том, что в говоре была распространена прогрессивная ассимиляция заднеязычных согласных: *тольки, тихонья, маленья, Райка, Толька, Валька*. Более частотными являются примеры типа *толька, Тонька*, что свидетельствует о затухании указанной диалектной черты.

Говору свойственна одна из самых мощных тенденций юго-восточного диалектного комплекса – переход части имен существительных из среднего рода в женский: *и щяс цілѧ плѧтья мая, чистую зярно, вынісла карыту бальшуя, худую бильѧ, зярно ничіістѧ, мѧса былѧ б я иѧ и ни хачю, былѧ мѧла*. Это характерно и для отвлеченных существительных, а также для заимствованных несклоняемых: *фсю время, висельѧ какая, шла такая кино*.

Отмечены следующие диалектные падежные формы множественного числа имен существительных. Именительный падеж исконно среднего рода: *о́кны, пи́сьмы, вну́чаты* (южнорусские формы); творительный падеж с окончанием *-ими* после основы на заднеязычный согласный: *даяркими, слифкими*. В других случаях в именительном падеже расширена сфера употребления флексии *-а*: *шальа́, дья́ря, мьти́ря, азяра́*.

Устойчивы южнорусские формы личных и возвратного местоимений в родительном и винительном падежах единственного числа: *у минé нет аґарода, ты мине ни любиш, я тибé ни дѣуаню, ни сумела тибе тярпеть, так сибé видѣть* [см. также Мурзаева 2017-а, 355]. Возможно употребление архаической основы у местоимений *табе, сабе*.

Наблюдается омонимия окончаний творительного и предложного падежей единственного числа мужского рода порядковых числительных и неличных местоимений: *в этом уаду, чё аб этим тълковать, ф сорьк фтарым уаду.*

Глаголы с безударными личными окончаниями относятся к общему спряжению, о чем свидетельствуют южнорусские формы типа *паставють, парубють, насолють, сложуть, прамесють, абмалотють*. Возвратные формы глаголов мужского рода имеют постфикс *-си*: *издаывалси, пъявилси, папалси, убирайси, ня бойси*; в остальных формах конкурируют постфиксы *-ся/-с'*: *рѣскляилися, боялися, пъявилися и боялись, саились, нѣчлася*. На стыке окончания 2 лица единственного числа и возвратного постфикса наблюдается регрессивная ассимиляция согласного: *даждѣсси, пъяврнѣсса, рууаисси, стараисси*.

Значение множественного числа 2 лица в формах повелительного и изъявительного наклонений выражается аффиксом *-тя*: *хвалитя, даяитя, жывитя, скажытя* (южнорусск.), *знаитя, пажрѣтя, ни слышытя* [см. также Мурзаева 2015-б, 150]. В формах инфинитива обращает на себя внимание вторичная аффиксация у глаголов с корнем *ид-*: *итить, зайтить*.

Синтаксических особенностей немного. Одна из них – употребление полной формы причастия или прилагательного в соответствии с литературной краткой в именном составном сказуемом: *он с ним схъранёный*. Устойчиво употребление конструкций с предлогом *с* в соответствии с *из*: *с сяла, с Саратова, с армии*.

Как известно, говоры территорий позднего заселения сохраняют ряд особенностей, унаследованных ими от первичных диалектов, и даже могут соотноситься с исконными лингво-территориальными объединениями [Баранникова 1975, 30; Мурзаева 2017-б, 11]. Кроме уже названных черт южнорусского типа для говора с. Алексашкино характерны признаки юго-восточной диалектной зоны:

- согласование с существительными исконно среднего рода, имеющими ударное окончание *-о*, прилагательных и местоимений женского рода;

- возможность образования форм именительного падежа множественного числа с ударным окончанием *-а* от существительных женского рода на мягкий согласный: *шалѣ, дѣчярѣ, мѣтярѣ*;

- формы родительного падежа множественного числа с окончанием *-ов* у существительных с *а*-основами женского рода: *дрѣкъф, бабушкъф, кучкъф*;

- смягчение заднеязычных согласных в основе существительных при образовании форм творительного падежа множественного числа в случаях типа *даяркими, утками*;

- употребление ударного окончания *-уя* у прилагательных винительного падежа единственного числа женского рода: *карыту бѣлыуя, залу какуя*;

- постфикс *-си* в возвратных формах глаголов после *л* и *ш*.

С Восточной (Рязанской) группой говоров рассматриваемый диалект сближают ассимилятивно-диссимилятивное яканье и прогрессивная ассимиляция заднеязычных [Захарова, Орлова 1970, 133].

«Устойчивость современных диалектов в их фонетике и морфологии представляется как бесспорный факт при изучении речевого поведения сельского населения» [Калнынь 1997, 121]. В то же время сравнение данных «Атласа», а также записей, сделанных от информантов разного возраста и уровня образования, позволяет обнаружить тенденции, свойственные развитию системы говора. Среди них упрощение системы предударного вокализма, сближение именного склонения *а*-основ и *і*-основ, взаимодействие форм творительного и предложного падежей единственного числа мужского рода, проявляющееся в омонимии в пользу творительного, развитие грамматических особенностей широкого распространения (формы глаголов общего спряжения, унификация чередований и аналогическое выравнивание в основе глагола, употребление полной формы причастия или прилагательного в соответствии с литературной краткой в именном составном сказуемом, повтор предлога при постпозитивном определении, употребление предлога *с* в соответствии с *из*), развитие вариативности морфологических форм (параллельное употребление южнорусских и севернорусских форм личных местоимений в родительном и винительном падежах единственного числа, сосуществование форм глаголов 3 лица с [т'] и [т] в окончаниях) [Мурзаева 2015-а, 74-76], постепенная утрата лексики, обозначающей предметы, вышедшие из употребления, пополнение лексического состава говора за счет заимствований из литературного языка [Мурзаева 2016-б, 190].

Литература

1. Баранникова Л. И. Атлас русских говоров Среднего и Нижнего Поволжья. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 104 с., 39 карт.
2. Баранникова Л. И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. – 1975. – № 2. – С. 22-31.
3. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. – М.: Просвещение, 1970. – 168 с.
4. Калнынь Л. Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопросы языкознания. – 1997. – № 3. – С. 115-124.
5. Мурзаева Т. И. Динамика южнорусской диалектной системы на территории Саратовской области // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – № 3.2. – 2016-а. – С. 34-39.

6. Мурзаева Т. И. Заимствованные слова в диалектной речи // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: Материалы VI Международного научного семинара, посвященного памяти профессора Э.П. Кадькаловой (Саратов, 27-28 октября 2016 г.). – Саратов: Амирит, 2016-б. – С. 189-195.
7. Мурзаева Т. И. Из истории классификации говоров Саратовской области // Русская устная речь: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «II Баранниковские чтения». Вып. 2. – Саратов: Амирит, 2016-в. – С. 180-186.
8. Мурзаева Т. И. Преобразования в южнорусских говорах на территории Саратовской области // Предложение и слово. – Саратов: Научная книга, 2013. – С. 48-54.
9. Мурзаева Т. И. Современные процессы в говорах Саратовской области // Язык в пространстве речевых культур. – Москва – Саратов: Амирит, 2015-а. – С. 72-78.
10. Мурзаева Т. И. Специфика исследования современной диалектной речи // Современные научные исследования и разработки [Электронный ресурс]. – Прага: Vydavatel «Osvnscenn», 2017-а. – С. 353-358.
11. Мурзаева Т. И. Судьба говоров курско-орловского типа на территории позднего заселения // Актуальные проблемы русской диалектологии. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2015-б. – С. 148-150.
12. Мурзаева Т. И. Традиционное и новое в говорах Пугачевского района Саратовской области // Живое слово: фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 5. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017-б. – С. 9-13.

УДК 81'27

Т. Г. Мухтаров, г. Уфа

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В СФЕРЕ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

В статье рассмотрены вопросы практической реализации правового режима башкирского языка в дошкольных образовательных учреждениях Республики Башкортостан. Изучены проблемы усвоения башкирского языка в русскоязычных и башкирских детских садах.

Ключевые слова: детский сад, дошкольный, башкирский язык, Башкортостан, правовой режим.

THE LEGAL STATUS OF THE BASHKIR LANGUAGE IN THE FIELD OF PRESCHOOL EDUCATION AND PROBLEMS OF ITS PRACTICAL IMPLAMENTATION. *In the article questions of practical realization of a legal regime of the Bashkir language in preschool educational institutions of the Republic of Bashkortostan are considered. The problems of mastering the Bashkir language in Russian-language and Bashkir kindergartens are studied.*

Keywords: kindergarten, preschool, Bashkir language, Bashkortostan, legal status.

Важнейшей сферой, во многом формирующей язык, языковые навыки и умения, является сфера образования. Начиная с дошкольного возраста и заканчивая послевузовским образованием, человек участвует в процессе языковой социализации.

В Республике Башкортостан действует Закон Республики Башкортостан «Об образовании». Этот политико-правовой документ, по своему практическому значению, видимо, является более важным, нежели Закон «О языках народов Республики Башкортостан». Несколько раз после принятия в 1992 году закон «Об образовании» претерпевал существенные, принципиальные изменения. Данные изменения отражали смену языковых идеологий в Башкортостане, обусловленных внутренними причинами, а также влиянием федерального центра, который в своей образовательной политике также менял ориентиры.

До 2006 года указанный закон «Об образовании» придерживался концепции, согласно которой принятие башкирского языка в качестве второго государственного несет символическое значение. Изучение этого языка в системе дошкольного и среднего

образования республики поощрялось республиканскими властями, но не было обязательным. Последнее слово по поводу необходимости такого изучения в образовательном учреждении всегда принадлежало администрациям конкретных районов и городов Республики Башкортостан.

Так, в 1997 гг. в РБ число ДООУ с воспитанием детей на башкирском языке либо с изучением башкирского языка, составляло 478. Число детей, посещающих эти учреждения возросло, и составляло 16 088 человек. По сведениям Ф.Г. Хисамитдиновой, это число составляло не многим более половины от всех детей башкирской национальности, посещающих ДООУ республики [Хисамитдинова, 1998, 42]. При этом, в 1997 году ДООУ только с башкирским языком обучения посещали лишь 8 068 башкирских детей (26 %).

В 2005 году на башкирском языке воспитывались и обучались около 22 тыс. детей дошкольного возраста, а более 5 тыс. детей-башкир изучали его как предмет [Нафикова 2005, 3].

Однако с момента внесения в Закон РБ «Об образовании» в 2006 году изменений об изучении башкирского языка как государственного наступил новый период в языковом строительстве Республики Башкортостан. Изучение башкирского языка стало обязательным в системе среднего и дошкольного образования, начиная с 1 сентября 2007 года.

Впоследствии на федеральном уровне произошли очень важные изменения, касающиеся языковой политики РФ в системе образования. В декабре 2007 года был принят федеральный закон 309-ФЗ, который ознаменовал наступление нового периода в судьбе языков народов Республики Башкортостан. Этот закон в области преподавания, изучения языков придерживается рыночно-демократической, индивидуалистической идеологии, о которой ранее речь уже велась автором [Мухтаров 2013, 114].

Что касается системы обучения на языках народов России в РБ, то, кроме русского, в Башкортостане обучение организовано на башкирском, татарском, чувашском, марийском и удмуртском языках. Важно отметить, что, согласно п.3 ст. 7 закона РБ «Об образовании», язык, на котором ведется обучение и воспитание в образовательном учреждении, определяется его учредителем и/или уставом образовательного учреждения.

Как было сказано выше, в Башкортостане существуют учреждения дошкольного образования (ДООУ), в которых обучение и воспитание ведется на русском языке (их большинство), и так называемые национальные дошкольные образовательные учреждения.

Дошкольные образовательные учреждения с русским языком обучения распространены во всех городах и районах Республики Башкортостан. После законодательного закрепления обязательного изучения башкирского языка в сфере образования был определен период, когда этот государственный язык подлежал обязательному изучению в русскоязычных ДООУ. В них начали проводиться регулярные занятия для детей, на которых в игровой форме изучались некоторые слова из башкирского языка, выражения благодарности, приветствия, прощания, а также названия окружающих предметов. Во многих русскоязычных детских садах были образованы так называемые башкирские группы, которые создавались для детей, родным языком которых является башкирский. В этих группах башкирский язык изучался как родной, а не государственный. К сожалению, этот период продлился недолго, начиная с 2010-2011 учебного года изучение башкирского языка в русскоязычных дошкольных образовательных учреждениях РБ перестало быть обязательным для всех. Причиной этому стало внедрение в систему дошкольного образования новых федеральных государственных образовательных стандартов. Согласно этим стандартам, в ДООУ не предусматривается обязательное изучение нерусских языков, если это учреждение не является национальным. Ввиду этого, начиная с 2010-2011 учебного года, изучение башкирского языка в этих учреждениях претерпело существенные изменения. По предложению Министерства образования РБ, в русскоязычных ДООУ ведется кружковая

работа по изучению башкирского языка. Это означает, что кружок по изучению башкирского языка в детском саду посещают лишь те дети, чьи родители написали соответствующее заявление, а педагог, который ведет этот кружок, как правило, получает за свой труд почасовую оплату, а по основному месту работает учителем в учреждении общего образования.

Сохранилась и другая форма изучения башкирского языка в русскоязычных ДОО. Дети небашкирской национальности нередко определяются родителями в башкирскую группу детского сада и там получают первые знания о башкирском языке, правда, возникает коллизия: башкирские группы в русскоязычных ДОО изначально создавались для башкирских детей, чтобы изучать в них родной башкирский язык, между тем, массовое поступление в такие группы небашкирских детей фактически сразу же изменяет характер преподавания башкирского языка в них. Теперь педагог будет вынужден основную часть своего времени уделять тому, чтобы дети, не знающие башкирский язык, поняли его. Однако в такой ситуации говорить всерьез о башкирском языке воспитания в такой группе невозможно. В настоящее время в городах республики, кроме Зауралья и юга Башкортостана, в таких башкирских группах башкирские дети составляют меньшинство. Идет профанация идеи создания таких групп для детей, чьим родным языком является башкирский. Таким образом, наносится значительный ущерб процессу их этнической социализации. В то же время для небашкирских детей очевидно получение преимуществ в таких группах вследствие развития у них навыка двуязычия (однако и здесь существует большая зависимость от педагогов, которые ведут для них уроки башкирского языка в адекватной ситуации в качестве местного, а не родного языка). Автор полагает, что в этой области дошкольного образования необходима скорейшая разработка новой концепции изучения башкирского языка небашкирскими детьми в таких группах.

Теперь обсудим вопрос использования башкирского языка в национальных дошкольных образовательных учреждениях с нерусским языком обучения. В уставах национальных дошкольных образовательных учреждений, как правило, закреплён тот или иной язык (например, башкирский), на котором ведётся воспитание и обучение. Также в наименовании учреждения может быть отражено, что оно является национальным (башкирским, татарским и т.д.), однако не во всех случаях это имеет место.

Национальные дошкольные учреждения в Башкортостане сегодня представлены только детскими садами и яслями, относящимися к муниципальной форме собственности. До сих пор в республике ещё не существует частных дошкольных учреждений, в которых обучение и воспитание велось бы на каком-либо другом, кроме русского, языке.

Вообще, наиболее серьёзные проблемы у национальных ДОО имеются в городах Башкортостана. Например, в Уфе, несмотря на то, что доля башкирского населения в этом городе составляет около 15% (150000 чел.) очень мало башкирских детских садов, яслей. Имеющиеся башкирские ДОО переполнены и не удовлетворяют запросов всех желающих родителей. Однако строительство новых детских садов-яслей с башкирским языком обучения в городе Уфе не ведётся по многим причинам, главной из которых является дисперсность проживания башкир в столице РБ.

Другой проблемой башкирских ДОО в городе Уфе является несоблюдение этими учреждениями своих же уставов в части языка обучения и воспитания. Часто воспитатели, няни, музыкальные руководители мешают в своей работе башкирскую речь с русской, а то и вовсе используют русский язык в общении с детьми. Как правило, это происходит с теми педагогами, которые башкирским языком владеют хуже, чем русским.

Третья проблема, которая относится ко всем национальным ДОО в РБ – это несоответствие языка воспитания и обучения в них национальному составу детей. Дело в том, что, как правило, не менее 20% детей в башкирских детских садах составляют дети, которые по происхождению не являются башкирами. Их родители зачастую направляют своих детей в такие учреждения не для того, чтобы их дети знали башкирский язык, а по

различным другим причинам (близость к дому, престижность, наличие свободных мест, пример знакомых и родственников). Такие дети, как правило, башкирский язык не понимают и потому требуют к себе дополнительного внимания педагогов, часто вынуждая их переходить на русский язык в общении не только с ними, но и в целом с группой.

Четвертая проблема – во многих национальных ДОО происходит вытеснение языков этих учреждений русским языком в межличностных коммуникациях детей. Русскоязычные дети, которых в группе может быть до половины его состава, невольно навязывают свой язык остальным детям, и те переходят на русский язык, а педагоги, в присутствии которых все это происходит, не предпринимают никаких мер, либо реагируют, но не на должном уровне.

Все вышеперечисленные проблемы подлежат немедленному решению, в противном случае реализация правового режима башкирского языка в сфере дошкольного образования становится неадекватной.

Литература

1. Нафикова З. Г. Методическая система обучения фонетике башкирского языка русскоговорящих детей 5-6 лет в условиях ДОО: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – М., 2005.

2. Хисамитдинова Ф. Г. О выполнении «Программы развития образования Республики Башкортостан на 1993-1998 гг.» и задачах образования на 1999-2003 гг. (Проект концепции). – Уфа, 1998.

3. Мухтаров Т. Г. Языковые идеологии (политико-правовые доктрины языков) в Республике Башкортостан // Опыт реализации языковой политики в субъектах Российской Федерации: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Уфа, 31 октября 2013 г.). – Уфа: Восточная печать, 2013. – С. 103-118.

УДК 81'282:811.512.1

С. А. Мызников, г. Санкт-Петербург

ТЮРКИЗМЫ В КАЗАЧЬИХ ГОВОРАХ

Данная работа продолжает исследование этимологии лексики говора казаков-некрасовцев как части общеказацкого и русского диалектного лексикона. Анализируется лексика турецкого, общетюркского происхождения. Рассматриваются также лексические единицы тюркского происхождения, которые вошли в говор казаков-некрасовцев через посредство других языков. Исходя из анализа формы и семантики, можно говорить о посредстве болгарского и румынского языков.

Ключевые слова: диалектный, словарь, тюркизмы.

TURKISMS IN COSSACK SUBDIALECTS. *This work continues to study the etymology of the subdialect vocabulary of Nekrasov Cossacks as a part of Russian dialects and vocabulary. We analyze the vocabulary of Turkish and Turkic origin. We also consider the lexical units of Turkic origin that entered the subdialect of Nekrasov Cossacks through other languages. Based on the analysis of the form and semantics, we can talk about mediation of the Bulgarian and Romanian languages.*

Keywords: *dialect, dictionary, Turkism.*

В данной работе анализируются некоторые лексические единицы говора казаков-некрасовцев, как представляющие часть казачьих говоров, так и широкий общерусский лексикон. Казаки-некрасовцы – потомки донских казаков, участников восстания Кондратия Булавина 1707-1709 гг., которые ушли с Дона во главе с атаманом Игнатом Федоровичем Некрасовым на Кубань, потом на Дунай, в Добруджу, а в начале XIX в., оказались в Турции. Таким образом, говор казаков-некрасовцев в плане происхождения должен наследовать в какой-то части донские особенности речи, сохранять, как островной говор, архаические элементы и, конечно, в говор должны были проникнуть заимствованные иноязычные единицы из смежных языков.

Материалами для статьи послужили лексикографические источники, а также сведения, полученные автором в диалектологических экспедициях и почерпнутые из рукописей, подготовленных словарей, а также из диалектных картотек (см. Литература и источники).

Наиболее специфической частью лексикона говора казаков-некрасовцев является значительное число единиц неисконного происхождения – большей частью тюркизмов и турцизмов.

Исходя из предшествующих исследований, можно констатировать, что имеется лексика, которую можно рассматривать как общую для казачьих говоров. У казаков-некрасовцев, в ряде случаев, фиксируются данные, представляющие пласт, соотносимый с материнскими для них донскими говорами. Например: **сула** 'рыба судак' [Сердюкова, 280]. Ср. другие данные: **Сула** 'рыба судак' Дон., 1848. *У нас на Дону мы давно судака сулой называем.* Дон. Курск., Ворон., Казаки-некрасовцы, Рост., Азов., Кубан., Одесск., Саратов., Волгогр. [СДГВО, 577; СРНГ 42, 218]. Слово рассматривается как тюркское заимствование: татар. *sula*, каракалп. *sula*, венг. *süllő* 'судак' [Фасмер 3, 799]. Причем в говоре уральских (яицких) казаков слово **сула** представлено в ином значении, возможно, первичном, на основании которого могло и возникнуть наименование судака: 'проныра, егоза, бойкий': – *Избу замкнули да пошли отец с матерью, а я сула была, в окно вылезла.* [Малеча 4, 250].

Кроме того, отмечаются прямые многочисленные турцизмы, как результат многолетнего этноязыкового контактирования. Многие казаки-некрасовцы являются билингвами, использовавшими турецкий язык не только в официальной сфере, но и в повседневном общении с соседями турками.

Карако'р 'в дореволюционное время – жандармерия': – *А она и кричит: тут каракор али чего, вы суд судите, а не делайте бардак.* Казаки-некрасовцы [СРНГ 13, 71], при тур. *karakol* 'полицейский пост, пункт, участок', часовой, патруль; караул' [ТРС, 316].

Панаи'р 'ярмарка, базар': *На панаире свои излишки продавали.* Казаки-некрасовцы [СРНГ 25, 192], ср. турец. *panayır* 'базар' [WTETD, 360].

Галда'р, гарда'л 'горчица' [Сердюкова, 50-51], из турец. *hardal* 'горчица' [БРТС].

Игы'н 'стог': – *Игын большой накладен.* [Казаки-некрасовцы, 1969]. Ср. турец. *uygun* 'подходящий' [Юсипова, 608].

Ижили'к 'ночная рубашка': – *В ижиликах редко кто спал.* Казаки-некрасовцы, 1969. Ср. турец. *gecelik* 'ночная рубашка' [Юсипова, 201].

Кавырма', кывырма' 'мясо': – *На охоте кавырмы нажарим. Турки не ели кавырму свининую* [Казаки-некрасовцы, 1969]. Ср. турец. *kavurma* 'мясо, зажаренное на собственном жиру' [Юсипова, 326].

Калачи' 'резиновая обувь': – *В дождь мы, надеваем калачи.* Казаки-некрасовцы, 1969. Вряд ли турец. *kelik*, -*ği* 'старая поношенная обувь' [Юсипова, 331], более вероятно сопоставление с турец. *kalçın* 'лёгкие войлочные сапожки' [Юсипова, 301].

Кале'вры 'мягкая обувь без каблуков типа чувяков': – *Обут я в калевры.* Казаки-некрасовцы, 1969. Ср. турец. *kalavra* 'туфли без каблуков', 'кожаные изделия', при турец. *kalavrahane* 'сапожная мастерская' [Юсипова, 301].

Иногда возможна иная трактовка данных, зафиксированных Сердюковой, например: **Кале'** 'таможня': – *Была на границе одна кале, и был там царь калиянский.* Казаки-некрасовцы, 1969. Ср. турец. *kale* 'крепость' [Юсипова, 302].

Кандило'к 'лампада' [Казаки-некрасовцы, 1969]. Ср. турец. *kandil* 'светильник, лампада' [Юсипова, 308]. Хотя имеется также русск. диал. **ка'нде'ль** 'лампада' Дон., 1848. Ворон., Оренб. [СРНГ 13, 38].

Кели'на 'провода': – *Турки колючую келину протянули* Казаки-некрасовцы, 1969. Ср. турец. *dikenli tel* 'колючая проволока' [Юсипова, 138].

Кондра'т 'договор': – *С турками у нас был Кондрат.* Казаки-некрасовцы, 1969. Ср. турец. *kontrat* 'письменный договор' [Юсипова, 358].

Кунда'к 'приклад ружья': – *Кундак был хороший, начал я выдру кундаком бил.* Казаки-некрасовцы, 1969. Ср. турец. *kundak* 'приклад оружия; ложка (винтовки)' [Юсипова, 371].

Магаджи'р 'переселенец, эмигрант': – *Магаджиров и в Турции много.* Казаки-некрасовцы, 1969. Ср. турец. *muhasir* 'переселенец, эмигрант' [Юсипова, 409].

Майдано'с 'огородное растение петрушка': – *Рыбу положили, перцу черного насыпали, нюхальнику поклали и майданос поклали – петрушка, и укропу туды положили.* Казаки-некрасовцы, 1969. Ср. турец. *maydanos* 'петрушка' [Юсипова, 398].

Ма'йне 'медицинский осмотр': – *Майне делает доктор мне.* Казаки-некрасовцы, 1969. Ср. турец. *muayene* 'осмотр, обследование' [Юсипова, 408].

Мала'к 'буйвол': – *Малаки – буйволы, буйла – это matka, а муцина – это малак. Малаки запрягают, малак тихо ходит, жару боится. Земли имели, коних, малаков, овцу имели.* Казаки-некрасовцы, 1969. Ср. турец. *malak* 'буйволёнок' [Юсипова, 393].

Марти'н 'порода чаек' [Казаки-некрасовцы, 1969]. Ср. турец. *marti* 'чайка' [Юсипова, 396].

Матра' 'фляга для воды' [Казаки-некрасовцы, 1969]. Ср. турец. *matara* 'фляга' [Юсипова, 397].

Машанба' 'промасленный брезентовый щит на лодке': – *Когда фуртуна, зыба идут, на бортах ставили машанбу, она проблакованная, из брезента. Когда фуртуна стихла, машанбы скручиваются.* Казаки-некрасовцы, 1969. 'Клеенка' [Казаки-некрасовцы, 1969]. Ср. турец. *tişamba* 'клеёнка, линолеум', 'плащ' [Юсипова, 410].

Мая' 'часть желудка ягненка, которую используют для закваски молока и теста' Казаки-некрасовцы, 1969. 'Дрожжи': – *Когда пнянрь квасили, да капнешь ложечку май, мы на магазине брали.* Казаки-некрасовцы, 1969. Ср. турец. *may* 'дрожжи, закваска' [Юсипова, 397].

Михте'п 'школа': – *Я в михтеп пошла.* Казаки-некрасовцы, 1969. Ср. турец. *mekterp* 'уст. школа, училище, учебное заведение' [Юсипова, 399].

Синса'рь 'куница' [Сердюкова 2005, 262], при турец. *sansan* 'то же' [БРТС: 195].

Саламу'р 'рассол' [Сердюкова 2005, 254], при турец. *salamura* 'выдержанный в рассоле' [БРТС, 494].

В ряде случаев, сходные материалы, зафиксированные у казаков-некрасовцев и в русской диалектной макроструктуре можно дифференцировать по их происхождению. Единица говора казаков-некрасовцев часто является прямым заимствованием из турецкого языка, например: **Макара'** 'приспособление для подъема паруса, блок': – *Макара, к деревку приделали макору, сверху привязывают.* Казаки-некрасовцы, 1969. Ср. турец. *makara* 'барабан', 'блок' [Юсипова, 392]. Тогда как, на более широком фоне соответствующие данные можно рассматривать как тюркизм широкого распространения: **Мако'р** 'механизм, состоящий из вращающегося диска с желобом для каната или цепи; блок': – *Китал через макор тянуть. Поморскому зовут блоки, а по-нашему макоры. Уцынки через макоры натягают.* Дельта Дуная, 1964 [СРНГ 17, 313]. Ср. рум. *macará* (XVIII в.) 'тали; подъёмник; кран', *măcărăi* 'ворот (колодезный)', арум. *măcără* 'блок, шкив', болг. *макара* 'катушка', разг. 'блок (для подъёма тяжестей)', серб., хорв. уст. *mácare* 'леса' [ТЯЮВЕ].

Тара'к 'приспособление для чесания шерсти' Казаки-некрасовцы [Сердюкова 2005, 285]. 'Гребень для расчесывания волос' Р. Урал [Малеча; СРНГ 43]. При единстве на тюркской почве, первый лексико-семантический вариант восходит к турец. *tarak*, второй к казах. *тарақ* 'расческа, гребенка' (Бектаев, КРС, 435), хотя вполне возможно и их недифференцированное употребление, ср. татар., башк. *тарак* 'гребень, расчёска; чесалка (льна)'.

Приведем еще один сходный пример: **Тарла'** 'обрабатываемый земельный надел; поле, огород' Казаки-некрасовцы (Сердюкова, 285). Ср. турец. *tarla* 'поле, плантация'

[БРТС], румын. *tarlá* 'земельный надел, поле', болг. *тарла* 'поле', *търла*, *търло* 'кошара', н.-греч. *ταρλάς* 'земельный участок (для строительства)' [ТЯЮВЕ].

Имеются случаи, когда в лексиконе казаков-некрасовцев отмечаются единицы, зафиксированные в говоре казаков-некрасовцев, являются тюркизмами широкого распространения.

Зепь 'съемный карман на пояске' [Казаки-некрасовцы, 1969]. Ср. русск. диал.: **Зеп** 'карман' Перм., Волог., Самар., Дон., Енис., Краснояр., Сиб. [СРНГ 11: 264], **зепь** 'то же' Влад., Вят., Казан., Нижегород., Симб., Самар., Курск., Дон., Оренб., Перм., Свердл. [СРНГ 11, 264: 265]. Этимологически первичные данные широко представлены в тюркских – тур., азерб. *džeb* 'карман', пермских языках – коми *зеп*, *дзеп* 'карман' [ССКЗД, 130], удм. *з'ер* 'карман' [КЭСКИЯ, 105], обско-угорских, ср. венг. *zseb* 'карман'; при наличии славянских данных: болг. *джеб*, сербохорв. *джен*, словен. *žep* [Фасмер 2, 95]. Имеется несколько точек зрения в отношении русских диалектных данных. Фасмер предполагал, что это тюркское заимствование [Фасмер 2, 95], солидаризовалась с ним Шипова [Шипова, 138]. Аникин допускает, что распространение слова **зеп** может быть связано с влиянием коми языка [Аникин 2000, 212, 213]. Однако, независимость коми слова от русских данных подвергается сомнению. Причем авторы КЭСКИЯ предлагают его древнечувашскую основу ввиду сходства формы в удмурдском языке [КЭСКИЯ, 105]. На русской почве также не исключалась его чувашская природа [Wichmann 1903, 54]. Ср. также араб. *zipr* 'карман', перс. *jib* 'пазуха, карман' [Абаев 1958, 406].

В ряде случаев, слово, имеющее соответствия в турецком языке, может представлять собой не прямое заимствование, а опосредованное влиянием другого смежного языка. Исходя из сопоставлений, можно говорить о посредстве болгарского и румынского языков.

Кырма 'ружье-двустволка': – *На охоту я брал кырму*. Казаки-некрасовцы [СРНГ 16, 203], из болг. устар. *кърма* 'вид черногорского пистолета, казенная часть которого преломляется после выстрела' [ТЯЮВЕ], алб. *kërma* 'разборное ружье' [ТЯЮВЕ], при турецкой основе: *kırma* 'разбивка, дробление; уничтожение; складывание, сгибание; битый, дроблёный; складной, разборный', 'складка, сгиб', одеж. 'гофре', полигр. 'фальцовка', 'дроблёное зерно', 'гибрид, полукровка' [БРТС].

Бу'я 'краска' [Сердюкова, 39], имеет соответствие турец. *boya* 'краска', 'цвет, окраска', 'чернила', 'косметика', перен. 'показуха, видимость' [БРТС], хотя фонетически ближе румын. нар. *buiá* 'краска' (Мунт., Олт., Добр., 1857 – XX в.), при серб., хорв. *boja* 'цвет; окраска' → *bojiti* 'красить, окрашивать' [ТЯЮВЕ].

Ары'ш 'дышло': – *Кругом меня Ванька стоит, а мы босиками. Кругом арбы арыш есть, быков запрягать* [Сердюкова, 26]. При более близко фонетически болг. диал. *аръш* 'оглобля, дышло', при тур. *arış* 'оглобля; дышло' [БРТС].

Таким образом, этимологическое исследование лексики говора казаков-некрасовцев с анализом ее на тюркской и общерусской диалектной почве, может детально показать складывание казацкого лексикона в его историческом развитии.

Литература

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М.; Л., 1958–1989. Т. 1–4.
2. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2 изд., испр. и доп. – М.; Новосибирск, 2000. – 768 с.
3. БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества. – Ростов-на-Дону: Гос. ун-т; М.: ООО «Русские словари», ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2003. – 608 с.
4. БРТС – Большой русско-турецкий словарь / Сост.: Богочанская Н. Н., Торгашова А. С. – М.: Дом Славянской книги, 2009. – 608 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. – М.; СПб., 1880–1882. Т. 1–4.

6. КЭСКО – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар, 1999.
7. Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 2002-2003. Т. 1-4.
8. Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. – Ростов-на-Дону, 1929. – 415 с.
9. Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2010. – 192 с.
10. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I-IV. – СПб., 1899-1911.
11. Казаки-некрасовцы – Сердюкова О. К. Лексика говора казаков-некрасовцев. (Исследование и словарь): Дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1969.
12. Сердюкова О. К. Лексикализованные фонетические варианты общенародных слов в донских говорах и в говорах казаков-некрасовцев // Материалы по русско-славянскому языкознанию. IV. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1969, т. 63. – С. 156-162.
13. Сердюкова О. К. Словарь говоров казаков-некрасовцев. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2005. – 319 с.
14. СРНГ – Словарь русских народных говоров. – М.; Л.; СПб., 1965-2014. Т. 1–47.
15. Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием / Отв. ред. В. М. Гразнова. – Ставрополь: Сервисшкола, 2012. – 608 с.
16. ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. – Сыктывкар, 1961. – 489 с.
17. ТРС – Турецко-русский словарь / Сост. Д. А. Магазаник. – М., 1945.
18. ТЯЮВЕ – Гирфанова А. Х., Лопашов Ю. А., Снежана Петрович, Сухачев Н. Л. Тюркизмы в языках Юго-Восточной Европы (Опыт сводного описания историко-лексикологических и этимологических данных) / Под общ. ред. Н. Л. Сухачева. [Рукопись ИЛИ РАН].
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1964-1973. Т. 1–4.
20. Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата: Наука, 1976. – 444 с.
21. Юсипова Р. Р. Турецко-русский словарь. – М., 2005. – 694 с.
22. Webster's Turkish – English Thesaurus Dictionary. Published by ICON Group International, Inc. 7404 Trade St, San Diego, 2008.
23. Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. MSFO, 21. Helsingfors, 1903.

УДК 811.512.133

Насриддин Назаров, г. Ташкент

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОТЛИЧИЯ ЛАКАЙЦЕВ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматриваются некоторые аспекты в этнокультуре лакайской народности. Как один из основных компонентов узбекской нации, лакайцы имеют богатые традиции и этнические ценности, некоторые из них не содержат аналогов в других этнокультурах или отличаются в деталях. Кроме того, этнонимы, встречающихся у лакайцев, способствуют изучению и сопоставлению общих и особенных признаков в культуре тюркоязычных народов.

Ключевые слова: лакайцы, быт и культура, этнокультурная лексика.

ETHNIC AND CULTURAL PECULARITIES OF THE LAKAJS AND THEIR LINGUISTIC REFLECTION. *This article discusses some aspects of ethnic culture of Lakays. As one of the main components of the Uzbek nation, Lakays have a rich tradition and ethnic values, some of them have no parallel in other ethnic cultures, or differ in details. In addition, ethnonyms occurring in Lakays promote the study and comparison of general and special characteristics in the culture of Turkic speaking peoples.*

Keywords: Lakays, life and culture, ethnocultural lexics

Тюркские народы состоят из похожих друг на друга, и в то же время отличающихся своеобразными обычаями, укладом жизни народностей и этнических групп. Эти народности и этнические группы не только обеспечивали целостность, естественную красоту и дух населения суперэтноса, но и показывают разнообразные традиции в тюркской суперкультуре. Одной из таких народностей являются лакайцы, проживающие в южном Таджикистане и северном Афганистане, которые составляют один из основных компонентов узбекской нации [Кармышева 1954].

Лакайцы достигли определенных успехов в животноводстве, и в результате вывели лошадей породы Лакайи [Хитенков 1937], также они вывели сорт дынь Лакайи [Энциклопедия 1989].

Однако больше всех прославить народ могут лишь его храбрые сыновья, созидательное творчество таких сыновей. Так, в начале XX столетия войска лакайцев во главе с Мухаммадом Ибрагимбеком лет десять прославляя свой народ, храбро воевали против большевиков [Абдулаев 2009, 160-251].

Образцы прикладного искусства также служат фактором, определяющим культурный уровень народа. *Мапремеч, жук чаригич, серпе, жук бети, айнахалта, бугжама* и другие швейные изделия обеспечивают популярную культуру лакайцев даже за океаном. Особенно, известны такие образцы этнокультуры как *торлама, бостирма* и *шавдурак такая* – национальные головные уборы лакайцев. Обычаи, традиции, неповторимый фольклор и своеобразный диалект лакайцев требуют систематических исследований.

У тюркоязычных народов Таджикистана, в частности и у лакайцев, особое внимание к исторической традиции – знать своих предков, осознавая свою принадлежность системе определенных родов. Родовое деление присуще, в основном, народам-животноводам, позже процесс оседания активно обеспечил общие аспекты. Лакайцы состоят из крупных этнических групп, которые, в свою очередь, разделяются на поколения и звенья, иногда эти звенья состояли из ветвей.

Лакайская народность возникла как общественно-историческое, военно-политическое единство четырех крупных этнических групп, и в процессе исторического развития обрела свое место и статус среди народов региона. История народности требует отдельного исследования, поэтому не углубляясь в данный вопрос, обратим внимание на этно-родовые особенности Эсенходжа, Бадрахли, Байрам и Туртуул, которые объединившись, обеспечили процесс этнического развития лакайской народности.

1. Эсенходжа состоит из родов курдек, нарин, аксари, узден, туечи, кулбачче, мирзагул, алтмиш, малыш, кунтув, кулумбет, кармиш, муллабачче, надирбачче, яхшиликбачче, байкучкар.

2. Бадрахли являясь самой крупной группой, состоит из родов каттемерген, киччимерген, кизилбай, келекей, парча, жунус.

3. Байрам состоит из родов туртата, шакей, давет, чегене.

4. Туртуул состоит из родов учувул, сундук, бурундук, чал, косе, гургуре.

Низшие ступени родов именовали ата, бала, небере, чебере, дубере и др., а предков – ата, чалата и т.д. В древности у лакайцев была традиция – знать своих семь предков. Смута начала прошлого века, войны с большевиками, этническая разрозненность, имевшая место в Афганистане и бывшем Союзе, затмили данную грань национального менталитета. Но знание семи предков сохраняется среди некоторых представителей народности в качестве обязательной традиции.

Раньше в социальной жизни лакайцев ведущее место принадлежало охоте. Также особое внимание обращали на породистых овец. По мнению специалистов, в разведении овец породы хисари есть и вклад лакайцев. [Азаров, Бригис 1930, 61].

Образцы прикладного искусства лакайцев и некоторые их обычаи ценны как таинственные свидетели древней истории. Лакайцы во дворе вешали череп барана, хранили «карижилик», в их *такая* имели место кружевные узоры в виде рогов овец – все это свидетельствует о том, что они рассматривали органы овец как средство против

всяких бед. Эти обычаи, сформировавшиеся в течение веков, заняли место в сознании и представлениях народа, являясь также историческим подтверждением особого места представителей народности в развитии животноводства. Сохранившееся среди представителей народности «Топик войин» также является свидетельством древнего прошлого, и ведущего места животноводства в жизни народа. В процессе игры «топик» в основном кость овцы передают товарищу, знакомому или напарнику, и востребуют в любое время обратно². Если тот, кто взял кость, покажет её при первом же требовании того, кто её отдал, он выигрывает, иначе проигрывает. О том, что эта игра древняя, и присуща тюркским народам писал Махмуд Кашгарский, подтверждая о том, что некоторые люди носили кость даже в бане, и даже если там с него требовали кость, её предъявляли [Кошгарий 1960, 198].

Как известно, вышивание занимает важное место в быту лакайцев, является ярким образцом народных промыслов. В нем отражается эстетический мир представителей народности, а также их религиозные и светские представления. Образцы прикладного искусства лакайцев – такие как *илгич*, *напрамеч* (*мапрамеч*), *жук чаригич*, изделия, вывешиваемые на дверях, такие (тюбетейки мальчиков, девочек, женщин и мужчин), айнахалта, чайхалта, вышивки для украшения юрты, серпе, жук бети и другие определяют их эстетический вкус, и выступают как неотъемлемая часть этноисторических ценностей – свидетельство древней истории народа. Умение прочитать эту историю, сравнивая общее и частное в вышивке тюркских народов, требует высокого мышления, развитого вкуса и ясности ума³.

Традиционными музыкальными инструментами лакайцев являются домбра, най, чанковуз и дап. Домбра имеет место у многих тюркоязычных народов и составляет важный пласт музыкальной культуры региона.

В формировании музыкальной культуры основную роль играла семья, где получали начальное музыкальное образование. Мужчины учились играть на домбре, женщины – на чанковузе и на инструменте дап. Отец-мать, *чалата-каттайене*, братья-сестры-снохи, мотивируя молодых учиться играть на инструментах, выполняли обязанности первого учителя. Далее «музыкант», получивший начальное образование в семье, овладевал данным искусством среди соседей и родственников, проявляя свои способности на соревнованиях в масштабах кишлака. Так совершенствовались музыкальные способности.

Най чабана (пастуха) имеет большое значение для животноводства, он отражает мечты и надежды чабана, определяет направление движения скота. Так, даже скот учился подчиняться мелодии музыки. Кроме того, с помощью *ная чабан* повествовал о том, в каких местах он находится, по нему ориентировался тот, кто нес ему еду.

Кобиз, *чанкобиз* – губной музыкальный инструмент, изготовленный из дерева или жести, со струной из шерсти. Звучность его голоса зависит от движения пальцев и языка играющего. Раньше игра на кобизе была очень распространена, но сегодня данное занятие достаточно редко. На кобизе играли, в основном, женщины и девушки.

По словам людей старшего возраста, раньше на сайилах (массовых гуляньях), особенно весной, женщины собирались на холмах и играли на *чанковузе*. Мать рассказывала, как её сестру выдали замуж из кишлака Тавашар из Кизилмазурского района на другой берег Кизилсув (р. Сурхоб). Весной, из-за невозможности перейти реку, сестры собирались на холме и играли на чанковузе, на том берегу сестра, узнав голос

² Игра «топик» – резали барана, во время пира тот, кому доставалась кость с костным мозгом, заявлял «кто возьмет эту кость, тому, кто выиграет, отдам барана». Претенденты даже дрались за кость. Два друга, играя в кость в жаркий летний день, пошли купаться на озеро. Доплыли до середины озера, тот, что отдал другу кость, стал требовать её обратно. Друг достал из-под языка кость, и выиграл барана. Выигрыш, в основном, резали, и устраивали пир для людей. Основным призом были теплые слова людей.

³ С 30 ноября по 31 декабря 2006 года в столице Узбекистана – Ташкенте проходила выставка образцов прикладного искусства лакайцев. Выставка была организована по инициативе арт-галереи «Карвон» при поддержке Программы по развитию культуры и искусства Швейцарии и республиканского объединения «Хунарманд».

чанковуза, тоже выходила на холм – так родственницы на расстоянии семи-восьми километров общались посредством данного музыкального инструмента.

Раньше ни одну свадьбу нельзя было представить без *саки* или домбриста. В последние годы из-за большого количества эстрадных групп, а также экономических сложностей свадьбы проходят практически без национальных мелодий. Занятие саки не стимулируется. Эти факторы оказывают отрицательное влияние на этномузыкальные традиции.

Лакайцы, наряду с общими чертами с тюркоязычным населением, имеют и отличительные этнические особенности. Это требует постоянного, систематического и продолжительного исследования. В частности, устная история и устное народное творчество хорошо развиты среди лакайцев, аксакалы рассказывают молодым о многом. Обращение внимания на данные аспекты особенно актуально и сегодня.

Литература

1. Абдуллаев К. От Синьцзяня до Хорасана: Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. – Душанбе: «Ирфон», 2009. – С. 160-251.
2. Азаров С. Г., Бригис О. И. Овцеводство Таджикистана. – М., 1930. – С. 61.
3. Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы южного Таджикистана. – Сталинабад, 1954.
4. Кошгарий М. Девону луготит-турк. (Словарь тюркских наречий) на узб. – Ташкент: Фан, 1960. – С. 198.
5. Назаров Н. Мухаммад Иброхимбек Лакай. – Тошкент: ИФЕАК, 2006.
6. Хитенков Г. Г. Локайская лошадь. Конские породы Средней Азии. – Москва, 1937.
7. Энциклопедияи хочагии кишлоки Тоҷикистон. Чилди якум. – Душанбе, 1989.

УДК 811.161.136

О. В. Никифорова, г. Арзамас

ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СЕМАНТИКИ В НАИМЕНОВАНИЯХ ЧАСТЕЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ИЗБЫ (на материале нижегородских говоров)

Статья посвящена описанию этнокультурного своеобразия нижегородской диалектной лексики на примере наименований частей крестьянской избы, которые в тексте свадебного обряда приобретают символическое значение.

Ключевые слова: нижегородские говоры, обрядовый текст, наименования частей дома.

THE REFLECTION OF ETHNOCULTURAL SEMANTICS IN THE NAMES OF PARTS OF PEASANT'S HOUSE (ON THE MATERIAL OF NIZHNY NOVGOROD SUBDIALECTS). *The article deals with the description of ethnocultural originality of the Nizhny Novgorod dialectal vocabulary by the example of the names of parts of a peasant house, which have symbolic significance in the text of the wedding ceremony.*

Keywords: Nizhny Novgorod subdialects, ceremonial text, names of parts of the house.

Известно, что XX век в истории языкознания охарактеризовался переходом от лингвистики описательной, ограниченной изучением языка «в самом себе и для себя» (Ф. де Соссюр), к лингвистике антропологической, ставящей целью изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, культурой. Принцип антропоцентричности языковой картины мира в наивысшей степени воплощается в диалектном слове, так как все возможные преломления мировидения происходят только через призму человеческого мышления, человеческих эмоций, чувств и оценок. В любом языковом факте человек проявляет себя, показывает своё восприятие реальности, а в диалектном слове человеческая личность выступает не только как носитель национального языка, но и как регионально обусловленный культурный феномен. Осознанием значимости народных говоров как хранителей национального своеобразия языковой картины мира в целом и этнокультурного своеобразия языковой картины мира диалектоносителей в частности объясняется интерес к диалектам. Говоря о причинах их устойчивости, Т.И. Вендина

отмечает, что ответ «следует искать в самой традиционной культуре, в своеобразии её языковой картины мира, поскольку восприятие и осмысление человеком мира оказывается производным от его культурно-исторического бытия» [Вендина 2010, 25]. Многовековой эмпирический и духовный опыт жителей регионов реализуется в диалектной лексике, что позволяет считать лексическую систему диалекта кумулятивной базой мировидения данного социума. Диалектные слова выполняют функцию накопления и трансляции национально-культурного опыта. Поэтому изучение словарного состава народных говоров как средства хранения информации о системе ценностей той или иной лингвокультурной общности и постижения культурного пространства определенного этноса является приоритетным направлением в диалектной лексикологии. Нижегородские говоры представляют собой культурно-этнографическую ценность и характеризуются специфичностью с точки зрения отражения в них языка народной культуры. Выявление и систематизация обрядовой лексики нижегородских говоров с позиции культурно-исторического анализа позволяет обогатить представления о характере диалектной культуры Нижегородского края.

Обрядовая жизнь крестьянского сообщества предъявляет особые требования к материальному миру. Коллективное сознание договаривается о новой функции вещи в обряде, что отражается на семантическом объёме лексемы, её называющей, и на способности транслировать символический смысл. Каждый элемент обрядового текста семиотически маркирован по отношению к своему прототипу: предмет и действие выступают в обряде не в своем обиходном значении, а в ритуальной, символической знаковой функции [Толстой 1994, 238]. Поэтому семантика диалектного обрядового слова неоднородна и содержит три компонента: 1) денотативный, связанный с бытовыми функциями обозначаемой реалии; 2) коннотативный (сакральный), характеризующий употребление предмета в обряде; 3) символический. В обрядовом тексте важной является культурно значимая информация, именно символический компонент становится главным в структуре семантики лексической единицы. [См. об этом: Никифорова 2016]. Этнокультурное своеобразие нижегородской диалектной лексики проявляется прежде всего на семантическом уровне и находит отражение, например, в наименованиях частей крестьянской избы, которые в обрядовом тексте используются не в бытовом значении, а приобретают духовную, идеальную семантику, наделяются культурной коннотацией: *дверь, крыльцо, куть, матица, окно, печь, подклеть, половица, порог, потолок, угол, упечь, чулан*. Д.А. Тараканова называет подобные лексические единицы полифункциональными словами-символами: «Символическое значение (символический компонент) полифункциональных слов-символов складывается из семантических вариантов значения, объективирующихся в дискурсе разных этапов обряда. Каждый семантический вариант – результат переосмысления одного признака обозначаемой реалии» [Тараканова 2012, 17]. В обрядовом тексте символический смысл лексем всегда актуализируется с помощью акционального кода. Слова, попадая в текст обряда, начинают функционировать в качестве символов лишь в том случае, когда с ними начинают совершать действия, не мотивированные денотативным значением. В обрядовом тексте акциональный код подкрепляется вербальным.

Совокупность имеющихся диалектных текстов [Корепова 2016] даёт представление о свадебном обряде Нижегородской области, позволяя реконструировать его как фрагмент диалектной картины мира, и репрезентирует символический компонент значения лексических единиц, обозначающих наименования частей дома.

Во время сватовства в доме невесты родители жениха шли под *матку* (*матицу*) по одной *половице* и приговаривали: «*У вас ярочка, а у нас есть барашек, не желаете ли вы их породнить?*», затем садились под *матицу*, под которой и сватали. Именно в свадебном обряде, по мнению Н.А. Криничной, актуализируются «магические свойства матицы», поскольку «матица предопределяет положение новобрачной в данной семейно-родовой общине». [Криничная 2014, 119]. Невеста пряталась в *упечи*, выла и не выходила к

жениху. Её либо вытаскивали насильно и сыпали перед ней на пол деньги, либо невеста выходила сама. В качестве женской половины избы выступало пространство от устья *печи* до передней стены, предназначенное для стряпни и отделявшееся занавеской или дощатой перегородкой, в нижегородских говорах оно называлось *упечь, заупечь, застенка*. *Упечь* – место за *печью*, а также *печь* в свадебном обряде являлись центром домашнего микрокосма, символизировали рождающее женское лоно, женское начало, поэтому невесте важно было находиться на *печи*. *«Меня вот пришли сватать-то, а я на печи лежу и сказала: «Не пойду я вниз, не пойду, не пойду!» Отец grit: «Слезай с печи. Пойдѣшь!» И всё – просватали»* (с. Вторусское Арзамасского р-на). Невесту заставляли пройти по одной *половице*, подмести *пол*. Этнокультурная семантика формируется в результате использования слов *половица, пол* в обряде сватовства невесты в сочетании с глаголами *пройти, подмести* – испытания невесты. Во время сватовства жениха и невесту ставили друг перед другом, этот обряд называется в нижегородских говорах *сводить на одну половицу*, что символизирует объединение двух семей. *«Жениха и невесту сводят на одну половицу, спрашивать будут, согласны ли, ставят лицом к лицу, по рюмки подносят»* (д. Бахарежка Сеченовского р-на). На второй день свадьбы испытания невесты продолжались: гости бросали деньги на пол. *«После свадебного пира – большой стол. Свадьбяне кидали деньги на пол, смотрели, как молодая подметала, проверяли, не имела ли она какого-либо изъяна»* (с. Куликово Богородского р-на). В день свадьбы приезд свадебного поезда в дом родителей невесты сопровождается целой серией выкупов.

Дорога, ворота, двери перед ним закрывались, и жених должен был всюду выкупать их. Группа жителей строила на пути поезда какие-либо преграды, натягивала поперек дороги веревку. Обряд, при котором преграждали путь свадебному поезду и просили выкуп, именуется в нижегородских говорах *запирать улицу, запирать ворота*. *«Дорогу свадебному поезду преграждали веревкой или проволокой, кто что накрутит, чтобы выкуп вином получить, это называют запирать улицу»* (д. Бахарежка Сеченовского р-на). *«Когда жених за невестой приезжал, перевязывают ему все крыльцы верёвкой. Не пропускают его сперва, в эти ворота не пускают, в други не пускают, в третьи не пускают. И он всё платит»* (д. Побегайки Борского р-на). Преграждение пути свадебному поезду выступало как стремление односельчан не пропустить участников свадьбы в село, к дому невесты, воспрепятствовать свадьбе, а также получить выкуп. Дверь в дом и каждую дверь в доме выкупали. *«Пока идет выкуп, в дом никого не впускают, чтоб сесть с невестой, от жениха требуют выкуп»* (с. Шилокша Кулебакского р-на, с. Преображенье Вознесенского р-на, р.п. Богородское). *«Выкуп берут у дверей в доме невесты, проверяют состоятельность жениха»* (с. Кузьминка Сергачского р-на, д. Кудрешки Богородского р-на). Слово *дверь* в обрядовом тексте приобретает символическое значение – граница между миром жениха и миром невесты. Сторона жениха осуществляет действия с целью преодоления преграды и проникновения в пространство невесты: дружка перед *дверью* молится. Кроме того, в *дверях* стреляли, чтобы уберечь молодых от потусторонних сил. *«В дверях-ти стреляли – это, всё говорили, врагов отбивать»* (с. Вторусское Арзамасского р-на). Девушки подвешивали к потолку соломенного голубя, жених должен был поймать его и бросить к *двери, к порогу*. Символическое значение **порога** дверного проема – это граница «своего» и «чужого» пространства. Как нахождение сватов у *порога* во время сватовства, так и названное действие молодого показывает желание мира жениха наладить контакт с миром невесты. После благословения жених и невеста вместе выходили к свадебному поезду по одной *половичке (половице)*, опасаясь порчи. Так *половица*, обозначая часть дома в бытовой жизни, в обрядовом тексте приобретает символическое значение – элемент дома, средоточие силы, защиты от потустороннего влияния. В некоторых сѣлах Нижегородской области молодая жена, входя в дом мужа после венчания, не должна была коснуться *порога*, поэтому её вносили на руках. В других деревнях невеста обязательно задерживалась на *пороге*, что символизировало вхождение в род мужа. Когда дружка вѣл

молодых за руки через полотенца в дом жениха, каждый из молодых старался первым встать на порог. Культурологическая информация слова *порог* сводится к следующему: граница между своим и чужим пространством.

Таким образом, культурно-символическая семантика наименований частей крестьянской избы свидетельствует о чертах народного менталитета и специфике мировосприятия жителей Нижегородского края. При отображении в диалектном языке предметов материального мира в семантике лексических единиц обнаруживаются элементы культурной коннотации.

Литература

1. Вендина Т. И. Русские диалекты в настоящем и будущем: социокультурный аспект ЛАРНГ: Материалы и исследования 2010. – СПб.: Наука, 2010. – С. 6-38.
2. Корепова К. Е. Материалы по свадебной обрядности в архиве Центра фольклора ННГУ. – Нижний Новгород: Растр, 2016. – 500 с.
3. Криничная Н. А. Матица – слово, образ, символ // Русская речь. – 2014. – № 4. – С. 116-121.
4. Никифорова О. В. Слова-символы в обрядовом тексте (на материале нижегородских говоров) // Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии: Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции молодых учёных. – Нижний Новгород: НГПУ, 2016. – С. 56-60.
5. Тараканова Д. А. Символический компонент значения диалектного слова (на материале говоров Среднего Приобья): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 2012. – 24 с.
6. Толстой Н. И. О вторичной функции обрядового символа (на материале славянской духовной традиции) // Историко-этнографические исследования по фольклору: сборник статей. – М.: Восточная литература, 1994. – С. 238-255.

УДК 81'373.235 +811.512.157

Е. Р. Николаев, г. Якутск

О ЯКУТСКИХ ОБРАЗНЫХ ЖЕНСКИХ ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ

В статье на основе личных имен, зафиксированных в ясачных документах, в этнографических материалах, рассматриваются якутские женские имена собственные – их структура и семантика. Особенностью дохристианских женских имен собственных является их образность. Якутские образные женские имена собственные практически невозможно этимологизировать, в связи с этим они остаются в статусе малоупотребительных в современном якутском антропонимиконе.

Ключевые слова: якутские имена собственные, женские имена собственные, образные имена собственные, семантика имен собственных, дохристианские личные имена.

ON YAKUT FIGURATIVE FEMALE PROPER NAMES. *On the basis of personal names recorded in the yasak (tribute paid off in furs) documents and ethnographic materials, Yakut female proper names, their structure and semantics are considered in the article. A feature of the pre-Christian women's proper names is their imagery. Yakut figurative female names are almost impossible to etymologize, in this regard they remain in the field of infrequent ones in the modern Yakut anthroponymics.*

Keywords: Yakut proper names, female proper names, figurative proper names, semantics of proper names, pre-Christian personal names.

Систему якутских личных имен условно можно разделить на три группы: дохристианские, послереволюционные и современные. Если две последние группы практически совпадают по составу с репертуаром ныне используемых имен собственных (далее – ИС), то дохристианские, которые мы называем «исконно якутские ИС», несмотря на их сохранность в фольклорных текстах, архивных документах, относятся к малоупотребительным. Выделим и рассмотрим из их числа якутские женские ИС.

Якутские женские ИС редко являются объектом исследований ввиду их малочисленности, что и было отмечено в работах советского времени: «... женские имена

в деловых записях фигурируют редко (менее 0,01 % от общего числа)...» [Скрябина 1979, 127]. Материалы основных источников якутских ИС подтверждают небольшое количество женских ИС: в «Указателе личных имен» – 4810 якутских ИС, из них женских всего – 8 [Указатель... 1970]; в списке И. А. Худякова общее количество – 462, из них женских – 110 [Худяков 1969]; в именнике Ф. Г. Сафронова 5954 мужских, 48 женских [Сафронов 1985]; в словаре Э. К. Пекарского 930 мужских, 64 женских [Пекарский 1959]. Таким образом, всего – 230 женских ИС. Такая картина является свидетельством бесправного положения женщин на момент записи: женские имена не указываются в ясных документах, земельные угодья записываются на имя мужа, наследственное право также имеют только представители мужского пола.

Как и мужские ИС, женские ИС в данных источниках отмечены как «прозвища». А «...значительная часть прозвищ представляет собой образные глаголы, выступающие в форме основы...» [Харитонов 1954, 210]. Как и мужские ИС, женские образные ИС образуются с помощью аффикса -й – из образных слов переходят в образные глаголы: *Быччай* (быть, казаться очень полным, выпуклым; пучеглазая; шальная, неугомонная), *Кыыһыкай* (от слова кыыс – девушка; вероятно, связано с характером – необузданным, девственным), *Быытыкаайка* (от *быычыкаан*: очень маленькая; малюсенькая; маленькая-премаленькая), *Намыычай* (тихая, спокойная, смиренная, уравновешенная; нежная, тонкая, изящная, прекрасная на вид; аффикс -чай придает усилительный оттенок значения), *Бөкчөгөй* (от *бөкчөгөр* – согнутая, сгорбленная, горбатая (о спине человека)), *Быкыйа* (вероятно, от *быкырый* – бежать мелкими шажками, согнувшись), *Былай* (сильно вытягиваться, отвисать (о нижней губе)) и т.д. Также женские ИС образуются с помощью таких аффиксов: -аар (*Хаанньаар*: вероятно, с перекошенным лицом), -х (-эх) (*Тэбээх*: от глагола *тэл* – пни, ударь ногой; вероятно, быстроногая), -үүк, -уук (*Түтүүк*, *Доллуук* – непереводимо), -ык (*Тоттук* – сытая, наглая; *Лаппыйык* – вероятно, от *лаппычах* – низкая, широкая), -лаан (-даан) (*Нурулдаан*, *Нуорууллаан* – непереводимо), -ла (-лэ) (*Бүскүүлэ*: вероятно, от *бүскүй* – набухать, разбухать, т.е. с тучным телом, грузная, с опухшим лицом), -(аа)ччы (-(-э)ччи) (*Эбирээччи*: от слова *эбир* – пятнышко, крапинка), -йа (*Малбайа*: вероятно, от *малбай* – быть, казаться толстым, тучным, раскормленным (о лице, фигуре) и т.д.

Как видно из характерных примеров, якутские образные женские ИС дают образное представление об обладательнице имени. Вероятно, такие ИС даются не сразу при рождении, а впоследствии, когда постепенно сформировывается характер, внешность (фигура, лицо) девушки, женщины, устанавливается ее роль и статус в семье. Образность таких ИС тесно связана с образными глаголами, которые были классифицированы как: 1) глаголы чувственного представления; 2) глаголы движения, интенсивности [Харитонов 1954, 204]; 3) глаголы, передающие эмоции; 4) глаголы оценочного характера [Лиханов 2002, 98]. Степень эмоционально-экспрессивной окраски ИС отчасти зависит от того, что «... в основе образных слов лежит ртово-звуковая имитация внешних форм, проявлений предметов...» [Афанасьев 1990, 128]. Т.е. ИС с лабиализованными гласными (у, о, ү, ө) обозначают выпуклость, удлинение (длину) объекта (внешнего вида человека), ИС с нелабиализованными гласными (ы, а, и, э) обозначают ширину объекта, ИС с лабиальными согласными (б, п, м) – округлость формы, ИС с дентальными согласными (д, т, н, с, л, р, дь, ч, нь, й, г, к, ҕ, h) – туловище, грудную часть кого-либо и т.п. [Афанасьев 1990, 128]. Например: *Быкыйа* (по переводу И. А. Худякова: сморчок, крошка [Худяков 1969, 421]), где лабиализованные гласные *ы, а* имитируют маленькую фигуру женщины, которая ходит или быстро ходит мелкими шажками (от глагола *быкырый* – бежать мелкими шажками), анлаутный согласный *б* дает представление, что женщина имеет округлые формы, не худая, не стройная, аффикс -(ы)йа – аффикс глагола, выражающий многократное движение в широком смысле, в узком смысле – движение тела и частей тела, походку, связанную с внешней формой тела. Также этот аффикс по смысловому содержанию относится к глаголам, где преобладает зрительное восприятие, в связи с

этими особенностями образного глагола он перешел в разряд образного ИС. Такие ИС подчиняются основному закону сингармонизма в якутском языке – звуки опосредованно отражают образное мышление, картину мира не только имяносителя, но и имянарекателя. Уже установлено, что «многие образные слова (глаголы) якутского языка имеют монгольские параллели. Значения их в якутском и монгольском языках в основном совпадают» [ГСЯЛЯ 1982, 376]. Из этого следует, что женские ИС XVII-XIX веков, зафиксированные в различных документах, могут представлять собой особую языковую модель, отражающую «определенный этнический соматотип, распространенный в народе саха» [Егинова 2013, 73] того периода. Все это неразрывно связано с этногенезом народа саха, по поводу которого историки имеют такое мнение: «... наиболее мощное влияние какого-то неустановленного восточномонгольского языка на якутский произошло в пределах XII-XV вв., предположительно на Средней Лене, где уже проживали освоившие край монголоязычные этногруппы...» [Гоголев 2013, 127]. Вероятно, изучаемые нами ИС и являются свидетельством того, что «культурное и языковое единство якутского населения первой половины XVII в. заключало в себе следы прежнего этнического разделения» [Борисов 2010, 59], т.е. образные женские ИС могут репрезентировать свое «монголоязычное» происхождение.

Семантику женских ИС из вышеназванных источников сложно определить, так как образные ИС во многом не поддаются точному переводу или не переводятся вообще – они понятны только носителям языка. В связи с этим в современных именниках [Тэрис, 2012] преимущественно даются наиболее удобопереводимые, понятные по смыслу для современных носителей якутского языка. А основная масса образных женских ИС XVII-XIX вв. пока остается в статусе «мертвых», «бумажных» ИС в составе словарей, списков, именников.

В связи с христианизацией якутской системы личных имен, образные ИС были окончательно утрачены, установилась трехчленная модель якутского ИС. Единичные случаи возобновления якутских женских ИС начали отмечаться с начала 20-х годов XX века: *Саргылаана* (счастливая), *Сардаана* (по названию цветка), *Айталиана*, *Туйаара* (из эпоса олонхо), *Кюнней* (в основном, благодаря художественной литературе), *Ньургуйаана* (славная) и т.д. [Самсонов, 1989, 113, 137]. Возрождение исконных женских, а не мужских ИС, вероятно, связано с тем, что от мужских якутских имен трудно образовать отчество. Тем не менее, современный антропонимикон якутских женских ИС также остается малочисленным. В этом случае наша ситуация во многом совпадает с замечанием В. А. Никонова: «...Из нескольких тысяч имен, канонизированных церковью, употребляли меньше десятой доли. (...) Выбор личных имен даже при отсутствии религиозных или юридических запретов обусловлен общественным вкусом, современной антропонимической нормой, хотя бы и не осознаваемой выбирающим» [Никонов 1967, 103, 111].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что исконно якутские женские ИС в настоящее время остаются невостребованными в силу их: 1) образности, которая присуща так называемым «прозвищным именам» XVII-XIX вв.; 2) сложности этимологизации семантики. В свою очередь, их возрождение непосредственно связано с национальным самосознанием, которое могло бы создать так называемую «моду на имена» – моду на древние якутские образные женские ИС.

Литература

1. Афанасьев Л. А. Идеофонная структура образных слов якутского языка // Якутский язык: лексикология, лексикография: сб. науч. трудов. – Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1989. – С. 124-129.
2. Борисов А. А. Социальная история якутов в позднее Средневековье и Новое время: опыт комплексного исследования. – Новосибирск: Наука, 2010. – 272 с.

3. Гоголев А. И. Языковые материалы по этногенезу якутов // О.Н. Бетлингк и вопросы тюркской филологии: Сб. науч. ст. – Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2013. – С. 125-128.
4. ГСЯЛЯ – Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1982. – 496 с.
5. Егинова С. Д. К истории изучения образных прилагательных в якутском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 2 (20). – С. 69-74.
6. Лиханов В. И. Образные слова в работах Л. Н. Харитонова // Тюркские и северные языки: Материалы научно-практической конференции (Якутск, 25-26 октября 2001 г.). – Якутск, 2002. – С. 94-100.
7. Никонов В. А. Личные имена в современной России // Вопросы языкознания. – 1967. – № 6. – С. 102-111.
8. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: В 3-х т. Изд-е 2-е. – Ленинград: Издание Академии наук СССР, 1959.
9. Самсонов Н. Г. Наши имена. – Якутск: Якутское кн.изд-во, 1989. – 141 с.
10. Сафронов Ф. Г. Дохристианские личные имена народов Северо-Востока Сибири (историко-этнографический обзор и именник). – Якутск, 1985. – 197 с.
11. Скрыбина Н. П. Личные именованья в Якутии XVII века // Полярная звезда. – 1979. – № 3. – С. 127-129.
12. Тэрис. Сахалы аат. – Дьокуускай: Якутский край, 2012. – 41 с. (Айыы суолунан).
13. Указатель личных имен. А. Имена якутов, тунгусов и юкагиров // Материалы по истории Якутии XVII века: (документы ясачного сбора): в 3 ч. / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. – М.: Наука, 1970. – Ч. III. – С. 1117-1255.
14. Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1954. – 312 с.
15. Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. – Л.: Наука, 1969. – 437 с.

УДК 81'282

А. М. Николаева, г. Якутск

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются особенности употребления лексики материальной культуры народа в диалектах якутского языка на примере названий жилищ, построек и утвари. Автор обосновывает положение о том, что диалектная лексика якутского языка является уникальным материалом для исследования этимологии языка и истории народа. Выявлены собственно-лексические и семантические диалектизмы в якутском языке.

Ключевые слова: лексика якутского языка, диалект, говоры, материальная культура, семантика слова.

MATERIAL CULTURE LEXICS IN THE YAKUT LANGUAGE'S SUBDIALECTS. The article deals with the peculiarities of using the lexicon of the material culture of the people in the dialects of the Yakut language using the example of names of dwellings, buildings and utensils. The author substantiates the thesis that the dialect vocabulary of the Yakut language is unique material for the study of the etymology of the language and the history of the people. Lexical proper and semantic dialectisms in the Yakut language are revealed.

Keywords: Yakut language, dialect, dialects, material culture, semantics of the word.

В якутском языке до настоящего времени остается недостаточно изученной в лингвистическом отношении лексика предметов материальной культуры – наименования пищи, посуды, одежды, построек, орудий труда и т.п. Одним из самых древних компонентов материальной культуры любого народа являются жилище и утварь. В данной статье рассматриваются особенности употребления лексики материальной культуры народа в диалектных зонах якутского языка на материале названий жилищ, построек и утвари. Основным материалом послужили «Диалектологические словари якутского языка» (далее ДСЯЯ) (1976, 1995).

После фундаментальной работы О.Н. Бётлингга «О языке якутов» (1851), содержащей богатый материал по диалектным расхождениям якутского языка и некоторым другим тюркским языкам, были созданы замечательные монографические исследования П.П. Барашкова (1959), М.С. Воронкина (1999), С.А. Иванова (2004, 2010), Е.И. Коркиной (1992). На основе этих исследований изданы диалектологические словари якутского языка (1976, 1995), в них лексикографически обработано более 13-ти тысяч диалектных слов. Значительным успехом якутских диалектологов является издание «Диалектологического атласа якутского языка» в двух частях (Новосибирск, 2004, 2010). Фонетическим, морфологическим особенностям говоров современного якутского языка посвящены монографии С.А. Иванова (2004, 2010). В них дается общая характеристика фонетических особенностей центральной группы говоров якутского языка, морфологических особенностей современных якутских говоров с привлечением сравнительно-сопоставительного материала из тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. В ряде случаев приводятся территориальная характеристика и исторические комментарии, позволяющие понять сущность описываемых грамматических явлений.

Вместе с тем, диалектная лексика все ещё оказывает заметное влияние на якутский литературный язык, свидетельством чего является пополнение его лексикона народными терминами традиционной материальной культуры из различных источников, особенно из текстов фольклорных, эпических произведений, изданных местными носителями говоров якутского языка. Это сложный двусторонний, незаметный процесс. Однако, предпринимая попытку описания диалектной лексики, выражающей компонент материальной культуры – наименования жилищ, построек и утвари, мы учитываем прежде всего общность их формирования, а также историческое развитие всех говоров якутского языка, их соотношение со всем языком в целом, включая его литературную форму.

В ДСЯЯ слова и словосочетания, относящиеся к тематической группе «жилище, постройки», зафиксированы в количестве 190 единиц, в тематической группе «посуда, утварь» – 246 единиц. В названиях жилищ и построек функционируют и собственно-лексические, и семантические диалектизмы. Названия жилищ и построек в говорах якутского языка представлены таким образом:

1. Диалектизмы-названия жилищ и построек, обозначающие форму, способы строения жилищ: *сутуруо дьиэ* (нюрбинский говор) 'изба из наклонно поставленных бревен'; *наннаһын ураһа* (колымский говор) 'ураса, покрытая дерном'; *ньымчаан* (анабарский говор) 'небольшой чум, амбар'; *симии дьиэ* (булунский говор) 'срубный дом, средняя часть стен которого по высоте окна состоит из вертикально поставленных тонких бревен'; *ала балаһан* (мегинский говор) 'изба, стены которой внизу и наверху состоят из горизонтальных, а посередине из вертикальных бревен'; *сытыары симии дьиэ* (булунский говор) 'дом, стены которого составляют горизонтально сложенные тонкие бревна, укрепленные в пазах четырех столбов'; *охсуу дьиэ* (вилуйский, нюрбинский говоры) 'срубовый дом'; *моойторук дьиэ* (мегинский говор) 'дом с углами в лапу'; *мунур быыс* (сунтарский говор) 'перегородка в якутской юрте, не достигающая до потолка'; *араан* (оленекский говор) 'место, на котором стоит чум'; *добдорго* (булунский говор) 'кладовка'; *ньунгнаан* (индигирский говор) 'небольшой чум-амбарчик, кладовка' и др.

2. Диалектизмы-названия различных видов изгороди: *далла, далда* (Бодайбо, Колыма) 'укрытие для скота'; *сүлүгэс оһуруот* (сунтарский говор) 'изгородь из жердей'; *сүннүөх* (мегинский говор) 'жердь изгороди'; *симии оһуруот, чыыска бүтэй* (вилуйский, олекминский, хангаласский говоры) 'забор из прутьев, вертикально укрепленных переплетом между тремя горизонтальными жердями, частокол'; *симии күрүө* (среднеколымский говор) 'городьба из жердей, уложенных одна на другую между кольями, перевязанными тальниковыми перевязками'; *симии кыбыы* (мегинский говор) 'отгороженное бревенчатыми стенами стойло с навесом'; *боотулу бүтэй* (амгинский, усть-майский говоры) 'изгородь из поставленных крестообразно кольев, на которые кладутся

поперечные жерди'; *бүкээк* (усть-янский) 'загородка вокруг дымокура' (ср. монг. *бухээг* 'навес, шалаш, балаган'); *быар күрүү* (мегинский говор) 'двухжердевая изгородь на кольях, нижняя жердь которой устанавливается на развилистых подпорках' и др.

3. Диалектизмы-названия различных видов шалашей: *бүтэй отуу* (вилюйский говор) 'двускатный шалаш'; *титиик* (булунский говор) '1. шалаш для временного жилья летом; 2. продушина под стогом сена, которую делают из жердей и кольев в виде двускатного шалаша во всю длину стога'. В садынском подговоре – пирамидальное или конусообразное жилище из вертикально сложенных и покрытых дерном бревен, в индигирском говоре – шалаш из древесной коры, в саккырырском подговоре – шалаш, покрытый сеном; *далла* (анабарский говор); *анаардам отуу* (вилуйский говор) 'шалаш с покрытием на один скат'; *арбас отуу* (вилуйский) 'двускатный шалаш'; *бүкээк* (момский говор) 'шалаш с остовом из молодых лиственниц или тальника, полукругом закрепленных в земле'. В ниже-колымском говоре *бүкээк* – зимнее жилище в виде шалаша, переплетенного из мелких лиственниц или тальника и др.

Большинство вышеназванных диалектизмов являются лексическими, т.е. словами, которые отсутствуют в литературном языке. Но среди них можно выделить и семантические диалектизмы, имеющие в говоре другое, отличное от литературного, значение. Например, *сутуруо дьиз* в нюрбинском говоре – изба из наклонно поставленных бревен. *Сутуруо* в литературном языке является архаизмом: «*Сутуруо* – предмет традиционной одежды северных народов из меха или замши, покрывающий ноги от бедра до ступни, привязываемый ремешками (*сургунах*) к натазникам (*сыалдьа*) или к ремню, наколенники» [ДСЯЯ 1976, 193]. Слово *балабан* в литературном языке означает: «Балаган, якутская юрта в виде усеченной пирамиды, сооруженная из тонких стоячих бревен, поставленных одно к другому и опирающихся на раму из бревен, укрепленную на четырех столбах. Снаружи балаган обмазывали смесью из глины и навоза» [Воронкин 1999, 154]. А в индигирском говоре *балаганом* называют детскую колыбель, в вилюйском говоре – охотничью избушку, в бодайбинском – двускатный шалаш. *Моойторук* в литературном языке является архаизмом и означает меховой шарф; 2. перен. белая полоска вокруг шеи (обычно у собаки). Также есть составное слово, тоже архаизованное, *моойторук уобал* 'угол в лапу (в рубленых домах)' [Большой толковый словарь якутского языка 2012, 241]. В мегинском говоре дом с углами в лапу и теперь называют *моойторук дьиз*. *Сүннүүөх* в литературном языке – 'картечь (*пуля*), 2. голенная кость лошади, 3. стебель растения между двумя коленьями'. В говорах некоторых центральных улусов (районов) это слово означает 'жердь изгороди'. *Быар* – в литературном языке – 'печень', а в мегинском говоре *быар күрүү* – 'двухжердевая изгородь на кольях, нижняя жердь которой устанавливается на развилистых подпорках'. *Мунха* – это невод, в верховьянском говоре – тесный загон для поимки лошади.

Интересно также то, что слова, которые считаются архаизмами в литературном языке, до сих пор функционируют в некоторых диалектах в активной лексике, и в том же значении. Например, слово *алаһа* 'родной дом, родной очаг, обитель' в современном якутском языке в повседневной разговорной речи не употребляется, это слово можно встретить лишь в фольклорных текстах в качестве лексемы высокого стиля. А вот в нижеколымском говоре северных якутов это слово употребляется в разговорной речи, имеет два значения: 1. дом, домашний очаг; 2. в качестве эвфемизма, берлога медведя'. Слово *үгэх* в литературном языке также архаизовано в значении 'небольшое отгороженное помещение типа чуланчика в якутском балагане для хранения припасов'. Ср. древнетюркское *үкэх* 'погребальные носилки, сундук', *үкэх* 'башня', монг. *үгэх* 'посудный шкаф, буфет, короб, ящик' [ДСЯЯ 1995, 406]. В олекминском говоре это слово употребляется до сих пор, в значении 'угловая спальная комната'.

В названиях утвари примечательно то, что в якутском языке, в частности, в названиях посуды, встречается много диалектных синонимических единиц, большинство из которых являются лексическими диалектизмами. К примеру, мутовка для кумыса –

кымыс хамнатар или *хамнатар* (литературный вариант) имеет несколько синонимов в разных говорах: *удьаа* (сунтарский говор), *баххах ытык*, *бириэл* (нюрбинский говор), *биһээйэх* (говор горного улуса), *көөнньөрбө ытыга* (индигирский говор), *һардаан ытык*, *ширдэр* (абыйский говор). Ковшик – *хамыйах* (литературный вариант) имеет синонимы *бабараанкы* (верхоянский говор), *хоторор* (вилуйский говор), *хотороонньук* (туруханский говор), *баһыычча* (верхнеколымский говор), *сомсор* (оленекский говор), *шипчэкээн* (анабарский говор). А берестяную посуду объемом примерно в один килограмм в разных диалектных зонах называют по-своему, и трудно даже выделить литературный вариант. В таттинском подговоре ее называют *мээрэй*, в чурапчинском – *быстарыы мэхэмээн*, в иилуйском говоре – *көйөрөр*, в Усть-Майе – *лаппах*, в Сунтарах – *лэкэй*, в Горном улусе – *лэппэй* или *мэстэкээн*, в Мегинском – *мэхэмээн*, в Верхне-Колымском – *тахтай*, в Ленске – *чөһөөх*. В Усть-Алданском районе эту посуду называют *чабычах*, тогда как *чабычах* в литературном языке означает «берестяное ведро цилиндрической формы», и оно может иметь объем гораздо больше, чем один килограмм. Лукошко для сбора ягод в разных улусах также называют по-разному: *бадьаайах* (ленский говор), *оһоойук*, *оһоойук* (центральные улусы), *бадаайы*, *бачаайах* (олекминский говор), *майыыр* (горный говор), *бадьыыр* (вилуйский говор), *мэмһээн* (садынский подговор), *огдоон иһит* (сунтарский говор).

Диалектная лексика является неотъемлемой частью словарного состава любого литературного языка. Якутские диалектизмы, несомненно, составляют весьма богатый пласт лексики. Особенно лексика материальной культуры рассмотренной группы почти в каждой диалектной зоне характеризуется рядом особенностей: происходит сужение или расширение значения, появление новых специфических значений некоторых слов и словосочетаний, обусловленных укладом жизни, хозяйственной деятельностью, традициями и обычаями. Их системное и углубленное исследование позволит сделать ценные выводы не только по языку, но и по истории изучения якутского народа.

Литература

1. Баранникова Л. И. Современные процессы в русских народных говорах. – Саратов: СГУ, 1991. – 296 с.
2. Барашков П. П. Фонетические особенности говоров якутского языка. – Якутск, 1959. – 203 с.
3. Бетлингк О. Н. О языке якутов. СПб., 1851, рус. пер. – Новосибирск, 1990. – 646 с.
4. Большой толковый словарь якутского языка. Т. 2. – Новосибирск: Наука, 2005. – 908 с.
5. Большой толковый словарь якутского языка. Т. 9. – Новосибирск: Наука, 2012. – 627 с.
6. Большой толковый словарь якутского языка. Т. 12. – Новосибирск: Наука, 2015. – 595 с.
7. Воронкин М. С. Диалектная система языка саха. – Новосибирск: Наука, 1999. – 194 с.
8. Диалектологический словарь якутского языка. – М.: Наука, 1976. – 390 с.
9. Диалектологический словарь языка саха. – Новосибирск: Наука, 1995. – 294 с.
10. Иванов С. А. Диалектологический атлас якутского языка. Фонетика. Ч. I. – Новосибирск: Наука, 2004.
11. Иванов С. А. Диалектологический атлас якутского языка (сводные карты). Ч. II: Морфология и лексика. – Новосибирск: Наука, 2010. – 178 с.
12. Коркина Е. И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1992.
13. Насибуллина А. Х. Лексика тоболо-иртышского диалекта сибирских татар (в семантическом и генетическом аспектах). – Тюмень: ТОГИРРО, 2001. – 147 с.
14. Рахимова А. Р. Лексика диалектов сибирских татар (сравнительно-исторический анализ промысловой и хозяйственной лексики). – Казань: Мастер Лайн, 2001. – 128 с.
15. Якутско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 306 с.

К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРВЫХ БАШКИРСКИХ КНИГ НА КИРИЛЛИЦЕ

В статье анализируются первые книги на башкирском языке на кириллице периода конца 19–начала 20 вв. Приводится сравнительный анализ диалектных особенностей этих работ. Авторы приходят к выводу о том, что все они были созданы на основе разных диалектов. Подвергается сомнению традиционный тезис о том, что автором первого Букваря для башкир является В.В. Катаринский.

Ключевые слова: букварь, книга для чтения, первые башкирские книги, диалектные особенности.

TO THE QUESTION OF DIALECT PECULIARITIES OF THE FIRST BASHKIR BOOKS IN CYRILLIC.

The article has been analyzing the first Bashkir books in Cyrillic alphabet written at the end of 19-th – beginning of 20 century. There is comparison of dialect peculiarities of those books. The authors came to a common conclusion that all of them were based on different dialects. There is some doubt about the traditional thesis that Katarinsky was the author of the first Bashkir ABC book.

Keywords: alphabet, Reading book, first Bashkir books, dialect's peculiarities.

Традиционно считается, что автором первой книги на башкирском языке «Букваря для башкир», созданного во второй половине XIX в. в рамках деятельности Переводческой комиссии Российского Библейского общества и изданного в 1892 году, являлся В.В.Катаринский, который был составителем и «Башкирско-русского словаря» (1899). Общеизвестно, что «Букварь» создан на южном диалекте башкирского языка, но полного анализа диалектных особенностей его текста и их сравнения со специфическими чертами Башкирско-русского словаря ранее проведено не было.

Ранее было уже установлено, ср. [Латыпова 2005], что в «Башкирско-русском словаре» (1899) присутствуют два диалектных лексических пласта: восточный и южный. Автором восточного пласта по [Миржанова 1983] считается башкир М. А. Куватов, который указан в Предисловии «Башкирско-русского словаря» в качестве участника работы. Однако, известно, что М.А.Куватов по месту своего рождения и происхождению, скорее всего являлся носителем южного, сакмарского диалекта.

Это подтверждает и анализ материала 130 башкирских пословиц, которые М.Куватов опубликовал в 1895 г. в журнале «Известия оренбургского отдела Императорского Русского географического общества» [Куватов 1895]. Таким образом, становится ясно, что есть ряд вопросов относительно диалектной принадлежности и авторов первых башкирских книг, которые нуждаются в дальнейшем исследовании.

Для ответов на эти вопросы был проведен полный анализ Башкирско-русского словаря, для каждого словарного входа была выписана параллель из современного башкирского языка. В настоящее время результат этой работы можно видеть на сайте lingvodoc.ispras.ru. Подобным же образом были проанализированы и полные тексты [Букварь 1892, Бессонов 1907].

Ниже в таблице приводятся только те особенности этих книг, по которым хотя бы в одной из них зафиксированы графические отличия от литературного языка.

Таблица 1. Сравнение графических особенностей первых башкирских книг
[Букварь 1892; Башкирско-русский словарь 1899; Бессонов 1907] с литературным башкирским языком

	1) Сингармон. в двуслогах, когда о, ө в первом слоге	2) ПТю *и	3) ПТю *й	4) ПТю *ij	5) ПТю *-р	6) черед- ние в суфф. мн. ч. -lAr, каузатива -llr-	7) черед- ние в суфф. абстр. сущ. -llk	8) ПТю *ı
Лит. башк.	+	о	ө	и	-п	-з/-ө/-т- /-л-	-л-	з
[Букварь]	—l(+)	о	ө	ей	-б	-л/н-	-л/-н-	з/д

1892]	обычно нет, есть редкие исключения с сингармонизмом							
[Башкирско-русский словарь 1899]	—/+ есть примеры с сингармонизмом и без	у/o	ÿ/ö	ей	-б	-ë/-ð-	-ë- -л-	ÿ
[Бессонов 1907] южный, восточный диалект	+/(—) обычно есть, редкие примеры без сингармонизма	o	ö	ий	-п	-ð/-т/-л-	-ð/-ð-	Д

По результатам анализа можно сделать следующие выводы:

1) действительно, в «Башкирско-русском словаре» присутствуют два диалектных пласта лексики, что наиболее явно видно на примерах рефлексации аффикса NomAbstr *-лк*, которые в части слов имеют восточные особенности, ср. *Абайларлык* ‘доступный вниманию’, *Утлык* ‘ясли, хлев’, *Кырлык* ‘травка, похожая семенами на гречиху’, а в других южные: *Йүззек* ‘край нар из бревнышек’, *Гәрзек* ‘унизительно, обидно’. Отметим, что статистически восточных форм примерно в четыре раза больше.

2) Как было сказано выше, восточный пласт форм в «Башкирско-русском словаре» нельзя связывать с влиянием М. А. Куватова, поскольку анализ 130 башкирских пословиц, которые он опубликовал в [Куватов 1895], надежно показывает, что в них присутствуют только сакмарские южные черты, например, во множественном числе всегда употребляется суффикс *-лар*, форма которого не изменяется в зависимости от консонантного окружения, как в литературном башкирском: лит. башк. *бирмәйзәр* — [Куватов 1895] *бермайлар* ‘не дают’. В реализациях суффикса Adj *-л* отмечен также южный переход *л > н* после *н*: лит. башк. *канлы* — [Куватов 1895] *канны* ‘кровавый’ и др. Отметим, что в [Башкирско-русский словарь 1899] встречаются как формы с аналогичным переходом в другом суффиксе (южные), ср. — башк. *көнләү* — [Куватов 1895] *Көннә* ‘ревновать’, так и формы, в которых не происходит такой переход — башк. *йүнләү* — [Куватов 1895] *Ййнлә* ‘потакать’. Это является еще одним свидетельством присутствия в [Башкирско-русский словарь 1899] двух диалектных пластов, при этом ясно, что влияние М.Куватова можно связывать только с южными формами⁴ в [Башкирско-русский словарь 1899].

3) Можно ли предположить, что М.Куватов был соавтором и [Букварь 1892]? В [Куватов 1895] есть ряд черт, которые отсутствуют в [Букварь 1892], например, употребление анлаутного *п-* в соответствии с лит. башк. *б-*: лит. башк. *бесәй* — [Куватов 1895] *псәй* ‘кошка’.

4) Диалект, который лежит в основе книги [Бессонов 1907], существенно отличается от восточных форм в «Башкирско-русском словаре», поскольку в нем в подавляющем большинстве случаев есть гармония гласных второго слога по огубленности, которая отсутствует в словаре. В [Бессонов 1907] рефлексация ПТю **и*, **й* совпадает с современной башкирской, а в «Башкирско-русском словаре» есть примеры лексем как с *o/ö*, так и с *у/ÿ*. Отличается и рефлексация ПТю **ij* и **-р* (подробнее см. выше).

Итак, анализ диалектных особенностей первых трех книг на башкирском языке [Букварь 1892], [Башкирско-русский словарь 1899], [Бессонов 1907] показал, что все они созданы на основе разных диалектов. Опираясь на указания в Предисловии, можно отождествить южный пласт форм в [Башкирско-русский словарь 1899] с языком М. А. Куватова, при этом

⁴ Те формы, которые в работе [Миржанова 1983] приводятся как иллюстрация восточных черт в пословицах М. Куватова, например, *балта* ‘топор’, не содержат фонетических особенностей, свойственных восточным диалектам.

статистические подсчеты форм показывают, что в словаре приблизительно в 4 раза чаще употребляются восточные формы, автор которых неизвестен.

Диалект же, легший в основу [Букварь 1892], первой книги на башкирском языке, явно имел только южные черты и был близок к сакмарскому говору М. Куватова, хотя имел от него некоторые отличия. Таким образом, предположение о том, что создателем «Букваря» был В. В. Катаринский, который является автором [Башкирско-русский словарь 1899], не вполне корректно. У нас нет доказательств его роли в создании «Букваря», но есть четкие указания того, что в основу «Букваря» и «Башкирско-русского словаря» легли разные говоры.

Литература

1. Башкирско-русский словарь. / Сост. Катаринский В. В. при помощи башкира Куватова. – Оренбург, 1899.
2. Бессонов А. Г. Первая после букваря книжка для чтения и первоначальные уроки русского языка для юго-восточных башкир (1907).
3. Букварь для башкир. – Оренбург, 1892, II изд. – 1898, III изд. – 1908.
4. Куватов М. А. Башкирские пословицы // Известия оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 6. – Оренбург, 1895.
5. Латыпова Р. М. Письменные источники конца XIX – начала XX веков и их влияние на формирование башкирского литературного языка: Дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2005.
6. Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении). – Уфа, 1983.

УДК 004:811.512.156

*Б. Ч. Ооржак, А. Б. Хертек, М. А. Кужугет,
В. С. Ондар, Е. Т. Чамзырын, г. Кызыл*

СОЗДАНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ДЛЯ ЭЛЕКТРОННОГО КОРПУСА ТЕКСТОВ ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект «Создание базы данных лексического фонда тувинского языка», грант №16-04-12020).

В предлагаемой статье коллектива авторов излагаются принципы создания базы данных имени существительного для ЭКТТЯ, основанная на распределении всех имен на основные семантические классы.

Ключевые слова: тувинский язык; лексико-семантические классы и подклассы; дескрипторы; тэги; имя существительное.

CREATION OF THE DATABASE OF THE NAME OF THE EXISTENT TUVA TEXTS FOR THE ELECTRONIC CORPUS. *The articles' authors outline the principles of creating a database of the noun for the Electronic corpus of the Tuvan language, based on the distribution of all of the names into major semantic classes.*

Keywords: Tuvan language; lexical-semantic classes and subclasses; handles; tags; noun.

В статье представлен ход работ над созданием базы данных для Электронного корпуса текстов тувинского языка (ЭКТТЯ). Этот этап является продолжением работы коллектива авторов Тувинского государственного университета (Научно-образовательного центра «Тюркология» в сотрудничестве с кафедрой информатики) по включению текстов на тувинском языке в электронную базу и разработке разметки корпуса.

Электронная база данных лексического фонда будет функционировать в ЭКТТЯ как справочно-поисковая система, при помощи которой будет автоматизирован поиск необходимых фрагментов текстов с искомой семантической информацией с последующим их использованием при составлении учебников (в том числе и электронных) и других учебных материалов и контента, а также при составлении словарей.

База данных имени существительного ЭКТТЯ основывается на распределении всех полнозначных лексем тувинского языка на семантические разряды (классы) слов. Выделяются четыре базовые семантические классы: 1) человек, 2) животное, 3) предмет, 4) природные объекты и явления, 5) абстрактные понятия. При этом, имена существительные подразделяются на подклассы: 1) предметные имена существительные; 2) имена собственные; 3) неперсонифицированные имена существительные (абстрактные понятия). Все предметные имена, в свою очередь, подразделяются на: «человек» — имена родства, профессия, этноним; «животное» — дикие животные, домашние животные, птицы — дикие птицы, домашние птицы, рыбы, насекомые; «предмет» — вещества и материалы, бытовые принадлежности, здания и сооружения, инструменты; «природные объекты и явления» — растения, названия погодных явлений, небесные тела, объекты ландшафта; «абстрактные понятия» — эмоции, чувственные восприятия, универсальные представления. Далее выделенные подклассы подразделяются на более мелкие семантические группы.

Пример распределения предметных имен существительных тувинского языка и их помет приведен в таблице 1. Названия лексико-семантических классов, подклассов и дескрипторов обозначаются тэгами на тувинском, русском и английском языках.

Таблица 1. Имена существительные тувинского языка. Предметные имена.
Nouns in the Tuvan language. Object names.

Кижи / Человек / Human	Доргүл-торел аттары /Имена родства / Names of kinship	ада, ача ‘отец, папа’, ава ‘мама’, кырган-ава ‘бабушка’, кырган-ача ‘дедушка’, угба ‘сестра’, акы ‘брат’, дуңма ‘младший брат / младшая сестра’, даай ‘дядя’, кууй ‘жена дяди’	
	Профессия / Profession	эмчи ‘врач’, башкы ‘учитель’, ыраажы ‘певец’, чолаачы ‘водитель, шофер’	
	Этноним / Ethnonym	кыдат ‘китаец, китайка’, бурят ‘бурят, бурятка’, моол ‘монгол, монголка’, орус ‘русский, русская’	
Дириг амытан / Животное / Animal	Дириг амытан / Животные / Animal	черлик /дикие	адыг ‘медведь’, диш ‘белка’
		азырал /домашние	инек ‘корова’, ыт ‘собака’
	Куштар /Птицы / Birds	черлик /дикие	хартыга ‘коршун’, ус-кушкаш ‘ремез’
		азырал /домашние	дагаа ‘курица’, кас ‘гусь’
	Балыктар /Рыбы / Fishes	ак-балык ‘елец’, шортан ‘щука’, кадыргы ‘хариус’	
	Курт аймаа / Насекомые/ Insects	шартылаа ‘кузнечик’, ары ‘пчела’, ымыраа ‘комар’, сээк ‘муха’, шыйлашкын ‘дождевой червь’	
Чүүл / Предмет / Thing	Бүдүмелдер / Вещества и материалы / Substances and materials	суг ‘вода’, чугай ‘известь’, торгу ‘шелк’, алдын ‘золото’, каң ‘сталь’, хөмүр ‘уголь’, кидис ‘войлок’, маны ‘мрамор’, хулер ‘бронза’, хола ‘медь, жёлтая медь’, моңгүн ‘серебро’	
	Эт-херексел / Бытовые принадлежности, утварь/ Household accessories	Аяк-сава / Посуда / Dishes	аяк ‘пиала’, паш ‘чугунная чаша для приготовления пищи’, дише ‘блюдец’, бижек ‘нож’, хууң ‘ведро’
		Өг, бажың дерии / Мебель / Furniture	аптара ‘сундук’, орун ‘кровать’, сандай ‘табуретка, стул’
	Идик-Хеп / Одежда, обувь/ Clothing, footwear	тон ‘национальная верхняя одежда, пальто’, хөйлең ‘рубашка’, чүвүр ‘штаны, брюки’, идик ‘национальная обувь, сапоги’, чеңижок ‘безрукавка, жилетка’.	
	Бажың-балгат, тудуг объектилери / Здания и сооружения / Buildings and constructions	Чурттаар оран-сава / Жилище / Housing	өг ‘юрта’, чадыр ‘чум, шалаш’, алажы өг ‘чум’, кидис өг ‘войлочная юрта’, доорбаш өг ‘бревенчатая юрта’, бажың ‘дом, здание’
		Тудуг объектилери	көвүрүг ‘мост’, кажсаа ‘загон для

		/ Нежилые постройки / Constructions	скота’, дес кажсаа ‘закрытый загон для скота’
	Эдилел / Принадлежности / Accessories	Эр кижиниң эдилели / Мужские принадлежности/ Men's accessories	балды ‘топор’, сыырткыыш ‘удочка’, кестик ‘ножик’, ча ‘лук’, чаныы ‘брусоч, оселок, мягкий точильный камень’, хол хирээзи ‘ножовка’
		Кыс кижиниң эдилели / Женские принадлежности / Women's accessories	баш шүүрү ‘гребень’, билзек ‘кольцо’, билектээш ‘браслет’, боошкун ‘девичье наконечное украшение из трех нитей бус’, ине хавы ‘футляр для иглы’, сырга ‘серьги’
Бойдус объектилери болгаш бойдустуң болуушкуннары/ Природные объекты и явления / Natural objects and phenomena	Үнүш/растения / Plants	оът-сиген ‘трава’, ыяш ‘дерево’, шиви ‘ель’, чечек ‘цветок’	
	Агаар байдалы / Погодные явления / Weather conditions	чаъс ‘дождь’, кызаңнаашкын ‘гроза’, челээш ‘радуга’, хат ‘ветер’, диңмирээшкин ‘гром’, шуурган ‘буря’	
	Дээр объектилери / Небесные тела / Heavenly bodies	ай ‘месяц, луна’, хун ‘солнце’, сылдыс ‘звезда’, Шолбан ‘Венера’, Үгер ‘Плеяды’, Чеди-хаан ‘Большая Медведица’	
	Ландшафт / Landscape	аяң ‘горный луг’, даг ‘гора’, хем ‘река’, хову ‘степь’, чоога ‘ложбина, впадина, овраг’, кырлаң ‘небольшой горный хребет, отрог’, хая ‘скала’, баалык ‘седловина горы’	

Подкласс «Имена собственные» подразделяются на: «человек» — имя, отчество, фамилии, название рода; «животное» — лошадь, корова, собака; «природные объекты» (названия местностей) — топонимы, гидронимы. См. табл. 2.

Таблица 2. Имена существительные в тувинском языке. Имена собственные.
Nouns in the Tuvan language. Own names.

Кижии / Человек / Human	<i>Ат</i> /Имя / Name	<i>Чечек-оол, Артыш, Менди, Кара-кыс</i>
	<i>Адазының ады</i> / Отчество / Middle name	<i>Дурген-оолович, Бай-Караевна</i>
	<i>Фамилиялар</i> / Фамилии / Surname	<i>Сарыг-оол, Шыырап, Сагаачы</i>
	<i>Аймак-сөөк ады</i> / Названия родов / Names of genera	<i>Кыргыс, Монгуш, Куулар, Түлүш</i>
Дириг амытан / Животное / Animal	<i>Аът</i> /Лошадь / Horse	<i>Калчан-Шилги, Сарала, Доругдай.</i>
	<i>Инек</i> /Корова / Cow	<i>Дөңгүр, Дагыр-Мыйыс, Шокар</i>
	<i>Ыт</i> /Собака / Dog	<i>Ак-Төш, Көстүк, Калдарак</i>
Черлер / Местность / Terrain	<i>Черлер аттары</i> / Топонимы / Placenames	<i>Кызыл, Чаа-Хөл, Кунгуртуг, Бай-Тайга</i>
	<i>Суглар аттары</i> / Гидронимы / Hydronyms	<i>Улуг-Хем, Дус-Хөл, Шивилиг</i>

Непредметные имена (абстрактные понятия) подразделяются на: эмоции, чувственное восприятие, универсальные представления. Семантические пометы и распределение непредметных имен существительных приводится в таблице 3.

Таблица 3. Имена существительные тувинского языка. Непредметные имена.
Nouns in the Tuvan language. Non-object names

Туугай билиишкиннер / Абстрактные понятия / Abstract concepts	<i>Сагыш-сеткил илерээшкини</i> / Эмоция / Emotion	<i>өөрүшкү</i> 'радость', <i>муңгарал</i> 'горе', <i>дадагалзал</i> 'сомнение'
	<i>Миннишкин</i> / Чувственное восприятие / Sensory perception	<i>дааш</i> 'шум', <i>амдан</i> 'вкус', <i>өң</i> 'цвет', <i>ыыт</i> 'звук'
	<i>Ниити билиишкиннер</i> / Универсальные представления / Universal submission	<i>болуушкун</i> 'событие', <i>кылдыныг</i> 'действие', <i>байдал</i> 'обстоятельство', <i>үе</i> 'время'

Составленная база данных имени существительного в тувинском языке является частью лексического фонда и будет функционировать в ЭКТТЯ как справочно-поисковая система, при помощи которой будет автоматизирован поиск необходимых фрагментов текстов с искомой семантической информацией с последующим их использованием при составлении учебников (в том числе и электронных) и других учебных материалов и контента, а также при составлении словарей.

Литература

1. Ооржак Б. Ч., Хертек А. Б. (2015) Разработка семантической разметки электронного корпуса тувинского языка // TurkLang 2015: Материалы III Международной конференции по компьютерной обработке тюркских языков. –Казань: Изд-во АН РТ, 2015. – С. 351–362.

2. Ооржак Б. Ч., Хертек А. Б., Кужугет М. А., Салчак А. Я., Ондар В. С., Чамзырын Е. Т. Создание базы данных лексического фонда тувинского языка // TEL-2016: Труды Международной конференции по компьютерной и когнитивной лингвистике. – Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2016. – Вып. 17. – С. 278–281.

УДК 81'366

Зейнеп Османова, Алматы қ., Қазақстан

ЖАҢА ҚОЛДАНЫСТАРДЫҢ ЖАСАЛУ ЖОЛДАРЫ

В статье рассматриваются пути появления новых слов в казахском языке, особенно бурное развитие которых наблюдается в последние годы, после принятия декларации о независимости. Прослеживается отражение изменений, происходящих в политической и экономической системе, общественной и культурной областях, в менталитете народа, в словарном составе языка.

Ключевые слова: словарный состав, неологизм, значение.

The article examines the ways of appearing of new words in the Kazakh language, especially the rapid development of which observed in recent years, after the declaration of independence. The changes reflected in the political and economic system, social and cultural fields, in the mentality of the people, in the vocabulary of the language are traced.

Keywords: vocabulary, neologism, meaning.

Жаңа мағыналық құрылым мен атау ретінде туынды мағынаның пайда болуы бұрыннан бар тілдік бірліктер негізінде іске асады. Басқаша айтсақ, тілде бар таңбаларға жаңа мағыналар үстемеленіп қолданылады. Сондықтан тілдегі жаңа атауларды атау үшін үнемі жаңа сөз ойлап табу жалған мотивті сөздер қатарын көбейтуді, оларды еселей беруді тоқтатуға мүмкіндік береді. Ал баспасөз тілінде жаңа құбылыстарды атау қажеттілігі үнемі туындап отырады. Ондай қажеттілік жалпы тіл үшін ірі қоғамдық өзгерістер кезінде аса маңызда түрде сезілсе, ал қоғам өмірінің жаршысы ретінде баспасөз мұндай қоғамдық, әлеуметтік жаңалықтарға жаңа қырынан қарап, соған сәйкес тілдік жаңа қолданыстарды көбірек жүзеге асыратын құрал.

Бұқаралық ақпарат құралдары (БАҚ) тіліндегі жаңа сөздер мен жаңа мағыналарды туғызып отыратын басты деректер – әлеуметтік, саяси, мәдени, рухани өмір әкеліп отыратын жаңа құбылысқа, жаңа қарым-қатынасқа, таным арқылы пайда болған жаңа ұғымдарға атау беру болып табылады. Бұрын орысша тұлғасымен қолданылып келген, кейде тілдегі үнемдеу, заңдылығына қайшылау келетін аналитикалық түсіндірме жолмен берілетін тіркес немесе бірнеше сөздің тіркесуімен келетін күрделі тіркес түріндегі ұғым атауларын қазақшалау, оларды ұлттық таным-түсінікке ыңғайлау да сөз жасауға итермелейді [Қасым 2000]. Баспасөз бетіндегі яғни, БАҚ тіліндегі оқиға мен ситуацияға баға беру қажеттілігі болуы контекст, мәтін көлемінде қайталаушылықты болдырмау әрекетінің нәтижесі де атаулар қатарын толықтыруға әкелетін жол. Осы әрекеттерді іске асыру барысында жаңа мағыналы сөздердің мынадай жасалу тәсілдері мен жолдары пайда болады:

- ◆ бұрыннан бар сөздерді мағыналық өзгеріс арқылы қолдану;
- ◆ қосымшалардың сөзжасамдық қызметін пайдалану;
- ◆ сөздердің грамматикалық байланысқа түсуі.

Қалыптасқан дәстүр бойынша сөзжасам тәсілдері синтетикалық (аналитикалық) және лексика-семантикалық болып үшке бөлінетіні белгілі [Оралбаева 2001].

Тілдегі толық мағыналы сөз атаулы семантикалық белгілеріне қарай атаулық қызмет атқаратыны белгілі. Олар белгілі бір сұраққа жауап береді, олардың толық лексикалық мағынасы болады. Бірақ толық мағыналы сөздердің бәрі номинативті мән бере алмайды. Өйткені, тілдегі заттар мен құбылыстардың атауын, қимылын, сапасын, санын номинативтер деп қабылдасақ, онда мағыналармен тепе-тең, дәрежедегі құбылып шығады. Номинативті мағына ұғымының атын білдіру үшін бірнеше мағыналық белгілердің жиынтығынан тұруы тиіс.

Сөз мағынасының өзгеруі қоғамдық-әлеуметтік өзгерістермен ғана байланысты процесс емес. Сондай процестердің бірі, мәселен, сөз мағыналарындағы қозғалыс – көне сөздердің қайтадан жаңғыру, жандануы “тірілуі” өзгеше мағыналық реңкпен қолданылады. Бұл жаңа бірліктер қайдан, қалай жасалады? Бұл жердегі “жаңа” деген анықтауыш шартты. Әдетте, “жаңа сөз” – тілде бұрыннан бар сөздердің (түбірлердің) жұрнақтар жалғануы, бір-бірімен қосақаталуы (бірігуі, кірігуі, жұптасуы), тіркесуі, қысқарып барып бірігуі (аббревиатура), мағына ауыстыруы сияқты амалдардың бірі арқылы өзгертілген мағыналардың түрлері [Қасым 2015]. Талдауға алынып отырған “жаңа сөздер” де осындай бұрынғының “жаңғырықтары”. Бірақ олар естіліп, барып өшіп кететін дыбыс жаңғырықтары емес, материалдық дүниелер – тіл бірліктері, яғни беліглі бір ұғымды білдіретін дербес сөздер (және тіркестер), сөздік қазынаны молайтатын, тілдің ілгері даму үдерісін көрсететін бағалы “дүниеліктер”.

Қазіргі жаңа сөздер негізінен мынадай жолдармен жасалынғандар:

I. Жұрнақатр жалғау арқылы. Бұл ретте кейбір жұрнақтардың белсенді қызметке көшуі арқылы жасалады, олар:

-кер, -гер (майдангер, ғарышкер, сайыскер, жарыскер, жиһангер, мақсаткер, хабаргер, саясаткер, баспагер, киногер, тәлімгер, саудагер, айтыскер т.б.).

-нама (дәуірнама, жаднама, дерекнама, ғарышнама, тарихнама, сапарнама, халықнама, өмірнама, мадақнама, т.б.)

-хана (перзентхана, жетімхана, мәйітхана, зергерхана, тойхана, дәмхана, ұстазхана, ойынхана т.б.)

-қы/-кі, -ғы/-гі (басытқы, құрылғы, жылытқы),

-ым/-ім/-м (қойылым, түсірілім, басылым, бастырым, тұтым, ұсталым, сұраным т.б.),

-ма/-ме (борлама, нұсқанама, жариянама, құлақтама, сараптама, жиектеме, безендірме, талдама, бағдарлама, дәйектеме, анықтама, кепілдеме) т.б. жұрнақтары.

Жаңа техникалық құрал-жабдықтар атауларын беруде -қыш, -ғыш жұрнағы да жиірек қолданылып жүр: үккіш, қаржыртқыш, шаңсорғыш, еттартқыш т.б.

II. Түбірлерді біріктіру арқылы: жағажай, гүлтәжі, қонысмай, ойынсерік, ақжайма, гүлпарак, төсекақы, зенетақы, тілашар “өгейшешек”, тұсқағаз, қасбет, құлакілдік, аяқжол, күнқалқа, газқағар, бетесеп, қаршақыз, айнамұз, айлабұйым, аспансерік, төстабан, жолкіре, сөзтізбек, алқагүл, жерқойма, доптыаяқ. Бұл – жаңа сөз жасаудағы қазіргі кездегі ең өнімді тәсіл.

III. Сөз қосарлау арқылы: ақылшы-ұстаз, жөндеуші-ретеуші, алыс-беріс, сауда-сатық, таңдау-балама, айырып-қосқыш, күйме-бесік т.б. Бұл өзгелерге қарағанда өрісі тарлау амал.

IV. Сөз тіркесі арқылы: қанаттас серік, қой тоғытпа, қайта құру, бет бұрыс, қосалқы бөлшек, жеке меншік ® тендіру т.б.

V. Бұрынғы сөзге жаңа мағына жүктеу. Бұл амал көбенесе сөзге нақты терминдік мән беруде пайдаланылады. Мысалы, сапар сөзі қазіргі публицистикада жай жол жүру дегенді емес, мемлекет, ұйым т.б. басшыларының өзге елдерге ресми түрде қызмет бабымен немесе

арнайы шақырумен баруы (визит) деген ұғымдағы саяси-қоғамдық терминді білдіреді. Сол сияқты желік деген қарапайым сөз әскери желік тіркесінде келіп “военный психоз” деген терминдік мән алғанын көрінеді. Жариялылық, сауаттылық, апталық, төрешілдік, ілгерішіл, қоғамдастық, теңгермешілдік сөздері де жаңа терминдік мағынаға ие болған байырғы бірліктер [Құрманбайұлы 1998]. Олардың “жаңа қолданыс” ретінде танылуы мағыналарынаң сонылығына байланысты. Сөйтіп, бүгінгі таңдағы қазақ тілінде жаңа сөздер мен жаңа тіркестер пайда болып бұрынғы сөздер мен бұрынғы тіркестердің жаңа мағынада жұмсалудың орын алып отырғанын көрсетуді, оларды әдебиеттерден іздеп тауып, тіркеп-түзуді және түсіндіріп беруді қолға алатын мезгіл туды. Бұл жұмыстың бастамасы ретінде алғашқы шағын сөздік 1985 жылы жарық көрген. Екінші рет сол сөздік екі есе толықтырылып ішінара жөнделіп, жаңа басылымы 1990 жылы ұсынылды. Енді бұл сөздік тағы да толықтырылып, әсіресе молынан енген жаңа қолданыстарды тіркеп үшінші рет жұртшылық назарына 1992 жылы ұсынылған.

Сөздің ең адымен қалың жұртшылыққа пайдалы болмақ. Ол күнделікті баспасөзді, көпшілікке арналған ғылыми әдебиетті, көркем туындыларды дұрыс түсініп оқуға көмектеседі, жаңа ұғымдарды дәл атауларына, оларды орнымен қолдана білулеріне септігін тигізеді. Жаңа сөздер мен тіркестер тіл ғылым үшін де өте қажет. Мұндағы материалдарды тілдегі лексикалық, лексика-семантикалық жаңалықтардың құрамын, құрылысын, қызметін зерттеуге мүмкіндік береді. Осы арқылы лексикология, грамматика, стилистика, тіл мәдениет салаларының нақты мәселелерін шешуге болады. Дегенмен ескеретін бір нәрсе бар – ол жаңа сөздер мен сөз тіркестерінің барлығы бірдей әдеби тілге енген немесе енгуге тиісті жаңа сөз деуге болмайды. Олардың ішінде сәтті табылған жиі қолданғандықтан мағынасын көпшілік қауым үшін түсінікті болып кеткендері де бар (тәлімгер, мердігерлік, қондырғы, салауаттылық, қолданбалы, егемендік, құжат, бағдарлама, пікірсайыс, пікірталас, кепілдеме, өтем, жариялылық т.б.) Біреуі әлі орнықпай екі-үш нұсқада жүргендері де бар: әмбебап//бесаспап – универсал, тілдескіш//тілашар-разговорник; жаяусоқпақ//аяқжол – тротуар; күлсалғыш// күлсауыт//күлдеуіш – пепельница; мәйітхана//өлікхана – морг; бесікарба//күйме-бесік// қол күйме – коляска т.б. Аса қажеттіліктен тумағандары да бар (жанұя – семья, безендірме – транспарант, қауындопшы – регбист т.б.) ұшырамайтындары да бар (тудіңгек//тутұғыр – флашток: мүлікбасы-товаровед, т.б.), бұрыннан едәуір қалыптасып қалған сөздердің жарыспа дублеті ретінде қолданылғандары да бар (бұрын қонақ үй// мейманхана деп атап келгендердің үшінші жарыспасы қонақхана, сәтсіз шықандары да, яғни жаңа мағынасынан гөрі бұрынғы кәнігі мағынасы басым түсетіндері бар [Жақсыбаева 2000]. Мысалы, сувенир дегенді базарлық деп беру, иллюзионист дегенді амалшы деп ұсыну, кнопканы жапсырма шеге, киімге тігілетін молнияны сындырма темір деп жаңаша беру аса жатық, қонымды емес; бұлардың қай мағынадағы сөз екені орысша баламасын көрсетіп отырмаса белгісіз, яғни оларды бұрынғы мағынасында ұғамыз). Бір тұлғаны екі түрлі жаңа мағынада ұсыну да бар (Мысалы жиектеме сөзі тесьма және оправа деген екі бөлек сөздің баламасы ретінде қолданылғаны кездеседі, жазба сөзі де бірнеше ұғымның жаңа атауы ретінде жұмсалып жүр). Сондықтан бұл жаңа қолданыстардың барлығы әдеби тіл лексикасының нормасы ретінде, міндетті түрде осылай пайдалануға тиісті сөздер деп ұсынылып отырған жоқ. Олардың басым көпшілігін әлі де толық тәжірибе елегінен өткізу, сұрыпталып, екшеліп сәтті табылғандары норма ретінде қалыптасып кетпек. Жарыса қолданып жүргендерінің біреуі таңдалып, тұрақталмақ, сәтсіздері қолданыстан екшеліп мүлдем шығып қалады.

Әдеби тілдің белгілі бір саласының лексикасының нормалана түсуі – таңдау, іріктеу, тәжірибеде (қолданыста) тұрақтандыру, сарапқа салу сияқты үдерістер арқылы жүзеге асырылатыны мәлім. Сондықтан жаңа

қолданыстардың көздейтін мақсаты – осындай таңдап-талғауға негізгі жаңа тілдік деректерді жинақтап, реттеп ұсыну.

Тіл тәжірибесінде лексикалық жаңалықтар ең алдымен күнделікті баспасөз беттерінде, радио, телехабарларда орын алатындығы белгілі, өйткені бұлар – өмірге ілесіп отыратын, ондағы өзгеріс жаңалықтардың тілдегі көрінісін қолма-қол беретін хабарлама құралдары. Жаңа қолданыстарды тілдік деректер осы салалардан жиналды. Ал лексикалық әсіресе, мағыналық неологизмдер, отның ішінде бағалауыш жүк арқалайтын нұсқалар көркем шығарма тілінде жиі ұшырасатыны аян.

Сонымен қатар қазақ лексикасындағы жаңа қолданыстарды қарастырудың негізгі бағыты сөзжасам саласындағы сөзжасамдық мағына, сөзжасамдық тип, сөзжасамдық тәсіл, сөзжасамдық парадигма, сөзжасамдық ұя, сөзжасамдық тізбек сияқты сөзжасам жүйесіне негізделеді.

Қорыта айтқанда сөз тудырудың бұл тәсілі – БАҚ-тағы тиімді тәсілдердің бірі. Сөз мағынасының түрлі өзгерістер (жаңару, кеңею, ескіру) арқылы жаңа қоғамдық құбылыстар, ірі өзгерістер атаулары дер кезінде қолданыс табады. Бұл жасанды мотивті сөздердің көбейіп кетпеуіне тілдің ішкі икемділігін, мүмкіншілігін тиімді пайдалануға мүмкіндік береді.

Әдебиет

1. Қасым Б. Күрделі зат атауларының мағыналық құрылымы және сөзжасамдық үлгілері. – Алматы, 2000. – 154 б.
2. Оралбаева Н. Қазақ тілінің сөзжасамы. – Алматы, 2001. – 213 б.
3. Қасым Б. Қ. Метафоралы аталымдар: когнитивті-семантикалық сөзжасам. – Алматы: ЖК Волкова Е. В., 2015. – 300 б.
4. Құрманбайұлы Ш. Қазақ лексикасының терминдену. – Алматы: Ғылым, 1998. – 208 б.
5. Жақсыбаева Ф. З. Газет мәтінінің прагматикалық функциясы (Қазақ тілінде шығатын газет материалдары бойынша): Фил. ғыл. канд. дисс. – Алматы, 2000. – 153 б.

УДК 930.2

Н. Ч. Очирова, С. Е. Бачаева, Н. М. Мулаева, г. Элиста

ИССЛЕДОВАНИЕ ОЙРАТСКИХ БУДДИЙСКИХ РУКОПИСЕЙ В НАУЧНЫХ ФОНДАХ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Калмыкия в рамках научного проекта № 15-14-08001/а(р) «Археографическое описание ойратских буддийских рукописей в научных фондах Республики Калмыкия».

Статья посвящена проблеме выявления уцелевших исторических памятников материальной и духовной буддийской культуры в крупнейших научных и культурных центрах Республики Калмыкия, в которых сосредоточена основная часть ойратских буддийских рукописей и ксилографов. Впервые в научный оборот вводятся редкие буддийские грамоты на ойратском языке, являющиеся официальным свидетельством об окончании буддийской философской школы и свидетельствующие о присвоении монашеской степени, которые хранятся в фондах Национального архива Республики Калмыкия.

Ключевые слова: буддизм, буддийское духовенство, исторические памятники, буддийские грамоты, ойратский язык, культура калмыцкого народа.

INVESTIGATION OF OIRAT BUDDHIST MANUSCRIPTS IN THE SCIENTIFIC FUNDS OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA. *The article is devoted to the problem of identifying the surviving historical monuments of material and spiritual Buddhist culture in the largest scientific and cultural centers of the Republic of Kalmykia, where the bulk of the Oirat Buddhist manuscripts and xylographs are stored. For the first time the authors have introduced into the scientific circulation the rare Buddhist MSS in the Oirat language, being the official certificate after finishing the Buddhist philosophical schools and demonstrating the fact of a person receiving a monastic degree; those official documents are stored in the collections of the National archives of the Republic of Kalmykia.*

Keywords: Buddhism, Buddhist clergy, historical monuments, Buddhist certificates, the Oirat language, culture of the Kalmyk people.

Крупнейшими научными и культурными центрами Республики Калмыкия являются Калмыцкий национальный музей им. Н. Н. Пальмова, Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК), Научный архив Калмыцкого научного центра Российской академии наук (КалмНЦ РАН), в которых сосредоточена основная часть ойратских буддийских рукописей и ксилографов.

В калмыцких хурулах и молельных домах и открывающихся при них музеях и библиотеках, так, к примеру, в Музее истории буддизма и библиотеке при Центральном хуруле «Золотая обитель Будды Шакьямуни», также находятся редкие рукописные источники. Немало старописьменных памятников хранится и в частных семейных коллекциях.

На протяжении своего почти векового существования Национальный архив Республики Калмыкия представляет собой крупнейшее учреждение, в фондах которого хранятся уникальные исторические памятники с дореволюционного периода по настоящее время.

На сегодняшний день в фондах Национального архива Республики Калмыкия (НАРК) находится большое количество материалов, связанных с историей и культурой калмыков. Основная часть документов сосредоточена в фондах И-36 «Состоящий при Калмыцких делах при Астраханском губернаторе» (1713-1771 гг.), которые поступили в Национальный архив (ЦГА КАССР) 13 апреля 1962 г. из Астраханского областного архива в составе 421 ед.хр.

Материал НАРК фонда И-42 «Ламайское духовное правление» состоит из 53 дел, охватывающий период 1831–1859 годы. Ламайское духовное правление, учрежденное 28 октября 1836 г. на основании «Положения 1834 г. об управлении калмыцким народом», оно являлось местным органом государственного управления по делам ламаистской церкви. Упразднено 1 октября 1848 года. Перечень документов фонда И-42:

1. донесения об открытии ламайского духовного правления, журналы заседаний;
2. годовые отчеты и ведомости о состоянии вероисповедания в Калмыцкой степи;
3. сведения о молитвенных зданиях, численности хурулов, размерах их хозяйства, мирских приношениях; списки служителей ламаистского культа; табель калмыцких праздников;
4. материалы о правительственных мероприятиях по сокращению численности ламаистского духовенства, запрещении гелюнгам склонять крещеных калмыков к исповеданию ламаистской религии и т.д. [НАРК Ф. И-42, оп.1].

Значительная часть материалов указанных выше фондов НАРК исследуется и вводится в научный оборот учеными-монголоведами. Так, официальные письма калмыцких ханов, наместников, зайсангов, тайшей с астраханской администрацией и царским правительством на ойратском письме, представляют уникальную историческую ценность. Из наиболее ранней переписки следует указать письма Аюки-хана, датирующиеся 1713 годом. В фондах НАРК хранится также переписка всех последующих калмыцких ханов и наместников — Церен-Дондука, Дондук-Омбо, Дондук-Даши, Убаши и др.

В последнее время в федеральных и региональных архивах страны наметился прорыв в деле рассекречивания архивных документов, засекреченных еще в советский период. Благодаря этому в рамках научно-исследовательского проекта в фондах НАРК И-42 и Р-3 выявлены редкие буддийские грамоты на ойратском языке «тодо бичиг», являющиеся официальным свидетельством об окончании буддийской философской школы и свидетельствующие о присвоении монашеской степени. Буддийские грамоты выдавались в разные годы — самые ранние датируются 1862 г., некоторые из них выданы в 1882 и 1886 гг., основная часть материалов датируется 1898 годом. В общей сложности, судя по сохранившимся документам, ламой Делгеркиевым, ламой Зодбо Арагба и ламой Арши в разные годы было выдано 134 грамоты (Приложение 1).

Сохранившиеся буддийские грамоты, выданы в свое время представителям трех калмыцких улусов — Александровского (выдано 23 грамоты), Эркетеневского (выдано 10 грамот), Малодербетовского (выдано 34 грамоты) и южной части Малодербетовского

(выдано 28 грамот). Судя по документам, возрастной контингент духовных лиц, получивших грамоты, варьируется от 17 лет до 61 года [НАРК Ф. И-42, оп.1, д. 53, л. 38].

Существовали шаблоны, предназначенные для сокращения трудозатрат на оформление документов, имевших массовое применение в буддийских религиозных обществах того времени. Кроме того, наряду с ойратскими буддийскими грамотами, представляющими историческую ценность, удалось выявить уцелевшие списки, в которых значатся около двух с половиной тысяч священнослужителей, получивших монашескую степень. Это один из последних и наиболее полных списков, датируемых 1924 годом XX века [НАРК Ф. Р-3, оп.2, д.508а, л.74-115]. (Приложение 2).

Эти ценнейшие документы, относящиеся к историческим памятникам материальной и духовной буддийской культуры, хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия, впервые вводятся в научный оборот. Выявленные ойратские буддийские грамоты, которые датируются 1862–1898 гг. и списки по калмыцкому духовенству, относящиеся к 20-м гг. XX века указывают на то, что в буддийских религиозных обществах того времени существовала традиция создания деловых документов, наглядно демонстрирующая функционирование ойратского ясного письма «тодо бичиг». Данные документы являются ярким свидетельством того, что в указанный исторический период на территории Калмыцкой степи функционировали буддийские монастыри и школы, соблюдались буддийские традиции, активно взаимодействовала большая монашеская сангха, изучавшая и практиковавшая буддизм.

На сегодняшний день в фондах Национального музея им. Н.Н. Пальмова Республики Калмыкия хранятся репрезентативные коллекции по всем направлениям буддизма, где насчитывается около 70 тысяч единиц хранения. В фондах и хранилищах музея сосредоточены огромные собрания буддийских ксилографов и рукописей на ойратском, тибетском и старомонгольском языках, которые становились объектом изучения многих калмыцких исследователей (В.О. Чуматов, К.В. Орлова, Д.Н. Музраева, А.Г. Кукеев, Ч.А. Санджиев и др.).

Проведена большая работа по описанию научных фондов Республики Калмыкия — опубликован каталог монгольских источников из фондов КИГИ РАН, НАРК, Национального музея РК им. Н.Н. Пальмова [Орлова 2002], даны описания тибетских рукописей и ксилографов из собрания КИГИ РАН [Чуматов 1983], опубликовано монографическое издание, включающее в себя исследование и каталог тибетских и ойратских рукописей и ксилографов, сохранившихся в государственных и частных коллекциях Республики Калмыкия [Музраева 2012], описана и ведена в научный оборот А.Г. Кукеевым Коллекция Джалыковского хурула Лаганского района Республики Калмыкии [Кукеев 2011] и т.д.

Проблемы археографического изучения письменных памятников и перспективы развития археографии музейных и архивных источников Республики Калмыкия являются весьма актуальным направлением современных исследований. Основная цель проекта состояла в разработке методической и практической стороны поиска, сбора, сохранения и популяризации памятников письменной культуры калмыков.

В связи с ветхостью и частичной утратой, связанной с износом многих рукописных экземпляров, при описании и компьютерной каталогизации возникли определенные трудности при решении задач развернутой и подробной характеристики исторических памятников. Следовательно, каталожной работе должно предшествовать создание методических пособий, которые приведут к единой системе археографического описания рукописных источников.

В результате выполнения научно-исследовательского проекта в фондах Национального музея РК выявлено около 400 единиц хранения буддийских памятников на тибетском и ойратском языках. Ойратская часть состоит из 58 единиц хранения, подразделяющаяся на ксилографированные и рукописные источники. Основную часть ойратской коллекции, как впрочем, и тибетской части, составляют сутры, поступившие в

дар из районных молельных домов и хурулов Республики Калмыкия и других частных коллекций. Более всего в ойратских рукописях представлены буддийские обрядовые молитвенные и ритуальные тексты, а также сочинения, которые в буддийской традиции являются проповедями или наставлениями Будды, наравне с основополагающими философскими основами буддизма. Немало сочинений, связанных с научными знаниями в области астрологии, астрономии и медицины [Ф. 10, оп. 1].

В рамках работы над научно-исследовательским проектом проведена сверка наличия документальных источников в фондах Научного архива КалмНЦ РАН с существующими наиболее полными научными описаниями, что является неотъемлемой частью исследования старописьменных памятников в связи с выявлением неизвестных буддийских источников, их систематизации, каталогизации и научного описания. В процессе сверки было выявлено, что в фондах Научного архива КалмНЦ РАН отсутствует несколько источников, указанных в научном «Описании монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся в фондах Калмыкии»:

1) ф. 15, оп.3, ед.хр. 163 yazar usuni nomoyodoxol daruulun cidaqdi neretii sudur (л. 1а); (кит.) Juu suu qan qowu-i dayicing (л. 1а). Сутра под названием «Могущий укротить и подавить землю и воду» («Белый старец»). Ойр. рук., тит.л. нет, 7 л., 10,5х8, 10 стк., бумага серая, чернила, ручка;

2) ф.8, оп.1, ед.хр. 167 Sadu tedgeqci баЈап obogon sudur orosiba. Белый старец. Ойр.рук., 6 л., 22х9, 13-15 стк., бумага серая, чернила выцвели, ручка [Орлова 2002, 32; 54].

В ходе выполнения исследовательского проекта, применена разработанная Археографической лабораторией исторического факультета Московского государственного университета, многократно апробированная и систематически модифицируемая методика описания. Опираясь на накопленный опыт, выработанную методику описания буддийских письменных памятников калмыцкими исследователями нами разработана методика археографического описания источников для создания в перспективе компьютерной каталогизации и электронной базы данных буддийских ойратских рукописей. Список полей будет приводиться в таблице, состоящей из следующих пунктов:

1. SER_NUM Порядковый номер
2. STORAGE Место хранения (идентификационные сведения, данные о хранении, номер фонда, шифр и т.д.)
3. SOURCE Источник получения (включает отсылку к документам, зафиксировавшим поступление рукописи на хранение, легенду о ее прежних владельцах и т.д.)
4. LANG Язык
5. EXTRA_LANG Дополнительные языки в тексте (тибетский, монгольский и др.)
6. TITLE Название
7. DIF_TITLE Другое название (если имеется)
8. BRIEF_TITLE Краткое название (если имеется)
9. PUBL_DATE (Примерная дата происхождения)
10. BOOK_TYPE Тип издания (рукописное, ксилографическое и т.д.)
11. LETTERS_TYPE Тип письма (скоропись и т.д.)
12. PAPER_TYPE Тип бумаги (тибетская, русская, китайская)
13. COVER Обложка, переплет (датировка, характеристика материалов обложки, наличие помет и надписей и т.д.)
14. READABILITY Качество текста (почерк, особенности письма и т.д.)
15. WRITE Написание (чернила, цвет и т.д.)
16. VOL_NUM Номер (тома, книги, рукописи, тетради и т.д.)
17. PAGE_NUM Количество листов
18. COMPLETE Комплектация, сохранность
19. LINES_QUAN Количество строк на листе
20. OUT_DIM Внешние размеры листа (см)

21. DRAWINGS Номера листов, на которых имеются рисунки, печати, пометы и т.д.
22. COLOPHON Колофон (если имеется, данные об авторе, времени и месте создания)
23. NOTES Примечания (сведения, информация об упомянутых в записях лицах, географические данные и т.д.)

Таким образом, изучение фондов монголоязычных памятников в хранилищах Республики Калмыкии и за ее пределами не исчерпано и выработанная методика найдет свое применение. Данная методика позволит получить наиболее полное и исчерпывающее представление о старописьменных памятниках, хранящихся в научных фондах Республики Калмыкия. Перспективы работы в научных и общественных фондах, частных коллекциях Республики Калмыкия предполагают дальнейшее выявление еще не введенных в научный оборот буддийских памятников, их инвентаризацию, археографическое описание, компьютерную каталогизацию и создание электронной базы данных.

Литература

1. Кукеев А. Г. Коллекция письменных памятников хурула «Галсан Линг» поселка Джалыкова в Калмыкии // Память мира: историко-документальное наследие буддизма: Материалы межд. науч.-практич. конф. – М.: Издательский центр РГГУ, 2011. – С. 244-257.
2. Музраева Д. Н. Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. – Элиста: ЗАОр НПП «Джангар», 2012. – 224 с.
3. НАРК Ф. И-42, оп.1, д. 53, л. 38.
4. НАРК Ф. И-42, оп.1.
5. Национальный музей им. Н. Н. Пальмова РК Ф. 10, оп. 1.
6. Орлова К. В. Бюллетень Общества монголоведов. Вып. 5. Описание монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся в фондах Калмыкии. – М.: Институт востоковедения РАН, КИГИ РАН, 2002. – 85 с.
7. Чуматов В. О. Старописьменные памятники КНИИ ИФЭ // Монголоведные исследования. – Элиста, 1983. – С. 116-131.

УДК 811.512.1

Дж. Пашалыоглу, г. Невшехир, Турция

«ДИВАНУ ЛУГАТ АТ-ТУРК» КАК ПЕРВЫЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Махмуд Кашгари, живший в XI веке, является автором первого словаря тюркских языков «Дивану лугат ат-турк». Его Словарь «Дивану лугат ат-турк», отражает не только язык, но и историю, культуру, литературу, национальные традиции и географические особенности быта тюркских народов X-XI веков. В данной статье Словарь Кашгари рассматривается как первый диалектологический словарь тюркских языков, который может служить образцом для создания новых словарей.

Ключевые слова: Махмуд Кашгари, Дивану лугат ат-турк, тюркские языки, диалектология, словарь.

DIVANU LUGAT AT-TURK AS THE FIRST DIALECOLOGICAL DICTIONARY OF THE TURKIC LANGUAGES. Mahmud Kashgari, who lived in the XI century is the author of the first dictionary of Turkic languages Diwan Lughat at-Turk. His dictionary reflects not only the language but also the history, culture, literature, national traditions and the geographical features of the life of the Turkic peoples in the X-XI centuries. In this article, his dictionary Diwan lughat al-turk is examined as the first dialectological dictionary of the Turkic languages which can serve as a model for the creation of new dictionaries.

Keywords: Mahmoud Kashgari, Diwan Lughat at-Turk, Turkic languages, dialectology, dictionary.

«Дивану лугат ат-турк» является первым диалектологическим словарем тюркских языков и, благодаря собранному в нем диалектным выражениям, является важным источником в исследовании архаических и современных тюркских наречий и диалектов. Составителем словаря является Махмуд Кашгари, живший на территории государства Караханидов (766-1212), располагавшемся на территории современного Восточного Туркестана к востоку от реки Амударья. Он родился в 1008 году в городе Барсхан, который

находился на юго-восточном берегу озера Иссык-Куль. И хотя в своих произведениях он не называет себя «выходцем из Кашгарии», из-за частых и подробных упоминаний о Кашгарии, а также из-за того, что он вырос в Кашгарии, его начинают называть «аль-Кашгари» или «Махмуд Кашгарский». Махмуд аль-Кашгари происходил из клана Бограханов, правящей династии Восточных Караханидов. В 1057 году, потеряв отца и всю семью, Махмуд Кашгари отправляется в путешествие по землям Туркестана, в те времена населённые тюркскими народами и племенами, для того, чтобы лучше изучить тюркский язык.

Живя среди тюркских племен, он узнает и записывает новые тюркские слова. За годы, проведенные среди тюркских племен, он собрал многочисленные материалы о литературе, традициях и образе жизни этих народов. В 1072 году он переезжает в Багдад, где, опираясь на собранные материалы, начинает писать свой труд, который заканчивает в 1074 году. В 1077 году Махмуд преподносит халифу аль-Муктади своё произведение «*Дивану лугат ат-турк*». Словарь дошел до наших дней и хранится в национальной библиотеке в Стамбуле. В своем произведении у него было желание возвысить тюркские языки и доказать, что они ни в чем не уступают арабскому [Karahana 2013, 93]. И он старался показать, что тюркские языки, как и арабский, столь же богатые и глубокие. С другой стороны, Словарь являлся важным источником для изучения тюркских языков.

«*Дивану лугат ат-турк*» является первым словарём тюркских наречий. В нем содержатся не только общеупотребительные тюркские слова, но и слова из языков уйгуров, огузов, туркмен, киргизов, чигилей и ягма. Помимо этого Махмуд Кашгари собрал локально используемые слова тюркских диалектов. Словарный запас «*Дивану лугат ат-турк*» иллюстрирует исторический аспект тюркской культуры и ее особенности. Изучая этот словарь, мы получаем сведения о составе тюркских племен, семей, о системе родственных связей, о новых и старых верованиях, о социальной структуре общества, государственном устройстве, о хозяйственной деятельности, об искусстве, о средствах связи, системе транспортного сообщения, о еде и оружии – одним словом, обо всех важных сторонах жизни тюрков того времени.

Продолжается изучение «*Дивану лугат ат-турк*» и обобщение результатов исследований. Особо следует отметить научные труды Н.А. Баскакова, С.Г. Кляшторного, А.Н. Кононова, М.М.Копыленко, О. Прицак, М.Ш. Ширалиева, М.Ф. Копрюлю, А.Б. Ерджиласуна, З. Коркмаз, Н. Эрена, А. Джафероглу, Б. Аталай, Т. Текина, Р. Бильге, Т. Гюленсой, Л. Карахан, Е.Г. Наскали, Я.Н. Найыр, С. Сакаоглу, А.М. Демирчизаде и многих других исследователей. Российский ученый А.Н. Кононов так определяет ценность этого труда: «Словарь Махмуда Кашгари представляет собой уникальное произведение, в котором общие языковые факты тюркских языков словно маленькие частицы самородка. Кроме этого, оно включает в себя информацию лингвистического, этнографического, фольклорного, географического и, наконец, исторического характера о таких тюркских народах, как хакасы, турки, туркмены, огузы, йагмы, чигили, кыргызы» [Кононов 1972, 16].

Махмуд Кашгари подробно рассказывает об алфавите уйгуров, которым пользовались до того, как турки перешли на арабский алфавит. Стоит особенно обратить внимание на то, что он употребляет выражение “*heca-i el-Türkiyye*”, которое можно перевести как «*тюркский алфавит*». Каждое слово в словаре проиллюстрировано примером употребления в контексте, а также даны пословицы, фразеологические обороты, идиомы и стихи, подкрепляющие употребление данных слов в языке и речи. Примеры, которые даны в Словаре, отражают высокий уровень развития литературы и искусства тюркских народов средневековья. Учитывая, что тюркские народы имеют широкую географию расселения, Махмуд Кашгари понимает необходимость фиксации в Словаре диалектных форм языка, потому что диалекты отражают самобытность истории, культуры, традиций народов. В связи с этим можно считать, что Махмуд Кашгари является первым лингвистом, который скрупулёзно собирает все тюркские диалекты, анализируя общее и частное в их употреблении, а также исторические и

лингвокультурные связи между словами и понятиями. Он путешествует по землям, на которых в XI веке проживали тюркские народы, и лично общаясь с ними, собирает ценный материал [Korkmaz 1995, 257]. В своем труде он сравнивает слова из языка государства Караханидов со словами, собранными из других тюркских наречий.

Словарь содержит около 8000 слов и терминов, которые отражают лексику караханидов, туркменов, огузов, чигилей, ягма, кыргызов и др. В словаре есть названия гор, рек, озер, расположенных на тюркских землях. По мнению А.Н. Кононова, словарь Махмуда Кашгари является единственным источником информации об истории, жизни, культуре и быте тюрков XI в.

Махмуд Кашгари описал различные тюркские диалекты, его словарь по сути представляет собой диалектологическое исследование, в котором обозначены основные фонетические, морфологические, синтаксические и семантические особенности тюркских племенных диалектов, отличающие их от литературного языка. Махмуд Кашгари сопоставлял собранный им диалектологический материал с литературным языком того времени, то есть караханидским языком. Автор отмечает, что тюркская лексика делится на две группы: к первой из них относятся слова архаические, ко второй – слова живого, современного языка. Сначала в словарь были включены слова из второй группы (лексика живого языка, то есть диалектные слова). При этом, как указывает сам М. Кашгари, он сознательно избегал внесения архаических слов, чтобы по возможности сократить объем словаря [Ширалиев 1972, 29]. Махмуд Кашгари собрал много материалов во время путешествий по землям тюрков. Его словарь содержит многочисленные фонетические, морфологические и лексикологические наблюдения. В словаре представлена лексика с указанием племенной принадлежности. Например: *başaq* – “башмак” *чигильский*; *başmaq* – “башмак” *огузский и кыпчакский*; *baştar* – “коса” *аргунский*; *bayram* – “праздник” *огузский*; *taquq* – “курица” *туркменский*; *bāl* – “мёд” *суварский, кыпчакский и огузский*; *cinçü* – “жемчуг” *кыпчакский и огузский*.

М.М. Копыленко в известной работе «Основы этнолингвистики» отметил, что имя известного тюрколога Махмуда Кашгари незаслуженно забывается. Махмуд Кашгари еще в XI в. показал влияние экстралингвистических факторов на развитие языка. Образ жизни, род занятий и особенностей географической среды и восприятие окружающего мира отражается в языке. «Яркая этнолингвистическая направленность труда Махмуда Кашгари не повторяется более ни в одном лингвистическом сочинении Востока и Запада» [Копыленко 1995, 5].

Таким образом, словарь «*Дивану лугат ат-турк*» отражает не только историю, культуру, национальные традиции и быт тюркских народов, но и богатую лексико-грамматическую систему и структуру тюркских языков XI века. В словаре представлена самая древняя тюркская карта, и этот словарь представляет собой первый диалектологический атлас, отражающий национально-культурные особенности тюркских народов, проживающих в различных географических условиях. Словаря подобного масштаба в XI веке не было. Это не только толковый или объяснительный словарь. Именно поэтому словарь «*Дивану лугат ат-турк*» является первым беспрецедентным примером собрания тюркских языков, диалектов и говоров и является очень ценным источником для последующих научных исследований в области истории и культуры тюркских народов.

На современном этапе развития языкознания создание лингвокультурологических словарей является актуальной проблемой. На наш взгляд, «*Дивану лугат ат-турк*» может служить моделью составления подобного типа словарей. Историко-культурный и литературный аспект определения любой словарной единицы, представленной в Словаре, позволяет наиболее полно воспринимать национально-языковую картину мира языка. Исходя из этого, можно утверждать, что «*Дивану лугат ат-турк*» является энциклопедией, отражающей жизнь тюркских народов в средние века.

Литература

1. Caferoğlu, Ahmet. Kaşgarlı Mahmut. Ankara: Altınordu Yayınları, 2015. – s. 59
2. Ercilasun, Ahmet Bican. Başlangıçtan Yirminci Yüzyıla Türk Dili Tarihi, Akçağ, Ankara 2010.
3. Ercilasun, Ahmet Bican, “Kâşgarlı Mahmud ve Dîvânü Lûgati’t-Türk”, *Büyük Türk Klasikleri*, Ötüken-Söğüt, c. 1, s. 118–131.
4. Karahan, A. Divanu Lugati’t Türk’e Göre XI. Yüzyıl Türk Lehçe Bilgisi. – Ankara: TDK yayınları, 2013. – s. 657.
5. Korkmaz Z. Kaşgarlı Mahmud ve Divanu Lugati’t Türk. Türk Dili Üzerine Araştırmalar, C.1, TDK Yay.: 629, Ankara 1995. s. 254-260.
6. Кононов А. Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ит-турк» // Советская тюркология. — 1972. — № 1. С. 3-17.
7. Копыленко М. М. Основы этнолингвистики. — Алматы: Евразия, 1995 — 178 с.
8. Турецкое лингвистическое общество <http://www.tdk.gov.tr/>
9. Ширалиев М. Ш. Махмуд Кашгари как диалектолог // Советская тюркология. — 1972. — № 1. С. 24-30.

УДК 811.161.1’28

Л. И. Плотникова, г. Белгород

БЕЛГОРОДСКИЙ ДИАЛЕКТ: ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Белгородской области, в рамках проекта проведения научных исследований (проект №16-14-31002 «Диалектизмы и регионализмы в речи жителей Белгородчины к XX-нач. XXI вв.». Региональный конкурс «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее – 2016», Белгородская область).

Порубежье с Украиной, взаимовлияние русской и украинской культур обусловили специфику белгородских говоров, которые становятся значимым предметом исследования в контексте диалектологии и лингвокультурологии.

Ключевые слова: диалект, региолект, диалектизм, лексикографическая фиксация, междиалектное контактирование

THE BELGOROD DIALECT: PROBLEMS OF LEXICOGRAPHIC PRESENTATION. *The borderline with the Ukraine resulted in a specificity of Belgorod subdialects which are becoming an important subject of research in the context of dialectology and linguistic Culturology.*

Keywords: dialect, regiolect, dialecticism, lexicographic fixation, interdialectal contact.

Лексикографическая фиксация и лингвокультурологическое описание говоров представляют особую важность и актуальность в отношении тех регионов, в которых сохраняется языковая архаика. К таким регионам относится Белгородчина. При этом важным представляется положение о том, что исследование различных групп лексики белгородских говоров значимо не только в региональном, но и в более широком контексте: диалекты Белгородчины – это часть языковой палитры России, отражение её истории, в том числе – особенностей порубежья с Украиной, которые находят репрезентацию в белгородских говорах.

Пополнение и уточнение материалов картотеки белгородских говоров, создание электронной базы, всесторонний анализ диалектного и регионально маркированного материала нацелены на создание в будущем «Областного словаря Белгородчины», который становится зримой перспективой и представляет интерес для диалектологов, лингвокультурологов, этимологов, специалистов по словообразованию и морфологии, а также для историков, этнографов и широкого круга читателей, неравнодушных к языку и истории страны и региона.

Основу разрабатываемого словаря составляют данные картотеки народных говоров кафедры филологии Белгородского государственного университета. Работа по массовому

сбору диалектного материала белгородских говоров была начата еще в последнее десятилетие XX века и продолжается до сегодняшнего дня. Важно, что материалы картотеки словаря белгородских говоров включают лексику всех районов и округов области (21), поэтому они могут дать представление о диалектной палитре Белгородчины в целом.

В настоящее время большинство диалектологов руководствуются дифференциальным подходом, включая в картотеки только диалектные лексические единицы. Однако такой подход не отменяет учета данных полудиалектов (городского просторечия, отражающего местные особенности речи). В то же время существует еще одна разновидность местной речи – региолект, для научного анализа и определения границ которого необходимо разграничение диалектизмов и регионимов – слов, известных жителям всех или большинства районов области (на практике произвести такую дифференциацию возможно лишь в результате установления ареала распространения слова).

Исследователи считают белгородские говоры уникальными в своей основе (Г.В. Денисевич, В.П. Загоровский, Н.Г. Шубина и др.). Это связано с тем, что они прошли довольно длительный период формирования и явились средоточием особого мировосприятия, духовных и культурных ценностей этноса, населяющего Белгородчину.

Специфика белгородских говоров в первую очередь связана с тем, что они представлены говорами с исконно русской языковой основой и говорами с украинской основой. Это сосуществование и взаимодействие предопределило довольно сложный диалектный ландшафт на территории Белгородской области.

Формирование региональных языковых особенностей, представляющих сплав материнских южнорусских говоров и говоров украинского языка, началось, по мнению учёных, ещё в ранние эпохи феодализма. Исследователи, изучавшие историю Белгородского края (А.И. Дудка, В.В. Овчинников, А.И. Папков, В.А. Шаповалов и др.) говорят о существовании на его территории в XII веке трёх поселений. Это город, расположенный недалеко от современного села Крапивное Шебекинского района, крепость на Холковском городище, а также город и крепость на Хотмыжском городище. Однако во время монголо-татарского нашествия эти города были полностью разрушены. Лишь с конца XVI века началось новое заселение Белгородского края. В 1629 году в Белгороде находились три пригородные казацкие слободы: Ряжская, Михайловская и Пронская [Танков 1913]. Интерес представляет тот факт, что в XVI веке отмечается стремление московских правителей к славянизации окраин, в положении которых оказались южные лесостепные и степные области.

В первой четверти XVII века на территории современной Белгородской области было 3 уезда – Белгородский, Оскольский и Валуйский. В Белгороде проживало более 12 тысяч человек. В середине XVII века для обороны от набегов крымских татар была сооружена Белгородская оборонительная черта, которая протянулась по современным областям – Сумской (территория нынешней Украины), Белгородской, Воронежской, Липецкой и Тамбовской. На этой территории возникло 20 городов, судьба которых сложилась по-разному.

Сооружение защитной черты ускорило освоение края. Необходимо отметить, что Белгородский край заселяли не только русские, но и украинцы. Поселения, в которых они жили, назывались *слободами* (отсюда и название земель – *Слобожанщина*). Массовый переход украинцев начался во второй половине XVI века, что было обусловлено резким усилением социально-религиозного гнёта польско-литовской и украинской шляхты. А.И. Папков исследовал отношения в порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Он пришёл к выводу о том, что «интересы России на южной окраине определялись не хозяйственными, а стратегическими соображениями», и отметил особую заинтересованность и роль государства в процессе заселения этой территории [Папков 2004, 68]. Царское правительство было заинтересовано в переселении украинцев, это позволяло укреплять южные границы. Таким образом, в XVII – XVIII веках в верховьях Ворсклы, Северского Донца, Нежеголи и Оскола возникли целые украинские поселения.

Можно говорить о том, что в этот период сформировались основные черты этнической структуры населения современной Белгородской области.

В процессе заселения севера Слобожанщины в регион направлялись два этнопотока – русский (с севера, с территории нынешних областей Центральной России) и украинский (с запада, с правобережных регионов Украины). Исследования краеведов свидетельствуют о том, что в конце XIX – начале XX века эти два крупнейших этнических сообщества сохраняли черты национальной идентичности – язык, особенности традиционного быта. С течением времени под влиянием общих исторических и социальных условий происходила этническая и культурная интеграция, взаимопроникновение культур и языков. В силу этого русские говоры Белгородской области, как отмечает Н.Г. Шубина, стали проводниками украинского влияния на южнорусское наречие, так как, находясь на территории России, они не испытывали потребности в самосохранении. В то же время исконно украинские говоры, стремящиеся сохраниться в иноязычном окружении, все же осваивали те слова, которые употреблялись в речи русских людей [Шубина 2004, 210].

Довольно продолжительное сосуществование русских и украинцев обусловило появление украинско-российского региолекта, который иногда смешивают с суржи́ком. «С позиции социолингвистики, суржик можно трактовать как бытовую речь значительного числа украинцев, в котором объединенные лексические и грамматические элементы украинской и русской языковых систем используются без соблюдения литературной нормы» [Саппа 2011, 63]. В. Лученко среди общих признаков суржика на Белгородчине выделяет употребление русизмов вместо нормативных украинских соответствий: *даже, када, конешно, наверно, прэсидатэль, больныця* и т.п.; «украинизированные» формы русских глаголов – *зделав, длився, унаслидував, щитав, отключыв*, «украинизированные» формы русских числительных – *пэрвый/пэрва, вторый/втора* и т.п.; смешивание украинских и русских форм неопределенных местоимений – *хто-то, шо-то, кой-шо* и др. [Лученко 2009].

Важной чертой языка Белгородского края является функционирование говоров с украинской народной основой. Они характеризуются наличием исконных украинских слов и параллелей из русского говора (или литературного языка), например: *длинный – довгий, кормить – годувать, радо – треба, спички – сырники, спрашивать – пытать, масло – олия* и др.

В то же время говоры с украинской народной основой претерпевают изменения, которые в первую очередь связаны с влиянием русского языка.

Таким образом, взаимовлияние двух языков создает особую речь Белгородчины, особый региолект, который в своей основе является продолжением не одного, а двух близкородственных языков (в их диалектных разновидностях).

Междиалектные (а по сути – межъязыковые) переплетения вызывают определённые сложности в сфере лексикографического описания диалектизмов и регионимов. По традиции здесь не обойтись без указания происхождения слова и его маркирования как украинизма, поскольку речь идет всё же о говорах южнорусского наречия. Например: **Бажа́ть** – глаг., -аю, -аешь, несов., перех., нейтр. Желать. /Шо и јеш'о́ **бажа́т'** када́ ўс'о́ јест'/ картóх'и пасп'ёл'и/ хл'ёба даво́л'на// (с. Кузькино, Чернянский район, 2013 г.). Украинизм. **Ба́чить** – глаг., -у, -ишь, несов., перех., нейтр. Видеть. /Ты харашо́ **ба́ч'иш'?** пагл'ад'и́ састав у калбасы́// (с. Кузькино, Чернянский район, 2013 г.). Украинизм.

В то же время речь идет не об украинском говоре (об этом, в частности, свидетельствует южнорусское аканье, противопоставленное украинскому оканью), и не о чисто южнорусском диалекте (на что указывают лексические вкрапления украинского происхождения), а следовательно, перед нами особое языковое образование, возникшее на стыке языков и культур. И в то же время, опираясь на признак ареала распространения говоров области и белгородского региолекта, мы полагаем, что разграничение в словарных статьях русизмов и украинизмов является важным маркером, демонстрирующим, что в целом говоры Белгородчины – это сложное и многообразное явление.

Лексикографическая фиксация фактов народной речи Белогорья и их изучение способствуют сохранению ценных сведений о развитии русского языка, помогают ответить на сложные вопросы, связанные с историей народа и его взаимоотношениями с другими этносами. Длительное взаимодействие систем с русской и украинской языковой основами способствовало созданию непростого диалектного ландшафта на территории Белгородской области, специфика которого требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Бережной А. А. Заселение юго-востока Белгородской области в XVIII в. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vgd.ru/STORY/belgorod.htm>.

2. Лученко В. «Койне... Піджин... Суржик...». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://h.ua/story/162672/>

3. Овчинников В. В. Белгородоведение: Учебник для общеобразовательных учреждений / Под ред. В. А. Шаповалова. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. – 410 с.

4. Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). – Белгород: Изд-во «КОНСТАНТА», 2004. – 352 с.

5. Саппа Н. Н. Исторические основы языкового своеобразия региона и исследование белгородских говоров // Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области): Монография / Под ред. Т.Ф. Новиковой – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – С. 53-81.

6. Танков А. А. Историческая летопись курского дворянства. – М.: Издание дворянства, 1913. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1031135/Tankov_-_Istoricheskaya_letopis_Kurskogo_dvoryanstva.html

7. Шубина Н. Г. Наименования жилых и хозяйственных построек в говоре села Городище Старооскольского района Белгородской области: Дисс. ... канд. филол. наук. – Елец, 2004. – 251 с.

УДК 811.511.152.2'28

О. Е. Поляков, г. Саранск

МИКРОТОПОНИМИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО ДИАЛЕКТА МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА (СЕМАНТИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ)

В статье собраны и охарактеризованы микротопонимы на территории западного диалекта мокшанского языка, который характеризуется отличительными особенностями как на лексическом, так и на фонологическом уровнях. Раскрывается семантика микротопонимов, рассматриваются способы их образования.

Ключевые слова: микротопоним, микротопонимия, словообразование, топонимика, заимствование, мокшанский язык, макротопонимия.

MICROTOPONYMICS ON THE TERRITORY OF THE WESTERN DIALECT OF THE MOKSHA LANGUAGE (SEMANTICS AND WORD FORMATION). *Microtoponyms on the territory of the western dialect of the Moksha language are collected and described in the article, which is characterized by features both at the lexical and phonological levels. The semantics of microtoponyms is revealed, and the ways of their formation are considered.*

Keywords: microtoponym, microtoponymy, word formation, toponymy, borrowing, Moksha language, macrotoponymy.

Западный диалект мокшанского языка занимает территорию Зубово-Полянского и (частично) Торбеевского районов Республики Мордовия. Этот диалект мокшанского языка имеет определенные особенности как на лексическом, так и на фонологическом уровнях [Фектистов 1990, LXXIX], к примеру:

лексические особенности: *шумбас* «заяц», *такйа* «шапка», *мамай* «мать», *пажень* «луг»; в других диалектах: *нумол*, *вазь*, *норов*;

фонетические особенности: *кед'* «рука», *вит'ъ* «пять», *пи* «конец», *с'эвъмс* «взять», *с'ума* «корыто», *тунда* «весна»; в других диалектах: *кад'*, *вэт'ъ*, *пэ*, *с'явъмс*, *с'ума'*, *тунда*.

Понятно, что языковые особенности говоров западного диалекта отражаются и в микротопонимах: *Астань пи* (лит. *пе*), *Верде ки* (лит. *вярде*), *Егоркань печкома* (лит. *лотка*), *Кавлень сидь* (лит. *сedy*), *Лундан ки* (лит. *ляй*) и др.

Первым исследователем мордовской топонимики был А. И. Попов [Попов 1948]. Значительный вклад в эту область внесли И. Д. Воронин [Воронин 1967], Н. В. Казаева [Казаева 1996], И. К. Инжеватов [Инжеватов 1987]. Большую роль в изучении мордовской топонимики сыграли работы Д. В. Цыганкина [Цыганкин 1969, 2005].

Мордовские (мокшанский и эрзянский) языки обладают довольно богатой системой словообразования [Ананьина 2000; Поляков 1994, 23-40; Келин, Поляков 2007; Седова, Иванова 2013]. Центральное место в этой системе занимает суффиксальный способ: *кядь* «рука» – *кять=кс* «браслет», *кувака* «длинный» – *кува лма* «длинна», *кеме* «крепкий» – *кемо=ста* «крепко».

Продуктивен и способ словосложения: *ведява* «руслка» – *ведь* «вода» + *ава* «женщина», *модамарь* «картошка» – *мода* «земля» + *марь* «яблоко».

Кроме того, слова могут образовываться аффиксальным способом:

лисьмапря «родник» – *лисемс* «выходить» + *пря*, *кудбря* «чердак» – *куд* «дом» + *пря*;

– с помощью частиц: *аф=сатыкс* «недостаток» – *аф* «не» + *сатыкс* «достаток», *кив=ок* «нито» – *кие* «кто» + *ок*;

– безаффиксным способом: *морай* «поющий» – *морай* «певец», *караф* «вырытый» – *караф* «овраг»;

– составные слова: *серень пря куй* «уж» – *серень* «серебряный» + *пря* «голова» + *куй* змея, *оцю пря короуж* «филин» – *ю* «большой» *оцю* + *пря* «голова» + *короуж* «сова».

– парные слова: *алят-тядят* «родители» – *алят* «отцы» + *тядят* «матери», *кафта=колма* «два-три»;

– способом конверсии: *сал* «соль» – *салыямс* «посолиться», *сырня* «золото» – *сырнянь* «золотой».

Многие микротопонимы образуются суффиксальным способом. Наиболее продуктивные суффиксы следующие:

-ка (русский по происхождению): *Пичёвка* – деревня (*пиче* «сосна»), *Калиновка* – деревня (рус. *калина*), *Крюковка* (рус. *крюк*), *Могилёвка* – название улицы (рус. *могила*);

-не (-ня): *Заськене* – название роши (рус. *засека*), *Винокурне* – название поля (рус. *винокурня*), *Врагне* – название оврага (рус. *овраг*), *Потмане* – село (*потма* «внутренность чего-либо»);

-ин: *Булдыгино* – село (рус. *булдыга* «валун»), *Журавкино* – село;

-ок, -ик: *Уголок* – лесной участок (рус. *угол* «пристанище»); *Борок* – название поля (рус. *бор* «сосновый лес»), *Олешник* – название поймы (антропоним *Олешня*);

-ма: *Мода лифтема* – название луга (*мода* «земля» и *лифтемс* «выбиваться из-под земли»); *Шочкстома* – название болота (*шочка* «болото»); *Жольняма* – название омута (*жольнямс* «журчать»).

На территории западного диалекта встречается довольно много микротопонимов, состоящих из чистой основы: *Парца* – река (*парьхци* «водоросли»), *Вад* – река (название-гидроним), *Крюку* – село (название-антропоним), *Кужа* – село, название поля (*кужа* «угол»).

Мокшанских микротопонимов, состоящих из чистой основы, довольно много русского происхождения: *Курган* – название холма (рус. *курган*), *Вольный* – поселок (рус. *вольный*), *Заря* – село (рус. *заря*), *Забор* – название озера (рус. *забор*).

В мокшанском языке при образовании микротопонимов продуктивным способом является словосложение, представляющий собой основную часть + топонимический детерминант. В качестве детерминанта чаще всего выступают следующие пять элементов:

-ляй/лей «река»: *Коське-ляй* – название оврага (*коське* «сухой» и *ляй* «река»), *Шувар-ляй* – название поля (*шувар* «пескок» и *ляй* «река»), *Кова-ляй* – название оврага (*Кова* «ястреб» и *ляй* «река»);

-шай «болото»: *Офта-шай* – болото (*офта* «медведь» и *шай* «болото»), *Аклень-шай* – поле (*аклень* «растение» и *шай* «болото»);

-кура «улица»: *Келу-гура* (*келу* «береза» и *кура* «улица»), *Эрхкекура* – название улицы (*эрхке* «озеро» и *кура* «улица»); *Церькав-гура* – название улицы (*Церькав* и *кура*).

-пула/була «роща», «урочище»: *Невад-була* – название улицы (*невад* «невод» и *пула* «роща»), *Нушма-пула* – название озера (*нач* «такое место» и *пула* «роща»);

-пе/ти «конец»: *Ал-ти*, *Алце-ти* – название улицы (*ал* «низ» и *ти* «конец»), *Астаньпи* – название улицы (имя *Аста* и *пи* «конец»), *Пишь-пи* – название улицы (*пий* «зуб» и *пи* «конец»).

На территории западного диалекта употребляется интересный топонимический элемент – *саньф* «участок, свободный от леса»: *Копорьзаньф* – название поля и деревни (*копорь* «спина» и *саньф*). *Петраньзаньф* – название поля (имя *Петра* и *саньф*), *Пустасаньф* – название поля (*пустой* и *санф*).

Составные имена образуются лексико-синтаксическим способом словообразования микротопонимов. Он образует структуры, основанные на словосочетаниях. Словосочетания-микротопонимы могут быть:

а) двучленными: *Мокша кура* – улица (*Мокша* «мокша» и *кура*), *Севонь шай* – название болота (*сёвонь* «глина» и *шай* «болото»), *Акша мода* – название поля (*акша* «белый» и *мода* «земля»), *Кельме эши* – название родника (*кельме* «холодный» и *эши* «колодец»), *Од куроня* – название улицы (*од* «новый» и *куро* «улица»), *Абай лятьф* – луг, (*Абай* «личное имя» и *лятьф* «покос»), В двучленных сочетаниях в качестве первого компонента часто употребляется относительное прилагательное: *Сухарень болота* – название болота (*Сухарь* «прозвище» и *болото*), *Комблень эши* – название родника (*комля* «хмель» и *эши* «колодец»). Употребляются двучленные сочетания, компоненты которых существительное + существительное: *Пою заське* – название рощи (*пою* «осина» и *заське* «роща»), *Атяки эши* – название поля (*атяки* «петух» и *эши* «колодец»), *Сюма-ляй* – название оврага (*сюма* «корыто» и *ляй* «река»). Встречаются двучленные непродуктивные сочетания с компонентами причастие + существительное: *Палф шай* – название болота (*палф* «сгоревший» и *шай* «болото»), *Палы мода* – название болота (*палы* «горящая» и *мода* «земля»), *Керьф заське* – название поля (*кирьф* «отрезанный» и *заське* «роща»);

б) трехчленными (встречаются довольно редко): *Кафта грань лейне* – название болота (*кафта* «два», русское слово «грань» и *лейне* «речка»), *эши «колодец» Верде кинь пакся* (*верде* «верхний», *ки* «дорога» и *пакся* «поле»), *Марка атянь эшиняц* – колодец (имя *Марк*, *атя* «старик»), *Антонь порань эшиня* – родник (имя *Антон*, *пора* «роща» и *эшиня* «колодец»).

На территории западного диалекта нами не зафиксированы микротопонимы, состоящие из четырех или пяти компонентов.

Редко в качестве первого компонента употребляется числительное: *Сисем эшинят* – название родника (*сисем* «семь» и *эши* «колодец»), *Котонь шай* – название болота (*кота* «шесть» и *шай* «болото»).

В образовании микротопонимов, распространенных на территории западного диалекта, употребляются дохристианские имена: *Промзино* – село (мужское имя *Промза*), *Подлясово* – село (мужское имя *Полдазь*), *Анаево* – село (мужское имя *Анай*).

В образовании микротопонимов часто участвуют заимствованные слова из русского языка. Русскими являются многие одноосновные микротопонимы: *Богдановка* – село, *Выселки* – название холма, *Пожарка* – название болота и др.

Часто одной из частей микротопонима является заимствование: *Пруд лай* – название поля (рус. *пруд* и *лай* «река»), *Крикун лай* – название речки (рус. *крикун* и *лай* «река»), *Барская вирь* – название леса (рус. *барский* и *вирь* «лес»), *Мельница умат* – название поля

(рус. *мельница* и *ума* «участок земли»), *Сарафан каль* – название поля (рус. *сарафан* и *кяль* «ива»), *Фермань вирь* – название леса (рус. *ферма* и *вирь* «лес» и др.).

На территории западного диалекта мокшанского языка встречаются микротопонимы, все компоненты которых являются русскими заимствованиями: *Ближний овраг*, *Ближнее поле*, *Бльшой овраг*, *Большеовражный поле*, *Барская улица*, *Дорожны болота* и др.

Как показывает проведенный анализ микротопонимов западного диалекта мокшанского языка, по своему происхождению они могут быть как исконными, так и заимствованными из русского языка. Микротопонимы образуются различными способами: суффиксальным, словосложением, лексико-синтаксическим. Большинство микротопонимов состоят из чистой основы.

Литература

1. Ананьина К. И., Иванова Г. С., Имярекова В. М., Келина А. Н., Ломакина Т. И., Щанкина В. И., Келин М. А., Феоктистов А. П., Поляков О. Е. Мокшень кяль. Морфлогия: вузонь мокшень и финно-угрань отделениянь тонафнихненди учебник. – Саранск, 2000.
2. Воронин И. Д. Язык земли. Историко-документальные очерки // Очерки и статьи. – Саранск, 1967. – С. 37.
3. Инжеватов И. К. Топонимический словарь мордовский АССР. Название населенных пунктов. – Саранск, 1979, 1987.
4. Казаева Н. В. Эрзянская топонимия бассейнов рек Алатыря. Инсара и Суры: Дисс. ... канд. филол. наук. – Саранск, 1996.
5. Келин М. А., Поляков О. Е. Мокшень кяль. – Саранск, 2007.
6. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978.
7. Поляков О. Е. О формировании, современном состоянии и перспективах развития мордовских (мокшанского и эрзянского) языков // Финно-угроведение. – 1994. – № 1. – С. 23-40.
8. Попов А. И. К вопросу о мордовской топонимике // Филологические доклады. – Саранск, 1948. – С. 203.
9. Седова П. Е., Иванова Г. С. Мокшанский язык. – Саранск, 2013.
10. Цыганкин Д. В. Из наблюдений над структурными особенностями топонимов на территории Мордовской АССР // Вопросы мордовского языкознания. – Труды МИИЯЛИЭ. – Вып. XXXVI. – Саранск, 1969.
11. Цыганкин Д. В. Память, запечатленная в слове. – Саранск, 2005.

УДК 811.511

Р. П. Попова, г. Сыктывкар

О РОЛИ КУРСА «КОМИ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ» В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ-ФИЛОЛОГОВ В СЫКТЫВКАРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В статье рассматривается роль курса «Коми диалектология» в подготовке специалистов-филологов в Сыктывкарском государственном университете. Диалекты представляют собой особый уникальный тип разговорной речи, отражающий многовековой опыт духовной и материальной культуры коми народа. Курс «Коми диалектология» имеет широкие междисциплинарные связи, дает возможность глубокого и полного понимания особенностей национального языка.

Ключевые слова: коми язык, диалекты, история языка, междисциплинарные связи.

ON THE ROLE OF THE COURSE "KOMI DIALECTOLOGY" IN THE TRAINING OF PHILOLOGISTS AT THE SYKTYVKAR STATE UNIVERSITY. *The article examines the role of the course "Komi dialectology" in the philologists' training in Syktyvkar State University. Dialects are a special unique type of colloquial speech, reflecting the centuries-old experience of the Komi people's spiritual and material culture. The course "Komi dialectology" has wide interdisciplinary connections, it provides an opportunity for a deep and complete understanding of features of the national language.*

Keywords: Komi language, dialects, history of language, interdisciplinary relations

Диалектология – лингвистическая дисциплина, изучающая территориальные разновидности языка. Территориальные диалекты коми языка составляют важный пласт его существования как языка коми народа, основу образования национального языка. Актуальность изучения и исследования диалектов обусловлена тем, что диалекты представляют собой особый уникальный тип разговорной речи, отражающий многовековой опыт духовной и материальной культуры коми народа. Территориальные разновидности коми языка – основной источник обогащения и развития литературного языка; они имеют важное значение в разработке проблем истории коми народа [Попова, Сажина 2014, 6].

Современные диалекты коми языка занимают обширную территорию Предуралья. Коми-зырянские диалекты – территориальные разновидности коми языка, являющиеся средством коммуникации различных групп коми-зырян. Традиционно в коми диалектологии по территориальному признаку принято выделять десять диалектов, названных по наименованию рек, в бассейнах которых они распространены. По наличию общих и отличительных признаков коми-зырянские диалекты разделяются на северную (вымский, ижемский, удорский, нижневычегодский) и южную (среднесыольский, верхнесыольский, лузско-летский) группы. Верхневычегодский и печорский диалекты являются диалектами позднего образования, сформировавшимися в последние два-три столетия за счет внутренних миграций представителей разных диалектов. Присыктывкарский диалект, положенный в основу коми литературного языка, является переходным диалектом от среднесыольского к нижневычегодскому [ОКЗР 1971, 5].

Курс «Коми диалектология» является важной составляющей в подготовке специалиста-филолога. Теоретическая подготовка словесника невозможна без глубокого знания диалектной речи, которая представляет собой один из продуктивных типов живой речи, на который ориентируется как на «точку отсчета» любая лингвистическая дисциплина.

Целью курса «Коми диалектология» является ознакомление студентов с одной из разновидностей общенационального коми языка – коми диалектным языком в его современном состоянии, рассмотрение системы диалектного членения коми языка, выявление фонетических, грамматических и лексических особенностей, отличающих говоры друг от друга и литературного языка. Основная задача курса – формирование умения самостоятельно анализировать диалектные явления, исследовать коми диалекты.

Курс диалектологии нацелен на развитие общелингвистических умений и навыков, на развитие общекультурной и профессиональной компетенции студентов. В результате изучения курса студент должен иметь полное представление о диалектном членении коми языка, системе коми диалектов, о взаимовлияниях и взаимодействиях между диалектами и литературным языком, иметь представление об общих внутренних законах в развитии диалектов.

Курс «Коми диалектология» тесно связан со всеми лингвистическими дисциплинами, а также с историческими науками. Он имеет непосредственные связи с фонетикой, лексикологией, словообразованием, морфологией и синтаксисом современного коми языка, которые студенты изучают с 1 по 3 курс. Изучение диалектных особенностей помогает в усвоении данных разделов языка.

Диалектология тесно связана с историей языка, поскольку диалекты сохраняют многие языковые явления, уже утраченные литературным языком, или развивают такие особенности, которые не получили развития в литературном языке. Для изучения истории коми языка диалекты представляют собой особую ценность, так как памятников коми письменности до настоящего времени сохранилось крайне мало. Таким образом, без учета диалектных данных невозможно построение исторической грамматики коми языка.

Коми диалектология тесно связана и с историей коми литературного языка, так как литературный язык образован на базе одного из диалектов, а именно, присыктывкарского

диалекта, и затем продолжал испытывать в определенной мере диалектное влияние. Диалекты являются одним из основных источников развития и пополнения лексической системы коми литературного языка.

Знание системы коми диалектов является крайне важным при изучении сравнительной грамматики финно-угорских языков, так как именно диалекты сохраняют многие архаичные черты грамматической и фонетической структуры, лексической системы финно-угорских языков.

Язык – явление социальное, и как всякое социальное явление он связан с историей народа, поэтому диалектология непосредственно связана с такими историческими дисциплинами, как археология и этнография. Современные диалектные различия свидетельствуют о некогда имеющей место изоляции говорящих на этих диалектах. Сравнение говоров бассейна р. Ижма, Печора, верхнего течения р. Вычегда, заселенных сравнительно поздно, с говорами нижнего течения р. Вычегды, р. Вашки, Сысолы, где первоначально сложились коми диалекты, позволяет проследить, откуда шло заселение мест позднего освоения. Так диалектные данные позволяют историкам воссоздать исторические пути коми и других народов. Если данные диалектологии служат одним из источников для истории народа и дают материал для историков, то и сама диалектология не может обойтись без обращения к истории. Археологические данные, летописи и другие документы свидетельствуют об этническом составе населения определенной территории, о политических, экономических и культурных связях этого населения, помогают диалектологу установить время и место возникновения многих диалектных явлений.

Диалектология имеет тесные связи с этнографией, которая изучает материальную и духовную культуру народа, особенности быта, что связано с различными названиями предметов и понятий, а это в свою очередь относится к диалектной лексике. Поэтому изучение диалектной лексики, относящейся к старому крестьянскому быту, обрядам, праздникам, невозможно без знания этнографии.

Диалектология тесно связана с литературоведением. Филологу очень важно различать разные формы речи в произведениях художественной литературы. Лексические диалектизмы, грамматические диалектные формы широко представлены в произведениях коми писателей, а именно, И. А. Куратова (XIX в.), В. Лыткина, В. Савина, В. Чисталева (начало XX в.), В. Юхнина, П. Доронина, Я. Рочева, Е. Рочева, И. Торопова, Г. Юшкова и др. (середина и конец XX в.), в поэтических и прозаических текстах XXI в. Стилистическая, изобразительная функция диалектизмов в художественном произведении – особая тема работы филолога. Для полного понимания произведений, в которых для характеристики персонажей или для создания местного колорита используются диалектизмы, необходимо умение раскрыть значение диалектных слов и их эстетическую роль в произведениях.

Учитывая, что большая часть выпускников, специалистов по коми филологии, выбирают профессию учителя, знание ими диалектологии важно вдвойне. Работая в диалектной среде, учитель должен не только знать родной диалект учеников, но и уметь сопоставить его систему с системой литературного языка. Выявление диалектных ошибок в устной и письменной речи учащихся, их разъяснение с точки зрения литературных норм дает возможность скорейшего усвоения литературного языка. С другой стороны, очень важно, чтобы изучение норм литературного языка не вызывало у школьника представления о второсортности, «неправильности», ненужности родного диалекта. Здесь много зависит от знаний учителя, от глубины его понимания культурно-исторической и эстетической ценности диалектов.

Таким образом, курс «Коми диалектология» является важной составляющей в подготовке специалистов-филологов, имеет широкие междисциплинарные связи, дает возможность глубокого и полного понимания особенностей национального языка.

Литература

1. ОКЗР – Образцы коми-зырянской речи. – Сыктывкар, 1971. – 312 с.

2. Попова Р. П., Сажина С. А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. – 272 с.

УДК 811.512.141:81'282

Ю. В. Псянчин, г. Уфа

**Н. Х. МАКСЮТОВА: ОТ ОПИСАНИЯ ВОСТОЧНОГО ДИАЛЕКТА
К ЗАПАДНОМУ ДИАЛЕКТУ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА
(к 85-летию со дня рождения)**

В статье освещается деятельность Н. Х. Максютовой по изучению восточного и западного диалектов башкирского языка. Автор уделяет особое внимание значению классификации говоров западного диалекта, предложенной Н. Х. Максютовой в 1987 году.

Ключевые слова: башкирский язык, диалект, восточный диалект, западный диалект, говоры, классификация, диалектологический атлас.

N.Kh. MAKSYUTOVA: FROM THE DESCRIPTION OF THE EAST DIALECT OF THE BASHKIR LANGUAGE TO THE WESTERN ONE OF THE SAME LANGUAGE (in honour of her 85th birthday). *The article highlights N. Kh. Maksyutova's research activity of the Bashkir language's eastern and western dialects. The author pays special attention to the significance of the classification of sub-dialects of the western dialect, which was proposed in 1987 by N. Kh. Maksyutova.*

Keywords: Bashkir language, dialect, eastern dialect, western dialect, subdialects, classification, dialectological atlas.

Нынешний, 2017 год поистине является знаковым для башкирской диалектологии как одного из направлений отечественной тюркологии.

Во-первых, этот год – год 85-летия со дня рождения выдающегося башкирского языковеда, большого специалиста в области башкирской и тюркской диалектологии, общественной деятельницы, педагога, доктора филологических наук, профессора, заведующей Отделом диалектологии и топонимики Ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР (ныне – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН) в 1982-1987 гг., заслуженного деятеля науки Башкирской АССР, главного научного сотрудника в 1988-2000 гг. Нажибы Хаерзамановны Максютовой (1932-2004).

Во-вторых, в этом году исполняется тридцать лет со дня выхода в свет третьего тома «Словаря башкирских говоров (Западный диалект)» [Башкорт һөйләштәренен һүзлегә: өс томда. 3-сө том, 1987].

В-третьих, тридцать пять лет тому назад, в сентябре 1982 года в г.Уфа под эгидой Советского комитета тюркологов при Отделении литературы и языка Академии наук СССР состоялась IX региональная конференция по тюркской диалектологии [Зайнуллин, Шайхулов 1983; IX конференция по диалектологии тюркских языков 1982]. Именно там был поставлен вопрос о координации региональных исследований по диалектологии. В результате были выработаны два крупных проекта для тюркологов Советского Союза: «Диалектологический атлас тюркских языков СССР» и «Диалектологический атлас тюркских языков Сибири». К сожалению, данная конференция стала последним научным мероприятием подобного рода в советской истории нашей страны, но в 2010 году традиции ее проведения были возрождены по личной инициативе директора Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН проф. Ф. Г. Хисамитдиновой. В 2010-2016 гг. уже состоялось семь конференций. В этом году Уфа принимает XVII Всероссийскую научную конференцию «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России», но восьмую – в истории современной России.

Нынешняя, как известно, посвящена юбилеям башкирских языковедов Н. Х. Максютовой, Т. Х. Кусимовой (1927-1999) и У. Ф. Надергулова (1937-1999).

Максютова Нажиба Хаерзамановна родилась 27 ноября 1932 года в деревне Сулейманово (башк. *Һөләймән*) Мечетлинского района Башкирской АССР. Ее детство и юность прошли там же; после окончания школы она поступила в Башкирский государственный педагогический институт им. К.А. Тимирязева, который окончила в 1951 году. Затем шесть лет преподавала башкирский язык и литературу в школах республики.

В 1957 году начинает работать младшим научным сотрудником Сектора языка Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. В 1964 году на заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР (г. Москва) успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему: «Говор айских башкир» [Максютова 1964] (научный руководитель – доктор филологических наук К. З. Ахмеров).

В 60-70-х гг. XX века она выступила в качестве организатора ряда диалектологических экспедиций, результаты которых затем были обработаны и использованы при составлении всех трех томов [Башкорт һөйләштәренән һүзлегә: (Ике томда). I том 1967; Башкорт һөйләштәренән һүзлегә: (Ике томда). II том 1970; Башкорт һөйләштәренән һүзлегә: өс томда. 3-сө том 1987] и сводного тома «Словаря башкирских говоров» [Башкорт теленән диалекттары һүзлегә 2002], хрестоматии «Образцы башкирской разговорной речи» [Башкорт һөйләштәренән үрнәктәр 1988] и, конечно же, «Диалектологического атласа башкирского языка» [Диалектологический атлас башкирского языка 2005].

В 1980 году в г. Баку, в Институте языкознания им. Насими АН АзССР Н.Х. Максютлова защищает докторскую диссертацию на тему: «Формирование и современное состояние говоров восточного диалекта башкирского языка (сравнительное исследование)» [Максютова 1980], в качестве ее оппонентов выступают известные в тюркском мире языковеды-тюркологи Т.М. Гарипов, А.Г. Велиев и В.Л. Гукасян. В 1981 году она утверждается в ученой степени доктора филологических наук.

В 1982 году Нажиба Хаерзамановна избирается заведующей Отделом диалектологии и топонимики Института истории, языка и литературы БФ АН СССР. За пять лет ее руководства Отделом, т.е. до 1987 года, была завершена работа над крупным академическим проектом «Диалектологический атлас башкирского языка» (1986), [Диалектологический атлас башкирского языка 2005] изданы третий том «Словаря башкирских говоров: Западный диалект» [Башкорт һөйләштәренән һүзлегә: өс томда. 3-сө том 1987] (1987), хрестоматия «Образцы башкирской разговорной речи» [Башкорт һөйләштәренән үрнәктәр 1988], пять научных сборников статей по актуальным проблемам тюркской диалектологии, ономастике и ареальной лингвистике (1982, 1985, 1986, 1988), а также, как уже отмечалось нами ранее, проведена IX региональная конференция по тюркской диалектологии [IX конференция по диалектологии тюркских языков 1982].

В 2008 году был составлен и издан список основных научных трудов Н. Х. Максютовой [Псянчин 2008 а]. Наличие данного списка позволило нам определить те направления и проблемы, над которыми в течение пятидесяти лет успешно работала Н. Х. Максютлова.

Н. Х. Максютлова обладала широким научным кругозором, что, несомненно, отразилось и на ее изысканиях в области башкирской диалектологии.

Отметим, что за последние пять лет нами в различных изданиях был опубликован ряд статей, посвященных жизни и научной деятельности Н. Х. Максютовой [Псянчин 2008 а; Псянчин 2008 б; Псянчин 2011; Псянчин 2012 а; Псянчин 2012 б; Псянчин 2012 в; Псянчин 2012 г; Псянчин 2013 а; Псянчин 2013 б].

В настоящей статье мы бы хотели представить основную научную проблему в ее изыскательской деятельности: это – описание башкирских диалектов и говоров [Максютова 1963; Максютлова 1965; Максютлова 1966; Максютлова 1973; Максютлова 1976; Максютлова 1984; Максютлова 1989; Максютлова 1996].

Самой главной работой Н.Х. Максютовой является ее капитальный труд – монография «Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении)», изданная в 1976 году в Москве и имеющая статус классического исследования [Максютова 1976]. В ней представлены все пять говоров данного диалекта: айский, аргаяшский, сальютский, миасский, кызылский [Максютова 1976, 22-78; 79-171; 172-213; 214-248; 249-289]. В данной монографии Н.Х. Максютовой восточный диалект охарактеризован в синхронном и диахронном аспектах. Каждому говору посвящена отдельная глава, где подробно излагаются фонетические, морфологические, лексические особенности в сравнении с данными южного диалекта башкирского языка. В качестве дополнительного сравнительного материала привлекаются данные других родственных и даже неродственных языков. Все это способствует установлению границ выделенных пяти говоров, которые иногда совпадают с бывшей исторической племенной границей (например, сальютский, айский говоры), но в большинстве случаев совпадения не наблюдается (например, аргаяшский, миасский, кызылский говоры) [Максютова 1976, 15]. Автору удалось доказать, что восточный диалект является древнейшим ядром башкирского языка.

Редактором монографии выступил известный советский и российский языковед-тюрколог К.М. Мусаев. Сама монография была напечатана тиражом в 1100 экземпляров.

Начнем с вопроса о совпадении/несовпадении границ говоров восточного диалекта с так называемой «бывшей племенной границей». По наблюдениям самой Н.Х. Максютовой получается, что данное совпадение имеет место только на примере двух говоров – сальютского (от названия башкирского племени *салъизгут* (башк. *салйогот*, *салйот*, *һалйогот*) – Ю.П.) и айского (тоже от названия башкирского племени *айли* (башк. *әйле*) – Ю.П.). В основе этого лежит принцип, именуемый в отечественной диалектологии «родоплеменным». Говоря по-другому, это и есть описание живого разговорного языка отдельно взятого рода или племени.

Н.Х. Максютова, удачно применив названный принцип, добилась системности, что способствовало усилению четкости в изложении мыслей и в представлении фактов, последовательности в описании фонетических, лексических и морфологических особенностей [Псянчин 2015, 212-218; Псянчин, Султанова 2015, 190-193] айского и сальютского говоров.

Если судить по представленным в монографии говорам, то складывается впечатление, что Н.Х. Максютова является активной сторонницей применения «бассейнового» принципа [Псянчин 2015; Псянчин 2016]. Однако на самом деле это не соответствует действительности! Да, кызылский [Максютова 1976, 249-289] и миасский [Максютова 1976, 214-248] говоры обследованы на основе «бассейнового» принципа. Но описание аргаяшского говора [Максютова 1976, 79-171] является образцом перехода к «родоплеменному» принципу. На сегодняшний день айский говор, как и сорок один год тому назад, распространен в северо-восточной части Башкортостана по бассейнам рек Ай, Юрюзань, Ик. Это – нынешние территории Мечетлинского, Дуванского, Салаватского, Белокатайского и Кигинского районов Республики Башкортостан, а также часть Кусинского района Челябинской области с деревней Петрушкино [Максютова 1976, 22]. В этом регионе издревле функционировали такие родоплеменные группы башкир, как *айли*, *тюбелес*, *тырнаклы*, *мырзалар*, *дуван*, *кошсо* и *сарт* [Максютова 1976, 22]. Получается, что территория айского говора в сугубо историческом плане может считаться средой обитания многих племен. Сама Н.Х. Максютова в данной ситуации признавала себя в качестве сторонницы «бассейнового» принципа, еще в 1964 году заявив буквально следующее: «...данная работа посвящена исследованию одного из неизученных говоров башкирского языка, занимающего сравнительно большую территорию в Зауралье по бассейнам рек Ай, Юрюзань, Ик...» [Максютова 1964, 3]. Конечно, у «бассейнового» принципа наряду с таким преимуществом, каким является широкий охват диалектного материала, есть, к сожалению, и серьезный недостаток. Это – отсутствие должной

системности в научной интерпретации собранного материала. Особенно ярко оно проявилось в объяснении явлений исторического характера. Мы же, наоборот, считаем, что Н.Х. Максютлова в описании айского говора придерживалась «родоплеменного» принципа. Причины этого были объяснены нами ранее.

Уникальность восточного диалекта подтверждается сохранением ряда древнейших фонетических явлений: например, наличием в диалекте реликтовых звуко сочетаний типа *нт, лт, мт, нк, нг*, зафиксированных в орхоно-енисейских надписях [Исламов, Азнагулов 1977, 106]. В области фонетики восточный диалект характеризуется наличием начальных звуков *т, д, з* в аффиксальных морфемах: *баш-тык* «начальник», *ас-тык* «голод», *азат-тык* «свобода», *дан-дык* «доблесть», *йел-де* «ветренный», *йэй-зәу* «летовка», *бай-зык* «достаток», начальный звук аффикса множественного числа и словообразования глаголов также подчиняется закону ассимиляции согласных, ставшему нормой для литературного языка: *ат-тар* «кони», *кыр-зар* «поля», *үзән-дәр* «луга» и т.д. Эти факты еще раз свидетельствуют о сходстве фонетики восточного диалекта башкирского языка с такими тюркскими языками, как казахский (*аш-тык* «голод, неурожай»), азербайджанским (*азат-дых* «свобода»), уйгурским (*кыз-зар* «девушки»), тувинским (*кас-тар* «гуси»), а также с алтайским и шорским [Исламов, Азнагулов 1977, 106-107].

Спецификой фонетики говоров восточного диалекта следует считать употребление звуков *һ* и *з*. Например, сальютский говор характеризуется гортанным спирантом *һ*, произносимым вместо *з, с*, и лишь спорадически – вместо *ш*: например, *кыһ* «девушка» – лит. *кыз*; *коһкон* «ворон» – лит. *козгон*; *алаһыһ* «берете» – лит. *алаһыгыз*; *кыһка* «короткий» – лит. *кыска*; *кыһым* «тесно» – лит. *кысым*; *аһау* «есть» – лит. *ашау* [Исламов, Азнагулов 1977, 107] и т.д. Для айского говора характерны анлаутное *һ*, инлаутное *с*: *һирәк* «редко», *һемәйгән* «обманутый», *аксак* «хромой», лит. *аксак* «хромой» – лит. *акһак*, *туксан* «девятисто» – лит. *тукһан*. В аргаяшском говоре наиболее активным звуком является *с*, употребляющийся во всех позициях вместо *з*: например, *кыс* – «девушка» – лит. *кыз*, *алагыс* «берете» – лит. *алаһыгыз* [Исламов, Азнагулов 1977, 107].

Таким образом, соответствие звуков *с* и *з* в аргаяшском говоре вызывает комбинаторные изменения: *бестең* «наш» – лит. *беззең*, *кускалак* «щавель» – лит. «кузгалак».

Автору Н.Х. Максютловой удалось установить неоднотипность физиологического качества спиранта *һ* в башкирских говорах [Исламов, Азнагулов 1977, 107]. Так, например, в сальютском говоре восточного диалекта этот звук квалифицируется как переднегортанный, мягкий спирант. В других говорах спирант также не является глубокогортанным, о чем свидетельствуют материалы, приведенные ученым по каждому говору восточного диалекта.

Также следует считать особо ценным положение Н.Х. Максютловой о разном происхождении гортанного спиранта *һ*, обусловившем его особенности в различных говорах [Исламов, Азнагулов 1977, 107]. По ее наблюдениям, для ранних тюркоязычных племен на территории нынешнего Башкортостана звук *һ* является иранским субстратом, а в сальютском говоре *һ* генетически восходит к тунгусскому языку.

Остановимся только на одной морфологической особенности восточного диалекта: форма повелительного наклонения представлена посредством аффиксов *-ың (-ең), -оң (-өң), -ң* (*ал-ың* «берите», *кит-ең* «идите», *баш-лаң* «начинайте») и др. Данная форма повелительного наклонения является типичной для многих тюркских языков, поскольку считается древнейшей формой повеления: например, ее можно сравнить с азербайджанской, гагаузской формой *алын*; туркменской, барабинской *алың*, якутским *ылың* «возьмите»; уйгурским *келиң*, узбекским *кел-инг* «приходите».

Таким образом, автору удалось доказать, что восточный диалект является древнейшим ядром башкирского языка.

В монографии также представлена и описана богатейшая лексика всего восточного диалекта. Ограничимся только представлением диалектизмов аргаяшского говора: *йанаша*

кейәү, кабат егет «шафер, дружка», йелде, кейәү аты «конь, дареный зятю», йеңгалар аксаһы «деньги, предназначенные для раздачи снохам», кыс бузаһы «буза невесты», туй «скот, привезенный женихом» — всего 17 терминов [Максютова 1976, 160]. Они относятся к сфере свадебного обряда. Отсюда можно сделать вывод о том, что богато и разнообразно представленные здесь в тематическом плане диалектизмы могут стать объектом для изысканий в области отраслевой лексикологии башкирского языка.

В качестве текста со всеми диалектными особенностями включена часть свадебного обряда, именуемая как *Кыс күсереү* «Переезд невесты» [Максютова 1976, 168-169]. Следует заметить, что по остальным четырём говорам (айский, сальютский, миасский, кызылский) восточного диалекта в качестве текстов также предложены описания различных этапов свадебного обряда [Максютова 1976, 75-78; 212-213; 247-248; 288-289].

Следующая монография Н.Х. Максютовой «Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении» была издана в 1996 году. Автором были исследованы аргаяшский, сальютский и оренбургские говоры. При этом особого внимания заслуживает авторский подход ученого в описании оренбургского говора [Максютова 1996, 192-280]; его оригинальность заключается в отказе от бассейнового принципа в выделении границ говора.

Здесь в главе «Оренбургский говор» [Максютова 1996, 192-286] Н.Х. Максютовой удалось наметить основные моменты перехода от «бассейнового» принципа описания оренбургского говора к принципам описания живого разговорного языка отдельного рода или племени [Максютова 1996, 200]. Заметим, что все это было сделано во время сбора материала для «Диалектологического атласа башкирского языка» [Диалектологический атлас башкирского языка 2005] в период трех экспедиций в Оренбургскую область в 1975-1977 гг. Получается, что язык оренбургских башкир делится на два больших региона: северо-западный – бассейны рек Губурлы, Касмарт, Сакмара [Максютова 1976, 200]. Этническую основу северо-западного региона составляют представители исторических племен кыпчак, юрматы, бурзян, усерген, а юго-восточную – усерген, кыпчак. Эти регионы отличаются между собой употреблением гласных *ы, е, о, ө, у* и согласных звуков *с, ҫ, һ, х, җ, й, з, м, б* [Максютова, 200].

Таким образом, Н. Х. Максютова смогла создать основу для дальнейшего изучения говора оренбургских башкир на принципах языка отдельного рода или племени.

Как было отмечено нами выше, третий том, посвященный западному, вернее, северо-западному диалекту башкирского языка [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә: өс томда. 3-сө том 1987] (1987), был издан только через двадцать лет после выхода в свет первого тома.

Третий том «Словаря башкирских говоров» в структурном плане состоит из следующих разделов: 1) введение [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә: өс томда. 3-сө том 1987, 3-9]; 2) «Принципы составления словаря» [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә: өс томда. 3-сө том 1987, 9-12]; 3) «Словарь» [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә: өс томда. 3-сө том 1987, 13-227]; 4) из список деревень, в которых был собран лексический материал для словаря [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә: өс томда. 3-сө том 1987, 228-231].

«Введение», написанное ответственным редактором Н. Х. Максютовой, представляет собой краткий очерк истории изучения диалектов и говоров башкирского языка. В нём «Введении» даётся характеристика основным языковым особенностям диалекта. Так, по чередованию гласных *а – ә, о – у, ө – ү, ө – е* диалект в чем-то схож с аргаяшским, айским (восточный диалект) и ик-сакмарским (южный диалект) говорами: *аз – әз; ғәмер – ғүмер; үрзәк – өйрәк* и т.д. [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә: өс томда. 3-сө том 1987, 7]. В западном диалекте вместо согласного *с* часто употребляется *ч*: например, *чирәм* (западный диалект) – *сирәм* (восточный диалект); а вместо согласного *һ* – согласная *ч* (*сарык – һарык*) [Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә: өс томда. 3-сө том 1987, 7].

Другой фонетической особенностью западного диалекта является лабиализация (т.е. огубление – Ю.П.), характерная речи башкир сакмарской зоны (т.е. языку башкир, проживающих в Кувандыкском, Сарыкташском, Тюльганском, Гайском районах Оренбургской области – Ю.П.): *боҙау* – лит. *бызау* «телёнок», *боғау* – лит. *быгау* «цепь»,

бойма – лит. *бийма* «валенки» и т.д. [Башкорт һөйләштәренен һүзлегә: өс томда. 3-сө том 1987, 7]. Также ниже-сакмарскому говору характерно довольно частое употребление гортанного согласного *h* в начале слова: *һат* – лит. *хат* «письмо», *һәбәр* – лит. *хәбәр* «весть», *һөрмәт* – лит. *хөрмәт* и т.д. [Башкорт һөйләштәренен һүзлегә: өс томда. 3-сө том 1987, 7]. В тук-соранском говоре вместо литературного *h* употребляется согласный *с*: например, *сағызак* – лит. *һағызак* «оса», *сайрау* – лит. *һайрау* «петь, заливаться трелью», *сүрәт* – лит. *һүрәт* «рисунок», *сызык* – лит. *һызык* «черта» и т.д. [Башкорт һөйләштәренен һүзлегә: өс томда. 3-сө том 1987, 7].

Работа над третьим томом «Словаря башкирских говоров: Западный диалект» шла, действительно, в очень непростых условиях [Башкорт һөйләштәренен һүзлегә: өс томда. 3-сө том 1987, 6], т. е. она проводилась параллельно со сбором материала для «Диалектологического атласа башкирского языка» [Башкорт теленен диалектологик атласы өсөн ...1973] в экспедициях, работавших под руководством Н. Х. Максютковой в 1972–1980 гг. В сборе диалектных данных для третьего тома, кроме самой Н.Х. Максютковой, приняли участие такие известные башкирские диалектологи, как М.И. Дильмухаметов, У.Ф. Надергулов, Р.Г. Азнагулов и, конечно же, доктор филологических наук С.Ф. Миржанова.

В третьем томе представлена успешно применена классификация говоров западного диалекта, автором которой выступила сама Н. Х. Максюткова.

В нем выделяются следующие говоры: 1) гайнинский; 2) северо-западный; 3) тук-соранский; 4) ниже-сакмарский; 5) среднеуральский; 6) иргизский [Башкорт һөйләштәренен һүзлегә: өс томда. 3-сө том 1987, 6-9].

Добавим, что в истории башкирской диалектологии было несколько классификаций говоров западного (северо-западного – Ю.П.) диалекта. Например, еще в 1991 году С.Ф. Миржанова в своей известной монографии «Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние)» выделила четыре говора: караидельский, таныпский, нижебельско-икский и гайнинский. Другой башкирский языковед-диалектолог Н.Х. Ишбулатов в состав западного диалекта включал следующие говоры: караидельский, таныпский, нижебельский, икский и гайнинский [Ишбулатов 2000, 172]. Р.З. Шакуров к четырем говорам, выделенным С.Ф. Миржановой, добавляет пятый – среднеуральский говор [Шәкүр 2012, 146]. Последней на сегодняшний день следует считать классификацию, предложенную проф. Ф. Г. Хисамитдиновой в 2016 году; она тоже является сторонницей С.Ф. Миржановой, т.е. выделяет в составе северо-западного диалекта те же четыре говора [Башкиры 2016, 117].

Далее автором вышеназванного очерка Н.Х. Максютковой дается краткая характеристика основных фонетических особенностей и других говоров западного диалекта, в частности, среднеуральского, гайнинского, иргизского [Башкорт һөйләштәренен һүзлегә: өс томда. 3-сө том 1987, 7].

Раздел «Список деревень, в которых был собран лексический материал словаря» включает 173 населенных пункта, расположенных на территории нынешних регионов России: Республики Башкортостан, Пермского края, Оренбургской, Свердловской, Челябинской, Самарской и Саратовской областей [Башкорт һөйләштәренен һүзлегә: өс томда. 3-сө том 1987, 228-291].

Итак, согласно классификации Н. Х. Максютковой, западный диалект башкирского языка состоит из шести говоров. Гайнинский говор распространен среди башкир, проживающих на территории Бардымского, Куединского, Осинского и Пермского районов нынешнего Пермского края [Башкорт һөйләштәренен һүзлегә: өс томда. 3-сө том 1987, 8]. Традиционно, это – территория проживания башкир-представителей племени *гайна* (башк. *гәйнә*) [Янғужин 1998, 17]. Отсюда следует, что данный говор был изучен в свое время С.Ф.Миржановой [Миржанова 1991, 206-287] именно на основе родоплеменного принципа.

Среднеуральский говор башкирского языка отчасти распространен на территории Республики Башкортостан (14 сел и деревень Мечетлинского района), в отдельных населенных пунктах Свердловской области (башкирские села и деревни Нижнесергинского, Артинского и Красноуфимского районов) [Максютова 1987, 231; Дильмухаметов 2006, 4-5]. Эти территории являются местом проживания потомков башкирских племен *кошсо* (башк. *кошсо*), *сызги* (башк. *һызғы*), *упей* (башк. *өпәй*) [История башкирских родов ...том 18 2016, 20-86]. Среднеуральский говор башкирского языка был исследован языковедом-диалектологом М.И.Дильмухаметовым, который защитил на эту тему в 1980 году кандидатскую диссертацию [Дильмухаметов 1980] и в 2006 году издал монографию «Говор среднеуральских башкир» [Дильмухаметов 2006]. Мы можем смело заявить, что, несмотря на само название этого говора, он был описан путем применения родоплеменного принципа.

Представленные во «Введении» тук-соранский [Максютова 1976, 7;230], ниже-сакмарский [Максютова 1976, 7; 230] и иргизский [Максютова 1976, 8-9; 231] говоры западного диалекта были выделены Н.Х. Максютковой путем обращения к бассейновому принципу.

Северо-западный говор занимает самую большую территорию, т.е. сюда входят населенные пункты Аскинского, Караидельского, Бакалинского, Балтачевского, Бирского, Бижбулякского, Благоварского, Бураевского, Буздякского, Белебеевского, Дюртюлинского, Еремеевского, Илишевского, Краснокамского и т.д. – всего 25 районов республики [Максютова 1976, 228-229]. По наблюдениям С.Ф. Миржановой, на данной территории функционируют три говора северо-западного диалекта: караидельский [Миржанова 1991, 15-72], таныпский [Миржанова 1976, 73-135] и нижебельско-ыкский [Миржанова 1976, 136-205]. На наш взгляд, Н.Х. Максютковой следовало бы применить термин «северо-западная зона говоров западного диалекта», что только усилило бы ее позиции как исследователя этого диалекта.

Эти же наблюдения Н.Х. Максютковой были изложены и в двух других ее работах, опубликованных, соответственно, в 1990 [Максютова 1990] и 1995 [Максютова 1995] годах на башкирском языке.

Теперь следует задаться вопросом: в чем же видится историческая значимость этой классификации? Все дело в том, что подобный подход Н.Х. Максютковой позволяет говорить сегодня о наличии четырех диалектов башкирского языка: восточного, южного, западного и северного.

Таким образом, с учетом результатов исследований С.Ф. Миржановой [Миржанова 1991] и Н.Х. Максютковой [Максютова 1987; Максютова 1990; Максютова 1995] в состав северного диалекта могут входить караидельский, таныпский, гайнинский и среднеуральский говоры, а в состав западного диалекта можно будет включить нижебельско-ыкский, тук-соранский, ниже-сакмарский, иргизский говоры. Конечно, все это потребует глубокого теоретического осмысления и нахождения сильных аргументов в защиту этого вопроса.

Научные изыскания Н.Х. Максютковой по башкирской диалектологии не потеряли своей актуальности и сегодня. Под ее научным руководством защитили кандидатские диссертации Э.Ф. Ишбердин, У.Ф. Надергулов, М.И. Дильмухаметов, Ю.В. Псянчин, М.Г. Усманова; трое из этого списка – Э.Ф. Ишбердин, Ю.В. Псянчин и М.Г. Усманова – стали докторами филологических наук.

В историю тюркской диалектологии имя Н.Х. Максютковой вписано золотыми буквами наряду с именами таких выдающихся отечественных языковедов-тюркологов, как Э.Р. Тенишев (диалекты уйгурского, саларского, сарыг-югурского языков), Э.А. Грунина (диалекты турецкого языка), Д.Г. Тумашева (диалекты татарского языка), М.Ш. Ширалиев, М.И. Исламов (диалекты азербайджанского языка), Н.А. Баскаков (диалекты алтайского языка), Ж. Амансарыев (диалекты туркменского языка), Ш.Ш. Шаабдурахманов (диалекты узбекского языка), Ш.Ш. Сарыбаев (диалекты

казахского языка), Б.М. Юнусалиев (диалекты кыргызского языка), Н.И. Ашмарин, И.А. Андреев (чувашский язык), М.С. Воронкин, М.П. Алексеев (якутский язык).

Полагаем, что в связи с юбилеем настало время для постановки вопроса о переиздании монографии Н.Х. Максютовой «Восточный диалект башкирского языка» [Максютова 1976], поскольку за сорок один год она успела превратиться в библиографическую редкость. В настоящее время ведется работа по составлению полной версии библиографии трудов ученого.

За большой вклад в развитие башкирского языкознания Н. Х. Максютова была награждена Почетной грамотой Президиума АН СССР (1974), Почетной грамотой Республики Башкортостан (2000). В 1983 году она удостоилась почетного звания «Заслуженный деятель науки Башкирской АССР».

Литература

1. Баева (Максютова) Н. Х. Говор долины реки Ай. Фонетика и морфология // Башкирский диалектологический сборник. – Уфа: БФ АН СССР, 1959. – С. 9-45.
2. Башкиры / Отв. ред. Р. Г. Кузеев, Е. С. Данилко; Серия «Народы и культуры». – М.: Наука, 2016. – 662 с.
3. Башкорт теленең диалектологик атласы өсөн мәғлүмәт йыйыу программаһы / Төз. Н. Х. Мәксүтова. – Өфө, 1973. – 32 б.
4. Башкорт теленең диалекттары һүзлегә. – Өфө: Китап, 2002. – 432 б.
5. Башкорт һөйләштәренең һүзлегә: (Ике томда). I том: (Көнсығыш диалект) / Ред. Н. Х. Мәксүтова, Н. Х. Ишбулатов. – Өфө, 1967. – 300 б.
6. Башкорт һөйләштәренең һүзлегә: (Ике томда). II том: (Көнъяк диалект) / Ред. Н. Х. Мәксүтова. – Өфө, 1970. – 326 б.
7. Башкорт һөйләштәренең һүзлегә: Өс томда. III том: Көнбайыш диалект. – Өфө: Башк. кит. нәшр., 1987. – 232 б.
8. Башкорт һөйләштәренән үрнәктәр / Яуаплы мөхәрр. Н. Х. Мәксүтова: 1-се басма. – Өфө, 1988. – 224 б.
9. Диалектологический атлас башкирского языка / Отв. ред. Ф. Г. Хисамитдинова. – Уфа: Гилем, 2005. – 232 с., 169 карт.
10. Дильмухаметов М. И. Говор среднеуральских башкир: Автореф. дисс ... канд. филол. наук. – Уфа, 1980. – 24 с.
11. Дильмухаметов М. И. Говор среднеуральских башкир. – Уфа: Гилем, 2006. – 191 с.
12. Зайнуллин М. В., Шайхулов А. Г. IX конференция по диалектологии тюркских языков // Советская тюркология. – 1983. – № 1. – С. 99-103.
13. Исламов М. И., Азнагулов Р. Г. Н. Х. Максютлова. Восточный диалект башкирского языка (рецензия) // Советская тюркология. – 1977. – № 1. – С. 106-109.
14. История башкирских родов. Кошсо, Сызги, Упей. Том 18 / С. И. Хамидуллин, Б. А. Азнабаев и др. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Уфимск. полиграфкомбинат, 2016. – 528 с.
15. Ишбулатов Н. Х. Башкорт теле һәм уның диалектары. – Өфө: Китап, 2000. – 212 б.
16. Максютлова Н. Х. Бурзянский говор // Башкирская диалектология: Говоры юго-востока Башкирии. – Уфа: БФ АН СССР, ИИЯЛ, 1963. – С. 8-127.
17. Максютлова Н. Х. Говор айских башкир: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1964. – 24 с.
18. Максютлова Н. Х. К вопросу о лексике башкирского языка // Пятое совещание по вопросам диалектологии тюркских языков. 5-8 октября 1965 г. г. Баку: (Тез. доклад.). – Баку, 1965. – С. 24-27.
19. Максютлова Н. Х. Материалы по лексике айских башкир // Башкирская лексика. – Уфа: Башкнигоиздат, 1966. – С. 49-66.
20. Максютлова Н. Х. Некоторые моменты изучения башкирских диалектов // Вопросы башкирского языкознания. – Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. – С. 141-145.
21. Максютлова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. – М.: Наука, 1976. – 292 с.

22. Максютлова Н. Х. Формирование и современное состояние говоров восточного диалекта башкирского языка (сравнительное исследование): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Баку, 1980. — 34 с.
23. Максютлова Н. Х. Башкирская диалектология // Советская тюркология. – 1984. – № 2. – С. 76-81.
24. Максютлова Н. Х. Современное состояние говоров башкирского языка, находящихся в иноязычном окружении // Этнические и этнографические группы в СССР и их роль в современных этнокультурных процессах: (Тез. докл. научн. конф.). – Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. – С. 176-177.
25. Максютлова Н. Х. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. – Уфа: Китап, 1996. – 288 с.
26. Мәксүтова Н. Х. Башкорт теленең көнбайыш диалекты // Проблемы изучения родного языка башкирскими детьми в северо-западных районах БССР: (Матер. респ. науч.-практ. конф.). – Уфа, 1990. – С.48-55.
27. Мәксүтова Н. Х. Башкорт теленең көнбайыш диалекты // Теле барзың – иле бар / Төз. З. Ханова. – Өфө: Китап, 1995. – 13-23-сө биттәр.
28. Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). – Уфа: Башк.кн. изд-во, 1991. – 296 с.
29. Псянчин Ю. В. (а) Список основных научных трудов Н. Х. Максютловой // Труды ИИЯЛ УНЦ РАН / Сост. Р. А. Сулейманова. Вып. II. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. – С. 116-124.
30. Псянчин Ю. В. (б) Н. Х. Максютлова и проблемы контактного обогащения лексики башкирских диалектов // Труды ИИЯЛ УНЦ РАН. Вып. II. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. – С. 97-103.
31. Псянчин Ю. В. Н. Х. Максютлова и вопросы изучения отраслевой лексики башкирского языка (на примере диалектов и говоров) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XI Межрегиональной конференции (г. Уфа, 21-22 октября 2011 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – С. 149 -156.
32. Псянчин Ю. В. (а) Статья Н. Х. Максютловой «Терминология коневодства у башкир» (1983) статус и значение // Вопросы лингвистической типологии: Сборник статей. – Махачкала: Дагестанский государственный университет. 2012. – С. 89-95.
33. Псянчин Ю. В. (б) Ученый, педагог и общественный деятель (К 80-летию со дня рождения Н. Х. Максютловой) // Ватандаш. – 2012. — № 11. — С. 103-118.
34. Псянчин Ю. В. (в) Н. Х. Максютлова – выдающийся языковед-диалектолог и общественный деятель (к 80-летию со дня рождения) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XII региональной конференции. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – С. 6-9.
35. Псянчин Ю. В. (г) Ученый, педагог и общественный деятель: к 80-летию со дня рождения Н. Х. Максютловой // Панорама Евразии (научн., обществ.-полит. журн.). – Уфа, 2012. – № 2 (10). – С.77-85.
36. Псянчин Ю. В. (а) Научное наследие башкирского языковеда и педагога Н. Х. Максютловой [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2013, № 1. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_17/5983-psyanchin.html
40. Псянчин Ю. В. (б) Нажиба Хаерзамановна Максютлова// Российская тюркология. – Москва-Казань, 2013. – С.116 – 119.
41. Псянчин Ю. В., Султанова Г. И. С. Ф. Миржанова – востоковед-новатор (о достижениях ученого в области отечественного кыпчаковедения) // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всероссийского съезда востоковедов. Кн.2. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. – С. 190-193.
42. Псянчин Ю. В., Хисамитдинова Ф. Г. – видный российский и башкирский диалектолог-новатор (к 65-летию со дня рождения) // Актуальные проблемы

диалектологии народов России: Материалы XV Всероссийской научной конференции (Уфа, 20 ноября 2015 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. – С. 212-218.

43. Псянчин Ю. В. К вопросу о так называемом «родоплеменном» принципе описания говоров и диалектов (на примере башкирского языка) // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: Материалы IV Международной научно-практической конференции. – Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова», 2016. – С. 219–226.

44. Шәкүр Р. Башкорт диалектологияһы: Укыу кулланмаһы. – Өфө: Китап, 2012. – 240 б.

45. Янғужин Р. З. Башкорт ырыулары. Кыскаса тарихи-этнографик очерктар. – Өфө: Китап, 1998. – 96 б.

46. IX конференция по диалектологии тюркских языков: Тезисы докладов и сообщений / СКТ ОЛЯ АН СССР, ИИЯЛ БФ АН СССР, БашГУ им. 40-летия Октября. – Уфа, 1982. – 165 с.

УДК 811.161.1; 81.28

Н. В. Пятаева, г. Стерлитамак

КОРНЕВОЕ ГНЕЗДО ВЕСНА // ВЕШНА В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

В статье представлен корпус литературной и диалектной лексики в виде корневого гнезда с вершиной Весна // Вешна на основе данных словарей А.Н. Тихонова, В.И. Даля, русских народных говоров и русских говоров Башкирии. Реконструкция гнезда на основе словообразовательной и семантической производности однокоренных слов позволила систематизировать литературную и диалектную лексику на единых основаниях, восстановить и наглядно показать варианты лексем, наличие которых обусловлено действием фонетических законов и словообразовательными особенностями говоров.

Ключевые слова: корневое гнездо, литературная лексика, диалектная лексика, вершина гнезда, словообразовательная и семантическая производность.

ROOT NEST OF SPRING // VESHNA IN THE LITERARY LANGUAGE AND THE RUSSIAN PEOPLE'S SUBDIALECTS EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION. *The article contains a corpus of literary and dialectal vocabulary in the form of a root nest with the Весна // Вешна gloss on the basis of data from the dictionaries of A.N. Tikhonov, V.I. Dahl, Russian folk subdialects and Russian of Bashkiria. Reconstruction of the nest on the basis of word-formative and semantic production of single-root words allowed to systematize literary and dialect vocabulary on unified basis, to restore and visually demonstrate variant lexemes, which are produced by the action of phonetic laws and word-formative features of subdialects.*

Keywords: root nest, literary vocabulary, dialectal vocabulary, nest apex, word formative and semantic derivation.

В статье предпринята попытка реконструкции корневого гнезда (КГ) с вершиной *Весна* в русском литературном языке и говорах русского языка на материале лексических данных, представленных в словообразовательном словаре [Тихонов 1985], диалектных [Даль 1998; СРНГ 1969; СРГБ 1997] и этимологических [Фасмер 1996; Черных 1994; Шапошников 2010] словарях. В процессе формирования КГ «Весна» было выявлено наличие в говорах русского языка довольно большой группы слов с вариантной вершиной *вешна*, образующих самостоятельное словообразовательное гнездо (СГ), компоненты которого зачастую имеют более широкий семантический спектр, чем слова в СГ с вершиной *весна*. В результате лексика исследуемого гнезда распределилась между двумя СГ с вершинами *весна* и *вешна*, представленными в виде схемы (см. ниже), организованной в соответствии со следующими принципами: 1) вершины гнёзд даются полужирным курсивом с подчёркиванием (***весна***); 2) фонетические и словообразовательные варианты слов отделяются двойным слешем (//); 3) диалектные лексемы даются курсивом, где необходимо, ударение обозначено после ударной гласной апострофом (*ве'шна*); 4) вертикальными чертами на схеме показаны ступени словообразования, стрелками – направления словообразовательной производности (→); 5) чтобы показать способ

деривации, словообразовательные морфемы в производных словах отделяются дефисом (весна → *весен-ник*); 6) отдельные значения многозначных слов нумеруются (если их больше трёх) и отделяются точкой с запятой (литературные лексемы в силу их общеизвестности помещаются без описания семантики); 7) на первой ступени деривации слова располагаются в таком порядке: производные имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия; внутри указанных лексико-грамматических групп – по алфавиту; 8) в необходимых случаях (для более точного описания семантики) слова или отдельные значения сопровождаются общепринятыми в лексикографической практике грамматическими и стилистическими пометами, вопросительный знак в скобках (?) сопровождает слова с неясной семантикой; 9) автор не ставил цели точного географического описания диалектных слов (таковые пометы подробно сопровождают лексику в использованных словарях), однако в некоторых случаях они всё же применяются для описания «редких» значений, зафиксированных в отдельных регионах.

Схема. Корневое гнездо «Весна//Вешина» в русском литературном языке и говорах русского языка (фрагмент)

весна // вешина

- *весна* 1) первый весенний дождь; 2) весенний разлив; 3) веснушки; 4) весенняя лихорадка, например: *весна трясёт*; 5) трава, которую используют в народной медицине для лечения больных малярией // *вёсна* время весеннего сева
- *весен-ник* южный тёплый ветер; весенний дождь; жеребёнок, родившийся весной
- *весен-ниц-а* весенняя лихорадка, простуда; весенняя пора, весеннее время
- *ве'сень* арханг. первые цветы в поле, первоцвет
- *весн-и'г-а//весн-и'к-а* овечья шерсть весенней стрижки
- *весни'на//веснина'//ве'снина//вешн-ин-а* 1) овечья шерсть весенней стрижки; 2) *весни'на* шутол. длинные волосы на голове мальчика или мужчины; 3) снетки (маленькие рыбки) весеннего улова; 4) *ве'снина* и *весни'на* веснушки; 5) *весни'на* лихорадка
 - *веснин-ы* мн. веснушки
- *весн-ух-а* 1) собир. веснушки (также *веснухи*); 2) весенняя лихорадка; 3) туберкулёз; 4) желтуха; 5) ревматизм; 6) дьявол, ведьма; нечистая сила; 7) бранное слово; 8) шельма, плутовка; 9) рожь весной, ещё не выколосившаяся; 10) человек с рыжими волосами
 - *весн-ушк-а* 1) подснежная клюква; 2) растение *Valeriana officinalis* сем. мауновых – валерьяна; 3) растение *Viola Jactea* сем. фиалковых; 4) лихорадка
 - веснушеч-к-а
 - веснушч-ат-ый
 - *веснуш-н-ый* олон. весенний; веснушчатый
- *весн-я'* собират. всходы озимой ржи
- *весн-я'к* см. *вешняк*
- *весн-я'н-к-а* 1) лит. старинная обрядовая песня весеннего цикла у восточных славян, поётся в хороводах от Благовещения до Вознесения; 2) весенняя лихорадка; 3) насекомое *Phryganea* (или *ручейник* – членистоногое насекомое буро-жёлтого цвета, появляющееся одним из первых ранней весной); 4) псковск. веснушка; 5) растение *Oxycoccus palustris* сем. брусничных – клюква обыкновенная; 6) травянистое цветущее растение, употребляемое в лечебных целях – лесной чёрный горошек
- *весня'нк-и* собир. подснежники; веснушки
- *весен-н(ий) // весённый* весенний → ...
- *весн-ова-ть* 1) арханг. проводить где-л. весну, оставаться где-л. на весну; 2) останавливаться где-л. во время пути весной, ожидая вскрытия рек или более удобного для езды времени; 3) праздновать наступление весны; 4) арх., олон., беломор. идти на весенний промысел в море, где в марте и апреле бьют во льдах морского зверя; 5) пасти скот на летнем пастбище
 - *веснова'-льн-ый* относящийся к весне, весенний, напр.: *весновальная артель*, *весновальный день* первый обыск пчелиных ульев в день Благовещения, *весновальный карбас* арханг. лодка, на которой идут в море на весенний промысел, под неё подделывают полозья, чтобы местами вытаскивать на лёд, *весновальный промысел*, *весновальный яр* яровой хлеб, выпеченный из первой пшеницы
 - *веснова-льск-ий* то же что *весновальный*
 - ...
- *ве'сна-сь // ве'снусь // весну'сь // весны'сь // вёснусь // вёснысь // вёснуса // ве'снуса* нареч. прошлой

весной	
→ <i>весн-е'сь</i> нареч. забайк. весной, в весеннее время	
→ <i>весн-ой // весн-ою</i> нареч. образовано от падежной формы (тв. п.) существительного	
→ ...	
→ <i>ве'шна//вёшна//вешна'//вешн-я'</i> 1) весна; 2) весенний промысел морского зверя, ловля трески в Северном Ледовитом океане и Белом море, напр.: <i>идти на вешну</i> отправляться на морской весенний промысел; 3) время весеннего сева; 4) яровой посев, яровой хлеб; 5) весенние полевые работы; 6) тверск. выдел в ближних к селению поёмных лугах, где не косят, а пасут скот; выгон	
→ <i>ве'шн-ая//вёшн-ая</i> яровой посев, яровой хлеб; весенняя пахота	
→ <i>ве'шн-ик//вешн-и'к//вёшн-ик</i> 1) псковск. южный тёплый ветер; 2) весенний снежок, скоро сходящий; 3) овечья шерсть весенней стрижки; 4) детёныш животного, родившийся весной	
→ <i>вешни'к-а//вешня'к-а</i> шерсть первой стрижки от ягнят, поярок; овечья шерсть весенней стрижки; лихорадка	
→ <i>ве'шник-и//вешник-и'</i> мн. отверстия в плотинах для спуска лишней воды	
→ <i>вешн-и'н-а</i> овечья шерсть весенней стрижки	
→ <i>вёшн-ин</i> весенний	
→ <i>ве'шн-иц-а//вёшн-иц-а//ве'шн-иц-е</i> 1) весенний разлив рек, весеннее половодье; 2) земля для посева ярового хлеба; 3) ...	
→ <i>вёшн-о//вёшн-ое</i> собир. весенняя пахота; весенние полевые работы	
→ <i>вешняч-н-ый</i> относящийся к <i>вешняку</i> ; запрудный заслон	
→ <i>вешняк-о'в-ый</i> относящийся к <i>вешняку</i> ; запрудный заслон	
→ <i>вешн-я'нк-а</i> овечья шерсть весенней стрижки; род болезни (?)	
→ <i>вешн-ё'ват-ый</i> веснушчатый	
→ <i>ве'шн-ий//вёшн-ий//вёшн-ый//вешн-о'й</i> 1) свойственный весне, весенний, напр.: <i>вешняя пашия</i> поле, обрабатываемое перед весенним севом, <i>вешняя шерсть</i> овечья шерсть весенней стрижки; <i>вёшный поплавок</i> поплавок из лучины с расщеплённым концом, подвешиваемый при вымётывании сети; <i>вёшный промысел</i> весенний (до середины мая) промысел тюленей у побережья Мезенского залива	
→ <i>вешн-е'тинь-е</i> лекарство, средство от болезни	
→ <i>ве'шн-еньк-о</i> уменьшит.-ласкат.	
→ <i>вешн-я'-ть</i> 1) перемогаться весной, доедая последние запасы, напр.: <i>вешняли мы соломкою</i> ; 2) испытывать недостаток в чём-л., терпеть нужду, которая для крестьянина ассоциируется с весной – самым трудным временем: зимний хлеб съеден, сено издержано, до нового урожая ещё далеко; 3) заболеть от весенней бескормицы; 4) терять скорость в беге в весеннюю пору (о лошадях)	

Реконструкция КГ на основе словообразовательной и семантической производности однокоренных слов позволила систематизировать литературную и диалектную лексику на единых основаниях, восстановить и наглядно показать вариантные лексемы, наличие которых обусловлено действием фонетических законов и словообразовательными особенностями говоров, восстановить утраченные литературным языком лексические звенья и целые словообразовательные парадигмы, что, в свою очередь, позволило уточнить морфемную структуру и действительную словообразовательную историю слов современного русского литературного языка.

В целом реконструированное корневое гнездо содержит 114 слов, из них только 18 (менее 16 %) литературных, кроме *весна* → *веснушка* → *веснушечка*, *веснушчатый*, *весной*, *весенний* → *по-весеннему*, *вешний*, имеющих узкую специальную (сельскохозяйственные термины) сферу употребления: *весенне-летний*, *весенне-полевой*, *весенне-посевной*, *зимне-весенний*, *весновспашка*, *предвесенний*, *ранневесенний*; слово *весня'нка* 'старинная обрядовая восточнославянская песня, воспевающая приход весны' характеризуется как редкое.

Как было сказано выше, КГ состоит из двух СГ с вершинами *весна* и *вешна*. СГ «Весна» более «представительно»: содержит 71 слово, в число которых входят почти все, за исключением *вешний*, литературные лексемы. Таким образом, количественное соотношение между словообразовательными гнёздами – 71 к 43 или 62 % к 38 %. Этим, видимо, можно объяснить тот факт, что в литературном языке закрепился вариант *весна*,

однако словообразовательные модели, участвующие в создании производных слов, одинаковы для обоих СГ, более того, широко представленные в рассматриваемом корпусе многочисленные синонимические ряды содержат компоненты с обоими вариантами корня: *весна, весняк, вешиник//вёшиник, вешняг//вешняк* ‘южный тёплый ветер’; *весенник, веснянник, вешиник//вёшиник* ‘жеребёнок, родившийся весной’; *весенница, веснина, веснуха, веснушка, веснанка, вешиника//вешняка, вешиница//вёшиница* ‘весенняя лихорадка, простуда’; *веснига//весника, веснина, вешинига//вёшинига, вешиник// вёшиник, вешиника//вешняка, вешина, вешняг//вешняк, вешнянка* ‘овечья шерсть весенней стрижки’; *веснина//веснины, веснуха, веснянки* ‘веснушки’; *веснотка, веснянка* ‘веснушка’; *веснушка, веснанка, вешиница//вёшиница//вешинице* ‘подснежная перезимовавшая клюква’; *весенний//весённый, веснушный, весновой, веснянный, весноденный, вешний//вёшный//вёшний//вешной, вёшинин* ‘весенний’; *веснушчатый, веснистый, весноватый, вешиноватый* ‘веснушчатый’; *веснась//веснусь//веснысь//вёснусь//вёснысь//вёсныся, вешну//вёшну* ‘прошлой весной’; *вес-новать, вешнять* ‘перемогаться весной, доедая последние запасы’ и др.

Не менее важным, на наш взгляд, является возможность в формате КГ представить богатейшую систему однокоренных диалектных слов, во много раз превышающую возможности литературного языка в отражении русской национальной картины мира! Только в одном гнезде, силами одного корня и богатой системы словообразовательных суффиксов обозначена вся «весенняя» сфера жизни русского крестьянина: 1) климатические приметы весны: *весна, весенник* ‘первый весенний дождь’; *вешиник* ‘весенний снежок, скоро сходящий’; *весенник, весняк, вешиник, вешняг//вешняк* ‘южный тёплый ветер’; *весновка, весноводье, вешиница* ‘весеннее вскрытие реки, половодье’; *вешиники* ‘отверстия, проходы в плотинах для спуска лишней воды’; *вешняг//вешняк, весняк* ‘окольная весенняя дорога, прокладываемая на время половодья’, ‘молодая поросль леса, появившаяся весной’; 2) влияние весны на внешность и самочувствие человека: *весна, веснина, веснины, веснотка, веснуха* ‘веснушки’, *вешиноватый* ‘веснушчатый’, *вешинить* ‘покрываться веснушками’; *весна трясёт, весенница, веснина, веснуха, вешиника* ‘весенняя лихорадка, простуда’; 3) особенности жизни и быта человека в весеннее время: *весновать* ‘проводить где-л. весну, оставаться где-л. на весну’, ‘останавливаться где-л. во время пути весной, ожидая вскрытия рек или более удобного для езды времени’, ‘праздновать наступление весны’; *весновальный яр* ‘яровой хлеб, выпеченный из первой пшеницы’; *вешнять* ‘перемогаться весной, доедая последние запасы’, ‘испытывать недостаток в чём-л., терпеть нужду, которая для крестьянина ассоциируется с весной – самым трудным временем: зимний хлеб съеден, сено издержано, а до нового урожая ещё далеко’, ‘заболевать от весенней бескормицы’, *вешно* ‘сухая пища’; 4) растения, цветущие ранней весной и используемые в народной медицине или сохранившиеся до весны под снегом (используемые в пищу): *весень* ‘первоцвет’; *веснушка* ‘растение *Valeriana officinalis* сем. мауновых – валерьяна’, ‘растение *Viola Jactea* сем. фиалковых’, *вешинетинье* ‘лекарство, средство от болезни’, *веснянки* ‘подснежники’; *веснушка, веснянка, вешиница* ‘подснежная клюква’; *вешинига* ‘перезимовавшая на ягоднике брусника, которую собирают весной’; 5) сельскохозяйственные полевые работы: *вешиница* ‘осенняя пахота под яровые посевы’; *весна, вешина, вешина//вёшина, вешно//вёшиное* ‘время весеннего сева’, *веснуха* ‘рожь весной, ещё не выколосившаяся’, *весня* ‘всходы озимой ржи’, *весновка* ‘зерно, высеваемое весной, яровая рожь, пшеница’, *веснопашка* ‘весенняя вспашка под осенний посев хлеба’, *вешиница* ‘земля для посева ярового хлеба’; *вешняя пашия* ‘поле, обрабатываемое перед весенним севом’; 6) животноводство: *веснига, веснина, весника, вешинига, вешняя шерсть* ‘овечья шерсть весенней стрижки’; *веснянник, вешиник* ‘животное (жеребёнок, ягнёнок), родившееся весной’; *весновать* ‘пасти скот на летнем пастбище’; *вешина* ‘выдел в ближних к селению поёмных лугах, где не косят, а пасут скот, выгон’; *вешиница* ‘болезнь лошадей весной от бескормицы’, *вешнялый* ‘заболевший весной от бескормицы (конь, лошадь)’; *вешняг//вешняк, весняк* ‘скотина, выбранная на убой и выпущенная на отгул, на траву’; 7) рыболовство: *веснина, веснята* ‘снетки (маленькие

рыбки) весеннего улова', *весенний песок* 'место, где ловят рыбу неводом в мае – июне', *весновка* 'весенний лов рыбы'; 8) весенние промыслы: *весновать* 'идти на весенний промысел в море, где в марте и апреле бьют во льдах морского зверя', *идти на вешну*; *вешна* 'весенний промысел морского зверя', *веснованье*, *весновальный промысел*, *вёшный промысел*, *весновальная артель*, *весновальный карбас* 'лодка, на которой идут в море на весенний промысел, под неё подделывают полозья, чтобы местами вытаскивать на лёд', *весновальщик* 'промышленник весеннего промысла'; *весновальный день* 'первый обыск пчелиных ульев в день Благовещения'; *весноделить* 'рубить весной строевой лес', *веснодель* 'дрова, заготовленные весной'; *весновка* 'весенний сплав леса'; *весновка* 'весенняя охота'.

Особо хотелось бы отметить следующее: СГ в русских народных говорах «самодостаточно», т.е. благодаря широким деривационным возможностям от корня, именующего определённое время года, образованы имена, глаголы и наречия, способные назвать и обозначить все необходимые предметы, понятия, признаки, действия и состояния, отражающие многогранность жизни и деятельности человека в это время года, его наблюдения над природой, переживаемые трудности и обрядовые термины. В литературном языке наблюдается обратный процесс – лексическая специализация и перераспределение понятий между разными корневыми группами, что объясняет, в частности, такую большую разницу в количестве слов в СГ «Весна» в литературном языке (18) и в корневом гнезде «Весна//Вешна» (114) в русских народных говорах. И это только на материале трёх словарей! Если проанализировать все существующие на данный момент диалектные словари, реконструированное корневое гнездо, наверняка, увеличится вдвое, пополнившись россыпями драгоценных слов!

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – Т. I. – М.: ТЕРРА, 1998. – 800 с.
2. СРГБ – Словарь русских говоров Башкирии / Под ред. З. П. Здобновой: В 4-х т. – Т. I. – Уфа: Гилем, 1997. – 168 с.
3. СРНГ – Словарь русских народных говоров / АН СССР. Ин-т рус. яз. Словарный сектор / Гл. ред. Ф. П. Филин. – Вып. 4. – Л.: Наука, 1969. – 357 с.
4. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. – Т. I. М.: Русский язык, 1985. – 856 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – Т. I. – СПб.: Азбука – Терра, 1996. – 576 с.
6. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. – Т. I. – М.: Русский язык, 1994. – 623 с.
7. Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. – Т. I. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 584 с.

УДК 81'282=511.152.2

В. Ф. Рогожина, г. Саранск

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ

В ПРОИЗВЕДЕНИИ В. МИШАНИНОЙ

«ВАЛЬМАФТОМА КУД» («ДОМ БЕЗ ОКОН»)

В статье рассматривается функционирование диалектной лексики в произведении В. Мишаниной «Вальмафтома куд» («Дом без окон»).

Ключевые слова: диалект, говор, собственнолексические диалектизмы, синонимы, фразеологизм, заимствованная лексика.

FUNCTIONING OF DIALECTIVE LEXICS IN THE WORK OF V. MISHANINA VALMAFTUM KUD ("HOUSE WITHOUT WINDOWS"). *The article deals with the functioning of dialectal vocabulary in the work of V. Mishanina Valmafloma Kud ("House without windows").*

Keywords: *dialect, subdialect, lexical dialectism proper, synonyms, phraseology, borrowed vocabulary.*

Во многих языках мира проявляется огромный интерес к традиционной народной культуре, к территориальным и социальным диалектам. Любой язык включает, с одной стороны, литературную норму, с другой, – диалекты. Изучение лексического богатства диалектов является одной из актуальных проблем в современном мордовском языкознании в связи с тем, что в последнее время встает серьезная проблема исчезновения ряда мокшанских говоров. Мокшанские говоры включают богатейшие запасы лексического материала, которые отличаются большим разнообразием и пестротой. По мнению Д.В. Цыганкина, в говорах часто наблюдаются расхождения в самых употребительных, обыденных словах, раскрывающих своеобразие природных условий, хозяйственную деятельность и быт людей, в наименованиях окружающей среды [Цыганкин 1972, 121].

По мнению многих ученых, диалектной (иначе областной) лексикой называют ту часть необщепринятой лексики, которая является характерной принадлежностью речи населения какой-либо местности, области, района [Гришунина 2015, Кулакова 2008, Седова 2003, Рогожина 2012, Цыганкин 2000, Цыпхайкина 1989].

В.П. Гришунина утверждает, что диалектная лексика включает слова, которые принадлежат только местным народным говорам, используются тем или иным коллективом, носителями одного или нескольких говоров (Гришунина 2015: 14).

Язык любого народа находится не в застывшем, неподвижном состоянии, а в постепенном движении. Как живой язык он существует и изменяется до тех пор, пока существует народ, как мертвый — он может существовать до тех пор, пока существует человечество. Перед лингвистами любого языка стоит главная задача – как можно глубже изучать семантику слов. В раскрытии значений лексических единиц большую помощь оказывает изучение происхождения диалектных слов и их смыслового содержания, что содействует и показу красоты и богатства языка. Каждый язык постепенно меняется, обновляется; появляются новые лексические единицы с новыми значениями, а некоторые лексемы переходят в разряд архаизмов и становятся частью истории. Мокшанский язык в этом отношении не является исключением. Его словарный состав – продукт длительного исторического развития. Поэтому в нем хорошо просматривается большой жизненный путь, пройденный носителями мокшанского языка. Иногда диалекты того или иного языка настолько разнятся между собой по своему словарному составу, что их носители с трудом могут понять друг друга. Причем отдельные слова настолько могут отойти друг от друга в семантическом плане, что их различия можно установить, лишь сравнив с лексемой литературного языка, оперируя не только сведениями из лексикологии, но и данными фонетики, морфологии и синтаксиса.

В литературном языке диалектное слово является или чужеродным элементом, не несущим никакой стилистической нагрузки, или сознательно используется для каких-либо стилистических и иных целей. Иными словами, диалектизм может иметь различные функции, но он остается самим собой при любых условиях. Диалектные слова, которые используются в художественной литературе, называются диалектизмами. Термин «диалектизм» включает в себя не только то, что относится к особенностям словарного состава того или иного диалекта или говора, но и то, что составляет его фонетическую, словообразовательную или грамматическую особенность. Диалектные явления объединяются так же и тем, что все они чужды нормативному литературному языку. Степень и характер использования диалектных слов определяются темой произведения, объектом изображения, целями, которые ставит перед собой автор, его эстетическим идеалом, мастерством и т. д. Диалектизмы могут быть свежим, выразительным средством. Диалектизмы всех типов служат средством индивидуализации персонажа. С их помощью можно достичь этнографической

достоверности и художественной убедительности в воспроизведении быта, обстановки и т. д. Значение региональной специализации позволяет показать богатство и красоту народного слова, его значимость в формировании у школьников духовной культуры, которая включает в себя в первую очередь любовь к своей малой родине. Между тем язык народа – это показатель духовного, культурного уровня носителей этого языка, богатейший источник знания о быте и нравах народа. Кроме того, лексика говоров богата словами, отражающими своеобразие природных условий местности.

Как отмечают М.З. Левина, П.Е. Седова, в процессе развития литературного языка и его диалектной основы выявляется роль художественных произведений, которые являются определенным средством для их обогащения. Авторские элементы оказываются следствием преднамеренного включения внелитературных средств в авторскую речь.

Наряду с подобными элементами в нем могут оказаться и те, которые действительно составляют индивидуальную особенность речи самого писателя – выходца из той или иной среды или местности [Левина 2015, 182].

Одной из особенностей мировосприятия диалектным сообществом и диалектной личностью окружающего пространства является нагляднообразное его видение. Новые знания познавались и познаются через известные реалии, окружающие социум в повседневной жизни, их образы. Эту особенность мышления диалектоносителей можно рассматривать не только как способ восприятия мира, но и как основу мыслительного процесса и структурирования мира, средство воздействия на психику и эмоциональный мир адресата. Характер видения окружающего диалектоносителей зависит от многих факторов, в том числе и от условий быта сельского жителя. Поэтому при процессе номинации в качестве ассоциативного образа диалектный социум использует реалии, окружающие его в повседневной жизни.

Важно отметить, что В. Мишанина родилась в мокшанском селе. И это наложило отпечаток на язык ее произведений. В ее произведениях широко используются диалектизмы. Они входят в авторские описания природы, используются как образные поэтические средства. Например, маленький, слабый ребенок в произведении В. Мишаниной называется *няльхкашка* – как большой палец, *понксфтома* – без порток. *Аляц ванондозе стирнянц киськоряф шаманц и сюцезе ърваньц, мес кучсь завтраконь кандома няльхкашка шаба* (В. Мишанина, Сетьме шобдават: 79). «Её отец рассматривал поцарапанное лицо дочери и ругал жену, почему та отправила нести завтрак маленького ребенка (букв. как большой палец ребенка)». *Вишкста касыхть оттне, мярьгат, нинге исяк Авдюрясь ваннекинесь понксфтома цёраня, а тьяни, ваттака, бригадиркс ни арась* (В. Мишанина, *Ки лангса ломань*: 49). «Быстро растут молодые, скажешь, вчера только жена Авдея нянчила маленького мальчика (букв. без порток ребенка), а сейчас, смотри-ка, бригадиром уже стал».

Крепкого, сильного, здорового, высокого человека В. Мишанина называет *аля-алышка* – мужчина мужчиной. *Аля-алышка летчиксь кундазень ажия петнень и тусь карденять кувалмос* (В. Мишанина, *Эсь берякозонза*: 97). «Здоровый летчик взял оглобли и пошел в сторону сарая».

В произведениях В. Мишаниной очень часто функционируют диалектные глаголы. Например, к глаголам со значением «появиться» примыкают глаголы со значением «прибыть», «приехать». *Кенкись панжевьсь, инголенза тифтедьсь ветешка-котышка кизоса стирьшаба* (В. Мишанина, Сетьме шобдават: 74). «Дверь открылась, перед ним (дедом) возникла девочка лет пяти-шести (букв. девочка-ребенок)».

Очень много синонимов у глагола *куломс* «умереть». Ряд фразеологизмов-синонимов со значением *куломс* «умереть» включает следующие фразеологические обороты, имеющие различную стилистическую отнесенность:

а) *конемс сельмот* «закрыть глаза»;

б) *кеподемс вярй карьхнень* «ласты склеить (завернуть, двинуть)» (букв. поднять лапти вверх);

в) *тумс мода алдонь царствав* «уйти в подземное царство»;
г) *венептемс сярххкат* (пылькт) «ноги протянуть». А то, афкукс, пингта инголе венептьсайть пылькнень. «А то и вправду раньше времени умрешь (букв. ноги протянешь)»;

д) *мумс пе* «найти конец»;

е) *учи модалонь дворецьс* «ждёт подземный дворец». Монь тяни учсамань модалонь дворецьс. «Я теперь скоро помру (букв. ждет меня подземный дворец)»;

ё) *итатолоц (свечкац) палсь* – «умер (букв. свечка сгорела)»;

ж) *киц аделавсь* – «дорога закончилась».

Приведем примеры из пьесы В. Мишаниной «Приходите в гости».

Никита. *Но, улема, кельгомать эзда седиец лопадсь, урадсь*. «Но, видно, от любви сердце не выдержало, подход».

Вера. *Кие урадсь? Кода урадсь?* «Кто подход? Как подход?»

Никита. *Кельмось. Сярхханзон венептьс* «Остыл. Протянул ноги».

Вера. *Тязя тят кулсе, тят. Минь тонь пчкафттыдязь. Туят эсь пыльгсот. А сямольде, коса мяльце, тоса венептит сярххятнень*. «Здесь не умирай, не умирай. Мы тебя вылечим. А потом где хочешь, там и ноги протяни».

Митя. *Косан?* «Где я?».

Вера. *Модать лангсат. Ваймак. Ожу, ащек аф ламос...эреклат... а тоса ни воляце, коса мусак пецень* «На земле. Отдохни. Подожди, подожди немного... оживешь... а там уж воля твоя, где умрешь (букв. найдешь свой конец)» (В. Мишанина, Сада инжикс, Мокша, № 11, 2010: 83-84).

Следовательно, эти фразеологизмы не могут заменять друг друга, так как имеют различную стилистическую окраску.

В произведениях В. Мишаниной встречаются такие фразеологические обороты, в которых один из компонентов принадлежит к диалектной (областной) лексике, поэтому их нет в словарях. Например:

а) *коламс шобдава* – нарушить покой. *Тя комсь сисемгоце квартирав састь од эряйхть, синь колазь Анастасия Львовнань фкя сетьме шобдаванц, омбоцеть, колмоцеть* (В. Мишанина, Сетьме шобдават: 73). «В эту 70-ю квартиру переехали новые жильцы, они нарушили покой Анастасии Львовны (букв. разбили одно тихое утро Анастасии Львовны, второе, третье)».

б) *ломань ваймось аф ошкс ведарка* – человеческая душа – не ведро с помоями. – *Аринакай, ломань ваймось вдь аф ошкс ведарка* (В. Мишанина, Тев мельге Пиче вели: 48). – «Тетя Арина, ведь человеческая душа – не ведро с помоями»;

в) *Э-эх, ётай-потай, вдь тяниень моцкя талхконь аватне бабазень вяшконяста кенже пенятьке аф тисазь* (В. Мишанина, Озкс тумоть тарадонза: 180). «Э-эх, проходящий, ведь современные (букв. никчемные пряжи) женщины не стоят ногтя (букв. кончика ноготка) моей бабушки по линии отца».

В произведениях В. Мишаниной функционируют заимствования из русского языка. Русские заимствования и заимствования, вошедшие через русский язык, как в литературном мокшанском языке, так и в современных говорах мокшанского языка являются самыми многочисленными. Они охватывают все стороны жизни мордовского народа. Например: *ликвидировать* в значении «сломать». *Председательсь ащесь озада эзембрыса – коза озафнесазь инь питни конакнень, и арьсесь: вов нинге шить сон сърхксесь ликвидировать тя куднять* (В. Мишанина, Эрьс-ащесь Куля баба: 23). «Председатель сидел на скамье в красном углу, куда сажают самых почетных гостей, и размышлял: вот ещё только днем он собирался сломать этот домик».

Для языка произведений В. Мишаниной характерно употребление таких речевых единиц, как пословицы, поговорки. Например: *Кажнай ломанть сонцень канксоц, кажнайть копорьсонза пичефкс кяскавняц* (В. Мишанина, Эсь берякозонза: 97). «У каждого человека своя ноша, у каждого на спине мешок горя (букв. свой мешок с горем)».

Кода монь атязе корхнесь: тяда пеле, начка пула чавкати шись аф кяшеви (В. Мишанина, Вальмафтома куд: 258). «Как говорил мой дедушка по линии отца: не бойтесь, мокрохвостой галке солнце не спрятать».

Таким образом, использование диалектной лексики в произведениях В. Мишаниной определяется выразительными средствами художественного текста: пословицами, поговорками, фразеологическими оборотами с их экспрессивно-эмоциональной окраской. Для языка произведения характерно употребление таких речевых единиц, как фразеологические обороты, пословицы, поговорки, которые выступают в качестве речевой характеристики героев деревенских жителей, речь которых насыщена просторечными, грубо-просторечными оборотами, диалектизмами: *ошкс ведарка, венептемс сярькатнень, тумс мода алдонь дворецу* и т.д.

Язык мокшанской писательницы В. Мишаниной – одно из удивительных явлений мордовской литературы. Язык автора и героев изобилует подлинными сокровищами, добытыми писателем в живой, образной, яркой мокшанской речи.

Литература

1. Бузакова Р. Н. Стилистическая функция экспрессивных слов в мордовских языках // Финно-угристика на пороге III тысячелетия: Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов. – Саранск: Красный Октябрь, 2000. – С. 65-67.

2. Гришунина В. П. Синонимия в лексике мокшанских говоров // Лексика мордовских языков: проблемы и перспективы развития: Материалы международной научно-практической конференции (Саранск, 17-19 декабря 2009 г.). – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – С. 44-49.

3. Гришунина В. П. Диалектная лексика мокшанского языка (лексикографический и лингвогеографический аспекты исследования). – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – 172 с.

4. Кулакова Н. А. Различия в семантике глаголов в говорах мокшанского языка // Fenno-Ugrika I: Проблемы языков, литератур и фольклора народов Урало-Поволжья: Труды Института финно-угроведения, вып. 5. – Йошкар-Ола: МУП «Сельские вести», 2008. – С. 83-86.

5. Левина М. З., Седова П. Е. Диалектизмы в языке мокшанской художественной литературы // Вестник Чувашского университета. – 2015. – № 2. – С. 178-186.

6. Рогожина В. Ф. Экспрессивная лексика мокшанской разговорной речи (на материале произведений мордовских писателей) // Интеграция образования. – Саранск, 2012. – С. 86-91.

7. Седова П. Е. Экспрессивно-эмоциональный валлукссь мокшень литературнай кяльса // Финно-угристика 5: Межвузовский сборник научных трудов. – Саранск: Красный Октябрь, 2003. – С. 201-204.

8. Цыпайкина В. П. Глагольные диалектные слова и их семантическое отличие // Вопросы лексикологии финно-угорских языков. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1989. – С. 71-81.

9. Цыганкин Д. В. Состояние изученности мордовских диалектов // Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. – Саранск, 2000. – С.19-60.

Художественные произведения

Мишанина В. И. Ки лангса ломатть: Рассказ и повесть. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1985. – 168 с. – Мордов. – мокша яз.

Мишанина В. И. Эрясь-ашесь Куля баба. Рассказ. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1985. – 168 с. – Мордов. – мокша яз.

Мишанина В. И. Тев мельгя Пиче вели. Рассказ. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1985. – 168 с. – Мордов. – мокша яз.

Мишанина В. И. Коське эшитъ потмаксса. Рассказ. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1985. – 168 с. – Мордов. – мокша яз.

Мишанина В. И. Пичефксу азкс. Рассказ. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1985. – 168 с. – Мордов. – мокша яз.

Мишанина В. И. Сетьме шобдават. Рассказ. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1985. – 168 с. – Мордов. – мокша яз.

- Мишанина В. И. Эсь берякозонза: Повесть. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1985. — 168 с. — Мордов. — мокша яз.
- Мишанина В. И. Куйгорож: Пьеса // Вальмафтома куд. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002. — С. 126-151.
- Мишанина В. И. Ёронь юромста стирня: Пьеса // Вальмафтома куд. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002. — С. 151-172.
- Мишанина В. И. Озкс тумоть тарадонза: Пьеса // Вальмафтома куд. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002. — С. 172-212.
- Мишанина В. И. Тят шава, тят сала: Пьеса // Вальмафтома куд. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002. — С. 212-247.
- Мишанина В. И. Вальмафтома куд: Пьеса // Вальмафтома куд. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002. — С. 247-285.
- Мишанина В. И. Мишендись и циркста алясь: Пьеса // Вальмафтома куд. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002. — С. 296-305.
- Мишанина В. И. Пекурма: Пьеса // Вальмафтома куд. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002. — С. 305-315.
- Мишанина В. И. Модамарьяньс ни модамарья: Пьеса // Вальмафтома куд. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002. — С. 315-318.
- Мишанина В. И. Кельгома: Сценка / Мокша, № 11, 2006. — С. 130-134.
- Мишанина В. И. Тялонь илядня / Мокша, № 3, 2008. — С. 42-49.
- Мишанина В. И. Шуфтонь шави / Мокша, № 3, 2008. — С. 49-53.
- Мишанина В. И. Ёжу борання / Мокша, № 3, 2008. — С. 53-58.

УДК 811.511.132

С. А. Сажина, г. Сыктывкар

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЯЗЫКА КИРОВСКИХ ПЕРМЯКОВ

В статье представлено современное состояние языка кировских пермяков, территориально-языковой разновидности коми-языка, функционирующей в условиях изолированности от основного этнического массива и сильного воздействия окружающих русских говоров.

Ключевые слова: коми язык, верхнекамское наречие, кировские пермяки, диалектология.

CURRENT STATUS OF THE KIROV REGION PERMYAK LANGUAGE. *The article presents current status of the Kirov Permyak language, a territorial version of the Komi language, functioning in conditions of disconnection from the basic ethnic massif and strong influence of surrounding Russian subdialects*

Keywords: Komi language, Upper-Kama patois, Kirov Permians, dialectology.

В диалектном пространстве коми языка особое место занимает язык кировских пермяков, формирование которого происходило в условиях изолированности от основного ареала распространения коми диалектов и сильного воздействия окружающих русских говоров. Данный идиом, традиционно именуемый верхнекамским наречием коми-пермяцкого языка, распространен в верховьях Камы, в нескольких населенных пунктах Афанасьевского района Кировской области. В научной литературе для обозначения носителей этой территориально-языковой разновидности употребляется несколько этнонимов: зюздинские коми-пермяки, зюздинские пермяки, кировские коми-пермяки, кировские пермяки, коми-зюздинцы, верхнекамские коми, верхнекамские коми-пермяки.

Начиная с конца XIX столетия число носителей верхнекамского наречия неуклонно снижается. По данным переписи 1891 г., в Зюздинском крае было зарегистрировано 11630 коми; по данным переписи 1926 г. — 7267 коми. Сегодня полноценными носителями языка являются немногочисленные представители старшего и пожилого возраста. По данным переписи 2010 года численность кировских пермяков в Афанасьевском районе составила 88 человек при общей численности населения в 13848 человек. Согласно специальному опросу о владении коми-пермяцким языком, проведенному в 2007 г. Афанасьевским отделом культуры во всех населенных пунктах района, численность носителей верхнекамского наречия составляет около одной тысячи человек (включая носителей как с высокой, так и с низкой языковой компетенцией). Все носители коми языка являются билингвами, свободно владеющими русским языком. Анализ возрастного состава представителей исследуемого наречия свидетельствует о том, что передача коми языка в семье была прервана примерно во второй половине XX в. (60–70-х гг.).

До настоящего времени язык кировских пермяков не был объектом специального синхронного научного исследования; некоторые его особенности кратко отражены в статье Г.А. Нечаева [Нечаев 1930, 1-21] и обобщающем труде по коми-пермяцкой диалектологии Р.М. Баталовой [Баталова 1975, 221-223]. Лексика верхнекамского наречия в некоторой мере отражена в рукописном труде «Материалы для сравнительного словаря зюздинского пермяцкого и глазовского вотского наречий и бесерменского говора», хранящемся в Государственном архиве Кировской области (ф. 170, оп. 1, ед. хр. 140, 32 л.). Автор и время создания словаря неизвестны.

Сегодня в условиях языкового сдвига, интенсивно протекающего в среде кировских пермяков, изучение языка верхнекамских коми приобретает особую актуальность. Документирование, синхронное описание данной территориальной разновидности коми языка с целью сохранения максимально подробной информации о ней, является одной из главных задач современной коми диалектологии. В последнее десятилетие системное исследование языка кировских пермяков было предпринято Е. Н. Федосеевой и автором настоящей статьи на основе лингвистических материалов, собранных в экспедициях с 2002 по 2012 гг. Результаты изучения отражены в ряде их научных статей [Федосеева 2008; 2008а; 2010; 2015; Сажина 2014; 2014а; 2014б; 2016; 2016а].

На основе эмпирического материала, собранного нами в ходе четырех диалектологических экспедиций в район проживания кировских пермяков, произведен анализ языковых особенностей исследуемого идиома. Автором настоящей статьи выделены его основные фонетические и морфологические маркеры, являющиеся релевантными при определении специфики и места данного идиома среди других коми диалектов [Сажина 2016]. Функционируя и развиваясь в течение нескольких веков в условиях изолированности и сильного иноязычного воздействия, язык кировских пермяков приобрел целый ряд специфических особенностей, вместе с тем он сохранил основу, обнаруживающую наибольшее сходство с южными коми-зырянскими диалектами. Общность языка кировских пермяков и коми-зырянских диалектов подтверждается и данными лексики [Федосеева 2015].

Языковая структура верхнекамских говоров долгое время подвергалась и продолжает подвергаться интенсивному воздействию русского языка. Русско-коми языковые контакты в исследуемом регионе восходят к середине XVI в. и продолжают уже более четырех с половиной веков; наибольшую активность они приобрели в к. XIX в. Анализ языкового материала показал, что влияние русского языка распространилось на все языковые уровни верхнекамского наречия, хотя степень их проницаемости различна.

1. *Фонетическая система* рассматриваемых говоров оказалась наиболее устойчивой. Язык кировских пермяков характеризуется более широким усвоением русских согласных *ф, х, ц, р'* по сравнению с другими коми диалектами. В исследуемом наречии практически не происходит субституция фонем *ф, х, ц*, исконными *п, к, ч*. Примеры: *куфайэчка*, *анфиса*, *сарафан*, *марфа*, *н'эохота*, *кӧзлуха* 'коза', *хӧт* 'хоть', *колхознӧйӧс* 'колхозные', *жӧн'их* 'жених', *хлопӧдӧ* 'хлопает', *ухват*, *троица*, *бол'н'ицаын* 'в больнице', *продавец*, *цыганйас* 'цыгане', *мэс'эц*, *цэлӧй*. Замечены лишь редкие случаи употребления *ч* вместо *ц*: *богород'ича* 'богородица', *чэрква* 'церковь', *крыл'эч* 'крыльцо', *чид'итны* 'цедить', *жэрэбэч* 'жеребец', *мэс'эч* 'месяц', *гӧлбыч* 'голбец'.

В отличие от других коми диалектов *р'* может встречаться не только в начале и середине слова, но и в абсолютном конце: *р'адышком* 'рядышком', *кор'ушка* 'корь', *кудр'авӧй* 'кудрявый', *тр'апйоыс* 'тряпье-то', *бэр'остоыс* 'из бересты', *л'эхар* 'лекарь', *звэр* 'зверь'.

В нескольких случаях встречается произношение *х* вместо *к*, имеющего место в русском оригинале (*л'эхар* 'лекарь', *хрэс* 'крест', *хр'осна* 'крестная'). Субституция исконного *к* русским *х* в ряде случаев зафиксирована даже в исконных словах: *ырхыд* 'похладный, прохладно', *йухва* 'уха', *пыхтыны* 'распухнуть'.

2. Интерференционные процессы на *морфологическом уровне* проявляются структурной перестройкой формы выражения уже существующих морфологических категорий и заимствованием русских морфологических показателей. В ряде случаев возникают гибридные формы. Процесс интерференции на морфологическом уровне характерен для всех частей речи.

К интерференционным явлениям на уровне морфологии следует отнести модель образования суперлатива прилагательных посредством частицы *самой*: *самой ыжыд* 'самый большой'; *самой гырыс* 'самый крупный'. Исконные способы образования суперлатива посредством приставки *мэд-* и частицы *мэдс'а*, широко бытующие в коми-зырянских диалектах, в наречии не зафиксированы.

В парадигме склонения личных местоимений наличествуют специфические формы *эвö* 'его' и *сыму* 'ему', развившиеся под влиянием русского языка. Примеры: *Вэлöдö мыйтö эвö*, *мыччылö сыму* 'Учит его, показывает ему'. Особенно необычной является дативная форма личного местоимения 3 лица ед числа *сыму* 'ему', которая представляет собой гибридную форму: контаминацию исконного корня и русского суффикса.

Неопределенные местоимения в наречии чаще всего образуются посредством частицы *-тö*, заимствованной из русского языка: *кин-тö* 'кто-то', *мыл'а-тö* 'почему-то', *кышöмтö* 'какой-то'. В других коми диалектах (пермяцких и зырянских) функционирует неопределенная частица *кö*. Реже неопределенные местоимения образуются с помощью частицы *н'ибуд'*: *мыл-н'ибуд'* 'что-нибудь'.

Русский язык оказал влияние на семантику отдельных падежных форм: ряд грамматических значений развился вследствие тесного взаимодействия с русскими говорами. К примеру, в верхнекамском наречии значение качественной характеристики предмета / лица передается двумя способами: в словосочетаниях с исконным порядком слов (определение + определяемое слово) значение качественной характеристики выражает адъектив на *-а*: *та'гйа сур* 'пиво с хмелем'; *гö'рдыд цвэ'та пла'т'м'э* 'платье с красивыми цветами'; *гö'рба ба'баыс* 'женщина с горбом'; в словосочетаниях с обратным порядком слов (определяемое слово + определение) данное значение передает инструментальная форма: *ны'лочка ми'ча пла'т'м'öөн* 'девочка в красивом платье'; *морт куз' гун'а'öн* 'человек в длинном пальто'; *сур та'гöн* 'пиво с хмелем'; *трактор чу'ркаöн* 'трактор с чурками'. Второй способ выражения значения качественной характеристики предмета / лица, сформировавшийся, несомненно, под влиянием русского языка, характерен для верхнекамского наречия в большей мере.

В результате взаимодействия языков происходит устранение грамматических отношений, существующих в одном языке по причине их отсутствия в другом. Для верхнекамского наречия характерно разрушение категории лично-притяжательных суффиксов (ЛПС). Аналогичное явление свойственно также для южных коми-зырянских верхнесысольского и лузско-летского диалектов, однако верхнекамские говоры процесс разрушения категории ЛПС затронул наиболее глубоко: в них наличествуют лишь формы 3 лица индивидуального обладания, спорадически в номинативе и аккумулятиве встречаются формы 2 лица индивидуального обладания; суффикс 1 лица ед. числа и суффиксы коллективного обладания на *-н* не употребляются. В связи с вымыванием из речи ЛПС в верхнекамском наречии наличествует неполная парадигма определенно-притяжательного склонения, представленная лишь формами 3 лица индивидуального обладания.

3. Для интерференционных явлений в области словообразования характерно заимствование ряда русских суффиксов.

К примеру, деминутивное значение в верхнекамском наречии выражается посредством заимствованных суффиксов *-ушк*, *-ок*, *-ка*, *-очк*, *-овка* / *-öвка*, *-чик*. Примеры: *кöзлушка* 'козочка'; *нылкаок* 'девочка'; *вöрок* 'лесок', *кукан'ка* 'теленочек', *нылочка* 'девочка', *тус'öвка* 'зернышко', *зöровка* 'зернышко овса', *т'эровка* 'бревнышко', *пиочик* 'сыночек'.

Широко функционирует в наречии заимствованный суффикс относительных прилагательных -*öwöy*: *wöLöwöy böž* 'хвост лошади', *wurynöwöy nitka* 'шерстяная нитка', *mösöwöy wyj* 'сливочное масло', *s'uwöwöy snöj* 'сноп ржи'.

4. В области синтаксиса интерференция проявляется в нарушении исконного порядка слов, использовании русских союзов, вводных слов.

Так, в верхнекамском наречии прилагательное может находиться в постпозиции по отношению к определяемому слову и согласовываться с ним в числе, падеже, лично-притяжательной форме: *prin'imal'i kartoškajassö kosjassö* 'принимали сухой картофель'; *pos't'äl'ajasy solumänn'öjjasys* 'соломенные постели'; *kol'l'äkt'iwjasy përmjaccöjjasys pës'n'ajass'ö s'y'lisö tožno* 'пермяцкие коллективы песни пели'. В исследуемых говорах прилагательное может согласовываться с определяемым словом во множественном числе: *pësträd'innojös' dubasyas* 'холщовые сарафаны из пестряди'; *kö'z'ydös' ojjas* 'холодные ночи'. Такие формы появляются в речи, несомненно, под влиянием русского языка.

Основными причинами, способствующими появлению интерференции, в первую очередь послужили различия в системах коми и русского языков, низкая языковая компетенция кировских пермяков, а также ряд социально-демографических факторов (возраст, гендерная принадлежность, образование, характер браков).

Литература

1. Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. – М.: Наука, 1975. – 252 с.
2. Нечаев Г. Характеристика зюздинского диалекта коми языка // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. – Сыктывкар, 1930. – Вып. 1. – С. 7-27.
3. Сажина С. А. Особенности морфологии верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Филологические исследования – 2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках: Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (14-17 октября 2014 г., Сыктывкар). – Сыктывкар, 2014. – С. 181-185.
4. Сажина С. А. Функционирование языка кировских пермяков в условиях межкультурного взаимодействия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014а. – № 3. – Ч. 2. – С. 172-174.
5. Сажина С. А. Язык кировских пермяков: к проблеме генезиса // Вопросы финно-угорской филологии: Межвузовский сборник научных трудов. – Сыктывкар, 2014б. – С. 130-136.
6. Сажина С. А. Консонантизм языка кировских пермяков // Сибирский филологический журнал. – №1. – 2016. – С. 240-249.
7. Сажина С. А. Фонетические и морфологические маркеры языка кировских пермяков // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2016а. – №2 (12). – С. 40-48.
8. Федосеева Е. Н. Лексические заимствования в словарном составе языка верхнекамских коми // Ашмаринские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2008. – С. 188-192.
9. Федосеева Е. Н. Лексические особенности языка кировских пермяков // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. – Ижевск, 2008а. – С. 338-342.
10. Федосеева Е. Н. К вопросу о месте верхнекамского наречия в системе коми языков (на материале лексики) // Уралистика: Материалы XXXIX Международной филологической конференции 15-20 марта 2010 г. – СПб., 2010. – С. 88-93.
11. Федосеева Е. Н. Общее и частное в лексике верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков. – Ижевск – Будапешт, 2015. – С. 505-511.

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УКАЗАТЕЛЬНЫХ И ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ АНДАЛАЛЬСКОГО ДИАЛЕКТА АВАРСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются особенности указательных и вопросительных местоимений в одном из диалектов аварского языка.

Ключевые слова: *формант, парадигмы, серии, локативные падежи*

DISTINCTIVE FEATURES OF DEMONSTRATIVE AND INTERROGATIVE PRONOUNS OF THE ANDALAL DIALECT OF AVAR. *The issues of the distinctive features of demonstrative and interrogative pronouns of one of the Avar language's dialects are considered in the article.*

Keywords: *formant, paradigms, series, locative cases.*

Указательные местоимения

Указательные местоимения выражают положение предмета по вертикали или горизонтали, нахождение рядом, далеко от говорящего или на виду, меняются по классам и числам. Местоимение *ав* (-й, -б, -л) «этот» указывает на нахождение предмета или лица рядом с говорящим; *гъав* (-й, -б, -л) «этот» с тем же указанным выше значением означает нахождение объекта на виду говорящих. Местоимение *эв* (-й, -б, -л) «этот» указывает на то, что находится по горизонтали рядом со слушателем дальше от говорящего, а его вариант *гъев* (-й, -б, -л) с тем же значением указывает на видимость объекта.

Местоимение *идав* (-й, -б, -л) «тот» указывает на предмет или лицо, о котором знают собеседники и находящиеся дальше от говорящего, а *гъидав* обозначает то же самое, но на видимом расстоянии: *гъидаб росу* «то село» (которое видят говорящий и слушающий).

Гъилав (-й, -б, -л) «тот» соответствует аварскому литературному *лъов*, обозначает лицо или предмет, находящиеся выше говорящих и на виду; *гъигъав* (-й, -б, -л) «тот» указывает на всё то, что находится ниже говорящих, на виду.

О характере форманта *гъ* в составе указательных местоимений аварского языка впервые отмечено в статье П.А. Саидовой [Саидова 2012, 177], где сказано: «Формант *гъ* в составе указательных местоимений, несущих нагрузку видимости-невидимости, связан с названием глаза, представленном во всех андийских языках». Ср. *гъай* (ботл.), *гъайи* (годоб.), *гъаркIу* (анд.), *гъачIа* (багв., чам.), *гъа̄кIя* (тинд.), *кIегъа* (ахв.).

Склонение указательных местоимений имеет свои отличительные особенности, приведем парадигмы:

ед. число мн. ч.

Им. ав «этот» ай «эта», аб «это» эв эй, эб ал эл

Эрг. асс альлъ эсс эльлъ аз эз

Род. асул альлъул уссул ульлъул азул узул

Дат. асууй альлъуй уссууй ульлъуй азууй узуй

Им. идав «тот» идай, идаб илав илай, илаб игъав игъай, игъаб

Эрг. идасс//исс идалълъ иласс/исс илалълъ игъасс игъалълъ

Род. иссул ильлъул иссул ильлъул игъссул игъльлъул

Дат. иссууй ильлъуй иссууй ильлъуй игъссууй игъльлъуй

мн.ч.

Им. идал илал игъал

Эрг. из из//илаз игъаз

Род. изул изул игъзул

Дат. изууй изууй игъзууй

Все приведенные местоимения имеют форму с начальным *гъ*-, придающим им значение видимости. Их склонение не отличается от представленных выше.

Указательные местоимения различают две серии местных падежей: I – с формантом -да и II с формантом -х; форма аллатива совпадает с локативом. I серия с формантом -да обозначает положение предмета на чём-нибудь.

ед.ч.

ав «этот» ай «эта», аб «это» эв «тот» эй «та», эб «то»

Лок. ассда альльда уссда ульльда

Элат. ассдасса альльдасса уссдасса ульльдасса

Трансл. ассдассан альльдассан уссдассан ульльдассан

идав, илав «тот» идай, илай «та» идаб, илаб «то»

игъав «тот» (внизу) игъав «тот» (внизу)

Лок. иссда ильльда игъссда

Элат. иссдасса ильльдасса игъссдасса

Трансл. иссдассан ильльдассан игъссдассан

игъай «та», игъаб «то»

игъльльда

игъльльдасса

игъльльдассан

мн.ч.

ал «эти» эл «те» идал, илал «те» игъал «те» (внизу)

Лок. азда узда изда игъзда

Элат. аздасса уздасса издасса игъздасса

Трансл. аздассан уздассан издассан игъздассан

II серия передает значение – быть при чем-либо, у кого-чего.

ед.ч.

ав ай, аб эв эй, эб

Лок. ассух альльух уссух ульльух

Элат. ассухасса альльухасса уссухасса ульльухасса

Трансл. ассухассан альльухассан уссухассан ульльухассан

идав идай, илаб игъав игъай, игъаб

Лок. иссух ильльух игъссух игъльльух

Элат. иссухасса ильльухасса игъссухасса игъльльухасса

Трансл. иссухассан ильльухассан игъссухассан игъльльухассан

мн.ч.

ал эл идал, илал игъал

Лок. азух узух изух игъзух

Элат. азухасса узухасса изухасса игъзухасса

Трансл. азухассан узухассан изухассан игъзухассан

При склонении указательных местоимений транслатив, кроме основного значения «через что?», отвечает на вопрос «от кого?, при содействии кого?» Напр.: ульльдассан швана гъамазда хип «от неё дети заразились корью»; аздассан тIибитIана росульль гъеб хабар «от них распространились в селении эти слухи».

В говорах отличия от местоимений чохского говора незначительны. В кегерском и обохском отсутствуют анлаутные гласные: вместо идаб, илаб, игъаб представлены даб, лаб, гъаб. В ругжинском формативу локатива I серии -да соответствует -льльа: дальльа, альльа. В хиндахском говоре представлены местоимения с гласным у в корне: гъудаб, гъугъаб «тот», в салтинском имеем гъагъаб, гъадаб. [Микаилов 1959, 226].

Вопросительные местоимения

К вопросительным относятся следующие местоимения: шуви (I кл.), шуйи (II кл.), шуби «III кл.», щали (мн.ч.), чан «сколько», кинав (I кл.), «какой», кинай (II кл.) «какая», кинаб (III кл.), кинал (мн.ч.).

При склонении основа местоимений меняется:

Им. шуви, шуйи, щали шуби (III кл.)

Эрг. лъльгиди шундуди
 Род. лъльгили шундули
 Дат. лъльгий шундуй
 Им. чан (I кл.) чан (II кл) чанал (мн.ч.)
 Эрг. чанасс чанальлъ чаназ
 Род. чанассул чанальлъул чаназул
 Дат. чанассе чанальлъе чаназе
 Им. кинав кинай, кинаб кинал (мн.ч.)
 Эрг. кинасс киналълъ киназ
 Род. кинассул киналълъул киназул
 Дат. кинассе киналълъе киназе
 Местные падежи имеют две серии: на -да и на -х:
 Лок. лъльгида шундуда
 Элат. лъльгидасса//лъльгисса шундусса
 Трансл. лъльгидассан//лъльгиссан(и) шундуссан(и)
 кинав кинай, кинаб кинал чан
 Лок. кинасда киналълъда киназда чанасда
 Элат. кинасдасса киналълъдасса киназдасса чанасдасса
 Трансл. кинасдассан киналълъдассан киназдассан чанасдассан
 шуви, шуйи, щали шуби чан
 Лок. лъльгих шундух чанассух
 Элат. лъльгисса шундусса чанассухасса
 Трансл. лъльгиссан(и) шундуссан(и) чанассухассан кинав кинай, кинаб кинал
 Лок. кинассух киналълъух киназух
 Элат. кинассухасса киналълъухасса киназухасса
 Трансл. кинассухассан киналълъухассан киназухассан

Литература

1. Микаилов Ш. И. Очерки аварской диалектологии. – М.–Л., 1959. – С. 226.
2. Саидова П. А. К структурно-семантической характеристике указательных местоимений в аваро-андийских языках // Кавказские языки: генетические, типологические и ареальные связи: Материалы международной конференции. – Махачкала, 2012. – С. 177-199.

УДК 811.51

А. Т. Сельдюкова, г. Москва

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В КАЛТАСИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ВОСТОЧНОГО НАРЕЧИЯ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Использование сравнения в языке позволяет максимально точно выражать мысль. В калтасинском диалекте марийского языка в образовании сравнительных конструкций участвуют прилагательные, служебные слова, качественные наречия и наречия образа действия с суффиксами сравнительной степени. Также применяются заимствованные адаптированные слова из русского языка и послелог тюркского происхождения.

Ключевые слова: калтасинский диалект, сравнительные конструкции, имена прилагательные, служебные слова, наречия.

COMPARATIVE CONSTRUCTIONS IN THE KALTASIN SUBDIALECT OF THE EASTERN DIALECT OF THE MARI LANGUAGE. *Using a comparison in language allows you to express a thought as accurately as possible. In the Kaltasin subdialect of the Mari language the formation of comparative constructions involves adjective, auxillary words, qualitative adverbs and adverbs of the mode of action with suffixes of the comparative degree. In such cases they also used borrowed words adapted from the Russian language and postpositions of Turkic origin.*

Keywords: Kaltasin subdialect, comparative constructions, adjectives, auxillary words, adverbs.

В процессе общения используют различные способы, позволяющие максимально точно выразить мысль, одним из которых является сравнение. Сравнение качества, количества, величины, вида одного предмета, лица или действия с другим осуществляется при помощи сравнительных конструкций. В калтасинском диалекте марийского языка в их образовании участвуют:

- 1) формы сравнительной степени прилагательных, качественных наречий с суффиксом -rak /- räk, -ak, а также аблативная форма имени с окончанием -leč / -deč / -teč;
- 2) служебные слова и наречия образа действия с суфф. -la;
- 3) заимствованные адаптированные слова из русского языка и тюркские послелого.

Модель группы (1) используется при сравнении двух групп предметов или двух действий, один (одно) из которых по качественному или количественному признаку отличается от другого предмета (действия). По модели группы (2) один предмет (группа предметов) или одно действие по качественному признаку приравнивается к другому предмету или действию. Модель группы (3) используется для отождествления, уподобления, сравнения, идентификации.

Сравнительные конструкции первой группы с суфф. -rak, - räk, -ak выражают неодинаковую степень качества или количества сравниваемых предметов (действий). Напр.: *ənde jaləše-vlak äiväträk iləšem kəčələn pelke kajət* 'теперь деревенские в поисках лучшей жизни уезжают в сторону (букв.)', *molo jal-vlak jolkorak ulət* '(букв.) другие деревни ленивее', *təšte mələnde puškuðurak* 'здесь земля / почва мягче', *Añutan vaštareš čavij-vlakən, ülkäräkše Təmaj eγəžən il'e* 'напротив Анюты (дом) Чавия с близкими, ниже (дом) сына Тымая был', *üdərzö mündərnäräk ila šol* 'её дочка далековато же живёт', *vütšüm šukurak koštal* 'воду-то побольше зачерпни', *vučəš ənde šukak kodən oγəl* 'ждать теперь не очень долго осталось', *təye peš motorak oγeš koj* 'так не очень красиво'. Так, например, конструкции с аблативной формой выражают абсолютное преобладание качества одного предмета по сравнению с тем же качеством другого. В случае отсутствия сравнительного суффикса -rak функцию сравнения полностью берет на себя аблативная форма -leč/-deč/-teč: *oňžəč jalna təleč koč motor il'e* 'раньше наша деревня была ещё красивее', *tuđo avažleč oňžəč koləšis* или *tuđo avažleč oňžəčrak koləšis* 'она раньше своей матери умерла же'.

По модели (2) при сравнении одного предмета с другим (по их качественному признаку) употребляются следующие послелого: *γahe* 'как; словно', *šəmən* 'как; словно; подобно', *pare* 'настолько'. Конструкции с этими послелогоми выражают качество действия, сходное с чем-либо, а также сходство предметов. Они участвуют и в образовании сравнительных конструкций с именами существительными, прилагательными, местоимениями, субстантивированными причастиями. Эти послелого довольно близки по своей семантике; их конкретные значения выявляются только в контексте. Например: *marij γahe kojət* 'выглядят как марийцы', *kok-kum kečələn temeš tuđo jər γahe, varšəm kaja* 'на два-три дня наполняется как озеро, потом (букв.) уходит', *iləš oňžəčšo γahe oγəl* 'жизнь не как прежде', *miñ γaheŋ jeŋəm ot tu* 'не найдёшь человека, как я (похожего на меня)', *poro jeŋ šəmən o koj tuđo* 'он не ведёт себя/не выглядит как добрый человек', *iže kuγemməž šəmən vaštalteš* 'дитё / маленький меняется подрастая (букв. меняется, как растёт)', *viye jeŋat moštəməž šəmən ila* 'все люди живут, как умеют', *sannare šuko konđenət* 'настолько много привезли / принесли', *miñən pareŋ ilet kən, iləšən moγahe ulməžəm palet* 'поживешь столько же, как я, тогда узнаешь, какова жизнь'. Местоимения с послелогоми *γahe* и *šəmən* выступают в форме генитива: *miñən šəmən* 'как я', *miñən γahe* 'как я'; или в форме номинатива, когда показатель притяжательности переходит на послелог: *miñ γahe-em* 'как я', *miñ šəmən-em* 'как я'.

Сравнительные конструкции с существительными, прилагательными, местоимениями, наречиями с суфф. -la / -lä употребляются ограниченно. Вместо них чаще выступают послелого *γahe* 'как; словно', *šəmən* 'как; словно; подобно', напр.: *maγəršəla koj* или *maγərše šəmən koj* 'сделай вид, будто плачешь', *nojšəla koješ* или *nojšo γahe koješ*

‘выглядит (словно) уставшим’, paləməla čućeš или paləme ɣaŋe čućeš ‘чувствуется/ощущается/кажется (словно) знакомым’, moštəšəla ojla или moštəšo ɣaŋe ojla или moštəšo šemən ojla ‘говорит как /словно знающий’.

Сравнительные конструкции могут быть образованы также при участии заимствований из русского языка, например, čisto / čistəj со значениями ‘как; совершенно; чисто’: čistəj šojak uleš tuđo ‘он совершенно (чисто) лжец’, čistəj poješəm ‘совершенно устал’, čistəj čijan uleš tuđo ‘он совершенно (есть) как цыган’. Другое адаптированное заимствованное слово из русского языка, f/porməša со значением ‘подобной формы; подобно чему-то, кому-то’ состоит из слова ‘форма’ и тюркского сравнительного суффикса -ча, который выражает уподобление чему-то или кому-то: tenđan porməša ilen ona mošto ‘не умеем жить как вы / подобно вам’, iške porməša nästəkəj təšte kija iŋe, kušto tuđo? ‘здесь лежала вещь, по форме подобная клину / похожая на клин, где она?’. Широко распространены адаптированные послелогии тюркского происхождения: šekəlle ‘как, подобно’, күвәк / күвүк ‘как, подобно, как будто’, räüşän ‘наподобие кого-то, какого-то вида, образа, облика, формы’. В сравнительных конструкциях эти послелогии находятся в постпозитивном положении по отношению к образу сравнения: tuđən šekəlle ojlenat moštaš küleš vet ‘надо ведь уметь говорить как он / подобно ему’, Kol’ka räüşän kojo, kö iŋe tuđo? ‘обликом / с виду похож на Кольку, кто это был?’.

В целом, вышерассмотренные модели сравнительных конструкций дают понять, что они употребляются при сравнении общности, сходства или различия, а также при уподоблении внешней и внутренней сущности предметов, лиц, действий.

Литература

1. Коведяева Е. И. Кунгурский диалект марийского языка. – Москва-Hamburg, 1991.
2. Сельдюкова А. Т. Роль тюркских языков в развитии лексики прибельского диалекта восточного наречия марийского языка. – Йошкар-Ола, 2005.
3. Сельдюкова А. Т. Прибельский диалект марийского языка. – Москва, 2010.
4. Сельдюкова А. Т. Исследование марийского диалекта в иноязычном окружении (прибельский диалект). – Москва, 2011.

УДК 811.512.141:81’282

З. А. Сиразитдинов, г. Уфа

НЕУТОМИМЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЖИВОЙ РЕЧИ (О НАДЕРГУЛОВЕ УРАЛЕ ФАЙЗУЛЛОВИЧЕ)

В статье анализируется научная деятельность известного башкирского диалектолога У. Ф. Надергулова. Ученый посвятил всю жизнь сбору материалов по говорам родного языка. Автором изданы более 80 научных статей, 2 монографии. У. Ф. Надергулов активно участвовал в подготовке диалектологического атласа и словарей говоров. Ряд научных работ автора посвящены истории языка и языковым контактам.

Ключевые слова: диалектология, башкирский язык, языковые контакты, история языка.

The article analyzes the scientific activity of the famous Bashkir dialectologist U.F. Nadergulov. The scholar devoted his entire life to collecting materials on the dialects of his native language. The author published more than 80 scholarly articles, 2 monographs. U.F. Nadergulov actively participated in the preparation of the dialectological atlas and dictionaries of dialects, a number of scientific works of the author are devoted to toponymy, history of language and language contacts.

Keywords: dialectology, Bashkir language, language contacts, history of the language.

Надергулов Урал Файзулинович, талантливый ученый-диалектолог, посвятивший всю жизнь сбору и изучению материалов говоров башкирского языка, родился 7 февраля 1937 г. в с. Кутлумбетово Переволоцкого района Оренбургской области. После окончания начальной школы в родном селе он в 1949-1952 гг. продолжил учебу в соседней деревне в Габдрафиковской семилетней школе, после чего год поработал в родном колхозе. В 1953

г. Урал Файзуллович поступил в Ак-Булакское педагогическое училище, затем был направлен учителем в Габдрафиковскую школу. В 1957 г. Надергулов У.Ф. был призван в военкомат для прохождения военной службы, по своему желанию службу прошел в рядах Военно-морского флота.

Еще во время учебы в педагогическом училище Урал Файзуллович мечтал поступить на филологический факультет и учить детей башкирскому языку в родных краях. Поэтому после окончания службы в 1960 г. он приехал в Уфу и подал документы в Башкирский государственный университет. В годы учебы у него проявился интерес к диалектологии, поэтому выбор темы дипломной работы «Тук-Соранский говор башкирского языка» был не случайным. На старших курсах он целеустремленно собирал материал: проводил каникулы в поездках по деревням Оренбургской области, где записывал диалектные слова и образцы устной речи земляков.

После успешной защиты дипломной работы Урал Файзуллович был распределен в Мурапталовскую среднюю школу Кумертауского района БАССР, где начал трудовую деятельность учителем словесности (1965 г.). Тяга в родные края, к бескрайним ковыльным степям была сильна. И после трехлетней отработки Урал Файзуллович уехал в д. Габдрафиково Переволоцкого района, где работал учителем башкирского языка, одновременно был и завучом. Интерес к языку башкирских говоров Оренбуржья вспыхнул снова, и молодой учитель все свое свободное время посвящал изучению лексических особенностей речи земляков. Постепенно он увлекся говорами башкир соседних областей: Саратовской и Куйбышевской.

Желание научной систематизации собранных материалов, стремление донести их до широкой общественности привело Урала Файзулловича снова в Уфу, на этот раз в Институт истории, языка и литературы БФАН СССР. Осенью 1969 г. он подал документы на объявленный конкурс на замещение вакантной должности младшего научного сотрудника по специальности «тюркские языки». С 13 октября этого года и до конца своей жизни он занимался тем, что было его призванием — диалектологией башкирского языка.

С первых дней работы в Институте Урал Файзуллович подключился к подготовительной работе по большой коллективной теме «Диалектологический атлас башкирского языка», участвовал в разработке программы, материалов опросника информантов, в определении опорных пунктов. С 1973 г. по 1985 г. был одним из ключевых исполнителей данной темы.

Составление диалектологического атласа — трудоемкая и ответственная работа, требующая большого объема полевых материалов, кропотливого анализа собранного языкового материала, знания не только языковых, но и этнографических, и исторических фактов по исследуемым населенным пунктам. К моменту начала работы имелись лишь разрозненные полевые материалы, широкого фронтального обследования по единой методике фонетических, лексических, морфологических и синтаксических особенностей всех опорных поселений отсутствовало. Надергулов У.Ф. активно включился в сбор материалов.

В период с 1972 г. по 1975 г. он в составе экспедиций и командировочных выездов собрал материал по 59 опорным пунктам Бардымского, Осинского районов Пермской области; Глушицкого, Больше-Черниговского районов Куйбышевской области; Абдуллинского, Красногвардейского, Новосергеевского, Переволоцкого, Александровского районов Оренбургской области; десяти районов северо-запада БАССР. В период с 1975 г. по 1978 г. ученый принимал участие в сборе диалектологических материалов в составе экспедиций по 21 населенному пункту, а путем индивидуальных выездов собрал материал в 35 опорных пунктах. С 1978 г. по 1981 г. неутомимый ученый

собрал материал по 57 деревням и селам с башкирским населением. Все собранные материалы прошли камеральную обработку, были систематизированы и вошли в третий том словаря башкирских говоров [1].

Уже в 1978 г. Надергулов У.Ф. приступил к составлению пробной региональной карты языковых изоглосс по Оренбургской области. Одновременно с выполнением основной работы по диалектологическому атласу Урал Файзулинович завершил диссертационную работу на тему «Языковые особенности башкир Саратовской и Куйбышевской областей». Работа была обсуждена на заседании сектора языка и представлена к защите. Однако с проблемами реорганизации диссертационных советов и постоянными экспедициями данная работа была защищена только в 1991 г. [2]. Позднее автор на базе этой работы издал монографию «Иргизо-камеликские башкиры», в которой систематизировал и исследовал собранные им многолетние полевые материалы [3]. В монографии на основе собранных автором языковых материалов и этнических источников исследованы процессы лингвистического формирования башкир, проживающих в бассейне реки Большой Иргиз и по его притокам Камелик и Каралык в пределах современной Самарской и Саратовской областей. Исследования фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса данного изолированного от основной массы народа, позволило автору выявить самобытность этой группы населения, его специфические черты в языке и культуре. Зафиксированные фонетические явления в говоре такие как: системное соответствие [с]-[й] (*сеңгәсәй* – лит. йеңгәсәй, *серәнеу* – йерәнеу, *сомарт* – йомарт), употребление в первом слоге гласного [у] вместо [о] (*бугарлак* – лит. боғарзак, *кумған* – комған, *буйзай* – бойзай), функционирование [д] вместо анлаутного [й] (*диңгәсәй* – лит. йеңгәсәй, *дикән* – лит. йекән, *диңгәй* – лит. йеңгәй) позволили автору прийти к выводу о сохранении в фонетической системе говора древних признаков башкирского языка [3: с. 51-52]. Утверждение автора о том, что изолированность территориального расположения носителей говора от основной массы башкирского населения способствовало сохранению наиболее древних черт башкирского языка [3: с. 60] было подтверждено и анализом лексики. Надергуловым У.Ф. выявлено, что лексическая система говора характеризуется употреблением древнетюркских слов, которые не встречаются в литературном языке и в других говорах (*нәгез* `настоящий`, *бәркә*, `плотно, пленочное мясо`, *азар* `печаль` и др) [3: с.26-35].

В монографии автором также показано языковое контактирование говора с казахским языком, которому посвящен раздел «Диалектизмы, общие с казахским языком». Башкиры Самарской и Саратовской областей в течение длительного времени общались с казахами, проживающими в данном регионе. Взаимодействие близкородственных народов нашло отражение и в языке, особенно сильным оно оказалось в лексике. Автором выявлено, что лексика иргизо-камеликских башкир, общая с казахским языком, относится к разным тематическим группам: **скотоводству**: *бура каз.* бура (верблюды), *куспак каз.* коспак (верблюжья порода), *катма каз.* катпа, туклы, *каз.* токты (ягненок более шести месяцев), *әнгәк каз.* әңгәк (верблюжонок (самка)), *һыуат каз.* суат (водопой) и др. [3: с. 40-41]; **домашней утвари и быту**: *олпак каз.* улпак (перина), *төйрәүес каз.* түйреуіш (булавка), *кауға каз.* кауға (бадья), *күнә каз.* коне (поношенный) и др [3: с. 41]; **деятельность человека**: *аразлашыу каз.* араздасу (враждовать), *аукатлы каз.* аукатты (зажиточный), *коракташ каз.* курактас (сверстник), *остау каз.* устау (держать) и др. [3: с. 41-42]; **названию пищи**: *сарысыу каз.* сарысу (сыворожка кислого молока, кипяченая до сгущения), *әңкәл каз.* әңкәл (крупная лапша, подаваемая с мясом) и др [3: с. 42]; **названиям объектов природы и видов растений**: *сағыр каз.* шағыр (бурьян), *бурык каз.* борык (корень рогоза), *йаға каз.* жағаң (берег реки), *һалында каз.* салынды (наносы на поверхности воды) и др. [3: с. 43]. Автор отмечает, что все слова, заимствованные из

казахского языка, употребляются населением активно, в соответствии с фонетическими нормами башкирского языка и не осознаются как заимствования.

Весьма ценным в работе является раздел “Топонимия Иргизо-Камеликского бассейна”, где автор дает свою этимологию топонимам и отмечает, что гидронимы и микротопонимы в большинстве своем представляются башкирскими названиями, образованы по фонетическим и морфологическим нормам южного диалекта башкирского языка [3: с.97-98].

Работа внесла существенный вклад в научное описание диалектов башкирского языка, его материалы были использованы в составлении диалектологического атласа.

Несмотря на постоянные экспедиции и трудоемкий анализ полевых материалов, которые были неотъемлемой частью коллективной работы над Диалектологическим атласом башкирского языка, за годы своей научной деятельности Урал Файзуллович опубликовал более 80 научных трудов, каждый из которых внес существенный вклад не только в диалектологию, но и в историю развития родного языка, и в тюркологическую науку в целом.

Не остались без внимания ученого и вопросы обучения башкирскому языку в национальной школе [4; 5]. Урал Файзуллович уделял особое внимание преподаванию литературного языка через призму особенностей местного говора.

В его трудах особое место занимает изучение языковых контактов как близкородственных (башкирско-чувашский, башкирско-казахский), так и неродственных, контактировавших в историческом прошлом (башкирско-венгерский) [6-8].

Ученый проявил интерес и к башкирской топонимии Оренбургского края [9-10]. Его научная статья “О гидрониме “Соран”, правом притока Самары” была опубликована в авторитетном в то время журнале “Советская тюркология” [11], нашла широкий отклик в научном сообществе.

Богатый лингвистический материал, накопленный за многие годы, позволил исследователю приступить к разработке актуальной темы “Животноводческая терминология башкирского языка”. Некоторые аспекты названия животных и птиц были затронуты в работе Э.Ф.Ишбердина [12]. Однако фронтальное исследование всей животноводческой лексики башкирского языка как в плане терминологии, так и в плане историческом и этнографическом отсутствовало. Законченная работа, блестяще оформленная автором в виде монографии, была опубликована только в 2000 г. [13].

Монография состоит из введения, в котором автор дает исторические сведения по скотоводческому хозяйству башкирского народа, и семи разделов: названия домашних животных; масть и отметина; болезни животных; предметы и изделия, изготовленные из животного сырья; продукты животноводства; названия помещений и мест стоянок домашних животных; номинация животноводческой лексики.

В приложении исследователем дан краткий словарь наиболее употребительных терминов животноводческой лексики. В разделе “Названия домашних животных” Надергулов У.Ф. подверг анализу все существующие в литературном языке и его диалектах названия лошадей, коров, верблюдов, овец и свиней, дал этимологическую информацию. Автор отметил, что не все домашние животные играли одинаковую роль в жизни народа. Наиболее приоритетными домашними животными у башкир считались лошади и овцы, что нашло отражение в развитой системы терминов коневодства и овцеводства по сравнению с другими. Урал Файзулинович отметил, что такие изменения в приоритетах возникли в последнее историческое время. Издревле башкиры активно занимались разведением и других видов животных, в частности, верблюдоводством. Он отмечает, что башкирам были известны как двугорбые, так и одnogорбые верблюды, различались и отдельные их породы. Так двугорбые верблюды назывались *дөйә*, а метисы от двухгорбого и одnogорбого – *капсак*. Для обозначения одnogорбого употреблялось слово *нар*, а для одного из его пород – *гелүк* (горб которого состоял из хряща) [13: с.39].

Большой интерес с сегодняшней точки зрения, когда пробуждается интерес к этнической диете, развивается туризм, представляет раздел монографии посвященный продуктам питания животного происхождения. Уралом Файзулиновичем собрана богатая лексика и предпринята попытка восстановления рецептов изготовления национальных блюд. Так, автор приводит такие названия блюд, которые должны заинтересовать ресторанов: *карпыу* (вид бишбармака), *казыял* (гривенное казы; сало), *оса майы* (курдючное сало), *уркәс майы* (верблюжье сало), *һебә* (баранье мясо на ребрышке), *күбек майы* (пенковое масло), *һөзмә* (сырковая масса, приготовленная из необезжиренного катыка и смешанная со сливками и сахаром), *кур* (вид катыка), *сей катык* (простокваша) и др.

Неутомимые исследователи живой речи башкирского народа XX в. навсегда оставили память о себе своими трудами, к которым сегодняшнее поколение ученых обращается с большой благодарностью. Среди них олимпом возвышается коллективный труд диалектологов “Диалектологический атлас башкирского языка”, который к большому сожалению, как и многие другие труды увидел свет уже после них [14]. Урал Файзуллин был не только одним из составителей этого титанического труда, но и являлся в последние годы жизни ответственным исполнителем темы.

В последней своей экспедиционной поездке Надергулов У.Ф. простудился и тяжело заболел, но продолжал собирать материал, поскольку в те годы с экспедициями было вообще туго. Помню, как Урал Файзуллин, вернувшись из командировки, не ушел на больничный, с температурой систематизировал и писал свой завершающий отчет...

Память о нем как о человеке, для которого диалектология была не только работой, но и целью всей жизни, не может быть забытой.

Литература

1. Словарь говоров башкирского языка. Том III. Западный диалект / Отв. ред. Максютова Н. Х. – Уфа, 1987. – 231 с.
2. Надергулов У. Ф. Языковые особенности башкир Саратовской и Куйбышевской областей: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1991. – 28 с.
3. Надергулов У. Ф. Иргизо-камениские башкиры. – Уфа: Китап, 1996. – 128 с.
4. Надергулов У. Ф. Учет особенностей местного говора на уроках башкирского языка // Учитель Башкирии. – Уфа, 1983. – № 3. – С. 16-18.
5. Надергулов У. Ф. Изучение звуков *с, ҫ, з, ҙ, һ* на уроках башкирского языка // Учитель Башкирии. – 1986. – № 6. – С. 39-40.
6. Надергулов У. Ф. Башкирско-чувашские языковые параллели // Сборник тезисов докладов и сообщений научной сессии, посвященной 100-летию со дня рождения В. Г. Егорова. – Чебоксары, 1982. – С. 224-227.
7. Надергулов У. Ф. Башкирско-казахские контакты // Советская тюркология. – 1986. – № 3. – С. 14-17.
8. Надергулов У. Ф. К вопросу о башкирско-венгерских языковых контактах // Восток: прошлое и будущее народов. IV Всесоюзная конференция востоковедов. – М., 1991. – С. 265-268.
9. Надергулов У. Ф. Происхождение гидронима Иргиз // Ономастика Поволжья: Тезисы конференции. – Волгоград, 1989.
10. Надергулов У. Ф. Башкирские топонимы бассейна реки Большой Иргиз // Ономастика Поволжья. – 1976, вып. 4.
11. Надергулов У. Ф. О гидрониме “Соран”, правом притока Самары // Советская тюркология. – 1984. – № 2.
12. Ишбердин Э. Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. – М.: Наука, 1986. – 151 с.
13. Надергулов У. Ф. Животноводческая лексика башкир. – Уфа: Гилем, 2000. – 186 с.
14. Диалектологический атлас башкирского языка. – Уфа, 2005. – 234 с.

**ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА ТУРКМЕН,
КОМПАКТНО ПРОЖИВАЮЩИХ ВНЕ СОВРЕМЕННОГО
ТУРКМЕНИСТАНА (В РОССИИ И ДРУГИХ СТРАНАХ МИРА)**

В статье рассматриваются некоторые вопросы истории изучения диалектов туркменского языка в прошлом веке, хотя первые научные сведения в этой области знаний содержатся в знаменитом словаре Махмуда Кашгарского (XI век) и пособиях, составленных в Мамлюкском Египте и сопредельных странах. Выявляются ранее неизвестные работы С.В. Фарфоровского, посвященные туркменам Ставрополя. Статья содержит сведения также о трудах Х. Машакова, Дж. Амансариева, С. Аразкулиева, С. Куренова, Н. Нартыева. В конце для иллюстрации приводятся соответствующие фотографии.

Ключевые слова: диалекты и говоры, сбор материалов, исследование, книги, статьи.

In the article some questions of history of studying dialects of the Turkmen language in the last century are discussed though the first scientific data in this field of knowledge feature in the well-known dictionary of Mahmud Kashgarsky (XI century) and in books published in the Mamluk Egypt and the adjacent countries. S. V. Farforovsky's earlier unknown works devoted to Turkmens of the Stavropol area come to light. The article also contains data on works of H. Mashakov, J. Amansariyev, S. Arazkuliyeu, S. Kurenov, N. Nartiyev. At the end of the article corresponding photos are presented.

Keywords: dialects and subdialects, gathering materials, research, books, articles.

Из-за последствий ряда исторических причин и событий (в разные эпохи туркмены создали и правили государствами, территории которых охватили обширные территории и на востоке, и на западе, и др.), происходивших, начиная с древних времен и заканчивая поздним Средневековьем, многочисленные этнические части некогда единых огузов-туркмен, состоявших из 24-х больших племен, оторвались от своей основной массы и осваивали новые земли для постоянного проживания. Поэтому чем глубже в истории происходили эти события, тем больше был отрыв от диалектов и говоров основной массы туркмен язык тех их этнических частей, которые оставались далеко за пределами современного Туркменистана. Об этом красноречиво свидетельствует сравнение диалектов и говоров туркмен сопредельных стран, с языком туркмен, которые являются гражданами сравнительно далеких стран. Отдельные из них в настоящее время считаются даже самостоятельными языками (напр., язык саларов / салыров, проживающих в КНР) или диалектами другого родственного тюркского языка (напр., язык иракских туркмен, огузские (хорезмские) диалекты узбекского языка, джушский говор узбекского языка – язык нуратинских туркмен).

Первые научные сведения о языке огузо-туркменских племен содержит замечательный словарь тюрколога-диалектолога XI века Махмуда Кашгарского, хотя сведения об этнических подразделениях огузов-правителей Гёктюрского государства можем находить в больших письменных памятниках, высеченных на камнях еще в VIII веке. На основе ценных языковых материалов выполнен четырехязычный словарь «Мукеддимет эл-Эдеб» Махмуда Замахшари (XII век) – одного из великих туркмен-хорезмийцев. О языковых особенностях туркмен-огузов и туркмен-кыпчаков рассказывают многочисленные, в основном, анонимные пособия, составленные в период, а также до и после правления с Египтом тюрков-мамлюков.

Одним из первых европейских ученых, которые ознакомились с живой туркменской речью непосредственно на местах проживания самих носителей, был венгерский ученый еврейского происхождения Арминий Вамбери, осуществивший в 1863 году свое рискованное путешествие по туркменским землям, начиная с туркмен Ирана и заканчивая туркменами Афганистана. После присоединения большей части территории современного Туркменистана (Закаспийская область) в состав Российской империи в начале восьмидесятых годов XIX века появились на русском языке первые пособия для изучения туркменского языка и переводные словари (П.П. Шимкевич, И.А. Беляев, М.С. Агабеков и

др.). Первым из русских ученых, специально изучившим один из центральных туркменских диалектов, был А.Н. Самойлович (будущий академик АН СССР), выполнивший дипломную работу по текинскому диалекту и защитивший ее в 1903 году в Петербургском университете на золотую медаль.

Вслед за работой А.А. Володина, с легкой руки которого закрепился за туркменами Ставрополя искаженный этноним *трухмены* (*трухменцы*), ценные сведения о них находим также в следующих ранних трудах С. В. Фарфоровского (30.06.1878–18.01.1938) – одного из безвинных жертв периода сталинизма:

Народно-юридические обычаи туркмен Ставропольской губ.: Этногр. очерк 1909 г. / С. Фарфоровский. — Ставрополь-Кавк.: электропеч. Вайнблат, [1910]. — 23 с. — (Труды Ставропольской ученой архивной комиссии; Вып. 2. 1910).

Трухмены (туркмены) Ставропольской губернии / С. В. Фарфоровский. — Казань: типо-лит. Имп. Ун-та, 1911. — 42 с. Отг. из т. 27 «Изв. О-ва археологии, истории и этнографии» за 1911 г.

Из фольклора туркмен Северного Кавказа / [С. В. Фарфоровский]. — Ростов-на-Дону: тип. Ф. А. Закройцева, 1914. — 5 с. Авт. указан в конце текста. — Отг. из т. 2 «Зап. Рост. н/Д О-ва истории, древностей и природы». — Без тит. л. и обл.

Уже в советское время материалы по этой теме были обобщены в кандидатской диссертации С. Куренова «Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополя)», защищенной им в 1959 году. Не существует специальной работы о языке туркмен Ставропольского края Российской Федерации, хотя их говор составляет некую общность с туркменским говором Ставрополя и човдурским диалектом туркменского языка, изучению которого была посвящена кандидатская диссертация Х.А. Машакова (1949 г.), первая работа подобного рода в истории туркменской диалектологии.

Турмены соседнего Узбекистана (Каракалпакии) в языковом отношении исследованы в кандидатской диссертации С. Аразкулыева «Говоры туркмен Турткульского района Каракалпакской АССР», официальная защита которой состоялась в 1962 году. Статьи Акбиби Юсуповой посвящены языковым особенностям туркмен, проживающих на Юго-Востоке Узбекистана (Термез), в речи которых встречаются факты, идентичные с говорами туркмен Таджикистана, а также Севера Афганистана. В настоящее время Акгёзель Гурбангелдиева под нашим научным руководством продолжает заниматься изучением письменного языка афганских туркмен на материале газеты «Гёреш» («Борьба»), которая издается в Афганистане вот уже в течение нескольких десятилетий. Другой наш аспирант Какагелди Халджанов исследует вопросы взаимодействия родственных языков и диалектов на примере языка иракских туркмен, хотя срок его обучения в аспирантуре уже закончился, а вуз к кафедре которого он был прикреплен, в настоящее время расформирован и на его базе создано инженерно-технологическое учебное заведение. Надеемся, что эти исследования в будущем будут доведены до логического конца.

Отметим еще и то, что вопреки утверждениям азербайджанских лингвистов, язык туркмен Ирака описывается местными деятелями культуры (Абдуллатиф Бендероглу и др.) в качестве самостоятельного тюркского языка огузской группы. Такой же статус самостоятельного языка получила разговорная речь саларов / салыров – язык этнических туркмен Китая в работах Э.Р. Тенишева. Это в какой-то степени напоминает обратную тенденцию в сравнении с начальным этапом истории возникновения и развития русской и западной тюркологии, когда многие исследователи в этой области знаний почти все диалекты и языки тюркских народов считали разновидностями одного единого языка. Так, например, П.П. Шимкевич в своем практическом пособии, изданном дважды в 1892 и 1899 гг., для обозначения туркменского языка использовал термин «наречие».

Отдельные языковые особенности туркмен Зарубежья, наряду с фактами других туркменских диалектов и говоров, нашли свое отражение и обобщение в учебнике «Туркменская диалектология» Дж. Амансарыева (1970 г.), «Очерке диалектов туркменского языка» (1970 г.) коллектива авторов, «Основах туркменской

диалектологии» Н. Нартыева (1995) и в некоторых других обобщающих трудах в данной области туркменского языкознания.

После приобретения Туркменистаном в 1991 году государственной независимости и в результате создания в Ашхабаде Гуманитарной ассоциации туркмен мира почти во всех странах, где компактно проживают туркменские диаспоры, функционируют многочисленные культурные центры и они распространяют необходимую информацию о вехах экономического и социального развития их исторической Родины – нейтрального Туркменистана. Для туркмен мира стало особенно примечательным то, что Генеральная Ассамблея ООН 2 февраля 2017 года приняла решение об объявлении 12 декабря ежегодным всемирным Днем нейтралитета, ибо в тот день, в 1995 году была принята специальная резолюция ООН под названием «Постоянный нейтралитет Туркменистана»

Приложение

Фотографии, в которых запечатлены яркие этнографические моменты из современной жизни туркмен Зарубежья (по материалам Интернета)



Туркмены Ставропольского края РФ



Туркмены Астраханской области РФ



Туркмены Таджикистана



Туркмены Ирана



Туркмены Ирака



Туркмены Китая (Салары/Салыры)

НАЗВАНИЯ ВИДОВ НОЖЕЙ И ИХ СОСТАВНЫХ ЧАСТЕЙ В ЯЗЫКЕ НЫМЫЛАНОВ-АЛЮТОРЦЕВ

В статье проведен анализ семантической структуры наименований видов ножей и их составных частей в языке коренных жителей Камчатки – алюторских коряков. Вследствие широкого применения ножа в разных сферах жизнедеятельности, названия его видов имеют сложную систему организации в рамках лексики охоты, что лишний раз подчеркивает его важную роль и особое отношение в мировоззрении алюторских коряков. Описываемые в статье лексические единицы представляют собой большей частью инкорпоративные комплексы, практически не фиксируемые в словарях, в которых указываются лишь наиболее частотные единицы. Названия видов ножей и их составных частей сопровождаются контекстами, а также общей таблицей, отражающей иерархическую структуру организации родо-видовой и партитивной групп.

Ключевые слова: лексика охоты, названия видов ножей, язык алюторских коряков, родо-видовая группа, партитивная группа, диалектология, этнолингвистика.

NAMES OF KINDS OF KNIVES AND THEIR PARTS IN THE LANGUAGE OF THE ALUTOR KORYAKS. *The article presents an analysis of semantic structure of the names of knives and their parts in the language of one of the indigenous inhabitants of Kamchatka, i.e. the Alutor Koryaks. Due to the wide use of the knife in different spheres of life activity, the names of different kinds of knives have complex system of organization within the lexicon of hunting, which once again emphasizes its important role and special attitude in the world outlook of the Alutor Koryaks. Lexical units described in the article are represented mostly by incorporative complexes, which are not usually recorded in dictionaries, where only the most frequent ones are indicated. The names of knives and their parts are accompanied by contexts, as well as by the general table that reflects the hierarchical organization of hypero-hyponymic and partitive groups.*

Keywords: hunting lexicon, names of knives, the language of the Alutor Koryaks, hypero-hyponymic group, partitive group, dialectology, ethnolinguistics.

Основным из предметов быта человека во всех видах его деятельности с древних времен является нож. В связи с его основным предназначением в качестве предмета для разрезания чего-либо, его можно отнести к предметам, применяемым во время охоты, а также военных действий. Однако для последнего случая коренные жители Камчатки по большей части пользовались другими видами оружия, поэтому в нашей работе мы относим нож к лексике охоты – одной из древнейших и основополагающих видов деятельности человека.

О роли ножа в жизни коренных жителей Камчатки писали многие исследователи. Стебницкий С.Н. в своих наблюдениях отмечал, что ножи, сделанные паренскими кузнецами, считались у коряков лучшими, чем какие бы то ни было привозные американские или русские, объясняя тем, что по форме, по массивности и прочности паренский нож очень удобен для всевозможных надобностей охотника и любого жителя тундры. Это простой прямой нож с острым концом. Он имеет вид кинжала и по форме напоминает финский нож: он довольно толстый, на лезвие накована полоса стали. Ручка сравнительно короткая, деревянная или костяная. Длина ножа вместе с ручкой в среднем 30 см, длина лезвия 17-18 см. Ножны деревянные, составленные из двух пластинок, скрепленных проволокой или ремнями.

Нож такого типа носит на поясе буквально каждый коряк. Шести-семилетний мальчик уже имеет у себя на поясе такой нож. Нож необходим в дороге (чтобы настрогать веток и развести огонь, сделать необходимую починку нарты, лыж) и тундровому, и морскому охотнику (чтобы освежевать зверя), и оленеводу (чтобы заколоть и освежевать оленя). Каждому коряку по многу раз в день приходится употреблять свой нож. Мясо едят тоже с помощью ножа. По всему Северу распространен такой способ: большой кусок мяса берут руками, затем, откусив часть его зубами, от целого куска отрезают маленькие

кусочки, проводя ножом мимо самого кончика носа, снизу вверх, для чего нужна известная сноровка [Стебницкий 2000, 141 – 142].

Вследствие его широкого применения в разных сферах названия видов ножей имеют сложную систему организации в рамках лексики охоты, что лишний раз подчеркивает его важную роль и особое отношение в мировоззрении коренных жителей Камчатки.

В данной статье мы рассмотрим семантическую структуру названий видов ножей и их составных частей в языке нымыланов-алюторцев ((полу)оседлой группы коряков). Описанию данной группы лексики посвящены различные работы на материалах различных языков: хакасского [Боргояков 2001], финно-угорских языков [Норманская 2013], на материалах русских говоров Прикамья [Подюков 2014]. Однако специальные исследования на основе якутского диалекта еще не проводились, чем и объясняется актуальность выбранной темы. Актуальность данной темы обусловлена еще и тем фактом, что носители языка быстро забывают различные мелкие детали той или иной сферы деятельности. Носители языка большей частью уже пожилые люди, которые так же быстро уходят из жизни, а молодое поколение практически не перенимает языковой и культурный опыт своего народа. Объектом настоящего исследования является лексика охоты в языке якутских коряков, в состав которой входит родо-видовая группа (далее РВГ) «Названия видов ножей», а также партитивная группа (далее ПГ) «Названия составных частей ножа». Предмет исследования представляют простые, инкорпоративные лексические единицы, обозначающие наименования упряжи. Целью данной работы является описание названий составных частей ножа и его разновидностей и выявление структуры организации описываемой группы лексики. Материалами послужили полевые записи, произведенные автором во время экспедиций в такие села Камчатского края, как Тиличики (далее Тлч), Вывенка (далее Ввн), Хаилино (далее Хлн), а также г. Петропавловск-Камчатский (далее П-К) в период с 2009 по 2016 гг. Методом сплошной выборки были изучены и лексикографические источники [Жукова 2003; Жукова 2007; Жукова 1980; Кибрик 2000; Нагаяма 2003]. Знаком : приводятся варианты наименования, через знак = обозначаются синонимы, посредством знака / передаются антонимы.

Следует отметить, что якутский относится к языкам агглютинативного типа, характеризующийся соединением основ нескольких слов в одно сложное. В словарях, как правило, отмечаются лишь часто употребляющиеся случаи сложных составных слов, но не фиксируются другие варианты. В данной статье мы также опишем лексемы, не отмеченные в лексикографических источниках.

Родовым словом РВГ «Названия видов ножей» является лексема *в'ала* – нож [Кибрик 2000, 422]. *Wála – нош. Ёта нóжык, а варóна – wállə, два эл. Џитаҕ wáлат – два нажá (форма дв.ч.), авысыка waláwwи – мнóга нажэй* [Тлч]. *Wála – ёта нош. Он вапцё для фсивó был* [Ввн]. В языке нымыланов-алюторцев данное слово входит в состав большинства видовых лексем. Отношения внутри таких инкорпоративных лексем могут быть разными, чаще всего это отношения атрибутивного характера. В связи с тем, что нож широко используется в быту, дифференциальными признаками (далее ДП) данной РВГ можно выделить следующие:

- 1) «Качественный признак ножа»;
- 2) «Предназначение ножа»;
- 3) «Место расположения ножа».

Исходя из вышеуказанных ДП, видовые лексемы, соответствующим образом объединяются в семантически более мелкие подгруппы, которые представлены следующим образом:

- 1) Ъэв'аль : ѡэв'алья : ѡэв'алыпиль (ѡэ- префикс со значением «маленький, небольшой», в'ала – нож, -пиль – суффикс со значением «маленький, небольшой») – маленький нож.

В'ал'яняжу (в'ала – нож, -няжу – суффикс со значением «большой») – большой нож [Кибрик 2000, 422] (*ант. кэв'аль*). ... большой нож с ножнами, называемый «большим ножом», «ножом на перевязи», или «ременным ножом, или «ножом, который носят на себе». Его носят, как саблю, в кожаных ножнах на ремне через плечо. Этот нож еще недавно служил боевым оружием как короткая сабля, заменив боевой костяной нож, который делали из ребер лося или дикого оленя. Ножны делаются из нерпичьей кожи, очень грубо сшитой жилами. Короткая рукоятка – из китовой кости... Предназначаются они главным образом для оленных коряков. Теперь ими колют дрова, режут мороженое мясо и рубят кости [Иохельсон 1997, 135].

Мёныв'ал : мёныв'ала (мёны- суффикс со значением «большой», в'ала – нож) – большой нож [Кибрик 2000, 422] (*син. в'ал'яняжу*). *Бал'шыи нажы, как сабли были. У Питр'овича тол'ка, он ран'шы делал бал'шыи нажы, спиц'ал'на штобы вот где густое, кач'уиши там, густой лес, и вот там, штоп тап'ор с сабой ни брат', вот такой ножык, штоп праруб'ат', штобы ал'ени прахад'или с в'юками или лошади там – мёнывал, или проста бал'шой нош* [Ввн].

Йрвыв'ал : йрвыв'ала (н'рвыж'ин – острый, в'ала – нож) – хорошо заточенный нож, острый нож. *Н'рвыж'ин, йрвывал – острый нош* [П-К].

Авыльжыв'ал : авыльжыв'ала (авыльжы – затупленный, в'ала – нож) – тупой нож (*ант. йрвыв'ал*). *Авыльжывал – эта тупой нош. А вот кат'орый з зазубринами, как жы зазубрины у нас?.. Ванс'ылжывал – эта з зазубринами, ат сл'ова ванс'ылжу – зазубрины* [Ввн].

В'анс'ылжыв'ал (в'анс'ылжы – зазубрины, в'ала – нож) – нож с зазубринами (*син. авыльжыв'ал*)

2) Г'ытт'ув'ал (г'ыттук – разделять рыбу, в'ала – нож) – нож для разделки рыбы. *'Ытт'увал – разд'елачный нош. Есть спиц'ал'на для ры'бы. А ин'алван'уатвал, эта ин'алван'уатык – эта разд'елыват', нап'рим'ер, н'ерпу или што там, ал'еня разд'елыват' ин'алван'уатык, ин'аван'уатык, ну, жы'вотных разд'елыват'. А 'ытт'увал эта ры'бу разд'елыват'* [Ввн].

В отношении ножа для разделывания рыбы следует упомянуть работу этнографа В. Иохельсона, где при описании культуры и быта коряков отмечает, что сельдь режется всегда только древним костяным ножом. Такой нож сделан из челюсти белухи. Вся другая рыба режется современными железными ножами. Может быть, это следует приписать удобству костяного ножа, который подобным же образом все еще употребляется эскимосами острова Ванкувер, или, может быть, это запрет, указывающий на то, что в прежнее время сельдь играла более важную роль в пище коряков, чем теперь. Относительно других видов рыбы существует запрет, заключающийся в том, что ее нельзя резать поперек, а только вдоль [Иохельсон 1997, 110]. К сожалению, из опрошенных информантов никто не смог вспомнить название такого ножа.

Алв'атв'ал : ин'алван'уатв'ал (алв'атык : ин'алван'уатык – разделять тушу, в'ала – нож) – нож для разделки туши животного (*син. г'ытт'ув'ал*).

П'акул – женский нож для кройки шкур [Нагаяма 2003, 280]. *П'акул – эта шырокий такой нош, шкурный. Эта ж'энский, рукад'ел'ный, эта шкур'ы там, чиж'ы крайт', крайл'ный нош п'акул* [Ввн]. Описание такого вида ножа мы можем найти в работе В. Иохельсона «Коряки». Женский нож серповидной формы представляет собой имитацию древнего плоского шиферного ножа. У женского ножа нет ножен. Его держат в рабочем мешке вместе с обрезками шкур. Им режут шкуры и мех для одежды... Корячки редко употребляют ножницы. Ножом же режут привозное сукно для верхних кухлянок и коленкор для рубашек. Коряки не делают ножниц. Большие ножницы, показанные Богоразом, – это работа якутских или амурских кузнецов [Иохельсон 1997, 136]. Данная лексема претендует на роль родового, поскольку объединяет ряд ножей, которыми могут пользоваться только женщины. Это следующие лексем:

инўллытпакул (инўллыт – кроить, пакул – женский нож для кройки) – одни из видов женского кроильного ножа (син. пакул);

кили́свив’ал (кылкыл – пупок, свйккы/свйткук – отрезать, в’ала – нож) – маленький нож для отрезания пуповины. *Анй абыцна этим килысвивал пиририза́ли пунавины, жэ́нщины, он та́ко́й ма́лин’кий* [П-К].

Ойив’ал (ойик – есть, кушать, в’ала – нож) – столовый нож, используемый непосредственно во время приема пищи для нарезания продуктов. *Ойивал для е́ды. У ка́ждава сво́й нош жы был, и с ним мо́жна и паку́шат’, и па́страга́т’ еду́* [Тлч].

Маслу́в’ал (маслук – употреблять масло в пищу, в’ала – нож) – нож, применяемый для намазывания масла (син. ойив’ал).

Таминьны́в’ал (таминьнык – заниматься резьбой по дереву, в’ала – нож) – нож для работы по дереву. *Таминьнывал – э́та сталя́рный нош, вот страга́т’ там што́-нибу́т’ де́лат’.* *Па фо́рме, па разме́ру анй различа́лис’* [Ввн]. ... нож с длинной ручкой, употребляемый специально для резьбы по кости или дереву. Этот нож называется также поясным ножом и носится в чехле у пояса... прямой нож (tami’nu-wal – «рабочий нож») и кривой нож (кейи-wal – «изогнутый нож») для резьбы по кости и дереву и выделения ложек, черпаков, тарелок и блюд [Иохельсон 1997, 136].

Гатга́ткув’ал (гатга́ткук – тисать, в’ала – нож) – нож для работы по дереву (син. таминьны́в’ал). *Ест’ уатуга́ткувал – э́та вот што́п страга́т’, ну, э́та ни страга́т’, а тиса́т’, проста́ мо́жна тиса́т’ тапа́ром, а э́та вот тижо́лый нош, уатуга́ткувал.* *Уатуга́ткук – э́та вот што́-нибу́т’ кушаиш, наприме́р, тажа́таж, тык-тык-тык-тык-тык* [Хлн].

Пари́в’ал (па́рик – стричь, в’ала – нож) – ножницы [Нагаяма 2003, 281].

В’аңжу́в’ал (в’аңжук – кусать, отрывать, в’ала – нож) – ножницы [Нагаяма 2003, 308] (син. пари́в’ал). *Ваңжу́вал – э́та но́жницы* [Хлн].

В’агу́в’ал (в’агув’и – ногти, в’ала – нож) – нож для стрижки ногтей, волос (син. в’аңжу́в’ал). *Вагу́вал – э́та но́кти сриза́т’ но́жык. Ра́н’шы та нажо́м но́кти стри́гли. И го́лаву бри́ли нажо́м* [Тлч].

Ры́нни́ов’аль (ры́ннук – делать отверстия, в’ала – нож) – нож для изготовления отверстий.

Г’инни́опв’ал (г’инни́оп – шея, в’ала – нож) – складной нож [Нагаяма 2003, 271]. *Г’инни́опвал’ – э́та пира́чынный нош, та́ко́й ма́лин’кий но́жык* [Ввн].

Тумка́выв’ал (тумка́вык – хоронить, в’ала – нож) – погребальный нож. *Тумка́вывал – э́та паха́ронный нош* [Тлч].

3) Ыпы́сқы́в’ал : ыпы́сқы́в’ала (ыпы́сқы́н – бедро, в’ала – нож) – большой нож, сабля. Другой нож такого же типа, но несколько длиннее (около 45 см длины с ручкой), называется бедренным ножом, потому что его носят не на поясе, а привязывают у правого бедра под кухлянкой, так что его легко вытащить правой рукой. Им сдирают шкуры с животных, срезают траву и толстой стороной разбивают ножные кости животных, чтобы доставать из них мозг [Иохельсон 1997, 135].

Тле́выв’ал (тле́вык – гулять, в’ала – нож) – нож, который всегда находится при себе (син. риты́лңыв’ал). *Тле́вывал вот като́рый с сабо́й фсе́ вре́мя, гуля́щий нош. Э́та нош, като́рый фсе́ вре́мя с сабо́й таска́ют, тле́вывал* [Тлч].

Риты́лңыв’ал (риты́лңын – пояс, ремень, в’ала – нож) – рабочий нож, расположенный на поясе, ремне (син. тле́выв’ал). *Риты́лңывал – э́та нош, като́рый на римне́* [Хлн].

В’аггы́лв’ал (в’аггы́л – ?, в’ала – нож) – большой нож, который носят через плечо.

Пурты́лг’ыв’ал : пурты́г’ыв’ала (Пуртын – название села Парень, пурты́лг’ын – житель села Парень, в’ала – нож) – пареньский нож [Нагаяма 2003, 307]. *Паре́н’скии э́та ужэ́ пурты́ывал, пурты́ывал* [Хлн].

Следующие лексемы образуют ПГ «Названия составных частей ножа», где холонимом для данной группы, обобщающим понятие «целого», является слово *в’ала* –

нож, а партонимы, передающие значение «части» описываемого «целого» представлены следующим образом.

В'алалҗыл (в'ала – нож, -лҗыл – суффикс со значением «материал, из которого что-то сделано») – материал, из которого сделано лезвие ножа [Нагаяма 2003, 307].

Уҗуҗыгын – рукоятка ножа.

В'ивал = в'аланун – лезвие ножа.

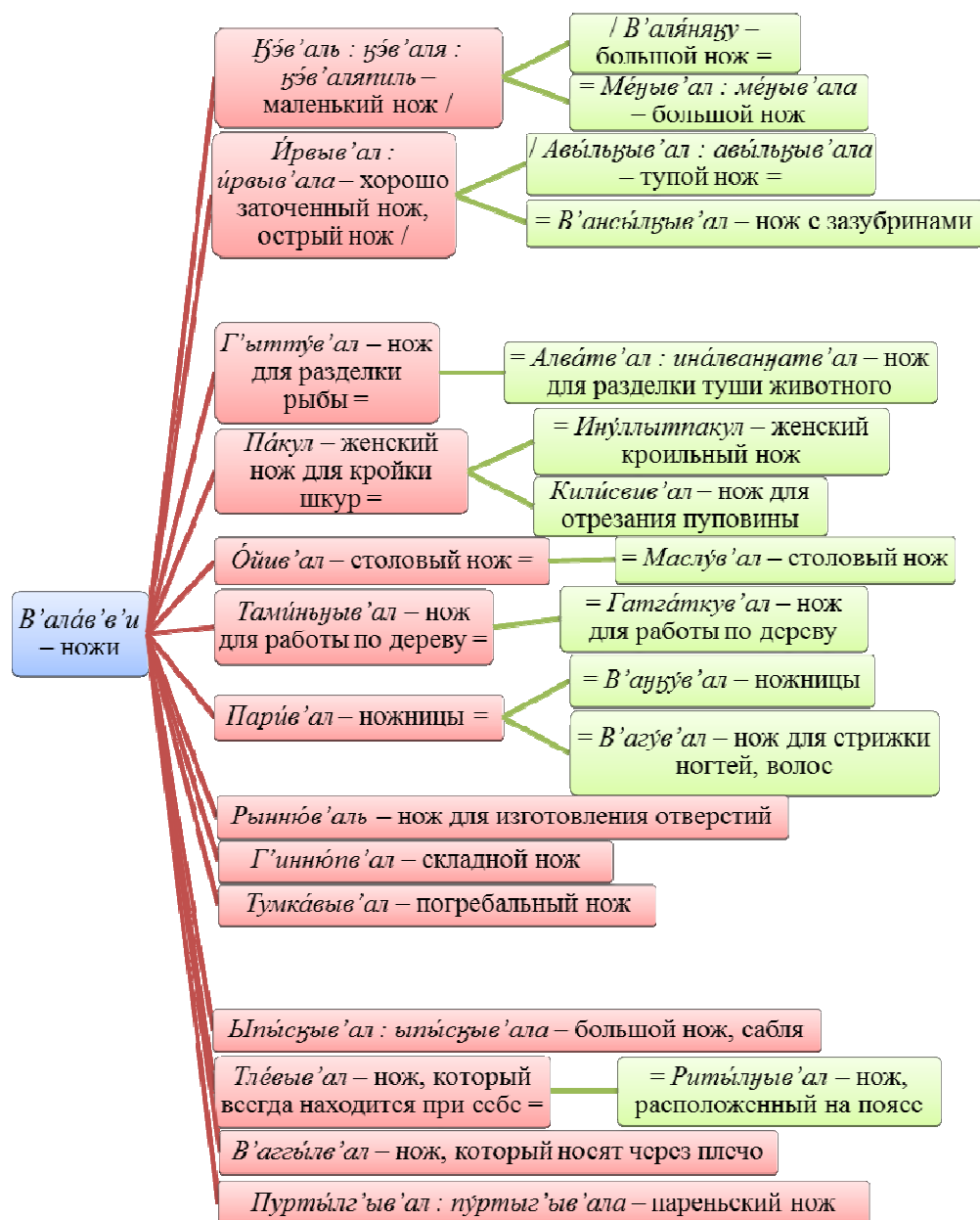
Г'инькүткын – кончик ножа. *‘Ин ‘күткын – эта кончик нажса. Патом таҗатаҗ – эта верхняя часть нажса, обух* [П-К].

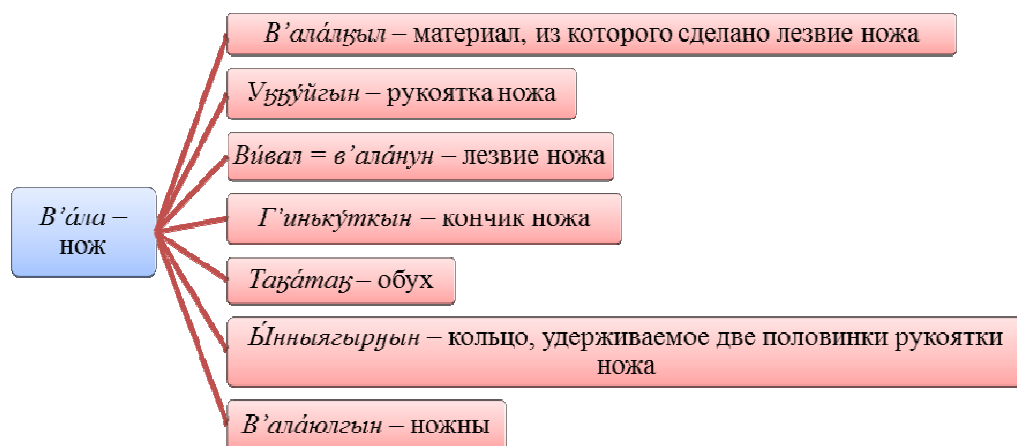
Таҗатаҗ – спина у рыбы [Кибрик 2000, 391]; толстая сторона лезвия ножа, не острая сторона ножа, обух (дополнительное значение не отмечено в словарях).

Ынныгырнын – кольцо, удерживаемое две половинки рукоятки ножа [Нагаяма 2003, 271].

В'алаюлгын (в'ала – нож, -юлгын – суффикс со значением «вместилище для чего-либо») – ножны [Кибрик 2000, 422]. *Ножны – эта валаюлуын* [Ввн].

Ниже приводим схемы РВГ «Названия видов ножей» и ПГ «Названия составных частей ножа» в языке нымыланов-алюторцев.





Таким образом, после проведенного анализа 44 лексем, входящих в состав РВГ «Названия видов ножей» и ПГ «Названия составных частей ножа», мы отметили, что 31 (70,5%) из них являются новыми, ранее не отмеченными ни в одном из лексикографических источников, словами. У 1 слова (2,3%) была уточнена семантика, не отмеченная в словарях. Следует отметить, что подобная сложная и развитая семантическая структура для названий ножей и его составных частей, отраженных в языке, говорит об особой и важной роли данного предмета в жизни нымыланов-алюторцев. Данная РВГ имеет гиперо-гипонимическую структуру организации, внутри которой прослеживаются отношения *вариантности* (қэв'аль : қэв'алья : қэв'альяпиль – маленький нож; меңыв'ал : меңыв'ала – большой нож; ырвыв'ал : ырвыв'ала – хорошо заточенный нож, острый нож; авыльқыыв'ал : авыльқыыв'ала – тупой нож; ыпысқыыв'ал : ыпысқыыв'ала – большой нож, сабля), *синонимии* (в'алыняжу = меңыв'ал : меңыв'ала – большой нож; авыльқыыв'ал : авыльқыыв'ала (тупой нож) = в'ансылқыыв'ал (нож с зазубринами); пакул = ину́ллытпакул – женский кроильный нож; тамыньныыв'ал = гатгаткув'ал – нож для работы по дереву; ойив'ал = маслу́в'ал – столовый нож; парив'ал = в'аңкув'ал = в'агу́в'ал – ножницы; тлёвыв'ал = риты́лныыв'ал – рабочий нож, расположенный на поясе, ремне), а также *антонимии* (қэв'аль : қэв'алья : қэв'альяпиль – маленький нож / в'алыняжу = меңыв'ал : меңыв'ала – большой нож; ырвыв'ал : ырвыв'ала – острый нож / авыльқыыв'ал : авыльқыыв'ала (тупой нож) = в'ансылқыыв'ал (нож с зазубринами), что является одним из доказательств ее системности.

Литература

1. Боргояков В. А. Лексика охоты и рыболовства в диалектах хакасского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. – Москва, 2001. – 251 с.
2. Жукова А. Н. Словарь корякско-русский и русско-корякский: Около 4000 слов. – 3-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2003. – 239 с.
3. Жукова А. Н. Тематический словарь корякского языка: Учеб. пособие для уч-ся ср. шк. Крайнего Севера. – СПб.: «Дрофа» Санкт-Петербург, 2007. – 87 с.
4. Жукова А. Н. Язык паланских коряков. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. – 288 с.
5. Иохельсон В. И. Коряки. Материальная культура и социальная организация (перевод с английского). / Отв. ред. Ч. М. Таксами. РАН. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб: Наука, 1997. – 238 с.
6. Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А. Язык и фольклор алюторцев. – М.: Наследие, 2000. – 468 с.
7. Нагаяма Ю. Очерк грамматики алюторского языка / Предисловие Т. Цумагари. – Киото: Nakanishi Printing Co., Ltd., 2003. – 314 с.
8. Норманская Ю. В. Реконструкция названий прафинно-угорского комплекса вооружения и его изменения в современных финно-угорских языках. // Ежегодник финно-угорских исследований. – Вып. 1. – 2013. – С. 19-46.

9. Подюков И. А. Традиционная охотничья культура Прикамья по языковым данным // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. – Вып. 1. – 2014. – С. 49-59.

10. Стебницкий С. Н. Очерки этнографии коряков. – СПб.: Наука, 2000. – 236 с.

УДК 811.512.141:81'282

Р. Ә. Сәләймәнова, Өфө к.

ҒАЛИМӘ ҺӘМ ЙӘМӘҒӘТ ЭШМӘКӘРӘ

(Т. Х. Кусимованың тыуыуына 90 йыл тулыуға карата)

УЧЕНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ (к 90-летию со дня рождения Т. Х. Кусимовой). В данной статье дается краткий обзор жизненного пути и научной деятельности ученого-языковеда Т. Х. Кусимовой, оценивается роль и значимость ее основного труда «Башкирские имена».

Ключевые слова: башкирский язык, Т. Х. Кусимова, ономастика, башкирская антропонимика, личные имена.

SCHOLAR AND PUBLIC FIGURE (The 90th birth anniversary of T. Kh. Kusimova). This article gives a brief overview of the life and scientific activities of the scholar-linguist T. Kh. Kusimova, evaluates the role and significance of her principal work The Bashkir names.

Keywords: Bashkir language, T. Kh. Kasimova, onomastics, Bashkir onomastics, personal names.

Филология фәндәре кандидаты, Башкортостандың атказанған мәзәниәт хезмәткәре Таңһылыу Хажим кызы Кусимова 1927 йылдың 30 ғинуарында Әбйәлил районының Аскар ауылында тыуған. Мәктәпте тамамлағас, Стәрлетамак дәүләт уҡытыусылар институтына уҡырға инә. Институтты тамамлап, кулына диплом алғас, Юлдыбай ауылына эшкә ебәрелә. Артабан уҡыу теләге уны Тимирязев исемендәге Башкорт дәүләт педагогия институтына (хәҙер Башкорт дәүләт университеты) алып килә. Уны тамамлағас, аспирантураға уҡырға инә.

Хезмәт юлын СССР Фәндәр академияһы Урал бүлексәһе Башкортостан ғилми үзәгенә Тарих, тел һәм әҙәбиәт институтында кесе ғилми хезмәткәр булып башлай.

Тормош иптәшенең башка калаға хәрби эшкә саҡырылыуы сәбәпле, ғаилә күсеп китә. 60-сы йылдарҙа Өфөгә әйләнеп кайтҡас, Т. Х. Кусимова 1-се башкорт мәктәп-интернатына (Р. Ғарипов исемендәге 1-се башкорт республика гимназия-интернаты) тәрбиәсе булып урынлаша. Ихлас, киң күңелле Таңһылыу Хажим кызы балалар менән бик тиз уртаҡ тел таба. Улар уны әсәләре кеүек күрәп ярата, ихтирам итәләр.

Фәнгә ынтылыш уны барыбер зә Тарих, тел һәм әҙәбиәт институтына алып килә. Таңһылыу Хажим кызы ғалимә буларак ошо институтта формалаша һәм 40 йылдан ашыу ғүмерен халкыбыҙдың рухи хазинаһын – тел байлығын барлауға, өйрәнеүгә бағышлай. Башкорт теленең диалекттарын өйрәнеүгә йүнәлтелгән, Институт тарафынан ойшторолған төрлө ғилми экспедицияларҙа бик әүҙем катнаша.

Ә. Ғ. Биһшев, З. Ғ. Ураксин, Г. Д. Зәйнуллина, З. К. Ишмөхәмәтов, И. И. Ағишев, У. М. Яруллина һ.б. менән бергәләп “Башкорт теленең һүзлеген” (ике томда) төзөгә ең һызғанып тотона, бөтә күңелен биреп эшләй. Шулай уҡ ул “Башкортса-рус һүзлек”те төзөүселәрҙең береһе.

Бынан тыш, Таңһылыу Хажим кызы кеше исемдәрен өйрәнеү өлкәһендә зур эштәр башкара. Ул башкорт шәжәрәләрендәге, Башкортостан тарихы буйынса тупланған сығанаҡтарҙы ентеклә тикшерә, шулай уҡ халыҡта кулланылған исемдәрҙе лә өйрәнә.

1970 йылда уның башкорт антропонимдарына арналған “Из истории личных имен башкир” исемле беренсе күләмле ғилми мәкәләһе донъя күрә. Ғалимә үҙенең был эшендә башкорт исемдәренә структур һәм һүҙъяһалыш яғынан анализ яһай. Автор кеше исемдәренә айырым компоненттарын күрһәтә, уларҙың килеп сығышын асыҡлай, төркөмдәргә бүлә, хәҙерге ваҡытта төзөлөшө буйынса ике составлы исемдәр бер составлы ябай исемдәр менән алышыныуы тураһында һығымта яһай. Шулай уҡ кеше исемдәренә

килеп сығышы, уларзың сығанактары буйынса тикшеренеүзәр үткәрә, исем һайлау йолаларын да яктырта. Уның бынан тыш башкорт исемдәрен тикшеревгә арналған тистәләгән мәкәләһен күрһәтергә мөмкин.

1975 йылда Ә. Ғ. Бишев етәкселегендә “Древнебашкирские антропонимы” тигән темаға кандидатлыҡ диссертацияһын яклай. Был башкорт антропонимикаһы өлкәһендә беренсе комплекслы тикшеренеү булып тора. Таңһылыу Хажим кызы, үзенә был ғилми эшендә беренселәрҙән булып боронғо башкорт исемдәрен, килеп сығышы һәм мәғәнәүи йөкмәткәһенән сығып йәнлек, кош-корт атамаларынан яһалған кеше исемдәре; баланы һаклау йолаларына бәйлә антропонимдар; якшы, изге теләк теләп кушылған исемдәр; ваҡыт төшөнсәһенә бәйлә антропонимдар; тәбиғәт күренештәренә бәйлә исемдәр; тормошта, көнкүрештә төрлө ваҡиғаға бәйлә исемдәр һ.б. төркөмдәргә бүлөп күрһәтә һәм һәр береһе буйынса бик ентекле тикшеренеү үткәрә. Шулай ук диссертацияның бер өлөшө башкорт антропонимдарын структур яктан өйрәнөүгә бағышланған.

Таңһылыу Хажим кызы “Башкорт исемдәре” (1976, 1982), “Исемдәр донъяһында” (1992) тигән ҡитаптары менән башкорт антропонимикаһына тос өлөш индерә.

Өйтергә кәрәк, 1992 йылда донъя күргән “Исемдәр донъяһында” тигән һүзлегә төп эштәренәң береһе булып тора. Һүзлектәң төп максаты – ата-әсәгә балаға исем һайлауҙа ярҙам итеү. Исемдәрҙең язылышы, аңлатмалары һәм белешмә материалдар ике (башкорт һәм рус) телдә бирелә. Был ҡитап фәнни яктан да, практик йәһәттән дә зур әһәмиәткә эйә, сөнки республикабыҙың ЗАГС хеҙмәткәрҙәре исемдәрҙе еңгезҙә ошо һүзлектә таянып яҙа. Ҡитап башкорт теле һәм тарихы буйынса тупланған сығанактарға, Башкортостандың төрлө төбәктәрендә, Ырыбур, Һамар, Силәбе, Курған яктарында экспедицияла йыйылған материалдарға нигезләһеп төзөлгән.

ЗАГС хеҙмәткәрҙәренәң, халықтың һорауы буйынса был һүзлек автор тарафынан эшкәртеләп, өстәлмәләр индереләп әленән әле басылып тора. 2000 йылда С. Ә. Бикколова менән берлектә «Башкорт исемдәре» тигән исем астында был ҡитаптың тулы варианты донъя күрҙе. Һүзлектә ингән 4 меңгә яҡын исемдәң 3 меңе –ир-ат, 1 меңе – катын-кыҙыҡы.

Һәр исем алфавит тәртибендә биреләп, беренсе рәттә исемдәң башкортса язылышы, икенсе рәттә исемдәрҙең сығышы, кайһы телдән үзләштереләүе махсус тамғалар менән күрһәтелгән. Өсөнсө рәттә башкорт телендә шул исемгә аңлатма ҡилтерелә. Дүртенсе рәттә исемгә булған аңлатма һәм башка мәғлүмәттәр рус телендә бирелгән. Һүзлектәң ике телдә биреләүе бик мөһим һәм әһәмиәтле. Кайһы бер кеше исемдәренә тарихи мәғлүмәт ҡилтереләүе, шулай ук *Ғайса*, *Муса*, *Сафа* кеүек ир-ат исемдәренән отчество яһалған осрақта бер төрлөлөк булмауын иҫәптә тотоп, дөрөҫ тип табылған варианттарҙың күрһәтеләүе һүзлектәң мәртәбәһен бермә-бер арттыра.

Ҡитапҡа боронғо башкорт, ғәрәп, фарсы, көнбайыш халыктарынан рус теле аша үзләштерелгән антропонимдарҙан тыш хәзерге көндә ҡулланыуҙан төшөп ҡалған (*Тәңребирҙе*, *Үлмәсҡол*, *Яугилде*, *Босҡон*, *Нух* һ.б.) исемдәрҙе урын алған. Бындай төр антропонимдарҙың инеүен автор түбәндәгесә аңлата «... халыҡ тарихында йәмғиәт үсешендә билдәлә бер осорҙа, халыҡ тормошонда булып үткән мөһим вақиғаларҙы сағылдырған исемдәр ғилми ихтияждан сығып һүзлектә индерелде» [Кусимова 2000, 8].

Өйтөлөшө, яңғырашы телгә лә, ҡолаҡка ла ятмаған, бер мәғәнәһе булмаған *Алик*, *Валера*, *Эдик*, *Фисә*, *Лимфа*, *Флид*, *Вильсор* кеүек исемдәр индерелмәһе», тип билдәләй телсә [Кусимова 2000, 8].

«Исемдәр донъяһы» тигән бүлектә укыусылар исем йолалары менән таныша ала.

Һүзлектәң аҙағында автор хәзерге һәм боронғо башкорт исемдәренә, уларҙың тарихына ентекләп туктала.

Таңһылыу Хажим кызы үзенәң был ҡитабында: “Балаға исем кушыу – бик мөһим һәм яуаплы эш. Һәр халықтың үзенә генә хас ғөрөф-ғәҙәттәре, йолалары булған кеүек, бер милләттә икенсәһенән айырып торған исемдәре лә була. Был йәһәттән башкорттарҙың да үзенә генә хас исемдәре бар. Ләкин, кыҙғаныска ҡаршы, һуңғы осорҙа безҙең башкорт

халкы сит милләттәрҙең исемен кушыуҙы хуп күрә башланы. Был телгә, милләткә карата вайымһыҙлыҡты күрһәтә. Башҡорттарҙың исеме уның башҡортлоғон күрһәткән билдәгә әйләнгән ине”, – тигән бик мөһим фекерен белдерә. Был теләк бөгөнгө көндә бигерәк тә актуаль булып тора. Балаға исем биреү элегерәк төрлө шарттарға, традицияларға бәйләнгән булһа, хәзерге заманда яңғырауыҡлыҡ, кыскалык беренсе урында тора. Кеше исемдәре милли үзәккә мөһим күрһәткәсе икәнлеген бер кем дә инкар итмәй.

Һүҙлектәң әһәмиәте әйтеп бөткөһөҙ. Китап үҙен ысын башҡорт итеп тойған, халкыбыҙдың рухи мәҙәниәте менән кызыкһынған, тарихын ентеклә өйрәнергә теләгән һәр кеше өсөн алмаштырғыһыз ярзамсы сығанаҡ булып хеҙмәт итәсәк. Таңһылыу Кусимова ошо фундаменталь хеҙмәте менән үҙенә мәңгелек һәйкәл калдырҙы, тип әйтһәк тә һис хата булмаҫ.

Таңһылыу Хажим кызы иң тәү сиратта оло йөрәклә кеше буларак хәтерҙә һаҡлана. Ул фән менән генә шөгөлләнәп калмай, төрлө йәмғиәт эштәрендә әүҙем катнашып, халкының, теленәң яҙмышы, уның хәзәрәһе һәм киләсәге өсөн янып йәшәй. 1990 йылда “Башҡорт катын-кыҙҙары йәмғиәте” рәйесе урынбаҫары булып эшләй, “Аҡ тирмә” йәмғәт ойошмаһын, “Урал” башҡорт үзәген ойоштороусыларҙың береһе. Йәмғәт эшмәкәре буларак Т. Х. Кусимова күп кенә мәсьәләләргә хәл итеү юлдарын эзләү йүнәлешендә байтаҡ көс һалған, тормошҡа үҙенсә аңлап, уның һулышын тойоп йәшәгән шәхес. Тырыш хеҙмәте өсөн Почет грамоталары, Мактау қағыҙҙары, Рәхмәт хаттары менән бүләкләнә. «БР-ҙың атказанған мәҙәниәт хеҙмәткәре» тигән мактаулы исемгә лайыҡ була.

Шулай уҡ ул балаларының күңелендә инсафлыҡ, намыҫлылыҡ, туған телгә, илгә һөйөү тойғолары тәрбиәләй алған әсә буларак та күптәргә өлгө. Т. Х. Кусимова ысын мәғәнәһендә каһарман башҡорт катын-кыҙҙарының береһе ине.

Әҙәбиәт

1. Башҡорт теленәң һүзлегә. Ике томда. – М., 1993.
2. Башҡортса-русса һүзлек. – М., 1996. – 884 б.
3. Кусимова Т. Х. Древнебашкирские антропонимы: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1975. – 56 с.
4. Кусимова Т. Х. Башкирские имена. — Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1991. – 192 бит.
5. Кусимова Т. Х., Бикколова С. Ә. Башҡорт исемдәре. – Өфө, 2000. – 224 бит.
6. Кусимова Т. Х. Из истории личных имен // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. – М., 1970. – С. 241-248.

УДК 81'37

Н. А. Стародубцева, М. В. Датская, г. Волгоград

РЕДУПЛИКАЦИЯ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ

КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ В РЕЧИ

ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЕЙ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Исследование посвящено изучению редупликации как одного из способов выражения категории интенсивности в диалектной речи. В ходе анализа был выявлен общерусский тип полной редупликации, охарактеризованы функции, реализуемые данным способом интенсификации.

Ключевые слова: язык региона, диалектная речь, интенсивность, редупликация.

REDUPLICATION AS A METHOD OF EXPRESSION OF THE CATEGORY OF INTENSITIVITY IN THE SPEECH OF DIALECT SPEAKERS OF THE VOLGOGRAD REGION. *The study is devoted to the study of reduplication as one of the ways to express the intensity category in dialect speech. In the course of the analysis, an all-Russian type of complete reduplication was revealed, the functions realized by this method of intensification were characterized.*

Keywords: region language, dialect speech, intensity, reduplication.

Как отмечают ученые, редупликация вызвана в языке «потребностью живо и образно обрисовывать какую-либо ситуацию, с тем, чтобы слушатель или читатель мог легко её воспроизвести в своём воображении» [Вандриес 1837, 147]. Однако сам статус данного явления и его наполнение являются в современной лингвистике дискуссионными и не имеют на сегодняшний день четкого и разделяемого всеми исследователями определения. Данный объект изучается в различных аспектах и с использованием многообразных подходов в зависимости от типа языка [Букатникова 2014, 7]. В многочисленных трактовках под это понятие подводится неодинаковый круг явлений – от внутрисловных (слоговых и аффиксальных) до межсловных удвоений [Крючкова 2000, 68].

В данной работе, опираясь на труды Ф.И. Рожанского [Рожанский 2011], А.А. Реформатского [Реформатский 1996], Е.В. Федяевой [Федяева 2008] и др., мы понимаем под редупликацией полное или частичное повторение единиц различных языковых уровней.

Удвоение свойственно языкам различного строя и его функции многообразны: оно «может выражать грамматические значения, однако чаще выступает как средство варьирования лексического значения, выражая при этом дробность, уменьшительность, интенсивность» и др. [Рожанский 2011, 408].

В русском языке, а особенно в его некодифицированной форме – диалектах, приёмы данного явления вариативны и используются достаточно активно [Пожарицкая 2016, 264]. Однако наблюдаемые факты, несмотря на их частотность в народной речи [Стародубцева, Датская 2016], не получили в полной мере системного описания, в связи с чем предпринятое исследование представляется актуальным.

Наша работа посвящена изучению редупликации как одного из способов выражения категории интенсивности в речи деревенских жителей Волгоградской области. Языковой материал был собран в 2009–2016 годах во время полевых экспедиций в сёлах и хуторах Киквидзенского, Иловлинского, Урюпинского и Михайловского районов.

Анализ записей устной спонтанной речи диалектоносителей показал, что в большинстве случаев в массиве фактов ярко проявляется «общерусский тип полной редупликации» – повтор корневой морфем или словоформы [Пожарицкая 2016, 265], свойственный также литературному языку.

Наиболее часто информанты прибегают к повтору целого слова различных частей речи, указывая на высокую степень проявления того или иного признака или действия, например, при использовании имени прилагательного: *Белая-белая*. Была *улиняная* чашка (Чекина А.И., 1938 г.р., Иловлинский р-н); *А патом я йиво начала, мне адна там старуха сказала, напробуй фракций номер два. Эта у ветврачей нада была спрашивать. Запах нивынасимый, атвратитильный, но палезная-палезная* (Корчакина В.П., 1935 г.р., Киквидзенский р-н); наречия: *С серцым у миня плоха. Плоха-плоха-плоха*. (Прошина А.Н., 1926 г.р., Урюпинский р-н); местоимения: *Фсё-фсё-фсё-фсё принасили. И эти, и там эти, атрезы, и там ни атрезы были, как ани* (Обухов В.А., 1941 г.р., Урюпинский р-н); глагола: *Ну и чё ш мы, уалодные, мы чем питались, матеря на работе, исть нечиво, вот, ну рвали вот вишнёвые веточки, а на деревьях обязательно был какой-та клей, и вот мы эти листы вишнёвые рвём, этим клеём, как маслом помазываем, зелёнае жуёшь-жуёшь йиво, этот лист* (Калачева Н.М., 1930 г.р., Киквидзенский р-н). Отмечено также удвоение и даже утроение частиц и междометий: *Да-да-да. А тагда был Мачешанский район* (Бароменская П.П., 1931 г.р., Киквидзенский р-н); *А **я-а-я**. А патом уш пашла, стали кароф заставлать даить, пашла на кароф* (Авилова М.Т., 1928 г.р., Урюпинский р-н). Реже в анализируемом материале встречаются случаи редупликации корневой морфемы: *Двацать километраф. Тоже Урюпинский раён. Но там я **давным-давно** была* (Прошина А.Н., 1926 г.р., Урюпинский р-н); *Он в ней, на ней, в войну служил и пришел оттуда на ней, тут, ф калхозе работал, вот и это...вот эта машина – полутарка – была адна-единственная вот ф Завязке* (Михайлова А.М., 1936 г.р., Киквидзенский р-н).

Повторы употребляются как средство усиления смысла высказывания в контекстах, где информант старается выделить какое-либо важное для него событие, стремится сделать на нём акцент, указать на ошибки и несостоятельность чего-либо или наоборот – превосходство и качество. В данном случае реализуется эфатическая функция, основная цель которой подчеркивание коммуникативного ядра высказывания. Так, например, жительница Михайловского района Жупина Антонина Витальевна, 1950 г.р., отрицает вражду между украинскими переселенцами и казаками: *Ника́да не ру́жались. Не-е, не была ника́да, не-не*. Короткова Нина Михайловна, 1949 г.р., подтверждает, что каныш («слоеный пирог с начинкой из яиц и сметаны» [Словарь донских говоров... 2007, 3, 37]) является старинным казачьим блюдом в Калачевском районе: *Да-да-да. И до сих пор уготовят, уговоят. До сих пор уготовят*. Проживающая в х. Песчановка Киквидзенского района Жучкова Пелагея Ивановна, 1950 г.р., характеризует отношения со своим зятем в момент бытовых ссор: *Памятю-памятю, а он навирнётся и уже забыл, шо я ево матила. Он атхотчивый быстра*.

С помощью редупликации информанты подчеркивают степень интенсивности каких-либо процессов и связанных с ними эмоций, выражают непосредственное отношение к тому, о чём говорят (восхищение, одобрение, возмущение, страх, горечь и т.п.). Например, настаивают на чём-либо: *Щё эт у тебя, Машка, кукуруза не урадилась, плахая, ну прихади-прихади, Машка, прихади, мешок кукурузы дам* (Авилова М.Т., 1928 г.р., Урюпинский р-н); с тяжёлым сердцем вспоминают трагические события прошлых лет: *Ну, пусть уаварить, а то он плачеть-плачеть* (Михайлова А.М., 1936 г.р., Киквидзенский р-н); выражают нетерпение: *Ждали-ждали, вот-вот приедет, вот-вот приедет* (Бочарова О.М., 1901 г.р., Киквидзенский р-н); *Ляжишь, ждешь не дождеешься этой лапши, галодный* (Калачёва Н.М.). В приведённых примерах проявляется эмотивная функция, основная цель которой – выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит.

В речи диалектоносителей редупликация наиболее часто употребляется для характеристики предмета с точки зрения количества и качества. Например, Мария Тихоновна Авилова, 1928 г.р., из хутора Дьяконовский Урюпинского района рассказывает о том, во что заворачивали новорожденных: *А юпачка была парвата, какая-нибудь старенька-старенька юпка, разарвешь иё*. Житель хутора Дубровский Киквидзенского района Самоходкин Михаил Михайлович, 1935 г.р., вспоминая голодные военные годы, характеризует количество людей, стремящихся раздобыть съедобную дикую траву: *И вот он (щавель конский) рос вот такой вот там. И у ниво листья такие были. И мы вон туда, если успеишь, то вот схватил, парвал и дамой. Ну, а так там людей тьма тьмуцая*. Магомедова Валентина Дмитриевна, 1950 г.р., из села Мачеха Киквидзенского района описывает этнический состав близлежащих населенных пунктов: *Тоже хохлы, тоже намешана всиво палным-пално, пално, пално*. Живущая в хуторе Дубровский Киквидзенского района Калачёва Нина Михайловна, 1930 г.р., повествует о трудном военном времени: *Самалёты литают, таскают фсе эти ваенные снаряды, гудуть-гудуть день и ночь*. Скворцова Клавдия Петровна, 1924 г.р., характеризует возраст детей в семье: *Напровесень нас вот восимь расло, ну там меньше меньшего*. Перечисленные примеры редупликации позволяют говорить о реализации характерологической функции, основной целью которой является описание и характеристика людей, предметов и явлений действительности.

Таким образом, проведённое исследование позволило установить, что в речи диалектоносителей редупликация является одним из самых частотных способов выражения категории интенсивности. Повтор целого слова или корневой морфемы различных частей речи позволяет реализовать следующие функции: эмотивную при выражении отношения к сказанному, эфатическую, служащую для усиления смысла сообщения, и характерологическую, описывающую свойства субъекта / предмета по качеству или количеству.

Литература

1. Букатникова С. Д. Редупликация в современной лингвистике [Электронный ресурс] // Наука-RASTUDENT.RU: электрон. науч. журн. 2014. No. 4(04-2014) URL: <http://nauka-rastudent.ru/4/1280/>
2. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 410 с.
3. Крючкова О. Ю. Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания. – № 4. – 2000. – С. 68–84.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. Пожарицкая С. К. Редупликация и смежные явления в русской литературной и диалектной речи // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: Сборник материалов и исследований международной научной конференции / Под ред. Н. С. Ганцовской и др. – Кострома: КГУ, 2016. – С. 264–271.
6. Реформатский А. А. Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
7. Рожанский Ф. И. Редупликация. Опыт типологического исследования. – М.: Знак, 2011. – 256 с.
8. Словарь донских говоров Волгоградской области / Под ред. Р. И. Кудряшовой. – Вып. 3. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2007. – 516 с.
9. Стародубцева Н. А., Датская М. В. Средства выражения интенсивности в воспоминаниях жителей Волгоградской области о войне // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: Сборник материалов и исследований международной научной конференции (Кострома, 7–9 ноября 2016 г.). – Кострома: КГУ, 2016. – С. 302–308.
10. Федяева Е. В. Редупликация как одно из средств репрезентации неопределенного количества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Выпуск № 73–1. – СПб., 2008. – С. 469–472.

УДК 398.22(=512.141)

Р. А. Султангареева, г. Уфа

МИФОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СЮЖЕТНЫХ КОДОВ БАШКИРСКОГО ЭПОСА «АКХАК КОЛА» («ХРОМОЙ САВРАСЫЙ»)

Процесс десакрализации мифов, символов, связанных с осознанием Космоса и Хаоса, Времени, мира живой Природы и хтоники с последующим этапом формирования поэтически связного текста занял много веков развития, что отобразилось на содержании, многопластовой идейной структуре и сложной языковой картине башкирских эпосов. На основе мифолингвистического анализа эпоса «Акхак Кола» впервые выявляются первородные замыслы и семантика некоторых функциональных слов, мотивов, эпизодов.

Ключевые слова: мифолингвистика, башкирский эпос, сюжетный код.

MYTHOLINGUISTIC RECONSTRUCTION OF PLOT-RELATED CODES OF THE BASHKIR EPOS AKHAK KOLA (LAME BAY HORSE). *The process of desacrilization of myths, chthonic symbols associated with the realization of the Cosmos and Chaos, Time, the world of living Nature and the chthonic with the subsequent stage of formation of the poetically coherent text took many centuries of development, which was reflected on the content, multi-layered ideological structure and complex linguistic picture of the Bashkir epics. Based on the mythological analysis of the epic Akhak Kola, original ideas and semantics of certain functional words, motifs, episodes are revealed for the first time.*

Keywords: mythological linguistics, Bashkir epic, plot code.

Мотив перечисления разномастных коней в эпосе «Акхак кола» (как и в «Конгур-буга», «Кара юрга») запечатлел коды космизации порядка, осознания Времени и периодов

солнцестояния. Уход табуна в эпосе «Акхак кола» расшифровывается как рудимент изначального антагонизма коня и человека – представителей двух миров, когда человеческий оказывается вторичным. Так, по сюжетам мифов народов Южной и Средней Азии, Кавказа, Европы, Сибири, Монголии лошади или две лошади, нередко крылатые, разбивают фигуры мужчины и женщины, которые лепит бог из глины [Березкин 2012, 35]. Первородный, до культового периода (приручения) отмеченный антагонизм коней и людей отобразился в фольклоре: в сказках, легендах батыр, прежде чем приручить, всегда бьет лошадь, происходит борьба с лошастью или конь ставит условия, прежде чем позволить вскочить на него. Ролевые функции коней в эпосах не следует читать только в контексте культового почитания животных или укрепления скотоводческих традиций. Генезис настороженного отношения к коню как посреднику миров и носителю опасных сил отмечен в башкирских предписаниях («держись дальше ветра скачущего коня», «оберегай себя с самого начала года лошади и до его конца», «не стой близко от прискакавшей лошади», «во сне увидишь коня – дай большой *хаир* аксакалу»). Показательны соответствия с представлениями украинцев («конь-превращенный дьявол»), «литовцев» («лошадь происходит от черта»), таджиков («лошадь – дэв») [Там же 38]. Выведение основным персонажем в эпосе Хромого саврасого связывается не столько с высшим культом и почитанием, а с передачей в этом образе эпохальных знаний о происхождении «коня от человека» и идей «коня-Времени», «коня-возвращенного предка» (Султангареева, 2016, с312-314). Эпос «Акхак Кола» в типологии сюжетов о хромых конях (казахские, кыргызские варианты) является первородно архаичным, сохранившим трансформации дьявольского в священное, антагонизма в символику Времени, а реалии приручения в почитание тотема-коня.

Акхак Кола выражает обиду за привязывания его к коновязи (казык) и избивания: «Как казыкка бэйлэйһез, Кабырғамды һайлайһыз!» [БХИ 1998, 224] («Привязываете к коновязи, Ребра мои считаете!»). Замысел обиды животного, выведенная в свое время как «традиционная форма выражения основной мысли произведения» [Мирбадалева 1977, 46], в истоках связан с ритуалом жертвоприношения коней. Акцент на образ коновязи «казык» мифологичен по сути, а тема «избивания» не может интерпретироваться по прямой речи коня (т.к. жестокое обращение с домашними животными чуждо этикетной культуре башкир). Жестокие пытки коней (привязывания к колу, растягивания за четыре ноги и ломание позвоночника, вбивание в копыта желез, избивания и т.д.) допускались только в рамках обрядов жертвоприношений, когда «каждой сфере предназначались кони, различающиеся по масти и цвету» [Потапов, 1977, 168, 170-171]. Перечисление разномастных коней и образ казык десакрализированы, глубинная семантика их читается в контексте космогонического мифа коней, привязанных к Железному колу «Тимер казык» («Полярная звезда») [БНТ, 1987, 17]. Образ казык ассоциативно связан с мифом о Полярной звезде – древним символом небесной коновязи в мифологии тюрков и в эпосе профанирован в бытовой символ хозяйства. «Конская» символика звезд восходит к культам движения времени и космизации Неба : к самой яркой этой звезде, по которой ориентировались предки в пространстве и времени, «привязаны» мифические кони *Харат* и *Бузат*; путь и символы звезды *Етегэн* («Большая Медведица») мифологизированы в образах «двух коней, вечно скачущих от преследования волков» [БНТ, 1987, 382-384]. В побеге от хозяина коней (эпос «Акхак Кола»), отрыве от коновязи (казык) читается олицетворение осенних солнцестояний и жертвоприношений (форм творений космоса), связь со временем исчезновения с видимости звезд.

Во всех версиях о местонахождении коней знает и сообщает суженая, нареченная, ожидающая *егета* в новом пространстве (месте и времени). Мотив случайной встречи девушки [БХИ 1998, 238], появление суженой без предварительной мотивации [БХИ 1998, 242] подразумевает в ее облике персонификацию Судьбы (звезды). В русле свадебного обряда «кейәүләп йөрөү» («ходить за пазуху») имеются логичные соответствия: девушку (невесту) обхаживают служанки, у нее имеется особая (брачная) белая юрта. Девушка

предлагает егету постель и отдохнуть, развлечься в юрте: «Спустись с коня, егет, кумыс разлит! Ложись, постель расстелена!». В мотивации отказа егета (“*Көң йәйгәнгә мин ятмам!*”) наблюдается явление нелогичной подгонки ситуаций к основному сюжету. Отказ егета погостить (возлежать) интерпретировался не с мифологической, а с этикетной точки зрения как «унижение достоинства *егета*» [Сөләймәнов, Рәжәпов, 1998, 326-327]. Прочтение эпизода с морально-этической точки зрения не убеждает. Почти не имеющий вариаций этот сюжетный код читается в контексте космогонического мифа об Утренней (Вечерней) звезде. Фраза «*көң йәйгәнгә мин ятмам*» ранее интерпретировалась как «отказ от постели, застеленной служанкой», переводя слово *көң* как “служанка, рабыня” и тем самым искажался замысел эпизода.

*Көң әйткәнсә мин төшмәм,
Көң койганды мин эсмәм.
Көң йәйгәнгә мин ятмам,
Көң корганга мин инмәм.
[БХИ 1998, 223].*

Служанка просит, а я не сойду с коня,
Служанка налила, а я не выпью его,
Служанка расстелила постель, а я не лягу
Служанка поставила шатер, а я не войду.
[БНЭ 1977, 451].

Образы культовой вечерней и утренней звезды Сулпан (Шолпан)-Венеры связаны с Каныкей и Тыныкей, часто встречающихся в казахском фольклоре (сказка «Желкидек», а также имя дочери хана Токтамыса в вариантах эпоса «Едиге») [Кондыбай 2011, 390], также имя Хэнэкэ в башкирском эпосе “Изүкәй менән Моразым” наполнены астральной символикой. «Күникей», означающее «женщина на дневной стороне», «обращенная к самому утру» (день) у казахов [Кондыбай, 2011, 389], имена Көнбикә (“хозяйка дня”), Көнһылыу (“Красавица как день”) в башкирской антропонимии сосемантически. В лексеме «көң» вероятнее всего имеет место первичное значение времени суток, т.е. «утро», «день». Соответствия дают слова с «көң», которые относятся к цветовому и временному символам: «*Көңгөрт* – тусклый, неясный утренний свет; голос» [АСБЯ, IV, 676-677].; Значения эти так или иначе находятся в семантическом поле «көң» как «утреннее, дневное время». По сути, «көң» в эпосе действует не как статус рабыни, а в знаке времени, когда Звезда (егет-Солнце) не может остановить свое движение. Отсюда эпизод с *көң* согласуется с мотивом «стелить постель», довольно распространенным в балтийском мифе. Два персонажа, имеющих облик девушки, участвуют в небесном «браке» – *Аушрине* и *Вакарине*. Вечерняя «стелет Солнцу постель», утренняя Шолпан «зажигает утром огонь» [Кондыбай 2011. С. 389]. В эпосе “Акхак кола” есть строки, подразумевающие промежуток времени: “Иртәнге һыуға барғанымда Йылкыңды мин күргәйнем” [БХИ 1998, 269] (“Утром, когда ходила за водой, Увидела твоих лошадей”; далее созывая к себе, говорит: “Көнлөк кымыз һөзәрбөз, Эсеп киткел, бай улы! Ак сымылдык корорбоз, Ак сабактай уйнарбыз!”) [БХИ 1998, 242] (“Кумыс нальем. Попей, же, байыулы! Белую занавесь затынем, Словно рыбки белые поиграем!»). “Көнлөк кымыз” – кумыс, приготовленный за весь день и приглашение испить его связан с пожеланием новых сил, удали егету, который поддавшись уговорам, остается на ночь (в других вариантах – следует далее). Эта константная тема “Акхак Кола” осмысливается в аспекте календарно-астрального эпоса, цепко удерживающего первоначальные основы мифа о движении звезд. Образ безымянного егета с наибольшей вероятностью персонифицирует движение солнца или само Солнце, а время встречи с девушкой приходится к вечеру (отказ егета возлежать), т.е. в эпосе вечерняя звезда “стелет солнцу постель”. Согласно космогонической основе эпоса, в эпизоде остановки егета у девушки зашифрована одна из высших стоянок осеннего солнца. Повторяющийся в разных вариантах эпоса красный чекмен егета (как и в казахских версиях) аргументирует его солярную символику. “Үзе кызыл сәкмән кейеп, атаһы биргән атка менеп, каты тун кейгән юлдашын эйәртеп, сығып та китте, ти” [БХИ 1998, 212] (“Надев красный халат, вскочив на коня, который дал отец и, взяв с собой путника, одетого в шубу из тонкой ветхой шкуры, ускакал, оказывается”). Солярная символика образа егета прозрачна в версии, записанной в 1907 г. М. Бурангуловым от Х. Бурангулова в Самарской губернии.

*Елбәгәй елән кейгәне
Ерәнсәй юрга менгәне,
Елә-саба килгәне,
Ауызы-мороно сапсактай,
Менгән аты кылсыктай,
Куш кабырғаң үтә атыр –
Уға карап узмагыз!*

Он тот, кто в шелковом тонком зияне,
На рыжем коне он
Мчится и скачет он –
Рот и мордочка как бочка,
Конь под ним как косточка рыбки,
Метко стрелой все ребра прострелит –
К нему не скачите вы !

Рядом с егетом подразумевается неразрывный спутник Солнца (дня)– прообраз ночи, ночного времени (севера):

*Янында бар бер коло,
Кара Карагол тигәне,
Кара юрга менгәне,
Кыптыр тунун кейгәне,
Шуга карай узыгыз!*

Рядом с ним есть его раб (сотовариш)
Черный Карагул зовут,
На черном иноходце он,
В шубе из тонкой шкуры он,
К нему вы скачите!
[БХИ 1989, 224]

В описании художественно акцентированы неразрывное единство и различия дня (солнце, егет на коне, День) и черной ночи, холода (Карагул означает Черный+раб (или к(ғ)ол-рука), он на коне, в шубе). Нелогично соседство разных климатических символов одежды в одном отрезке времени: так, один из преследователей одет в легкий шелковый прозрачный зиян, а другой – в шубу. В таком тексте прочитывается мотив конеобозначения сторон света и времени – у егета (солнца) рыжий, у друга его (ночи) черный конь. В комплексе этот эпизод имеет подтекст времени осеннего солнцестояния, когда намечается уход от летнего и поворот к зимнему времени. Показательны отсюда метафоры «рот – мордочка как бочка», несет прообраз солнечного диска. «Конь, словно косточка рыбы» – это редкая метафора, подразумевает лучи солнца, тепло которых пронизывает коней насквозь («все ребра пронзит, прострелит»). Обращение Акхак Колы коням «К нему не скачите вы!» указывает предостережение табуна от движения против солнца, а призыв скакать к тому, кто в черной шубе подразумевает направление коней (времени) на север (к ночи). Так символично передано время к переходу на зимний период.

Символичен пороговый момент исчезновения героя, который 40 дней никуда не может уйти с места убийства коней и ест их мясо. На сорок первый день жена, провожая, торопит егета на его же поминальную трапезу:

*Кайтып еткел, бай улы!
Кырк ялды һуйгандар,
Кыркың укытып яталар,
Кайтып еткел, бай улы!*

[БХИ 1998, 246]

Скорей вернись, бая сын!
Сорок лошадей зарезали,
Молитву сороковин тебе читают,
Скорей вернись, бая сын!

Нелогичность сообщения живому человеку о его сороковинах читается в контексте настоящих, т.е. запаздывающих от погребений тела проводов души, имевших место в древности народов, также и у башкир. Космогонический цикл 40 дней проводит идею обозначения произошедшей осенью смерти, но еще не захороненной души. Исторические следы «разных времен и разных поколений, из которых складывается народность» [Мелетинский 1963, 12], в языке эпоса формируют сложные коды мыслеобразов.

Литература

1. Академический словарь башкирского языка. В 10 томах. III т. / Под общ. ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. – Уфа: Китап, 2012. – 864 с.
2. Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор / Сост., авт. вст. ст. и коммент. Р. А. Султангареева, А. М. Сулейманов. – Уфа: Китап, 2010.
3. Башкирское народное творчество. Предания и легенды / Сост., авт. вст. ст. и коммент. Ф. А. Надршина. – Уфа: Китап, 1987.
4. Башкирское народное творчество. Песни / Сост., авт. вступ. ст. С. Галин. – Уфа: Китап, 1977.
5. Башкорт халык ижады. Йола фольклоры / Төз., баш һүз, коммент. авт. Ә.М. Сөләймәнов, Р.Ә. Солтангәрәева. – Өфө, 1995. 1 т. – 556 бит.

6. Башкорт халык ижады. Эпос / Төз. Ә. М. Сөләймәнов, баш һүз авт. М. М. Сәғитов. – Өфө: Китап, 1998. Т.3. – 448 бит.
7. Башкорт халык ижады. Эпос. 2-се китап / Төз., баш һүз, анл., авт. М. М. Сәғитов, ред. Ә. И. Харисов. – Өфө: Баш. кит. нәшриәте, 1973. – 370 бит.
8. Башкорт теле һүзлеге. I т. – М., 1993. – 860 с.
9. Башкорт теле һүзлеге. II т. – М., 1993. – 814 с.
10. Берёзкин Ю. Е. Реконструкция сюжета создания человека у степных индоевропейцев // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб: ИИМК РАН “Периферия”, 2012. Кн. 2. – С. 35-40.
11. Кондыбай С. Мифология предказахов. – Алматы, 2011.
12. Мирбадалева А. С. Башкирский народный эпос. Предисловие // Башкирский народный эпос. – М., 1977.
13. Потапов Л. П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография: связи фольклора с древними представлениями и обрядами. – Л., 1977. – С. 163-172.
14. Султангареева Р. А. Персонификация Времени и отражение ритуала жертвоприношения коней в эпосе “Акхак Кола” // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы VII Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием), посвященной 95-летию Э. Р. Тенишева. – Уфа, 2016. – С. 312-316.

УДК 811.512.1.81’28

А. Р. Тазранова, г. Новосибирск

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕЛЕССКОГО ГОВОРА ТЕЛЕНГИТСКОГО ДИАЛЕКТА

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ №14.Y26.31.0014 по проекту «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур»

В данной статье дается краткий обзор о телесском и чуйском говорах; рассматриваются некоторые лексические особенности телесского говора теленгитского диалекта. Полученные данные сопоставляются с современным литературным алтайским языком. Выделены территориальные, фонетические и собственные диалектизмы. Основное внимание автор уделяет этнографическим терминам данного говора.

Ключевые слова: тюркские языки, диалект, говор, диалектология, лексикология, алтайский язык, теленгитский диалект, телесский говор.

LEXICAL FEATURES OF THE TELENGIAN DIALECT. *In this article a short review of the Telessky and Chuya subdialects is given; some lexical features of the Telessky subdialect of the Telengit dialect are considered. The obtained data are compared with modern literary Altai language. Territorial, phonetic and dialecticisms proper are distinguished. The author pays her chief attention to the ethnographic terms of this dialect.*

Keywords: *Turkic languages, dialect, subdialect, dialectology, lexicology, Altai language, Telengitsky dialect, Telessky subdialect*

В научной литературе до настоящего времени идет деление алтайского языка на две группы, состоящие из 6 диалектов: южную (алтай-кижи, теленгит, телеут) и северную (туба, куманды, чалканду).

В 1993 г. статус коренных малочисленных народов получили телеуты и кумандинцы, а в 2000 г., наряду с теленгитами, тубалары и челканцы (Постановление Правительства Российской Федерации № 255 от 24 марта 2000 г.).

Теленгиты компактно проживают в Республике Алтай в Улаганском (в населенных пунктах Чолушман, Коо, Балыктуюль, Кара-Кудюр, Паспарта, Чибиля, Саратан, Язула, Чибит) и Кош-Агачском (Курай, Чаган-Узун, Ортолые, Теленит-Сортогой, Кокоря, Мухор-Тархата, Бельтир, Джазатор) районах.

Язык носителей улаганских и кош-Агачских теленгитов является единым, хотя имеются существенные расхождения, особенно это заметно на фонетическом и лексическом уровнях. Это связано, прежде всего, с территориальной близостью, с тесными контактами улаганских и кош-агачских теленгитов с тувинцами, кош-агачских – с казахами.

По общепринятой классификации Н. А. Баскакова, теленгитский диалект делится на два говора: 1) теленгитско-телесский, носители которого живут по рекам Чолушман, Башкаус и по южному берегу Телецкого озера; 2) чуйский, носители которого живут по реке Чуй [Баскаков 1966, 506].

Н. Д. Алмадакова, опираясь на ареальную характеристику, теленгитско-телесский диалект разделила на 6 говоров: балыктуюльский, кара-кудюрский, чибилинский, саратанско-язулинский, чолушманский и чибитский [Алмадакова 2016, 20]. Мы бы саратанско-язулинский говор не стали бы объединять в одну группу, а подразделили бы их на два разных говора. Итак, по нашему мнению, в теленгитско-телесском диалекте 7 говоров. В данной статье говоры Улаганского района теленгитского диалекта мы условно объединяем под термином «телесские говоры», противопоставляя им «чуйские говоры» Кош-Агачского района, хотя каждый говор в дальнейшем требует тщательного изучения. В этом ряду особо следует подчеркнуть чибитский и чолушманский говоры, последний сильно отличается по своему фонетическому строю от других говоров теленгитского диалекта. Носители чолушманского говора тесно контактировали с одним из северных диалектов алтайского языка – туба диалектом, в силу географического расположения. Носители чибитского говора долгое время входили в состав другой административной территории – Кош-Агачского района, тесно контактировали с русскими, монголами и казахами, что сказалось на их языке. На основании приведенных данных, главным отличием этих говоров является просодическая и акцентологическая характеристики: ритмомелодика, интонация и т.п., что подтверждено Н. Д. Алмадаковой [Алмадакова 2016, 20].

В данной статье основной упор будем делать на лексических особенностях бытовой лексики телесского говора, иногда будут привлекаться материалы по чуйскому говору, предоставленные А. К. Бидиновой.

Бытовая лексика весьма обширна и составляет важную часть словарного состава языка. Она связана с выражением наиболее необходимых жизненно важных понятий. Семантические пласты бытовой лексики охватывают многочисленные стороны человеческого быта, повседневной жизни.

По мнению Т. Х. Хайрутдиновой, исследование бытовой лексики позволяет выявить не только лексико-семантические особенности, характер функционирования данного разряда лексики, но и познакомиться с материальной культурой народа, с его настоящим и историческим прошлым. Лексические единицы этой тематической группы четко реагируют на малейшие отклонения в любой из сфер самобытной жизни народа, изменений условий его истории, духовной жизни, быта и т.п. и, как результат, с исчезновением реалий выпадают из активного словарного состава языка [Хайрутдинова 2000, 3].

Кухонная утварь занимает важное место в материальной культуре любого народа, т.к. предметы домашнего быта тесно связаны с его жизнью. Кочевой образ жизни алтайцев, как считает Н. В. Ерленбаева, оказал влияние и на утварь, на ее размеры, материал, форму. При частых кочевках количество громоздкой утвари из бьющегося материала затрудняло передвижение, поэтому кочевники возили с собой небольшое количество посуды, изготовленной из удобного для перевозки материала (дерева, кожи, войлока) в виде различных мешков, сумок, узкогорлых сосудов, кожаных или выдолбленных из дерева чашек и др. [Ерленбаева 2006, 12].

Лексемы, обозначающие посуду для хранения пищи: *қысқаш*, *былгууш* /*булгууш*, *чүүргүш* / *чүүргүш*, *сабат*, *бедрәк*, *челәк*.

Лексема *кыскаш* является территориально диалектной и имеет значение ‘приспособление для зажима и удержания горячего казана, кастрюли, сделанное из железа или войлока’. Аналогичное слово зафиксировано в башкирском языке, ср. *кыскыс*.

Былгууш ‘предмет для перемешивания зерна в котле’. Представляет собой длинную палку с набалдашником из скрученной ткани. Данная лексема образована от глагола *былга-* ‘перемешивать’. В язугинском говоре встречается вариант *булгууш*.

Чүүргүш ‘деревянный ковш среднего размера с небольшими круглыми отверстиями в нижней части для процеживания жидкости (молока, чая и т.д.)’. *Чүүргүш* является отглагольным именем, образованным от глагола *чүү-* ‘цедить, пропускать (жидкость) через что-либо для очистки’. В литературном алтайском языке в данном значении употребляется лексема *шүүргүш*, в язугинском говоре – *чүүргүш*.

Лексеме *сабат* ‘ведро’, заимствованной из персидского языка, в литературном языке соответствует слово *көнөк*. В чулушманском и балыктуюльском говорах встречается адаптированный вариант русского слова *бедрёк* (< рус. ‘ведро’).

В чуйском говоре в данном значении употребляется лексема *алгый*, которая, по данным информантов старшего поколения, использовалась и в телесском говоре в значении ‘маленький круглый металлический сосуд для нагревания воды, для варки пищи’.

В ЭСТЯ *алгый* дается в значении ‘небольшая плоская чаша (используемая охотниками)’. Б. И. Татаринцев полагает, что с учетом наличия монгольского соответствия (*alxui* ‘котел’) нельзя исключить, что в части подобных случаев мы имеем дело с монголизмом. Такое мнение, например, высказывается относительно як. *алгый* – *олгуй* [Татаринцев 2000, 100].

Челёк ‘деревянный сосуд из лиственницы, прокопченный дымом, для хранения айрака (чегена)⁵’.

Похожее слово *чилёк* / *силёк* встречается в татарском и башкирском языках, которое переводится как ‘ведро’: лексема первоначально обозначала деревянное ведро, затем данное название перешло на металлическое. В некоторых говорах татарского слово *чилёк* употребляется для обозначения небольшой деревянной кадлушки, предназначенной для квашения теста, ‘квашня’, ‘бочка’ [Хайрутдинова 2000, 30].

Лексемы, обозначающие посуду для приема пищи: *чёнрөш*, *оможок*.

Лексема *чёнрөш* известна носителям чулушманского говора в значении ‘предмет посуды из дерева или металла, представляющий собой открытое вместилище с широким плоским дном и приподнятыми краями, предназначенный для приема пищи’.

Лексема *оможок* известна старшему поколению, как носителям телесского говора, так и носителям чуйского говора в значении ‘предмет посуды из дерева, представляющий собой небольшое овальное вместилище без стенок с приподнятыми и скругленными краями на короткой ручке, предназначенный для зачерпывания жидкой или рассыпчатой пищи’. Только у телесских теленгитов используется в значении ‘деревянная ложка’, а у чуйских – в значении ‘поварешки’.

Данная лексема отмечена в форме *омаш* в «Словаре алтайского и аладагского наречий тюркского языка», из соседних тюркских языков – в тувинском в аналогичном значении: *омааш* ‘деревянная ложка’.

Лексемы, обозначающие приспособления для уборки помещений: *жамдуур*. Слово является фонетическим диалектизмом, употребляется в значении ‘веник’ и ‘метла’. В ойротско-русском словаре зафиксировано 4 варианта данной лексемы: *жамду*, *жалму*, *жалмуур*, *сибирги* [ОРС 2005, 46]. В современном литературном алтайском языке в основном употребляется вариант *жалмууш*.

Лексемы, обозначающие сооружение и его части: *үй*, *агыш үй*, *чертпй*.

⁵ Айрак – кисломолочный жидкий продукт, сделанный из коровьего молока.

Как известно, основным жилищем у кочевников Южной Сибири были юрты каркасного типа. В телесском говоре для названия юрты используются несколько лексем: *үй, агыш үй, чертпӓ*.

Лексема *үй* используется широко, во-первых, для наименования дома вообще, например, *мениг үйим* ‘мой дом’, во-вторых, для обозначения шестиугольной юрты, в-третьих, в литературном алтайском языке слово *үй* с аффиксом принадлежности употребляется в значении ‘жена’.

Лексема *ій* встречается в ДТС со значением ‘дом’ [ДТС 1969, 623], а также в ОРС со значениями ‘дом, жилище, юрта’.

В телесском говоре для обозначения юрты используется слово *агышүй*, сращенный вариант от < *агыш үй* букв. ‘деревянный дом’. А носители чолушманского говора употребляют лексему *чертпӓ* ‘юрта’. В литературном языке данному слову соответствует лексема *чадыр*.

Для строения юрты у телесских теленгитов используются бревна из лиственницы. Высота стен составляет полтора метра или чуть более. Стены возводятся в девять венцов, после чего начинают складывать бревна меньшего размера в виде усеченной пирамиды, которая называется *алиман*.

Этимология данного слова пока не выяснена, оно не отмечено ни в одном из словарей по тюркским языкам, в частности, в сибирских языках.

Алиман иногда покрывали корой лиственницы, которая у теленгитов называется *чанда*.

Вход юрты всегда ориентируется на восток. От входа к противоположной стене на последний венец сруба укладывали жердь *артпак* для копчения шкур, мяса, курута и т.д.

Лексемы, обозначающие помещения сельскохозяйственного назначения: *кажаа* ‘хлев’, *күкпӓ* ‘помещение для телят’, *сери* ‘крытое помещение для крупного и мелкого скота’.

Лексема *кажаа* используется для обозначения самого помещения для содержания скота, а также для обозначения скотного двора в целом, отличается от литературного алтайского языка фонетическим оформлением, ср. лит. *кажаган* ‘хлев’, ‘скотный двор’ [ОРС 2005, 67].

Вторая лексема в этой группе *күкпӓ* ‘помещение для содержания новорожденных или слабых телят, ягнят и козлят’. В современных художественных произведениях в подобном значении встречается слово *үкпек*, но в имеющихся словарях по алтайскому языку оно не зафиксировано.

Лексемы, обозначающие украшения: *кепӓш* ‘кольцо’ и *тепишүүр* ‘булавка’, обе лексемы являются собственно диалектными лексемами.

Лексему *кепӓш* ‘кольцо’ в речи употребляют только некоторые носители телесского, улаганского, саратанского, язулинского, чолушманского говоров, в остальных говорах используется общетюркское слово *јүстүк*, которое в ОРС встречается со значением ‘кольцо, перстень’ [ОРС 2005, 61].

В телесском говоре для обозначения булавки используется слово *тепишүүр*, которому в алтайском литературном языке соответствует слово *тебиске*. Лексема *тебиске* в телесском говоре употребляется в несколько ином значении, а именно ‘девичья заколка’.

Как и у многих народов, булавка для алтайцев считается средством от сглаза. В обязательном порядке прикалывают булавку на внутренней стороне одежды маленького ребенка. Считалось, что блестящая булавка привлекает на себя дурной взгляд, зависть и зеркальным отражением возвращает плохое самому завистнику. Интересно заметить, что в ДТС встречается похожее слово *тепиз* ‘зависть’. Мы можем сделать предположение, что алтайская литературная лексема *тебиске* произошла от этого слова.

Из 19 рассмотренных диалектных лексем 4 лексемы имеют фонетические расхождения с аналогичными лексемами в литературном алтайском языке, 3 лексемы являются территориально диалектными, 12 собственно диалектными, 2 лексемы отмечены

в татарском языке, 1 лексема отражена в ДТС, 1 лексема является заимствованной из русского языка. Из 19 лексем 14 не зафиксировано в имеющихся словарях по алтайскому языку.

Литература

1. Алмадакова Н. Д. Язык теленгитов: очерки по фонетике и морфологии в сопоставительном аспекте. – Горно-Алтайск, 2016. – 203 с.
2. Древнетюркский словарь. – Л., 1969.
3. Ерленбаева Н. В. Бытовая лексика алтайского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2006.
4. Ойротско-русский словарь. – Горно-Алтайск, 2005.
5. Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. 1. А-Б. – Новосибирск, 2000.
6. Хайрутдинова Т. Х. Бытовая лексика татарского языка. – Казань, 2000.

УДК 81'282

О. А. Теуш, г. Екатеринбург

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА С СЕМАНТИКОЙ 'ОМУТ', 'ВОДОВОРОТ' В СЕВЕРНОРУССКИХ ДИАЛЕКТАХ

В статье представлены новые этимологии заимствованных из финно-угорских языков лексем с семантикой 'омут', 'водоворот'. Описываются языки-источники, комментируются особенности фонетической и семантической адаптации.

Ключевые слова: языковые контакты, географическая терминология, русский язык, финно-угорские языки.

BORROWED VOCABULARY WITH SEMANTICS OF A 'WHIRPOOL' IN NORTHERN RUSSIAN SUBDIALECTS. *The paper presents a new etymology of lexemes borrowed from Finno-Ugric languages with the semantics 'of a whirlpool'. The author describes the languages of the sources, commenting on features of phonetic and semantic adaptation.*

Keywords: language contact, geographical terminology, Russian language, Finno-Ugric languages.

Европейский Север России – зона языковых контактов. Географическая терминология этого региона формировалась при взаимодействии с местным (финноязычным) населением. Наименования омутов и водоворотов не являются исключением: более 60 слов заимствованы из финно-угорских языков. Далее представлены этимологии лексем, ранее не исследовавшихся.

Барлák 'углубление речного дна, глубокое место в реке' (Влг.: К.-Г.), ср.: *барлák* 'болотистое вязкое место', 'углубление, яма с водой, лужа' (Влг.: К.-Г.) [КСГРС].

Находит прямое соответствие в морд. эрз. *барлак* 'необработанный, заброшенный участок' [ЭРС, 74]. Волжские элементы встречаются в лексике Вологодской области.

Батán 'глубокое место в реке' (Яр.: Люб., Некр., Ярослав.) [ЯОС 1, 41], ср.: *батán* 'яма с водой' (Яр.: Некр.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср.: карел. *pata, pada* 'глиняная посуда, горшок', вепс. *pada* 'горшок', фин. *patero* 'небольшое круглое углубление или яма; небольшое лесное озеро', карел. *patero, paduro* 'небольшое углубление, яма' [SKES, 502; SSA 2, 322].

Бурда 'омут, водоворот в реке' (Арх.: Уст.), 'глубокое место, яма' (Влг.: Бел.), ср.: *бурда* 'ил, грязь, тина' (Влг.: Бел.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср. фин. *puurre, puurto, puurtava, puurtamo* 'водоворот', карел. *puurie* 'клубиться', 'суетиться', 'катиться', 'пробиваться', вепс. *purde* 'родник' [SSA 2, 446].

Воргán 'водоворот, воронка в реке, озере' (Арх.: Уст.) [КСГРС].

Ближайшие соответствия обнаруживаются в коми, ср.: уд. *вóрга, воргán* 'желоб, желобчатое углубление' [ССКЗД, 121], однако география нетипична для коми заимствований.

Гургáн ‘вымытая течением яма, глубокое место в реке’ (Печор.), ср.: *гурга́н* ‘глубокая, с обрывистыми краями яма, заполненная водой’ (Печор.) [СРГНП 1, 162].

< Коми, ср.: *гурган* ‘углубление, яма, рытвина, ухаб’ [КРС, 55], которое является образованием от *гургыны* ‘тащить, волочить с грохотом’ [Тенегин 1976, 86]. См. также: [Ивашко 1958, 87]. Иначе: < коми *гуран* ‘ямка, рытвина, низина, впадина, овраг, углубление’ [Кривошекова-Гантман 1981, 87].

Ёма ‘глубокое место на озере или реке’ (Арх.: Карг.), ср.: *ёма* ‘мелкое узкое место на озере наподобие залива’, ‘островок чистой воды на озере среди травы, тростника и т. п.’ (Арх.: Карг.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср. фин. *juoma* ‘полоса; русло, фарватер’, ижор. *jōma* ‘фарватер’, карел. *juoti*, *juoto* ‘щель, паз, колея, линия, полоса, русло’, эст. *joot* ‘течение, поток, русло; глубокое место в море’ [SSA 1, 249-250]. Из прибалтийско-финских языков слово заимствовано также в латышский язык: *jūda* ‘глубокое место между двумя отмелями’ [Аникин 1997, 377].

Ёрмаш ‘водоворот’ (Арх.: Уст.) [КСГРС].

< Саам., ср. кильд. *jïerη*, *jïern* ‘глубокое место в воде’ [KKLS, 828]. Суффикс *-аш-* отражает саамское деминутивное *-aš-*. Мена сонорных *-н/-м-*, скорее всего, произошла на русской почве.

Корда́й, корда́н ‘речной омут’, ‘яма, заполненная водой’ (Арх.: Уст.) [КСГРС].

Нельзя отделять от *ко́рга* ‘мелкое каменистое место’, ‘отмель’, ‘каменистый островок’, ‘перекат’, ‘порог’ (Арх.) [КСГРС], которое заимствовано из приб.-фин. или саам., ср.: фин. *korko*, карел. *korko*, *korgo*, ливв. *korgo* ‘подводная скала, мель, риф’, саам. колт. *kiər̥³k^A*, тер. *kiər̥³ka* ‘то же’ [Мамонтова, Муллонен, 41; KKLS, 175]. Переход *-pɔ- > -pɔ-* является результатом диссимиляции.

Кульпа́га ‘глубокое место в реке, яма’ (Влг.: К.-Г.) [КСГРС].

Заимствовано из приб.-фин., ср. фин. *kulppa* ‘лужа; капающей водой проделанное круглое углубление во льду’, *kulppi* ‘лужа’, *kulpanne* ‘водой выдолбленная яма; яма в ручье’, эст. *kulbas* (р. п. *kulppa*) ‘расточенный береговой откос, яма в крутом берегу, круче’ [SKES, 235].

Курта́г ‘глубокий омут в реке’ (Влг.: М.-Реч., Сок.), *курта́га* ‘то же’ (Влг.: М.-Реч.), ‘яма в русле пересохшей реки’ (Арх.: Карг.; Влг.: М.-Реч., Сок.), *курта́жка* ‘то же’ (Влг.: М.-Реч., Сок.), *курта́н* ‘то же’ (Арх.: Нянд.), *куртя́га* ‘то же’ (Влг.: Ньюкс.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср. фин. *kurttu*, *kurtti* ‘складка, морщина’, эст. *kurd*, *kurts* ‘то же’, карел. *kürt* ‘t’š’u ‘то же’ [SKES, 274]. Финаль лексемы *-aɔ(a)*, *-я(га)* типична для финно-угорских заимствований.

Курыга́н ‘омут’ (Влг.: Сок.) [КСГРС].

Ближайшее соответствие обнаруживается в мар. горн. *курык* ‘гора’, ‘горный’, *курыкан* ‘гористый’ [МРС, 249]. Учитывая географию, следует думать о мерянском характере заимствования и семантическом переходе ‘гора’ > ‘мель’ > ‘омут’.

Кя́ржа ‘яма, вымытая водой на дне ручья’ (Арх.: Вин.) [КСГРС].

Имеет саамское происхождение, ср. прасаам. **kārčē*, саам. сев. *garže*, ин. *kärži*, колт. *käržž* ‘тесный, узкий’ [YS, 46-47].

Лунда́к ‘яма, глубокое место на реке’ (Костр.: Сол.) [КСГРС].

~ Мар. горн. *ландака вёр* ‘низкое место, котловина’ [МРС, 280], однако вокализм первого слога более узкий. Марийское слово родственно коми *луд* ‘лужайка, пастбище’, удм. *луд* ‘поле’ (< доперм. **lathe-*) [КЭСК, 163].

Му́рга ‘яма в реке, озере’ (Арх.: Пин., Холм.), *мурья́* ‘омут, яма на дне реки’ (Влг.: К.-Г.) [КСГРС].

< Коми *мурга* ‘нора, норка’ [ССКЗД, 227]. Колебание *ɔ/j* известно севернорусским диалектам.

Сарау́т ‘сильный водоворот’ (Ленингр.: Лод.) [СРГК 5, 634].

Вероятно, является сложным словом. Первая часть *sara-* может быть сопоставлена с приб.-фин., ср.: фин. *saara*, карел. *šoara, šuara*, ливв. *šoaru, šuaru*, люд. *suar*, вепс. *sar* 'разветвление, ветвь' [SKES, 937]. Вторая часть *-um*, равно как и русск. диал. *ými* 'топкое место', восходит к приб.-фин., ср. фин. *ukki*, р. п. *ukin* 'лужа, бочажина' [Kalima, 234; Фасмер 4, 174].

Тюнь 'водоворот' (Влг.: В.-Важ.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср.: фин. *tynnyri* 'бочка', диал. *tynnöri, tynneri, tynnäri* 'цилиндрическая территория', эст. *tiinder, tiinn, tönn* 'бочка' [SKES, 1453]. Типичная для номинации водоворотов, омутов метафора, ср.: русск. *бóчка* 'яма, углубление дна реки, ручья' (Арх.: Он.) [КСГРС].

Урдáн 'глубокая яма на дне реки' (Арх.: Уст.) [КСГРС], упрáки 'подводные ямы' (Олон.) [Куликовский, 125].

< Приб.-фин., ср.: фин. *uurto* 'след, колея; ложбина, низина, впадина, котловина', 'омут', *uurdo* 'колея, выбоина, тропа', 'омут', производное от *uurtaa* 'делать борозду, колею', карел. ливв. *uurdo, uurdain* 'промоина', люд. *uurdam* 'топкая ложбина', вепс. *urdam* 'промоина', 'колея, водная котловина' [SKES, 1565]. В слове упрáки произошла метатеза *-pt-* > *-tp-*.

Сокращения

1. Словари:

КСГРС – Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

Куликовский – Куликовский Г.И. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Мамонтова-Муллонен – Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

МРС – Марийско-русский словарь. Москва, 1956.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных территорий. СПб., 1994-2005. Т. 1-6.

СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры. СПб., 2003, 2005. Т. 1-2.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.

ЭРС – Эрзянско-русский словарь / Под ред. Б.А. Серебrenникова, Р.Н. Бузаковой, М.В. Мосина. Москва, 1993.

ЯОС – Ярославский областной словарь / Отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981-1991.

Kalima – Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu. Helsinki, 1919. XLIV.

KKLS – Itkonen T.I. Koltan ja kuolalapiin sanakirja. O. 1-2. // LSFU, XV. Helsinki, 1958.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1958–1981. O. 1–7. (LSFU, XII).

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. SKST 556. Helsinki, 1992-2000.

YS – Lehtiranta J. Yhteisaamelainen sanasto. Helsinki, 1989.

2. Языки и диалекты: вепс. – вепсский язык; горн. – горный диалект марийского языка; доперм. – допермское; ижор. – ижорский язык; ин. – диалект Инари саамского языка; карел. – карельский язык; кильд. – кильдинский диалект саамского языка; колт. – колтовский диалект саамского языка; ливв. – ливвиковский диалект карельского языка; люд. – людиковский диалект карельского языка; мар. – марийский язык; морд. – мордовский язык; прасаам. – прасаамский язык; приб.-фин. – прибалтийско-финские языки; русск. – русский язык; саам. – саамский язык; сев. – северный диалект саамского языка; тер. – терский диалект саамского языка; уд. – удорский диалект коми-зырянского языка; удм. – удмуртский язык; фин. – финский язык; эрз. – эрзя-мордовский язык; эст. – эстонский язык.

3. Географические названия: Арх. – Архангельская область (губерния); Бел. – Белозерский район Вологодской области; В.-Важ. – Верховажский район Вологодской области; Вин. – Виноградовский район Архангельской области; Влг. – Вологодская область (губерния); Карг. – Каргопольский район Архангельской области; К.-Г. – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области; Костр. – Костромская область; Ленингр. – Ленинградская область; Лод. – Лодейнопольский район Ленинградской области; Люб. – Любутинский район Ярославской области; М.-Реч. – Междуреченский район Вологодской области; Некр. – Некрасовский район Ярославской области; Нюкс. – Нюксенский район Вологодской области; Нянд. – Няндомский район Архангельской области; Олон. – Олонецкая губерния; Он. – Онежский район Архангельской области; Печор. – Печорский уезд Архангельской губернии; Пин. – Пинежский район Архангельской области; Сок. – Сокольский район Вологодской области; Сол. – Солигаличский район Костромской области; Уст. – Устьянский район Архангельской области; Холм. – Холмогорский район Архангельской области; Яр. – Ярославская область; Яросл. – район г. Ярославля.

Литература

1. Аникин А. Е. О латышском этимологическом словаре К. Карулиса // Балто-славянские исследования 1988-1996. – М., 1997. – С. 373-380.
2. Ивашко Л. А. Заимствованные слова в печорских говорах // Ученые записки ЛГУ им. А. А. Жданова. № 243. Вып. 42. – Л., 1958. – С. 84-103.
3. Кривошекова-Гантман А. С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. Вып. 2. – Свердловск, 1981. – С. 46-62.
4. Тенегин А. Н. Новые данные о местных географических терминах иноязычного происхождения в русских говорах Нижней Печоры // Вопросы ономастики. Вып. 11. Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. – Свердловск, 1976. – С. 85-93.

УДК 378.02:37.016

Тұрарова Қадияша Қасымовна, Алматы қ., Қазақстан

ЭТНОГРАФИЯЛЫҚ ЛЕКСИКАНЫ ОҚЫТУДЫҢ ЛИНГВИСТИКАЛЫҚ НЕГІЗДЕРІ

Главная задача возрождения – сохранить национальный код. Первое – без сохранения национального кода и национальной культуры не будет никакого возрождения. Этнолингвистика изучает культуру и обычаи, местожительство, исторические и культурные связи с другими народами, быт, духовную культуру народа. В статье детально разъясняется значение лексики через этнографические труды ученых.

Ключевые слова: национальный код, национальная культура, этнолингвистика, этнографическая лексика.

The main task of revival is to preserve the national code. First, without the preservation of the national code and the national culture there will be no revival. Ethnolinguistics studies culture and customs, residence, historical and cultural ties with other peoples, everyday life, spiritual culture of a people. The article explains in detail the meaning of vocabulary through ethnographic works of scholars. Teaching ethnographic vocabulary expands the concept of linguistics to students.

Keywords: national code, national culture, ethnolinguistics, ethnographic works.

Н.Назарбаев: «XXI ғасырдағы Ұлттық сана туралы жаңғырған қоғамның өзінің тамыры тарихының тереңінен бастау алатын рухани коды болады. Жаңа тұрпатты жаңғырудың ең басты шарты – сол ұлттық кодынды сақтай білу. Егер жаңғыру елдің ұлттық-рухани тамырынан нәр ала алмаса, ол адасуға бастайды. Ұлттық салт-дәстүрлеріміз, тіліміз бен музыкамыз, әдебиетіміз, жоралғыларымыз, бір сөзбен айтқанда ұлттық рухымыз бойымызда мәңгі қалуға тиіс. Абайдың даналығы, Әуезовтің ғұламалығы, Жамбылдың жырлары мен Құрманғазының күйлері, ғасырлар қойнауынан жеткен бабалар үні – бұлар біздің рухани мәдениетіміздің бір парасы ғана. Біріншісі – ұлттық код, ұлттық мәдениет сақталмаса, ешқандай жаңғыру болмайды. Білімнің салтанат құруы. Білімді, көзі ашық, көкірегі ояу болуға ұмтылу – біздің қанымызда бар қасиет» деп көрсеткен [Назарбаев 2017]. Осыған байланысты қазақ тілінен берілетін білім сапасын жаңа заман талаптарына сай оқыту мәселесі көтерілді. Қандай да бір пәнді оқытудың мәні оның ғылыми мәнін айқындаудан басталатыны белгілі. Қарастырылғалы отырған нысанның мән-мазмұнын, ішкі құрылымын ғылыми тұрғыдан жан-жақты саралап қарастыру оқытудың басты шарты болып табылады. Оқытудың әдіс-тәсілдерін, оны меңгертудің жолдарын мұнсыз анықтау мүмкін емес.

Қазақ тілінің этнографиясын өзгетілді аудиторияда оқыту үшін ең бірінші этнографиялық лексика мен терминінің мәнін ашып алуымыз керек. XX ғасырда тілдің өзіндік табиғатын, даму заңдылықтарын жан-жақты толық зерттеу барысында тіл білімінің жаңа бағыттары психоллингвистика, әлеуметтік лингвистика, лингвомәдениеттану, этнолингвистика т.б. ғылымдар дүниеге келді. Этносқа байланысты факторларды өзара байланыстыра қарастыратын саланы тіл білімінде этнолингвистика деп атайды. Этнолингвистиканың негізгі зерттеу нысаны – этнографизмдер мен этнографиялық лексика. Яғни этнолингвистика халықтың тұрмыс-салты мен әдет-ғұрпын,

мекен-жайын, басқа халықтарымен тарихи және мәдени байланысын, күнделікті тұрмысын, рухани мәдениетін зерттейді.

Қазақ тіл білімінде А.Байтұрсынұлы, Қ.Жұбанов, С.Аманжолов, А.Ысқақов, Н.Оралбай, А.Қалыбаева, Е.Жанпейісов өз еңбектерінде тілдің тарихын, лексикасын зерделесе, тілді жаңа бағыттағы ұлттық дүниетаным, мағына, семантика тұрғысынан Ж.Манкеева, Б.Қасым, Г.Смағұлова, Б.Момынова т.б. тілшілер сол тілде сөйлеуші ұлттың тілімен, танымымен байланыста қарастырады.

Қазақ тіл білімінде этнолингвистика ілімінің негізін салушы академик Ә.Қайдар: «Этнографизм дегеніміз – өткен тұрмысымызда болған, көбі әлі де қолданылып келе жатқан тұрмыстық бұйымдардың, белгілі бір кәсіпке, шаруашылыққа, салт-дәстүрге, әдет-ғұрыпқа, наным-сенімге, баспанаға, киім-кешекке, ішер асқа, туыстық қатынасқа, ел билеу ерекшелігіне, заң тәртібіне, әдеттік құқыққа байланысты қолданылатын, халқымыздың тұрмыстық және тілдік өзіндік ерекшелігін көрсететін арнаулы атаулар мен сөз тіркестері», - деп анықтама береді [Қайдар 1998, 18]. Этнографияны оқыту бүгінгі таңдағы заман талабынан, қоғам қажеттілігінен туындап отырған мәселе. Қазіргі ғаламтану үрдісі ұлт мәдениетін таразылауды, ұлттар тарихын зерделеуді, ұлттық құндылықтарды жаңғыртуды қажет етуде. Этнолингвистика жалпы тіл байлығын толық қамти отырып, қызығушыны этностың болмысына байланысты тілінде қалыптасып, оның қат-қабат қойнауларында сақталып келе жатқан көненің көзіндей сыры мол дүниеге тереңірек үңілуге бағдарлайды [Қайдар 1998, 35]. Этнолингвистиканы зерттеуші ғалымдар аталған саланы белгілі бір жүйе түрінде қарастыруды ұсынады.

Академик Ә.Қайдар: «Этнолингвистика тіліміздегі этнографиялық лексиканың ұшан-теңіз байлығын қалай болса солай, кез-келген фактіге байланысты емес, белгілі бір жүйе бойынша, мағыналық-тақырыптық топтарға бөліп, өзара жіктеп, саралап барып зерттеуге тиіс. Олай болмаған жағдайда әр қилы ұғымға байланысты өмірдің әртүрлі саласында қайталанып әр қырынан көрінетін сөз бен сөз тіркесінің тілдегі орны мен қолданыс аясы, мағына-мәні толық ашылмаған болар еді», - дей келіп, этнолингвистикалық зерттеулерді «Табиғат», «Қоғам», «Адам» деп үш салаға бөліп алып қарастырудың маңыздылығын ашып көрсетеді [Қайдар 1998, 35]. Ә.Қайдар: «Этностың басып өткен сан ғасырлық дара жолы, оның белгі-бейнелері біздерге тас мүсіндер мен жартастарға қашалған сына жазулар арқылы, мәдени ескерткіштер мен әр түрлі ғимараттар түрінде жетуі мүмкін. Бірақ бәрі этнос өмірінің мың да бір елесі ғана. Оның шын мәнісіндегі даналығы мен дүниетанымы тек тілінде ғана сақталады. Әрбір дәуірде өмірге қажет болған құрал-сайманның, қару-жарактың, киер киім мен ішер тамақтың, тұрмыстық заттар мен салт-санаға, әдет-ғұрып, наным-сенімге, ойын-күлкі, той-томалаққа байланысты ұғымдардың аты-жөні, сыр-сипаты т.б. тек тіл фактілері ретінде ғана, яғни жеке сөздер мен сөз тіркестері, фразеологизмдер мен мақал-мәтелдер арқылы ғана жетуі мүмкін», - дейді [Қайдар 1998, 34]. Ал бұл салалардың өз тараулар мен тармақтарға бөлініп кете береді. Сонда ғана этнолингвистикалық зерттеулердің жүйелі түрде сараланып, зерттелетіндігін баса айтады. Ғалым кейбір сөздер мен сөз тіркестерінің этнографиялық мазмұнының нақты, дәл анықталмай келе жатқандығын, олардың мазмұнын дәл анықтау үшін қысқаша этнографиялық этюд түрінде беру керектігін сөз етеді.

Абайдың тілдік тұлғасын келешек ұрпаққа жан-жақты танытқан Р.Сыздық: «Өз тұсындағы қазақ қоғамының саяси-әлеуметтік, мәдени-экономикалық күй-жағдайына орай қазақ лексикасында болған өзгеріс-жаңалықтарды Абай тілі айқын көрсетеді. Абай шығармаларының тақырыбына орай төл лексиканың ішінен этнографизмдерді де (жүкай, жанторсық, қымызмұрындық, саба, саумал, көже, саптыаяқ, шілдеhana, үштоғыз, қынаменде, сәукеле, алқа, қоржын, текемет, қолшоқпар, ақшомшы, ықтырма, күзеу т.б.), көне киім-кешек, сауыт-сайман, құрал-жабдық атауларын да (жарғақ жебе, сырға, шақпақ, торсық, дулыға, шарайна т.б.) пайдаланады», - деп ақын тіліндегі этнографиялық лексиканы талдап көрсетеді [Сыздық 1994].

Ғалым Е.Жанпейісов М.Әуезов қолданған этнографиялық тіл құбылыстарына терең талдау жасайды: «Этнографиялық жыға атауы түркі тілдерінің біразында бар. Мысалы,

қазақ тілінде қылыш өтпес үшін батырлардың бас киімінің артқы жиегіне бастырылған зат. Өзбек тілінде сопақша металға түрлі-түсті асыл тас, құс қауырсыны орнатылған әшекей. Мұны бас киіміне өзінің үйлену тойында күйеу жігіт те, сүндетке отырғызылған күні жас бала да тағады. ...Жыға қазақ тілінде қыздардың бас киіміне қадайтын құс қауырсыны деп те түсіндіріледі» [Жанпейісов 1976, 41]. Автор талдаған жыға, тоқал т.б. атаулардың мәнін студенттерге сабақ барысында айтып өтсе, олар өз мамандықтарына қатысты кейбір сөздердің шығу тарихын да меңгеріп шығады.

Ж.Манкеева: «Қазақ тілінің лексикасы – қат-қабат, сарқылмас мол қазына. Ол байлықтың ең бір сүбелі қабаты этнографиялық лексика. Онда мағынасы күңгірттеніп, қолданыстан шығып қалған, өткен өмір мен ескірген әдет-ғұрыпты бейнелейтін, әр түрлі кәсіпке байланысты ұмыт болған атаулар мен сөз тіркестер көптеп кездеседі. Атап айтқанда, мал бағуға, саятшылыққа, зергерлікке т.б. байланысты атауларға, соларға қатысты туған сөз тіркестері мен фразеологизмдерде халқымыздың басып өткен бүкіл ұзақ өмірінің өрнегі жатыр. Осы сияқты тілдегі байырғы құбылыстарды, тіл шеберлерінің дайын үлгілері – мақал-мтелдердің құрамынан да көптеп кездестіруге болады»- деп тұжырымдайды [Манкеева 2008, 13].

Қазақ және монғол тілдеріндегі поэтикалық фразеологизмдердің этномәдени мазмұнын жан-жақты қарастырған Г.Сағидолда: «Шежірелер» тілінде халықтың салт-дәстүріне байланысты қалыптасқан этнографиялық фразеологизмдер көптеп кездеседі. Осылардың кейбіреулерінің қазіргі қазақ тілінде дәл сондай идеялы (мағыналы, мазмұнды), бірдей тілдік көріністе, бірдей көркем бейнелі (образ) эквиваленті орын алады. Осындай өзара эквиваленттік қатыста болып келетін «Шежіре» фразеологизмі мен қазақ фразеологизмін салыстыра отырып, олардың түптегіне барлау жасау (этимологиялық талдау жасау) барысында фразеологизмнің тууына себеп болған салт-дәстүр айқындалып келеді», -деп фразеологизмдерге этнолингвистикалық талдау жасап, екі тілдің сабақтастығын тілдік деректермен дәлелдейді [Сағидолда 2003, 132].

Зергерлік атауларды тарихи-этнографиялық тұрғыдан зерттеген Р.Шойбеков, бұл бұйымдардың о баста сән-салтанат үшін емес, тұмар немесе белгі ретінде қолданылғанын айтады: «Зергерлік заттар сәндік максата жұмсалудан бірге белгілі бір адамның шыққан тегін, яки лауазымын, қызмет дәрежесін, жас мөлшерін, кәсібін, қай руға, тайпаға жататынын, тұратын жерін т.б. ажыратып көрсететін белгі қызметін де атқарған» [Шойбеков 1993, 124]. Ғалымдардың еңбектерінен толық мәлімет беріп отырғанымыздың себебі, этнографиялық лексиканың мәнін жете түсіндіру. Этнографиялық лексиканы оқытудың білімдік, танымдық маңызы студенттердің тіл білімі туралы ұғымын кеңейтеді. Өзгетілді топтарында этнографиялық лексиканы меңгерту олардың тілге деген қызығушылығын тудырады. Р.Шойбеков қазақ тілінің зергерлік өнері лексикасын төрт топқа бөліп қарастырады: зергерлік әшекей, бұйым атаулары; зергерлік өнерінде қолданылатын құрал-жабдық атаулары; зергерлік бұйымдар жасауға қажетті материал атаулары; зергерлік өнерінің әдс-тәсіл, технологиялық үрдіс атаулары [Шойбеков 29]. Этнографиялық лексиканы оқытуда осыны негізге аламыз. Мәселен, студенттері сөздердің (былқылдақ – әйелдерің бас киіміне тағатын үлкен моншақ, маржан; есектас – көз тимесін деген ырыммен жас балалардың бөркіне тағуға арнап өңделген, жонынан қырналған көк тас, әшекей; жақ – бас киімге тағылып, самайдың екі жағынан төмен түсетін үзбелі салпыншақ сәукеленің астынан киетін зере деген бас киімнің самай тұсына, кимешектің екі бет тұсы мен астын ала тігілген оқалы, алтын, күміс шытыралы әшекей сәнді кесте. Жақ көбінесе жас келіншектер мен әйелдердің бас киіміне тағылады. (Бұл сөз қырғыз тілінде де осы секілді әшекей мағынасын білдіреді) лексикалық мағынасын сабақ процесінде меңгеріп, тілдік қарым-қатынаста ұтымды қолдануға тырысты. Б.Қасым аталым немесе сөздің лексикалық мағынасы мен семантикасы жайлы: «Сөздің лексикалық мағынасы таным теориясымен тікелей байланысты. Яғни адам затты қаншалықты жақсы таныса, затты белгілейтін сөздің мағынасын соншалықты анық, айқын біле алады. Себебі сөз мағынасы – белгілі бір заттың не құбылыстың адам санасындағы жалпыланған бейне. Зат бейнесі сөз мағынасының негізін құрайды, яғни жалпыланған бейне арқылы сөз

мағынасын түсініледі және мағына арқылы келесі тыңдаушыға жеткізіледі. Сөз мағынасын қалыптастыру үшін сөздің мағынасын сөйлеуші ғана емес, қоғамдағы басқа адамдар да солай түсінуі, солай ұғынуы керек. Сонда ғана адамдар бірін-бірі түсінеді, бірімен-бірі қарым-қатынас жасай алады» [Қасым 2010].

Профессор Ф.Ш.Оразбаева: «Оқушы жаңа грамматикалық заңдылықтарды, ережелерді есте сақтап, оларды іс жүзінде қолданады, тілдік тұлғалардың байланысу түрлерін меңгеріп, сөйлеу кезінде пайдаланады... Фонема, морфема, сөз, тұрақты тіркес, сөйлемдер тілдік тұлғалар ретінде тілді оқытудың жүйесін енеді», - деп, кез-келген ереже сөйлеуді үйретуге қызмет етіп, пікірлесу, тілдесу үшін оқытылғанда мақсаттың орындалатындығын баса көрсетеді [Оразбаева 11, 144-145]. Студенттер бір-бірімен тіл арқылы қатынас жасауда ең алдымен сөзге сүйенеді. Қатысымдық тұлға – сөз студентке түсінікті болу үшін, сөздің лексикалық және грамматикалық мағынасын біліп алу қажет. Сөз – сөйлеу, пікір алысу үрдісіндегі ең басты тұлға. Сөз жеке тұрғанда, затың, қимылдың т.б. атауы болып, номинативті қызмет атқарса, тіл арқылы коммуникативтік жағдаятта, ортаға байланысты жұмсалып, қарым-қатынастық қызмет атқарады.

Әдебиет

1. Назарбаев Н. Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру// <https://egemen.kz/article/nursultan-nazarbaev-bolashaqqa-baghdar-rukhani-zhanhghyru>
2. Қайдар Ә. Қазақ тілінің өзекті мәселелері. – Алматы: Ана тілі, 1998. – 304 б.
3. Сыздықова Р. Сөздер сөйлейді. – Алматы: Санат, 1994. – 227 б.
4. Жанпейісов Е. М. Әуезовтің «Абай жолы» эпопеясының тілі. – Алматы: Ғылым, 1976. – 168 б.
5. Манкеева Ж. Қазақ тіліндегі этномәдени атаулардың танымдық негіздері. – Алматы, 2008. – 356 б.
6. Сағидолла Г. Поэтикалық фразеологизмдердің этномәдени мазмұны. – Алматы: Ғылым, 2003. – 248 б.
7. Шойбеков Р. Қазақ зергерлік өнерінің лексикасы. – Алматы, 1993.
8. Қасым Б.Қ. Күрделі аталым жасалымы: когнитивті-дискурстық ұстаным. – Алматы: ЖК Волкова А.В., 2010. – 383 б.
9. Оразбаева Ф. Тілдік қатынас. – Алматы: Сөздік-словарь, 2005. – 272 б.

УДК 811.511.142 = 342.42

Н. С. Уртегешев, г. Новосибирск

ХАНТЫЙСКИЕ СОГЛАСНЫЕ ВТОРОГО АРТИКУЛЯЦИОННОГО РЯДА (ПО СОМАТИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

Статья написана в рамках проекта "Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур"
(грант Правительства РФ № 14.Y26.31.0014).

Звуковая система хантыйского языка описывается методом аудитивно-визуального анализа достаточно давно. С середины прошлого столетия стали проводиться исследования экспериментально-фонетическими методами. В данной работе впервые по данным магнитно-резонансного томографирования дается описание переднеязычных согласных хантыйского языка. Выявлены основные и дополнительные артикуляторные настройки.

Ключевые слова: хантыйский язык, экспериментальная фонетика, МРТ, переднеязычные согласные.

KHANTY CONSONANTS OF THE SECOND ARTICULATION RANGE (PHYSICAL DATA). *Sound system of the Khanty language has been described by the method of auditive and visual analysis for a long time. Since the middle of last century we began to conduct research using experimental phonetic methods. For the first time ever we give a description of the forelingual Khanty consonants applying methods of magnetic resonance tomography. The author identified the main and additional articulatory settings.*

Keywords: Khanty language, experimental phonetics, MRT, laminal consonants.

Цель работы: с помощью современного высокопольного томографа визуализировать структуры голосообразующего аппарата (ГоОА) и их моторику при произнесении

консонантных единиц хантыйского языка. Актуальность исследования обусловлена отсутствием достоверных знаний о механизмах речепорождения в различных языках.

Практическое применение – в разных областях знаний: 1) в филологии – для фонетистов; специалистов, занимающихся экспериментальной фонетикой; лингвистов, занимающихся историей языка; этнографов, при определении происхождения того или иного этноса; преподавателей вузов, а также для учителей хантыйского языка; 2) в медицине – для неврологов, логопедов, хирургов, отоларингологов.

Экспериментально-фонетическое изучение языков народов Сибири, Севера и Дальнего Востока было начато в конце 60-х годов прошлого столетия под руководством В.М. Наделяева, создавшего в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР (с 1990 г. – Институт филологии Сибирского отделения РАН) Лабораторию экспериментально-фонетических исследований (сейчас – ЛЭФИ ИФЛ СО РАН им. В.М. Наделяева). За прошедшие годы в русле теоретических концепций и методологической базы, заложенных основателем ЛЭФИ, изучены и продолжают изучаться различные аспекты звукового строя более 40 языков, диалектов и говоров – тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурских, самодийских, обско-угорских, енисейских и палеоазиатских; активнее всего разрабатывается тюркологическая проблематика [Селютина 2006; Селютина и др., 2013, 94-100].

Впервые дается описание артикуляторным настройкам согласных хантыйского языка по данным магнитно-резонансного томографирования (МРТ-съемка проводилась в Институте «Международный томографический центр» СО РАН, г. Новосибирск).

В своей работе мы рассмотрели только переднеязычные настройки согласных типа «р», «л», «с» хантыйского языка. Слова для экспериментов были взяты из «Хантыйско-русского словаря (казымский диалект)» [Соловар 2014].

В силу ограниченности объема статьи, мы не стали вдаваться в детальное описание данных артикуляций, приводим только определения консонантных настроек.

При обработке материала была использована принятая исследователями фонетики языков Сибири и сопредельных регионов методика расшифровки и анализа рентгенограмм, разработанная В.М. Наделяевым [1980, 44–91]; единство методики обеспечивает сопоставимость полученных результатов, позволяет выявить общее и особенное в звуковых системах исследуемых языков, и является необходимой предпосылкой при разработке типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ).



Рис. 1. Звук «г» в словоформе *aP* 'песня, много' – согласный мгновеннопреградный переднеязычный какуминальный альвеолярный сильнонапряженный веларизованный фарингализованный звонкий ртовый – 'ḡ'



Рис. 2. Звук «г'» в словоформе *aPi* 'петь' – согласный мгновеннопреградный переднеязычно-среднеязычный твердонебный сильнонапряженный умереннопалатализованный фарингализованный звонкий ртовый – 'ḡ'



Рис. 3. Звук «л» в словоформе *аЛ* ‘указывать, показывать’ – *согласный медиально-смычный латерально-щелевой переднеязычный какуминальный альвеолярный сильнонапряженный веляризованный увуларизованный фарингализованный звонкий ротовый – ‘л’*



Рис. 4. Звук «л» в словоформе *миЛ* ‘шапка’ – *согласный медиально-смычный латерально-щелевой слабодорсальный переднетвердонебный сильнонапряженный непалатализованный глухой ротовый – ‘л’*



Рис. 5. Звук «с» в словоформе *аС* ‘самка’ – *согласный круглощелевой переднеязычный апикальный денальный сильнонапряженный слабовеляризованный глухой ротовый – ‘с’*

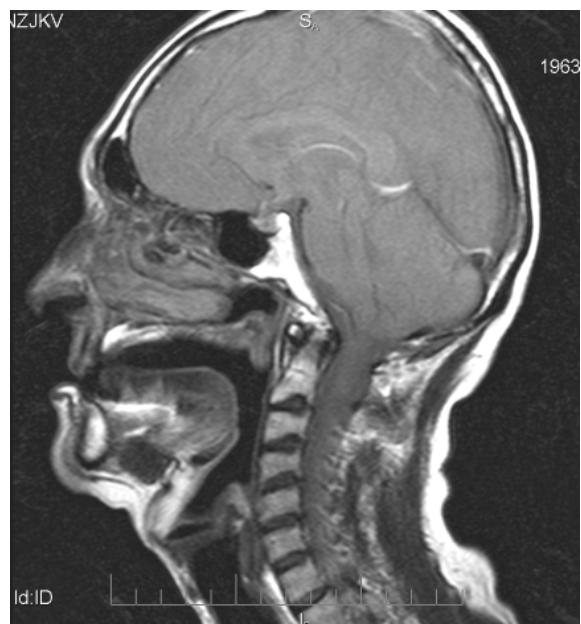


Рис. 6. Звук «с» в словоформе *вуСы* ‘сажа’ – *согласный круглощелевой переднеязычный апикальный денальный сильнонапряженный веляризованный глухой ротовый – ‘с’*

Из вышеприведенного описания хантыйских консонантных настроек можно сделать следующие выводы:

1. При произнесении согласных типа «р», «л», «с» активным артикуляционным органом выступает кончик языка, который различается по конфигурации: в словах *аС* ‘самка’ и *вуСы* ‘сажа’ – *апикальная*, а в лексемах *аР* ‘песня, много’ и *аЛ* ‘указывать, показывать’ – *какуминальная*. Кроме того, апикальные настройки – *денальные* – по пассивному органу речи, а какуминальные – *альвеолярные*. Исключение составляют

«мягкие» настройки в словах *аРи* ‘петь’ и *миЛ* ‘шапка’, которые по пассивному органу – *твердонебные*, но различаются по активному: в словоформе *аРи* – *переднеязычно-среднеязычная* артикуляция, а в лексеме *миЛ* – *слабодорсальная*.

2. Для переднеязычных настроек типа «р», «л», «с» доминирующим активно артикулирующим органом выступает *кончик языка*, а пассивным – *дентально-альвеолярная часть* небного свода.

Информанты

Каксин Андрей Данилович, хант. Родился 1 июля 1963 г. в с. Казым Белоярского района Ханты-Мансийского АО. Образование высшее филологическое – доктор наук, профессор. Хантыйским языком владеет с детства. Русским языком владеет со школы.

Литература

1. Наделяев В.М. Артикуляторная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. – Новосибирск, 1980. – С. 44-91.

2. Селютина И.Я. Фонетические исследования языков Сибири: итоги и перспективы // Языковая ситуация и коммуникативные стратегии обучения. – Новосибирск, 2006. – С. 20–36.

3. Селютина И.Я., Уртегешев Н.С., Рыжикова Т.Р., Шевела А.И., Летягин А.Ю. Исследования звуковых систем языков народов Сибири с использованием новейших технологий // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2013. – № 1. – С. 94–100.

4. Соловар В.Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). – Ханты-Мансийск, 2014.

УДК 811.512.155

Н. С. Уртегешев, г. Новосибирск

Т. А. Токмашова, г. Таштагол

ФОНЕМАТИЧЕСКИЙ СТАТУС ЗВУКОВ, ОБОЗНАЧАЕМЫХ ГРАФЕМОЙ Л, В ЯЗЫКЕ ШОРСКОГО РОДА ТАЕШ

Диалекты в шорском языке фактически прекратили своё существование, но остались локальные группы (роды), в языке которых отмечается специфика. Одним из таких родов (сöök’ов) является таеш. Число говорящих на нем осталось не более двух десятков человек, поэтому перед исследователями стоит острая необходимость детально исследовать его в кратчайшее время.

Ключевые слова: *тюркология, шорский язык, согласные звуки, диалектология.*

PHONEMIC STATUS OF SOUNDS DENOTED BY THE GRAPHEME L IN THE SHOR LANGUAGE’S TAESH SUBDIALECT. *Dialects in the Shor language have virtually ceased to exist, but there remained local groups, in which one notes specific features. One of these tribes (sööks) is Taesh. The number of speakers of it is not more than two dozen people left, so the researchers are in urgent need to do research on it in the shortest time possible.*

Keywords: *Turkic, Shor language, consonant sounds, dialectology.*

Объектом исследования в данной статье являются согласные, обозначаемые в современной шорской графике знаком л, в языке шорцев рода таеш, одного из 25 сöök’ов [Чиспияков 2004, 12].

В результате аудио-визуального анализа звуков типа «л» в языке рода таеш удалось выделить 4 основные единицы фонического уровня: «l⁶» [1], «ł» [2], «l’» [3], «λ» [4].

⁶ Здесь и далее для точной передачи звучания исследуемых фонов используется традиционная транскрипционная система Новосибирской фонетической школы, разработанная В. М. Наделяевым [1960], с

І группа переднеязычных латеральнощелевых согласных звуков

Предварительное обобщение и систематизация результатов анализа позволили объединить 4 звука в одну группу, дифференцирующим признаком для которых является **рядность**: звук «І» [1] и «Ѓ» [2] – **твердоярдыне** (твердые), «І'» [3] и «λ» [4] – **мягкорядные**.

1. Звук «І» – *согласный малошумный переднеязычный смычный латерально-щелевой звонкий твердый нефарингализованный умереннонапряженный краткий незатянутый ротовой*.

Примеры: (написание–транскрипция–семантика): **пуудай унуның калаш иштепчар** – pūːɥːdɑj ʔŋnːŋnːɯ̯ ˈqːɑlɑʃ ˈʃːˈtːɜpːhʃːɑr – ‘из пшеницы делает=он хлеб’, **олан сұда** – ʔɑlɑn sʊːdɑʃ – ‘молоко=его’, **олан адынға** – ʔɑlɑn ʔɑːdɯ̯nːɑqɑʃ – ‘к имени=его’, **калэш** – ˈqːɑlɜʃ – ‘хлеб’, **олын эпчезэ** – ʔɑlɑn ʔɜpːhʃːɜzːʔ – ‘жена=его’, **олан ада** – ʔɑlɑn ʔɑːdɑʃ – ‘имя=его’, **төрткылы** – tɔrtqɯ̯lɯ̯ʃ – ‘к четверем’, **олан позыйа** – ʔɑlɑn pɔːzɯ̯jaːʃ – ‘гвоздь=его’, **олан чүзэ** – ʔɑlɑn hʃːyːzʊʃ – ‘лицо=его’, **сала** – sɑlɑʃ ~ ˈsːɑlɑʃ – ‘ветка (дерева)’, **олан муза** – ʔɑlɑn mʊːzɑʃ – ‘лэд=его’, **улуҗа** – ʔʊlʊɑʃ – ‘плачь’, **улуҗапчир** – ʔʊlʊɑpːhʃːɪr – ‘плачет=он’, **тогулак** – tɔqʊlɑqː – ‘чурка’, **олох кэсь салган** – ʔɑlɔx kɜsː sɑlɡɑn – ‘отрезал=он только что’, **олаң пайрамы** – ʔɑlɑŋ ˈpɑjɾɑmɯ̯ʃ – ‘праздник=его’, **аңбыла** – ʔɑːŋː bɯ̯lɑʃ – ‘со зверем’, **менбыла** – mːɛːnːː bɯ̯lɑʃ – ‘со мной’, **қамбыла** ~ **қамба** – qɑmbɯ̯lɑʃ ~ qɑmbɑʃ – ‘(с) шаманом’, **олын плады** – ʔɑlɑn ˈpːlʌːdɑʃ – ‘платок=его’, **олай** – ʔɑːlɑj – ‘дед (по матери)’, **үрүжүрга полышсың** – ʔʊrʊʒʊrgɑ pɔlɯ̯ʃsɯ̯ŋ – ‘помогай драться’, **малачак** – mːɑːlʌʃqːɑx – ‘скотинушка’, **чылтыс** – ˈhʃːɪltɯ̯s – ‘звезда’, **малта** – mɑltɑʃ – ‘топор’, **мылтык** – mʊltʊx – ‘ружье’, **алты** – ʔɑːltɯ̯ʃ – ‘шесть’, **ол парбстыр** – ʔɑl pɑrbstɯ̯r – ‘он ушел (оказывается)’, **кызыл шаш** – ˈqːˈhɜzɯ̯l ˈʃːɑʃ – ‘красные волосы’, **калба** – ˈqːɯ̯lbɑʃ ~ ˈqːɯ̯lbəʃ – ‘черемша’, **калбыр** – qɑlbɯ̯r – ‘небрежный’, **амна албалған** – ʔɑːmnɑʃ ʔɑlβɑlɑqɑn – ‘взял=он только что’, **ползын** – pɔlzɯ̯ŋ – ‘пусть будет’, **кэче налдугун** – kɜhʃːɛʃ nɑldʊɡʊn – ‘позавчера’, **малғуш** – mɑlqʊʃ – ‘скотинушка’, **салҗын кырча** – sɑːlqɯ̯ŋ ˈqːɯ̯rːhʃːɑʃ – ‘ветер дует’, **ол барстыр** – ʔɑl bɑrstɯ̯r – ‘он ушел (оказывается)’, **ол темде** – ʔɑl dːɛmːdː ʌʃ – ‘в то время’, **торсла парҗан** – tɔrslɑʃ pɑrɑqɑn – ‘намозолился=он’, **толдура** – tɔːldrːɑʃ ~ tɔldrːɑʃ – ‘полный’, **тазыл** – tɑːzɯ̯l – ‘корень’, **кызыл** – ˈqːɯ̯zɯ̯l – ‘красный’, **сасал** – ˈsːɑːˈsːɑl – ‘положи’, **сол** – ˈsːɑl – ‘левый’, **одурсал** – ʔɑdɯ̯rːsːɑl – ‘садись’, **азыл** – ʔɑːzɯ̯l – ‘веси!’, **шажын казыбал** – ˈʃːɑːzɯ̯nː ˈqːɑːzɯ̯βɑl – ‘заколи волосы’, **ижэр ол ~ ижыр ол** – ʔɪːzːɜr ʔɑl ~ ʔɪːzːɜr ʔɑl – ‘будет пить=он’, **кожибал** – ˈqːɑːzɯ̯βɑl – ‘кочуй’, **чабал** – ˈhʃːɑbɑl – ‘плохой’.

Описываемый звук «І» констатируется в медиальных позициях: интервокальных – -V[C]V-, после долгого гласного -V:[C]V-; поствокально-преконсонантных – перед согласными из группы C₁ – -V[C]C₁V-, после долгого гласного -V:[C]C₁V-, в позиции конечного внешнего сандхи -V[C]C₁V-; перед согласными из группы C₂ – -V[C]C₂V-, после долгого гласного -V:[C]C₂V-, в позиции конечного внешнего сандхи -V[C]C₂V- и финально-поствокальной – -V[C]. Кроме того, звук «І» встречается в триконсонантных

сочетаниях: в качестве третьего компонента – **-VC₃C₁[C]V-** и в качестве первого компонента после полудолгого гласного – **-V·[C]C₂C₃V-**.

2. Звук «**ф**» – *согласный малошумный переднеязычный смычный латерально-щелевой звонкий твердый веляризованный нефарингализованный умереннонапряженный краткий незатянутый ртовый*.

Примеры: **улуғ печем** – ʔʊtʊ'ʏ b^ʕɛhʒ'em̐ – 'старшая сестра=моя', **улуғ кыстеңмем** – ʔʊtʊ'ʏ qɛ̃s̃t'ɛ̃n̐m̐'ɛ̃m̐ – (**-тенмем, -деңмем, -тыңма** ⇔ **туңма -ы ~ е ~ а – ә ~ е –**) – 'старшая младшая сестра', **олан позыйа** – ʔɔlɔn pɔ:zɔja:ʔ – 'гвоздь=его', **олан чүзә** – ʔɔlɔn hɕy:z'øʔ – 'лицо=его', **сең кадлың** – s'en 'q:αd_ɔɫɫɯ – 'слой=твой', **алтам** – ʔɔltɯm̐ ~ ʔɔ:ɫtɯm̐ – 'шаг', **мылтық** – m'ɪt'ɪ:ɫɯ – 'ружье', **кичиг оолдеңмем ~ кичиг оолдыңмем** – 'k:ɪdʒ'i'ʏ ʔɔ:ɫtɯm̐m̐m̐ ~ 'k:ɪdʒ'i'ʏ ʔɔ:ɫtɯm̐m̐m̐ ~ 'k:ɪdʒ'i'ʏ ʔɔ:ɫtɯm̐m̐m̐ ~ 'k:ɪdʒ'i'ʏ ʔɔ:ɫtɯm̐m̐m̐ – 'младший брат', **ол қамда** – ʔɔl xam_ɔdɔʔ – 'у того шамана', **улғапча** – ʔʊtɔp_ɔ'hɕ:aʔ – 'плачет=он', **пир қадл** – 'p'ɪr' q:αd_ɔɫ – 'один слой', **сақыл** – 's:ɔ:q:ɫ – 'белка-летяга', **азыл** – ʔɔ:zɪɫ – 'веси!', **аал** – ʔɔ'ɔɫ – 'деревня', **ижәр ол ~ ижыр ол** – ʔɪ.ʒ'zɪr ʔɔl ~ ʔɪ.ʒ'ɪr ʔɔl – 'будет пить=он', **оол** – ʔo:ɫ – 'парень'.

Допускаемое позиционно-комбинаторное использование для звука «**ф**» таково: медиальные позиции: интервокальная – **-V[C]V-**, постконсонантно-превокальная – **-VC₂[C]V-**, поствокально-преконсонантные – перед согласными из группы **C₁** – **-V[C]C₁V-**, после долгого гласного **-V:[C]C₁V-**, в позиции конечного внешнего сандхи **-V[C]C₁V-**, перед согласными из группы **C₂** – **-V[C]C₂V-**; финальные позиции: постконсонантная – **-VC₂[C]**, а также поствокальные – **-V[C]** и после долгого гласного **-V:[C]**.

3. Звук «**л'**» – *согласный малошумный переднеязычный смычный латерально-щелевой звонкий умереннопалатализованный нефарингализованный умереннонапряженный краткий незатянутый ртовый*.

Примеры: **тилес** – t'ɪl'æ:s – 'новость', **керселер** – kɛr's:zɪ'er – 'умные', **үште ~ үшпиле** – ʔʊʃ'p'zɪ ~ ʔʊʃ'p'ɪl'ɛʔ – 'с тремя', **чаш пилет** – 'hɕ:aʃ' p'ɪl'et – 'молодой кедр', **төртеле** – t'ʊr'hel'eʔ – 'вчетвером', **эпчелер** – ʔɛp'hɕ'el'ɛr – 'женщины', **күлюк** – kʊl'ʊk – 'пыль', **ашпыла** – ʔɔʃ'p'ɫ'aʔ – '(с) ячменём', **көрсәлер** – kɔr's:zɪ'er – 'умные', **мен келерим** – m'en qɛl'er'ɛ̃m̐ – 'приду=я', **күрүнбыла** – kʊr'ʏn_ɔb'ɪl'aʔ – '(с) коричневым', **келимға** – kɛ:l'ɪm_ɔqɔʔ – '(к) снохе', **келимде** – kɛ:l'ɪm_ɔdɛ^ʕʔ – 'у снохи', **келим** – kɛ:l'ɪm_ɔ – 'сноха', **көрселер** – kɔr'ɕ:zɪ'l'ɛr – 'умные', **тилес** – t'ɪl'æ:s – 'новость', **күгледі** – kʊgl'ɛr_ɔ'hɕɛʔ – 'тремит (о громе)', **тадэрлер** – tɔdɛrl'ɛr – 'шорцы', **чойляхча** – 'hɕ:œjl'aɫhɕaʔ – 'лукавит=он', **чойлен** – hɕ'œjl'ɛr_ɔ – 'обман', **амны келген** – ʔɔ:mnɪʔ kɛl'qɛn_ɔ – 'пришел=он только что', **кельзә** – kɛl'z:zɪ – 'если придет=он', **мен еще келбем** – m'en jɛʃ'ö kɛl'b'em – 'еще не пришел=я', **келгем** – kɛl'qɛzm̐ – 'пришел (давно)=я', **шелге** – ʃ'ɪl'gɔʔ – 'вилы', **илбик** – ʔɪ:l'b'ɪk – 'пуговица', **акел** – ʔɔ'k:zɪ – 'принеси', **кәль бәрә** – kɛl' b'ɛr:zɪ – 'иди сюда', **шежибистлер** – ʃ'ɛ:ʒ'ɪb'ɪs't'ɪ'er – 'развязали=они'.

Таким образом, исследуемый звук «**л'**» зафиксирован в следующих позициях: инициально-постконсонантно-превокальной **C₁[C]V-**; медиальных: интервокальных – после краткого гласного **-V[C]V-**, после долгого гласного **-V:[C]V-**, после долгого гласного в составе геминаты **-V:[C][C]V-**; постконсонантно-превокальных – после

согласных из группы C_2 – $-VC_2[C]V-$; постсонантно-превокальных – $-VC_3[C]V-$; поствокально-преконсонантных – перед согласными из группы C_2 – после краткого гласного $-V[C]C_2V-$, после долгого гласного $-V:[C]C_2V-$, в позиции конечного внешнего сандхи $-V[C]C_2V-$. Кроме того, звук «l» зафиксирован в составе триконсонантных сочетаний в качестве третьего компонента $-VC_1C_1[C]V-$.

4. Звук «λ» – *согласный малошумный переднеязычно-среднеязычный смычный латерально-щелевой звонкий нефарингализованный умереннонапряженный краткий незатянутый ртовый*.

Примеры: **тилиγ** – $\underline{t}^{\cdot c} \tilde{\text{ɬ}} \text{li}^{\cdot} \tilde{\text{ɬ}}$ – ‘живой’, **тлес** – $\underline{t}^{\cdot} \lambda \text{æ}^{\cdot} \tilde{s}$ – ‘новость’, **öllер** – $\text{ʔ} \text{æ}^{\cdot} \lambda \text{e}^{\cdot} \text{r}$ – ‘смерть (мн.ч.) (умрет=он)’, **ол келтыр** – $\text{ʔ} \text{ol} \text{ k} \text{e} \lambda \text{t}^{\cdot} \tilde{\text{ɬ}} \text{r}$ – ‘пришел=он (оказывается)’, **ölgен** – $\text{ʔ} \text{æ} \lambda \text{g} \text{e}^{\cdot} \text{n}$ – ‘умер=он’, **акел** – $\text{ʔ} \text{ä}^{\cdot} \text{'k} \text{:} \text{z} \lambda$ – ‘принеси’, **чедиль** – $\text{'h} \text{c} \text{:} \text{e} \text{:} \text{d}^{\cdot} \tilde{\text{ɬ}} \lambda$ – ‘кашель’, **тил** – $\underline{t}^{\cdot c} \tilde{\text{ɬ}} \lambda$ – ‘язык’.

Звук «λ» констатируется в следующих позициях: инициально-постконсонантно-превокальной $C_1[C]V-$; медиальных: интервокальных – после краткого гласного $-V[C]V-$, после долгого гласного $-V:[C]V-$, после долгого гласного в составе геминаты $-V:[C][C]V-$; поствокально-преконсонантной позиции – перед согласными из группы C_1 – $-V[C]C_1V-$, перед согласными из группы C_2 – $-V[C]C_2V-$ и финально-поствокальной – $-V[C]$ позиции.

Анализ дистрибуции и комбинаторики малошумных латерально-щелевых согласных звуков, выявленных в результате сегментации текста, применение сформулированных Н. С. Трубецким [1960] правил выделения фонем с опорой на функциональные критерии позволили произвести идентификацию, отождествление некоторых сегментов в качестве реализаций одной фонемы, то есть определить состав малошумных латерально-щелевых согласных фонем. Результаты анализа свидетельствуют о следующем.

1. Звуки «l» [1] и «ɬ» [2], реализующиеся в твердорядных словоформах, следует рассматривать как факультативные оттенки одной фонемы, так как в медиально-интервокальной $-V[C]V-$ и финально-поствокальной $-V[C]$ позициях они находятся в отношениях свободного варьирования, замещая друг друга без изменения семантики слова, например: **олан** – $\text{ʔ} \text{ol} \text{ä}^{\cdot} \text{n}$ ~ $\text{ʔ} \text{ɬ} \text{ol} \text{ä}^{\cdot} \text{n}$ – ‘его’, **ол** – $\text{ʔ} \text{ol}$ ~ $\text{ɬ} \text{ol}$ – ‘он’, **азыл** – $\text{ʔ} \text{ä}^{\cdot} \text{:} \text{z} \tilde{\text{ɬ}} \lambda$ ~ $\text{ʔ} \text{ɬ} \text{ä}^{\cdot} \text{:} \text{z} \tilde{\text{ɬ}} \lambda$ – ‘веси!’. Аналогичные критерии отождествления в качестве факультативных оттенков одной фонемы следует применить к звукам «l» [3] и «λ» [4], которые в медиальной и финально-поствокальной позициях чередуются друг с другом, например: **тилес** – $\underline{t}^{\cdot} \lambda \text{æ}^{\cdot} \tilde{s}$ ~ $\underline{t}^{\cdot} \text{'l} \text{æ}^{\cdot} \tilde{s}$ – ‘новость’, **акель** – $\text{ʔ} \text{ä}^{\cdot} \text{'k} \text{:} \text{z} \text{'l}$ ~ $\text{ʔ} \text{ä}^{\cdot} \text{'k} \text{:} \text{z} \lambda$ – ‘приносить’.

2. Звуки «l» [1] и «ɬ» [2], с одной стороны, и звуки «l» [3] и «λ» [4], с другой, находятся в отношениях аллофонного варьирования. Соответственно и являются позиционно-комбинаторными оттенками одной фонемы: непалатализованные: «l» [1] и «ɬ» [2] – реализуются в твердорядных словоформах; умереннопалатализованные: «l» [3] и «λ» [4] – находятся в составе мягкорядных словоформ.

3. Таким образом, анализ дистрибуции и функционирования малошумных переднеязычных латерально-щелевых согласных звуков позволяет квалифицировать их как позиционно-комбинаторные варианты одной фонемы, которую можно обозначить символом [l].

4. В составе инициальных биконсонантных сочетаний в постпозиции к глухим согласным $C_1[C]V-$ употребляются аллофоны «l» [3] и «λ» [4]. В составе медиальных биконсонантных сочетаний в препозиции к глухим согласным $-V[C]C_1V-$ зафиксированы варианты «l» [3] и «λ» [4], в препозиции к звонким гласным $-V[C]C_2V-$ также функционируют аллофоны «l» [3] и «λ» [4]. В составе медиально-интервокальных

сочетаний **-V[C]V**- репрезентантами являются оттенки «l'» [3] и «λ» [4], а также в составе геминаты **-V:[C][C]V**- употребляются аллофоны «l'» [3] и «λ» [4].

Литература

1. Надеяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). – М.; Л., 1960. – 68 с.
2. Сарбашева С. Б. Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). – Новосибирск, 2004. – 242 с.
3. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. – М., 1960.
4. Чиспияков Э. Ф. Об этногенезе шорцев // Язык, история, культура тюрков Южной Сибири. – Кемерово, 2004.
5. Уртегешев Н. С. Внутряязыковые фонетические процессы, влияющие на усложнение языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – Новосибирск, 2015. – № 2, вып. 29. – С. 81–88.
6. Уртегешев Н. С. Фонетика чулымско-тюркского языка по записям 70-х годов XX века // Урало-алтайские исследования. – 2016. – № 1(20). – С. 105–110.
7. Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Эсенбаева Г. А., Рыжикова Т. Р., Добринина А. А. Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий // Урало-алтайские исследования. – 2009. – № 1. – С. 100–115.

УДК 811.511.132

Е. Н. Федосеева, г. Сыктывкар

К ВОПРОСУ О ДОКУМЕНТИРОВАНИИ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена истории документирования данных коми-пермяцкого языка. Рассмотрены работы начиная с фиксации фактов речевой деятельности в XVIII веке и до настоящего времени.

Ключевые слова: документирование языков, коми-пермяцкий язык, образцы речи, диалекты

TO THE QUESTION OF DOCUMENTING THE KOMI-PERMYAK LANGUAGE. *The article is devoted to the history of documenting the Komi-Permyak language data. The works are considered starting with fixing the facts of speech activity in the XVIII century and up to the present time.*

Keywords: *documenting of languages, Komi-Permyak language, speech samples, dialects.*

Документирование языков – относительно молодая область языкознания. Она связана с полевой лингвистикой, то есть с изучением языков в среде их естественного обитания. Основная задача документирования – сбор и накопление первичных данных о языках, а результатом документирования являются собранные первичные материалы. Как отмечает А.В. Архипов, «цель документирования – сбор большого количества исходных данных («сырого» материала), которые позволят в дальнейшем изучать язык (то есть решать конкретные исследовательские задачи), даже если новые данные собрать будет уже нельзя» [Архипов 2008, 76].

Особенную актуальность документирование языков приобретает именно в последние годы из-за стремительного сокращения языкового разнообразия. Как отмечают специалисты, наибольшая опасность угрожает малым языкам, на которых говорят в сравнительно небольших (менее 50 000 человек) языковых сообществах; такие языки обычно не имеют официального статуса и зачастую не обладают социальным престижем. Поэтому в наше время перед учеными стоит задача сохранить как можно больше языковых данных.

К языкам, которые подвержены угрозе исчезновения, вполне можно отнести коми-пермяцкий язык. По данным переписи 2010 года, на коми-пермяцком языке говорят около 63000 человек. Количество говорящих на коми-пермяцком языке несколько больше вышеуказанного, однако оно постоянно и стремительно сокращается.

Первые зафиксированные факты речевой деятельности по коми-пермяцкому языку относятся к XVIII веку⁷. В данных работах приводятся повсеместно распространенные и широко известные слова. В большинстве работ указания на место сбора языкового материала и на его диалектную принадлежность отсутствуют. Среди словарей XIX века, содержащих коми-пермяцкий материал, самым известным является «Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь» Н. Рогова [Рогов 1869]. Он содержит около 13000 слов, относящихся к иньвенскому и нердвинскому диалектам. Кроме того, коми-пермяцкий материал зафиксирован в ряде других работ⁸, в том числе наряду со словами коми-зырянского языка⁹.

Косинско-камский диалект представлен в словнике из 1100 слов в «Первоначальном учебнике русского языка для чердынских пермяков» (Казань, 1906). Тот же диалект представлен в работе Т. Утилы [Uotila 1938], в приложении к которому даны более тысячи слов с этимологиями.

Кочевский диалект представлен в работе Г. Нечаева «Отношение окружного коми литературного языка к северным диалектам Коми округа» [Нечаев 1931]. В статье приводится более 400 диалектных слов с переводом на русский язык.

Среднеиньвенский диалект представлен в кандидатской диссертации А.С. Кривошековой-Гантман «Словарный состав и словоизменение иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка», где в приложении к работе содержится словарь включающий около 8000 слов [Кривошекова-Гантман 1951].

Нормативные словари коми-пермяцкого языка («Коми-пермяцко-русский словарь» 1985 г. и «Коми-пермяцко-русский и русско-коми-пермяцкий словарь» 1993 г.) помимо общеупотребительных слов также содержат диалектные лексические единицы. Диалектная лексика фиксируется в ряде других работ, среди которых «Этнокультурологический мини-словарь коми-пермяцкого языка» А.С. Лобановой [Лобанова 2008], «Коми-пермяцкий фразеологический словарь» О.А. Поповой [Попова 2010], «Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка» Е.Н. Федосеевой [Федосеева 2015], диссертационные работы Т.Н. Меркушевой [Меркушева 2003] и Е.Н. Федосеевой [Федосеева 2002].

Однако основным видом речевой деятельности, фиксируемым при документировании, являются тексты различных жанров. Большую ценность имеют записи спонтанной (неподготовленной) речи. Что касается коми-пермяцкого языка, то подобных работ не так много. Среди них следует указать «Syrjänische Texte» [Uotila 1985]. Работа представляет собой образцы речи, собранные Т.Е. Утилой среди коми-пермяков, попавших в финский плен в 1941-1942 годах. Материал был обработан, переведен на немецкий язык и подготовлен к публикации П. Кокконен. В первом томе, содержащем образцы коми-пермяцкой речи, имеется 188 паспортизированных текстов разного объема

⁷ Речь идет о следующих работах: Müller H. Sammlung Russischer Geschichte T.III. СПб. 1758; Fischer I. Sibirische Geschichte. T.I. СПб., 1768; Лепехин И.И. Дневные записки путешествия академика Лепехина. T.III. СПб., 1780; Pallas P. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. СПб., 1787; Попов А. Краткой пермской словарь съ российскимъ переводомъ, собранный и по разнымъ матеріямъ расположенный города Перми Петро-Павловского собора протоісреемъ Антоніемъ Поповымъ. Рукопись // Рукописный отдел РНБ (Санкт-Петербург), Эрм. 207; Попов А. Краткий Пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный Антонием Поповым. 1785. Рукопись // Рукописный отдел РНБ (Санкт-Петербург), Эрм. 206.

⁸ Лексиконъ пермскаго языка, кратко выбранный и по алфавиту расположенный села Кудымкорскаго бывшимъ священникомъ Георгіемъ Чечулинымъ. Рукопись // Архив РАН (Санкт-Петербург), ф. 94, оп. 1, № 219; Vocabulaire de la Langue Wotjake et Permienne. Рукопись // РНБ (Санкт-Петербург), ф. 7 (Аделунг Ф.П.), оп. 812а, №123; Словарь русско-пермяцкий. 1848. Рукопись // Рукописный отдел Библиотеки РАН (Санкт-Петербург).

⁹ Wiedeman F.J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhang und einem deutschen Register. – St. Petersburg, 1880. 692 S.; Лыткин Г.С. Зырянско-русский словарь / Зырянский край и зырянский язык. СПб., 1889; Шахов Н.А. Коми-русский словарь. Усть-сысольск, 1924; Wichmann J., Uotila T. Syrjänischer Wortschatz. Helsinki, 1942.

(рассказы, предания, сказки, частушки, пословицы и поговорки), записанных от носителей разных говоров коми-пермяцкого языка.

Еще одна подобная работа – учебное пособие «Коми-пермяцкие говоры» А.С. Кривошековой-Гантман и Л.П. Ратеговой [КПГ 1980]. Помимо теоретической части в ней содержатся 67 текстов, представляющих собой записи образцов речи, распределенных по диалектам и говорам. Тексты паспортизированы: указано, с чьих слов они были записаны и в каком населенном пункте.

Огромная работа по сбору, фиксации языкового материала была проведена Р.М. Баталовой. В монографии «Коми-пермяцкая диалектология» ею приведено семь текстов, репрезентирующих разные диалекты коми-пермяцкого языка [Баталова 1975]. При работе по унифицированному описанию диалектов коми-пермяцкого языка на основе "Инструкции по единообразному описанию диалектов уральских языков" Р.М. Баталовой были подготовлены и опубликованы монографии по оньковскому [Баталова 1990], нижнеиньвенскому [Баталова 1995] и кудымкарско-иньвенскому [Баталова 2002] диалектам. Данные работы помимо разделов «фонология», «морфонология», «словообразование», «морфология», «синтаксис» содержат небольшие диалектные словари и образцы речи.

Образцы речи содержатся и в диссертационных работах А.С. Лобановой, Р.П. Дмитриевой, Л.Г. Пономаревой. В диссертации А.С. Лобановой, посвященной кочевскому диалекту коми-пермяцкого языка, приведено четыре текста, записанных от носителей разных говоров [Лобанова 1993]. В приложении к диссертационному исследованию Р.П. Дмитриевой «Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика, морфология)» также приводятся девять паспортизированных текстов образцов речи на косинско-камском диалекте [Дмитриева 1998]. Образцы текстов на мысовско-лупьинском диалекте приводятся в диссертационной работе Л.Г. Пономаревой [Пономарева 2002]. Всего представлено девять образцов.

В 2016 году Л.Г. Пономаревой опубликована монография «Речь северных коми-пермяков». Эта книга является первым изданием, отражающим речь северных коми-пермяков на современном этапе. Основную часть монографии составляют собственно тексты, представляющие собой образцы речи, и их переводы. Всего приведено 759 текстов, которые пронумерованы и распределены по диалектам. Автор монографии указывает, что речь информантов записывалась сразу, без какой бы то ни было предварительной подготовки, поэтому в текстах прослеживаются все особенности устной речи. Тексты паспортизированы: указано, где, когда и от кого они записаны. Эти данные приводятся в примечаниях к диалектным текстам.

На сегодняшний день это все основные работы, в которых зафиксированы коми-пермяцкие языковые данные. Работа по документированию коми-пермяцкого языка продолжается. В настоящее время она ведется в секторе языка Института языка, литературы и истории Коми НЦ и в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете во время диалектологической практики. В архиве Коми НЦ имеется материал, собранный в Коми-Пермяцком округе, репрезентирующий говоры косинско-камского, кочевского, кудымкарско-иньвенского диалектов. Он представляет собой отдельные слова и выражения, записанные от руки при работе по вопроснику, и небольшие образцы речи.

Языковая ситуация, которая характеризуется постепенной, но постоянной интеграцией и нивелировкой диалектов, сужением территории распространения говоров и даже полным исчезновением некоторых из них, влиянием литературного языка, обуславливает необходимость сбора современного языкового материала и дальнейшей его публикации. В настоящее время в секторе языка возобновлена работа по сбору языкового материала после перерыва в конце девяностых годов. Были организованы экспедиции в разные районы Коми-Пермяцкого округа с целью сбора максимально большего количества материала по всем диалектам.

Литература

1. Архипов А. В. Документирование малых языков: научные и технические аспекты // Языковое разнообразие в киберпространстве: российский и зарубежный опыт. – М., 2008. – С. 76-83.
2. Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. – М.: Наука, 1975. – 252 с.
3. Баталова Р. М. Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка. Унифицированное описание диалектов уральских языков. VIII. – Москва-Гронинген, 2002. – 168 с.
4. Баталова Р. М. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. Унифицированное описание диалектов уральских языков. VI. – Москва-Гамбург, 1995. – 200 с.
5. Баталова Р. М. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. Унифицированное описание диалектов уральских языков. – Москва, 1990. – 205 с.
6. Дмитриева Р. П. Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика и морфология): Дисс. ... канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 1998. – 195 с.
7. КППГ – Кривощёкова-Гантман А. С., Ратегова Л. П. Коми-пермяцкие говоры. – Пермь: Пермское кн. изд-во, 1980. – 69 с.
8. Кривощёкова-Гантман А. С. Словарный состав и словоизменение иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Ленинград, 1951.
9. Лобанова А. С. Коми-пермяцкий этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. – Пермь, 2008. – 186 с.
10. Лобанова А. С. Кочевский диалект коми-пермяцкого языка: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1993. – 167 с.
11. Меркушева Т. Н. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка: Дисс. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2003. – 230 с.
12. Нечаев Г. А. Отношение окружного коми литературного языка к северным диалектам Коми округа: Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Вып 2. – Сыктывкар, 1931. – С. 14-32.
13. Пономарева Л. Г. Речь северных коми-пермяков: монография. – Москва: Языки народов мира, 2016. – 514 с.
14. Пономарева Л. Г. Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка: Дисс. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2002. – 206 с.
15. Попова О. А. Коми-пермяцкий фразеологический словарь. – Пермь, 2010. – 225 с.
16. Рогов Н. А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. – СПб, 1869 – 415 с.
17. Федосеева Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. – Сыктывкар, 2015. – 196 с.
18. Федосеева Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка: Дис...канд. филол. наук. – Ижевск, 2002. – 280 с.
19. Uotila T. E. Syrjänische Texte. Bd. 1. Komi-permjakisch. – Helsinki, 1985. – 297 S.
20. Uotila T. Syrjänische Chrestomathie. – Helsinki, 1938.

УДК 811'42:811.512.145'28(03)

Л. Г. Хабибов, г. Уфа

ТАТАРСКИЕ СЛОВА, ОСВОЕННЫЕ ДИАЛЕКТАМИ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье описывается процесс заимствования татарских слов и выражений диалектами удмуртского языка. Они подразделяются на две группы: а) слова, подвергшиеся фонетическим изменениям в заимствовавшем языке, и б) слова, не подвергшиеся каким-либо фонетическим изменениям в заимствовавшем языке. Заимствованная лексика из татарского языка представлена во всех лексико-тематических группах удмуртского языка.

Ключевые слова: процесс заимствования, контактирующие языки, фонетические изменения, лексико-тематические группы слов.

TATAR WORDS, ACQUIRED BY THE DIALECTS OF THE UDMURT LANGUAGE. The article deals with the process of borrowing of Tatar words and expressions by the dialects of the Udmurt language. They fall into two groups: a) words, which underwent phonetic changes in the borrowed language; b) words, which did not undergo any phonetic changes in the borrowed language. Borrowed lexics from the Tatar language is represented in all lexical thematic groups of the Udmurt language.

Keywords: *process of borrowing, contacting languages, phonetic changes, lexical and thematic groups of words.*

Удмуртский народ издревле жил в лесостепной зоне среднего Предуралья. До Октябрьской революции (1917 г.) удмурты не имели своей государственности. В 1920 году был принят декрет об образовании автономной области удмуртского (вотского) народа, впоследствии переименованной в Удмуртскую автономную область, потом в Удмуртскую республику. Она граничит на западе и севере с Кировской областью, на востоке – с Пермским краем, на юге – с Республикой Башкортостан и Республикой Татарстан.

Население, говорящее на удмуртском языке, в основном живет в Удмуртской республике. Небольшими группами удмурты расселены в соседних республиках и областях.

Удмуртский язык относится к пермской группе финно-угорских языков. Генетическое родство пермских языков выражается в общности фонетических закономерностей, грамматических категорий, а также большим количеством общих исконных слов. Однако в удмуртский язык в своем историческом развитии приобретал ряд особенностей, которые отличают его от других родственных пермских языков. Как справедливо отмечает Т.И. Тепляшина, «основные различия, выражающиеся главным образом в лексике и лишь отчасти в грамматике, выработались в продолжение последнего тысячелетия, когда удмурты потеряли непосредственную связь с коми. После обособления от коми удмурты соприкасались с тюркскими народами, оказавшими определенное влияние на их язык» [Тепляшина 1966, 261]. Длительное контактирование удмуртов с южными соседями – татарами и башкирами естественно вызывало определенные изменения в строе удмуртского языка. Это выражается прежде всего в процессе заимствования слов и выражений из этих тюркских языков. Вследствие этого в удмуртском языке появилось значительное количество тюркской лексики (*абага* ‘папоротник’, *абдралян* ‘удивление, изумление’, *азбар* ‘двор’, *алекчи* ‘ябедник’, *абыны* ‘споткнуться, спотыкаться’, *адаш* ‘тёзка’, *акыр заман* ‘конец света’, *адами дунне* ‘1. человечество; 2. человеческий мир’, *байтак* ‘довольно много’, *бусы капка* ‘ворота в околище’, *даганак* ‘лопух’, *кияр* ‘огурец’ и др.). Следует также отметить, что через татарский язык в удмуртский язык проникали арабские и персидские слова (*агар* ‘если’, *адами* ‘человеческий’, *бакас* ‘спор’, *боёрык* ‘повеление, приказ’, *вакыт* ‘время’, *гадель* ‘справедливый, честный’, *даур* ‘век, столетие; жизнь’ и др.).

При таком непосредственном и интенсивном контакте с тюркскими народами, особенно с татарами, удмурты заимствовали у них также и отдельные грамматические формы, например, словообразовательные аффиксы *-лык* (*ашакылык* ‘подлость, низость’ от *ашак*, *ашака* ‘подлый, плохой’, *тйрлык* ‘инвентарь’ от *тйр* ‘топор’ и др.) и *-чи*, *-чы* (*алдакчы*, и *алданчи* ‘врун, обманщик, лжец’ от *алдау* ‘врать, обманывать’, *бакчачи* ‘огородник, садовник’ от *бакча* ‘огород, сад’ и др.), *-лы*, *-ло* (*агуло* ‘ядовитый, заразный’ от *агу* ‘яд, отравка’, *гумырлы* ‘вечный, долговечный’ от *гумыр* ‘век (человеческая жизнь от рождения до смерти)’ и др.).

Заимствованные слова и выражения подразделяются на два вида: заимствованные слова, не подвергшиеся фонетическим изменениям, и заимствованные слова, подвергшиеся фонетическим изменениям. Удмуртский язык заимствовал из татарского языка и из его диалектов определенное количество слов и выражений без каких-либо фонетических изменений. Вот некоторые из них.

Барнагыл. *диал.* Трёхкопеечная монета. (Она изготовлена была в городе Барнауле и была в хождении во времена Екатерины II).

Бугай. *диал. модальн. сл.* Вероятно, кажется, по-видимому, видимо.

Булмаган. *диал.* Растяпа, недотёпа.

Гадат. *диал.* 1. Обычай, нрав. 2. Характер. 3. Привычка.

При заимствовании слова и выражения подвергаются определенным фонетическим изменениям, вызванным фонетическими законами заимствующего языка. Заимствованные слова и выражения из татарского языка и его диалектов, подвергшиеся фонетическим изменениям, составляют определенный пласт лексики удмуртского языка. Они представлены по всем тематическим группам лексики.

1. Термины родства.

Абач. *диал. шутол.* Жена, старушка от **Аби.** I 1. *ласк.* Бабушка (форма обращения к старушке) 2. Тёща. 3. Свекровь. 4. Старшая сестра матери. 5. Бабка; пожилая женщина. 6. Повивальная бабка; повитуха. В удмуртском языке отсутствует звук *ә*, свойственный татарскому языку, поэтому он замещается звуком *а*.

Аби. II *диал.* Старший брат. Татарское слово *абый*, произносимое твердо, в удмуртском языке претерпело палатализации, т.е. смягчению.

Ага. *диал.* Отец, папа. Татарское слово *ата* при заимствовании удмуртским языком обрел вид как *ага*. Здесь мы обнаруживаем субституцию звуков *т ~ г*.

Ашна. *диал.* Приятель, товарищ. По фонетическим законам удмуртского языка татарское и башкирское слово *ашна*, включающее в свой состав специфический звук *ә*, заимствовано именно в форме *ашна*.

Базя, Базый. *диал.* Свояк. Данное заимствованное слово в языке-оригинале имеет вид *базжа, базжай*. По фонетическим законам удмуртского языка несвойственные этому языку звуки также замещаются, вследствие чего эти слова приобрели такой вид: *базя, базый*.

Биагай. *диал.* 1. Старший деверь (брат мужа); 2. Старший шурин (брат жены). В татарском языке данное слово считается диалектальным. В литературном языке его эквивалентом является слово *каенага/каенагай* в этих же значениях. Этот пример показывает, что диалектами удмуртского языка непосредственно заимствовались слова из диалектов татарского языка.

2. Слова, относящиеся к тематической группе «Животные, птицы и другие живые существа».

Акач-тукач. *диал.* Улитка. В татарском языке это слово имеет такой фонетический вид: *әкәм-төкәм*. При заимствовании диалектами удмуртского языка данное татарское слово подверглось фонетическим изменениям: произошла веляризация гласных звуков (*ә ~ а, ө ~ у*) и субституция согласных звуков (*м ~ ч*).

Бургочи. *диал.* Трубач, горнист. При заимствовании удмуртский язык не ограничивался только принятием корневых слов, но перенимал и словопроизводительные модели. Таким образом, благодаря татарскому языку в удмуртском языке появляется словообразовательный аффикс имён существительных *-чы, -чи*. Татарское производное слово *быргычы*, образованное от основы *быргы* (горн, труба) при помощи словообразовательного аффикса *-чы*, при заимствовании фонетически было изменено и начало употребляться в виде *бургочи*. Посредством такой словообразовательной модели в удмуртском языке появились немало производных слов с аффиксом *-чы, -чи*: *алекчи* (доносчик, ябедник), *бакчачи* (огородник, садовник), *газетчи* (корреспондент, журналист), *горшекчи* (горшечник) и др.

3. Бытовая лексика.

Бакчаемыш. Овощи. По образованию данное слово является сложным, состоящим из двух основ: *бакча* (огород) и *емыш* (плод, фрукт). При заимствовании второму компоненту этого сложного слова представлено широкое, общее значение, заключающее в себя не только плоды фрукты, но всякую совокупность всех овощей, растущих в огороде. В татарском языке слово *емыш* считается диалектным.

Бельта. диал. Фитиль. В татарском и удмуртском языках звук *ф* появляется с заимствованиями из русского и через него из других языков. На это обратила внимание Т.И. Тепляшина, отметившая, что «звуки *ф, х, ц, щ* употребляются в поздних заимствованиях из русского языка» [Тепляшина 1966, 263]. В ранних заимствованиях из русского языка звук *ф* в татарском языке замещался звуками *п, б* (*фонарь – панар, фитиль – пилтә, пальто – балтә*). Аналогичное явление происходило и в удмуртском языке (*фитиль – бельта*).

Бечалгы. диал. Коса. В этом значении в татарском языке употребляется слово *чалгы*. При заимствовании это слово подверглось фонетическим изменениям. В удмуртском языке оно обросло добавочными звуками.

Веме. Помочь, толока обл. (работа всем крестьянским обществом). С таким же значением в татарском языке существует слово *әмә*. Данное слово при заимствовании претерпело фонетическое изменение. Так же, как и в слове *бечалгы* (коса), татарское слово *әмә* обрастало дополнительными звуками, стало иметь вид *веме* в удмуртском языке.

Вень. Игла, иголка. Такое значение в татарском языке выражается словом *әнә, инә*. При заимствовании данное слово так же подверглось фонетическим изменениям: последний звук *ә* утрачивается, к слову наращивается звук *в* (ср. *әнә – вень*)

4. Слова, выражающие отвлеченные понятия.

Абдран, абдраян. Удивление, изумление, восхищение. Корень слова *абдра* заимствован из татарского языка. В этом языке глагол *аптырау* (форма имени действия), *аптырарга* (форма инфинитива) выражает значение ‘недоумевать, растеряться, удивляться’. При заимствовании этого слова удмуртским языком происходило фонетическое изменение, а именно: глухие согласные поменялись звонкими парами (срав. *аптыра – абдра*). В этом процессе происходили также определенные семантические сдвиги в структуре содержания значения. При заимствовании слова *аптыра* удмуртский язык заимствовал лишь отдельный лексико-семантический вариант, выражающий понятие ‘удивление’. В дальнейшем развитии языка в усваиваемом слове *абдран* появляются другие лексико-семантические варианты этого слова – ‘изумление’ и ‘восхищение’.

Акыр. диал. ~ заман. Конец света. В татарском языке это слово употребляется в таком виде: *ахыр*. Оно переводится как «конец, предел; результат, финал». Звук *х* отсутствует в исконных удмуртских словах. Он употребляется только в русских заимствованиях. Поэтому татарское слово *ахыр*, естественно, в удмуртском языке звучит как *акыр*. Следует отметить, что удмуртский язык заимствовал целое выражение: срав. *ахыр заман – акыр заман*.

Быйык. диал. Печальный, опечаленный. В процессе заимствования татарское слово *боек* (фонетич. *бойокъ*) с таким же значением также претерпело фонетическое изменение. Здесь гласный звук заднего ряда *о* замещен звуком *ы*, который более близок по способу образования к согласному звуку *б*.

Таким образом, удмуртский язык (особенно его южные диалекты) заимствовал на протяжении веков довольно большое количество слов и выражений из татарского языка и из его диалектов. Эти слова и выражения представлены во всех тематических группах удмуртского языка. При заимствовании они претерпевали не только фонетические, но и семантические изменения.

Литература

1. Тепляшина Т. И. Удмуртский язык // Языки народов СССР. Т. III. – М.: Наука, 1966. – С. 261–280.
2. Удмуртско-русский словарь / Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. А. Титова, А. А. Шибанов, отв. ред. Л. Е. Кириллова. – Ижевск, 2008. – 925 с.

МИФОНИМЫ мәскәй // мәцгәй, бапак // папак В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ БАШКИР И СИБИРСКИХ ТАТАР

Проблематика научного исследования связана с вопросами метафоризации мифонимов мәскәй // мәцгәй, бапак // папак как способа создания вторичной номинации человека в языковом сознании башкир и сибирских татар. Анализу подвергается смысловое содержание языковых лексем. Собираательные образы мифических персонажей лежат в основе переносного значения слова. Использование номинативных средств мифологии в новой для них функции наречения способствует развитию полисемантической структуры слова.

Ключевые слова: мифоним, метафоризация, языковое сознание, вторичная номинация, языковая картина мира.

MIFONYMES MƏSKƏY // MƏCĞƏY, BAPAK // PAPAQ IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF BASHKIRS AND SIBERIAN TATARS. *The problems of scientific research are related to the issues of metaphorization of the myths-related glosses of мәскәй // мәцгәй, бапак // папак as a way of creating a secondary nomination of a person in the linguistic consciousness of Bashkirs and Siberian Tatars. The semantic content of lexemes is subjected to analysis. Collective images of mythical characters are the basis of the transferred meaning of the word. The use of nominative means of mythology in the new function of naming leads to the development of the polysemantic structure of the word.*

Keywords: mythonym, metaphorization, linguistic consciousness, secondary nomination, linguistic picture of the world.

Многие вопросы лексикографического описания номинации человека в диалектологических источниках и по сей день остаются открытыми. В частности, установление отношений между значениями одной и той же лексемы в пределах диалектного пространства родственных языков.

Под номинацией (от лат. *nominatio* – наименование) мы понимаем «образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, то есть служащих для называния и вычленения фрагментов неязыковой действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме значения языковых единиц – слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений» [Русский язык. Энциклопедия 1998, 269].

Предметом исследования является приобретение мифонимами *мәскәй, мәцгәй, бапак, папак* метафорического значения в этноязыковом пространстве. В статье рассматриваются языковые примеры, функционирующие в башкирском языке и народных говорах сибирских татар, проживающих в Тюменской области.

В лексической системе тюркских языков сохранились древние основы, которые получили своеобразную семантическую интерпретацию в народном миропонимании. Элементы наивной картины мира раскрываются в мифологии башкирского и сибирскотатарского народов, которая по сей день не утратила свою актуальность. Мифология башкир и сибирских татар впитала как языческие, так и коранические элементы, которые порой накладываются друг на друга и создаются сложные противоречивые образы, трактующиеся в каждом населенном пункте по-своему.

Этимологические источники отсылают лексему *мәцгәй* к древней основе *би:жҗин / bi:ğin*, которая имеет шесть значений: 1. обезьяна; 2. название девятого года двенадцатилетнего животного цикла; 3. название созвездия Плеяд; 4. злой дух (тюр.); 5. рыба; 6. божья коровка; водяной жук; насекомое, плавающее на воде; слизняк [Севортян 1978]. В этимологическом словаре татарского языка единица *мәчкәй* трактуется как «старуха ведьма» [Ахметьянов 2001].

По мнению Э.В. Севортяна, слово «*мечкей*» распространено в кыпчакских языках и узбекском, содержащем кыпчакский компонент». Исследователь приводит четыре

значения: 1. обжора, ненасытный, 2. алчный, жадный, 3. ведьма, колдунья, баба-яга, 4. рахит [Севортян 2003].

Ф.И. Урманчеев отмечает, что мифологический образ *мэчкэй*, *мэцкэй* характерен для фольклора сибирских татар и башкир и приближен к образу русского упыря. В то же время он описывает данный персонаж следующим образом: *мэчкэй*, *мэцкэй* – это лицо женского пола, которое ночью вылетает из трубы в виде огненного шара [Урманчеев 2009, 229].

Ареал распространения определенной лексемы свидетельствует о древних связях между тюркскими народами. Мифоним *мэскэй* // *мэцгэй* употребляется в турецком (*meşkeu*) и азербайджанском языках (*məşkəu*). В турецком фольклоре данный образ представлен кровососущей старухой. Сходство обнаруживается и в представлении о *мэцгэй* как о человеке с двумя душами: в турецких мифах *meşkeu* умирает в молодом возрасте, а его вторая душа продолжает жить в лесу, охотясь на зверей и людей [<https://en.wikipedia.org/wiki/Mhachkay>]. В мифах сибирских татар человек рождается с одной душой, а вторую получает в наследство по своей женской линии или мужа, например, от матери, бабушки, прабабушки. После этого человек становится *мэцгэй*. В дневное время он ведет жизнь обычного человека, в ночное превращается в злого духа и охотится на людей. Кровь животных *мэцгэй* употребляет в сумеречное время на месте забитого скота, когда поблизости нет людей.

Сравнение образов *мэскэй* и *мэцгэй* в башкирской и сибирскотатарской мифологии показало, что прямое и переносное значения совпадают. Прямое значение связано непосредственно с мифологией рассматриваемых народов – «злой дух, демон, вампир, упырь, вурдалак». Переносное значение отсылает к образу ненасытного человека, обжоры. Следовательно, при переносе значения сохраняется семантическое ядро «прожорливый, ненасытный»:

прожорливый злой дух → *прожорливый человек*
еда (кровь) → *еда*

В башкирской мифологии наблюдаются некоторые особенности в трактовке мифов о *мэскэй*. К примеру, в башкирской мифологии *мэскэй* осознается двояко: есть злые духи, есть и добрые духи – *мэскэй*. По поверьям сибирских татар, *мэцгэй* олицетворяет абсолютное зло.

Описание внешнего вида демона содержит как общие (старуха, оборотень, огненный хвост, огненный шар), так и отличительные мотивы, например, в башкирской мифологии в *мэскэй* превращаются покойники [Хисамитдинова 2016, 2015], в сибирскотатарской мифологии *мэцгэй* – это живой человек (*термэцгэй* – дословно живой *мэцгэй*) [Файзуллина 2016].

Кроме того, на общность мифа указывает способ избавления от злого духа. Освободительные манипуляции связаны с раздвоением каких-либо предметов. У башкир существует ряд магических способов избавления от прикосновения *мэскэй*. Суть одного из способов сводится к тому, что при встрече с ним надо расстегнуть ворот рубахи и прочитать молитву. Вместо молитвы можно использовать и бранные слова. По поверьям сибирских татар, можно поймать и подчинить *мэцгэй* с помощью деревянных вил с двумя зубьями (сельскохозяйственный инструмент).

Похожие мотивы находим при сравнении мифов и внутренней формы лексем *бапак* и *папак*. *Бапак* и *папак* у башкир и сибирских татар – это мифический персонаж, которым пугают детей. По рассказам башкир, этот мифический персонаж представляет собой страшилище с толстыми ногами, красными глазами, растрепанными волосами и большим ртом. Почти все территориальные группы башкир словом *бапак* называют безобразно и грязно одетых людей. Кроме самого слова, в башкирском языке функционируют слова и словосочетания *бапактау* (пугать), *бапак кеүек* (как бука), *бапак ашай* (бука съест), *бапак килә* (бука идет), *бапак-сапак* [Хисамитдинова 2016, 238].

Сибирские татары под словом *папак* понимают *аурақ* «призрак». Этим персонажем пугают непослушных детей: *Эне папак тораты – тышга цықма* (Там папак стоит – не ходи на улицу), *Йоқла, папак йөрөйтө* (Спи, папак ходит). Интерес представляет переносное значение, которое приближено к башкирскому: *папак* – «неряшливо одетый пожилой человек»: *Эне папак усып параты* (Там папак идет).

Вероятно, *бапак* – слово башкирского или кыпчакского происхождения. Фонетическое звучание слова *бапак* напоминает название древнеиранского демона Ақа-Мапак. Чередования *б~м* и *п~м* характерны для башкирского языка и говоров сибирских татар соответственно. Например, *бына~мына, бән~мән, пуйын~муйын, пүңгә~мүңгә* и т.д. [Хисамитдинова 2016, 239].

В основе переносного значения лексемы лежит внешний вид мифонима: *страшный мифологический персонаж* → *неряшливый человек*

Таким образом, сопоставительное изучение языка и культуры данных народов представляется актуальным. Выявление общих и различных черт позволит наметить основные тенденции в культурном развитии тюркских народов.

Литература

1. Ахметьянов Р. Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. – Казань: Тат. кит.нәшр., 2001. – 272 с.
2. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Дрофа, 1998. – 703 с.
3. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». – Москва: Наука, 1978. – 349 с.
4. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». – М.: Восточная литература РАН, 2003. – 446 с.
5. Урманчеев Ф. И. Татарская мифология. Энциклопедический словарь: в 3 томах: Т. 2. (Д-С). – Казань: Магариф, 2009. – 343 с.
6. Файзуллина Г. Ч. Номинации человека в татарских народных говорах Тюменской области. – Казань: Отечество, 2016. – 285 с.
7. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологическая лексика башкирского языка (в этнолингвистическом освещении): Монография. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. – 400 с.
8. Mhachkay // Режим доступа: <https://en.wikipedia.org/wiki/Mhachkay> (дата обращения 22.03.2017 г.)

УДК 811.512.141'28

Ф. Г. Хисамитдинова, г. Уфа

ОТРАЖЕНИЕ ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В ЭТНОНИМИИ РОДОВЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ БАШКИР

В статье рассмотрена проблема отражения диалектных особенностей башкирского языка в этнонимии родовых подразделений башкир. Установлено, что в аймачных, токумных названиях нашли отражение как фонетические, так и морфологические, и лексические особенности диалектов и говоров башкирского языка. Лексические особенности говоров в основном нашли отражение в этнонимах, восходящих к прозвищам предков того или иного родового подразделения

Ключевые слова: диалект, этноним, родовое подразделение, лексические диалектизмы, прозвища.

REFLECTION OF DIALECTAL FEATURES OF THE BASHKIR LANGUAGE IN THE ETHNONYMS OF BASHKIR CLANAL SUBDIVISIONS. *The article deals with the problem of reflecting the dialectal features of the Bashkir language in the ethnonymy of clan units of the Bashkirs. It is established that in the aimak names, the phonetic and morphological and lexical features of the dialects and subdialects of the Bashkir language were reflected. The lexical features of dialects are mainly reflected in ethnonyms, which go back to the nicknames of the ancestors of a generic subdivision.*

Keywords: dialect, ethnonym, generic subdivision, lexical dialectisms, nicknames.

Система этнонимов башкирского языка считается более или менее изученной. Этнонимам посвящены монографии и диссертации, крупные сборники статей и разделы в монографиях, статьи и тезисы [Руденко 1955; Кузеев 1978, 2010, Башкирская этнонимия 1987; Хисамитдинова 1987, 1991; Сиражитдинов 1999, 2000; Гарипов 1987; Бикбулатов 1987; Рона-Таш 1987; более подробную библиографию см. Мамаева 1987]. Однако ни в перечисленных, ни в других работах проблемы взаимодействия и отражения диалектных особенностей башкирского языка в этнонимии не рассматривались. Безусловно, при описании того или иного этнонима отдельные исследователи обращали внимание и на его диалектные особенности [Галютдинов 1987, 114-115; Миржанова 1963, 128-132; Миржанова 2006, 77; Максюткова 1963, 68-69; Максюткова 1976, 16-17]. Однако, к сожалению, специальной работы, посвященной именно диалектным особенностям этнонимов в башкирской ономастике, пока не имеется. Между тем в этнонимической лексике, являющейся одной из самых консервативных, могут сохраниться наиболее древние явления, особенности того или иного языка. Поэтому обращение к проблеме отражения диалектных особенностей башкирского языка в этнонимии является весьма актуальным. Особенно актуально изучение с этой точки зрения названий родовых подразделений (*ара, аймак, түбә, током* и др.), т.к. именно эта группа этнонимов является малоизученной. Во-вторых, именно аймачные или токумные этнонимы представляют собой массовый материал, который может избавить исследователя от случайностей. В-третьих, судя по наблюдениям над башкирской токумной (аймачной) этнонимией, названия родовых подразделений в большинстве случаев восходят к патронимам, т.е. именам, прозвищам, в редких случаях – к фамилиям предков.

Известно, что патронимы, особенно прозвищного характера, являющиеся неофициальными наименованиями и употребляющиеся в бытовом устном общении, тесно связаны с диалектами и говорами того или иного языка. Именно поэтому аймачные (токумные) наименования в башкирской этнонимии относятся к тем группам лексики, которые тесно связаны с диалектными особенностями башкирского языка.

По подсчетам Р.Г. Кузеева, в башкирской этнонимии представлено более 2000 названий родовых подразделений (*ара, аймак, током, түбә* и др.) [Кузеев 1979, 189]. Из них самую большую группу составляют этнонимы, восходящие к патронимам, т.е. именам, прозвищам, в очень редких случаях – к фамилиям предков. Ср. этнонимы от личных имен: *сәүебән*, в лит. яз. *Һәүбән*, от араб. *Саубан* со значением 'воспитатель, опекун'; *әйзүәк* (гайн.), от диал. – *Әйзүәк*, в лит. яз. – *Айсыуак*, досл. *ай* 'месяц' + *сыуак* 'солнечный'; *атналы* (карш.), от диал. – *Атналы*, в лит. *Азналы*, досл. *азна* 'неделя, пятница' + афф. *-лы*; *Бүһкын*, в лит. *Боскон*, досл. *бос/босоу* таиться, притаиться, засада + афф. *-кан*; *иһәмбакты* (бур.), от диал. *Иһәмбакты*, в лит. и др. диал. *Исәнбакты*, досл. *исән* 'здоровый, живой' + *бакты* 'посмотрел, увидел, родился'; *көһәп* (там.), от диал. *Көһәп* (Көһәпкол), в лит. *Көсәпкол*, досл. *көсәү* 'желать' + *кол* 'раб, усыновленный, найденный, найденный' и др.; этнонимы от фамилий: *биккининләр* (юрм.), от диал. *Биккинин* + *ләр*, в лит. яз. – *Биккинин+дәр*, досл. *бик* 'бек, бей' или же 'крепкий' + уменьш.-ласк. афф. *-кенә* + афф. множ. числа; *муслимовлар* (ун), от диал. *Муслимов* + *-лар*, в лит. яз. *Мөслимов+тар*, досл. *мөслим* 'мусульманин' + афф. множ. числ.; *буляковлар* (ун), от диал. *Бүләков+лар*, в лит. *Бүләков* + *-тар*, досл. *бүләк* 'подарок, имя дается ребенку, у которого умер до рождения отец или при родах мать' + афф. множ. числ.; этнонимы от прозвищ: *енде* (сал.), от *енде*, в лит. яз. *енле* 'бесноватый', *ен* + афф. наличия *-ле*; *ширай* / *ширайзар* (куб.), от диал. *Ширай* 'долговязый', в лит. *озон* 'высокий'; *йыуаннар* (юрм.), от диал. *йыуан* + *-дар* 'толстые'; *ләлим* (куб.), от диал. *ләлим*, в лит. *шамбы* 'налим'; *үмрәш* (кып.), от диал. *үмрәш*, в лит. *боғарак* 'трахей'; *дүәрәннар* (йан), от диал. *дүәрән* + *-нар*, в лит. *дворян* + *-дар* (алпауыттар); *тарсык* (упей.), от диал. *тарсык*, в лит. *киң танаулы*, *ялпак танаулы* 'с широким торчащим носом'; *һалауар* (кып.), от диал. *һалауар*, в лит. *аңра* 'глупый, бестолковый' и др. Как показывают примеры, во многих этнонимах родовых подразделений в силу их возникновения и функционирования в определенной этнической

среде заметны те или иные диалектные явления. Так, например, в названии родового подразделения *сәүебән* нашло отражение фонетическое явление демского говора южного диалекта башкирского языка – употребление межзубного глухого звука *с* вместо пратюркского *с* и общешаркского *h*. Следует отметить, что употребление межзубного звука *с* широко распространено в демском говоре. Данное явление зафиксировано во всех позициях, не только в лексике собственно тюркского происхождения, но и в заимствованиях. Ср. в анлауте: дем. *сәйеү*, лит. *һәйеү*, общетюрк. *sev* 'любить'; дем. *симез*, лит. *һимез*, другие говоры южного и восточного диалектов – *һимез*, сев.-зап. диал. – *симез*, общетюрк. – *simiz* 'жирный'; в инлауте: *сыусыннык* (дем.) 'напиток', *һыуһындык* (арг.) 'кислица', лит. – *һыуһын*, общешарк. – *suusun*, 'желание пить, жажда'; *сарымсак* (дем.), *сарымсак* (киз., сев.-зап., ай.), лит. *һарымһак*, общетюрк. *sartmusag* 'чеснок'; в ауслауте: в дем., юж. диал. – *кыс*, салют. – *кыһ*, лит. – *кыс*, общетюрк. – *qis* 'сжимать'; *сүс* (дем.), лит. – *сус* 'волокно льняное' и др. [Хисамитдинова, Уртегешев 2013, 4-6; Миржанова 1979, 272]. Что же касается личного имени *Сәүебән* (дем.), то оно в диалектах и говорах башкирского языка представлено в трех фонетических вариантах. В литературном языке и большинстве говоров южного и восточного диалектов зафиксирован вариант – *Һәүебән/Һәүбән*, в северо-западном диалекте – *Сәүебән/Сәүбән*, в демском говоре южного диалекта, как уже говорилось выше, – *Сәүебән*.

В этнонимии родового подразделения башкир – салютов *енде* 'бесноватый' представлено характерное для всех говоров восточного диалекта явление, связанное с употреблением в аффиксах звука *д* вместо литературного *л*, северо-западного и некоторых говоров южного диалектов – *н* [Максютова 1976]. Ср.: лит. *енле* (*ен+ле*), юж. диал. *енле* (*ен+ле*), сев.-зап. и некоторые гов. юж. диал. – *енне* (*ен+не*), вост. диал. – *енде* (*ен+де*). Следует отметить, что словообразующие аффиксы и аффиксы формы множественного числа с общетюркским начальным *л* в восточном диалекте функционируют в виде многовариантных аффиксов [Максютова 1976]. Ср.: лит. *комлок*, вост. диал. – *комдок*, сев.-зап. и отдельные гов. юж. диалекта – *комнок* 'песчаная отмель'; лит. *сеңләү*, вост. диал. – *сеңдәү*, ик-сакм. гов. юж. диал. – *сыңлау* 'плач – причитание', вост. диал. *сыңдау* 'звенеть'; лит. *көндәр*, юж. диал. – *көнләр*, сев.-зап. и отдельные гов. юж. диал. – *көннәр* 'дни' и др. Следует отметить, что диалектные аффиксы множественного числа нашли отражение не только в этнонимах, восходящих к прозвищам, но и в отфамильных названиях родовых подразделений. В частности, в названиях родовых подразделений *мансуровлар* (ун), *ишбулатовлар* (гайн.), *арзаматовлар* (кирг.), *гүмәровлар* (канл.) нашли отражение особенности говоров южного и северо-западного диалектов башкирского языка, связанные с функционированием в указанных диалектах формы множественного числа на *-лар/-ләр*.

Судя по материалу, в этнонимах родовых подразделений наряду с фонетическими и морфологическими особенностями большое место занимают и лексические диалектизмы. Данная группа лексики в основном связана с этнонимами, восходящими к прозвищам. Действительно, из 2000 названий родовых подразделений башкир отмечено более 80 % этнонимов, восходящих к прозвищам или сокращенным именам прозвищного характера [Подсчеты автора]. Ср. аймачные (токумные) этнонимы от прозвищ: *кара тумыртка* (там.) 'черный дятел', *мәсекәй* (кып.) 'обжора или упырь', *тойак* (гар.) 'копыто', *таракан* (упей) 'таракан', *мәмәй* (гайн.) 'мямля, мягкотелый' и др.; этнонимы родовых подразделений от сокращенных имен прозвищного характера: *ишәй* (там.), от Ишәй (сокращенное имя), которое восходит к личному имени Ишкилде, досл. 'пришел напарник', т.е. родился сын; *йомакай* (усер.) ← *Йомакай* ← *Йомагол*, досл. *йома* 'пятница или неделя' + *гол / кол* 'раб, слуга, усыновленный, найденный'; *колмәмәт* (гар.) ← *Колмәмәт* ← *Колмөхәмәт*, досл. *кол* + *мөхәмәт* 'Магомет, имя пророка'; *мәмәт* (гайн.) ← *Мәмәт* ← *Мөхәмәт*; *рамаш* (мин.) ← *Рамаш* ← *Рамазан / Рамазан*, от *рамазан* 'название десятого месяца мусульманского лунного года' и др.

Этнонимы, в основе которых лежат диалектные прозвища, условно можно разделить на следующие группы:

– этнонимы, в которых содержатся указания на внешний вид именуемого. Ср.: *ширай* (куб.) 'долговязый', лит. *озон, сурайман* (мин.) 'долговязый, в лит. – *озон, бэйтэк* (кат.) 'карликовый, мелкий', лит. – *кэрлэ, кукый* (ай.) 'лысый', лит. *ялтас, пеләш баишы; борай* (там.) 'кривой', лит. – *һыңар күзле, әжмәк* (сызг.) 'хилый', лит. *сибек* и др.;

– этнонимы родовых подразделений, указывающие на характер и другие внутренние качества именуемого. Ср.: *конай* (куб.) 'мстительный', лит. – *кенәсел, үс алыусан, өшә* (усер.) 'мямля', *туңауыз* (куб.) 'молчун, лит. – *һөйләшмәс', мәштәк* (карш.) 'молчун', лит. – *һөйләшмәс, кәйкәнә* (бур.) 'кокетливый, жеманный', лит. – *кылансык, һаһаш* (таб.) 'степенный', лит. *олпат* и др.;

– этнонимы от диалектизмов, содержащих сведения о персонажах местной мифологии. Ср.: *букай* (там.) 'бука', лит. – *баһак, мәтәй* (куш.) 'упырь', лит. *мәскәй, бире* (кып.) 'бес', лит. *пәрәй, кыуышкултык* (бур.) 'нечистая сила, бес', лит. *ен*;

– этнонимы от прозвищ, указывающих на отдельные предметы быта. Ср.: *борзак* (куб.) 'намордник для телят', лит. – *морондок, бәүбәк* (ай.) 'суконные носки', лит. – *тула ойок, салдый* (юрм.) 'лопаточка для копки корней', в лит. *мәләү* и др.;

– этнонимы, восходящие к прозвищам, связанным с местной фауной. Ср.: *акһуыйр* (там.) 'глухарка', лит. – *бузһуыйр, алагорт* (кат.) 'вид овода', лит. – *бөгәләк, аккүз* (таб.) 'чайка', лит. – *аксарлак, көрт* (бур.) 'куропатка', лит. – *агуна, кәсәк* (таб.) 'ящерица', лит. – *кәсәртке, сыбар тумыртка* (там.) 'пестрый дятел', лит. *ала тумыртка* и др. Возможно, часть названий данной группы связана с прозвищами тотемного характера. Тем не менее все они связаны с местной фауной;

– этнонимы, образованные от прозвищ, связанных с местной растительностью. Ср.: *бәбеләш* (там.) 'одуванчик', лит. – *бәпембә, дарай* (дем.) 'кувшинка', лит. – *томбойок, киндерәш* (ай.) 'конопляное семя', лит. *киндер орлого, сеүәм* (гайн.) 'липовый ствол, очищенный от коры', лит. *һөйән, торнаморон* (ай) 'мелкая редька', лит. *вак шалкан* и др.

Изложенные факты свидетельствуют о том, что в этнонимии родовых подразделений башкир нашли отражение диалектные особенности всех говоров и диалектов башкирского языка. Наиболее активно диалектизмы функционируют в аймачных (токумных) названиях, восходящих к прозвищам предков-патронов того или иного родового подразделения.

Литература

1. Башкирская этнонимия / Бикбулатов Н. В. и др. Сб. статей. – Уфа, 1986.
2. Бикбулатов Н. В. Этноним башкорт // Башкирская этнонимия. – Уфа, 1986.
3. БРҖ – Башкортса–русса һүзлек / Ред. З. Г. Ураксин. – М., 1996.
4. Галяутдинов И. Г. Башкирская этнонимия. – Уфа, 1986.
5. Гарипов Т. М. Новые версии происхождения этнонима башкорт // Башкирская этнонимия. – Уфа, 1996.
6. Кузеев, 1978 – Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа, 1978.
7. Кузеев, 1974 – Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. – М., 1974.
8. Максютова Н. Х. Бурзянский говор // Башкирская диалектология. Говоры юго-востока Башкирии. – Уфа, 1963.
9. Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. В сравнительно-историческом освещении. – М., 1976.
10. Мамаева З. А. Библиография по башкирской этнонимии // Башкирская этнонимия. – Уфа, 1986. – С. 194-200.
11. Миржанова С. Ф. Кубалаякский говор // Башкирская диалектология. Говоры юго-востока Башкирии. – Уфа, 1963.
12. Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). – Уфа, 2006.

13. Рона-Таш А. Иштэк // Башкирская этнонимия. – Уфа, 1986.
14. Руденко С. И. Башкиры. Историко–этнографические очерки. – М., Л., 1955.
15. Сиражитдинов Р. А. Башкирская этнонимия. – Бирск, 1999.
16. Сиражитдинов Р. А. Башкирская этнонимия: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук, 2000.
17. Хисамитдинова Ф. Г. Этнонимы северо-восточных башкир в топонимии Западной Башкирии // Башкирская этнонимия. – Уфа, 1986. – С. 83-97.
18. Хисамитдинова Ф. Г. Башкирская ойконимия XVI-XIX вв. – Уфа, 1991.
19. Уртегешев Н. С., Хисамитдинова Ф. Г., Ишкильдина Л. К. Атлас артикуляторных настроек согласных восточного диалекта башкирского языка. – Уфа, 2012. – 104 с.
20. Хисамитдинова Ф. Г., Уртегешев Н. С., Ишкильдина Л. К. Атлас артикуляторных настроек согласных северо-западного диалекта башкирского языка. – Уфа, 2014. – 116 с.
21. Хисамитдинова Ф. Г., Уртегешев Н. С. Атлас артикуляторных настроек согласных южного диалекта башкирского языка. – Уфа, 2013. – 108 с.

УДК 372.8:811.512.141

Р. Д. Хөснуллина, Нефтекамск к.

ДИАЛЕКТ ШАРТТАРЫНДА БАШКОРТ ТЕЛЕН УКЫТЫУЗА

ЛЕКСИК МАТЕРИАЛДАРЗЫ КУЛЛАНЫУ

(Тәтешле районы Иске Күрзем ауылы һөйләше миҫалында)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В ИЗУЧЕНИИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ДИАЛЕКТА. Наблюдения за процессом преподавания в условиях диалектов башкирского языка показывают, что учителя не уделяют должного внимания данной проблеме. В данном направлении работа ведется на уровне исправления ошибок в устной и письменной речи учащихся. Современное состояние преподавания башкирского языка показывает непрочность знаний, умений и навыков по диалектной лексике башкирского языка. Также в программах, учебниках и методических пособиях недостаточно учитываются условия диалектного влияния.

Ключевые слова: башкирский язык, диалектные особенности, танипский говор, северо-западный диалект.

ON THE PROBLEM OF TEACHING STANDARDS OF THE BASHKIR LANGUAGE IN DIALECT CONDITIONS. Observations of the teaching of the Bashkir language in dialects environment demonstrate that teachers do not give due attention to this problem. In this field, the work is carried out at the level of correction of errors in the oral and written speech of students. The current state of teaching the Bashkir language shows the fragility of knowledge, skills and habits in the dialectal vocabulary of pupils. Also, in programs, textbooks and teaching aids conditions of dialectal influence are not sufficiently taken into account.

Keywords: Bashkir language, dialect features, Tanipian subdialect, north-western dialect.

Укыусы мәктәпкә килгәнә тиклем әзәби телде түгел, ә үзенә диалектын ишетеп, шул диалектта һөйләшә. Диалект һүзәрзең әйтелешә, күп осракта мәғәнәләре әзәби телдән айырыла. Шуға күрә лә башкорт теле укытыуыһы алдында түбәндәге бурыстар тора:

1. Әзәби тел нормаларына ярашлы дәрәҫ һөйләшергә өйрәтәү.

2. Башкорт теле орфографияһына ярашлы дәрәҫ язу күнекмәләрен булдырыу.

Укыуының телмәрендә диалект һүзәрзең булыуы күп осракта укытыу методикаһында ыңғай күренеш буларак кабул ителмәй, телмәрзә диалект һүзәр булмаҫка тейеш, тип карала. Әммә укытыуы шуны иҫендә тоторға тейеш: башкорт теленә диалектындағы лексик берәмектәр – ул башкорт телен бер туктауһыҙ тулыландырып тороусы сығанаҡ.

Шуға күрә лә укытыу практикаһында урындағы һөйләштәрзең лексик, морфологик, фонетик үзенсәлектәрен өйрәнәү, белеү укытыуы өсөн мөһим фәнни-тикшеренәү эштәрзең береһе булып тора. Ошо әйтелгәндәрзең сығып, Башкортостандың төньяк-көнбайыш өлөшөндә урынлашқан Тәтешле районы Иске Күрзем (Ялан Күрдем) ауылы башкорттары һөйләшенә лексик үзенсәлектәренә кыҫкаса күзәтәү яһалды. Иске Күрзем (Ялан Күрдем) башкорттары төньяк-көнбайыш диалектының танып һөйләшөндә һөйләшә. Ауыл халкы

үззәрен сығышы менән урман башкорттары, ирәкте ырыуынан тип билдәләй. Нәсел ағасы – карағас, нәсел кошо – карағош, тамғаһы – кабырға, һөйләшсәһе – Танып, ораны Салауат була.

Ауыл халкы һөйләшәндә түбәндәге лексик үзенсәлектәрҙе билдәләргә була:

Гөлжимеш ‘шиповник’, *куражиләк* [куражиләк] ‘малина’ *туғандаш* [туғандаш] *төркөмдәр* ‘зат’, *картинәй* [картинәй], *нәнәй*, *зүрнәй* ‘өләсәй’, *картатай* [картатай], *картый* [картый], *бабай*, *дәүата*, *зүрәтәй* ‘олатай’, *инәй*, *әни*, *әней* ‘әсәй’, *апай*, *сеңелкәш* ‘һеңле’, *әне* ‘кусты’, *бабай*, *акбабай* [акбабай] ‘атайзан өлкән ир’, *әбей*, *инәй* ‘әсәйҙән өлкән катын’, *түтәй* ‘кайынбикә’, *шыяа* ‘боз өстөндә калткан һыу’, *агын*, *агын* ‘быстрина’, *урау* ‘остров’, *аңкау* [аңкау] ‘исәр, ахмак’, *арсый* ‘туйзан һуң кыҙы озатып барыусы’, *ар* ‘удмурт’, *балчык* [балчык] ‘тупрак’, *бейана* ‘кәйнә’, *бейата* ‘кайны’, *бетеү* ‘имсәк’, *биртек* ‘бахыр, меҫкен, байғош’, *бозлауык*, *бозлауык* ‘йомро кар’, болан ‘лось’, бөгөзә ‘нәзек ағастан бөгөлгән дүңгәләк’, *бөксә* ‘төпөш, тәбәнәк (кеше)’, *бәлтек* ‘бәләкәй’, *мәшәкәтләнеү* [мәшәкәтләнеү] ‘бәлтерәү’, *дегәнәк* ‘әлморон һабағы’, *иген* ‘баҫыу ‘поле’, *дус* ‘крыса’, *көлөкәй* ‘колон’, *бурсыу* ‘күнегәү’, *әкәй* ‘мари катын-кызы’, *мыкый* [мыкый] ‘исәр’, *мүкләк* ‘мөгөзһөз һыйыр’, *яткын* ‘йыйылып яткан һыу’, *жиз*, *тәпәч* ‘лысый’, *кысна* [кысна] ‘кысала’, *дөңгөж* ‘иңкеш’, *тәкәрлек* ‘кускар’, *колакай* [колакай] ‘һаңрау’, *бағучы* [бағучы] ‘күрәзәсе’.

Ошо кыска ғына күзәтеүҙә лә без тикшергән һөйләш лексикаһы башкорт теленең дөйөм лексикаһы менән тығыз бәйләнештә икәнлеген күрәбез. Был хакта С.Ф. Миржанова ла: «Танып һөйләшәндә булған лексик катламдар башкорт теленең көнсығыш һәм көньяк диалекты менән уртаҡ», – тип яза [Миржанова 2006, 110].

Шулай итеп, башкорт теленең диалекттары шарттарында укытыу барышында укытыусы иң тәүҙә һөйләштән лексик үзенсәлегенә иғтибар итергә тейеш.

Әҙәбиәт

Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). – Уфа, 2006. – С. 110.

УДК 811.512.141’28

Г. Р. Хөсәйенова, Г. Г. Шәмсетдинова, Өфө к.

ХӘЗЕРГЕ КУРҒАН БАШКОРТТАРЫНЫҢ ЙӘНЛӘ ҺӨЙЛӘҮ ТЕЛЕ БУЙЫНСА КАЙҢЫ БЕР КҮЗӘТЕҮЗӘР

(2016 йылда язып алынған «Кузыйкурпәс менән Маянһылыу» тексы нигеҙендә)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Республики Башкортостан в рамках научного проекта № 16-14-02002 «Устная эпическая традиция во времени (на примере эпосов «Идукай и Мурадым», «Кузыйкурпяс и Маянхылыу»)»

В статье дается краткая характеристика живого разговорного языка современных курганских башкир. Приводится дословный текст башкирского эпоса “Кузыйкурпяс и Маянхылыу” с кратким анализом языка произведения.

Ключевые слова: язык, живой, фольклорный, башкиры, курганские, Кузыйкурпяс, Маянхылыу

SOME OBSERVATIONS ON THE LIVING SPOKEN LANGUAGE OF THE MODERN KURGAN BASHKIRS (AFTER THE TEXT OF KOZYKORPESH AND MAYANHULU EPIC VERSION RECORDED IN 2016). The article gives a brief characteristic of the living spoken language of the modern Kurgan Bashkirs. The authors present the original text of the Bashkir epic Kozykorpesh and Mayanhulu with some analysis of the work's language.

Keywords: language, living, folklore, Bashkir, Kurgan, Kozykorpesh, Mayanhulu.

Республиканың ситтә йәшәгән милләттәштәребезҙең тормошо, теле, халыҡ ижады тураһында тикшеренеүҙәр башкорт гуманитар ғилемдә һәр ваҡыт актуаль темаларҙан һанала. Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты ғилми хеҙмәткәрҙәренең һуңғы ун йыл эсендә Курған өлкәһенә ике мәртәбә экспедиция ойшоғороуы ла быны раҫлай.

Төбәккә килеп төшкәс тә, тәбиғи, иң тәүзә халыктың теле, көнкүреше игтибарзы йәлеп итә. Курған башкорттары теленә үзенсәлекле булыуы тураһында әйткәс, бер информант: “2005 йылда Әбдрәшкә күсеп килдек. Әбдрәштә әкәй-мәкәй һөйләшәләр, ялпак тел менән. Бакайза матур итеп, әзәби телдә һөйләшәләр”, – тине. Йәғни өлкәлә генә түгел, хатта ауылдарҙа ла йәнле һөйләү телендә айырмалыктар, үзенсәлектәр бар. Курған башкорттарының хәзергә йәнле һөйләү телен өйрәнеүҙе телсе-ғалимдарға калдырып, кайһы бер моменттарҙы ғына һызык өстөнә алып китәйек.

Иң тәүзә шул күзгә ташлана: һүз аҙағында Курған башкорттары Башкортостандың көньяк-көнсығыш райондары башкорттарының теленә хас ялғауҙар куллана. Мәсәлән, *сеңдәйзәр, эштәйзәр, таштай, коттатыу, балдар* һ.б.; телдәрәндәге лексик айырмалыктар за күзгә салына: *һәңгүрсәк* (сәңгелдәк), *һәптек* (сүплек), *шәйзәй* (әзерләй), *берәмәс* (аз), *оро* (койо) һ.б.; шулай уҡ улар, төньяк-көнсығыш башкорттары һымак, [й] урынына [ж] өнө менән һөйләшәләр (мәсәлән, *жыйылыша инек, жайын тура ки(л)тереп* һ.б.), һүз аҙағында [з] урынына [с] кулланалар (мәсәлән, *кыс, кас, бес, һас* һ.б.), “шул” тигән һүзгә [у] урынына [а] кулланалар: *шал, шаның, шанан, шандай, шалай*.

2016 йылғы экспедиция ваҡытында Шәрип ауылында уҡытыусы Хәмзина Камила Исламитдин кызының (1952 йылғы), әсәһенән отоп алып, әле лә хәтерәндә һаҡлаған “Кузыйкүрпәс менән Маянһылыу” башкорт эпик комарткыһын әкиәт формаһында башкарыуы үҙе бер табыш булды. Текст нисек яҙып алынған, шул рәүештә, йәғни йәнле һөйләү телендә бирелә һәм тизерәк ғилми әйләнешкә индереп ебәрәү максатында тулығынса баһыла.

Һаумыһығыз, хөрмәтле балалар! Мин һезгә бөгөн әкиәт һөйләйем. “Кузыйкүрпәс һәм Маянһылыу” тигән әкиәт.

Борон-борон заманда булған ике һунарсы. Улар бик дуҫ булғандар. Шунан уларҙың икәһенә дә катыны гоманды булып калған. Былар шул, нейзә, һунарҙа йөрөп ултырған уа(в)кытта, улар а(у)нда кунып, нисәшәр көн кайтмай йөрөгәндәр бит инде. Шунан бер көнө икәүһе лә уяһалар, Маянһылыуҙың атаһы әйтә икән: “Мин бөгөн төш күрҙем. Минен алдымда орсок өйөрөлөп торзо, ә һинен алдында бәкә сәнселеп торзо. Ул нимә булып икән?” Теге мыңа, иптәше мыңа әйтә инде: “Һинен кызың күренәсәк, алла бирһә, минен улым күренәсәк”, – тиб(п)әйтә. Былар икәһе шулай һөйләшәп, кыуанышып, шул (ы)сын булһа, без уларҙың қолағын сәйнәтербез (тешләтербез), бөгөнгө көндән коза булышабыз, тип һөйзәшәп, кайтып китәләр быларҙан. Килһәләр, (ы)сындан да, берәү(һ)енен кызы тыуған, берәүһенен малайы инде. Шунан былар, ярай, кыз ман егетте қолак сәйнәтеп (тешләтеп), коза-козағый булып йөрөйзәр. Егеттәр үсеп етер уа(в)кытта Кузыйкурпастың атаһы үлеп китә, вафат була. Маянһылыу атаһы ман (менән), әсәһе ман (менән) йәшәй. Улар бик бай булып китә. Ә Кузыйкурпас ярз(л)ы була баштай. Ата(й)һыҙ үсә. Шан (шунан) кыз ман (менән) егет инде, еткәс (балиғ булғас), былар бер-бере(һ)н бик ныҡ яраткан булалар. Хәҙер инде былар өйләнә торған уа(в)кыт етә. Маянһылыуҙың атаһы әйтә: “Мин кызымды йәтимгә (етемгә) бирмәйем, ярзыға бирмәйем”. Маянһылыуҙы алып, күсенеп сығып китәләр, Кузыйкурпас белмәй тороп кала. Кузыйкурпас әсәһенән һорай, әй, ул әсәһен ебәрә. Ней, димд(л)әтергә, һоратырға. Ә ул, Маянһылыуҙың атаһы шул уа(в)х(к)ытта әйтә: “Мин йәтимгә (етемгә), ярлыға кызымды бирмәйем, – тиб(п)әйтә. Шунан инде, ә Кузыйкурпас куймай, бәре (барыбер) алам мин, тип йөрөтә. Шуна былар төн эсендәме қасырып күсенеп китәләр, сығып китәләр. Маянһылыуҙы алып күсеп китәләр, әллә кайҙа, бер кемгә лә әйтмәйзәр. Шунан, ней, ә, Кузыйкурпастың әсәһе килә. Әйтмәй, ни өсөн күңелһез генә килгәнән, әйтмәй, шулай тиб(п)әйтте, тип. Балаһының инде, кәмһетмәйем тип, белгертмәс, белгертмәй. Шунан, ней, Кузыйкурпас әсәһенән һорай, һорай:

— Инәй, әйт, әсәй, әйт, әйт, мин ниндәй ни, ниңә ул кыз китте, ништәп Маянһылыу мине яратмаймы ни, ништәп китте?

Шан (шунан) әсәһе әйтмәй, бер нәмә лә әйтмәй. Шан (шунан) ул әсәһенә әйтә: “Әсәй, миңә һин курмас курып кит”, – тиб(п)әйтә. Әсәһе курмас курып бирә. “Бир, мин ат

ман (менэн) китэм, – тиб(п)эйтэ инде. Шунан ныҥ(к)итеп, ат, ней йүгәнән шарттата (шартлата). Шан (шунан) мөйөштә торған бер ябык кына, насар ғына ат мыңа (быға) карай. Был әсәһенә карап әйтә: “Әсәй, һин миңә көлөп әйттең, әйе? Ул ат менән мин, ти, ауылдың осона ла барып ет(ә)алмайым”. “Мин әйткәс, балам, үтәрһең. Мин әйткәнсә эшлә”, – ти(б) әйтә.

Шунан ней, был, ярай инде, йүгәнде шарттатып (шартлатып), шул атты егеп сығып китә. Китеп у(л)тыра, китеп у(л)тыра, шунан бер ерзә, ней, усак урыны. Көлдө асып караһа, а(у)нда көл күмәсә янып киткән. Янып киткән. Былар күптән үткәндәр инде, тип уйлай. Тағы ла китә, китә, китә. Тағы ла шул усак урыны, көлдө асып караһа, унда ней, катырмас тизәр инде уны, катырмасы әзерәк көйөңкөрәгән. “Әһә, етеп барам икән”, – ти. Шунан, ней, нык көймәгән. Китә, китә, барып етә, ти. М(б)ыныһында инде катырмасы бешеп кенә тора. Ашап ала. Тағы ла китә, китә, китә. Бара, бара, бара. Катырмасы бешмәгән әле, бешеп тә етмәгән. “Әһә, килеп еттем”, – тиб(п)эйтә. Шунан барып етә арттарынан. Былар бер ауылға кереп йәшәп, йәшәй баштағандар инде. Шунан был килә. Маян, ә, килеп етә. Әһә.

М(б)ының нейе була. Һайысқан. Маянһылыузың Һайысқандан да һак еңгәһе була. Бөтә нәмәне белә. Бөтә. Ул уже... ике еңгәһе була. Берәү(һ)е Һайысқандан да һак яман була, берәү(һ)е бигерәк һәйбәт еңгәһе була. Маянһылыузы якт(л)аша. А(у)ларзың мөхәббәтенә каршы килмәй. Шул әкрән генә тәзрәнән йырлай:

Һөйөнсә, Маян, кейеме белә,

Һөйөнсә, Маян, әллә кайзағы

Кузыйкурпасың килеп тормаһын, – тип тезеп йырлай за, йүгереп китә. Маянһылыу кейемен кейеп, нейтеп, карай инде, Кузыйкурпас килеп етте икән тип, килеп етәлер тип аңд(л)ай инде. Шунан Кузыйкурпас килә, уны кыуып ебәрәләр: “Кит, хәйерсе, етем безгә кәрәкмәй”, – тип.

Х.Г.: Кемдәр кыуалар?

Яуап: Аталары сығалар. Маянһылыузың аталары кыуып ебәрә.

Был киткән кеше була ла шунда донъя көтә, йәшәй баштай инде. Бер үзе. Шан (шунан) ул үзенә бер турғай мән (менән) дуҫ булып ала. Шул турғай мән (менән) икәүһе дуҫ булып ала. Турғай аша ана (уға) хат язып ебәрә.

Турғай Маянһылыуға апарып (алып барып), бара ла тәзрә төбөнә: “Сак! Сак!” – тип, қағыззы ташлап китә. Шан (шунан) Маянһылыу алып укый за, мыңа (быға) яуап язып, шул турғай, нейгә, Кузыйкурпаска килтереп бирә. Менә (бына) шулай булып һизеп кала.

Х.Г.: Хәбәрләшкәнән.

Яуап: Әйе. Һизеп кала. Шунан шул аңдышып, карауылд(л)ап, турғайзы тотоп ала. Турғайзы тотоп ала ла, шуның маңғ(л)ай сәсен тарта: “Әйт, әйт, кайза Кузыйкурпас. Әйт, әйт”, – тиб(п) инде. Турғай үлеп китә. “Сук”, – тип үлеп китә. “Ә-ә, м(б)ының ауыл осондағы Сукта, Сукуламы инде?” “Әйе, шунда”, – тип. Шунан былар, ней, аталары инде, низәрен, алып, кустыларын, алып баралар шунда. Барып, уны табып алалар за, ү(л)терәләр. А(у)ның, нейһе, мыны яратқан еңгәһе, һизеп калып әйтә, мыңа (быға) хәбәр итә инде. Маянһылыу язып калдыра: «Ғүмерлектә бергә булалманык, кәберебеззе йәнәш куйығыз», – тип, язып калдыра.

Х.Г.: Маянһылыу?

Яуап: Маянһылыу, әһә.

Шунан инде атаһы үкенә. Атаһы бик үкенә, илап, илап йә, әйзә, нитәйек, тип, икәүән бергә йәнәш күмәләр. Я(йә)на(ә)ш күмәләр. Ә менә (бына) бер моментын оноттом. Азак йыйырһығыз әле, һөйзәйем. “Маянһылыузы м(б)ына ярз(л)ыға бирмәйем”, – тип, һапартмаҫ тигән кешегә кейәүгә уже димләп, таҫтамал бирәләр.

Х.Г.: Һапартмаҫ?

Яуап: Һапартмаҫ.

Х.Г.: Ул казак буламы икән, Һапартмаҫ?

Яуап: А(у)ныһын эйт(э)алмайым. Һапартмас тигән кешегә м(б)ыны уже, нейткәндәр, килешкәндәр уже. Әйе. Шул Һапартмаштың еңгәһе. Ә Маянһылыуыжы Маянһылыу як. Өнә шул еңгәһе һизеп калып әйтте бит инде. Былар барзылар, нейттеләр. Ә Маянһылыуыжы еңгәһе гел якт(л)ашып йөрөнө. Өнә шул Һапартмас тоже барып етә быларзың артынан. Барып уже үлгән икеһе лә, быларзы янаш (йәнәш) куялар. Был [Һапартмас] үзенә-үзе кул салып: “Мине урталарына куйың”, – тиб(п) әйтә. А(у)ны уртаһына, ней, а(у)ларзың икәүһенең уртаһына күмдерә үзен.

Шан (шунан), ел искән һайын ике кайындың япрактары шулай бер-беренә һалмана, ә уртаһында уның дегәнәк булып үскән. Һапартмаштың кәберендә дегәнәк үскән. Ике кайынға орашырға бирмәй, шулай булып ултыра. Араларында була.

Шулай иттереп, әкиәтем ары китте, үзем бире калдым, әкиәтемдә карт кайынға туғарзым.

Х.Г.: Ә бына һамакты инәйегез нәк шулай башкара инеме?

Яуап: Шулай ине.

Текстан күренеүенсә, информанттың укытыусы булыуы аркаһында, әсәрзе, айырыуса башында, әзәби телдә һөйләргә ынтылыу һизелә. Мәсәлән, “балалар”, “һөйләшөп”, “улар” һ.б. һүззәр әзәби телдәгесә әйтелә. Артабан информант кайһы бер һүззәрзе, мәсәлән, “ярлы”, “улар”, “етем”, бер осракта әзәби телдә, икенсе осракта йәнле һөйләү телендә әйтә. “Колак тешләтеү”зе “колак сәйнәтеү”, “кызың тыуасак”ты “кызың күренәсәк” тип әйтәләр лә иғтибарзы йәлеп итә. Төп геройзың исеме лә ғәзәттәгесә әйтелмәй, ә “Кузыйкурпас” тип, [ү] урынына [у], [ә] урынына [а] рәүешендә кулланыла. Шулай ук йәнле һөйләү теленә хас булғанса, һүззәрзе кыскартып әйтеү күзгә салына: *шан* (шунан), *ман* (менән), *сын* (ысын), *бәре* (барыбер), паразит һүззәр *ней*, *тей* кулланыла, һүззәрзе кабатлап әйтеү күренештәре, диалект һүззәрзән *инәй* (әсәй), *йәтим* (етем), *катырмас* (катырма – майһыз табала бешерелгән йәймә), *ел искән һайын ике кайындың япрактары шулай бер-беренә һалмана* кеүектәре оспрай. *Шарттата* (шартлата), *димдәй* (димләй), *аңдай* (аңлай), *карауылдап* (карауыллап), *якташа* (яклаша) һ.б. шундай һүззәр хәзерге Курған башкорттарының һөйләшендә көньяк-көнсығыш башкорттары һөйләшенең үзенсәлектәре булыуына ишаралай.

Шулай итеп, 2016 йылда Курған өлкәһенең Шәрип ауылында язып алынған «Кузыйкурпас менән Маянһылыу» әсәре миҫалында халыктың йәнле һөйләү теленә кыскаса күзәтеү яһалды.

УДК 81.282.2+ 398.2

О. И. Чарина, г. Якутск

ДИАЛЕКТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

КОЛЫМЧАН И РУССКОУСТЫНЦЕВ

В статье рассматриваются некоторые аспекты проявления диалектных особенностей в фольклорных текстах русских старожилов Северо-Востока Якутии. Выявляются слова, характерные для территории прежнего проживания переселенцев, а также заимствования из якутского языка.

Ключевые слова: билингвизм, фольклор, локальные особенности, мифологические образы, якутизмы.

DIALECT FEATURES OF THE RUSSIAN FOLKLORE OF THE KOLYMCHANS AND THE RUSSKOJE USTJE PEOPLE. *The article examines some aspects of the manifestation of dialect features in the folklore texts of Russian old-timers in the North-east of Yakutia. The words that are characteristic of the territory of the former migration of immigrants, as well as borrowings from the Yakut language are revealed.*

Keywords: bilingualism, folklore, local features, mythological images, yakutizm.

Русские старожилы начали появляться на северо-востоке Якутии с XVII в. в связи с вхождением в состав Российского государства. Они вступали в тесные контакты с коренными жителями – юкагирами, эвенками, якутами и др. Здесь образовались два района компактного проживания русских, первый из которых охватывает Приленье. Мы будем

рассматривать диалектные особенности, которые присущи русскому фольклору старожилов второй зоны – низовьев рек Колыма (с. Походск) и Индигирка (с. Русское устье).

Рассмотрим локальные особенности, характерные для фольклора русских старожилов Индигирки и Колымы, опираясь на работы, в которых изучается характер влияния иного языка и фольклора на русский фольклор в иноязычном окружении.

Помимо известных академических сборников «Фольклор Русского Устья» [ФРУ 1986], «Русская эпическая поэзия» [РЭП 1991], мы будем опираться на материалы фольклорных экспедиций Института гуманитарных исследований, которые осуществлялись в 1989-1991, 1993, 2000 (Приленье), 2001 (Аллаиховский улус), 2003 (Приленье), 2005, 2013 гг. (Нижнеколымский улус) [17]; а также на фольклорные записи, произведенные В. Г. Богоразом в «Областном словаре Колымского русского наречия» [Богораз 1901, 77].

Весь корпус произведений фольклора составляет следующие цифры: прозаических жанров: сказок – 73, меморатов – 40, быличек – 9, исторических преданий – 7, заговоров – 3; былин – 80; исторических песен – 36; песен традиционного плана – 117 в 140 вариантах; частушек – более 250.

В лексическом плане почти все прозаические жанры, конечно же, подвергаются некоторым изменениям, кроме потаенных жанров. Например, русские заговоры определенно не подверглись влиянию иного языка, следы которого постоянно наблюдаются в меморатах, сказках, легендах, быличках, песнях, частушках.

Диалектные особенности проявляются в том, что используется лексика, характерная для Русского Севера, откуда переселились старожилы: например, мифологическая лексика *домовой // пужанка, леший, сендушный // чудинка*.

Р. В. Каменецкая относительно сендухи пишет: «Сендуха, часто в литературе понимаемая как синоним тундры, – понятие более широкое: это весь окружающий индигирщика простор» [РЭП 1991, 354]. В. Л. Кляус считает, что «образ *сендушного*, хозяина тундры, как его описывают индигирцы, <...> без сомнения, возник на пересечении русских и аборигенных представлений о мифологических существах, распоряжающихся зверями и птицами, благосклонность которых обеспечивает благополучие и достаток в жизни» [Кляус, Супруга 2006, 15].

Действие многих сказок происходит в сендухе // сендуге // шендухе (тундре): «Сыграл – по сей сендухе ласно гром пошел» [ФРУ 1986, 87] (здесь «ласно» – словно [Дружинина 2007, 46]); «зяли отпустили – сендуху ушла», «на шендуху поедет», «и уехал сам в сендугу» [ФРУ 1986, 89, 168, 171].

Образы *пужанки* и *чудинки* связаны с тундрой и заброшенными домами: «она про себя имела, сто дочерь-то съел пужанка» («думала») [ФРУ 1986, № 44]; где пуженка – «черт, нечистая сила, леший» [Дружинина 2007, 236], «чудинка – домовой, нечистая сила» [Богораз 1901, 156].

Заемствованная у соседних народов лексика не была значительной в фольклорных произведениях старожилов Северо-Востока Якутии. Так, в некоторых преданиях появляются мифологические образы, которые несут на себе следы влияния фольклора якутов. Приведем рассказ информатора, который часто употребляет в своей речи якутские выражения: «Верстах в 230 от Среднеколымска находится громадный голец – Помазкинский. На вершине его среди кустов шиповника, голубики и смородины – около двадцати полусравнявшихся с землей могил, среди которых одна обозначена громадным покачнувшимся столбом, полуистлевшим от времени. Это – знаменитый «сюрьбэ ньюча-

арангас» (двадцать русских могил», о которых я слышал еще, когда ехал из Якутска [Дионео 1895, 76].

Другой пример из сказок, записанных в 40-е гг. XX в.: «Видят: человек сору да кумыс переливат» [ФРУ 1986, 145]. «Сора – еда из молока и сметаны (якут. “суорат”» [Дружинина, 2007, 53].

Совершенно непринужденно используются слова из других языков в коротких песнях, а чаще всего в частушках, которые в Русском Устье исполняются протяжно, медленно. Например:

К Ваське старшему зайдешь,
Сам голодный и уйдешь,
У них сордонки на розне,
Как солдаты на войне [ФРУ 1986, 295].

Здесь «*сордонка*» – щука, от якутского «*сордон*»; на «розне» – на рожне.

Таким образом, нами рассматривалось влияние якутского языка и фольклора на устное народное творчество русских старожилов в районе рек Индигирка и Колыма.

Литература

1. Дионео. На Крайнем северо-востоке Сибири. – Спб.: Изд. Л. Ф. Пантелеева, 1895. – 288 с.
2. Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии. – Якутск, 2007. Т. 4.
3. Кляус В. Л., Супряга С. В. Песенный фольклор русскоустыинцев Якутии и семейских Забайкалья: Материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении. – Курск, 2006. – 213 с.
4. Богораз В. Г. Областной словарь Колымского русского наречия. – СПб., 1901. – 346 с.
5. Праведников С. П. Территориальная дифференциация языка русского фольклора: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Курск. 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/1328852/> [20.4.2017].
6. Предания, легенды и мифы саха (якутов) / Сост. Н. А. Алексеев, Н. В. Емельянов, В. Т. Петров. – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1995. – 400 с.
7. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю. И. Смирнов. – Новосибирск, 1991. – 524 с.
8. Строгова Е. А. Истоки культурной традиции русских старожилов Нижней Колымы по данным комплексного исследования // Арктика и Север. Электронный журнал. – 2014. – № 16. – С. 144–152.
9. Тихонова Е. Л. Русская историческая проза: миф и история // Вестник Бурятского государственного университета. Выпуск Филология. – № 10. – 2014. – С. 98-101.
10. Фольклор Русского Устья / Сост. С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев и др. – Л., 1986.
11. Чарина О. И. Фактор билингвизма русского и якутского языков в русском фольклоре в Якутии // Русский язык в диалоге культур: Материалы международной научной конференции. В 3-х частях. Ч. II / Науч. ред. Л. В. Ковалёва. – Воронеж: ВГАСУ, 2010. – С. 184-190.
12. Berdnikova T. A., Charina O. I., Larionova A. S., Vasileva R. I. The Experience of Linguistic and Folklore Interaction in the Circumstances of the Single Cultural Space of Yakutia // Mediterranean Journal of Social Sciences. – Rome, Italy, 2015. – Vol. 6. №. 4. Supplement 4. August 2015. p. 72-81.

О ВКЛАДЕ ПРОФЕССОРА Н. Х. МАКСЮТОВОЙ В ТЮРКСКУЮ ДИАЛЕКТОЛОГИЮ

В настоящей статье сделан обзор сборника «Образцы башкирской разговорной речи», подготовленного под руководством Н. Х. Максютовой. На основе анализа материалов сборника дана оценка трудов и деятельности диалектолога Н. Х. Максютовой.

Ключевые слова: этнолингвистика, пространственно-временной континуум, тюркская диалектология, образцы разговорной речи.

SPIRITUAL BRIDGES SPANNING THE CENTURIES (ON THE CONTRIBUTION OF PROFESSOR N. KH. MAKSUTUTOVA TO THE TURKIC DIALECTOLOGY). *In connection with the intensity of the process of leveling and the disappearance of the dialect features of the one of the ancient Bashkir language, the scientific value of this textbook devoted to the living speech of the Bashkir people is invaluablely great. Systematically consistent study of the fields of dialect vocabulary serves to reflect on related scientific directions being the central thesis of this work.*

Keywords: *ethnolinguistics, space-time continuum, Turkic dialectology, samples of colloquial speech.*

Оло йөрәкле бул.

Батырзарзы шөһрәт үзе таба донъяла.

Оскон һунган урынды көл ала.

Кояш узган юлда нур кала. (З. Бишшева)

Говоря о научных изысканиях профессора Н. Х. Максютовой, на ум приходят следующие строки из поэмы великого новогреческого поэта Сефериса «На подмостках»: «Как сосны хранят образ ветра, когда он промчался, и нет его, – так слова сохраняют образ человека, когда он миновал, и нет его».

Обращаясь к научному наследию диалектолога Н. Х. Максютовой, вникнем в её труды-слова, оставленные и сохраняющие её образ, и одновременно будем искать и подбирать свои слова, которые, хотя бы частично, передали бы значение сделанного автором, того, что она совершила и задумала. Мы при этом не ставим своей задачей обозреть и оценить всю научную деятельность Н. Х. Максютовой.

Направления научных изысканий Н. Х. Максютовой обширны, а к изучению живой разговорной башкирской речи у неё, несомненно, сложилось особое отношение: она – в когорте виднейших диалектологов современности, таких, как Э. Р. Тенишев, Э. А. Грунина, Д. Г. Тумашева, М. Ш. Ширалиев, Н. А. Баскаков, Ш. Ш. Сарыбаев, С. Ф. Миржанова, Н. Х. Ишбулатов, И. А. Андреев и др.

Ознакомление с любой научной работой Нажибы Хаерзамановны Максютовой – известного башкирского диалектолога – вызывает чувство восхищения, исследовательский азарт при следовании за мыслью автора, удивление открытому. Учёному дан талант выявлять тонкие особенности формирования и воплощения замысла, раскрывать спрятанные в башкирских народных говорах, наречиях секреты, увидев сквозь призму поистине магического исследовательского кристалла закономерности мировидения и мировосприятия с канвой исторических событий. Методика изучения диалектов, говоров и наречий, т.е. постижения специфики его ментальной, когнитивной, этнолингвокультурной сути вопросов предполагает, по концепции Н. Х. Максютовой, вдумчивое, проникновенное отношение к каждой лексеме, осмысление её содержания во взаимосвязи с историческим процессом и фольклорным текстом, с личностью информанта, постановку цепочки вопросов, иными словами, требует приложения эвристических усилий ради создания нового знания с учётом имевшегося собственного опыта и обретённого при исследовании словарного багажа.

Н. Х. Максютовой сделано очень много для отечественной, башкирской диалектологии вуза и школы, а не только для академической науки. Она является автором

свыше 400 научных трудов по систематическому описанию говоров и диалектов башкирского языка [Башкортостан: Кр. энцикл. 1996, 380]. Назовём лишь некоторые труды башкирского лингвиста, видного специалиста в области башкирской и тюркской диалектологии, доктора филологических наук, профессора Н. Х. Максютковой: «Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков» (1967), «Башкирско-монгольские языковые связи (на материале сальютского говора башкирского языка» (1973), «Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении (1976), «Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении» (1996), «Терминология коневодства у башкир» (1983), «Образцы башкирской разговорной речи» (1988) и др., которые, как нам видится, являются образцом как стройной исследовательской теории, так и взвешенной логико-структурной схемы анализа, пристального внимания к языковому материалу и тексту, к его многослойности.

В настоящей статье мы остановимся на характеристике работы под редакцией Н. Х. Максютковой «Образцы башкирской разговорной речи» («Башкорт һөйләштәренән үрнәктәр». Редакторы: филология фәндәре докторы Н. Х. Мәксүтова. 1-се басма. – Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1988. – 224 бит), которая ценна и имеет большое значение не только как памятник этнолингвокультуры, но и как письменный памятник живого разговорного языка населения. Если учесть интенсивность процесса нивелировки и исчезновения диалектных черт башкирского языка, научная ценность данной хрестоматийной книги, посвящённой живой речи башкирского народа, неопределимо велика. Структура работы построена логично и подчинена достижению поставленных целей и задач.

Заметим при этом, что эффективность и результативность любой науки зависят от степени познания, уровня анализа и диагностики основного предмета исследования. В этнолингвистике, несомненно, таковыми и являются образцы живой речи. Настоящий сборник привлекателен ещё и тем, что содержит в себе образцы народно-разговорной речи из всех выявленных диалектных зон башкирского языка. Широта эрудиции учёного проявила себя в этих наблюдениях и заключениях, что было отмечено нами и раньше. Например, «научный взгляд на топонимическую систему, представляющий собой важную часть в понимании языка как знаковой системы, позволяет ей тесно соприкасаться с проблемами национального мировидения, миропонимания, т.е. когнитивными проблемами. При определении центральной темы данного подхода к языку, изучении башкирской топонимической системы в этноонтологическом контексте мы опираемся на научную базу и позицию тех ученых, которые утверждают, что речь идет о языке в формате пространственно-временного континуума определенного этноса – его геокультурного бытования (Э. Р. Тенишев, Дж. Г. Киекбаев, Р. Г. Кузеев, Н. Х. Максюткова, Ф. Г. Хисамитдинова, Г. Д. Гачев, В. В. Морковкин, С. М. Толстая, Е. Л. Березович, А. Т. Кайдаров, О. А. Корнилов, Е. И. Зеленев, А. Г. Шайхулов и др.)» [Шайхисламова 2016, 611]. Совершенно справедливо и, на наш взгляд, прозорливо отмечает автор, что установление ареала и связи тематических диалектизмов разных (и других – 3. III.) тюркских языков даёт достаточное количество ценного материала по истории тюркских языков и их диалектов. Н. Х. Максюткова глубоко обоснованно утверждает, что изучение какой-либо тематико-семантической группы диалектной лексики не перестаёт быть актуальным потому, что дифференцированный подход обеспечивает возможность сравнения фактов в более широком плане [Максюткова 1988, 8]. Мы вполне солидарны с мнением автора о том, что сопоставительный анализ как ведущий метод языкового исследования позволяет выявить как феноменальные, так и общие лексические параллели, помогающие уяснить онтологию природы слова, которая несомненно репрезентирует уникальность мировидения, мировосприятия этноса, на что успешно направлены изыскания автора, в том числе рассматриваемые нами. Наше же исследование базируется на изучении мировоззренческого осмысления окружающей объективной действительности, башкирской топонимической системы. В данном случае мы себе представляем идеографическую классификацию как каркас познавательного

процесса [Шайхисламова 2014, 1480–1488]. Такая характеристика способствует достаточно строгому выявлению и осмыслению слоя лексики, специфичного для каждого тюркского языка, а также проведению типологического сравнения на уровне семантических основ, способствующих выяснению этнолингвистических особенностей становления картины объективного мира, отраженных в их лексической структуре. Национальное мировосприятие, мировидение нами рассматриваются как система взглядов, установок, убеждений, определяющих понимание мира в целом, места в нем человека. Заявленная проблема способствует, на наш взгляд, раскрытию некоторых специфических особенностей в социальных значениях тюркского мира. «Это – поиск общих корней, символизирующих единый характер тюркского мира. Единые корни кроются, – как отмечает Э. Р. Тенишев, – в лексической сокровищнице тюрков, в фольклоре, особенно в этнических произведениях, обычаях и поверьях, народных ремеслах и искусстве и т.д.» [Тенишев 2006, 299]. Наше исследование является подтверждением глубоко осмысленных слов Н. Х. Максютковой о том, что эта область лексики относится к числу периферийных, находящихся на стыке лингвистической и историко-этнографических наук. Поэтому следует добавить, что планомерное последовательное изучение отраслей диалектной лексики служит для размышления над смежными научными направлениями. Это, на наш взгляд, центральный тезис книги «Образцы башкирской разговорной речи».

Говоря о вкладе профессора Н. Х. Максютковой в тюркскую диалектологию на материале вышеназванного сборника, необходимо отметить еще одно достоинство указанного труда, в котором достаточно полно и многоаспектно проанализирован материал по опорным диалектам башкирского языка – восточному, южному, северо-западному с входящими в них говорами, подговорами. Примечательно, что тексты сопровождаются указанием информантов, и они переведены на русский язык. Тексты (всего 156 текстов, из них 28 – по восточному, 95 – южному, 33 – северо-западному диалекту башкирского языка) даются графикой, принятой для башкирского литературного языка, а по отношению к отдельным звукам – с применением транскрипции. В хрестоматийный сборник включены расшифрованные магнитофонные записи, а также записи, зафиксированные на слух во время диалектологических экспедиций и индивидуальных выездов диалектологов, что, на наш взгляд, делает данную работу более полной в плане академической характеристики.

Не менее существенным и положительным свойством сборника следует считать, что он рассчитан не только на учёных тюркологов, но и для студентов вузов при изучении курса диалектологии и при сравнительном изучении тюркских языков. Актуальность и востребованность хрестоматийного сборника образцов башкирской разговорной речи в редакции Н. Х. Максютковой несомненна: с одной стороны, постиндустриальное общество начинает осознавать важность понимания ипостасной сущности языка, а с другой, реформирование высшего образования ориентирует на подготовку специалистов, глубоко знающих особенности изучаемого языка и умеющих эффективно общаться в своей профессиональной сфере. К тому же, в последнее время языкознание переживает настоящий апогей интереса к своему объекту, появляются новые теории и гипотезы, новые парадигмы исследования, новые дисциплины, новая “дисциплинарная матрица” лингвистики. Как утверждают и другие учёные, поиском в языковых феноменах свидетельств национальных особенностей мышления и формулированием этих особенностей занимается отрасль языкознания, именуемая этнолингвистикой. Именно этнолингвисты устанавливают факты проявления национального менталитета в языке. Как под микроскопом, они анализируют мельчайшие оттенки значений слов, чтобы раскрыть, какая особенность национального менталитета скрывается за ними [Корнилов 2015, 17]. Согласно данной точке зрения, вся научная деятельность профессора Н. Х. Максютковой, бесспорно, посвящена служению этнолингвистике. Говоря словами автора: «Следует особо подчеркнуть практическое значение сборника, как пособия в учебно-воспитательных учреждениях – для учащихся средних школ,

педколледжей, студентов вузов, журналистов, писателей республики, а также для исследователей тюркских текстов, этнографии, истории, археологии. Издание данного труда соответствует широкой проблематике по изучению языков народов СССР». Определяя характер диалектологических исследований в перспективе, Н. Х. Максүтова делает акцент на том факте, что в дальнейшем должно быть обращено внимание на историю формирования диалектов, выяснение внутренней истории диалектных явлений в связи с историей этноса. В башкирской диалектологической науке еще не изучены языковые явления, связанные с наличием различных этнических компонентов как тюркского, так и нетюркского происхождения; не раскрыты древнетюркский, древнебашкирский пласты явлений и их трансформации, не объяснены причины происхождения явлений и признаков, составляющих специфику в грамматическом, лексическом и синтаксическом строе башкирского языка» [Максүтова 1976, 15–16].

В заключении отметим, что в создании сборника приняли участие известные диалектологи С. Ф. Миржанова, М. И. Дильмухаметов, У. Ф. Надергулов, С. Г. Гильманова. Они приложили максимум усилия, чтобы в текстах более полно отражалась большая информация об истории края, история заселения деревень, сведения об обычаях и ритуалах, о народном творчестве и жизнедеятельности башкир. Согласно поставленным целям тексты отражают ареальную специфику языка, где много ценного по звукоупотреблению, грамматической структуре, словарному богатству и синтаксису местных наречий, говоров. Пройдут годы, стирая грани диалектных особенностей в языках (что закономерно), а начеканенное слово (ташка баһылған һүз) – «Башкорт һөйләштәренән үрнәктәр» будет выполнять свою заветную миссию до тех пор, пока есть люди, интересующиеся языковыми особенностями, и это послужит духовным мостом навека.

Литература

1. Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Уфа: НИ «Башкирская энциклопедия», 1996. – 672 с.
2. Корнилов О. А. Контексты межкультурной коммуникации: учебное пособие. – М.: ИД «КДУ», 2015. – 184 с.
3. Башкорт һөйләштәренән үрнәктәр / Ред. Н. Х. Мәксүтова. 1-се басма. – Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1988. – 224 бит.
4. Максүтова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. – М.: Наука, 1976. – 292 с.
5. Тенишев Э. Р. Избранные труды. Книга первая. – Уфа: Гилем, 2006. – 304 с.
6. Шайхисламова З. Ф. Некоторые аспекты этнолингвистической интерпретации лексических единиц тау, таш в башкирском языке // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т. 19. № 4. – С. 1480–1488.
7. Шайхисламова З. Ф. Теоретические аспекты этнолингвистического исследования топонимической системы Урало-Поволжья (этноонтологическое осмысление) // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – Том 5. № 6. – С. 611–621.
8. Шайхулов А. Г. Опыт словаря-тезауруса односложных корневых основ (структурная и идеографическая парагматика). – Алматы: Кантана-Пресс, 2012. – 704 с.

УДК 811.512.211

С. И. Шарина, г. Якутск

ДИАЛЕКТЫ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА: СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Статья посвящена исследованию диалектов эвенского языка, их классификации. Рассматриваются актуальные вопросы исследования эвенского языка. Ставится практическая задача сохранения языков коренных малочисленных народов Севера.

Ключевые слова: эвенский язык, диалекты, полевые исследования, состав говоров, классификация.

DIALECTS OF THE EVEN LANGUAGE: RESEARCH STATUS AND CLASSIFICATION. *The article is dedicated to researching dialects of the Even language and their classification. The most relevant studies of the Even language are considered. The practical goal is to save languages of minority indigenous peoples of the North.*

Keywords: *Even language, dialects, field research, composition of dialects, classification.*

Изучение исчезающих языков коренных малочисленных народов Севера, документация и лингвистическое описание их диалектного и культурного разнообразия является одним из приоритетных направлений гуманитарных исследований. При решении данной задачи касательно эвенского языка внимание должно быть сосредоточено на наименее разработанных аспектах изучения, как описание диалектов и говоров, их состава и классификации. Благодаря проведенным ранее изысканиям, сегодня мы имеем материалы, собиравшиеся разными исследователями в течение нескольких веков.

Впервые один из диалектов эвенского языка (арманский) был зафиксирован достаточно давно, еще в 40-е годы XVIII века Я. И. Линденау. В «Сравнительном словаре всех языков и наречий» П. С. Палласа (1787-1789 гг.) представлены материалы по двум эвенским диалектам – ольскому и охотскому. В материалах экспедиции И. Биллингса (1795 г.) зафиксированы образцы речи среднеколымских эвенов.

С середины XIX века эвенский язык стал изучаться более активно. Материалы, собранные Г. Майделем и Ю. Штубендорфом в 1860-1870-е годы, опубликованные А. Шифнером, содержат краткое описание языка охотских и анадырских эвенов. В 1895 г. В. Г. Богораз собрал материалы у эвенов, расселенных в бассейне реки Омолон.

Далее на протяжении двадцатого столетия проводятся систематические исследования по многим эвенским диалектам и говорам. Изыскания, начатые в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века в масштабах всей страны, были связаны с началом культурного строительства на Севере. Исследованием эвенских диалектов и сбором материалов занимались известные ныне исследователи В. И. Цинциус, В. И. Левин, К. А. Новикова, Л. В. Соболевский, Л. Д. Ришес. В последующие годы появились многочисленные работы в диалектологическом направлении В. Д. Лебедева, В. А. Роббека, Х. И. Дуткина, А. А. Бурыкина, А. А. Даниловой, В. А. Петровой, В. С. Ермолаевой, Р. П. Кузьминой.

Усилиями этих ученых были предприняты экспедиции в ряде районов проживания эвенов, относящихся к области распространения разных диалектов. Значительная часть результатов обследований представлена в ряде известных публикаций, в том числе монографических, которые появлялись на протяжении нескольких десятилетий, в значительной своей части в Ленинграде. Первой и наиболее значимой среди них является работа В. И. Цинциус «Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка», изданная в 1947 году [Цинциус 1947]. Очерк отражает особенности восточного наречия – ольского говора, который был принят за основу эвенского литературного языка, и отчасти камчатского говора. Работа до настоящего времени не утратила своей ценности. Подробное описание грамматического строя ольского говора эвенского языка мы находим в исследовании К. А. Новиковой «Очерки диалектов эвенского языка» [Новикова 1960].

Значительный вклад в эвенскую диалектологию внесли якутские ученые. Подробно освещает особенности говоров и диалектов эвенского языка В. Д. Лебедев в монографиях «Язык эвенов Якутии» и «Охотский диалект эвенского языка» [Лебедев 1978; Лебедев 1982]. Автор ввел в научный оборот уникальный лингвистический материал догдо-чебогалахского и улахан-чистайского говоров. При характеристике фонем и их системы автор опирался на экспериментальные данные: рентгенограммы, кимографические записи длительности гласных фонем.

Вторая работа В. Д. Лебедева нацелена на изучение охотского диалекта, который распространен на побережье Охотского моря. В данной работе выделяются языковые черты, которые свойственны всем трем группам охотских эвенов, т.е. охотскому диалекту как единому целому.

Монография В. А. Роббека «Язык эвенов Березовки» [Роббек 1989] посвящена исследованию морфологических, синтаксических и лексических особенностей языка

эвенов с. Березовка Среднеколымского района. В работе приводятся значительные сравнительные материалы по другим говорам: ольскому, охотскому и эвенов Якутии. Ученый выявляет отличительные черты березовского говора по сравнению с другими говорами по уровням языка. Особого внимания заслуживает здесь очерк морфологии. В отличие от других диалектологических работ, обрисовывающих только отличительные черты описываемого говора, здесь уточняются вопросы классификации разрядов некоторых частей речи, более полно и подробно рассматриваются категории глагола.

Выявлению фонетических, морфологических и лексических особенностей аллайховского говора посвящен труд Х. И. Дуткина «Аллайховский говор эвенов Якутии» [Дуткин 1995]. Автор отмечает 2 подговора (относящихся к 5 родам) внутри аллайховского говора. В работе «Тундренный диалект западного наречия эвенского языка» [Дуткин, Белянская 2009] излагаются итоги многолетнего изучения Дуткиным Х. И. эвенских говоров Усть-Янского, Аллаиховского и Нижнеколымского районов, что позволило автору обобщить результаты и классифицировать тундренный и горнотаежный диалекты западного наречия. Автором специально подчеркивается указанная диалектная зона для исследования соответствующих явлений в лингвогеографическом контексте, поскольку в этих говорах фиксируются многие инновации.

После некоторой паузы длительностью в 15 лет в эвенской диалектологии появляется новое имя. Р. П. Кузьмина в своем исследовании «Язык ламунхинских эвенов» [Кузьмина 2010] выявляет особенности, свойственные ламунхинскому говору эвенского языка.

Особенности определенных говоров отмечены в отдельных публикациях А. А. Бурыкина, А. А. Даниловой, В. А. Петровой, В. С. Ермолаевой, С. И. Шариной.

Несмотря на то, что усилиями исследователей Санкт-Петербурга, Якутии собраны и опубликованы обширные и интересные материалы по многим диалектам и говорам эвенского языка, определенные идиомы эвенского языка еще не получили достаточно полного освещения в литературе, некоторые из них не имеют системного описания. Сложность описания говоров эвенов Якутии обусловлена, в частности, и тем, что указанные говоры характеризуются высокой степенью вариативности на всех языковых уровнях, что объясняется дву- и многоязычием носителей, влиянием якутского языка и др. В этой связи внимание исследователей привлекают и особенности контактирования диалектов и говоров в зонах языкового пограничья.

Не менее актуальной задачей является и классификация эвенских диалектов и говоров. В настоящее время известны несколько подходов к классификации эвенских диалектов.

Расхождения на уровне фонетических, лексических и грамматических признаков между эвенскими диалектными группами позволили выделить В. И. Цинциус в работе «Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка» 11 диалектов и говоров. По ее классификации, семь говоров относятся к восточному наречию — колымско-омолонский, ольский, камчатский, охотский, верхнеколымский, индигирский и томпонский. Три говора относятся к западному наречию — саркырырский (или саккырырский), ламунхинский и юкагирский; отдельно выделяется арманский диалект [Цинциус 1947].

На карте эвенских диалектов, составленной К. А. Новиковой, отмечено 12 диалектов и говоров: восточное наречие — ольский, охотский, пенжинский, быстринский, анадырский, колымско-омолонский; среднее наречие — томпонский, момский, аллайховский говоры; западное наречие — ламунхинский и тугесирский говоры; арманский диалект [Новикова 1960].

В «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» выделяются 15 наименований эвенских диалектов и говоров: восточное наречие — анадырский, быстринский, колымско-омолонский, ольский, охотский, пенжинский, северо-эвенский говоры; среднее наречие — анюйский, аллайховский, момский, томпонский говоры; западное наречие — саккырырский, тугесирский и юкагирский говоры; арманский диалект [ССТМЯ 1975-1977].

По классификации А. А. Бурыкина выделяется 26 говоров и диалектов: восточное наречие – камчатский диалект (быстринский и олюторский говоры), окланский диалект, ольский диалект (пенжинский, гижигинский, таватумский, ольский, тауйский, прианадырский говоры, приколымский говор (говор эвенов Березовки и рассохинских эвенов, говор улахан-чистайских эвенов), тенькинский диалект; западное наречие – аркинский говор, усть-майский говор, ульинский диалект, верхнеколымский диалект, нижнеколымский диалект, индигирский диалект (оймяконский, томпонский, момский говоры), аллаиховский диалект (говор), усть-янский диалект, саккырырский диалект (тюгесирский и ламунхинский говоры); арманский диалект [Бурыкин 2004].

Представленные классификации значительно разнятся и по составу говоров, и по номенклатуре. В настоящее время все приведенные классификации нуждаются в уточнениях и дополнениях, основанных на новых данных по особенностям фонетики и надежно установленных особенностях морфологии, наиболее ярким особенностям говоров в части лексики.

Полевые исследования территориальных вариантов эвенского языка еще далеки от завершения. Наиболее хорошо изучен лишь восточный ареал проживания эвенов (Камчатка, Чукотка, Магаданская область, Хабаровский край), на территории же Якутии исследования не доведены до логического конца. Для воспроизведения полной картины диалектов и говоров эвенского языка возникает необходимость сбора материалов по отдельным говорам и диалектам. Имеющиеся в распоряжении исследователей языковые материалы по отдельным районам Якутии, таких, как Усть-Янский, Верхнеколымский, Нижнеколымский, Оймяконский, Томпонский, количественно и качественно не отвечают требованиям, что мешает установить ареал распространения тех или иных диалектов, решению вопроса разграничения или объединения говоров среднего и западного наречий. Важно при этом учесть то, что современные лингвистические границы говоров не совпадают с границами административными, и поэтому лингвистическое деление каждой территориальной единицы может быть осмыслено только при сопоставлении с диалектами соседних районов. Касательно эвенских говоров также выясняется, что наблюдаемый ныне лингвистический ландшафт может быть обусловлен уже не существующим географическим.

Итак, сегодня перед лингвистами стоят задачи выяснения территорий распространения отдельных говоров, системного описания говоров и диалектов эвенского языка, выявления их лингвистических особенностей, систематизации имеющихся данных. Требуется существенно дополненная и уточненная классификация, основанная на собственно лингвистических признаках говоров и диалектов, отличающих данные языковые формации друг от друга, предусматривается обобщение текстовых материалов по недостаточно изученным диалектам и говорам в первую очередь на территории Якутии. При этом важно учесть специфику функционирования эвенского языка в современных условиях и особенности этнокультурной ситуации.

Классификация диалектов и говоров эвенского языка должна основываться на собственно лингвистических дистинктивных признаках говоров и диалектов. В ней должны быть обобщены ранее предлагавшиеся лингвистические классификации диалектов эвенского языка, в которые вписываются некоторые говоры и диалекты, данные по которым в литературе отсутствовали или были недостаточно полными.

На современном этапе на исследователей языков малочисленных народов Севера ложится задача лингвистического обеспечения сохранения и развития исчезающих языков. В данной связи исследования по функционирующим ныне говорам и диалектам эвенского языка имеют прикладное значение для лексикографии (составление словарей и атласов), для разработки академической грамматики эвенского языка, для выполнения задачи максимально полного описания языков малочисленных народов Севера.

Литература

1. Бурыкин А. А. Язык малочисленного народа в его письменной форме. – СПб., 2004.
2. Дуткин Х. И. Аллаиховский говор эвенов Якутии. – СПб., 1995.
3. Дуткин Х. И., Белянская М. Х. Тундренный диалект западного наречия эвенского языка. – СПб., 2009.
4. Кузьмина Р. П. Язык ламунхинских эвенов. – Новосибирск, 2010.
5. Лебедев В. Д. Язык эвенов Якутии. – Л., 1978.
6. Лебедев В. Д. Охотский диалект эвенского языка. – Л., 1982.
7. Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Часть I. – М.; Л., 1960.
8. Роббек В. А. Язык эвенов Березовки. – Л., 1989.
9. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1-2. – Л., 1975; 1977.
10. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. – Л., 1947.

УДК 81373.6+ 398

Р. А. Шаяхметов, г. Уфа

СЛАВЯНСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ – КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ ПРАСЛАВЯНСКОГО ОБРАЗА БАБЫ-ЯГИ–ЗМЕИХИ

*В статье показана роль диалектной культуры в истолковании змеиного образа Бабы-Яги. Обнаружено, что в восточнославянских локальных текстах сохранился образ Яги–Змеихи (сказочные сюжеты «Бой на калиновом мосту» (Андреев, 300А, 300*В), «Три царства: золотое, серебряное, медное» (Андреев, 301)). Выдвинута этимологическая гипотеза о слав. диалект. *jaga/*jęga 'змеиха', сохранившееся в форме Яга, Баба-Яга.*

Ключевые слова: Баба-Яга–Змеиха, этимология, праславянские диалекты, славянский фольклор.

SLAVIC DIALECTS – THE KEY TO UNDERSTANDING THE PROTO-SLAVIC CHARACTER OF BABA-YAGA AS A SERPENT. *This article demonstrates the role of the local culture in the interpretation of the snake-image of Baba Yaga. It was found that in the East Slavic local texts (fairy tale Fight on Kalinov bridge (Andreev, 300A, 300 * B), The Three Kingdoms, Copper, Silver, And The Golden one" (Andreyev, 301)) the snake-image of Baba Yaga is preserved. An etymological hypothesis is proposed about Slavic dialectal *jaga/*jęga female 'snake', preserved as "Yaga", "Baba Yaga".*

Keywords: Baba-Yaga as Snake, etymology, Proto-Slavic dialects, Slavic folklore.

Мифологический персонаж русск., русск. диалект. Баба-Яга (реже: Яга-, Ягая-, Ига-, Ега-, Баба) или сокр. Яга (реже: Ягая, Ега, Ига), на Русском Севере: Баба-Ягаба, Баба-Ягабова, Егабиха/Ягабиха, Егабова/Ягабова, Егибаба/Ягибаба, Егибиниха, Егибиха, Егибища, Егибиш<с>на, Егибова/Еги-бова/Эгибоба, Ягивовна, Яицьна-Бабицьна; там же и в Сибири: Ягинишина, Баба-Ягинишина, Яга-Ягинишина, Ягиш<н>a; в Белоруссии и местами на Украине: Баба-Юга (дат.п. Бабе-Юзе) [Новиков 1974, 133], укр. язi-баба, Баба-Язя, Язя; польск. Jędsi baba (Ендза); словацк. ježi baba (Яга-баба, Йежи-баба); чеш. Ježibaba, jezinka (Ежибаба, Езинка) имеет общеславянское распространение. Имякомпонент 'баба' влияет на антропоморфное представление Яги как матери, бабушки. Более архаичный образ Бабы-Яги–Змеихи, как особо отмечает Н.В. Новиков, предстает лишь в двух сказочных сюжетах: «Бой на Калиновом мосту» (Андреев, 300А, 300*В) и «Три царства: золотое, серебряное, медное» (Андреев, 301), где выступает в функции «Яга-воительница» (классификация В.Я. Проппа), типажом образа «Баба-Яга-Мстительница» (по Н.В. Новикову) [Новиков 1974, 162-166].

«Три царства: золотое, серебряное, медное». Битва Героя под землей с Бабой-Ягой–Змеихой, рать Бабы-Яги; Баба-Яга владеет живой и мертвой водой; она «выкопала» глаза старику-богатырю; ей приходится вернуть деду глаза; у Бабы-Яги земельные угодья, где Герой пасет скот и куда биться выезжает на коне сама Баба-Яга–Змеиха. Баба-Яга мать 3-

х (9,10,12,...,100) дочерей-оборотней. Их, обращенных в кобылиц, и должен пасти трое суток Герой, по договору с Ягой, за награду – чудесного коня.

«Бой на Калиновом мосту». Герой обезглавил трех змиев, сыновей/зятьев Бабы-Яги, та – с невестками/дочерьми строят план мщенья, и – в погоню. Яга принимает вид Змеихи/ (реже) огромной свиньи, «Змеихи – поглотительницы» по В.Я. Проппу. Герой спасается в кузне, кузнецы Ягу-Змеиху ловят за язык раскаленными клещами, бьют молотом, пока она не «перекуется» в лошадь. [...] Иногда роль Яги исполняют другие персонажи, преимущественно Змей или Змеиха-мать, при этом в качестве «божьих ковалей» часто выступают Кузьма-Демьян или Борис и Глеб; сама борозда проведенная по земле «от моря до моря» [...] именуется «Змиевым валом» [ibid., 165].

Канва этих сказок, текстов локальной мифологии, поражает исследователя обилием реликтов индоевропейских мифологических схем про змееобразных враждебных существ нижнего мира, связанных с водой, хаосом. Среди них нужно обозначить: основной миф борьбы Громовержца со Змеем; мотив расчленения Змея **Uel-* и освобождение света, звезд, вод, стад, богатств; вырывание кузнецом вредоносного языка нижнемируму обитателю; подземный мир мертвых как пастбище, где пасутся стада скота – воплощения душ ушедших; связь коня (шире – скота) с водой и нижним миром и добывания скота (богатства); владение живой и мертвой воды (в других текстах Баба-Яга указывает источник, колодец, возвращение зрение); ослепление и возврат зрения (resp. 'смерть' > 'возрождение'); слепота (взаимная) Героя и Антагониста и пр. [см. Иванов 1973; Иванов, Топоров 1991; Топоров 2001].

Каждая традиционная культура содержит локальные культурные комплексы, включающие разнообразные элементы – помимо языка, мифа и ритуала это и география (культурный ландшафт), и календарь / 'время', и (дневное и ночное) небо, не говоря про ремесло, хозяйствование, социальные институты воспитания и обучения и пр., и пр. Изменения элементов (смена географического положения; языка-носителя; культурных кодов; прогресс или регресс в социальных институтах и т.д.) приводит к трансформации диалектных культур. Эти изменения реконструируются на основе географического распространения общих лингвистических фактов и экстралингвистических артефактов. Например, соответствие русск. диалект. *язя* 'особо ядовитая змея', *еж*, *яж* 'червь, живущий на спине у рогатого скота' и ниже-луж. *jaž* 'ёж', 'червяк или личинка у скота' [ЭССЯ 6, 37] объяснимо только как наследие пра-слав. **ež* 'змея'; пра-слав. **ež-ŭ* 'ёж', букв. «змеиный», табуистич. обозначение животного, враждебного змее, пожирателя змей' [там же].

Вышеуказанные диалектизмы, а также укр. *язі-баба* 'ведьма, волосатая гусеница', укр. *язя*, *язі* 'гадюка; злая баба', *язя* 'ведьма'; чеш. *jezinka* 'лесная ведьма, злая баба'; польск. *jędza* 'ведьма, баба-яга, злая баба' приводят к гипотезе о пра-славянском 'змеином' имени Бабы-Яги (впервые [Черепанова 1983, 107-109]). Предложенный О.А. Черепановой этимон -яг(яз, яж)- 'змеиха' возможно точнее понимать как феминитив на -*ja* от семы 'змея': пра-слав., слав. **jazь* / **jęzь* 'змея' > -**jaz-ja* / **jęz-ja* 'змеиха', откуда слав. диалект. **jaga* / **jęga* 'Яга'. Когнатами апеллятива **jazь* / **jęzь* выступают нем. *Echse* 'зоолог. ящер', *Eidechse* 'ящерица'; латин. *exetra* '(ядовитая) змея'; греч. *σαῦρος*, диалект. *σαῦρη*, *sauros* 'ящерица', *ἔχις*, *echis* – 'змея', *ἔχιδνα*, *echidna* – 'змея'; армян. *iž* – 'гадюка'; др.- иран. *aži*, *ažis* – 'дракон'; др.-инд. *ahi* – 'змея', а также: латин. *anguis* – 'змея', *anguilla* 'угорь'; лит. *angis*, *ungurys* 'змея', др.-в.-нем. *unc* 'уж'; тохар. В *auk* 'змея' – все из и.-е. **ǵhwhi*, *eǵh(i)* – 'змея'. Расширение на -*v-a* дало группу лексем со значением 'змея', 'змееобразный демон болезни', см. слав. **ežva* 'болезнь' (*язва*); др.-чеш. *jězv*, *jězev* 'дракон' и др. Мифологический 'Змей' и его культурные реминисценции, тесно связанные со слав. **jaga* / **jęga* 'Яга', возможно, видеть в пра-слав., слав. диалект. **Jasterь* / **Jęsterь* 'мифолог. Змей', 'Ящер', далее семы 'ящерица'; 'болезнь; змееобразный дух болезни'. Оним образован присоединением агентивного суф. -*ter* к **jazь* / **jęzь* 'змея' (аналогично мифоним *Veter* из слав. *ve-* 'дуть, веять'; см. еще о классификационном суффиксе *-*ter* /

*-er [Бенвенист 1995, 174]). На стыке корня и аффикса непроезжимое *-zt- обратилось в -st-, что со временем дало -št- (словац. *jašter* 'ящерица; дракон'; чеш. *ještěr* – тоже), фиксируемое графемой -щ- (болг. *гуштер* м. р. 'ящерица; ящер (болезнь)'). Ящер, 'Змей', ставится в один ряд с другими мифологическими Змеями, Змеями глубин: др.-греч. *Ἐχιδνα*, *Echidna* Ехидна/ Эхидна; др.-инд. *Ahi Budhnya*, Ахи Будхнья; др.-иран. («Авеста») *Aži dahaka*, Ажи Дахака.

На всем временном отрезке развития, как показывает локальная мифология и лексика, сохранялась связь с слав. *ǫž- 'уж; *водный змей'; слав. *ǫs- 'ус'; слав. *jězъ, *jězъ 'яз/ ез, запруда; перемёт или частокол через всю реку; дамба, запруда', *jěziti 'отводить воду; запруживать' [ЭССЯ 6, 56, 59-60]. Эта семантика, возможно, результат перехода значений '(водный) змей (перегородивший реку)' > 'водная преграда', как в др.-инд. *Vjtra*, Вритра, 'затор; запруда; преграда' из и.-е. *ǵel- 'Змей', захватчик Вод, поверженный Громовержцем *Per(k)-un. На такую интерпретацию образа Змея-преграды Вод (> Баба-Яги – владелицы вод в диалектной культуре) указывают ряд восточнославянских локальных текстов. Представление о власти Хозяина Вод над запрудами приписывается Морскому Царю (фрагмент в старине «Садко» о *Черном Ручье*), водяному, а также «змеиному молоку», что способно размыть мельничную плотину, будучи влитой в пруд [Афанасьев 1982, 269, 206, 212]. В сказках есть «птица Усыня – змей о двенадцати хоботах», «Усыня – сам с ноготок, борода с локоток, усы по земле тащатся, крылья по версту лежат»; их функция преграды (и имя) «ушло» к богатырю Усыне, что своими усами перекрывает / запруживает реки, пруды и моря. У русских он Усыня, на Украине – Запри-вода, Крутивус, Пруд<t>ымус, у белорусов и Вусыня, и Запры-вода, как указал Н. В. Новиков [Новиков 1974, 146-147, 149]. Оба полярных Усыни проявляются в имени или функции внутри сказок типа «Три царства», [Андреев, 301 А, В] (см. о них выше): длиннобородый карлик («Усыня») или Баба-Яга избивает богатырей; наказывается их младшим братом, будущим Змееборцем. Из данных Н. В. Новикова следует, что образ некоего персонажа-преграды русла – общий на восточнославянском пространстве, а лексико-семантическая контаминация с 'ус' произошло позднее, вне Украины.

Выводы. В восточнославянской культуре, диалектной по отношению к праславянской, сохранилось реликтовое представление о Бабе-Яге–Змеихе. Этот образ поддерживается этимологической гипотезой о слав. диалект. *jaga/*jęga, сохранившееся в форме *Яга*, *Баба-Яга*, возводимое к пра-слав., слав. *jaz-ja/*jęz-ja 'змеиха' < *jazъ/ *jězъ м.р. 'змей'.

Литература

1. Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избранные статьи. – М.: Современник, 1982.
2. Бенвенист Эмиль. Le vocabulaire des institutions indo-européennes [В 2 т.]: пер. с фр.; общ. ред. Ю. С. Степанов. – М.: Прогресс, Универс., 1995.
3. Иванов В. В. Категория «видимого» и «невидимого» в тексте: Еще раз о восточнославянских фольклорных параллелях к гоголевскому «Вию» // *Structure of Texts and Semiotics of Culture*. – The Hague; Paris. – 1973.
4. Иванов В. В., Топоров В. Н. Индоевропейская мифология // *Мифы народов мира*. Т. I. – М., 1991. – С. 527–533.
5. Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. – Л.: Наука, 1974.
6. Топоров В. Н. К интерпретации некоторых мотивов русских детских игр в свете «основного» мифа (прятки, жмурки, горелки, салки-пятнашки) // *Studia myphologica Slavica*. – Ljubljana. – 2002. – № 5. – С. 71-112.
7. Черепанова О. А. Мифологическая лексика русского Севера. – Л., 1983.
8. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – М.: Наука, 1974-... – Вып. 1-... (Серия продолжается).

АШКАЗАР БУЙЫ ФОЛЬКЛОРЫ

(2015 йылғы фольклор-тарих экспедицияһы материалдары буйынса)

ФОЛЬКЛОР С БЕРЕГОВ р. АШКАДАР. В статье рассматривается современное состояние башкирского фольклора Федоровского района РБ. Как показывают экспедиционные материалы, в районе собран интересный материал. В записях представлены образцы следующих жанров: сказки, топонимические предания, былички, протяжные и короткие песни, такмаки и хамаки (zaklichki), обрядовый фольклор, образцы детского фольклора. Довольно богатый материал собран по поверьям башкир, народной медицине, заговоры. Проведенные исследования позволяют заключить, что фольклорные традиции башкир Федоровского района в жанровом отношении весьма разнообразны.

Ключевые слова: экспедиция, фольклор, диалект, башкиры, жанры, информанты.

THE FOLKLORE FROM BANKS OF RIVER ASHKADAR. The article considers the current state of the Bashkir folklore of the Fedorovsky District of the Republic of Bashkortostan. As the expedition materials demonstrate, interesting material has been collected in the region. In the records one finds samples of the following genres: fairy tales, toponymic legends, tales, long and short songs, takmaks and hamaks (zaklichki), ritual folklore, samples of children's folklore. Pretty rich material was collected concerning the beliefs of the Bashkirs, folk medicine, charms.

The conducted research permits to conclude that the folkloric traditions of the Bashkirs of the Fedorovsky district are very diverse in genre.

Keywords: expedition, folklore, dialect, Bashkirs, genres, informants.

Башкортостандың көньяк-көнбайышында урынлашкан Федоровка районына Тарих, тел һәм әзәбиәт институты ғалимдарының академик экспедицияһы 2015 йылда утты. Безҙең экспедицияның максаты районда халыҡ ижадының ололар хәтерендә ни рәүешлә һаҡланыуын белер, уларҙың хәтерен яңыртуу, быуындар бәйләнешеп һаҡлап, йәштәргә күсәгилешлектә байҡау, яҙып алынған материалдарҙы ғилми әйләнешкә индереп, яңынан халыҡка кайтарыу ине. Ошо максаттарҙан сығып, без, фольклорсылар, ғәзәттәгесә, халыҡ ижадының төрлө жанрҙары буйынса материал йыйырға тырыштыҡ. Был мәкәләлә иһә Федоровка районы халыҡ ижадына бер ни тиклем күҙәтәү эшләнә.

Күләмле эпик әсәрҙәр, бай риүәйәт-легендалар яҙып алынмаһа ла, һәр кәрһән өйҙә һиндәй зә булһа кызыклы мәғлүмәт табылды. Ауылдарҙа 40 йәштән алып 95 йәшкә тиклемгә етмешләп информант менән әңгәмәләшеп, үҙенсәлектә халыҡ ижады, тарихи материалдар яҙып алынды. Шуныһы ла мәғлүм, Федоровка районы башкорттарының ерлә һөйләшә башкорт теленәң көньяк диалектына инә. Көньяк диалект үҙенәң өндәрә, грамматик үҙенсәлектәрә, һүҙлектә составы яғынан хәзәрә башкорт әзәби теленә бик яҡын тора һәм юрматы, табын, катый (инйәр-катый), бөйөн, кыпсаҡ, үсәргән, түңгәүер, мен кәбиләләренәң урындағы һөйләү телен берләштерә. Мәсәлән, Федоровка башкорттары һөйләшәһән бер өлгө: “Яңы Яуыш тигән карт утырғанмыуы, Иске Яуыш бөттө хәзәр. Безҙең Ашказар йылғаһы, Карамал йылғаһы аға. Шулар Карамалы һыу буйларында карама ағаслары күп буған. Тағы Кинйәвикә сокоро бар бер тауза. Әлек йәйләүгә сыкканнар бит, әйберләре менән тейәлеп китеп барғанда ауған шулар сокорҙа Кинйәвикә тигән кеше. Анау карама буйында Әүлиә тауы бар, зәрә бейек түгел ул. Карлығул тибез, ул яҡларҙа бейек-бейек ағаслар күп буған, кар ятмаған. Кырлығулта йәй буйында кар ята тейләр”. Килтерелгән миһалдан ғына күренәһәнсә, көньяк диалекттың төп билдәләре күплектә һәм яһауы ялғауҙар, һүҙҙең һиндәй өнгә бөтәһәнә карап, һигәззә, ике төрлө килә. Әммә күп оһракта ла һаҡлана.

Федоровка төбәгендә безгә фольклористикала иң зур жанр, эпостар яҙыу алыу мөмкинлектә теймәһә лә, бер һисә әкиәт, озон һәм кыска йырҙар, легенда-риүәйәттәр, такмактар, йолалар, ырымдар, һынамыштар, тыйыуҙар, мәкәлдәр, йомактар, бәйеттәр, иһтәлектәр йыйылды.

Әкиәттәргә күзәтеү эшләгәндә, һәр төбәктә халык араһында киң таралған “Етем кыз” сюжетының был яктарҙа ла өс вариантын ишетеү насип булды. Информанттар уны һәр кайҙа ла телдән-телдән йөрөтөп, ихлас күңелдән һөйләйҙәр. Информанттар әкиәттең ике вариантын “Үгәй кыз” тип һөйләһәләр(3, 7), өсөнсөһөн “Йомро-йомро, йомғағым” (1) тип атаны. Өс вариант та бер сюжетка королған, үгәй әсә кулында яфа сиккән кыз баланың яҙмышы һүрәтләнә.

Тикшерелгән районда язып алынған легенда, риүәйәттәргә күзәткәндә, ололар күпселектә ауыл йәһиһә тау-йылға атамаларының килеп сығышын тәүҙә ошо яктарға килеп ултырған кешенең исеме менән бәйләй. Мәсәлән, Федоровка районында Юлдаш, Ынташ ауылдары, Тиләгәзе, Ашказар, Балыклы, Ыукайлы йылғалары, Ибраһим, Зәлифә күлдәре атамалары хаҡында, шулай уҡ информанттар һаҡлаған гәзит биттәренән “Кашлы йөзөк” легендаһы менән дә танышырға тура килде.

Ашказар йылғаһының һул як ярында урынлашқан Ынташ ауылының атамалы тураһында мәғлүмәттәр ололар хәтерендә күберәк йәшәй.

Федоровкалылар кабатланмаһ йола фольклорын да һаҡлап калған. Оло быуын вәкилдәре хәтерендә тәбиғәткә қағылышлы йолалар айырым урын алып тора. Мәсәлән, ямғыр яумаһ йонсоткан королюк мәлдәрендә теләккә сығыуҙы иҫкә алып “Королюкта, ямғыр яумаһа, тау башына менеп доға уҡыйбыҙ, теләктәр теләйбөз. Бала сақта һыу һибешә торған инек: “Ямғыр апай яу-яу, ашылыҡ апай үс-үс”, – тип йәһиһә “Илгә бир, илгә бир, илдән калһа, бөзгә бир”, – тип тә һамаҡлап теләктәр теләй инек(8) тип һөйләнеләр.

Шулай уҡ халыктан тыуым, туй, үлем туйы йолалары үтәләшәндә үзәнсәлеккә мәғлүмәттәр язып алынды. Халык ижадының бәйет жанрына килгәндә, Федоровка яктарында тулы йөкмәткәле “Европа һуғышы”, “Атайыма бәйет”, “Фәйез бәйете”, 1974 йылда Көйөргәзе районы Таймаһ ауылына уҡырға китеп барғанда буранда азашып үлгән Уразбаева Нәкисәгә арнап язылған “Нәкисә бәйете” әсәрҙәре язып алынды. Һәр төбәктә күпләп таралған “Сак-Сук” бәйетенең был якта бары тик ярыһтары ғына табылды. Информанттар был бәйеттең йөкмәткеһе менән таныш, әммә тулыһынса һөйләп йәһиһә көйләп әйтмәне. Әкиәт формаһында бик кыска рәүештә язып алынды был әсәр.

Теләһә кайһы төбәктә алһаң да, йырҙар хәтһеҙ урын алып тора. Был районда ла бихисап йырҙар, тамактар язып алырға тура килде. Һәм шундай күренеш кызыклы, һәр төбәк дөйөм башкорт йырҙарын башкарығанда, көйөн һаҡлай, әммә үзҙәренең ерле тау, йылғаларҙың исемдәрен кушып башкара. Мәсәлән, Федоровка районында күп кенә йырҙарҙа Ашказар йылғаһының атамалы кушылып йырлана. Бөзгә, әлбиттә, тулыһынса был йырҙы ишәтергә тура килмәне, уның кайһы бер куплеттары ғына язып алынды.

Экспедиция ағзалары тарафынан афористик ижад төрҙәре лә (мәкәл, йомак, әйтем) ярайһы уҡ язып алынған. Халык телендә тапкыр һүҙҙәр, асыллы мәкәлдәр юк-юкта килеп сыға, уларҙы тик уңайын килтереп язып ала белергә генә кәрәк.

Халык хәтерендә һамактар за ныклы урын алған. Айға, көнгә, таңды каршылағанда, йокларға ятканда, йәш балаға арнап әйтелгән һамактар һәр төбәктә һаҡлана. Федоровка районында язып алынған һамактар башка яктарҙыҡынан әллә ни айырылмай. Мәсәлән, ай тыуғанда әйтелгән һамак һәр ваҡыт халык телендә:

Ай күрҙем аман менән,
Ауызым тулы иман менән.
Куйыным тулы көрһән менән,
Балаларым менән,
Шатлыҡ кыуаныс менән.
Алдағы айҙарҙа ла күрергә яҙһын,
Туғандарыма, күрһе-күләнәмә һаулыҡ бирһен. (4)
Йәһиһә йокларға ятканда әйтелә:
Яттым, йә, Алла,
Торһам, иншалла.
Ошо ятыуымдан тора алһаһам,
Иман бирһен бер Алла.
Ястығым кирбөс,

Динем ислам,
Ошо ятыуымдан тора алмаһам,
Юлдашым булһын иман. (8)

Федоровка башкорттарынан шулай ук кызыклы тыйыузар, һынамыштар, ышаныузар за язып алынды. Әлбиттә, уларзы барыһын да бер мәкәләлә күрһәтеп булмай. Бар йыйлған халык ижады фольклорсыларзың “Фольклор-тарих экспедицияһы материалдары – 2015: Федоровка районы” йыйынтығында донъя күрәсәк.

Шулай итеп, был төбәктә йәшәгән халык күңелендә башкорт ата-бабаларының үзенсәлектә, бай ижади мирасы һаклана. Улар үзәрәнен йөкмәткеһе, асылы менән Башкортостандың башка райондарында йәшәгән башкорттарзың материалы менән ауаздаш, әлбиттә, әммә ерле үзенсәлектәре бар. Федоровка районында язып алынған рухи хазиначар артабан да “Башкорт халык ижады” томдарын төзөгәндә, ғилми мәкәләләр язғанда кулланылып, киммәтле сығанак булып хеҙмәт итәсәк.

Әзәбиәт

1. Археографик экспедицияның ғилми отчеты. 1975. ҒА ӨҒҮ РҒА. Ф. 57, язма. 1, һакл.бер. 29.

2. ҒА ӨҒҮ РҒА. Ф. 3. Язма. 2а. Эш. 8. Б. 39 об–61.; ҒА ӨҒҮ РҒА. Ф. 3. Язма. 2а. Эш. 13. Б. 41–45, 47 об–50 об.

3. Бикбулатов Н. В. Шариат и обычай в наследовании и разделе имущества у башкир // Исследования по исторической этнографии Башкирии: Сборник научных трудов. – Уфа, 1984. – С. 42–43.

4. Исянгулов Ш. Н. Старый Четырман: историко-краеведческое издание. – Уфа, 2001. – 192 с.

Информаторзар

1. Баязғолова Нәфисә Исламғол кызы, 1937 йылғы, 4 класс белемле, 6 бала әсәһе, колхозда эшләгән, Яңы Ауыш ауылы. Г. Ханова язып алған.

2. Бағаева Хәлисә Шаһаббал кызы, 1950 йылғы, 3 бала әсәһе, килең булып Белорет районы Ырсыкай ауылынан төшкән, башкорт теле һәм әзәбиәте укытыусыһы, Батыр ауылы. Уның халык ижады буйынса эшләгән альбомдарынан алған материалдар. Г. Юлдыбаева язып алған.

3. Буканбаева Рауза Хәжиәхмәт кызы, 1928 йылғы, 3 класс белем, 1 бала, совхозда эшләгән, Бала Сытырман ауылы. Г. Юлдыбаева язып алған.

4. Ғәйетғолова Фәнүзә Зиннәтулла кызы, 1941 йылғы, 7 класс белем, 3 бала әсәһе, һатыусы булып эшләгән, Оло Сытырман ауылы. Г. Юлдыбаева язып алған.

5. Исәнғолов Наил Әбдрәшит улы (1941–1988), укытыусы булып эшләгән, Иске Сытырманда йәшәгән.

6. Кунаккужина Фәниә Фәхретдин кызы, 1935 йылғы, 3 класс белем, 1 бала әсәһе, Ишмөхәмәт ауылы.

7. Маликова Миңлевафа Ғәлләмәтдин кызы, 1928 йылғы, 7 класс белем, 4 бала әсәһе, совхозда эшләгән, һауынсы, Яңы Ауыш ауылы. Г. Юлдыбаева язып алған.

8. Солтанғолова Сәлимә Ғабдулла кызы, 1929 йылғы, 2 класс белем, 7 бала, совхозда эшләгән, Оло Сытырман ауылында тыуған, Бала Сытырман ауылы. Г. Юлдыбаева язып алған.

9. Солтанғолов Мортаза Мостафа улы, 1962 йылғы, юғары белемле, 1 бала атаһы, Бала Сытырман ауылы. Г. Юлдыбаева язып алған.

УДК 811'42:811.512.145'28(03)

А. Ш. Юсупова, г. Казань

РОЛЬ И МЕСТО ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ В ТАТАРСКО-РУССКИХ СЛОВАРЯХ XIX ВЕКА

В статье исследуется диалектная лексика, которая зафиксирована в двуязычных словарях татарского языка XIX века. Наличие диалектальных слов в словарях свидетельствует о том, что они были адресованы населению разных областей, и что этими словарями могли пользоваться представители различных диалектов и говоров. В XIX веке только начинали формироваться границы распространения диалектов, некоторые слова были зафиксированы в рукописных словарях, именно их и могли рассматривать авторы. Диалектальные слова, зафиксированные в татарско-русских словарях XIX века, активизируют лексические единицы местных говоров и увеличивают богатство литературного языка

Ключевые слова: татарско-русские словари, XIX век, диалектная лексика, тематика диалектных единиц, арабо-персидские заимствования, русско-европейские лексические единицы.

The article explores the dialect vocabulary which is recorded in bilingual dictionaries of the Tatar language of the XIX century. The presence of dialectal words in dictionaries indicates that they were intended to the people of different regions, and that representatives of various dialects and subdialects could use these dictionaries. In the nineteenth century the borders for the spread of dialects were just beginning to form, some words were recorded in manuscript dictionaries, and exactly the latter could be considered by the authors. Dialectal words recorded in the Tatar-Russian dictionaries of the XIX century activate the lexical units of local dialects and augment the wealth of the literary language.

Keywords: *Tatar-Russian dictionaries, XIX century, dialectal vocabulary, subjects of dialect glosses, Arab-Persian borrowings, Russian-European lexical units.*

Процесс использования словарного богатства в произведениях художественной литературы протекает на основе древних традиций и особенностей разговорной речи. Широкое распространение получает употребление синонимичных по значению слов [Хаков, 156], среди которых находят своё место заимствованные единицы и диалектальные лексемы. «...Первые татарскоязычные словари составлялись на основе отдельных говоров. К таким работам можно отнести словари Дамаскина (1785), И. Гиганова (1801, 1804), Н. П. Остроумова (1876, 1892), А. Воскресенского (1894)», – упоминает Л. Т. Махмутова [ТТДС 1969, 5]. Она подчёркивает значительную историческую ценность данных словарей и тот факт, что они были основаны на лексике сергачских мишарей, крещёных татар и татар Западной Сибири. Представители различных местных и общественных диалектов попадают под влияние нового языка, то есть в тот момент их речь была вынуждена развиваться под воздействием других языков и в какой-то степени оказывать некое влияние на язык представителей других диалектов. Такого рода процессы приводят к ликвидации чётких границ различных форм существования языка. С одной стороны, исчезает книжная форма культурной речи, а с другой стороны, это приводит к слиянию литературного языка с разговорной речью. Именно поэтому в татарско-русских словарях XIX века значительное место отводится диалектальной лексике. Распределение данных слов, согласно поставленной цели, по тематическим группам и объяснение их значений дают возможность выведения некоторых умозаключений, представляющих, на наш взгляд, значительный интерес для современной науки. Самое большое количество диалектных единиц занесено в словарь И. Гиганова. И это естественно, потому что данный труд был составлен на территории сибирских татар, в результате чего большое место в нём занимают единицы, характерные для местных говоров. Распределение диалектальных единиц, зафиксированных в татарско-русских словарях XIX века, по тематическим группам, на наш взгляд, создаст благоприятные условия для дальнейшей работы. Обратимся к примерам: названия природных явлений, деревьев, животных, птиц и насекомых: *аннь* – зверь, *ургачы* – самка, *иргакъ* – сомець, *кяркаданъ* – единорогъ, *юша* – олень, *акъкиякъ* – дикая коза, *уршянь* – ласка, *варте* – бурундук, *буга* – порось, *сияляк* – овчарка [Гиганов 1801, 36-37]. Слово *ан* не сохранилось в современном языке в значении «животное», а существует лишь в качестве древнего корня в таких словах как *куян*, *арыслан*, *болан*, *эрлэн*, *йомран*. В Тюменской области слово *сималэк* употребляется в значении «маленькая собака», а в Тобольском районе в значении «овчарка» [Тумашева 1992, 190]. В Тюменской области вместо литературного слова *болан* функционирует такое слово, как *йуша* [Тумашева 1992, 87]. Названия растений: *тилбадан*, *кузук агаце*, *турнакузция*, *кунлук агаце*, *мәшкә*, *байланъ* – пихта, *мыцьр* – ребина, *етьбурунь* – шиповник, *няня* – мята, *маруль* – салат [Гиганов 1801, 41] и т. д. Как видно, названия растений особенно отличаются своим своеобразием. Такие слова, как *нәнә*, *мыцьр*, *астыган*, *уцкат*, *сэртэк*, считаются лексическими единицами, характерными лишь для говоров сибирских татар.

Названия посуды, составляющие отдельную группу в лексико-семантической классификации диалектальных слов, употребляются в различных говорах и нашли своё отражение в диалектологических словарях татарского языка. В словарях XIX века зафиксировано несколько вариантов слова *половник*. Н. Остроумов предложил вариант *табак кашыгы* [Остроумов 1876, 185], а К. Насыри – *бакрач* [Насыри 1878, 14].

Вышеперечисленные слова и по сей день продолжают своё существование в различных говорах. В заказанском – мамадышском – говоре употребляется слово *табак кашыгы* [ТТДС 1969, 134], в карсунском говоре – *сапаяк* [ТТДС 1969, 263], в каргалинском, стерлитамакском – *бакрач* [ТТДС 1969, 43], также в заказанском и чистопольском говорах [ТТАС 1977, 65]. К словам, обозначающим посуду, можно отнести такие лексические единицы, как *жылпуч* – лоток [Юнусов 1900, 19], *жэйләү* – чайное блюдечко [Юнусов 1900, 88], *тустаган* [Насыри 1878, 66].

Большое место в словаре предоставлено словам, обозначающим названия продуктов питания и пищи. К этой группе относятся такие лексические единицы, как *дурчмак*, *корт*, *айбагар*, *гердә* – булочка [Насыри 1978, 14–16], *дучмак*, *дурчмак* – лепешка [Остроумов 1876, 67], *ләвәш* – сладкий пирог [Насыри 1978, 100], *тәбикмәк* [Остроумов 1876, 211], *кашык чумары* – клецки [Юнусов 1900, 135], *жуача* – оладьи [Остроумов 1876, 82], *саум* – свадебный гостинец [Остроумов 1876, 172], *бирамаш* – праздничное кушанье [Троянский 1833, 197], *ләух чай* – кирпичный чай [Насыри 1878, 100] и т.д. *Дурчмак* – круглый белый хлеб [Остроумов 1876, 67], слово не употребляется в современном литературном языке, но во многих говорах выполняет роль активной лексической единицы. Здесь наблюдается разнообразие значений данного слова. Например, в мамадышском и говорах елабужских татар оно представлено в варианте *дучмак*, в минзелинском говоре – *дүречмак*, а в тарханском говоре – в варианте *дүртпочмак* [Хайрутдинова 1993, 38]. Если в одной области *дурчмак* обозначает «калач, испеченный из дрожжевого теста», в другой же – «четырёхугольный пирог из теста со сладкой начинкой».

Айбагыр обозначает подсолнечник [Остроумов 1876, 11]. Эта лексическая единица активно употреблялась в речи татар в XIX веке, поэтому она занимает место практически во всех словарях того периода. В современном литературном языке слово *айбагыр* уже не употребляется, но в определённых областях, в особенности в мишарском диалекте, встречаются фонетические варианты *айбагар/айбагыр* [ТТДС 1969, 21]. Слово *гердә* проникло в татарский язык из персидского. Употребляется в говорах среднего диалекта. В нагорном-нурлатском, заказанском-лаишевском говоре обозначает хлеб небольшой формы, предназначенный для милостыни, а в заказанском говоре крещеных татар – хлеб, булочка или калач, выпеченный в день похорон или же в день поминок [ТТДС 1969, 117]. Слово *саум* в заказанском, нагорном, камышинском, мелекесском, чистопольском, дрожжановском, мордва-каратайском говорах, а также в говорах крещеных татар обозначает еду, гостинец, который обычно приносят на свадьбу [ТТДС 1969, 353]. Многие из названий пищевых продуктов, блюд, включенных в словари того периода, в настоящее время относятся к заказанскому говору крещеных татар, кузнецкому, темниковскому, мишарскому говорам татарского языка.

Большого внимания заслуживают термины родства, зафиксированные в двуязычных словарях. К ним относятся следующие лексические единицы: *тута* – тетка, *жанагай* – деверь [Насыри 1878, 6, 45], *печкө* – свекровь, *беием* – свекровь, *печкәчә* – своячина, *тутай* – сестрица, *тыума* – потомок, *олан* – сын, дитя [Остроумов, 105, 125–126], *бикәч* – супруга [Юнусов, 57]. Слово *бикәч* в дрожжановском говоре употребляется в значении ‘молодая девушка’ [ТТДС 1969, 54]. В словаре М. Юнуса оно представлено в составе словосочетания *бикәч түшәге* [Юнусов 1900, 57]. Большая часть данных слов употребляется в говорах крещеных татар. Слово *дядяй* представлено в значении ‘дядя’ [Остроумов 1876, 62]. Данная лексическая единица не употребляется в современном литературном языке, но активно используется в разговорной речи [ТТАС 1977, 318]. В говорах нагорных крещеных татар употребляется форма *дад’у/дядяу* [Баязитова 1997, 90], в кузнецком, сергачском, темниковском, мамадышском говорах встречаются варианты *дәди/дәдәй* [ТТДС 1969, 131]. *Тютей* в словаре Н. Остроумова употреблено в значении «сестра» [Остроумов 1876, 125]. Данная лексическая единица сохранилась лишь в диалектах. Такие варианты слова *түтәй*, как *сытытай/сытый/тутай/тәтә/начтутай* – *насия тутай* активно употреблялись и в старотатарском литературном языке. В нагорном

говоре крещеных татар употребляются варианты *m'im'u/mejtau* (*тути*) [Баязитова 1997, 91]. *Печкә* – свекровь [Остроумов 1876, 108] часто встречается в словарях XIX века. В современном литературном языке этого слова уже нет, но оно сохранилось в определенных говорах татарского языка. Например, в говоре крещеных татар активно употребляется слово *печкә*, которое также обозначает «свекровь». Крещеные татары Нагорья словом *печкә* обращаются к свекрови, а *печкәчә* служит у них обращением к младшей сестре мужа [Баязитова 1997, 92].

Диалектальная лексика занимает довольно большое место и в словаре А. Троянского. Эти единицы отличаются своей древностью и редкостью. Их невозможно отнести к определенному диалекту, так как они сохранились в различных диалектах и говорах. Например, *чәрәчә* – крыльцо [Троянский 1833, 463] не существует в современном языке, а сохранилось лишь в мензелинском говоре среднего диалекта, а именно в Агрызской местности, где обозначает предбанник, не зафиксировано в диалектологических словарях. Это очень древнее слово было отмечено ещё в словаре Махмуда Кашгари в том же значении. По этому поводу М. Ногман пишет: «Раньше вместо лампы зажигали лучину. Заранее подготовленная, она хранилась в сених. Исходя из этого, сени должны были называться *чырача*» [Ногман 1969, 103].

Многие словари XIX века были составлены в качестве словарей литературного языка. Но, несмотря на это, с точки зрения сегодняшнего дня в них имеются и слова, относящиеся к диалектальной лексике. Причины этого явления можно обосновать: авторы словарей зафиксировали слова, относящиеся к лексике той местности, откуда сами были родом (К. Насыри, М. Юнысов). Вероятно, они считали эти слова нормой литературного языка и сознательно стремились внедрить диалектальную лексику в свои словари. В словарях И. Гиганова в основном представлена лексика, относящаяся к восточному диалекту. Это прежде всего объясняется местом жительства и работы автора. Среди слов в словарях имеют место арабско-персидские заимствования и единицы, относящиеся к другим тюркским языкам, а также фонетические варианты литературных слов. Большую часть диалектальных слов, зафиксированных в словарях XIX века, составляют татарские слова. Большинство из них состоят из древних слов, а также употребляются в других тюркских языках. Помимо русских слов общенародного языка, в татарских диалектах наблюдается наличие большого количества слов, проникнувших напрямую из говоров русского языка. Диалектальные слова, проникнувшие из говоров русского языка, в разных языках зафиксированы по-разному. Диалектальные единицы арабско-персидского происхождения, зафиксированные в словарях XIX века, в основном, относятся к области науки, культуры и религии; они, в свою очередь, подчинены фонетическим законам того или иного говора. Словари XIX века дают уникальную возможность представить диалектальные особенности языка прошлого столетия. Они нашли отражение в современных диалектологических словарях. Это явление служит доказательством сравнительно медленного изменения разговорной речи того времени. Диалектальные особенности и слова, сохранившиеся в нашем языке, отражают исторические связи тюркских народов, племён, этнических групп. Со временем диалектные слова перешли в общенародный язык, затем, всё более расширяя сферу своего употребления, проникли в литературный язык.

Литература

1. Баязитова Ф. Керәшеннәр. Тел үзенчәлекләре һәм йола ижаты. – Казан: Матбугат йорты, 1997. – 248 б.
2. Гиганов И. Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и юртовскими муллами свидетельствованные. – СПб., 1801. – 75 с.
3. Насыри К. Татарско-русский словарь. – Казань, 1878. – 120 с.

4. Ногман М. XVII–XVIII йөзләрдәге русча-татарча кулъязма сүзлекләр. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1969. – 112 б.
5. Остроумов Н. П. Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещеных татар Казанской губернии. – Казань, 1876. – 145 с.
6. ТТАС – Татар теленәң аңлатмалы сүзлеге: 3 томда. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1977. Т. I. – 475 б.
7. ТТДС – Татар теленәң диалектологик сүзлеге. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1969. – 643 б.
8. Троянский А. А. Словарь татарского языка и некоторых употребительных въ немъ реченій арабскихъ и персидскихъ, собранный трудами и тщаниємъ учителя татарского языка въ Казанской семинаріи священника Александра Троянского и напечатанный съ дозволенія комиссіи духовныхъ училищъ. – Казань, 1833. Т. I. – 629 с.
9. Тумашева Д. Словарь диалектов сибирских татар. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. – 255 с.
10. Хайрутдинова Т. Х. Названия пищи в татарском языке. – Казань: ИЯЛИ, 1993. – 141 с.
11. Юнусов М. Татарско-русский словарь наиболее употребительных слов и выражений. – Казань, 1900. – 115 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, директор Института языкознания РАН, член-корреспондент РАН, г. Москва.

Абдуллина Амина Шакирьяновна, доктор филологических наук, профессор Бирского филиала Башкирского государственного университета, г. Бирск.

Азнабаев Ахмер Мухаметдинович, кандидат педагогических наук, профессор Башкирского государственного университета им. М. Акмуллы, г. Уфа.

Акбулатова Рита Тимерхановна, ассистент Башкирского государственного университета им. М. Акмуллы, г. Уфа.

Багаутдинова Минихана Ишмухаметовна, кандидат филологических наук, Народный учитель Башкортостана, г. Уфа.

Баграмова Лилия Мирасовна, учительница МАОУ "Гимназия № 16", г. Уфа.

Бавуу-Сюрюн Мира, доктор филологических наук, профессор кафедры тувинского и общего языкознания Тувинского государственного университета, г. Кызыл.

Багирова Елена Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета, г. Тюмень.

Байдуллина Анна Тимирзяновна, докторант отделения эстонского и финно-угорского языкознания философского факультета Тартуского университета Эстонии.

Бакиева Гульсифа Такиюлловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень.

Бачаева Саглар Егоровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, г. Элиста.

Биданок Марзият Мугдиновна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языка Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева, г. Майкоп.

Бекасова Елена Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка ФГОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург.

Белякова Светлана Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Института гуманитарных наук Тюменского государственного университета, г. Тюмень.

Боброва Мария Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель Колледжа профессионального образования ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь.

Булгаков Рамиль Махматович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела восточных рукописей ФГБУН Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа.

Бурыкин Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.

Бускунбаева Лилия Айсовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания ФГБУН Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа.

Бухарова Гульнур Харуновна, доктор филологических наук, профессор кафедры башкирского языка и методики его преподавания БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа.

Валиева Мадина Раилевна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник отдела языкознания ФГБУН Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа.

Виноградов Даниил Вадимович, кандидат филологических наук, доцент Российского департамента Ханкукского университета иностранных языков, г. Сеул, Корея.

Габбасова Расима Минихайдаровна, учитель башкирского языка и литературы МОБУ СОШ с. Нугуш Мелеузовского района РБ.

Галкина Маргарита Егоровна, сотрудник лаборатории "Этнокультурное образование в условиях двуязычия" КГАОУ ДПО "Коми-Пермяцкий институт повышения квалификации работников образования", г. Кудымкар.

Ганиева Фаида Абубакаровна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала.

Гарипов Азат Салаватович, старший преподаватель Учалинского представительства БашГУ, г. Учалы.

Гишев Нух Туркубиевич, доктор филологических наук, заведующий отделом языка Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, г. Майкоп.

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович, доктор филологических наук, профессор Дагестанского государственного университета, заместитель председателя Кумыкского научно-культурного общества, г. Махачкала.

Давлетшина Зия Миннияровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии ФГБУН Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа.

Датская Майя Викторовна, студентка ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград.

Закиев Мирфатых Закиевич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии КФУ, г. Казань.

Иванов Владимир Андреевич, заведующий сектором научной библиотеки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва.

Ившин Леонид Михайлович, кандидат филологических наук, научный сотрудник ФГБУН Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН, г. Ижевск.

Илиева Алена Андреевна, кандидат филологических наук, доцент Бирского филиала Башкирского государственного университета, г. Бирск.

Искандарова Светлана Айратовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела восточных рукописей ФГБУН Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа.

Ишмухаметова Анита Шавкатовна, младший научный сотрудник отдела языкознания ФГБУН Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа.

Каксин Андрей Данилович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан.

Каракаев Юмав Иманьязович, кандидат филологических наук, доцент Карачаево-Черкесского государственного университета им. У. Д. Алиева, г. Карачаевск.

Каримова Рамиля Нигматьяновна, младший научный сотрудник отдела языкознания ФГБУН Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа.

Каскинова Гульнур Нуримановна, кандидат филологических наук, доцент Бирского филиала БашГУ, г. Бирск.

Касым Балкия Касымкызы, доктор филологических наук, профессор Казахского национального педагогического университета имени Абая, г. Алматы.

Кашкин Егор Владимирович, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, г. Москва.

Кетова Марина Владимировна, учитель коми-пермяцкого языка МАОУ "Гуринская СОШ" Кудымкарского района Пермского края.

Колосько Елена Валентиновна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.

Красовская Нелли Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, г. Тула.

Кузугет Мария Амын-ооловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НОЦ «Тюркология», ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет», г. Кызыл.

Кузбекова Раиса Абдрахманова, главный специалист аппарата Исполкома МСОО «Всемирный курултай (конгресс) башкир».

Кульсарина Гульнур Галинуровна, кандидат филологических наук, докторант ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа.

Курбангалеева Гузель Мансуровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», г. Уфа.

Лхасаранова Баирма Бастуевна, доктор педагогических наук, доцент, декан факультета бурятского языка и национальной культуры педагогического колледжа ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ.

Люкина Надежда Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и удмуртской филологии Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко, г. Глазов.

Магомедов Амирбек Джалилович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала.

Магомедов Магомед Абдулкадирович, кандидат филологических наук, заведующий отделом грамматических исследований Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала.

Магомедова Меседу Магомедовна, младший научный сотрудник, Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала.

Макарова Дина Владимировна, доктор педагогических наук, доцент кафедры гуманитарного образования ГБОУ ДПО «Мордовский республиканский институт образования», г. Саранск.

Марандина Елена Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета, г. Тюмень.

Махмудов Альберт Рафилевич, директор музея Бардымского районного краеведческого музея, Пермский край, с. Барда.

Мингажитдинова Хамида Хабибовна, пенсионерка, г. Уфа.

Миндибаева Зилья Робертовна, учитель МОБУ Башкирская гимназия с. Большеустыкинский, Мечетлинский район РБ.

Мугумова Анна Львовна, кандидат филологических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета, г. Махачкала.

Мулаева Нина Михайловна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, г. Элиста.

Муратова Римма Талгатовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания ФГБУН Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа.

Мурзаева Тамара Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского государственного национального исследовательского университета им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов.

Мухтаров Тимур Гаязович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания ФГБУН Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа.

Мызников Сергей Алексеевич, доктор филологических наук, заведующий Словарным отделом ФГБУН Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.

Насилов Дмитрий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой тюркской филологии Института стран Азии и Африки МГУ, г. Москва.

Насриддин Назаров, доктор политических наук, профессор Национального института художеств и дизайна имени Камолиддина Бехзада, г. Ташкент.

Нафиков Шамил Валеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания ФГБУН Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа.

Никифорова Ольга Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Арзамаский филиал, г. Арзамас.

Николаев Егор Револьевич, аспирант, главный редактор детско-юношеского журнала «Хатан», г. Якутск.

Николаева Альбина Михайловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск.

Норманская Юлия Викторовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, г. Москва.

Ондар Валентина Сувановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет», г. Кызыл.

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НОЦ «Тюркология» ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет», г. Кызыл.

Османова Зейнеп, кандидат филологических наук, Казахский национальный педагогический университет им. Абая, г. Алматы.

Очирова Нюдля Четыровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии ФГБУН «Калмыцкий научный центр Российской академии наук», г. Элиста.

Пашалыоглу Джанан, ассистент кафедры русского языка и литературы Государственного университета Невшехир им. Хаджи Бекташ Вели, г. Невшехир, Турция.

Плотникова Лариса Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород.

Поляков Осип Егорович, доктор филологических наук, профессор кафедры мордовских языков Научного исследовательского университета им. Н. П. Огарёва, г. Саранск.

Попова Римма Павловна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой финно-угорской филологии и национального образования ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени П. Сорокина», г. Сыктывкар.

Псянчин Юлай Валиевич, доктор филологических наук, профессор, региональный сотрудник Федерального научного журнала «Родной язык», г. Москва.

Пятаева Наталия Вячеславовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Стерлитамакского филиала ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Стерлитамак.

Рогожина Валентина Федоровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, г. Саранск.

Сажина Светлана Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН» г. Сыктывкар.

Саидова Патимат Абдулаевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала.

Сиивонен (Сельдюкова) Александра Тимирьяновна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Институт языкознания РАН, г. Москва.

Сиразитдинов Зиннур Амирович, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания ФГБУН Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа.

Соегов Мурадгелди, доктор филологических наук, профессор, действительный член (академик) АН Туркменистана, главный научный сотрудник Национального института АН Туркменистана, г. Ашхабад.

Сорокин Анатолий Анатольевич, аспирант кафедры русской филологии ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга», г. Петропавловск-Камчатский.

Стародубцева Наталья Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград.

Сулейманова Резида Ахметьяновна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания ФГБУН Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа.

Султангареева Розалия Асфандияровна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела фольклористики ФГБУН Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа.

Тазранова Алёна Робертовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ФБУН Института филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск.

Теуш Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания филологического факультета Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.

Токмашова Татьяна Анатольевна, учитель шорского языка и литературы школы-интерната № 3 г. Таштагол, Кемеровская область.

Турарова Кадиша Касымовна, старший преподаватель Алматы Менеджмент Университета, г. Алматы.

Уртегешев Николай Сергеевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ФБУН Института филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск.

Файзуллина Гузель Чахваровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологического образования Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева (филиала) ФГАОУ ВО "Тюменский государственный университет", г. Тобольск.

Федосеева Елена Николаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

Хабибов Лутфулла Гайфуллович, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры башкирского и других родных языков и литератур Института развития образования РБ, г. Уфа.

Хертек Аржаана Борисовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НОЦ «Тюркология» ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет», г. Кызыл.

Хисамитдинова Фирдаус Гилмитдиновна, член-корреспондент АН РБ, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель ФГБУН Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа.

Хусаинова Гульнур Равиловна, кандидат филологических наук, заведующий отделом фольклористики ФГБУН Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа.

Хуснуллина Роза Диясовна, кандидат филологических наук, преподаватель башкирского языка и истории, культуры Башкортостана МОАУ "Гимназия № 1", г. Нефтекамск.

Чамзырын Екатерина Тамбиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры тувинской филологии и общего языкознания ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет», г. Кызыл.

Чарина Ольга Иосифовна, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск.

Шаймухаметова Эмма Ахсановна, учитель русского языка и литературы МБОУ «Кояновская основная школа», Пермский край, с. Кояново.

Шайхисламова Зубаржат Фаниловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры башкирского языкознания и этнокультурного образования ФГБОУ ВО "Башкирский государственный университет", г. Уфа.

Шамсутдинова Гульгина Газнабиевна, старший лаборант-исследователь лаборатории лингвистики и информационных технологий отдела языкознания ФГБУН Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа.

Шарина Сардана Ивановна, кандидат филологических наук, заведующий сектором эвенской филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск.

Шаяхметов Рустам, независимый исследователь, г. Уфа.

Экба Зарема Назировна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, г. Москва.

Юлдыбаева Гульнар Вильдановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклористики ФГБУН Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа.

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор, директор Высшей школы татаристики и тюркологии им. Г. Тукая ИФМК Казанского федерального университета, г. Казань.

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания ФГБУН Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, г. Уфа.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Алпатов В. М.</i> Что такое диалект?	4
<i>Абдуллина А. Ш., Баграмова М. М.</i> Фонетические диалектизмы в повести «Живи и помни» В. Распутина	7
<i>Азнабаев Ә. М., Акбулатова Р. Т.</i> Кылымдар өлкәһендәге кайһы бер диалектизмдардың тарихи үсеше	10
<i>Бавуу-Сюрюн М. В.</i> Идиом уйгур-уряньхайцев Монголии	13
<i>Багирова Е. П., Марандина Е. Л.</i> Лексико-семантические отношения в диалектной фразеологии говоров юга Тюменской области	17
<i>Байдуллина А. Т.</i> Диалектные фразеологизмы, отражающие характеристику человека	21
<i>Бакиева Г. Т.</i> Пословицы и поговорки сибирских татар о семье	24
<i>Баһауетдинова М. И.</i> Туған телде укытыуҙа диалект һүҙҙәрҙең әһәмиәте	27
<i>Бекасова Е. Н.</i> О некоторых особенностях заимствований в оренбургских русских говорах	30
<i>Белякова С. М.</i> Феномен движения в эстетическом восприятии диалектоносителя	34
<i>Биданок М. М.</i> Влияние территориальных диалектов на формирование адыгейского литературного языка	37
<i>Боброва М. В., Шаймухаметова Э. А.</i> Фонетическая адаптация русской лексики татарским говором (на материале диалекта с. Кояново Пермского края)	40
<i>Булгаков Р. М.</i> О некоторых следах исторических остатков арабоалфавитной книжной культуры Башкортостана рубежа XIX–XX вв. в археографических находках 2014 г.	44
<i>Бурыкин А. А.</i> Древние тюркские заимствования в тунгусо-маньчжурских языках как источник для диалектологии, ареальной лингвистики и истории тюркских языков	51
<i>Бурыкин А. А., Насилов Д. М.</i> Географические и историко-этнографические факторы диалектогенеза: к типологии языковых ситуаций (тюркские, тунгусо-маньчжурские, монгольские языки)	56
<i>Бускунбаева Л. А., Сиразитдинов З. А., Хусаинова Г. Р., Ишмухаметова А. Ш., Шамсутдинова Г. Г.</i> К проблеме создания корпуса текстов афористических жанров башкирского фольклора	60
<i>Бухарова Г. Х., Нафиков Ш. В.</i> Башкирское диалектное <i>нурь</i> у 'размыть водой' — есть ли однокоренные слова в иносистемных языках?	63
<i>Валиева М. Р.</i> Диалектные сложные слова, образованные по схеме этноним+апеллятив	66
<i>Виноградов Д. В.</i> К вопросу о происхождении слова «бурлак» в свете изучения данных русских диалектов	68
<i>Галкина М. Е., Кетова М. В.</i> Дидактические возможности диалектного текста на уроках коми-пермяцкого языка в основной школе	72
<i>Ганиева Ф. А.</i> Способы словообразования названий пищи в ахтынском диалекте лезгинского языка	74
<i>Гарипов А. С.</i> Диалекты башкирского языка как источник для изучения народного костюма	76
<i>Гишев Н. Т.</i> Диалекты и литературный язык (на материале адыгских языков)	78
<i>Гусейнов Г.-Р. А.-К.</i> Лексические особенности кизлярского говора терского диалекта кумыкского языка в ареальном освещении	79
<i>Ғәббәсова Р. М.</i> Диалект шарттарында башкорт телен һәм әҙәбиәтен укытыу	82
<i>Давлетшина З. М.</i> Диалектные варианты названий полотенца в башкирском языке	84
<i>Закеев М. З.</i> Новый взгляд на изучение татарских диалектов и этногенеза	87
<i>Иванов В. А.</i> Звукоподражания финно-угорских языков Поволжья в сопоставлении с тюркскими	90

<i>Ившин Л. М.</i> О некоторых диалектных особенностях рукописных русско-вотских словарей Г.Е. Верещагина	94
<i>Ильева А. А.</i> Изучение тюркских заимствований в восточном диалекте марийского языка	98
<i>Искандарова С. А.</i> О персоязычных стихотворных произведениях из фонда рукописей ИИЯЛ УНЦ РАН.....	102
<i>Йәгәфәрова Г. Н.</i> Диалект шарттарында эзәби тел нормаларына өйрәтеү мәсьәләһенә карата.....	104
<i>Каксин А. Д.</i> К общей характеристике глаголов звучания в хантыйском языке (<i>на материале казымского диалекта</i>).....	107
<i>Каракаев Ю. И.</i> К вопросу о диалектном членении ногайского языка	111
<i>Кашкин Е. В.</i> Семантика глаголов закрывания в восточных говорах горномарийского языка	115
<i>Колосько Е. В.</i> Устаревшая модель социальной метафоры в русских народных говорах	119
<i>Красовская Н. А.</i> Проявление черт фольклоризации в текстах-воспоминаниях жителей Тульского края.....	123
<i>Кузбекова Р. А.</i> Судьба родных языков в век глобализации	126
<i>Кульсарина Г. Г.</i> Диалектизмы в текстах башкирского народного творчества	129
<i>Курбангалеева Г. М.</i> Русские говоры Башкортостана как этнокультурный феномен: генезис, функционирование и развитие	132
<i>Каскынова Г. Н.</i> Көнъяк диалекттың һакмар һөйләшсәһе үзенсәлектәре (<i>Ташлы Һәм Катралы буйы башкорттарының йәнле һөйләү теле һәм фольклоры миҫалында</i>)	136
<i>Қасым Б.Қ.</i> Бағалау мағынасының берілу тәсілдерімен мағыналық табиғаты	139
<i>Лхасаранова Б. Б.</i> Орфоэпия как лингвистическая основа обучения учащихся литературным нормам бурятского языка.....	143
<i>Люкина Н. М.</i> Изучение бесермянских говоров удмуртского языка на современном этапе.....	145
<i>Магомедов А. Дж.</i> Об одном тюркизме в названиях женских головных покрывал народов Дагестана	148
<i>Магомедов М. А., Магомедова М. М.</i> Падежное словоизменение в арадерихских говорах хунзахского диалекта аварского языка	151
<i>Макарова Д. В., Рогожина В. Ф.</i> Формирование навыков использования диалектных фразеологизмов в поликультурном учебном дискурсе	153
<i>Махмудов А. Р.</i> Языковые особенности гайнинских башкир	157
<i>Миндибаева З. Р.</i> Туған тел нескәлектәрен әй һөйләше шарттарында өйрәтеү.....	161
<i>Минһажетдинова Х.</i> Упкындарзан тартып алыусым минең Таңһылыу апай.....	163
<i>Мугумова А. Л.</i> Местные иноязычные лексические элементы русских терских говоров в контексте истории этноязыковой ситуации региона.....	166
<i>Муратова Р. Т.</i> Цветообозначение ‘желтый’ в тюркских языках Урало-Поволжья.....	169
<i>Мурзаева Т. И.</i> Современное состояние говора южнорусского типа на территории Саратовской области	172
<i>Мухтаров Т. Г.</i> Правовой режим башкирского языка в сфере дошкольного образования и проблемы его практической реализации	175
<i>Мызников С. А.</i> Тюркизмы в казачьих говорах	178
<i>Назаров Н.</i> Этнокультурные отличия лакайцев и их отражение в языке.....	182
<i>Никифорова О. В.</i> Отражение этнокультурной семантики в наименованиях частей крестьянской избы (<i>на материале нижегородских говоров</i>).....	185
<i>Николаев Е. Р.</i> О якутских образных женских именах собственных.....	188
<i>Николаева А. М.</i> Об особенностях диалектной лексики якутского языка.....	191
<i>Норманская Ю. В., Каримова Р. Н., Эмба З. Н.</i> К вопросу о диалектных особенностях первых башкирских книг на кириллице.....	195

Ооржак Б. Ч., Хертек А. Б., Кужугет М. А., Ондар В. С., Чамзырын Е. Т. Создание базы данных имени существительного для электронного корпуса текстов тувинского языка	197
Османова З. Жаңа қолданыстардың жасалу жолдары.....	200
Очирова Н. Ч., Бачаева С. Е., Мулаева Н. М. Исследование ойратских буддийских рукописей в научных фондах республики Калмыкия.....	203
Пашалыоглу Дж. «Дивану лугат ат-турк» как первый диалектологический словарь тюркских языков.....	207
Плотникова Л. И. Белгородский диалект: проблемы лексикографирования	210
Поляков О. Е. Микротопонимия на территории западного диалекта мокшанского языка (семантика и словообразование)	213
Попова Р. П. О роли курса «Коми диалектология» в подготовке специалистов-филологов в Сыктывкарском государственном университете	216
Псянчин Ю. В. Н. Х. Максютова: от описания восточного диалекта к западному диалекту башкирского языка (к 85-летию со дня рождения).....	219
Пятаева Н. В. Корневое гнездо весна // вешна в литературном языке и русских народных говорах: опыт реконструкции.....	228
Рогожина В. Ф. Функционирование диалектной лексики в произведении В. Мишаниной «Вальмафтома Куд» («Дом Без Окон»).....	232
Сажина С. А. Современное состояние языка кировских пермяков.....	237
Саидова П. А. Характерные особенности указательных и вопросительных местоимений андалальского диалекта аварского языка	241
Сельдюкова А. Т. Сравнительные конструкции в калтасинском диалекте восточного наречия марийского языка.....	243
Сиразитдинов З. А. Неутомимый исследователь живой речи (о Надергулове Урале Файзулловиче)	245
Соегов М. Из истории изучения языка туркмен, компактно проживающих вне современного Туркменистана (в России и других странах мира)	250
Сорокин А. А. Названия видов ножей и их составных частей в языке нымыланов-алюторцев	253
Сөләймәнова Р. Ә. Ғалимә һәм йәмәғәт эшмәкәре (Т. Х. Кусимованың тыуыуына 90 йыл тулыуға карата).....	259
Стародубцева Н. А., Датская М. В. Редупликация как способ выражения категории интенсивности в речи диалектоносителей Волгоградской области.....	261
Султангареева Р. А. Мифолингвистическая реконструкция сюжетных кодов башкирского эпоса «Акхак Кола» («Хромой Саврасый»).....	264
Тазранова А. Р. Лексические особенности телесского говора теленгитского диалекта	268
Теуш О. А. Заимствованная лексика с семантикой 'омут', 'водоворот' в севернорусских диалектах	272
Тұрарова Қ. Қ. Этнографиялық лексиканы оқытудың лингвистикалық негіздері.....	275
Уртегешев Н. С. Хантыйские согласные второго артикуляционного ряда (по соматическим данным)	278
Уртегешев Н. С., Токмашова Т. А. Фонематический статус звуков, обозначаемых графемой л, в языке шорского рода Таеш	281
Федосеева Е. Н. К вопросу о документировании коми-пермяцкого языка.....	285
Хабибов Л. Г. Татарские слова, освоенные диалектами удмуртского языка	288
Хисамитдинова Ф. Г., Файзуллина Г. Ч. Мифонимы мәскәй // мәңгәй, бапак // папак в языковом сознании башкир и сибирских татар	292
Хисамитдинова Ф. Г. Отражение диалектных особенностей башкирского языка в этнонимии родовых подразделений башкир	294
Хәснүллина Р. Д. Диалект шарттарында башкорт телен укытыуза лексик материалдарзы кулланыу (Тәтешле районы Иске Күрзем ауылы һөйләше миҫалында)	298

<i>Хөсәйенова Г. Р., Шәмсетдинова Г. Г. Хәзерге Курған башкорттарының йәнле һөйләү теле буйынса кайһы бер күзәтүҙәр (2016 йылда язып алынған «Кузыйкүрпәс менән Маяһылыу» тексы нигезендә)</i>	299
<i>Чарина О. И. Диалектные особенности русского фольклора колымчан и русскоустыинцев</i>	302
<i>Шайхисламова З. Ф. О вкладе профессора Н. Х. Максютковой в тюркскую диалектологию</i>	305
<i>Шарина С. И. Диалекты эвенского языка: состояние исследований и классификация. 308</i>	
<i>Шаяхметов Р. А. Славянские диалектизмы – ключ к пониманию праславянского образа Бабы-Яги–Змеихи</i>	312
<i>Юлдыбаева Г. В. Ашказар буйы фольклоры (2015 йылғы фольклор-тарих экспедицияһы материалдары буйынса)</i>	315
<i>Юсупова А. Ш. Роль и место диалектной лексики в татарско-русских словарях XIX века</i>	317
<i>Сведения об авторах</i>	322

Научное издание

Актуальные проблемы диалектологии языков народов России
Материалы XVII Всероссийской научной конференции
(Уфа, 1 – 2 июня, 2017 г.)

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка:
Ягафарова Г. Н.

Разработка и дизайн обложки:
Сурина Т.К.

Подписано в печать 12.05.2017
Формат 60х84_{1/8}. Бумага офсетная
Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 19,41
Тираж 300.

Отпечатано в ООО «Первая типография»
в полном соответствии с предоставленными оригинал-макетами.
450015 Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 65;
Тел.: +7(347)266-10-69; E-mail: ufaprint.net@gmail.com; <https://ufaprint.net>